Власть истории – История власти

Том 11. Часть 7. (№65)

The Power Of History – The History Of Power

Volume 11. Issue 7. (№65)

Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-61481 от 24 апреля 2015 г.

Эл № ФС77-61482 от 24 апреля 2015 г.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Власть истории – история власти» обязательна.

Рукописи рецензируются.

Журнал входит в Перечень **ВАК** (№ 694)

Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад в поддержку проекта.

ISSN 2415-7015
8 номеров в год
E-mail: etnosocium@mail.ru
Сайт: http://etnosocium.ru/vi
Язык: русский, английский.

Зам. гл. ред. С.В. Рыбаков
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro
Формат 60x90/16. Тираж экз. 500
Усл. п. л. 28,875

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «Этносоциум»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «Этносоциум», 105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Москва 2025

Certificate of registration of mass media

ПИ № ФС77-61481
Founded in April 24, 2015

Эл № ФС77-61482
Founded in April 24, 2015

The journal is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

"The Power Of History" aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

The journal is included in the list of **HAC** (№ 694)

We express our gratitude of the outstanding scientists and public figures, who made a financial contribution to the project.

ISSN 2415-7015
8 issues per year
E-mail: etnosocium@mail.ru
Website: http://etnosocium.ru/english/The-Power-Of-History-vi-iv
Languages: Russian, English

Deputy Chief Editor: Rybakov S.V.
Corrector: Belousova E.A.
Paper: offset
Types: Minion Pro
Format: 60x90
Copies: 500

The original layout was prepared by the International Publishing Center «Ethnosocium»
Printed in the printing house of the International Publishing Center «Ethnosocium»
105066, Moscow, Spartakovskaya st., 19, building 3.

Moscow 2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Зам. Главного Редактора, руководитель проекта:

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Рыбаков С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Долгенко А.Н., доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков. Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ненарокова М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН, ведущий научный сотрудник, отдел Классических литератур Запада и сравнительного литературоведения. Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ) РАН. Переводчик.

Нагорнова Е.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Никашина Н.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Клименко Д.А., кандидат филологических наук, специалист по Италии.

Мурашко С.Ф., кандидат психологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Ивакин Г.А., доктор исторических наук, профессор, эксперт. Заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО».

Наумова Г.Р., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ).

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ковалева Н.А., доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков Нанкинского университета (КНР).

Летуновский П.В., кандидат исторических наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Варсонофьев В.В., кандидат политических наук, военный эксперт.

Чапкин С.В., почетный академик, президент «Академии экологии и права».

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Игнатов И.С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Вражнова М.Н., доктор педагогических наук, профессор, МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Курбонзода Хонали, доктор исторических наук, Ректор Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников сферы образования, Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Платонова Н.М., доктор исторических наук. Доцент кафедры «Теория и история государства и права» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (г. Хабаровск).

EDITORIAL BOARD

Deputy. Chief Editor and Project Manager:

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Rybakov S.V., Doctor of historical sciences, Associate Professor of the history of Russian Ural Federal University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of National and Federal Relations of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Dolgenko A.N., Doctor of Philology. Head of the Department of Russian and Foreign Languages at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Nenarokova M.R., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Leading Researcher, Department of Classical Literature of the West and Comparative Literature. Institute of World Literature RAN. Interpreter/Translator.

Nagornova E.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages at the Institute of Foreign Languages of the Peoples' Friendship University of Russia.

Nikashina N.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Klimenko D.A., Candidate of Philology, specialist in Italy.

Murashko S.F., Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,

Expert. Deputy Director of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Psychological Institute of the Russian Academy of Education".

Naumova G.R., Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councellor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kovaleva N.A., Doctor of Philology, Associate Professor. Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Institute of Foreign Languages of Nanjing University (PRC).

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the A.M. Vassilevsky Soviet Union.

Varsonofiev V.V., Candidate of Political Science, Military expert.

Chapkin S.V., Honorary Academician, President of the "Academy of Ecology and Law".

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor.

Ignatov I.S., Candidate of Political Sciences, senior advisor of justice.

Vrajnova M.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Road Construction University (MADI).

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences, Rector of the «National Institute of professional development and training of educators».

Platonova N.M., Doctor of Historical Sciences. Associate Professor of the Department "Theory and History of State and Law" of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Far Eastern State University of Communications" (Khabarovsk).

Содержание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЛИНГВИСТИКА

Долгенко А.Н., Косырева М.С.
Концепт «образование» в русской фразеологии.....14
Брагина Э.Р. Германизмы в экономической
терминологии русского языка: исторический период
с XIX до начала XX века и современные тенденции.....21
Толоконникова О.А. Лингвистическая характеристика
концепта как единицы формирования лингвокультурологической
компетенции китайских студентов-филологов
в процессе обучения русскому языку как иностранному.....31
Степанова П.С. Влияние префикса
на значение слова с корнем «НЮХ».....41
Сабитова А.М., Кмин А.И.
Стилистико – семантические особенности
имен прилагательных в современном молодёжном сленге.....55
Новичкова О.В. Методика преподавания
русского языка в современной школе.....63
Кунгурова И.М., Залевская В.Ю.,
Колесова Я.А., Лоншакова Д.Д., Червова А.А.
Развитие социокультурной компетенции
на уроках английского языка у учащихся средней школы
посредством англоязычных литературных произведений.....71
Ильясов В.С. Фразеология суры «Семейство Имрана».....83
Долгенко А.Н., Лыткина О.И.
Устойчивые конструкции в академическом тексте.....92

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Васильченко О.А. Историческая память и социальный
институт семьи на Дальнем Востоке как ее хранитель
на примере Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.....99
Пономаренко Е.В., Казанцев В.П., Попов Г.Г. Польская
кампания вермахта 1939 г. и советский военный фактор.....107
Казанцев В.П., Пономаренко Е.В., Райзман В.В.
Потенциал Западного фронта РККА
в первые дни Великой Отечественной войны.....126

Яхимович С.Ю. «Три нуля означает Конференция»:
профессиональный союз рабочих металлистов
в районе Китайско-Восточной железной дороги в 1920-е гг.....140
Ермишкин В.В., Матюханов В.Н., Заворохина Н.С. Особенности
развития конституционализма в России: исторический аспект.....149
Темmоев И.Ю., Аккиева С.И.
Административные и судебные реформы в пореформенный
период в Терской области (на примере Балкарии).....158
Заббарова Л.М., Тухватулин А.Х., Костина Е.Н.
Историография татар Южного Урала.....168
Зубов А.Ю. Социальный облик офицеров флота Российской Империи
в период русско-японской войны 1904-1905 годов.....177
Зуев А.В. Русское общество
коммерческого пароходства (1912-1917 гг.).....185
Козлов В.А., Михеев Д.Ю. Периодическая печать
Сибири в годы Великой Отечественной войны.....194
Орлов Е.И. СССР и страны лимитрофы
в системе советских интересов.....203
Айбазов А.И., Схаляхо Р.А. К вопросу о наличии этнонима
«алан» в сванском языке (по материалам первой половины XIX века)...213
Тутаева Л.О. Влияние неофитства
на традиционные ценности ингушского народа.....221
Фан-Юнг Г.Ю. Роль завода фирмы З.М. Персица
в развитии Нижегородского края в начале XX века.....230
Хван Д.А. Методика институциональной адаптации
политической системы к вызовам VUCA-мира: наследие прошлого.....242
Хубиева А.А. Исторический аспект
становления института персональных данных в России.....258
Ермишкин В.В., Матюханов В.Н., Синегубов С.Н.
Формирование общества потребления в СССР
1950-1980-х гг. как фактор культурной и экономической
интеграции в общемировую капиталистическую систему.....266
Лебедев А.Л., Личак Н.А. Коммуникативные практики
и социальные реалии повседневности в вузовских газетах
СССР конца 1950 — начала 1960-х годов: опыт изданий ЯМИ и ЯТИ....274
Кальченко П.Д. Влияние
немецко-фашистских оккупантов на духовно-религиозное
мировоззрение детей г. Ворошиловграда (1942-1943 гг.).....286

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Убунту в глобальной политике: этика взаимозависимости для новой эпохи международных отношений.....300

Ярцев С.В., Мартыненко А.Ю. Политическая история южных фракийцев в зарубежной и отечественной историографии.....311

Салихов Р.Т., Гали Б.Т., Галиуллин Р.Р., Гатауллина Л.Н. Историческая эволюция религиозного мистицизма в исламе.....320

Демидов А.В. Россия и Прибалтика: историческая ретроспектива. Часть вторая: Ливонская война 1558–1584 гг.....328

Аджиева З.И., Борлакова Ф.А., Кулчаев Б.А. Вопросы социально-имущественной дифференциации населения Карачая и Черкесии в годы НЭПа.....335

Аль Есбили Ф.С.М., Аль Рахаби М.А.М. Внешняя политика объединенного Йемена (1990–2011 гг.).....342

Антви Б.Б. Влияние Ломейской конвенции IV (1990-2000) на показатели торговли в Гане.....353

Ковалев А.В. Влияние и значение политической доктрины Джона Локка.....362

Малышенко Г.И. Парад воинской славы в Харбине 1945 года.....372

Балде Х.У. Сотрудничество Португалии и Гвинеи-Бисау в сфере сельского хозяйства: достижения и вызовы.....389

Ци Цзясюй Сравнительное исследование социалистического права с китайской спецификой и суверенного права России.....399

Цуй Цзяньпин Борьба держав вокруг управления Китайско-Восточной железной дорогой в 1904-1917 гг.....408

Долгушина П.С., Шостак В.А., Заворохина Н.С. Проявления религиозного фанатизма средневековой Европы через призму феномена тотальной экстерминации кошек.....419

Аннотации.....426

Авторы.....456

Content

PHILOLOGICAL SCIENCES, LINGUISTICS

Dolgenko A.N., Kosyreva M.S.
The Concept of "Formation" in Russian Phraseology.....14
Bragina E.R. Germanisms in the economic terminology of the Russian language: historical period from the 19th to the beginning of the 21st centuries and modern trends.....21
Tolokonnikova O.A. Linguistic characteristics of the concept as a unit of linguistic and cultural competence formation among Chinese philology students in the process of learning Russian as a foreign language.....31
Stepanova P.S. The influence of the prefix on the meaning of a word with the root "NYUKH".....41
Sabitova A.M., Kmin A.I.
Stylistic and semantic features of adjectives in modern youth slang.....55
Novichkova O.V. Methods of teaching Russian in modern schools.....63
Kungurova I.M., Zalevskaya V.Y., Kolesova Y.A., Lonshakova D.D., Chervova A.A. Development of secondary school students' socio-cultural competence at English lessons by means of English-language literary works.....71
Ilyasov V.S. Phraseology of Surah "The family of Imran".....83
Dolgenko A.N., Lytkina O.I. Set phrases in academic text.....92

ACTUAL QUESTIONS OF HISTORICAL SCIENCES

Vasilchenko O.A. Historical memory and the social institution of the family in the Far East as its keeper using the example of the Great Patriotic War of 1941–1945.....99
Ponomarenko E.V., Kazantsev V.P., Popov G.G. The Polish campaign of the wehrmacht in 1939 and the Soviet military factor.....107
Kazantsev V.P., Ponomarenko E.V., Raizman V.V. The art of education at military universities: creating a model of an effective educational environment.....126
Yakhimovich S.Y. "Three zeros means Conference": the professional union of metalworkers in the area of the China-Eastern Railway in the 1920s.....140

Ermishkin V.V., Matyukhanova V.N., Zavorokhina N.S.
Features of the development
of constitutionalism in Russia: historical aspect.....149
Temmoev I.Y., Akkieva S.I. Administrative
and judicial reforms in the post-reform period in the territory
of the Terek region (based on the example of Balkaria).....158
Zabbarova L.M., Tuhvatullin A.H., Kostina E.N.
Historiography of the Tatars of the Southern Urals.....168
Zubov A.Yu. The social appearance of naval officers
of the Russian Empire during the Russo-Japanese War of 1904-1905.....177
Zuev A.V. Russian commercial shipping company (1912-1917).....185
Kozlov V.A., Mikheyev D.Y.
Periodical press of Siberia during the Great Patriotic War.....194
Orlov E.I. The USSR and the limitropha
countries in the system of soviet interests.....203
Aibazov A.I., Skhalyakho R.A. To the question
of the presence of the ethnonym "Alan" in the Svan language
(based on materials from the first half of the 19th century).....213
Tutaeva L.O. The influence of neophyticism
on the traditional values of the Ingush people.....221
Fan-Yung G.Yu. The role
of the Z.M. Persitz factory in the development
of the Nizhny Novgorod region in the early XXth century.....230
Khvan D.A. Methodology
of institutional adaptation of the political system
to the challenges of the VUCA world: legacy of the past.....242
Khubieva A.A. Historical aspect
of the formation of the institute of personal data in Russia.....258
Ermishkin V.V., Matyukhanov V.N., Sinegubov S.N. The formation
of a consumer society in the USSR in the 1950s and 1980s as a factor
of cultural and economic integration into the global capitalist system.....266
Lebedev A.L., Lichak N.A. Discursive practices
and everyday social realities in Soviet higher education newspapers
(late 1950s – early 1960s): the YMI and YTI experience.....274
Kalchenko P.D. The influence
of the Nazi occupiers on the spiritual and religious worldview
of children in Voroshilovgrad (1942-1943).....286

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND GENERAL HISTORY

Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Ubuntu in global politics:
an ethics of interdependence for a new era of international relations.....300
Yartsev S.V., Martynenko A.Y. The political history
of the southern Thracians in foreign and domestic historiography.....311
Salikhov R.T., Gali B.T., Galiullin R.R., Gataullina L.N.
The historical evolution of religious mysticism in Islam.....320
Demidov A.V. Russia and the Baltic States:
a historical retrospective. Part two: Livonian War 1558–1584.....328
Adzhieva Z.I., Borlakova F.A., Kulchaev B.A.
Issues of social and property differentiation of the population
of Karachay and Cherkessia during the NEP years.....335
Al Esbili F.S.M., Al Rahabi M.A.M.
Foreign policy of the united Yemen (1990–2011).....342
Antwi B.B. The impact of the Lomé IV Convention
(IV: 1990-2000) on trade performance in Ghana.....353
Kovalev A.V. The influence
and significance of John Locke's political doctrine.....362
Malyshenko G.I. Harbin military glory parade in 1945.....372
Balde H.U. Cooperation between Portugal
and guinea-Bissau in agriculture: achievements and challenges.....389
Qi Jiaxu Comparative study of socialist law
with Chinese characteristics and Russian Sovereign law.....399
Cui Jianping The struggle of the powers
over the management of the Sino-Eastern Railway in 1904-1917.....408
Dolgushina P.S., Shostak V.A., Zavorokhina N.S.
The manifestations of religious fanatism in medieval Europe
through the prism of the phenomenon of total extermination of cats.....419

Abstracts.....442
Authors.....459

Долгенко А.Н.

Доктор филологических наук, доцент. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Косырева М.С.

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков. Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии.

Концепт «образование» в русской фразеологии*

Аннотация. Статья посвящена изучению семантической структуры, культурных коннотаций, исторической и современной трансформации концепта «образование» на материале фразеологических единиц русского языка. Русская фразеология формирует особую аксиологическую парадигму, синтезирующую православные духовные традиции с прагматическими ценностями, что составляет особую философию образования. Система русских фразеологизмов демонстрирует динамический баланс между традиционным и новым в образовании, способствуя сохранению культурной идентичности.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, русская фразеология, концепт «образование».

Dolgenko A.N.

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor. Head of the Department of Russian and Foreign Languages, A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Kosyreva M.S.

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Order of Zhukov Novosibirsk Military National Guard Troops Institute.

* © Долгенко А.Н., Косырева М.С., 2025.

The Concept of "Formation" in Russian Phraseology

Abstract. The article is devoted to the study of the semantic structure, cultural connotations, historical and modern transformation of the concept of "formation" on the material of phraseological units of the Russian language. Russian phraseology forms a special axiological paradigm, which synthesizes Orthodox spiritual traditions with pragmatic values, which constitutes a special philosophy of formation. The system of Russian phraseological units demonstrates a dynamic balance between the traditional and the new in formation, contributing to the preservation of cultural identity.

Key words: Russian linguistic worldview, Russian phraseology, concept of "formation".

Концепт «образование» занимает центральное место в русской языковой картине мира, выполняя когнитивную, аксиологическую и социокультурную функции. В данной статье представлены результаты системного анализа семантической структуры, культурных коннотаций и современной трансформации концепта «образование» на материале фразеологических единиц русского языка.

Фразеология занимает уникальное положение в системе языка, выступая своеобразным мостом между лингвистикой и культурой, сохраняющим историческую память народа. В устойчивых выражениях, непосредственно описывающих образовательный процесс, чётко прослеживается уникальное понимание сущности образования русским народом. Обратимся к подчёркивающей идею непрерывного обучения фразе «Век живи — век учись», которая образует смысловую пару с противопоставлением «Ученье — свет, а неученье — тьма». Характерно, что подобные выражения часто используют контрастные структуры, как в примере «Учиться — всё равно что грести против течения», где образ течения подчёркивает необходимость постоянных усилий в обучении.

При более детальном анализе обнаруживается характерная дуальность в восприятии ценности знаний. Это особенно заметно при сопоставлении фразеологических единиц «Знание — венец на голове» и «Без наук — как без рук». Аналогичную систему ценностей демонстрирует «Учение — лучшее богатство», ставящее знания выше материальных благ, что находит продолжение в метафоре «Книги — корабли мысли».

На уровне метафорических выражений русский язык создаёт оригинальные модели познания через природные образы. «Без муки нет науки» в сочетании с «Повторение — мать учения» образуют диаду, подчёркивающую как трудности обучения, так и важность закрепления знаний. Особый философский смысл несёт «Ученье — путь к умению», представляющее об-

разовательный процесс как пространственное перемещение.

Особое место занимают метафоры растительного мира. «Корень учения горек, да плод его сладок» вместе с «Знания, как молодые побеги, требуют ухода» создают целостную модель, акцентирующую этапность познания, что отражено и в пословице «Сперва аз да буки, потом и науки».

Водная символика также играет значительную роль. «Ум — как ручей» в сочетании с «Знание — как родник: чем больше черпаешь, тем больше становится» подчёркивают динамичность и возобновляемость знаний, создавая контраст с западноевропейскими статичными метафорами.

Ценностные ориентации в русских образовательных пословицах отличаются национальным своеобразием. «Терпение и труд всё перетрут» вместе с «Без труда не выловишь и рыбку из пруда» формируют этику трудолюбия, используя бытовые образы для конкретизации абстрактных понятий.

Особого внимания заслуживает оригинальное понимание мудрости. «Умный в гору не пойдёт» в паре с «Умный не тот, кто много знает, а тот, кто знает нужное» создают прагматичную концепцию интеллекта, развиваемую в афоризме «Знание — сила, но умение — власть».

Социальный аспект образования также находит отражение в содержании концепта. «Учёному везде дорога» и «Грамоте учиться — вперед пригодится» показывают роль образования как социального лифта, что подтверждается утилитарным «Кто грамотен, тот не пропадет».

Русская фразеология, таким образом, создаёт целостную концептуальную систему: от «Век живи — век учись» до «Знание — венец на голове», от «Ум — как ручей» до «Терпение и труд всё перетрут». Эти выражения формируют уникальную образовательную парадигму, синтезирующую православные духовные традиции с прагматическими ценностями, что составляет особую философию образования.

Анализ семантических особенностей русских фразеологизмов, реализующих концепт «образование», позволяет глубже и яснее осознать скрытые в этих языковых явлениях культурные коды. Анализе исторических традиций, ценностных ориентаций и социальных представлений, которые несут эти языковые формы, позволяет раскрыть уникальную философскую систему образования русского народа.

Для понимания культурных основ российского взгляда на образование необходимо прежде всего обратиться к его религиозным истокам. Русское понимание образования глубоко укоренено в православной духовной традиции, что проявляется в уникальном сочетании сакрального и мирского в фразеологизмах. Возьмем, к примеру, пословицу «На Бога надейся, а сам не плошай», которая прекрасно иллюстрирует диалектическое единство «веры и действия», соединяя религиозное благочестие с практическими усилиями. Такой дуалистический способ мышления от-

ражает глубокую связь между духовными исканиями и повседневной жизнью в русской культуре.

При более детальном рассмотрении можно заметить, что подобные фразеологизмы часто сочетают церковную лексику с бытовой, создавая особый языковой стиль. Ярким примером служит выражение «Молитва с верой — половина учения», где соседствуют слова «молитва» и «учение». Это языковое явление не только демонстрирует проникновение религии в сферу образования, но и указывает на особое восприятие обучения как формы духовного совершенствования.

Стоит обратить особое внимание на специфические формы проявления религиозных элементов в русских образовательных пословицах. Другая группа выражений, отражающих духовное воспитание, — «Божий дар — разум» и «С верой и учение легче» — выстраивает симбиотические отношения между «верой и разумом». Анализируя эту концепцию, мы обнаруживаем ее истоки в особом православном понимании «премудрости», которое отличается как от западного рационализма, так и от восточного мистицизма, представляя собой уникальный русский путь.

Переходя от религиозной традиции к современной истории, мы можем проследить, как русские фразеологизмы отражали социальные преобразования. Образовательная революция XX века оставила яркий след в языке, следы которого до сих пор влияют на российский образовательный дискурс. Характерным примером служит переосмысленный вариант высказывания Ф. Бэкона «Знание — сила», который в советский период приобрел новое коллективистское звучание, став лозунгом всеобщего образования.

Эта трансформация образовательных концепций не была изолированным явлением. Системную связь можно проследить с призывом В.И. Ленина «Учиться, учиться и ещё раз учиться», который возвел обучение в ранг политической задачи государственного строительства, отразив базовую идею образования как инструмента служения обществу. Такой переход от сугубо личного совершенствования к инструменту социального строительства нашел четкое отражение в языке.

Для более глубокого понимания образовательных идеалов советского периода необходимо рассмотреть их ценностную систему. Особый интерес представляет пара «Готов учиться — готов трудиться» и «В труде — честь, в учёбе — свет». Эти выражения создают ценностное уравнение «учение – труд», отражающее принцип единства теории и практики в советской педагогике.

В современном обществе русские фразеологизмы, реализующие концепт «образование», получают дальнейшее развитие. Современный русский язык отражает диалог различных образовательных концепций,

раскрывающий ценностные конфликты и синтез в период социальной трансформации. С одной стороны, пословица «Старое учение — новому не помеха» выражает уважение к традициям, с другой стороны, «Новое время — новые знания» подчеркивает необходимость соответствия современности. Это противоречие составляет основу напряженности в современном российском образовательном дискурсе. Однако эта напряженность не является непреодолимой. В таких выражениях, как «Традиции — фундамент, инновации — крылья», мы видим, как творчески разрешается противоречие между традицией и современностью, выстраивается диалектика преемственности и развития. Эта мудрость нахождения баланса имеет важное значение для понимания современных реформ образования в России.

Вызовы цифровой эпохи породили новые выражения, такие как «Цифровой век — цифровое учение», непосредственно реагирующее на технологические изменения, или «Без прошлого нет будущего, но без нового нет прогресса», пытающееся уравновесить историческую преемственность и инновационные потребности. Эти новые фразеологизмы активно формируют современную систему образовательных представлений, отражая глубокие трансформации педагогических идеалов в информационную эпоху.

С точки зрения культурного сравнения русские фразеологизмы демонстрируют уникальную «троичную» структуру: во временном измерении они соединяют традиции и современность; в аксиологическом — объединяют духовное и материальное; в социальном — уравновешивают личное и коллективное. Этот многомерный баланс представляет собой не просто языковое явление, но воплощение квинтэссенции русской философии образования, предоставляя важные культурные ориентиры для понимания развития образования в России.

Следует отметить, что под влиянием глобализации и цифровизации русские фразеологизмы об образовании претерпевают семантическую реконструкцию и функциональную эволюцию. Для понимания эволюции современных русских «образовательных» фразеологизмов необходимо прежде всего обратиться к традиционным ценностям, выдержавшим испытание временем. Примечательно, что многие традиционные образовательные ценности сохраняют свою жизнеспособность в современном русском языке. Например, пословица «Век живи — век учись» приобрела новое звучание в условиях экономики знаний, где она теперь подчеркивает необходимость постоянного профессионального развития. Такое семантическое расширение отражает изменившиеся потребности современного общества в непрерывном обучении.

Особого внимания заслуживает современное применение пословицы «Ученье — свет, а неученье — тьма». Световая метафора этого выражения была перенесена в сферу цифровой грамотности, предупреждая о когнитивных рисках информационной эпохи. От традиционной грамотности к цифровой — эта семантическая миграция демонстрирует эволюцию образовательного содержания.

Ярким примером современной трансформации традиционных ценностей служит пословица «Терпение и труд всё перетрут». Сегодня она часто встречается в контексте инновационного предпринимательства, где её основная ценность расширилась от простого физического упорства до включения современных концепций психологической устойчивости. Такое семантическое развитие отражает переосмысление понятия «труд» в современном обществе.

Анализ изменений в методике преподавания демонстрирует сложное взаимодействие традиционных и современных концепций. В методическом аспекте традиционная идея механического запоминания, выраженная в «Повторение — мать учения», вступает в творческое противоречие с концепцией «Учение с увлечением».

В условиях глобализации русские образовательные фразеологизмы переживают сложное взаимодействие локального и универсального. Религиозные элементы в выражении «На Бога надейся, а сам не плошай» постепенно теряют актуальность среди молодого поколения, но его основная ценность — самостоятельность — переосмысляется как развитие критического мышления. Наиболее показательным является творческий синтез традиционных и современных образовательных концепций. Особый интерес представляет диалектическое соединение традиционной концепции коллективной мудрости «Ум — хорошо, а два — лучше» с современным «Индивидуальный подход». Этот синтез породил гибридные выражения типа «Коллективная мудрость — персональный рост», демонстрирующие способность русской образовательной философии к инновационной адаптации. Появление таких новых выражений свидетельствует о формировании особого «третьего пути» в российском образовательном дискурсе.

Подводя итог, следует отметить, что система русских фразеологизмов об образовании демонстрирует двойной процесс «творческой трансформации традиций» и «локализации глобальных тенденций». Этот динамический баланс сохраняет культурную идентичность, обеспечивая одновременно когнитивную языковую основу для модернизации образования. Концепт «образование», воплощающийся в русской языковой картине мира фразеологическими средствами, оказывается надежным проводником традиционных ценностей.

Библиографический список:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. 913 с.
2. Воркачёв С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
3. Богословская В.Р., Долгенко А.Н., Мурашко С.Ф., Рудакова С.В. Диалектика развития русской лингвокультуры в начале XXI века // Власть истории – История власти. 2023. Том 9. Часть 4. (№ 46). С. 12-19.
4. Долгенко А.Н., Косырева М.С. Мурашко С.Ф. Гетеростереотипы русской лингвокультуры начала XXI века // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 10 (88). С. 94-97.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. 390 с.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 112 с.
7. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. – М.: Academia, 1997. С.280-287.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2019. 208 с.
9. Пименова М.В. Языковая картина мира. – М.: ФЛИНТА, 2014. 108 с.
10. Степашко Л.А. Философия и история образования. – М.: Флинта, 2006. 272 с.
11. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
12. Мокина Л.С. Зарубежные модели цифровизации экономики и возможность их применения в российской практике // Альманах «Крым». 2025. № 47. С. 71-75.
13. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Роль некоммерческих организаций в укреплении здравоохранения и обеспечении доступности медицинской помощи // Культура Мира. 2024. Т. 12. № 37 (2). С. 14-23.

Reference

1. Arutyunova N.D. Language and the World of Man. – Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. 913 p.
2. Vorkachev S.G. Lingvoculturology, linguistic personality, concept: the formation of the anthropocentric paradigm in linguistics. Philological sciences. 2001. № 1. P. 64-72.
3. Bogoslovskaya V.R., Dolgenko A.N., Murashko S.F., Rudakova S.V. Dialectics of the development of Russian linguoculture at the beginning of the 21st century // The Power of History – History of Power. 2023. Volume 9. Part 4. (№ 46). P. 12-19.
4. Dolgenko A.N., Kosyreva M.S. Murashko S.F. Heterostereotypes of Russian Linguistic Culture at the Beginning of the Twenty-First Century // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2015. № 10 (88). P. 94-97.
5. Karasik V.I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Moscow: Gnosis, 2004. 390 p.
6. Kubryakova E.S. Language and Knowledge. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 112 p.
7. Likhachev D.S. Conceptual Sphere of the Russian Language // Russian Literature: From Literature Theory to Text Structure. – Moscow: Academia, 1997. P. 280-287.
8. Maslova V.A. Lingvoculturology. – Moscow: Academy, 2019. 208 p.
9. Pimenova M.V. Linguistic picture of the world. – M.: FLINTA, 2014. 108 p.
10. Stepashko L.A. Philosophy and history of education. – M.: Flinta, 2006. 272 p.
11. Telia V.N. Russian phraseology: Semantic pragmatic and linguocultural aspects. – M.: School “Languages of Russian Culture”, 1996. 288 p.
12. Mokina L.S. Foreign models of economic digitalization and the possibility of their application in Russian practice // Almanac “Crimea”. 2025. № 47. P. 71-75.
13. Ryabova E.L., Chapkin N.S. The role of non-profit organizations in strengthening health care and ensuring access to medical care // Cultural World. 2024. Vol. 12. № 37 (2). P. 14-23.

Брагина Э.Р.

Кандидат филологических наук, доцент отдела междисциплинарных научных исследований, инноваций и подготовки научно-педагогических кадров. Отдел междисциплинарных научных исследований, инноваций и подготовки научно-педагогических кадров. Государственное Бюджетное Учреждение «Институт экономических исследований». Донецк, Донецкая Народная Республика. SPIN-код: 3135-4159

Германизмы в экономической терминологии русского языка: исторический период с XIX до начала XX века и современные тенденции*

Аннотация. В статье рассматривается влияние германизмов на современную экономическую терминологию русского языка, с акцентом на их историческое вхождение с XIX до начала XXI в.в. в состав русского языкового корпуса и актуальные тенденции. Исследование включает корпусный и структурный анализ, а также метод кейс-стадии, что позволяет глубже понять природу и использование немецких заимствований. Особое внимание уделяется количественному и процентному подсчету германизмов, их распределению по различным областям применения и тематическим группам. Анализируется роль германизмов в обогащении экономической лексики, а также степень их интернационализации и принадлежность к общеупотребительной, научной, межотраслевой и узкоспециализированной лексикам. Результаты показывают, как немецкие заимствования способствовали формированию и развитию экономического дискурса в русском языке, подчеркивая их значимость для современного языкового пространства. Данное исследование — это комплексный анализ германизмов в экономической терминологии русского языка, что делает его актуальным и ценным для дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: германизмы, экономическая терминология, русский язык, историческое вхождение, языки-посредники, этимологические цепочки, язык-донор, тематические группы, область применения, интернационализмы.

Bragina E.R.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Interdisciplinary Scientific Research. Innovations, and Training of Scientific and Pedagogical Personnel. Department of Interdisciplinary Scientific Research, Innovations, and Training of Scientific and Pedagogical Personnel, State Budgetary Institution "Institute of Economic Research", Donetsk, Donetsk People's Republic. SPIN-code: 3135-4159

* © Брагина Э.Р., 2025.

Germanisms in the economic terminology of the Russian language: historical period from the 19th to the beginning of the 21st centuries and modern trends

Abstract. This article examines the influence of Germanisms on the modern economic terminology of the Russian language, with an emphasis on their historical incorporation into the Russian language from the 19th to the beginning of 21st centuries. The study includes corpus and structural analysis, as well as a case study method, allowing for a deeper understanding of the nature and use of German borrowings. Special attention is given to the quantitative and percentage counting of Germanisms, their distribution across various fields of application, and thematic groups. The role of Germanisms in enriching economic vocabulary is analyzed, as well as their degree of internationalization and belonging to general literary, scientific, interdisciplinary, and specialized vocabularies. The results demonstrate how German borrowings contributed to the formation and development of economic discourse in the Russian language, highlighting their significance for the modern linguistic landscape. This research represents a comprehensive analysis of Germanisms in the economic terminology of the Russian language, making it relevant and valuable for further studies in this area.

Key words: Germanisms, economic terminology, Russian language, historical incorporation, intermediary languages, etymological chains, donor language, thematic groups, field of application, internationalisms.

Введение.

Немецкие заимствования в русском языке это не только интересный лингвистический феномен, но и зеркало истории межнациональных взаимоотношений, отражающее переплетения судеб двух народов в экономической, политической, научно-технической, военной сферах, а также в области литературы и туризма [1, С. 27].

Материалы и методы.

В ходе исследования мы используем методы корпусного анализа терминов, структурного анализа терминов, метод кейс-стадии (подробный разбор большого количества терминов), методики процентного и количественного подсчета. Выборка произведена из следующих источников: Экономический словарь терминов [2], Словарь экономических терминов [3], «Тематический толковый словарь для делового общения (русский, английский, испанский)» 1 и 2 тома [4, 5], «Морфемно-орфографический словарь» Тихонова А. Н. [6], «Этимологический словарь русского языка» Крылова Г.А. [7], «Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам» 1, 2 и 3 тома Срезневского И.И. [8, 9, 10], «Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней» Михельсона А.Д. [11], «Этимологический

словарь современного русского языка» 1 и 2 тома Шапошникова А.К. [12, 13].

Целью нашего исследования является анализ немецких заимствований, вошедших в русское языковое пространство с XIX века по XXI век включительно, анализ исторических вех этого периода, способствовавших активизации процесса интеграции германизмов; проведение тематического анализа заимствованной немецкой лексики, вошедшей поэтапно в языковое пространство русского языка; анализ этимологических цепочек, определение характера заимствований и языков-посредников. Более подробно остановимся на анализе германизмов в современной терминологии экономики в русском языке, вошедших в русский язык в период с XIX века до начала XXI век включительно, который будет включать их количественный и процентный подсчет, принадлежность к общеупотребительной, общенаучной, межотраслевой и узкоспециализированной (экономической) лексики и количественное представление в каждой области применения, анализ тематических групп терминологии экономики, в которых употреблены термины-германизмы. Роль германизмов в обогащении терминологии экономики в русском языке и степень интернационализации германизмов будет определена сквозь призму исследования интернационального характера терминов с немецкой этимологией, определением процентного соотношения германизмов-интернационализмов, их принадлежности к тематическим группам и областям применения. Такое комплексное исследование заимствований с немецкой этимологией в терминологии экономики в русском языке проводится впервые, что обуславливает научную значимость нашего исследования.

Результаты и обсуждения.

В нашем исследование мы называем германизмами все заимствования из современного немецкого, древневерхненемецкого, средненижненемецкого и средневерхненемецкого языков, вследствие чего вышеперечисленные языки являются языками-донорами германизмов в русском языке в целом и в терминологии экономики в русском языке в частности. В ходе нашего исследования мы выделили 6 исторических периодов вхождения германизмов в русское языковое пространство: 1 период, Древний период — 1 часть с III по IV век включительно и 2 часть с VIII по XIV век; 2 период, позднее Средневековье с XV по XVII век; 3 период, Петровская эпоха и XVIII век; 4 период, с XIX до начала XX века; 5 период, Советский период с 1917 до 1991 и 6 период, Постсоветский период. Историческими вехами этих периодов стали события в экономической, политической, военной, научной и технических сферах страны, которые интенсифицировали процесс заимствования иноязычной лексики. Причинами интенсификации заимствований являлись тесные экономические отношения между Россией и Германией, наибольшее количество германизмов в

современной терминологии экономики в русском языке приходится как раз на 3 и 4 исторические периоды, когда слова с немецкой этимологией не воспринимались носителями языка враждебно и болезненно. История взаимоотношений России и Германии имеет и периоды потепления и периоды открытой вражды, которые сменяют друг друга на протяжении веков. Такого рода «американские горки» мы можем наблюдать и по количеству заимствованной лексики, степени ее адаптации, той коннотативной окраски, которую она приобретает в процессе «обрусения». Таким образом, мы можем провести параллель между государственной векторной политикой, направленной на тенденцию объединения с Западом и увеличением заимствованного иноязычного словарного состава, скоростью его адаптации и популяризации среди широких слоев населения.

В этой статье мы подробно остановимся на 4 историческом периоде вхождения немецкой лексики в русский словарный состав.

4 период, XIX – начало XX века. Один из главных экстралингвистических факторов, способствовавший обогащению словарного корпуса заимствований из немецкого языка в русский лексикон в период XIX – начало XX века является, прежде всего, государственная политика России, направленная на развитие экономики и промышленности, военного корпуса, научных достижений и городской культуры. Немаловажными факторами германизации словарного русского корпуса послужили также необходимость номинации новых явлений капиталистических реалий в политико-экономической сфере страны, военно-политические и экономические отношения с Германией, формирование российской армии по прусскому образцу. Одним из основных языков коммуникации этого периода среди всех слоёв населения России являлся немецкий язык.

В период XIX – начало XX века российская экономика развивалась в унисон с экономикой Германии, заимствуя новые технологии, открытия в медицинской и научной сферах, систему чинов и делопроизводства, форму ведения бухгалтерской отчётности. Немецких специалистов, военных, инженеров, учителей, архитекторов, часовщиков, ремесленников приглашали на работу в Россию в больницы, учебные заведения, заводы, фабрики, каменоломни, горнодобывающее производство и другие сферы для внедрения передового опыта, что способствовало активизации процесса обогащения русского языкового пространства терминами с германской этимологией напрямую без языков-посредников.

Городская культура подверглась значительным изменениям в результате развития и увеличения количества немецких поселений, представляющих собой мини-немецкие государства с развитой инфраструктурой на территории России, где немецкий язык функционировал и ассимилировался. Яркими примерами служат Немецкая слобода в Москве; Колпино,

Шлиссельбург и Детское Село в пригороде Санкт-Петербурга; немецкие кварталы и общины в Ростове-на-Дону, Иркутске, Таганроге, Одессе и других городах Российского государства. Тесные урбанистические взаимоотношения населения России и немецких поселенцев способствовали популяризации немецкого быта и моды, увеличению количества браков с немцами не только среди обычного населения, но и российской династической знати (Елизавета Алексеевна (жена Александра I), Мария Александровна (жена Александра II), Александра Фёдоровна (жена Николая I), Александра Фёдоровна (жена Николая II).

В результате научно-технического прогресса Германия стала ведущей страной в Европе по производству высококачественной техники (тяжёлое машиностроение, химическая промышленность, электротехника, производство высокоточных приборов, оптики и медицинского оборудования, выпуск высокоточного оружия), продвижению новаторских методов лечения (новые методы диагностики: измерение температуры, перкуссия, аускультация; применение туберкулина для диагностики и лечения; применение асептики и антисептики в хирургии, рентгенография, электрокардиография и др.), развитию фармацевтического производства и сети курортных санаториев (Баден-Баден, Бад-Киссинген, Висбаден и др.), предоставляющих не только курс лечения для посетителей, но и являющихся центром культурного обмена между представителями России и Запада, в том числе и Германии; предоставлению образовательных услуг (Гейдельбергский университет, Мюнхенский университет имени Людвига-Максимилиана, Берлинский университет имени Гумбольдта и др.). Повышение квалификации и получение высшего образования в Германии считалось приоритетном в образовательной сфере России в этом историческом периоде, переводческие практики и перевод немецких книг и учебников также содействовали расширению вокабуляра заимствований из немецкого языка.

Германизмам в русском языковом пространстве периода XIX – начало XX века характерна обширная тематическая наполненность (научно-техническая тематика, химия и электротехника; оптика, приборы, медицина; тематика моды, гастрономии и быта, экономическая лексика, музыкальная лексика, философская тематика; администрация, армия, право; сфера туризма; политическая лексика), наличие как прямых заимствований, так и калек, и, практически, отсутствие языков-посредников.

В ходе нашего исследования мы провели количественную и периодическую классификацию современных терминов экономики с немецкой этимологией, классификацию терминов по уровню употребления и области применения, по тематическим группам экономики. В 4 периоде количество заимствований составило 27 терминов, однако общее количество всех гер-

манизмов, вошедших в течение всех 6 периодов в русский язык и функционирующих в современной терминологии экономики в русском языке составило 76 терминов (прямые заимствования, словообразовательные, семантические и фразеологические кальки). Для экономической терминологии особенно важны периоды с XVIII века (реформы и развитие торговли) и до начала XXI века (индустриализация, появление новых экономических понятий).Рассмотрим результаты классификации германизмов в современной терминологии экономики в русском языке по областям применения в 4 периоде, XIX – начало XX века — 27 германизмов (36 % от общего количества всех германизмов — 76), из них:

- общеупотребительная лексика — ОУЛ (8 терминов — 30 % от общего количества германизмов в современной терминологии экономики, вошедших в русский язык в 4 периоде — 27): русск. *адресант* (грузоотправитель) — нем. *adressant*;

- общенаучная — ОНЛ (8 терминов — 30 % от общего количества германизмов в современной терминологии экономики, вошедших в русский язык в 4 периоде — 27)): русск. *лекаж* (потеря в весе или объеме товара, вследствие его вытекали или присыпки из тары или транспортного средства) — нем. *Lekage*;

- межотраслевая лексика — МЖОЛ (7 терминов — 25 % от общего количества германизмов в современной терминологии экономики, вошедших в русский язык в 4 периоде — 27)): русск. *грюндерство* (массовое непорядочное учредительство акционерных обществ, банков, страховых компаний, сопровождаемое обширной эмиссией ценных бумаг) — нем. *Grunder*;

- узкоспециализированная — УЗСЛ (4 термина — 15 % от общего количества германизмов в современной терминологии экономики, вошедших в русский язык в 4 периоде — 27)): русск. *эрзац* (неполноценный заменитель, тоже, что суррогат, поделка) — нем. *Erzatz*.

В современной терминологии экономики русского языка функционируют большинство германизмов, вошедших в 3 период, Петровская эпоха и XVIII век и 4 период, XIX – начало XX века, что составило 66 % (30 % (21 термин) и 36 % (27 терминов) соответственно) от общего количества всех германизмов, то есть именно в те периоды были заложены и закреплены, а также позднее переосмыслены современные экономические термины-германизмы.

Разнообразен и перечень тематических групп экономики, в которых широко употребляются заимствования из немецкого языка, вошедшие в русский язык в период с XIX века до начала XXI век включительно. В таблице 1 представлен перечень тематических групп экономической терминологии, к которым относятся германизмы, их количество в каждой тематической группе, классификация области употребления.

Таблица 1. Перечень тематических групп (ТГ) экономической терминологии в русском языке, к которым относятся германизмы, их количество в каждой ТГ, классификация области употребления и исторический период вхождения в русский язык с XIX века по XXI век включительно.

№	Название ТГ экономической терминологии	Количество германизмов, вошедших в русский язык в 4 период, с XIX века по XXI век включительно	Принадлежность термина к области употребления — количество терминов
1	Финансы и банковское дело	8	ОУЛ - 1 ОНЛ - 3 МЖОЛ - 4
2	Торговля	8	
2.1.	Торговля и делопроизводство	5	ОУЛ - 4 ОНЛ -1
2.2.	Торговля и грузовые операции	1	ОНЛ - 1
2.3.	Торговля и денежное обращение	1	УЗСЛ -1
2.4.	Торговля и ремесла	1	УЗСЛ - 1
3	Производство и предпринимательство	1	МЖОЛ - 1
4	Маркетинг	1	ОНЛ - 1
5	Общая экономика и административная лексика	1	МЖОЛ - 1
6	Валюта и денежное обращение	1	ОНЛ - 1
7	Социальные процессы и движение	1	УЗСЛ - 1
8	Повседневное/материальное обеспечение	1	УЗСЛ - 1
9	Делопроизводство, администрация и связь	1	МЖОЛ - 1
10	Разговорная и сленговая экономическая лексика:	1	ОУЛ - 1
11	Социально-экономические процессы, явления	3	ОУЛ -3
		27	27

Источник: Составлено автором на основании [2,3,4,5,6,7,8,9,01,11,12,13,14]

Функциональной особенностью германизмов в терминологии экономики в русском языке является их высокая адаптационная способность в языке-реципиенте, которая выражается в «обрастании» дополнительными значениями и употреблении в нескольких ТГ экономики. Наибольшее количество германизмов, вошедших в русский язык в течение периода с XIX века до начала XXI век включительно заполнили ТГ «Финансы и бан-

ковское дело» и «Торговля», что составило 8 и 5 терминов соответственно.

Степень выполнения коммуникативной функции заимствований из определенного языка-донора и их стратегической роли для языка-реципиента выражается в количественном представлении интернационализмов среди заимствованных терминов. Из 76 германизмов в терминологии экономики в русском языке 30 являются интернационализмами, что составило 42 % от общего количества, на долю 4 периода пришлось 11 терминов. Мы пришли к выводу, что высокий процент интернационализмов среди германизмов свидетельствует не о случайном характере этого процесса, а о глубокой взаимосвязи внутрилингвистических и экстралингвистических факторов, таких как расширение международного сотрудничества, войны (количество участников которых 3 и более государств), процесс обширной глобализации, требующих создание базисного интернационального лексического корпуса. Рассмотрим характер заимствований, тематические группы германизмов-интернационализмов, исторические периоды вхождения в язык-реципиент, их отнесённость к областям применения. Германизмы-интернационализмы в терминологии экономики представлены в виде прямых заимствований и калек с сохранением концептуальных значений. Их тематическая направленность разнообразна:

- экономика и финансы (*марка, рентабельность, рентабельный, абонент* и др.);

- управление и бизнес-дискурс (*рентабельность, грюндерство, шиканёр, бланко-чек* и др.);

- право и контрактная лексика (*бланко-чек, контрабандист*);

- технологии и промышленность (*марка* — в контексте бренда/валюты и товарных знаков, *абонент* — м/service-сектор).

Количественное представление германизмов-интенационализмов в 4 периоде, а также их количественное представление в различных областях применения следующее: ОУЛ — 4 термина, ОНЛ — 4, МЖОЛ — 3, всего 11 терминов.

Количество германизмов-интернационализмов в современной терминологии экономики, вошедших в русский язык в 4 периоде, составляет 11 терминов. Тот факт, что германизмы - интернационализмы, вошедшие в русский язык в период с XIX по начало XX века включительно, в современной терминологии экономики в русском языке принадлежат к общенаучной, общелитературной и межотраслевой современным лексикам, но отсутствуют в узкоспециализированной экономической современной лексике, говорит о процессе «обрусения» этой части лексики за 2 века, их перемещению в общенаучную, межотраслевую и общеупотребительную лексики и существенном развитие как специализированной экономической лексики в русском языке, так и экономики России в целом.

Выводы.

Историческими вехами временного отрезка с XIX века до начала XXI века включительно (4 период) стали государственная политика Российского государства, направленная на тесное сотрудничество с Германией во всех областях деятельности; стремительное научно-техническое, медицинское и экономическое развитие Германии, увеличение немецких поселений на территории России, родственные связи российской династической знати с членами королевской семьи Германии, престижность обучения в лучших университетах Германии.

Тематическая направленность германизмов в этом периоде отличается разнообразием: научно-техническая тематика, химия и электротехника, оптика, приборы, медицина; высокоточное оружие и детали; тематика моды, гастрономии и быта; экономическая и музыкальная лексика, философская тематика, администрация, армия, право; сфера туризма и политическая лексика.

Наполнение и обогащение русского словарного состава германизмами происходило, в основном, напрямую, без языков-посредников.

В современной терминологии экономики в русском языке обнаружено 76 германизмов, из них 27 терминов вошли в русский язык в период с XIX до начала XXI век включительно. Распределение терминов с немецкой этимологией в этом периоде выглядит следующим образом: ОУЛ — 8, ОНЛ — 8, МЖОЛ — 2, УЗСЛ — 4, всего — 27. 15 % (11) германизмов, вошедших в русский язык в 4 период, от общего количества всех германизмов (76) в современной терминологии экономики являются интернационализмами, которые наиболее активно представлены в общеупотребительной и общенаучной лексиках.

Библиографический список:

1. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI вв. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; редкол.: Л.П. Крысин (отв. ред.) [и др.]. – М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 27-34.
2. Экономический словарь терминов // URL: https://gufo.me/dict/economics_terms (Дата обращения: 10.08.2025).
3. Словарь экономических терминов // URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/econ_dict/ (Дата обращения: 10.08.2025).
4. Брагина Э.Р., Мохосоева М.Н. Тематический толковый словарь для делового общения (русский, английский, испанский языки). Для студентов 1–4 курсов и магистрантов всех экономических специальностей / Под ред. Брагиной Э.Р. – Донецк: ФГБОУ ВО «ДонГУ», 2024. 252 с.
5. Брагина Э.Р., Ещенко Л.В., Писаревская М.М. Тематический толковый словарь для делового общения (русский, английский, испанский языки). Для студентов 1–4 курсов и магистрантов всех экономических специальностей / Под ред. Брагиной Э.Р. – Донецк: ФГБОУ ВО «ДонГУ», 2024. 287 с.
6. Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь // URL: https://gufo.me/dict/tikhonov (Дата обращения: 10.08.2025).
7. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка // URL: https://gufo.me/dict/tikhonov (Дата обращения: 10.08.2025).
8. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: труд И.И. Срезневского. – Санкт-Петербург: Издательство Отделения рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890-1912.

Т. 1. 771 с.
9. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: труд И.И. Срезневского. – Санкт-Петербург: Издательство Отделения рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890-1912. Т. 2. 919 с.
10. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: труд И.И. Срезневского. – Санкт-Петербург: Издательство Отделения рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890-1912. Т. 3. 996 с.
11. Михельсон А.Д. Объяснение двадцати пяти тысяч иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней / Сост. по словарям: Гейзе, Бешереля, Брокгауза, Александра, Рейфа и др. – Москва, 1865. 718 с.
12. Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – Москва: Флинта, Наука, 2010. Т. 2: Н–Я. 576 с.
13. Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – Москва: Флинта, Наука, 2010. Т. 1: А–Н. 584 с.
14. Беляева Н.Н. К вопросу организации индивидуальных занятий в классе баяна и аккордеона в ВУЗе // Культура Мира. 2025. Том 13. Вып. 3. (№ 46). С. 48-54.

Reference

1. Krysin L.P. Lexical Borrowing and Tracing // Modern Russian Language. Active Processes at the Turn of the Twentieth–Twenty-first Centuries / RAS, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language; ed. board: L.P. Krysin (ed.) [et al.]. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2002. P. 27-34.
2. Dictionary of Economic Terms // URL: https://gufo.me/dict/economics_terms (10.08.2025).
3. Dictionary of Economic Terms // URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/econ_dict/ (10.08.2025).
4. Bragina E.R., Mokhosoeva M.N. Thematic Explanatory Dictionary for Business Communication (Russian, English, Spanish). For 1st-4th-year students and master's students of all economic specialties / Ed. by E.R. Bragina. Donetsk: DonSU, 2024. 252 p.
5. Bragina E.R., Yeshchenko L.V., Pisarevskaya M.M. Thematic Explanatory Dictionary for Business Communication (Russian, English, Spanish). For 1st-4th-year students and master's students of all economic specialties / Ed. by E.R. Bragina. Donetsk: DonSU, 2024. 287 p.
6. A.N. Tikhonov. Morphemic-Orthographic Dictionary // URL: https://gufo.me/dict/tikhonov (10.08.2025).
7. Krylov G.A. Etymological Dictionary of the Russian Language // URL: https://gufo.me/dict/tikhonov (10.08.2025).
8. Materials for a dictionary of the Old Russian language based on written monuments: the work of I.I. Sreznevsky. – St. Petersburg: Publishing House of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1890-1912. Vol. 1. 771 p.
9. Materials for a dictionary of the Old Russian language based on written monuments: the work of I.I. Sreznevsky. - St. Petersburg: Publishing House of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1890-1912. Vol. 2. 919 p.
10. Materials for a dictionary of the Old Russian language based on written monuments: the work of I.I. Sreznevsky. – Saint Petersburg: Publishing House of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1890-1912. Vol. 3. 996 p.
11. Mikhelson A.D. Explanation of Twenty-Five Thousand Foreign Words That Came into Use in the Russian Language, with an Explanation of Their Roots / Comp. based on the dictionaries of: Heyse, Becherel, Brockhaus, Alexander, Reiff, and others. – Moscow, 1865. 718 p.
12. Shaposhnikov A.K. Etymological Dictionary of the Modern Russian Language: in 2 volumes. – Moscow: Flinta, Nauka, 2010. Vol. 2: N–Ya. 576 p.
13. Shaposhnikov A.K. Etymological Dictionary of the Modern Russian Language: in 2 volumes. – Moscow: Flinta, Nauka, 2010. Vol. 1: A–N. 584 pp.
14. Belyaeva N.N. On the issue of organizing individual lessons in the bayan and accordion class at a university // Culture of World. 2025. Vol. 13. Issue 3. (№ 46). P. 48-54.

Толоконникова О.А.
Соискатель научной степени кандидата педагогических наук. Санкт-Петербургский Государственный Университет.

Лингвистическая характеристика концепта как единицы формирования лингвокультурологической компетенции китайских студентов-филологов в процессе обучения русскому языку как иностранному*

Аннотация. Цель настоящего исследования – выявить критерии, определяющие лингвокультурологичекий концепт, а также определить и отобрать лингвокультурологические концепты, которые будут выступать единицами формирования лингвокультурологической компетенции на занятиях по русскому языку как иностранному. **Научная новизна исследования** состоит в том, что в данной статье впервые проведено сравнение между концептом и лингвокультурологическим концептом, рассмотрены компоненты концепта ДЕНЬГИ в русской, а также китайской языковых картинах мира. В рамках настоящего исследования была выделена ядерная зона, а также определена периферия изучаемых концептов. В ходе исследования удалось установить, что ядерные зоны концепта ДЕНЬГИ совпадают в русской и китайской языковых картинах мира, разница прослеживается в периферийной зоне.

Ключевые слова: лингвокультурологический концепт, языковая картина мира, лингвокультурология, периферийная зона, ядерная зона.

Tolokonnikova O.A.
Candidate for a degree in pedagogical sciences. Saint-Petersburg State University.

Linguistic characteristics of the concept as a unit of linguistic and cultural competence formation among Chinese philology students in the process of learning Russian as a foreign language

Abstract. The purpose of this study is to identify the criteria that defines a linguacultural concept, to determine and select linguacultural concepts that will serve as units for the formation of linguistic and cultural competence in Russian as a foreign language

* © Толоконникова О.А., 2025.

classes. The scientific novelty of the study lies in the fact that this article compares a concept and a linguacultural concept, examines the components of the concept MONEY in Russian and Chinese linguistic worldviews. Within the framework of this study, the core zone and the periphery zone were determined. The study found that the core zones of the concept MONEY coincide in the Russian and Chinese linguistic worldviews, while the difference can be traced in their peripheral zones.

Key words: linguacultural concept, linguistic worldview, linguacultural study, peripheral zone, core zone.

С лингвистической точки зрения, концепт рассматривается как глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания [Попова, Стернин, 1990: 4]. Согласно определению Ю.С. Степанова, концепт – сгусток культурной среды в сознании человека [Степанов, 2003: 42–43]. С позиции С.А. Аскольдова-Алексеева, в концепте находит отражение заместительная функция определенного мыслительного образования в процессе осмысления множества предметов одного и того же рода. Это сгусток мысли, обобщенный образ, созданный национальным сознанием народа – языка творца, вложившего в него свой многовековой опыт нравственных оценок бытия [Аскольд-Алексеев, 1997: 267]. Следовательно, благодаря концептам мы можем сделать выводы о культурных фактах, включающих материальные и духовные ценности, национальной специфике картины мира, традициях, психологии, отношении к другим нациям, то есть о значимых компонентах общенационального мировосприятия и ориентирах коммуникативного поведения.

Опираясь на определение И.Ф. Савельевой, рассмотрим концепт с методической точки зрения. Под данным термином И.Ф. Савельева рассматривает: 1) базовую единицу культуры; 2) единицу концептуальной системы индивида, отражающую знание и опыт человека [Савельева, 2009: 124]. Очевидно, что при обучении любому иностранному языку происходит вхождение, освоение обучающимся новой культуры, он знакомится и овладевает новыми способами восприятия и обозначения культуры (концептами), которые иначе представляют знакомую ему окружающую действительность, то есть происходит изменение и расширение уже сложившихся представлений о мире.

Таким образом, концепт, в ракурсе методики преподавания, понимается И.Ф. Савельевой как культурно детерминированная единица коммуникации, отобранная в качестве исходной для формирования знаний в процессе обучения иностранному языку [Савельева, 2009: 126].

В рамках настоящего исследования мы считаем значимым обратиться к понятию лингвокультурологического концепта, являющегося базовой еди-

ницей лингвокультурологии, которую мы рассматриваем как дисциплину, изучающую культурные факты, инофонную картину мира, национально-культурный компонент значения языковых единиц, обеспечивающую взаимопонимание представителей разных культур на основе овладения знаниями, вербализованными с помощью иноязычных средств [Зиновьева, 2016: 90].

Под лингвокультурологическим концептом принято понимать ментальную единицу, направленную на комплексную репрезентацию языка, сознания и культуры, где сознание является областью пребывания концепта, культура обуславливает концепт, а язык его опредмечивает [Зиновьева, 2016: 92] (Рис. 1).

С позиции лингвокультурологии и лингвистики понимание концепта частично расходится:

1. с точки зрения лингвистики концепт представляет собой культурную информацию, выраженную средствами языка, в то время как с позиции лингвокультурологии концепт изначально находится в сознании;

2. культура определяет и детерминирует концепт в рамках понятия лингвокультурологического концепта, согласно лингвистической теории, культура воплощается в концептах;

3. при рассмотрении концепта в лингвистике роль сознания не учитывается, тогда как для лингвокультурологии сознание занимает важное место.

В содержании лингвокультурологического концепта С.Г. Воркачев выделяет два ряда семантических признаков: 1) в первый ряд входят общие семы, которые скрепляют лексико-семантическую парадигму и формируют прототипическую основу; 2) во второй ряд включены признаки, связанные с ментальностью носителей, отмеченные лингвокультурной или этносемантической спецификой [Воркачев, 2004: 37].

Таким образом, лингвокультурологический концепт реализуется при помощи ряда единиц языка, то есть обладает свойством полиапеллируемости.

Основанием для выделения лингвокультурологических концептов является соответствие их одиннадцати критериям, систематизированным О.А. Ипановой. К данным критериям относят:

Рис. 1. Представление лингвокультурологического концепта.

1) высокую частотность словаимя концепта;

2) активную производящую основу;

3) вхождение в состав идиоматических выражений слов-репрезентант концепта;

4) переживаемость концептов;

5) *номинативную плотность;*
6) *непредельность;*
7) *мировоззренческую ориентированность;*
8) *лингвокультурную отмеченность;*
9) *коммуникативную релевантность;*
10) *языковую абстрактность;*
11) *этимологическую память.*

Учитывая условия обучения и специфику работы с китайскими студентами, были выделены концепты, которыми должны овладеть учащиеся на занятиях по русскому языку как иностранному. Отбирались концепты согласно темам, которые представлены в учебно-методическом пособии «*Русский язык 6*» (Е Линь, Дин Шуци, Ван Цзюнь, Б.Ю. Жаворонков, изд-во Восток, 2016, Пекин), которое является основным разрешенным пособием, использующимся на занятиях по русскому языку. Нами были выделены следующие концепты: *молодость, деньги, родители, дружба, брак, спорт, одиночество, патриотизм, природа, счастье.*

Каждый из отобранных концептов был нами проанализирован для определения соответствия вышеназванным критериям и возможности считаться лингвокультурологическим концептом. В качестве примера обратимся к анализу концепта ***деньги***, результаты представлены в таблице (Таб. 1).

Проведенный анализ концепта ***деньги*** подтверждает, что он соответствует указанным критериям, а следовательно, может считаться лингвокультурологическим концептом, может быть использован в качестве единицы формирования лингвокультурологической компетенции китайских студентов-филологов на занятиях по русскому языку.

Необходимо отметить, что каждый из концептов может быть представлен в различных формах: в виде *визуального образа* – обобщенного чувственно-наглядного представления, в виде *понятия* – совокупности признаков предмета, в виде *схемы* – пространственно-графического представления, в виде *фрейма* – схемы сцены, в виде *сценария* – последовательности действий в определенных ситуациях действительности.

В вербальном аспекте концепт имеет сложную многослойную структуру. Самая распространенная модель описания концепта состоит в определении его ядерной и периферийной зоны. Ядерная зона, или ядро, отражает чувственный образ, кодирующий концепт как мыслительную единицу в универсальном предметном коде, а также некоторые дополнительные концептуальные признаки, а периферийная зона, периферия – совокупность слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетание в виде утверждений, установок сознания, выводимых из содержания концепта в определенной культуре.

Таб. 1. Соответствие концепта ***деньги*** критериям лингвокультурологического концепта.

Критерий	Концепт деньги
1) высокая частотность слова-имя концепта	26161 -текст 172848 – вхождений Данные национального корпуса русского языка
2) активная производящая основа	9 - существительных (*деньга, деньжонки, деньжата*), 1 – прилагательное (*денежный*), 1 – наречие (*денежно*)
3) вхождение в состав идиоматических выражений слов-репрезентант концепта	30 – идиоматических выражений (деньги не пахнут, шальные деньги, кровные деньги, грести деньги, купаться в деньгах)
4) переживаемость	Концепт **деньги** содержит не только материальную, но и духовную составляющую. • *– Это учебное заведение, в котором оседают самые нерадивые ученики и полные лузеры, окажется круче Хогвартса — во многом благодаря декану, страдающему от компульсивного желания тратить бюджетные деньги вместо образовательного процесса на сумасшедшие мероприятия.* Концепт **деньги** отражает следующее значение: нелегальная деятельность, расточительство. • *– Любые проблемы было легко «залить» деньгами, толком не вникая в их суть.* В данном примере концепт **деньги** также выражает незаконную, мошенническую деятельность. • *– Взрослую женщину купленный на последние деньги миллион алых роз насторожит, она, скорее всего, постарается убраться от такого поклонника как можно дальше.* Концепт **деньги** приобрел значение «последняя возможность, крайнее средство».
5) номинативная плотность	Концепт **деньги** вербализован 103 синонимами (бабки, зеленые, мани, червонцы, капуста, гроши, кэш, кровные). Концепт **деньги** отображен в 39 пословицах и поговорках (*деньги, что каменья: тяжело на душу ложатся, денег куры не клюют, денег наживешь – без нужды проживешь*).
6) непредельность	Концепт **деньги** отражает продолжающиеся изменение отношения к данному предмету человека в обществе.
7)мировозренческая ориентированность	Концепт **деньги** в полной мере обладает мировозренческой ориентированностью (*уже в тот момент смущало, что во всей этой риторике был вполне уловим запах денег*).
8) лингвокультурная отмеченность	Концепт **деньги** обладает лингвокультурной отмеченностью, так как отражает материальные, духовные, поведенческие, социальные ценности.

9) коммуникативная релевантность	Актуализация концепта высока, наблюдается повышенная частотность номинирующих его единиц (103 синонима, 39 пословиц и поговорок, 11 производных), что говорит о коммуникативной релевантности.
10) языковая абстрактность	Концепт **деньги** может быть предъявлен как конкретный чувственный образ (*железные монеты или ценные бумажки*), а также как представление (*богатство, расточительство, незаконная деятельность, мошенничество*).
11) этимологическая память	Этимологическая память сохранена в концепте **деньги** (*происходит от тюркского слова тэнкэ – серебряная монета, рубль*).

Ядро и периферия концепта коррелируют со статикой и динамикой, находящихся в диалектическом единстве. Статика концепта раскрывается в содержательной сущности, заключенной в словарной дефиниции его языкового представления. В реальной речевой действительности концепт выходит из состояния устойчивости, таким образом динамика концепта выражается в варьировании концептуальных символов, возникающих при использовании его языкового воплощения в реальной речевой действительности [Миньяр-Белоручева, 2015: 40]. Статика концепта преобразовывается в разнообразные смыслы, порождает и возрождает едва уловимые образы, сохраняющие тень основного значения, которое не только не исчезает, а проходит сложную внутреннюю динамическую трансформацию, чтобы, обогатившись, вернуться в исходное состояние. Например, статическая составляющая концепта «*одиночество*» – *состояние одинокого человека (примеры: ее пугало одиночество старости, куда нам бежать от одиночества, остался в полном одиночестве)* (БТС под ред. С.А. Кузнецова, стр. 701). К динамике данного концепта мы отнесем следующее: 1) ***пустота*** (*Смерть, болезнь, утрата, невозможность любви и понимания, скука и одиночество – вот ее главные темы.* (Ведомости, 2020. 10.13)); 2) ***изоляция*** (*Самое страшное в нынешней пандемии то, что пациенты лечатся или умирают в одиночестве.* (Аргументы и факты, 2020. 14. 11)); 3) ***грусть*** (*Я знаю, что эти новогодние праздники многие проведут в одиночестве, и если среди вас есть те, кому музыка помогает пережить отсутствие любимых рядом, как и мне, то этот альбом для вас.* (РИА Новости, 11.12.2020)); 4) ***уязвимость*** (*У японцев это перекликается с их идентификацией самих себя, они ощущают себя непохожими ни на кого в этом мире. Отсюда ощущение внутреннего одиночества и хрупкости. — Кстати, а вот про китайские мультфильмы нам почти ничего не известно.* (Коммерсант, 07.12.2020).

Анализ словарных статей толковых (*Толковый словарь С.И. Ожегова и*

Н.Ю. Шведовой, Большой толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова, БТС под ред. С.А.Кузнецова), идеографических словарей позволил нам определить ядро (статическую составляющую) отобранных концептов, а благодаря текстам периодических изданий нам удалось определить их периферию (динамическую составляющую).

Мы также проанализировали и сравнили концепт «*деньги*» в русской языковой картине мира и концепт «钱» (деньги) в китайской языковой картине мира для выявления схожих черт и отличий. Данные концепта «*деньги*» в русской языковой картине мира представлены в таблице ниже (Таб. 2).

Таб. 2. Структура концепта ***деньги***.

Концепт	**Ядерная зона (статика)**	**Периферия (динамика)**
Деньги	Металлические знаки Бумажные знаки Средство платежей Предмет накопления	Расточительство Мошенничество Последняя возможность Свобода Тяжкий труд Средство к существованию Ссора

Мы также рассмотрели концепт «钱» в китайской языковой картине мира. В китайском языке деньги обозначаются иероглифом 钱 (традиционное написание иероглифа 錢). 钱 включает смысловой элемент 钅 и фонетический 戋 (традиционный вариант 金 + 戔). 金 – *металл, золото, бронза, деньги, сокровище*; 戔 – *малочисленный; мелкий; узкий, ограниченный*. Это значит, что 钱 – *это металл, которого слишком мало*. Важно отметить, что знак 钱 впервые зафиксирован в эпоху Чжаньго (V-III вв. до н.э.). Однако первое значение иероглифа не связано с деньгами, он обозначал древнее сельскохозяйственное орудие наподобие *лопаты*, *заступа* (铁锹). Сюй Шэнь (58-147 гг.), автор словаря «*Шовэнь цзецзы*», писал, что иероглиф 錢 относится к фоноидеограммам и означает древнее *сельскохозяйственное орудие* вроде *мотыги* (铫). В «*Ши-цзине*» («*Книга песен*» 詩經, упр. 诗经 Shī Jīng) – одном из древнейших памятников китайской литературы, содержащем народные песни и стихи разных жанров XI—VI вв. до н. э. упоминается иероглиф 钱 (钱): 庤乃钱镈 «*лопаты с мотыгами ваши достаньте...*». Дуань Юйцай (1735-1815 гг.) каноновед, автор 说文解字注 «*Комментарий к «Изъяснению письмен и толкованию иероглифов»*» писал, что в его время иероглиф 钱 используется для обозначения *денег, монет*, а в былые

времена – для обозначения сельскохозяйственных орудий типа *лопаты, заступа, мотыги*.

Современный словарь китайского языка [现代汉语词典] дает следующие трактовки иероглифу 钱: 1) 货币 (*валюта*); 2) 费用 (*расходы, издержки*); 3) 财物 (*ценности, состояние*); 4) 圆形像钱的东西 (*круглая вещь, похожая на монету*); 5) 金属货币 (*металлическая валюта*). Опираясь на современный словарь китайского языка (现代汉语词典), мы можем выделить ядерную зону концепта 钱 (Таб. 3).

Таб. 3. Ядерная зона концепта 钱.

Концепт	**Ядерная зона**
钱	货币 (валюта) 硬币 (монета) 圆形的东西 (круглая вещь) 费用 (растраты, расходы) 财物 (состояние, богатство)

Для выделения периферийной зоны данного концепта, мы обратились к китайским периодическим изданиям (人民日报, 光明日报, 新京报): 1) 如今的人们都想方设法地挣钱，就连爱猫冬的人也利用冬闲的日子出来找活干了 (*Современные люди готовы на всё, чтобы заработать деньги. Даже те, кто привык оставаться дома на зиму выходят в поисках работы*); 2) 视财(钱)如命 (*Цените богатство (деньги) как [собственную] жизнь*); 3) 他抠着钱不花 (*Он придерживает деньгу/он скуп на деньги*); 4) … 饮马投钱… (*…бросить [в реку] медяк в уплату за водопой….* (*быть очень честным*)); 5) 她与当地有钱有势的恶霸勾搭成奸 (*Она спуталась с местным богатым и влиятельным негодяем*); 6) …长袖善舞，多钱善贾 (*…при наличии прочной материальной основы любое дело легко дается*); 7) 火到猪头烂，钱到公事办 (*Взятка решает любое дело*); 杀人偿命，欠债还钱 (*убийство оплачивается жизнью, долг — деньгами*); 8) 有钱能买鬼推磨，有钱能买高官做 (*За деньги можно купить не только жизнь но и власть*); 9) 衙门钱 蓬烟；生意钱，六十年；种田钱，万万年 (*Заработать деньги правительству можно за десять минут, бизнесмену за шесть лет, крестьянину в течение тысяч лет*). Проанализировав отобранные тексты, мы можем выделить периферию концепта 钱 (Таб. 4).

Сравнивая ядерную зону и периферию концептов «*деньги*» и «钱», мы отмечаем, что их ядерные зоны практически совпадают, значительные отличия наблюдаются в значениях, относящихся к периферии (Таб. 5).

Таб. 4. Периферия концепта 钱.

Концепт	Периферия
钱	必要 (необходимость) 生命 (жизнь) 实力 (власть, сила) 丰富 (обогащение) 诚实 (честность, порядочность) 贿赂 (подкуп/взятка)

Таб. 5. Ядро и периферия концептов «*деньги*» и «钱».

Концепт	Ядерная зона	Периферия
Деньги	Металлические знаки Бумажные знаки Средство платежей Предмет накопления	Расточительство Мошенничество Последняя возможность Свобода Тяжкий труд Средство к существованию Ссора
钱	货币 (валюта) 硬币 (монета) 圆形的东西 (круглая вещь) 费用 (растраты, расходы) 财物 (состояние, богатство)	必要 (необходимость) 生命 (жизнь) 实力 (власть, сила) 丰富起来 (обогащение) 诚实 (честность, порядочность) 贿赂 (подкуп)

На основании вышеизложенного важно отметить, что знание данных лингвокультурологических концептов, умение их анализировать способствует преодолению барьеров в восприятии и понимании неявной, но значимой информации в общении.

Таким образом, анализ методической литературы позволяет нам утверждать, что лингвокультурологический концепт является базовой единицей в процессе формирования лингвокультурологической компетенции на занятиях по русскому языку как иностранному. Выделенные и проанализированные нами концепты имеют право считаться лингвокудьтурологическими. Знание ядерной части, понимание периферии концептов способствует усвоению значимой в культурологическом отношении информации, позволяющей учащимся углубить уже имеющиеся знания о языке.

Библиографический список:

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценостно-смысловое пространство языка: учебное пособие. – М.: Флинта науки, 2004. 152 с.
2. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово. – М.: Русская словесность, 1997. С. 267-279.
3. Башурина Д.Ф. Формирование лингвокультурологической компетенции иностранных студентов-филологов при обучении русским паремиям. – СПб.: СПбГУ, 2005. С. 10-98.
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология: учебное пособие. – М.: Издательство РУДН, 2006. С. 1-112.
5. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
6. Зиновьева Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике. – СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. 182 с.
7. Ипанова О.А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира: линг вокультурологический и лексикографический аспекты. Дис. … канд. филол. наук. – СПб.: 2005. 225 с.
8. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт; – Москва: Рипол классик, 2008. С. 1534.
9. Миньяр-Белоручева А.П. Концепт в статике и динамике. Вестник ЮУрГу, 2015. С. 40-44.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 1990. 313 с.
11. Савельева И.Ф. Концепт как универсальная единица формирования знаний в процессе обучения студентов языкового вуза иностранному языку. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – СПб.: КАРО, 2009. С. 197-211.
12. Степанов Ю.С. Французская стилистика (в сравнение с русской). Эдиториал УРСС, 2001. 359 с.
13. Стернин И.А. Типы значений и концепт // Концептуальное пространство языка. – Тамбов, 2005. С. 257-282.
14. Белов И.А. Сбалансированность развития регионов России факторы и перспективы развития // Альманах «Крым». 2025. № 48. С. 125-132.
15. Костюков А.Л. Особенности экспорта российских образовательных услуг // Альманах Казачество 2016. №20. С. 51-65.

Reference

1. Alefirenko N.F. Lingvoculturology. The Value-Semantic Space of Language: A Tutorial. – Moscow: Flinta Nauki, 2004. 152 p.
2. Askoldov-Alekseev S.A. Concept and Word. – Moscow: Russkaya Livelnost, 1997. P. 267-279.
3. Bashurina D.F. Formation of Lingvoculturological Competence of Foreign Philology Students in Teaching Russian Proverbs. – St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2005. P. 10-98.
4. Vorobyov V.V. Lingvoculturology: A Tutorial. Moscow: RUDN University Publishing House, 2006. P. 1-112.
5. Vorkachev S.G. Lingvoculturology, linguistic personality, concept: the formation of the anthropocentric paradigm in linguistics. Philological sciences. 2001. № 1. P. 64-72.
6. Zinovieva E.I. Lingvoculturology: from theory to practice. – SPb.: SPbGU; Nestor-History, 2016. 182 p.
7. Ipanova O.A. The concept of "life" in the Russian linguistic picture of the world: linguocultural and lexicographic aspects. Diss. … Cand. of Philological Sciences. – SPb.: 2005. 225 p.
8. Kuznetsov S.A. Large explanatory dictionary of the Russian language. Saint Petersburg: Norint; – Moscow: Ripol classic, 2008. P. 1534.
9. Minyar-Beloruchеva A.P. Concept in statics and dynamics. Bulletin of SUSU, 2015. P. 40-44.
10. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive linguistics. – Moscow: Vostok-Zapad, 1990. 313 p.
11. Savelyeva I.F. Concept as a universal unit of knowledge formation in the process of teaching foreign language to students of a language university. Bulletin of the Herzen State Pedagogical University of Russia. – St. Petersburg: KARO, 2009. P. 197-211.
12. Stepanov Yu.S. French stylistics (in comparison with Russian). Editorial URSS, 2001. 359 p.
13. Sternin I.A. Types of meanings concept // Conceptual space of language. – Tambov, 2005. P. 257-282.
14. Belov I.A. Balanced development of Russian regions: factors and development prospects // Almanac "Crimea". 2025. № 48. P. 125-132.
15. Kostukov A.L. Peculiarities of Russian educational services export // Almanac Cossacks 2016. №20. P. 51 65.

Степанова П.С.

ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет». SPIN-код: 6554-1894 / ORCID: 0000-0001-5199-0049 / AuthorID: 905162

Влияние префикса на значение слова с корнем «НЮХ»*

Аннотация. Цель исследования – рассмотрение влияния префикса на значение слова с корнем «нюх». **В статье** анализируются заголовочные слова с семой ‘ольфакторный’ из словарей. Рассмотрены значения слов с корнем «нюх» без приставки: «нюх», «нюхалка», «нюхательный», «нюхальщик», «нюхальщица», «нюхание», «нюханье», «нюхательный», «нюхать». Проанализированы значения слов с корнем «нюх» с приставкой в- (внюхаться, внюхиваться), вы- (вынюхать, вынюхаться, вынюхивание, вынюхивать, вынюхиваться), до- (донюхать, донюхаться, донюхивать, донюхиваться), за- (занюханный, занюхать, занюхивать), на- (нанюхать, нанюхаться, нанюхивать, нанюхиваться), об- (обнюхивать, обнюхиваться), пере- (перенюхать, перенюхаться, перенюхивание, перенюхивать, перенюхиваться), по- (понюхать, понюхаться, понюх, понюшка, понюхивать), по- + раз- (поразнюхать), при- (принюхаться, принюхивание, принюхивать, принюхиваться), про- (пронюхать, пронюхивание, пронюхивать, пронюхиваться), раз- (разнюхать, разнюхивать, рахнюхиваться), с- (снюхаться, снюхиваться). **Научная новизна** состоит в отборе и изучении слов с корнем «нюх» из 23 словарей, выявлении значений приставок в приведённом материале. **В результате** выявлено 632 заголовочных слова с семой ‘ольфакторный’ из 23 словарей, их них 57 с корнем «нюх». Определено значение корня «нюх» - «вдыхать через нос; обонять». Проанализированы значения слов с корнем «нюх» с приставкой: в- (внутрь запаха); вы- (по запаху); до- (до предела обонять); за- (сильно обонять); на- (очень обонять); об- (обонять вокруг); пере- (очень обонять; много обонять); по- (немного нюхать); при- (понять с помощью обоняния); про- (узнать с помощью обоняния); раз- (узнать с помощью обоняния); с- (соединиться для чего-либо).

Ключевые слова: влияние префикса на значение корня, корень «нюх» в заголовочных словах, заголовочные слова с семой ‘ольфакторный’, значения слов с корнем «нюх».

Stepanova P.S.

FSEI of HE “Samara State Social and Pedagogical University”. SPIN-code: 6554-1894 / ORCID: 0000-0001-5199-0049 / AuthorID: 905162

* © Степанова П.С., 2025.

The influence of the prefix on the meaning of a word with the root "NYUKH"

Abstract. The purpose of this study is to examine the influence of the prefix on the meaning of a word with the root "nukh." The article analyzes keywords with the seme "olfactory" from dictionaries. The meanings of words with the root "nukh" without a prefix are examined: "nukh," "snuff," "snuffing," "snufferer," "snufferer," "snuffing," "snuffing," "snuffing," "snuffing," "to sniff." The meanings of words with the root "sniff" with the prefix v- (to sniff, to sniff), vy- (to sniff, to sniff, sniffing, to sniff, to sniff), do- (to sniff, to sniff, to sniff, to sniff), za- (zanyukhannyy, to sniff, to sniff), na- (to sniff, to sniff, to sniff, to sniff), ob- (to sniff, to sniff), pere- (to sniff, to sniff, to sniff, to sniff), po- (to sniff, to sniff, to sniff, to sniff), po- + raz- (poraznukhat), pri- (to sniff, to sniff, to sniff, to sniff), pro- (to sniff, to sniff, to sniff, to sniff), raz- (to sniff, to sniff, to rakhnukhivatsya), s- (to sniff, to sniff). The scientific novelty consists in the selection and study of words with the root "sniff" from 23 dictionaries, and the identification of the meanings of prefixes in the provided material. As a result, 632 headwords with the seme 'olfactory' were identified from 23 dictionaries, 57 of which have the root "sniff". The meaning of the root "sniff" has been determined - "to inhale through the nose; to smell". The following meanings of words with the root "sniff" and the prefix have been analyzed: in- (inside the smell); vy- (by smell); do- (to smell to the limit); za- (to smell strongly); na- (to smell very much); ob- (to smell around); pere- (to smell very much; to smell a lot); po- (to smell a little); pri- (to understand with the help of smell); pro- (to recognize with the help of smell); raz- (to recognize by smell); s- (to connect for something).

Key words: influence of the prefix on the meaning of the root, the root "smell" in headwords, headwords with the seme "olfactory", meanings of words with the root "smell".

Введение

В статье проанализированы работы по словообразованию Е.А. Земской, Н.В. Крушевского, Ю.В. Серышевой, М.А. Кронгауза, посвященные изучению префикса; по изучению современных тенденций в лексикографии Н.В. Бисеровой, В.В. Тура; корпореальности H. Ruthrof и ольфакторного модуса перцепции в частности П.С. Ивановой. Методом сплошной выборки мы выявили 632 заголовочных слова с семой 'ольфакторный' из 23 словарей. Заголовочные слова были выбраны из словарей следующих ученых: Г.Ю. Багриновский, А. Балакай, А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, К.С. Горбачевич и др., а также «Большой академический словарь русского языка», «Комплексный словарь русского языка» «Словарь русского языка в четырёх томах» и др. Выявлено, что из заголовочных слов 57 содержат корень «нюх»: 23% - без приставки, 77% - с приставкой.

Актуальность данного исследования состоит в рассмотрении корпореальности в языке в современной русистике, а именно ольфакторного модуса перцепции. Модус – главная часть предложения, «без которой вообще не

может быть предложения, а именно выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом» (Балли, 1955, с. 44). К одному из модусов перцепции относят ольфакторный, отсылающий к восприятию запахов. Данный модус малоизучен по сравнению с визуальным и аудиальным. В данной статье мы проанализируем слова с корнем «нюх».

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие **задачи**:

1) выявить заголовочные слова с семой 'ольфакторный' из словарей;

2) рассмотреть значения слов с корнем «нюх» без приставки**;**

3) определить значения слов с корнем «нюх» с приставкой.

Материалов для исследования послужили 632 заголовочных слова с семой 'ольфакторный' из 23 словарей: Г.Ю. Багриновский «Краткий этимологический словарь» (Багриновский, 2018), А. Балакай «Словарь русского речевого этикета» (Балакай, 2001), А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л. И. Степанова «Словарь русской фразеологии» (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998), «Большой академический словарь русского языка» (Большой академический словарь русского языка, Т.1-27, 2016-2021), В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина «Большой словарь русских поговорок» (Мокиенко, Никитина, 2007), «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребления. Культурологические комментарий» (Большой фразеологический словарь русского языка, 2018), Х. Вальтер, В.М. Мокиенко «Антипословицы русского народа» (Вальтер, Мокиенко, 2005), К.С. Горбачевич «Словарь сравнении сравнительных оборотов в русском языке» (Горбачевич, 2004), «Комплексный словарь русского языка» (Комплексный словарь русского языка, 2009), Л.А. Лебедева «Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь» (Лебедева, 2015), В.М. Мокиенко «Словарь сравнений русского языка» [(Мокиенко, 2003), А.Б. Новиков «Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики)» (Новиков, 2004), С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова «Толковый словарь русского языка» (Ожегов, Шведова, 2007), М.В. Петрова «Словарь крылатых выражений» (Петрова, 2011), И.А. Васюкова «Словарь иностранных слов» (Васюкова, 2005), Т.В. Егорова «Словарь иностранных слов современного русского языка» (Егорова, 2014), С.Б. Козинец «Словарь оксюморонов русского языка» (Козинец, 2014), Ю.А. Бельчиков, М. С. Панюшева «Словарь паронимов современного русского языка» (Бельчиков, Панюшева, 2002), «Словарь русского языка в четырёх томах» (Словарь русского языка в четырёх томах, Т.1-4, 1957-1961), К.С. Горбачевич «Словарь эпитетов русского литературного языка» (Горбачевич, 2002), Е.П. Сеничкина «Словарь эвфемизмов русского языка» (Сеничкина, 2008), Т.Л. Фёдорова «Фразеологический словарь русского языка» (Фёдорова, 2013), Этимологический словарь русского языка (Этимологический словарь русского языка, 2012).

Теоретической базой исследования послужили труды Е.А. Земской (Земская, 2011), Н.В. Крушевского (Крушевский, 1883), Ю.В. Серышевой (Серышева, 2014), М.А. Кронгауза (Кронгауз, 1998), посвященные словообразованию русского языка, изучению значения префикса. Е.А. Земская пишет, что «Присоединение к слову приставки обычно не меняет значения слова коренным образом, а лишь добавляет к нему некоторый оттенок значения» (Земская, 2011, с. 36). Н.В. Крушевский также подтверждает тезис об оттенке значения, вносимом префиксом: «префиксъ имѣетъ почти всегда опредѣленное значеніе» (Крушевский, 1883, с. 83). Значением приставки фактически объявляется повторяющаяся в нескольких парах семантическая разница между приставочным и бесприставочным глаголами (Кронгауз, 1998, с. 106). Ю.В. Серышева, после проведенного эксперимента, сделала вывод «о высокой степени (98%) осознаваемости русскоговорящими статуса вторичных глагольных префиксов как формально-структурных компонентов многоприставочного глагола» (Серышева, 2014, с. 166). Кроме того, учитывались работы по изучению современных тенденций в лексикографии Н.В. Бисеровой (Бисерова, 2021), В.В. Тура (Тур, 2021), корпореальности (Ruthrof, 2021) и ольфакторного модуса перцепции в частности (Иванова, 2022).

В рассмотренной нами литературе отсутствуют работы, изучающие влияние префикса на семантику корня ‘нюх’.

Применяются следующие **методы исследования**: метод сплошной выборки слов с корнем ‘нюх’ из словарей для выявления заголовочных слов с семой ‘ольфакторный’, систематизации языкового материала, метод компонентного анализа слов с корнем ‘нюх’ для определения значения слов с корнем ‘нюх’ с префиксом и без, сравнительно-сопоставительный метод для разграничения значений слов с корнем ‘нюх’ с префиксом и без.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике русского языка: при разработке курсов, посвященных вопросам корпореальной семантики (значения слов с корнем «нюх»), словообразования (влияние приставки на значения слов с корнем «нюх»).

Обсуждение и результаты

Из выявленных заголовочных слов 57 содержат корень «нюх»: 23% - без приставки, 77% - с приставкой.

1. Рассмотрим значения слов с корнем «нюх» без приставки. В словарях содержатся следующие слова с корнем «нюх» без приставки: «нюх», «нюхалка», «нюхательный», «нюхальщик», «нюхальщица», «нюхание», «нюханье», «нюхательный», «нюхать». Рассмотрим их значения.

«Нюх». 1. Обоняние (обычно у животных). 2. Разг. Способность разбираться в обстановке, в людях и т. п.; Внутреннее чутьё. Нюх на что-либо. Нюхом чуять, чувствовать и т.п. Собачий нюх. Об очень сильным внутрен-

ним чутье, интуиции. Ни за нюх табаку (пропадать, пропасть и т.п.). (Большой академический словарь русского языка, Т.12., 2016). Разг. 1. Обоняние (обычно у животных). 2. перен. Чутьё, смекалка. (Словарь русского языка в четырех томах, Т.2, 1958). 1. То же, что обоняние (у животных). (Ожегов, Шведова, 2007).Собачий нюх (прост.) – обострённое чутьё на что-либо. (Фёдорова, 2013). Собачий нюх. Ни за нюх табаку – то же, что ни за понюшку табаку. (Словарь русского языка в четырех томах, Т.2, 1958). Нюх, чутьё: *как у (охотничьей) собаки.* 1. Одобр. Шутл. О человеке с хорошо развитым обонянием. 2. Ирон. О человеке, предчувствующем какие-либо события и умеющем обратить их в свою пользу. (Лебедева, 2015). Нюх у кого как у собаки. Одобр. Шутл. 1. О чьём-л. очень хорошем, тонком обонянии. (Мокиенко, 2003). Нюх у кого как у собаки. Одобр. Шутл. 2. О чьём-л. исключительно развитом чутье, наблюдательности (при изменениях ситуации, новых веяниях и т. п.), умении предвидеть исход событий и обратить их результат в свою пользу. (Мокиенко, 2003). На нюх чего. Пск. О небольшом количестве чего-л. (Мокиенко, Никитина, 2007). Ни за нюх табака (табаку). Разг. Устар. Волг. Пск. Сиб. Совершенно напрасно, зря, незаслуженно. (Мокиенко, Никитина, 2007). Отморозить (потерять) нюх. 1. Жарг. Мол. Перестать понимать что-л., разбираться в чём-л. 2. Переоценить свои силы. (Мокиенко, Никитина, 2007). Попутать нюх. Жарг. Мол. 1. Перестать подчиняться кому-л. 2. Обнаглеть. (Мокиенко, Никитина, 2007). Ни нюху, ни духу о ком, о чём. Разг. Устар. Ирон. Никаких известий, сведений нет о ком-л., о чём-л. (Мокиенко, Никитина, 2007).

«Нюхалка». Прост. 2. Тот, кто вынюхивает кого-, что-либо. (Большой академический словарь русского языка, Т.12, 2016).Вешать \ повесить нюхалку. Прост. Приходить в уныние, отчаяние. (Мокиенко, Никитина, 2007).

«Нюхальный». Устар. То же, что нюхательный.(Большой академический словарь русского языка, Т.12, 2016).

«Нюхальщик». Разг. Тот, кто нюхает табак, наркотики и т.п. (Большой академический словарь русского языка, Т.12, 2016). Разг. Тот, кто занимается нюханьем чего-л. (табака, наркотиков и т. п.). (Словарь русского языка в четырех томах, Т.2, 1958). Человек, который нюхает что-нибудь (табак, наркотики). (Ожегов, Шведова, 2007).

«Нюхальщица». (Большой академический словарь русского языка, Т.12, 2016). Разг. Женск. к нюхальщик. (Словарь русского языка в четырех томах, Т.2, 1958).

«Нюхание». Действие по значению глагола нюхать. (Большой академический словарь русского языка, Т.12, 2016).

«Нюханье!. Действие по знач. глаг. нюхать. (Словарь русского языка в четырех томах, Т.2, 1958).

«Нюхательный». Предназначенные для нюханья (о табаке). (Большой

академический словарь русского языка, Т.12, 2016). Предназначенный для нюханья (о табаке). (Словарь русского языка в четырех томах, Т.2, 1958).

«Нюхать».1. Вдыхать через нос (для распространения запаха). Вдыхать в нос лекарственные, наркотические и т.п. средства. Разг. употреблять наркотики (через нос). 2. Прост. Разведывать, выискивать, выслеживать. 3. Прост. Испытывать что-либо, быть знакомым с чем-либо (обычно с отрицанием). Не нюхать пороха, пороху; нюхать порох, пороху. Не участвовать или участвовать в военных действиях. (Большой академический словарь русского языка, Т.12, 2016).1. Вдыхать через нос какой-л. запах; обонять. Вдыхать в нос (лекарственное, наркотическое и т. п. средство). 2. перен. (обычно с отрицанием «не»). Прост. Испытывать что-л., быть знакомым с чем-л. *3.* перен. Прост. Разузнавать, выведывать. (Словарь русского языка в четырех томах, Т.2, 1958). Пороху не нюхал см. порох. (Словарь русского языка в четырех томах, Т.2, 1958). Не нюхать пороха (пороху), не понюхать пороха(пороху). Не быть на войне, не воевать. (Комплексный словарь русского языка, 2009). 1. Вдыхать через нос для распознавания запаха, обонять. Не нюхал чего (разг., неодобр.) – не испытал, не знает чего-н. Пороху ненюхал (ещё не был в бою). (Ожегов, Шведова, 2007). И не нюхал – никогда не сталкивался с чем-то. (Фёдорова, 2013). Нюхать бутылку. Волг. Пить спиртное. (Мокиенко, Никитина, 2007). Нюхать \ понюхать воздух (воздуха). Жарг. Угол., мол. 1) Проводить воровскую разведку, слежку за потенциальной жертвой преступления. 2) Узнавать, разузнавать что-л. (Мокиенко, Никитина, 2007). Пороху не нюхал. Народ. О неопытном, не испытавшем трудностей, лишений человеке. (Мокиенко, Никитина, 2007). Др.-рус. нюхати, ѫхати, укр. нюхати, белор. нюхаць, болг. нюшкам ‘нюхаю’, сб.-хорв. njûšiti, чеш. диал. ňuchati, словац. ňuchať, польск. niuchać. Праслав. *ǫxati (причём начальное н- протетическое, возможно, под влиянием слова нос или некоторых предлогов) < и.-евр. *ane- ‘дышать, дуть’. См. вонь. По др. этимологии, из праслав. *n’uxati < и.-евр. *neuks- и родств. гот. bi-niuhsjan ‘выслеживать’, др.-англ. neosan ‘исследовать’. XIV в. (Багриновский, 2018).

«Нюхаться». 1. Разг. Обнюхивать друг друга (о животных). 2. Устар. Прост. Иметь знакомства, общаться с кем-либо. (Большой академический словарь русского языка, Т.12, 2016).

«Нюхач звонковый». Жарг. Угол. Человек, прослушивающий телефонные разговоры. (Мокиенко, Никитина, 2007).

«Нюхнуть». Однократное к нюхать. (Большой академический словарь русского языка, Т.12, 2016). Прост. Однокр. к нюхать. (Словарь русского языка в четырех томах, Т.2, 1958). Нюхнуть висячего. Жарг. Мол. Быть наказанным, избитым, обруганным. (Мокиенко, Никитина, 2007). Нюхнуть траву. Жарг. Нарк. Покурить гашиша. (Мокиенко, Никитина, 2007).

«Нюхнуться». Прост. Однократное к нюхаться. (Большой академиче-

ский словарь русского языка, Т.12, 2016).

2. Рассмотрим значения слов с корнем «нюх» с приставкой.

Аффиксальные морфы, находящиеся в составе простой основы перед корневым морфом, называются префиксальными (Русская грамматика, 1980).

Приставка в- имеет значение в словах с корнем «нюх» - «направленность во что-л.; внутрь или в пределы чего-л.; проникновение, углубление во что-л. (в прямом и переносном смысле)» (Лопатин, 2016, с. 52).

«Внюхаться». Уловить обонянием особенности какого-л. запаха. (Словарь русского языка в четырех томах, Т.1, 1957).

«Внюхиваться». Нюхая, стараться уловить, определить запах чего-л. (Большой академический словарь русского языка, Т.2, 2005).

Приставка вы- в словах с корнем «нюх» содержит значение «направленность за пределы чего-л., наружу; удаленность, выделенность из чего-л.»(Лопатин, 2016, с. 67).

«Вынюхать». Прост. Разыскать, найти по запаху. Перен. Разузнать, выведать.(Словарь русского языка в четырех томах, Т.1, 1957).

«Вынюхаться». (Большой академический словарь русского языка, Т.3, 2005).

«Вынюхивание». Действие по знач. глаг. вынюхивать и по знач. глаг. вынюхиваться [13].

«Вынюхивать». 1. Искать, выслеживать позапаху (о животных). 2. Разг. Выведывать, разузнавать (с оттенком неодобрительности). 3. Употреблять, расходовать полностью, вдыхая в себя (обычно нюхательный табак). (Большой академический словарь русского языка, Т.3, 2005). Несов. к вынюхать. (Словарь русского языка в четырех томах, Т.1, 1957).

«Вынюхиваться». 1. Полностью расходоваться при нюхании (о нюхательном табаке). 2. Страд. к вынюхивать. (Большой академический словарь русского языка, Т.3, 2005).

Приставка до- в словах с корнем «нюх» обозначает «доведенность до какого-л. предела» (Лопатин, 2016, с. 73).

«Донюхать» (Большой академический словарь русского языка, Т.5, 2006).

«Донюхаться» (Большой академический словарь русского языка, Т.5, 2006).

«Донюхивать». Кончать нюхать; расходовать оставшееся количество нюхательного табака. (Большой академический словарь русского языка, Т.5, 2006).

«Донюхиваться». 1. Разг. Усиленно нюхая, определять запах кого-, чего-л. 2. Разг. Продолжительно нюхая что-л., доводить себя до болезненного состояния. 3. Прост. Выведывать что-л., доискиваться до чего-л.

(Большой академический словарь русского языка, Т.5, 2006).

Приставка за- в словах с корнем «нюх» содержит следующие значения:

1) «доведение до какого-л. состояния; интенсивность (иногда чрезмерная) действия» (Лопатин, 2016, с. 83);

«Занюханный». Прост. Никуда не годный, плохой. (Большой академический словарь русского языка, Т.6, 2006).

«Занюхать». (Большой академический словарь русского языка, Т.6, 2006).

2) следование после чего-л. во времени (Лопатин, 2016, с. 88).

«Занюхивать». Разг. Нюхать что-либо после выпитого (обычно спиртного). (Большой академический словарь русского языка, Т.6, 2006).

Приставка на- в словах с корнем «нюх» обозначает «большую интенсивность, высокую степень чего-л.» (Лопатин, 2016, с. 107).

«Нанюхать». (Большой академический словарь русского языка, Т.11, 2008).

«Нанюхаться». (Большой академический словарь русского языка, Т.11, 2008). Разг. Вдоволь понюхать. (Словарь русского языка в четырех томах, Т.1, 1957). Понюхать чего-н. вдоволь, много. (Ожегов, Шведова, 2007). Как дурману нанюхался. Прост. Неодобр. То же, что ходить как в дурмане. О вялом, апатично расхаживающем человеке с очень замедленной реакцией и крайне заторможенным поведением. (Мокиенко, 2003). Нанюхаться вина. Волог. Шутл.-ирон. Напиться пьяным. (Мокиенко, Никитина, 2007).

«Нанюхивать». 1. Разг. По запаху находить кого-, что-либо. 2. Устар. Нюхая, осквернять что-либо. [21].

«Нанюхиваться». Разг. 1. Много, долго нюхать. Много, долго нюхая, вдыхаешь что-либо, доходить до болезненного состояния. (Большой академический словарь русского языка, Т.11, 2008).

Приставка об- в словах с корнем «нюх» имеет значение «направленность вокруг, на все стороны, на поверхность чего-л.; нахождение вокруг чего-л., рядом с чем-л.»(Лопатин, 2016, с. 133).

Обнюхивать. *1.* Нюхать кого-, что-либо со всех сторон, вокруг (обычно животных). *2.* Прост. Осматривать, обследовать, выяснять что-либо внимательно, тщательно. (Большой академический словарь русского языка, Т.13, 2016).

Обнюхиваться. 1. Обнюхивать друг друга (о животных). 2. Разг. обнюхивать вокруг себя, принюхаться (о животных). 3. Прост. Знакомиться, завязывать отношения с кем-либо, стараюсь понять друг друга (о людях). (Большой академический словарь русского языка, Т.13, 2016).

Приставка пере- в словах с корнем «нюх» содержит следующие значения:

1) «чрезмерно большая интенсивность, чрезмерно высокая степень чего-л.»(Лопатин, 2016, с. 154);

«Перенюхать». «Перенюхаться». (Большой академический словарь русского языка, Т.16, 2011).

2) «многократно, поочередно или попеременно совершить действие, названное мотивирующим гл.; действие совершено всем или многими субъектами или направлено на все или многие, объекты» (Лопатин, 2016, с. 153).

«Перенюхивание». Действие по знач. глаг. перенюхивать и перенюхиваться. (Большой академический словарь русского языка, Т.13, 2016).

«Перенюхивать». Обнюхивать всех, многих; нюхать все, многое. (Большой академический словарь русского языка, Т.13, 2016).

«Перенюхиваться». 1. Разг. Обнюхивать друг друга (о собаках). 2. Устар. неодобр. Тайно сговариваться, договариваться, входить в сношения с кем-л. (Большой академический словарь русского языка, Т.13, 2016).

Приставка по- в словах с корнем «нюх» содержит следующие значения:

1) «совершение действия в течение какого-л. времени (чаще – недолгого)» (Лопатин, 2016, с. 159).

«Понюхать». 1. Вдохнуть через нос для распознавания запаха. Вдохнуть через нос лекарственное или наркотическое средство, табак. 2. Разг. Познакомиться с чем-л., впервые испытать что-л. Понюхать пороху. Принять участие в военных действиях; повоевать. (Большой академический словарь русского языка, Т.18, 2011). Сов. к нюхать. (Словарь русского языка в четырех томах, Т.3., 1959). И понюхать не дать – нисколько не дать, не допустить к чему-либо. (Фёдорова, 2013).Дура понюхала кого. 1. Смол. Шутл.-ирон. О чьём-л. неудачном высказывании, поступке. 2. Волг. Шутл.-ирон. О крайне глупом человеке. (Мокиенко, Никитина, 2007). Дурак понюхал кого. Новг. Презр. То же, что круглый дурак. Круглый (набитый) дурак. Прост. Презр. О крайне глупом человеке. (Мокиенко, Никитина, 2007). Понюхать пороху. Народ. Испытать трудности, приобрести опыт в опасных, сложных ситуациях. (Мокиенко, Никитина, 2007). Шишига понюхала кого. Волг. Шутл.-ирон. О глупом, неразумном человеке. (Мокиенко, Никитина, 2007). Лучше один раз откусить, чем 100 раз понюхать. (Вальтер, Мокиенко, 2005).

«Понюхаться». Разг. Обнюхать друг друга (о животных). (Большой академический словарь русского языка, Т.18, 2011). Понюхаться с порохом. Пск. То же, что обкуриться порохом. (Мокиенко, Никитина, 2007).

«Понюх». Разг. устар. То же, что понюшка. Ни за понюх табаку (пропасть, погибнуть и т. п.) – то же, что ни за понюшку табаку. (Словарь русского языка четырех томах, Т.3., 1959).

«Понюшка». Разг. 1. Вдыхание щепотки нюхательного табака за один приём. 2. Щепотка нюхательного табаку, рассчитанная на один приём. (Большой академический словарь русского языка, Т.18, 2011). Разг. 1. Действие по знач. глаг. понюхать (табак). 2. Щепотка нюхательного табаку на один прием. Ни за понюшку табаку (пропасть, погибнуть и т. п.) – совершенно напрасно, зря. (Словарь русского языка четырех томах, Т.3., 1959).

2) небольшая интенсивность действия; неполнота, меньшая степень

признака (Лопатин, 2016, с. 157).

«Понюхивать». Разг. Нюхать понемногу или время от времени (Большой академический словарь русского языка, Т.18, 2011). Время от времени нюхать. (Словарь русского языка четырех томах, Т.3., 1959).

Присоединение **приставки по-** к слову **с приставкой раз-** в словах с корнем «нюх»:

1) приставка по- со значением «небольшая интенсивность действия; неполнота, меньшая степень признака» (Лопатин, 2016, с. 157);

2) приставка раз- со значением «совершенность, результативность действия» (Лопатин, 2016, с. 211).

«Поразнюхать». Разг. Разузнать; разнюхать. (Большой академический словарь русского языка, Т.18, 2011).

Приставка при- в словах с корнем «нюх» обозначает «освоение, восприятие чего-л.»(Лопатин, 2016, с. 190).

«Принюхаться». Разг. 1. Привыкнуть к какому-л. запаху. 2. Понюхав, распознать, узнать какой-л. запах. (Словарь русского языка четырех томах, Т.3., 1959).

«Принюхивание». Действие по знач. глаг. принюхиваться. (Большой академический словарь русского языка, Т.20, 2012).

«Принюхивать». Устар. Нюхать время от времени. (Большой академический словарь русского языка, Т.20, 2012).

«Принюхиваться». 1. Нюхать, стараясь определить, распознать какой-л. запах. 2. Разг. Стараться определить, присматриваясь к кому-, чему-л. 3. Разг. Долго, вдыхая какой-л. запах, привыкнуть к нему. Принюхаться к чему-л. (Словарь русского языка четырех томах, Т.3., 1959). 1. Привыкнуть к какому-нибудь запаху. 2. Внюхиваясь, постараться определить что-нибудь по запаху, различить запахи. (Ожегов, Шведова, 2007).

Приставка про- в словах с корнем «нюх» имеет значение «совершенность, результативность действия»(Лопатин, 2016, с. 200).

«Пронюхать». (Большой академический словарь русского языка, Т.21, 2012). (разг., неодобр.). (Ожегов, Шведова, 2007).

«Пронюхивание». (Большой академический словарь русского языка, Т.21, 2012).

«Пронюхивать». Разг.1. Нюхая, ощущать запах чего-либо. Нюхая, принюхиваясь, обнаружить присутствие кого-, чего-либо. (о животных). 2. Недобр. узнавать, разузнавать что-либо, о чём-либо (обычно скрываемом, тайном). - Пронюхивать что-либо про кого-, что-либо; о ком-, чем-либо. Устар. Пронюхивать чутьем, носом. (Большой академический словарь русского языка, Т.21, 2012).

«Пронюхиваться». (Большой академический словарь русского языка, Т.21, 2012).

Приставка раз- в словах с корнем «нюх» обозначает «совершенность, результативность действия»(Лопатин, 2016, с. 211).

«Разнюхать» (Большой академический словарь русского языка, Т.22, 2013).1. Распознать обоняние, по запаху (разг.). 2. Разведать, разузнать исподволь, тайком (прост.). (Ожегов, Шведова, 2007).

«Разнюхивать». 1. Распознать обонянием (обычно о животных). 2. Прост. Разузнавать исподволь, тайком; разведывать. Разнюхивать о чём-либо, про что дефицит либо, насчёт чего-либо. (Большой академический словарь русского языка, Т.22, 2013).

«Разнюхиваться». (Большой академический словарь русского языка, Т.22, 2013).

Приставка с- в словах с корнем «нюх» имеет значение «согласованность, сопоставленность»(Лопатин, 2016, с. 216).

«Снюхаться» (Большой академический словарь русского языка, Т.26, 2019).

«Снюхиваться». 1. Обнюхивать друг друга при встрече (о собаках). (Большой академический словарь русского языка, Т.26, 2019).

А.Н. Моргунова пишет, что лексикографический анализ позволяет «систематизировать словарное описание, сделать его максимально адекватным языковой системе» (Моргунова, 2024, с. 8). Различные лексикографические издания стремятся «систематизировать полную информацию о слове» (Долгова, 2020, с. 24).

Заключение

Выявлено 632 заголовочных слова с семой ‘ольфакторный’ из 23 словарей, их них 57 с корнем «нюх».

Рассмотрено значение слов с корнем «нюх» без приставки**:** значение корня «нюх» - «вдыхать через нос; обонять».

Определены значения слов с корнем «нюх» с приставкой. К корню «нюх» добавляются приставки слову, создавая различные оттенки значений: в- (внутрь запаха); вы- (по запаху); до- (до предела обонять); за- (сильно обонять); на- (очень обонять); об- (обонять вокруг); пере- (очень обонять; много обонять); по- (немного нюхать); при- (понять с помощью обоняния); про- (узнать с помощью обоняния); раз- (узнать с помощью обоняния); с- (соединиться для чего-либо).

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в изучении слов с корнем «нюх» в художественном, интернет- дискурсах, выявлении узуальных и окказиональных значений префиксов.

Библиографический список:

1. Багриновский Г.Ю. Краткий этимологический словарь: Более 5000 слов, их происхождение и датировка. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 671 с.
2. Балакай А. Словарь русского речевого этикета: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аст-пресс, 2001. 672 с.
3. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический

справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
4. Большой академический словарь русского языка. Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. Гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 1. М., С-П.: Наука, 2016.
5. Большой академический словарь русского языка. Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. Гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 2-3. М., С-П.: Наука, 2005.
6. Большой академический словарь русского языка. Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. Гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 4-6. М., С-П.: Наука, 2006.
7. Большой академический словарь русского языка. Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. Гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 7-9. М., С-П.: Наука, 2007.
8. Большой академический словарь русского языка. Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. Т. 10-11. М., С-П.: Наука, 2008.
9. Большой академический словарь русского языка. Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. Т. 12-13. М., С-П.: Наука, 2009.
10. Большой академический словарь русского языка. Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. Т. 14. М., С-П.: Наука, 2010.
11. Большой академический словарь русского языка. Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. Т. 15-19. М., С-П.: Наука, 2011.
12. Большой академический словарь русского языка. Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. Т. 20-21. М., С-П.: Наука, 2012. 731 с.
13. Большой академический словарь русского языка. Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. Т. 22. М., С-П.: Наука, 2013. 741 с.
14. Большой академический словарь русского языка. Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. Т. 23. М., С-П.: Наука, 2014. 735 с.
15. Большой академический словарь русского языка. Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. Т. 24-26. М., С-П.: Наука, 2019. 671 с.
16. Большой академический словарь русского языка. Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. Т. 27. М., С-П.: Наука, 2021. 800 с.
17. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с.
18. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребления. Культурологические комментарий. Ответственный редактор В.Н. Телия. – 4-е Издание. – М.: АСТ-Пресс школа , 2018. 784 с.
19. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. 576 с.
20. Горбачевич К.С. Словарь сравнении сравнительных оборотов в русском языке: около 1300 словарных статей. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 285 с.
21. Комплексный словарь русского языка / А.Н. Тихонов, Е.Н. Тихонова, С.А. Тихонов и др.; под ред. д-ра филол. наук А.Н. Тихонова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа: Дрофа, 2009. 1228 с.
22. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. Казань: Типография Императорского Университета, 1883. 152 с.
23. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь. – М.: Флинта: Наука, 2015. 316 с.
24. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. 812 с.
25. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. – СПб.: Норинт, 2003. 608 с.
26. Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). – М.: Рус. яз., 2004. 352 с.
27. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2007. 944 с.
28. Петрова М. В. Словарь крылатых выражений. – М.: Рипол-классик, 2011. 640 с.
29. Русская грамматика. Академия наук СССР. Институт русского языка. Т. 1. – М.: Наука, 1980. // URL: https://rusgram.narod.ru/172-190.html. (Дата обращения: 06.01.2025)
30. Васюкова И.А. Словарь иностранных слов: ок. 5000 слов. – М.: Астрель: АСТ: Трензиткнига, 2005. 988 с.
31. Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка. – М.: «Аделант», 2014. 800с.
32. Козинец С.Б. Словарь оксюморонов русского языка. – Саратов: Саратовский источник, 2014. 126 с.
33. Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С. Словарь паронимов современного русского языка. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2002. 464 с.
34. Словарь русского языка в четырёх томах. Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. Том 1. 963 с.
35. Словарь русского языка в четырёх томах. Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. Том 2. 1013 с.
36. Словарь русского языка в четырёх томах. Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959. Том 3. 992 с.
37. Словарь русского языка в четырёх томах. Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961. Том 4. 1088 с.

38. Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. – СПб.: «Норинт», 2002. 224с.
39. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
40. Фёдорова Т.Л. Фразеологический словарь русского языка. – М.: ЛадКом. 2013. 608 с.
41. Этимологический словарь русского языка. – М.: Лад-Ком, 2012. 608 с.
42. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – Москва: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
43. Бисерова Н. В. Современные тенденции лексикографии: опыт Франции и России: монография. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. 95 с.
44. Долгова Е.Ю. Лексикографическое портретирование лексемы «погрязнуть» (X – XVII вв.) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2020. № 4 (39). С. 23-30.
45. Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. – М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.
46. Иванова П.С. Обзор лингвистических исследований ольфакторного модуса перцепции // Состояние и перспективы лингвистической и методической мысли в современном образовательном пространстве. Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой юбилеям известных представителей Самарской лингвистической школы Александра Николаевича Гвоздева и Евгения Михайловича Кубарева. – Самара, 2022. С. 119-132.
47. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 288 с.
48. Моргунова А.Н. Лексикографическое портретирование слова «крепкий» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. № 4 (55). С. 7-17.
49. Серышева Ю.В. Формально-структурная членимость префиксального глагола в языковом сознании носителей языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 165-168.
50. Тур В.В. Вариативность лексикографических дефиниций как отражение динамичного природы лексического значения // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2021. № 1. С. 87-96.
51. Ruthrof H. Husserl's Phenomenology of Natural Language: Intersubjectivity and Communality in the Nachlass. – London; New York: Bloomsbury Academic, 2021. 242 p.

Reference

1. Bagrinovsky G.Yu. Brief Etymological Dictionary: More than 5,000 Words, Their Origin and Dating. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2018. 671 p.
2. Balakai A. Dictionary of Russian Speech Etiquette: 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Ast-Press, 2001. 672 p.
3. Birikh A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. Dictionary of Russian Phraseology. Historical and Etymological Handbook. St. Petersburg: Folio-Press, 1998. 704 p.
4. Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistic Studies. Ed.-in-Chief K.S. Gorbachevich. Vol. 1. Moscow, St. Petersburg: Nauka, 2016.
5. Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistic Studies. Ed.-in-chief K. S. Gorbachevich. Vols. 2-3. Moscow, St. Petersburg: Nauka, 2005.
6. Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistic Studies. Ed.-in-chief K. S. Gorbachevich. Vols. 4-6. Moscow, St. Petersburg: Nauka, 2006.
7. Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistic Studies. Ed.-in-chief K. S. Gorbachevich. Vols. 7-9. Moscow, St. Petersburg: Nauka, 2007.
8. Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistic Studies. Vols. 10-11. Moscow, St. Petersburg: Nauka, 2008.
9. Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistic Research. Vols. 12-13. Moscow, St. Petersburg: Nauka, 2009.
10. Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistic Research. Vol. 14. Moscow, St. Petersburg: Nauka, 2010.
11. Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistic Research. Vols. 15-19. Moscow, St. Petersburg: Nauka, 2011.
12. Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistic Research. Vols. 20-21. Moscow, St. Petersburg: Nauka, 2012. 731 p.
13. Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistic Research. Vol. 22. Moscow, St. Petersburg: Nauka, 2013. 741 p.
14. Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistic Research. Vol. 23. Moscow, St. Petersburg: Nauka, 2014. 735 p.
15. Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistic Research. Vols. 24-26. Moscow, St. Petersburg: Nauka, 2019. 671 p.
16. Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language. Russian Academy of Sciences. Institute of Lin-

guistic Research. Vol. 27. Moscow, St. Petersburg: Nauka, 2021. 800 p.
17. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Comprehensive Dictionary of Russian Proverbs. – M.: ZAO OLMA Media Group, 2007. 784 p.
18. Comprehensive Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Usages. Cultural Commentary. Editor-in-Chief V.N. Teliya. – 4th Edition. – M.: AST-Press School, 2018. 784 p.
19. Walter H., Mokienko V.M. Anti-proverbs of the Russian people. – St. Petersburg: Neva Publishing House, 2005. 576 p.
20. Gorbachevich K.S. Dictionary of Comparative Phrases in the Russian Language: About 1,300 Entries. – M.: OOO AST Publishing House: OOO Astrel Publishing House: ZAO NPP Ermak, 2004. 285 p.
21. Comprehensive Dictionary of the Russian Language / A.N. Tikhonov, E.N. Tikhonova, S.A. Tikhonov and others; edited by Dr. Philol. Sciences A.N. Tikhonov. – 4th ed., stereotype. – M.: Rus. language – Media: Bustard, 2009. 1228 p.
22. Krushevsky N.V. Essay on the science of language. Kazan: Printing house of the Imperial University, 1883. 152 p.
23. Lebedeva L.A. Stable comparisons of the Russian language: a thematic dictionary. – M.: Flinta: Nauka, 2015. 316 p.
24. Lopatin V.V., Ulukhanov I.S. Dictionary of derivational affixes of the modern Russian language. – M.: Publishing center "Azbukovnik", 2016. 812 p.
25. Mokienko V.M. Dictionary of Russian Similes. – St. Petersburg: Norint, 2003. 608 p.
26. Novikov A.B. Dictionary of Russian Periphrases (Based on Newspaper Publicism). – Moscow: Rus. lang., 2004. 352 p.
27. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions. 4th ed. – Moscow: OOO ITI Tekhnologii, 2007. 944 p.
28. Petrova M.V. Dictionary of Catchphrases. – Moscow: Ripol-classic, 2011. 640 p.
29. Russian Grammar. USSR Academy of Sciences. Institute of the Russian Language. T. 1. – M.: Nauka, 1980. // URL: https://rusgram.narod.ru/172-190.html. (Accessed: 06.01.2025)
30. Vasyukova I.A. Dictionary of foreign words: approx. 5000 words. – M.: Astrel: AST: Trenzitkniga, 2005. 988 p.
31. Egorova T.V. Dictionary of foreign words of the modern Russian language. – M.: "Adelant", 2014. 800 p.
32. Kozinets S.B. Dictionary of oxymorons of the Russian language. – Saratov: Saratov source, 2014. 126 p.
33. Belchikov Yu.A., Panyusheva M.S. Dictionary of paronyms of the modern Russian language. – M.: OOO Izdatelstvo AST: OOO Izdatelstvo Astrel, 2002. 464 p.
34. Dictionary of the Russian Language in Four Volumes. Ed. by A.P. Evgenyeva. – M.: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1957. Volume 1. 963 p.
35. Dictionary of the Russian Language in Four Volumes. Ed. by A.P. Evgenyeva. – M.: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1958. Volume 2. 1013 p.
36. Dictionary of the Russian Language in Four Volumes. Ed. by A.P. Evgenyeva. – M.: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1959. Volume 3. 992 p.
37. Dictionary of the Russian Language in Four Volumes. Ed. by A.P. Evgenyeva. – Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1961. Volume 4. 1088 p.
38. Gorbachevich K.S. Dictionary of Epithets of the Russian Literary Language. – St. Petersburg: Norint, 2002. 224 p.
39. Senichkina E.P. Dictionary of Euphemisms of the Russian Language. – Moscow: Flinta: Nauka, 2008. 464 p.
40. Fedorova T.L. Phraseological Dictionary of the Russian Language. – Moscow: LadKom. 2013. 608 p.
41. Etymological Dictionary of the Russian Language. Moscow: Lad-Kom, 2012. 608 p.
42. Bally Sh. General Linguistics and Issues of the French Language. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1955. 416 p.
43. Biserova N.V. Modern Trends in Lexicography: The Experience of France and Russia: Monograph. Perm: Perm State National Research University, 2021. 95 p.
44. Dolgova E.Yu. Lexicographic Portrayal of the Lexeme "pozhnut'" (10th-17th Centuries) // Current Issues in Modern Philology and Journalism. Voronezh State Technical University, 2020. № 4 (39). P. 23-30.
45. Zemskaya E.A. Modern Russian: Word Formation. Moscow: Flinta: Nauka, 2011. 328 p.
46. Ivanova P.S. Review of Linguistic Research on the Olfactory Mode of Perception // The State and Prospects of Linguistic and Methodological Thought in the Modern Educational Space. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Anniversaries of Famous Representatives of the Samara Linguistic School Alexander Nikolaevich Gvozdev and Evgeny Mikhailovich Kubarev. Samara, 2022. P. 119-132.
47. Krongauz M.A. Prefixes and Verbs in Russian: Semantic Grammar. Moscow: School "Languages of Russian Culture", 1998. 288 p.
48. Morgunova A.N. Lexicographic Portrayal of the Word "Strong" // Current Issues in Modern Philology and Journalism. Voronezh State Technical University, 2024. № 4 (55). P. 7-17.
49. Serysheva Yu.V. Formal and structural articulation of a prefixal verb in the linguistic consciousness of native speakers // Philological sciences. Theoretical and practical issues Tambov: Gramota, 2014. № 6 (36): in 2 parts. Part I. P. 165-168.
50. Tur V.V. Variability of lexicographic definitions as a reflection of the dynamic nature of lexical meaning // Journal of the Belarusian State University. Philology. 2021. № 1. P. 87-96.
51. Ruthrof H. Husserl's Phenomenology of Natural Language: Intersubjectivity and Communality in the Nachlass. – London; New York: Bloomsbury Academic, 2021. 242 p.

Сабитова А.М.
Кандидат филологических наук, доцент. Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский институт (Казань), г. Елабуга.

Кмин А.И.
Бакалавр, 4 курс. Высшая школы педагогики и филологии Елабужского института Казанского федерального университета.

Стилистико – семантические особенности имен прилагательных в современном молодёжном сленге*

Аннотация. Необходимость изучения функционирования имен прилагательных в молодежном сленге тесно взаимосвязана с ролью социальных сетей и мессенджеров в их жизни. В этих коммуникативных пространствах быстро происходят изменения. Прилагательные становятся «вирусными», их значения эволюционируют и расцветают в зависимости от контекста. Подростки охотно используют необычные синонимы, омонимы и метафоры для выражения адъективных значений. Это создает глубокую связь между языком и культурными процессами, в которые вовлечены молодежные сообщества. В результате происходит рекодификация слов, что подтверждает живое взаимодействие языка и социума.

Использование прилагательных в молодежной речи служит не только маркером передачи характеристик объектов, но и сложным социальным инструментом, способствующим интеграции и идентификации внутри группы. Возрастает роль прилагательных как концептов различных эмоциональных состояний и социокультурных тенденций. Подростковый сленг обладает определенными законами, которые можно рассматривать как отражение внутренней культуры и многообразия социума. Уникальные структуры, характеризующие эту речь, выделяются также в контексте лексических заимствований и адаптаций, что подтверждается множеством лексикографических источников. Сопоставление с другими социальными группами и особенностями их языковой практики позволяет углубить знания о речевой мозаике современной молодежи, их стремлениях и восприятии окружающей действительности.

Ключевые слова: имя прилагательное, молодёжный слэнг, адъективация, семантика, стиль, идентификация, коммуникативное пространство, стилистическая характеристика, менталитет.

Sabitova A.M.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Kazan (Volga Region) Federal University, Elabuga Institute (Kazan), Elabuga.

* © Сабитова А.М., Кмин А.И., 2025.

Kmin A.I.
Bachelor, 4th year. Higher School of Pedagogy and Philology, Elabuga Institute, Kazan Federal University.

Stylistic and semantic features of adjectives in modern youth slang

Abstract. The need to study the functioning of adjectives in youth slang is closely linked to the role of social media and instant messaging apps in their lives. These communicative spaces undergo rapid change. Adjectives become "viral," their meanings evolving and blossoming depending on context. Teenagers readily use unusual synonyms, homonyms, and metaphors to express adjectival meanings. This creates a profound connection between language and the cultural processes that engage youth communities. As a result, words undergo recodification, confirming the vibrant interaction between language and society.

The use of adjectives in youth speech serves not only as a marker for conveying characteristics of objects but also as a complex social tool, facilitating integration and identification within a group. The role of adjectives as concepts of various emotional states and sociocultural tendencies is increasing. Teenage slang exhibits certain patterns that can be viewed as a reflection of the internal culture and diversity of society. The unique structures that characterize this speech are also highlighted in the context of lexical borrowings and adaptations, as confirmed by numerous lexicographic sources. Comparisons with other social groups and the characteristics of their linguistic practices allow us to deepen our understanding of the speech mosaic of modern youth, their aspirations, and their perception of reality.

Key words: adjective, youth slang, adjectivization, semantics, style, identification, communicative space, stylistic characteristics, mentality.

В современном обществе язык подростков представляет собой динамичную систему, которая активно изменяется под воздействием различных факторов. Внедрение информационно-коммуникационных технологий в жизнь современного поколения привело к значительным изменениям в развитии и функционировании русского языка в интернет-пространстве. В современном коммуникативном пространстве язык молодежи функционирует как средство самовыражения и идентификации, позволяющее подросткам выделиться среди сверстников и сформировать свою уникальную ментальную карту окружающего мира. По мнению Е.А. Рубцовой, «лексика молодежного сленга отражает менталитет молодых людей, их ценностные ориентации и предпочтения. Он выполняет идеологическую функцию, показывает взаимоотношения молодых людей друг с другом, их отношение к

различным сферам общественной жизни» [1].

Одним из способов разнообразить свою речь, сделать ее более яркой и запоминающейся, для подростков стало трансформирование имени прилагательного в различных его категориях. Имена прилагательные обретают новые стилистико-семантические характеристики в зависимости от контекста использования. Прилагательные часто используются в образных конструкциях, что помогает выражать сложные эмоции или переживания, в то время как более формальные конструкции могут быть менее наглядными в данном контексте [1].

Одной из примет современных тенденций языка является движение к утрированию характеристик. Прилагательные приобретают новые формы и оттенки, которые, как правило, находятся в жесткой зависимости от контекста общения. Слово «прикольный», например, может варьироваться от простого одобрения до иронического комментария. Эта гибкость в использовании создаёт поле для экспериментирования с языком, что немаловажно для формирования самоидентичности подростка.

Также стоит отметить, что молодежный сленг активно использует неологизмы [2], которые служат не только для описания действительности, но и для создания нового образа жизни. Суффиксы, префиксы и игровая семантика играют ключевую роль в формировании новых черт прилагательных. В результате, такие комбинации как «лютый» в значении «очень интенсивный, крутой»; «душный» в значении «скучный» свидетельствуют о стремлении молодежи придавать эмоциональную окраску своему языку, что ещё больше затрудняет понимание их речи для людей старшего поколения.

Имена прилагательные в речи современных подростков также часто несут в себе социальный или культурный контекст. Например, прилагательные, связанные с разными субкультурами, представляют собой не просто данный феномен, а зеркало интересов и восприятия мира. Слова «геймерский» (от англ. game – игра, в значении игровой), «зумерский» (от англ. zoomer, образовано от boomer и буквы Z для обозначения людей поколения Z), «винтажный» (от франц. vintage – выдержанный) или «трендовый» (от англ. trend – тенденция) не только характеризуют предметы или действия, но и показывают принадлежность к определенной группе, передают информацию о ценностях и увлечениях. Это проявляется через использование специфических прилагательных, которые определяют насущные приоритеты подростков, и тем самым объединяют их в социальные группы.

Современные подростки активно используют имена прилагательные в своей речи, формируя уникальную языковую среду, отражающую их ценности и мировосприятие.

В толковом словаре русского сленга В.С. Елистратова [3] среди 148 выявленных прилагательных, 78 имеют положительное значение, тогда как 70 выражают отрицательную оценку. Таким образом, прилагательные выполняют функцию эмоциональной окраски и служат индикатором социального статуса говорящего. Определённые аффиксы позволяют не только создавать новые слова, но и придавать уже известным словам дополнительные значения, выражая динамику и изменчивость речи молодежи.

Вопрос изучения семантики и стилистики имен прилагательных в молодежной речи требует особого внимания. Некоторые сленговые прилагательные, будучи заимствованными из других языков, успешно интегрируются и адаптируются, что подчеркивает их гибкость и изменчивость [4].

Сленговые прилагательные часто приобретают более широкие значения, чем их литературные аналоги. Например, «крутой» может означать не только «имеющий крутой склон», но и «отличный», «модный», «авторитетный». Прилагательное «жёсткий» может означать не только «твердый», но и «сложный», «серьезный», «неприятный». Иногда значение сужается и специализируется в определенной области. Например, «хайповый» относится к чему-то популярному в интернете.

Еще одной семантической особенностью адъективов является перенос значения (метафоризация): «крышесносный» (в значении *отличный)*, «угарный» (*смешной*), «бомбический» (*отличного качества*) – примеры метафорического переноса, выражающих высокую степень качества.

В речи подростков происходит образование новых имен прилагательных. В сленге активно используются словообразовательные суффиксы для создания новых прилагательных: *-овый* (*хайповый, топовый*), *-астый (бабластый*), *-нутый (чокнутый*). Также новые формы образуются путем соединения основ (*кислотно-зеленый, мега-крутой*). Широкий пласт прилагательных представляют заимствования из английского языка, например – *чиловый* (от англ. chill - расслабляться, в значении «спокойный»), *абьюзивный* (от англ. abuse – злоупотребление, в значении «насильный»), *вайбовый* (от англ. vibe – атмосфера, в значении «атмосферный, хороший»), *праймовый* (от англ. prime - основной, в значении «лучший») [5]. Эти заимствования ассимилируются с речевыми особенностями русского языка, например, в приведенных словах процесс ассимиляции происходит с помощью присоединения различных суффиксов. Например, суффиксов *–ов-, -ив-: кринжовый (*от англ. «cringe» - сжаться) в значении *постыдный*, *имбовый (*от англ. «imbalanced» - дисбаланс) в значении *сильный (мощный*), *лайтовый* (от англ. «light» - свет) в значении *простой* [6]. Кроме того, происходит активное заимствование речевых особенностей и из других языков. Например, такая форма субстантивированного прилагательного как «роднойлар», что означает близкий круг общения) пришла в язык подрост-

ков из татарского языка, в котором окончание *–лар* указывает на форму множественного числа существительных и прилагательных. Также в связи с влиянием элементов японской культуры – аниме, популярного в Японии вида анимации, встречаются такие формы прилагательных как «няшный» от японского «ня» («мяу») [7].

В последние годы появились формы имен прилагательных, напоминающие краткие формы, тем не менее являющиеся полными: *мили* (милый), *умни* (умный), *красиви* (красивый). Такая речевая особенность все чаще встречается в речи подростков и детей.

В рамках нашего исследования был проведен статистический анализ частоты употребления некоторых сленговых прилагательных в постах, опубликованных в популярных среди подростков телеграмм-каналах, таких как «ВПШ» [8], «Овсянка, сэр» [9] и «Рифмы и Панчи» [10]. С помощью метода сплошной выборки была определена частотность использования таких прилагательных как «хайповый», «лютый», «вайбовый», «чилловый» и других. Наиболее часто употребляемыми в постах оказались прилагательные – «топовый» - 199 упоминаний (суммарно), «лютый», «хайповый» – 75, «кринжовый» - 51. Телеграмм канал «Рифмы и Панчи» оказался самым продуктивным в плане выкладывания постов со сленговыми прилагательными.

Примеры постов: «Бренд представил кринжовые кроссовки — их нужно носить задом наперед» [8]; «Это целостный трек, рабочий, самый топовый, вайбовый, №1 трек — однозначно» [8]; «В комментариях разгорелся лютый треш» [8]; «Энтузиасты додумали несколько топовых мемов с помощью ИИ» [9]; «Лютый парень на оранжевой «десятке», где-то в Татарстане, организовал самую необычную погоню» [10]; «Когда все вокруг покупают квартиры и машины, а ты просто чилловый парень, который тратит деньги на латте и импульсивные покупки» [10]; «Сейчас бы взять такой вайбовый автомобиль и отправиться в путешествие, а не вот это всё...» [10]; «Зумеры начали использовать эмодзи стула как кринжовый смех» [10].

Большинство приведенных сленговых прилагательных имеют ярко выраженную эмоциональную окраску, будь то положительную («топовый», «вайбовый», «чилловый») или отрицательную («кринжовый», «лютый», «трешовый»). Прилагательное *кринжовый* - значит, вызывающий чувство стыда, неловкости, отвращения. Подчеркивает негативную оценку объекта. («кринжовые кроссовки», «кринжовый смех»). Прилагательное *топовый* означает высшую степень положительной оценки («самый топовый трек», «топовые мемы»). *Вайбовый* - подчеркивает приятные ощущения, вызываемые объектом («вайбовый трек», «вайбовый автомобиль»). *Лютый* – в данном контексте используется для усиления негативной коннотации, подчеркивая масштабность события, тогда как первич-

ное значение этого слова отступает на второй план («лютый треш», «лютый парень»). *Чилловый* – описывает человека, не подверженного стрессу и заботам («чилловый парень»). *Рабочий* - в данном контексте означает «эффективный, хорошо сделанный, годный», например, «рабочий трек».

Сленговые прилагательные используются для придания постам большей экспрессивности, эмоциональности и неформальности. Они позволяют установить более тесный контакт с аудиторией, особенно с молодежной, и создать ощущение принадлежности к определенной группе. Использование сленга делает язык более живым, динамичным и приближенным к разговорному. Это характерно для постов в социальных сетях и других неформальных онлайн-платформах. Использование этих слов помогает брендам и медиаресурсам обращаться к этой аудитории на ее языке.

Употребление сленговых прилагательных в приведенных постах является сознательным стилистическим приемом, направленным на установление контакта с молодежной аудиторией, придание текстам большей экспрессивности и создание определенной эмоциональной атмосферы. Выбор конкретных прилагательных зависит от целей и задач автора, а также от контекста и целевой аудитории. Применение сленга помогает брендам и медиаресурсам говорить на языке своей аудитории, делая контент более привлекательным и понятным.

Нами также были проанализированы ситуации неформального общения подростков в чате телеграм-канала «ВПШ» [8]. Методом сплошной выборки были получены следующие результаты: прилагательное «хайповый» использовалось 22 раза: «Блин, а раньше то хайповый чувак был»; «вайбовый» – 40 раз: «Зачастую хочется вайбово поорать с трэшевой комедии»; «лютый» - 300 раз: «Какой же байт лютый ору»; «чилловый» – 21 раз: «Блин у тебя такой канал чилловый просто кайф». Все эти прилагательные являются яркими представителями современного молодежного и интернет-сленга. Это указывает на неформальный характер коммуникации, в рамках которой были собраны комментарии. Поразительно высокая частотность слова «лютый» (300 раз) по сравнению с другими (21-40 раз) свидетельствует о его роли как основного, «ударного» слова-интенсификатора в данной речевой среде. Оно, вероятно, используется в самых разных контекстах для придания высказыванию большей выразительности и силы. Частое использование таких слов, как «вайбовый» и «чилловый» может косвенно указывать на ценность определенного настроения, атмосферы и расслабленного времяпрепровождения для аудитории, оставившей комментарии. Использование в коммуникации прилагательного «хайповый» отражает интерес к трендам и популярности.

В результате изучения молодежного сленга, можно выделить его роль как неформального языка, который способствует созданию уникаль-

ных социальных контекстов, а также формированию новых ценностей и норм. Нахождение на грани между стандартами и привычной лексической практикой формирует остроту, игривость и самобытность молодежной речи, что в полной мере раскрывает стилистико-семантические особенности имен прилагательных. Эти новые формы общения становятся важной частью социальных сетей и других средств популяризации сленга, подчеркивая его изменчивость и адаптивность в условиях стремительно меняющегося мира.

Имена прилагательные в речи современных подростков становятся не только инструментом для описания объекта или явления, но и инструментом самовыражения, социальной идентификации и эмоциональной связи с другими. Подобные наблюдения открывают перспективы дальнейших исследований, направленных на выявление динамики изменения языка и его адаптации к новым условиям жизни в условиях глобализации.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что наиболее продуктивными способами образования новых прилагательных в речи подростков являются иноязычные заимствования, аффиксация, метафоризация и полисемия.

Библиографический список:

1. Рубцова Е.А. Молодежный сленг как противоречивое явление в современной лингвистике // Русистика. 2009. № 1. С. 19-25. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-sleng-kak-protivorechivoe-yavlenie-v-sovremennoy-lingvistike?ysclid=m98k8wnvix410519288 (Дата обращения: 30.04.2025)
2. Воронкова А.А., Функциональные особенности молодежного сленга современных студентов / А.А. Воронкова, С.М. Мальцева, Е.М. Ульянкина // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2. С. 237-240. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnye-osobennosti-molodyozhnogo-slenga-sovremennyh-studentov?ysclid=m8smz0mz60626647644 (Дата обращения: 02.05.2025)
3. Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга: свыше 12 000 слов и выражений / В.С. Елистратов. – Москва: АСТ-ПРЕСС. 2007. 672 с.
4. Ухова Л.В. Исследование структурно-семантических характеристик сленга русской студенческой молодежи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 3. С. 96-105. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-strukturno-semanticheskih-harakteristik-slenga-russkoy-studencheskoy-molodezhi?ysclid=m98kee0id8873330903 (Дата обращения: 05.05.2025)
5. Илели А. Толковый словарь русского молодёжного сленга / А. Илели, А. Федотова // Словарь сленга. Тильда. 2025. // URL: https://slovar-slenga.tilda.ws/ (Дата обращения: 03.05.2025)
6. Милешина Л.В. Особенности молодежного сленга в речи современного школьника // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 1. С. 365-368. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-molodezhnogo-slenga-v-rechi-sovremennogo-shkolnika?ysclid=m8smt4fb66963891363 (Дата обращения: 04.05.2025)
7. Харькова Е.В. Способы словообразования в молодежном сленге русского языка / Е.В. Харькова, К.М. Муратовна // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10. С. 161-163. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-slovoobrazovaniya-v-molodezhnom-slenge-russkogo-yazyka (Дата обращения: 02.05.2025)
8. ВПШ: телеграм – канал: И. Синяк. – Москва, 2013. // URL: https://web.telegram.org/a/#-1001255428755 (Дата обращения: 10.05.2025)
9. Овсянка, Сэр!: телеграм – канал: Москва, 2017. // URL: https://web.telegram.org/a/#-1001141576790 (Дата обращения: 11.05.2025)
10. Рифмы и панчи: телеграм – канал / М. Паньшин – Санкт-Петербург, 2011. // URL: https://web.telegram.org/a/#-1001058912111 (Дата обращения: 10.05.2025)
11. Иванов В.В., Кардашевский Я.М., Акимова В.С. Деконструкция пространства-времени: эволюционное

восприятие, голографическое возникновение и онтология иллюзий // Культура Мира. 2025. Т. 14. № 85 (4). С. 103-109.

Reference

1. Rubtsova E.A. Youth slang as a controversial phenomenon in modern linguistics // Russists. 2009. № 1. P. 19-25. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-sleng-kak-protivorechivoe-yavlenie-v-sovremennoy-lingvistike?ysclid=m98k8wnvix410519288 (30.04.2025)
2. Voronkova A.A., Functional features of youth slang of modern students / A.A. Voronkova, S.M. Maltseva, E.M. Ulyankina // Baltic Journal of the Humanities. 2020. Vol. 9. № 2. P. 237-240. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnye-osobennosti-molodyozhnogo-slenga-sovremennyh-studentov?ysclid=m8smz0mz60626647644 (02.05.2025)
3. Elistratov V.S. Explanatory Dictionary of Russian Slang: Over 12,000 Words and Expressions / V.S. Elistratov. - Moscow: AST-PRESS. 2007. 672 p.
4. Ukhova L.V. Study of Structural and Semantic Characteristics of Russian Student Youth Slang // Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Philology. Language Theory. Language Education. 2020. № 3. P. 96-105. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-strukturno-semanticheskih-harakteristik-slenga-russkoy-studencheskoy-molodezhi?ysclid=m98kee0id8873330903 (05.05.2025)
5. Ileli A. Explanatory Dictionary of Russian Youth Slang / A. Ileli, A. Fedotova // Slang Dictionary. Tilda. 2025. // URL: https://slovar-slenga.tilda.ws/ (03.05.2025)
6. Mileshina L.V. Features of youth slang in the speech of a modern schoolchild // Baltic Humanitarian Journal. 2021. Vol. 10. № 1. P. 365-368. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-molodezhnogo-slenga-v-rechi-sovremennogo-shkolnika?ysclid=m8smt4fb66963891363 (04.05.2025)
7. Kharkova E.V. Methods of word formation in youth slang of the Russian language / E.V. Kharkova, K.M. Muratovna // Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2016. № 10. P. 161-163. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-slovoobrazovaniya-v-molodezhnom-slenge-russkogo-yazyka (02.05.2025)
8. VPS: telegram channel: I. Sinyak. – Moscow, 2013. // URL: https://web.telegram.org/a/#-1001255428755 (10.05.2025)
9. Ovsyanka, Sir!: Telegram channel: Moscow, 2017. // URL: https://web.telegram.org/a/#-1001141576790 (11.05.2025)
10. Rhymes and punches: Telegram channel / M. Panshin – St. Petersburg, 2011. // URL: https://web.telegram.org/a/#-1001058912111 (10.05.2025)
11. Ivanov V.V., Kardashesckii Y.M., Akimova V.S. Deconstructing spacetime: evolutionary perception, holographic emergence, and the ontology of illusions // Cultural World. 2025. Vol. 14. № 85 (4). P. 103-109.

Новичкова О.В.

Государственное бюджетное образовательное учреждение Школа № 777. Учитель русского языка и литературы.

Методика преподавания русского языка в современной школе*

Аннотация. В работе рассматриваются особенности методики преподавания русского языка в современной школе, акцентируется внимание на переходе от традиционных к инновационным подходам, направленным на формирование языковой компетенции и коммуникативных навыков учащихся. Исследование выявляет, что современная методика строится на принципах системности, наглядности и практической направленности, интегрирует традиционные и современные педагогические технологии, включая «флип-класс», проектную деятельность и информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). В статье подробно рассматриваются традиционные методы (объяснительно-иллюстративный, репродуктивный, проблемное обучение), а также инновационные технологии, такие как технология «флип-класс», проектная деятельность, игровые методы и коммуникативный подход, которые создают условия для активного взаимодействия и развития навыков коммуникации. Роль учителя трактуется как организация и фасилитация учебного процесса, стимулирование самостоятельности, критического мышления и самоконтроля. Особое значение придаётся личностно-ориентированному подходу, использованию игровых методов и дифференцированной работе с учащимися. Подчеркивается роль учителя как организатора учебного процесса и фасилитатора, способствующего развитию критического мышления и самостоятельности. В завершение автор делает вывод о том, что современный подход ориентирован на практическое применение языка в различных сферах жизни, подготовку школьников к реальным коммуникативным ситуациям и адаптацию обучения к цифровой эпохе.

Ключевые слова: методика преподавания, русский язык, современная школа, языковая компетенция, коммуникативный подход, традиционные методы, инновационные технологии, информационно-коммуникационные технологии, личностно-ориентированный подход, дифференцированное обучение.

Novichkova O.V.

State Budgetary Educational Institution School No. 777. Teacher of Russian Language and Literature.

Methods of teaching Russian in modern schools

* © Новичкова О.В., 2025.

Abstract. The paper examines the peculiarities of the methodology of teaching Russian in modern schools, focuses on the transition from traditional to innovative approaches aimed at the formation of language competence and communication skills of students. The study reveals that the modern methodology is based on the principles of consistency, clarity and practical orientation, integrates traditional and modern pedagogical technologies, including the flip classroom, project activities and information and communication technologies (ICT). The article examines in detail traditional methods (explanatory and illustrative, reproductive, problem-based learning), as well as innovative technologies such as flip class technology, project activities, game methods and a communicative approach that create conditions for active interaction and the development of communication skills. The role of the teacher is interpreted as the organization and facilitation of the educational process, stimulating independence, critical thinking and self-control. Particular importance is attached to a personality-oriented approach, the use of game methods and differentiated work with students. The role of the teacher as an organizer of the educational process and a facilitator contributing to the development of critical thinking and independence is emphasized. In conclusion, the author concludes that the modern approach is focused on the practical application of language in various spheres of life, preparing students for real communicative situations and adapting learning to the digital age.

Key words: teaching methods, Russian language, modern school, language competence, communicative approach, traditional methods, innovative technologies, information and communication technologies, personality-oriented approach, differentiated learning.

Цель исследования – установить особенности методики преподавания русского языка в современной школе. Проблема исследования состоит в том, что преподавание русского языка в современной школе является одной из ключевых задач образовательного процесса. Эффективная методика направлена на развитие языковой компетенции учащихся, их умение мыслить, анализировать и выражать свои мысли вербально и письменно. Методология исследования включает в себя анализ научной литературы, а также успешных практик в преподавании русского языка.

Современная методика преподавания русского языка в школе значительно отличается от традиционных подходов, направленных исключительно на заучивание правил и изучение грамматики. В основе современных методов лежит понимание того, что язык — это живой инструмент общения, и обучение должно способствовать развитию у учащихся способности использовать русский язык эффективно в различных жизненных ситуациях. В современной методике преподавания русского языка в школе основное внимание уделяется систематическому, наглядному и практическому обучению, что помогает сформировать у учащихся глубокие знания и умения, необходимые для использования языка в различ-

ных сферах [1].

Барабанова М.Ю. в своей статье отмечает, что системность подразумевает последовательное изучение языка: материалы подаются от простого к сложному, основываясь на четкой логике и структуре языка. Такой подход обеспечивает целостное восприятие, помогает понять взаимосвязи между уровнями языка — фонетикой, лексикой, морфологией, синтаксисом и текстом. Это способствует формированию у учащихся системных знаний и умению видеть язык как единую функционирующую систему. Наглядность включает использование схем, таблиц, иллюстраций и мультимедийных средств. Такой подход облегчает восприятие сложных понятий и делает уроки более интересными. Наглядные материалы способствуют закреплению материала, особенно у младших школьников, для которых визуальные образы являются важным инструментом обучения. Практическая направленность ориентирована на реальные ситуации и жизненные задачи. Обучение строится вокруг работы с текстами, диалогами, упражнениями на развитие устной и письменной речи, что обеспечивает использование знаний в быту, учебе и профессии. Такой подход помогает сформировать коммуникативные навыки и подготовить учащихся к самостоятельной языковой деятельности [2].

Традиционные методы преподавания русского языка в школе играют фундаментальную роль в формировании базовых знаний и навыков у учащихся и основаны на проверенных педагогических практиках, передающихся из поколения в поколение. Традиционные методы включают:

Объяснительно-иллюстративный метод

Это один из самых распространённых традиционных методов, при котором учитель подробно объясняет новый материал, сопровождая его наглядными примерами: схемами, таблицами, текстами, иллюстрациями. Учитель выступает как источник готовых знаний, а основная задача ученика — внимательно слушать, запоминать и воспроизводить полученную информацию. Этот метод особенно эффективен для подачи грамматических правил, лексических единиц и других теоретических аспектов языка.

Репродуктивный метод

Метод основан на многократном повторении и закреплении знаний через выполнение упражнений по образцу. Ученики воспроизводят изученный материал устно и письменно, что способствует формированию устойчивых навыков грамотности, правописания и применения грамматических правил. В частности, это орфографические и пунктуационные упражнения, направленные на правильное написание слов и расстановку знаков препинания [3].

Проблемное обучение

Этот метод активизирует умственную деятельность учащихся, предлагая им решать лингвистические или литературные проблемы, требующие анализа, выдвижения гипотез и самостоятельного поиска решений. Примеры включают лингвистические эксперименты (анализ изменения значения слов в разных контекстах), интерпретацию литературных произведений и творческое сочинение с использованием языковых правил. Этот метод развивает критическое мышление и творческие способности учеников.

Лекция и работа с текстами

Лекция позволяет учителю структурированно донести объемный материал, а последующий разбор и пересказ текстов развивают у учеников навыки понимания, анализа и обогащают словарный запас.

Аналитико-синтетический метод

Ученикам предлагается самостоятельно анализировать языковой материал, делать выводы, что формирует навыки самостоятельного мышления и исследовательской деятельности. Этот метод находится на грани традиционных и поисковых подходов, способствуя более глубокому освоению языка [4].

Киселева Н.В. подчеркивает, что в преподавании русского языка в современной школе традиционные и инновационные методы сочетаются для достижения максимальной эффективности обучения. Технология «флип-класс» (flipped classroom) меняет традиционную структуру урока: ученики изучают новую тему самостоятельно (например, с помощью видеоуроков дома), а в классе посвящают время обсуждению и практическим заданиям. Это позволяет учитывать индивидуальный темп обучения, повышает вовлечённость и развивает критическое мышление. Проектная деятельность помогает углубить знания через создание проектов, стимулируя самостоятельность, исследовательские навыки и критическое мышление. Групповые и парные формы работыспособствуют сотрудничеству и развитию коммуникативных навыков. Парная работа улучшает умение вести диалог, а групповая — обмениваться мнениями и активно участвовать в учебном процессе. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) — использование интерактивных досок, мультимедийных презентаций, образовательных онлайн-платформ, видео и аудио материалов делает процесс обучения более увлекательным, индивидуализированным и эффективным. Онлайн-платформы позволяют адаптировать задания под уровень учеников и осуществлять мониторинг их успехов [7].

Одной из главных особенностей является переход от предметного знания к формированию языковой компетенции. Это означает, что ученик не просто запоминает правила и определения, а учится понимать смыслы

текстов, строить аргументированные высказывания и применять язык для решения коммуникативных задач. Такой подход требует активного вовлечения учащихся в учебный процесс, создания условий для их самостоятельной работы и критического мышления.

В современной методике большое место занимает интеграция различных педагогических технологий. Например, коммуникативный метод, в котором основной упор делается на развитие устной и письменной речи через диалоги, обсуждения и совместные проекты. Также активно применяются игровые технологии и проблемное обучение, которые помогают формировать мотивацию и интерес к изучению языка, развивать творческие способности и навыки сотрудничества. Еще одной важной особенностью является использование цифровых технологий и мультимедийных ресурсов. В учебный процесс внедряются интерактивные задания, электронные учебники, обучающие платформы и приложения, что позволяет разнообразить формы подачи материала и адаптировать уроки под индивидуальные потребности каждого ученика. Такой подход не только повышает интерес к предмету, но и помогает учителям более точно диагностировать успехи учащихся. Кроме того, современная методика учитывает психологические и возрастные особенности школьников. Разрабатываются дифференцированные задания, которые подходят учащимся с разным уровнем подготовки и стилями восприятия информации. Это способствует созданию комфортной и поддерживающей образовательной среды, где каждый ученик чувствует себя уверенно и мотивировано [8].

Исследователь Ланина, Т. В. подчеркивает, что в современной методике преподавания русского языка применяются разнообразные методы и приемы, которые направлены на развитие у школьников активной речевой деятельности и глубокого понимания языкового материала. Главным приоритетом становится не механическое заучивание, а умение использовать язык в реальных коммуникативных ситуациях [9].

Одним из ключевых методов является коммуникативный подход, который ставит в центр обучения общение. Ученики не просто изучают правила, они активно взаимодействуют, участвуют в диалогах, ролевых играх, обсуждают различные темы, что способствует развитию навыков слушания, говорения, чтения и письма. Такой метод уменьшает страх ошибки и стимулирует языковую активность. Игровые технологии занимают важное место в учебном процессе. С помощью игр и творческих заданий дети лучше усваивают материал, повышается их мотивация и интерес к предмету. Проблемное обучение помогает развивать критическое мышление, стимулирует самостоятельный поиск решений и формирует умение анализировать языковые явления.

Сегодня активно используются информационно-коммуникационные

технологии (ИКТ). Мультимедийные презентации, интерактивные упражнения, обучающие платформы дают возможность разнообразить уроки, сделать их более динамичными и привлекательными для современных детей. Это позволяет учителю адаптировать учебный материал под разные уровни подготовки школьников и их индивидуальные потребности. Особое внимание уделяется дифференцированному подходу: задания разной сложности и форматы работы подбираются с учетом специфики класса и отдельных учеников. Это помогает избегать однообразия, поддерживать интерес и создавать условия для успешного усвоения материала каждым учеником [10].

Учитель в современных условиях работает не только как источник знаний, но главным образом как организатор и фасилитатор учебного процесса. Его задача — создать атмосферу, в которой каждый ученик чувствует свою значимость и получает возможность раскрыть свои способности. Роль учителя включает мотивацию обучающихся и поддержку их интереса к предмету через разнообразные приемы, включая интерактивные формы обучения и использование современных технологий. Учитель должен уметь стимулировать мышление, задавать вопросы, провоцировать обсуждения, направлять учеников к самостоятельному поиску и анализу информации. Важным аспектом является индивидуальный подход: понимание сильных и слабых сторон каждого ребенка позволяет адаптировать методы преподавания, подобрать оптимальные задания и обеспечить своевременную помощь. Учитель способствует формированию навыков самоконтроля и самооценки, что помогает ученикам стать более ответственными и самостоятельными [5].

Современная школа характеризуется динамичными изменениями в образовательной сфере, что отражается на методах и целях преподавания русского языка. В отличие от традиционных моделей, современные школы ставят акцент не только на формирование языковых знаний, но и на развитие навыков коммуникации, критического мышления и цифровой грамотности [11].

Основные принципы методики преподавания включают личностно-ориентированный подход, коммуникативную направленность и интеграцию цифровых технологий. Это ставит в центр образовательного процесса личность ученика с учетом его индивидуальных особенностей, интересов и потребностей. Учитель выступает не столько источником информации, сколько помощником и диагностом, создавая условия для самореализации и развития каждого ученика. Такой подход способствует повышению мотивации и формированию положительного отношения к учебе «Личностно-ориентированный подход». Методика коммуникативной направленности же предполагает формирование у учеников навыков

реального речевого общения, что достигается через активное использование диалогов, дискуссий, ролевых игр и проектной деятельности. Это помогает ученикам овладеть языком в естественных коммуникативных ситуациях и развивать межличностное взаимодействие. Современное обучение активно включает интерактивные доски, обучающие приложения, онлайн-ресурсы и платформы. Это обеспечивает динамичность занятий и расширяет возможности для самостоятельной работы, способствует более эффективному усвоению материала и развитию навыков работы с цифровыми инструментами [12].

Таким образом, современная методика преподавания русского языка должна отвечать вызовам времени, учитывать глобализацию и развитие цифровых технологий. Акцент ставится на практическом применении языка, междисциплинарных связях и познавательной самостоятельности обучающихся. Методика преподавания русского языка в современной школе должна быть гибкой и современной, ориентированной на развитие личности и практического владения языком. Использование разнообразных методов, активное внедрение цифровых технологий и коммуникативной направленности уроков способствуют повышению эффективности обучения и формированию готовности школьников к успешной языковой деятельности в реальных условиях.

Библиографический список:

1. Жорабекова М.К., Дуйсенова Г. Современные методы обучения на уроках русского языка // Наука и реальность. 2024. № 3 (19). С. 70-76.
2. Барабанова М.Ю. Методика преподавания русского языка: таблицы, схемы, комментарии: Учеб.-метод. пособие / М.Ю. Барабанова. – Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2014. 62 с.
3. Собирова З.М.К вопросу о коммуникативной компетенции молодёжи // Русский язык и литература в поликультурном мире, 20 май.2022г.: материалы международная научно-практическая конференции. – Фергана: 2022. С. 31-34.
4. Мекебаева Ш.М. Актуальные проблемы теории и практики преподавания русского языка и литературы // Молодой ученый. 2025. № 20.1 (571.1). С. 91-93. // URL: https://moluch.ru/archive/571/125017.
5. Репина И.Г. Современный урок русского языка в условиях введения ФГОС // Молодой ученый. 2022. № 7 (402). С. 195-197.
6. Степикова Е. В. Взгляд на преподавание русского языка и литературы в школе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. № 12 (декабрь). С. 11-15. // URL: http://e-koncept.ru/2013/13243.htm.
7. Киселева Н.В. Методические аспекты преподавания родного языка (русского): учебно-методическое пособие / Н.В. Киселева. – Электрон. текстовые дан. (706 Kb). – Ярославль: ГАУ ДПО ЯО ИРО, 2022 (Федеральные государственные образовательные стандарты).
8. Актуальные вопросы изучения русского языка как иностранного и проблемы преподавания на русском языке. Сборник статей по итогам VII Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 15–16 октября 2019 г.).
9. Ланина Т.В. Оценивание в преподавании русского языка и литературы: между стандартизацией и личностным подходом // Педагогика. 2021. № 7. С. 88-93.
10. Осмоловская И.М. Русский язык и литература в школе: от традиции к инновациям / И.М. Осмоловская. – М.: Academia, 2020. 208 с.
11. Вольнова Д.Н., Меланченко Е.А. Организация процесса обучения русскому языку как иностранному: актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного, роль преподавателя и учащегося в процессе обучения // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 8. // URL: https://web.snauka.ru/issues/2016/08/68724 (Дата обращения: 30.10.2025).

12. Русский язык как неродной: новое в теории и методике: материалы IV междунар. науч.-метод. конф. (Москва, 16 мая 2014 г.) / редкол.: М.С. Берсенева [и др.]. Вып. 4. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. 372 с.
13. Байханов И.Б., Терновая Л.О. Педагогическая антропология лекции // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 97-109.

Reference

1. Zhorabekova M.K., Duysenova G. Modern teaching methods in Russian language lessons // Science and Reality. 2024. № 3 (19). P. 70-76.
2. Barabanova M.Yu. Methods of teaching Russian: tables, diagrams, comments: Textbook-method. manual / M.Yu. Barabanova. – Tula: TSPU named after L.N. Tolstoy, 2014. 62 p.
3. Sobirova Z.M. On the issue of communicative competence of young people // Russian language and literature in a multicultural world, May 20, 2022: materials of the international scientific and practical conference. – Fergana: 2022. P. 31-34.
4. Mekebaeva Sh.M. Actual problems of the theory and practice of teaching Russian language and literature // Young scientist. 2025. № 20.1 (571.1). P. 91-93. // URL: https://moluch.ru/archive/571/125017.
5. Repina I.G. Modern Russian language lesson in the context of the introduction of the Federal State Educational Standard // Young scientist. 2022. № 7 (402). P. 195-197.
6. Stepikova E.V. A look at the teaching of Russian language and literature at school // Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2013. № 12 (December). P. 11-15. // URL: http://e-koncept.ru/2013/13243.htm.
7. Kiseleva N.V. Methodological aspects of teaching the native language (Russian): teaching aid / N.V. Kiseleva. – Electron. Text data. (706 Kb). – Yaroslavl: GAU DPO Yaroslavl Oblast IRO, 2022 (Federal State Educational Standards).
8. Current Issues in Studying Russian as a Foreign Language and Problems of Teaching in Russian. Collection of Articles Following the VII International Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, October 15–16, 2019).
9. Lanina T.V. Assessment in Teaching Russian Language and Literature: Between Standardization and a Personalized Approach // Pedagogy. 2021. № 7. pp. 88-93.
10. Osmolovskaya I.M. Russian Language and Literature in School: From Tradition to Innovation / I.M. Osmolovskaya. – Moscow: Academia, 2020. 208 p.
11. Volnova D.N., Melanchenko E.A. Organization of the process of teaching Russian as a foreign language: current problems of teaching Russian as a foreign language, the role of the teacher and student in the learning process // Modern scientific research and innovation. 2016. № 8. // URL: https://web.snauka.ru/issues/2016/08/68724 (10.30.2025).
12. Russian as a non-native language: new in theory and methodology: Proc. IV int. sci.-method. conf. (Moscow, May 16, 2014) / ed. board: M.S. Berseneva [et al.]. Issue 4. – Cheboksary: CNS "Interactive plus", 2015. 372 p.
13. Bayhanov I.B., Ternovaya L.O. Pedagogical anthropology of lecture // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 97-109.

Кунгурова И.М.
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и методик их преподавания, начальник научного отдела. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменский государственный университет.

Залевская В.Ю.
Обучающаяся 4 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменский государственный университет.

Колесова Я.А.
Обучающаяся 4 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменский государственный университет.

Лоншакова Д.Д.
Обучающаяся 4 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменский государственный университет.

Червова А.А.
Обучающаяся 4 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменский государственный университет.

Развитие социокультурной компетенции на уроках английского языка у учащихся средней школы посредством англоязычных литературных произведений*

Аннотация. В статье рассматривается потенциал использования аутентичных англоязычных литературных произведений как эффективного инструмента формирования социокультурной компетенции у учащихся средней школы (5-9 классы). Исследуются механизмы интеграции литературного материала в учебный процесс для развития эмпатии, понимания исторического контекста художественных произведений. На конкретных литературных примерах анализируются методы и приемы работы, направленные на достижение метапредметных образовательных результатов в соответствии с требованиями ФГОС.

Ключевые слова: социокультурная компетенция, учащиеся средней школы, английский язык, англоязычная литература, межкультурная коммуникация, эмпатия, метапредметные результаты.

* © Кунгурова И.М., Залевская В.Ю., Колесова Я.А., Лоншакова Д.Д., Червова А.А., 2025.

Kungurova I.M.
Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Department of the Humanities and Teaching Methods, Head of the Scientific Department, P.P. Ershov Ishim Teachers Training Institute (branch) of Tyumen State University.

Zalevskaya V.Y.
Student, P.P. Ershov Ishim Teachers Training Institute (branch) of Tyumen State University.

Kolesova Y.A.
Student, P.P. Ershov Ishim Teachers Training Institute (branch) of Tyumen State University.

Lonshakova D.D.
Student, P.P. Ershov Ishim Teachers Training Institute (branch) of Tyumen State University.

Chervova A.A.
Student, P.P. Ershov Ishim Teachers Training Institute (branch) of Tyumen State University.

Development of secondary school students' socio-cultural competence at English lessons by means of English-language literary works

Abstract. The article examines the potential of using authentic English-language literary works as an effective tool of the formation of the secondary school students' socio-cultural competence (grades 5-9). They study the mechanisms of integration of literary material into the educational process for the development of empathy and understanding of the historical context of the texts. Using the specific examples of the literary works the authors analyze the methods and techniques of the work aimed at achieving metasubject educational results according to the requirements of the Federal State Educational Standard.

Key words: socio-cultural competence, secondary school students, English, English-language literature, intercultural communication, empathy, meta-subject results.

Современные ФГОС подчеркивают важность формирования не только языковых навыков, но и метапредметных компетенций, среди которых социокультурная компетенция занимает ключевое место. Она представ-

ляет собой способность эффективно взаимодействовать в межкультурной среде, понимая нормы, традиции, системы ценностей и модели поведения другого языкового сообщества. Для учащихся средней школы, чьи когнитивные способности и личностная идентичность находятся в стадии развития, развитие данной компетенции актуально. Аутентичные литературные произведения служат концентрированным отражением культуры, которая их создала, и обеспечивают естественную платформу для достижения образовательных целей.

Социокультурная компетенция в рамках коммуникативного подхода определяется как совокупность знаний о социокультурной специфике страны изучаемого языка и умений строить речевое и неречевое поведение адекватно этой специфике [7]. Литературное произведение, будучи культурным артефактом, предоставляет уникальный доступ к следующим аспектам:

- языковые реалии: идиомы, фразеологизмы, пословицы, отражающие менталитет;

- исторический и социальный контекст: отражение эпохи, классовых различий, социальных проблем;

- культурные коды и символы: аллюзии, традиции, праздники, особенности быта;

- система ценностей и норм поведения: модели поведения, принятые в обществе, этикет, понятия о добре и зле.

В современной методике преподавания иностранных языков ключевым аспектом является развитие социокультурной компетенции. Изучение английского языка в средней школе дает отличные возможности для этого, и одним из самых эффективных способов является использование англоязычной литературы [6]. Литературные произведения, как отражение культуры, позволяют школьникам:

- познакомиться с жизнью носителей языка (литература открывает мир обычаев, традиций, менталитета и ценностей англоязычных стран; ученики узнают, как жили, думали и чувствовали люди в разные исторические периоды и в разных культурных контекстах);

- научиться понимать культурные тонкости (через сюжеты, характеры персонажей, диалоги и описания ученики учатся распознавать и интерпретировать особенности английской культуры, которые не всегда очевидны при прямом изучении);

- расширить словарный запас и улучшить владение языком (литературные тексты содержат богатый выбор слов, идиом и устойчивых выражений, которые обогащают речь учеников и делают ее более естественной, как у носителей языка);

- развить критическое мышление (анализ литературных произведений, обсуждение поступков героев, выявление авторской позиции – все это способствует развитию критического мышления, умения аргументировать свою точку зрения и сравнивать различные культурные явления);

- повысить интерес к изучению языка (захватывающие сюжеты, интересные истории и яркие персонажи делают процесс изучения языка более увлекательным и мотивирующим; учащиеся видят практическое применение языка в реальных ситуациях, а не только в учебных упражнениях).

Работа с литературой позволяет переместить фокус с лингвистических аспектов на культурологические и общечеловеческие, способствуя развитию социокультурной компетенции. При выборе литературных произведений для средней школы, особенно с целью развития социокультурной компетенции, необходимо руководствоваться определенными педагогическими и методическими принципами. Литература должна выступать не только как средство освоения иностранного языка, но и как мощный инструмент формирования всесторонне развитой личности, способной эффективно взаимодействовать в иноязычной среде. Соответственно, отбираемые тексты должны соответствовать возрасту учащихся, обладать достаточной содержательной глубиной и языковой доступностью.

Применение следующих критериев позволить отобрать произведения, которые будут способствовать комплексному развитию учащихся:

- возрастная релевантность (подростковый возраст характеризуется формированием идентичности, обостренным чувством справедливости, поиском моральных ориентиров, поэтому целесообразны произведения, где герои сталкиваются с вопросами выбора, дружбы, семьи и социального неравенства);

- языковая доступность (рекомендуется использовать адаптированные тексты уровня A2-B1, а на более позднем этапе – фрагменты оригиналов; это позволяет избежать перегрузки учащихся и одновременно сохранять аутентичность);

- культурная насыщенность (литература должна содержать ярко выраженные культурные коды: реалии, исторические и социальные контексты, традиции, особенности быта и т.д.);

- межпредметные связи (желательно, чтобы произведение позволяло интегрировать знания учащихся из истории, географии и искусства, усиливая междисциплинарный эффект);

- воспитательный потенциал (тексты должны формировать толерантность, эмпатию, уважение к культурному разнообразию, а также стимулировать развитие критического мышления).

Наиболее релевантными для средних классов являются следующие произведения:

J.K. Rowling – Harry Potter and the Philosopher's Stone [3]. Роман является культурным феноменом, отражающим не только британские реалии, но и универсальные проблемы, волнующие подростков: дружба, преданность, борьба с несправедливостью. Культурный контекст описывает структуру британской школы, элементы фольклора и мифологии, специфические элементы британской повседневности (школьные традиции, праздники). Социокультурный контекст позволяет обсуждать темы морального выбора, равенства, дискриминации (линии маглорожденных и чистокровных), а также формировать навык сопоставления вымышленных и реальных социальных моделей поведения.

Mark Twain - The Adventures of Tom Sawyer and Huckleberry Finn [4]. Произведение представляет ценности американского общества 19 в. (предприимчивость, свобода, дружба), раскрывает тему социальных предрассудков (линия Меффа Поттера), содержит богатый историко-культурный фон (жизнь в небольшом городке на Миссисипи). Книга развивает социокультурную компетенцию через изображение нравственных качеств, дружбы, творчества и коммуникации; рассказывает о жизни и приключениях двенадцатилетнего американского мальчика Тома Сойера и его друзей, живущих в американском городке во время Гражданской войны. Эта книга учит преодолевать трудности. Том Сойер на своем примере показывает, как нужно не унывать, во всем находить позитивные моменты, быть упорным в достижении целей. Книга воспитывает чувство ответственности за свои поступки. Например, Том мучается, когда несправедливо обвинен Мефф Поттер, и стремится отблагодарить его (носит в тюрьму спички, табак). Произведение развивает умение отстаивать свою точку зрения и противостоять злу. Например, Гек становится свидетелем замысла индейца Джо замучить вдову Дуглас, он преодолевает панический страх, вспомнив, как эта женщина была добра к нему. Демонстрация настоящей дружбы между Томом и Гекльберри Финном воодушевляет. Герои вместе исследуют окрестности, преодолевают трудности и всегда поддерживают друг друга. Например, они вместе ищут клад, рискуют, чтобы спасти друг друга, и всегда приходят на помощь в трудную минуту. Книга учит тому, что истинная дружба - это не только веселые приключения, но и взаимопонимание, солидарность и надежная опора в жизни. Изображение фантазий и мечтаний героев, например, Тома, который рисует карикатурно-нелепый дом с двумя фасадами и трубой, из которой выходит дым в виде штопора, учит проявлять творческие способности, инсценировать свои фантазии и мечты. Можно предложить школьникам творческое задание о дружбе Тома и Гека (Essay: Tom and Huck's friendship as a mirror of sociocultural values), которое прекрасно подводит школьников к необходимости проведения более глубокого анализа социокультурных аспектов дружбы. Выполняя данное зада-

ние, ученики могут сравнить концепции дружбы в американской и русской культурах. Можно предложить следующее задание: Create a short scenario or a dialogue. Imagine two characters:

- character A: represents an American cultural background regarding friendship;

- character B: represents a Russian cultural background regarding friendship.

Lewis Carroll - Alice`s Adventures in Wonderland [1]. Произведение знакомит с британским абсурдным юмором и игрой слов, что является важной частью коммуникативной культуры. Книга является богатым источником для развития социокультурных компетенции, воздействуя на несколько ключевых аспектов: мышление, коммуникацию, эмоциональную сферу и понимание исторических реалий. Произведение активно стимулирует развитие воображения, предлагая читателям погрузиться в мир вымышленных ситуаций, персонажей и мест. Это помогает преодолеть страх фантазирования и поощряет творческое мышление. Одновременно с этим работа с книгой способствует развитию критического мышления: читая о необычайных событиях, учащиеся учатся сопоставлять новую информацию с уже имеющимися знаниями, формулировать собственную точку зрения и оценивать происходящее. Книга наглядно демонстрирует, что новых и непредсказуемых ситуаций не стоит бояться. История учит адаптироваться к быстро меняющейся реальности и принимать новые правила, что является ключевым навыком успешного существования в любой социальной среде. Произведение иллюстрирует непростые ситуации, а персонажи-антагонисты (например, Червонная Королева) провоцируют обсуждение способов их разрешения, развивая, тем самым, навыки решения проблем. Коммуникативные навыки активно развиваются благодаря использованию художественных приемов в речи. Каламбуры, неологизмы, оксюмороны, перевертыши и пародии не только делают речь персонажей яркой и запоминающейся, но и учат читателей понимать речь в переносном значении. Необходимо учитывать, что использование художественных приемов критически важно для организации эффективного общения. Головоломки и ребусы (например, загадки Шляпника) стимулируют умственную активность и активизируют творческие навыки. Важность грамотно выражать мысли подчеркивается диалогами Алисы с различными персонажами, например, с Чеширским котом и мышью. Книга учит слушать и слышать других. Взаимодействие персонажей дает возможность обсудить проявления сильных эмоций и их последствия для окружающих, развивая эмпатию и понимание чужих других людей. Произведение говорит о том, что чудеса случаются, если верить, благодаря образу рассказчика, который вовлекает слушателя в повествование, создавая атмосферу возможного. Алиса, воспринимающая все происходящее как должное, помогает читателям

не бояться мечтать и не сдаваться перед трудностями. Кроме того, книга дает ценное представление о социокультурном контексте Викторианской Англии. Таким образом, учащиеся понимают культурные особенности и нормы, происходит формирование их социокультурной компетенции. Можно предложить следующее задание: Read the passages containing puns, oxymorons, nonsense words and riddles (for example, the Mad Hatter's riddle). Identify the examples of such linguistic means. Explain their meaning, how they contribute to the humor and why understanding them is important for the effective communication in English

Roald Dahl - Charlie and the Chocolate Factory [2] Произведение поднимает актуальные для подростков темы семьи, жадности, послушания и вознаграждения, демонстрируя особенности британской сатиры и черного юмора. Данная книга давно вышла за рамки детской литературы, став объектом внимания педагогов и психологов, и ее потенциал в качестве инструмента формирования социокультурной компетенции школьников на уроках английского языка представляется поистине безграничным. Социокультурная компетенция, понимаемая как способность эффективно существовать в иноязычной среде, руководствуясь не только правилами грамматики, но и нормами социального взаимодействия, ценностями и культурными кодами, находит в этой истории яркое и наглядное воплощение. Произведение можно рассматривать как художественную лабораторию, где каждый персонаж является репрезентацией определенного психотипа, сформированного под прямым воздействием конкретной манеры воспитания, что позволяет учащимся средних классов в доступной и увлекательной форме анализировать сложные социальные взаимосвязи. Так, Майк Тиви, одержимый телевизором и видеоиграми, демонстрирует последствия индифферентного стиля воспитания. Его родители эмоционально отстранены, не интересуются его внутренним миром, что порождает в мальчике жестокость, погруженность в виртуальную реальность и оторванность от окружающего мира. Верука Солт с ее знаменитым требованием «Я хочу сейчас же!» - порождение либерального, потакающего стиля, граничащего с анархией. Ее капризы - прямое следствие атмосферы вседозволенности, где родители не устанавливают границ, а немедленно исполняют любое желание, воспитывая тем самым не просто эгоиста, но и искусного манипулятора. Август Глуп, обжора, павший жертвой шоколадной реки, демонстрирует издержки гиперопеки. Его родители, постоянно твердящие о безопасности и здоровье, своей чрезмерной заботой взрастили беспомощного и инфантильного ребенка, не способного к самоконтролю. Особый интерес представляет Виолетта Бьюргард, чья жизнь подчинена идее достижений и рекордов. В ее образе автор обличает авторитарный, амбициозный стиль воспитания, где родитель, часто реализуя собственные невоплощенные

мечты, лишает ребенка права на ошибку и детства, превращая его в проект по завоеванию трофеев. На фоне этих карикатурных, но узнаваемых типов, фигура Чарли Бакета служит эталоном демократического стиля воспитания. В условиях крайней бедности его семья демонстрирует неиссякаемую взаимную поддержку, уважение и заботу. Именно эта среда, где к мнению ребенка прислушиваются, где существуют и четкие моральные принципы, формирует ответственное социальное поведение. Чарли вежлив, скромен, искренне любит свою семью и обладает развитым чувством справедливости. Через контраст между ним и другими детьми автор проводит четкую морально-нравственную границу, разоблачая такие пороки, как: чревоугодие (Август), алчность (Верука), тщеславие (Виолетта) и интеллектуальная лень (Майк). Таким образом, книга становится для учащихся сборником увлекательных приключений, своего рода социальным зеркалом, позволяющим идентифицировать и анализировать модели поведения в семье и обществе, обсуждать их последствия на английском языке, тем самым развивая не только лингвистические, но и метапредметные навыки, критическое мышление и эмоциональный интеллект, что и составляет суть социокультурной компетенции. Можно предложить следующее задание: Imagine you are a new owner of the chocolate factory. Create a simple «Rulebook for Visitors» that includes five rules based on lessons learned from the story (e.g., no greed, respect others, be patient). Explain why each rule is important for happiness and safety.

Развитие социокультурной компетенции в процессе изучения иностранного языка требует использования разнообразного методического инструментария, ориентированного не только на усвоение лексики и грамматики, но и на формирование у школьников навыков межкультурного взаимодействия. В средней школе ключевым инструментом выступают литературные произведения, так как они содержат концентрированные культурные коды и позволяют учащимся погружаться в иную систему ценностей. Работа с текстом должна выходить за рамки чтения и перевода [5]. Эффективными являются следующие приемы:

- Анализ культурных реалий и сравнение культур (цель: развитие умения распознавать культуроспецифичные элементы текста и соотносить их с родной культурой). Методика применения: учитель заранее выделяет в тексте реалии: имена, географические названия, обычаи, упоминания традиций, национальные формы поведения. Учащиеся составляют таблицу «Cultural features of England – Cultural features of Russia». Задание: In the first column write down some English cultural features, and in the second column – the analogues from Russian culture. Например, при чтении «The Adventures of Tom Sawyer» можно сопоставить английские суеверия 19 в. с русскими народными приметами. Дополнительно проводится мини-исследование: уче-

ники ищут сведения о происхождении выражений или обычаев, представленных в произведении. Ожидаемый результат: учащиеся учатся видеть за текстом социальные и культурные пласты, формируется навык сопоставления культурных феноменов, что способствует преодолению стереотипов.

- Ролевые игры и драматизация (цель: развитие навыков межкультурного речевого поведения и закрепление моделей коммуникативного взаимодействия). Методика применения: отрывки из книги «Alice`s Adventures in Wonderland» инсценируются в классе. Задание: Act out a scene from the book with your partner, use the characters' speech patterns. Перед разыгрыванием эпизодов обсуждается речевой этикет персонажей: как они здороваются, как выражают просьбы, благодарность, несогласие. Учащимся предлагается попробовать адаптировать диалоги к российским культурным условиям и сравнить результаты. Ожидаемый результат: учащиеся «проживают» модели поведения, свойственные другой культуре, получают опыт культурной эмпатии и практикуют речевые клише, необходимые для повседневного общения.

- Проектная деятельность (цель: развитие исследовательских навыков и формирование межпредметных связей). Методика применения: проекты строятся вокруг литературного текста и включают работу с дополнительными источниками (энциклопедии, исторические справочники, интернет-ресурсы). Например, «Tom Sawyer's Adventure Map» с привязкой к реальной географии. Задание: Create your own «Tom Sawyer's Adventure Map» and present it to the class in English. Use the book «The Adventures of Tom Sawyer and Huckleberry Finn» and identify 5-7 key places from the book (for example, Aunt Polly's house, Jackson Island), show these places on your map, draw Tom's route, add symbols, don't forget about the name of the place, its description and what happened there. Be ready to tell the class about your map. Работа над проектом «Willy Wonka's factory as a model of society» предполагает анализ социальных ролей и ценностей. Ожидаемый результат: учащиеся осваивают умение добывать информацию из разных источников, систематизировать ее и представлять в культурологическом контексте.

- Дискуссии и дебаты (цель: развитие критического мышления, умения аргументировать позицию и учитывать культурный контекст). Методика применения: учитель формулирует проблемные вопросы по мотивам текста. Например: «Is Tom Sawyer's trickery justified?», «Is Willy Wonka's factory an utopia or a dystopia?». Учащиеся разделяются на группы, каждая группа готовит аргументы с опорой на текст и культурный фон. В ходе дискуссии используются клише вежливого английского диалога (I agree, however…, from my point of view…).

Задание: Debate on the topic «Willy Wonka's Chocolate Factory: Utopia or Dystopia?».

Utopia (Утопия): Идеальное, совершенное место или общество, где все счастливы, правила справедливы и жизнь прекрасна.

Dystopia (Антиутопия): Кажущееся идеальным, но на самом деле опасное, несправедливое или угнетающее общество / место, где люди несчастны или находятся под контролем.

Repeat the main points of the book «Charlie and the Chocolate Factory». Divide into two teams:

1. Group Utopia: Proves that Willy Wonka's factory is an utopia.

2. Group Dystopia: Proves that Willy Wonka's factory is a dystopia.

Come up with as many arguments as possible to support your point of view. Use the examples and details from the book. (For example, Chocolate River, Oompa Loompas). Write down your arguments. Think about how you can refute the arguments of the other team.

Rules: each team presents the arguments in turn. Speak English. Listen carefully, don't interrupt. Be polite, even if you disagree.

The course of the debate:

1. Opening Statements: The teams briefly explain the position.

2. Argument Rounds: The teams take turns presenting the arguments with examples.

3. Questions: The teams ask questions to each other or challenge the arguments.

4. Closing Statements: The teams summarize the results and again try to convince that they are right.

Useful phrases: We think that... because...; For example, in the book/movie...; This shows that...; Another important point is...; We disagree. Your argument doesn't consider...; What about...?

Ожидаемый результат: учащиеся учатся строить рассуждения, воспринимать чужое мнение, вести полилог в рамках культурных норм.

- Работа с визуальным рядом (цель: развитие межмодального восприятия культуры и понимания интерпретаций литературного текста в разных формах искусства). Методика применения: сравнение иллюстраций к различным изданиям «Alice`s Adventures in Wonderland», «The Adventures of Tom Sawyer and Huckleberry Finn». Обсуждение того, какие культурные акценты делает художник. Сопоставление экранизаций: британских и американских версий. Выполнение задания «Cultural perspective»: учащиеся выбирают одну сцену и представляют ее в виде комикса или постера, отражающего ценности эпохи. Задание: Compare the illustrations from various editions of the books «Alice's Adventures in Wonderland», «Harry Potter and the Philosopher's Stone» and others. Later, discuss what cultural accents the artists have made. «Cultural perspective». Choose one scene from the book you are studying and present it as a comic book or poster reflecting the values of

the epoch. Ожидаемый результат: развитие умения анализировать художественные образы в разных культурных контекстах, понимание того, что одно и то же произведение может быть интерпретировано по-разному.

- Технологии межкультурных сравнений (цель: развитие толерантности и понимания универсальных национально-специфических ценностей). Методика применения: составление таблицы «Similarities and differences» (например, семья в «Charlie and the Chocolate Factory» и в русской литературе). Выполнение письменных мини-эссе на тему «What would this hero look like if he lived in our culture?». Создание двуязычного словаря культурных понятий, например, tea party. Задание: Create a bilingual dictionary of cultural concepts (for example, tea party). Ожидаемый результат: учащиеся начинают воспринимать иностранную культуру не как «чужую», а как равноправную систему ценностей, которая может быть понятна и сопоставлена с родной.

- Использование цифровых технологий. Современный методический инструментарий включает разные цифровые ресурсы: интерактивные викторины (Kahoot, Quizlet) по культурным реалиям произведений, виртуальные экскурсии (например, «Virtual Hogwarts»), онлайн-дискуссии с носителями языка по мотивам литературных текстов (например, «Would Tom Sawyer be the same child in the context of the Russian culture?»). Ожидаемый результат: повышение мотивации, расширение культурного контекста за счет реального общения и использования современных медиа.

Методический инструментарий для развития социокультурной компетенции должен быть комплексным и включать как традиционные приемы (чтение, обсуждение, анализ текста), так и активные формы работы (проекты, ролевые игры, дебаты, использование цифровых ресурсов). Такой подход позволяет не только формировать языковую компетенцию, но и воспитывать у школьников умение воспринимать и уважать культурное многообразие, что соответствует целям современного иноязычного образования.

Систематическая работа с литературными произведениями на уроках английского языка позволяет достичь положительных результатов не только в области социокультурной компетенции, но и других. Так, например, достигаются следующие конкретные результаты: преодоление культурных стереотипов (учащиеся переходят от упрощенных представлений («все англичане пьют чай в пять часов вечера») к сложному, многогранному восприятию культуры через призму художественных образов); развитие эмпатии и толерантности (проживая опыт литературных героев из иной культурной среды, ученики учатся понимать мотивы их поступков, что формирует готовность к межкультурному диалогу, особенно хорошо это показано в книге «Alice`s Adventures in Wonderland»); глубокое усвоение языковых единиц (лексика и грамматические структуры усваиваются не

изолированно, что повышает мотивацию и эффективность запоминания; ученики учатся использовать готовые синтаксические единицы в своих высказываниях); формирование критического мышления (анализ текста, поиск культурных причин тех или иных явлений, их сравнение с родной культурой способствуют развитию аналитических способностей).

Интеграция аутентичных англоязычных литературных произведений в учебный процесс в средней школе является не дополнительным, а ключевым элементом развития социокультурной компетенции. Методически выверенная работа с текстом, выходящая за рамки его поверхностного прочтения, позволяет создать на уроке английского языка ситуацию естественного погружения в иноязычную культуру. Это способствует повышению мотивации к изучению языка и знакомству с культурой другого народа, а также не просто воспитанию учащегося, владеющего иностранным языком, а личности, способной к эффективному и толерантному межкультурному взаимодействию, что является конечной целью современного иноязычного образования.

Библиографический список:

1. Carroll L. Alice in Wonderland / L. Carroll. – M.: Arcturus, 2011. 168 p.
2. Dahl R. Charlie and the Chocolate Factory. – London: Puffin, 1998. 189p.
3. Rowling J.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone / J.K. Rowling. – M.: Bloomsbury, 2015. 254 c.
4. Twain M. The Adventures of Tom Sawyer and Huckleberry Finn / M. Twain. – New York: Abbeville Press, 2020. 640 p.
5. Мамалова Х.Э., Хашегульгова Ж.А., Ужахова З.М. Технологии формирования социокультурной компетенции в процессе изучения английского языка // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 2 (111). С. 268-271.
6. Оганян Л.Г. Современные методы формирования социокультурной компетенции // Вестник науки. 2023. № 6 (63). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-metody-formirovaniya-sotsiokulturnoy-kompetentsii (Дата обращения: 06.10.2025).
7. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций / В.В. Сафонова. – Воронеж: Истоки, 1996. 238 с.
8. Чапкин Н.С. Ключевые проблемы информационно-аналитической деятельности по регулированию миграционных процессов в Российской Федерации // Альманах Казачество. 2016. № 24 (11). С. 101-104.

Reference

1. Carroll L. Alice in Wonderland / L. Carroll. – Moscow: Arcturus, 2011. 168 p.
2. Dahl R. Charlie and the Chocolate Factory. – London: Puffin, 1998. 189 p.
3. Rowling J.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone / J.K. Rowling. – Moscow: Bloomsbury, 2015. 254 p.
4. Twain M. The Adventures of Tom Sawyer and Huckleberry Finn / M. Twain. – New York: Abbeville Press, 2020. 640 p.
5. Mamalova H.E., Khashegulgova Z.A., Uzhakhova Z.M. Technologies for the Formation of Sociocultural Competence in the Process of Learning English // World of Science, Culture, Education. 2025. № 2 (111). P. 268-271.
6. Oganyan L.G. Modern Methods of Forming Sociocultural Competence // Science Bulletin. 2023. № 6 (63). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-metody-formirovaniya-sotsiokulturnoy-kompetentsii (06.10.2025).
7. Safonova V.V. Study of Languages of International Communication in the Context of Dialogue of Cultures and Civilizations / V.V. Safonova. - Voronezh: Istoki, 1996. 238 p.
8. Chapkin N.S. The key issues of information-analytical activity in regulation of migration processes in the Russian Federation // Almanac Cossacks. 2016. № 24 (11). P. 101-104.

Ильясов В.С.

Докторант Болгарской исламской академии. Мусульманская религиозная организация духовная образовательная организация высшего образования «Болгарская исламская академия», направление «Подготовка служителей и религиозного персонала религиозных организаций».

Фразеология суры «Семейство Имрана»*

Аннотация. В статье дается характеристика арабским фразеологическим единицам как строевые единицы языка, делающие высказывания выразительными, эмоциональными и образными. В работе дается определения и анализ фразеологических единиц, упомянутых в суре «Семейство Имрана» Священного Корана. Анализируется внутренняя форма ФЕ, которая позволяет сделать некоторые выводы об коранической ЯКМ, связанной с отражением принципов антропоцентрического подхода к познанию в языковом сознании человека.

Ключевые слова: Коран, арабский язык, фразеологизмы, языковая картина мира, кораническое мировоззрение.

Ilyasov V.S.

Doctoral candidate at the Bulgarian Islamic Academy. Muslim religious organization, spiritual educational organization of higher education "Bulgarian Islamic Academy", Major: "Training of Ministers and Religious Personnel for Religious Organizations".

Phraseology of Surah "The family of Imran"

Abstract. The article characterizes Arabic phraseological units as building blocks of language that make statements expressive, emotional and figurative. The work defines and analyzes phraseological units mentioned in the third sura, "The Family of Imran," of the Holy Quran. The internal form of phraseological units is analyzed, which allows us to draw some conclusions about the Quranic YKM associated with the reflection of the principles of the anthropocentric approach to cognition in the linguistic consciousness of man.

Key words: Quran, Arabic language, phraseological unit, linguistic picture of the world, Quranic worldview.

* © Ильясов В.С., 2025.

По мнению большинства современных исследователей[1], одним из самых актуальных направлений языкознания является антропологическая лингвистика – интеграционное понимание сущности языка как «динамической системы, в центре которой стоит человек»[2]. Вследствие этого особое место в современных работах уделяется анализу языковой картине мира (далее – ЯКМ)[3]. Фразеологические единицы (далее – ФЕ) в широком их понимании (включая паремии) играют важную роль в этом процессе[4], поскольку они признаются «самым культуроносным компонентом языка»[5], «зеркалом жизни нации»[6].

Объектом исследования являются фразеологические единицы как строевые единицы языка, делающие высказывания выразительными, эмоциональными и образными. Актуальность работы заключается в необходимости определения и анализа фразеологических единиц, упомянутых в Священном Коране, а в нашем случае в суре «Семейство Имрана». Данный анализ актуален в рамках лингвистического, лингвокогнитивного и лингвокультурологического направлений. С точки зрения коранического антропоцентристского взгляда на мир, люди находятся в центре творения и обладают не только определенными правами в соответствии с исламской этикой, но и наложенными на них конкретными обязательствами по отношению друг к другу.

Чудотворность Священного Корана безгранична. Каждая наука хочет внести свою лепту в изучение коранического текста, стараясь уловить суть ниспослания. Осмысление фразеологии Книги Аллаха (Св.Коран) стало необходимостью в современном мире для правильного понимания текста. Важность изучения фразеологии Корана заключается в том, что она открывает перед исследователем скрытые значения текста, т.к. фразеологические единицы Корана передают не только точную языковую картину суры, она становится вспомогательным детерминантом для полноценного понимания Корана.

---

1 *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта; Наука, 2010. 224 с.

2 *Баранов А.Н.* Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии. – М.: ИНИОН, 1987. 54 с.

3 *Балашова Л.В.* Русская метафорическая система в развитии: XI — XXI вв. – М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014. 632 с.

4 *Шестеркина Н.В.* Мифологема «рай»: на материале русских и немецких пословиц и поговорок с ключевым словом *небо* // Когнитивная лингвистики: новая парадигма и новые решения. – Вып. 15. – Москва: ИЯ РАН, 2011. С. 291-296.

5 *Телия В.Н.* Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19.

6 *Маслова В.А.* Homolingudlis в культуре. – М.: Гнозис, 2007. 268 с.

Антропоцентризм современной лингвистики[7] обуславливает повышенный интерес к исследованию языковой картины мира (далее – ЯКМ)[8]. прежде всего на материале тех участков системы языка, которые в наибольшей степени связаны с отражением «совокупности представлений о мире», «системы взглядов и предписаний, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка»[9]. Фразеологический фонд, по мнению большинства исследователей, является одним из основных способов репрезентации ЯКМ, поскольку ФЕ относятся к «наиболее культурно маркированным образным единицам любого языка»[10], а «система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения ... данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях»[11].

В самом общем виде «предмет фразеологии определяется как «исследование природы фразеологизмов и их категориальных признаков, а также выявление закономерностей функционирования их в речи»[12]. Но, как отмечают изыскатели, «фразеология – относительно молодая лингвистическая дисциплина»[13], поэтому дискуссионными остаются практически все основные ее понятия, в том числе определение фразеологизмов как единиц языка, их категориальных признаков, их классификация, специфика семантики ФЕ и т.п. (ср.: «Нет ни одного принципиального вопроса, который не вызвал бы в среде фразеологов острые дискуссии. До сих пор не установлены даже критерии определения фразеологических единиц, нет единства мнений о категориальных свойствах этих единиц»). Данное обстоятельство во многом объясняется не только относительной «молодостью» дисциплины, но и объективными причинами: «материал фразеологии столь разнообразен генетически и функционально, столь разноструктурен, что очертить четко круг объектов фразеологии чрезвычайно трудно»[14].

7 *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта; Наука, 2010. 224 с.

8 *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного анализа. // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.

9 Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 – Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. 9 с.

10 *Алефиренко Н.Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М.: Изд-во «Элпис», 2008. 5 с.

11 *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. 214 с.

12 *Телия В.Н.* Фразеологизм. Фразеология // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 560.

13 *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 9 с.

14 *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. 8 с.

Практически все исследователи среди категориальных признаков фразеологических единиц, или фразеологизмов (в нашей работе эти термины используются как синонимы), называют: неоднословность (раздельнооформленность, структурную расчлененность); устойчивость (постоянство состава и местоположения компонентов; структурный аспект устойчивости); воспроизводимость. Например: «сочетания, прочно вошедшие в язык, называются фразеологическими оборотами»[15]; «фразеологический оборот – это воспроизводимая единица языка из двух или более ударных компонентов словного характера, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре»[16]; «фразеологизм (фразеологическая единица) – общее название семантически связанных слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава»[17].

Разбирая суру «Семейство Имрана», мы опираемся на широкое понимание фразеологии. При таком понимании номинативность не признается обязательным категориальным признаком ФЕ, вследствие чего объектом фразеологии становятся все сверхсловные, воспроизводимые, структурно устойчивые единицы (синтагмы), включая функционально предикативные, обладающие хотя бы относительной семантической целостностью (идиоматичностью). Именно такое определение фразеологии в широком ее осмыслении представлено в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» 1990 года. В разных исследованиях в состав предикативных ФЕ, или коммуникативных ФЕ, или фразеологических выражений коммуникативного характера включаются паремии, пословицы, поговорки, крылатые выражения и прецедентные фразы, речевые формулы, штампы и клише, фразеосхемы, хотя статус данных единиц весьма неоднозначно оценивается в лингвистике.

Рассматривая проблемы фразеологии в арабском классическом языке, стоит отметить, что «фразеологизмы» или «фразеологический компонент» изучался в разделах «и`лм аль-балага» / «наука о красноречии» (риторика), «и`лм аль-луга» / «наука о словарном составе» (лексикология) и «фикх аль-луга» / «наука понимания языка» (теория языка), т.к. не существовало самостоятельного научного направления. Однако данная тема широко из-

15 *Балли Ш.* Французская стилистика. – М.: Иностранная литература, 1961. 90 с.

16 *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972. 170 с.

17 *Телия В.Н.* Фразеологизм. Фразеология // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 559.

учалась в рамках исследования лексико-грамматического состава коранического текста. Например, обозначение лексико-семантических языковых элементов термином «слог» («назм») у выдающегося ученого Абдулькадира Джурджаний (ум.1078 г.). У ученых-толкователей данное языковое направление можно встретить под термином «и`лм аль-амсал» / «наука примеров». Все это у них входило в такую основу, как «и`джаз аль-Куран», или «неподражаемость Корана», поскольку фонетический строй, лексический состав, фигуры речи и другие известные языковые средства, использованные в Священном Коране, в принципе не отличались от тех, что встречались в известных и общепринятых стихах в период ниспослания Корана.

При анализе фразеологических единиц, упомянутых в суре «Семейство Имрана», как уже было сказано выше, указывается придерживаемость широкого подхода к объекту фразеологии.

В основу классификации фразеологизмов в данной работе положен структурный принцип, согласно которому сначала они подразделяются на именные и глагольные, а затем в каждом из этих разрядов рассматриваются фразеологизмы и фразеопредложения, встречающиеся в этой прекрасной суре. Для полноценного осмысления приводится аят (на арабском языке), чтобы читатель имел представление о местонахождении материала в контексте аята, который выделен подчеркиванием. Далее в таблице приводится фразеологизм, буквальный перевод и смысловое изменение при толковании аята на русский язык. Именные фразеологизмы включают в свой состав именные знаменательные части речи и не содержат глагола. В суре «Семейство Имрана» можно выделить идафные, копулятивные и предложно-именные фразеологизмы.

– Идафные фразеологизмы

Одной из часто встречаемых моделей именных фразеологизмов в этой суре является сочетание несогласованного определения с определяемым словом, обозначенное в арабской грамматике термином аль-идафа (идафное словосочетание).

Примеры:

ذُو اِنتِقَامٍ (Коран, 3:4)	букв. «обладатель мщения»	обладатель мщения
أُمُّ الْكِتَابِ (Коран, 3:7)	букв. «мать книги»	суть Писания
وَقُودُ النَّارِ (Коран, 3:10)	букв. «горючее (топлива), для огня»	будут гореть в Аду
رَأْيَ الْعَيْنِ (Коран, 3:13)	букв. «зреть глазом», «по взгляду очей»	увидели; лицезрели

رِاهَنَّلاَ هَجْوَ (Коран, 3:72)	букв. «лицо дня»	начало дня
هِلَّلاَ دِيَبِ (Коран, 3:73)	букв. «в руке Аллаха»	в руке, милости, щедрости, власти Аллаха
مِيظِعَلاْ لِضْفَلاْ وذُ (Коран, 3:74)	букв. «обладатель великой милости»	обладатель великой милости
رِوذُصُلاْ تاِذَبِ مُيلِعَ (Коран, 3:119)	букв. «знающий, что в груди»	знает тайны всех сердец (душ)

بِلْقَلاْ ظَيلِغ (Коран, 3:159)	букв. «с жестким сердцем»	непреклонен сердцем
قِيرِحَلاْ بَاذَعَ اْوقُوذُ (Коран, 3:181)	букв. «попробуйте на вкус сжигаемое мучение»	вкусите кару огненного Ада

– Копулятивные фразеологизмы

Копулятивные словосочетания - парные сочетания слов, принадлежащих к одному грамматическому ряду, объединенных сочинительной связью и образующих синтаксическое единство.

ىَّثْنَأُلْاَكَ رُكَذَّلاَ سَيْلَوَ (Коран, 3:36)	букв. «мужской пол не то, что женский»	мужской пол не подобен женскому в возможностях
هَوجُوُ ضُيَبْتَ مَوْيَ هَّوجُوُ دُوَسْتَوَ (Коран, 3:106)	букв. «день когда побелеют лица и почернеют лица»	день когда посветлеют лица верующих от радости и почернеют лица неверующих от печали
نَمٍّ لِبْحَوَ هِلَّلاَ نَمٍّ لِبْحَبِ سِانَّلاَ (Коран, 3:112)	букв. «веревкой от Аллаха и веревкой от людей»	покровительство от Аллаха и покровительство от людей
ءِآرَّضَّلاَوَ ءِآرَّسَّلاَ يفِ (Коран, 3:134)	букв. «в радости и в горести»	в достатке и в бедности
نِمِيإِلاْبِ رَفْكُلاْ اْوُرَتَشْاَ (Коран, 3:177)	букв. «купили неверие ценою веры»	выбрали неверие вместо веры
نَمِ ثَيبِخَلاْ زَيَمِيَ بِيِّطَّلاَ (Коран, 3:179)	букв. «отделит мерзкое от хорошего»	отделит порочных людей от добродетельных

– Предложно-именные фразеологизмы

غٌيْزَ مْهِبِولُقُ يفِ (Коран, 3:7)	букв. «в их сердцах болезнь»	уклонение от истины; заблуждение

– Глагольные идиоматические фразеологизмы

К глагольным относятся фразеологизмы, включающие в свой состав глагол в качестве обязательного компонента, а также другие части речи. Глагольные фразеологизмы не только разнообразны с точки зрения их синтаксической организации, но и с точки зрения характера и степени их идиоматичности.

تْطَبِحَ أَعْمَٰلُهُمْ (Коран, 3:22)	букв. «их дела провалились»	их дела останутся тщетными
يِنِطَّبَ يِفِ امَ كَلَ تُرْذَنَ (Коран, 3:35)	букв. «я обетовала Тебе то, что у меня в утробе»	я дала обет пожертвовать Тебе дитя, которое в утробе моей
نَوقُلْيُ أَمْهُمَلْقَأَ (Коран, 3:44)	букв. «бросали свои письменные трости»	кидали жребий
نُوكُيَفَ نكُ (Коран, 3:47)	букв. «будь! - и оно будет»	свершись! – и оно свершается
مهُتَنَسِلْأَ نَوُلْيَ (Коран, 3:78)	букв. «их языки разукрашивают»	искажают своими языками
ارْفْكُ أُودَادَزْأَ (Коран, 3:90)	букв. «увеличились неверием»	приумножили свое неверие
اجُوَعِ امَنَوعُبْتَ (Коран, 3:99)	букв. «желаете искривить»	пытаетесь исказить
هِلَّلِأَبِ مصِتَعْيَ (Коран, 3:101)	букв. «держаться за Аллаха»	полностью уповать на Аллаха
هِلَّلِأَ لِبْحَبِ أُومُصِتَعْأَوَ (Коран, 3:103)	букв. «держитесь за веревку Аллаха»	держитесь вместе за религию Аллаха
مْكُبِولُقُ نَيْبَ فَلَّأَفَ (Коран, 3:103)	букв. «примирил ваши сердца»	объединил на основе любви к Аллаху
بَاذَعَلْأَ أُوقُوذُفَ (Коран, 3:106)	букв. «попробуйте на вкус мучение»	почувствуйте наказание
رَابَدْأَلْأَ مُكُولُّوَيُ (Коран, 3:111)	букв. «развернулись задом к вам»	обратятся в бегство
ةُلَّذِلْأَ مُهِيْلَعَ تْبَرِضُ (Коран, 3:112)	букв. «воздвигнуто над ними унижение »	их удел - бесчестие
ةُنَكَسْمَلْأَ مُهِيْلَعَ تْبَرِضُوَ (Коран, 3:112)	букв. «воздвигнута над ними бедность»	и бедствия обрушались на них

مْكُنِودُ نمِّ مْنَاطَبِ اُوذُخِتَّتَ الَ (Коран, 3:118)	букв. «не берите изнанку не из вас»	не берите себе близких, кроме вас самих
نَمِ لَمِانَاَلْاَ مُكُيْلَعَ اُوضُّعَ ظِيْغْاَلْاَ (Коран, 3:119)	букв. «кусают от злобы кончики своих пальцев»	от злобы к вам грызут свои персты
رُهَنْاَلْاَ امَتِحْتَ نمِ يرِجْتَ (Коран, 3:136)	букв. «текут под ней реки»	в которых текут реки
مْكُبِقْعَأَ ىلَعَ مْكُوذُرُيَ (Коран, 3:149)	букв. «вернут вас к пяткам»	обратят вас вспять
مْكُبِولُقُ يفِ امَ صَحِّمَيُلِوَ (Коран, 3:154)	букв. «очистить то, что в ваших сердцах»	разведать, что у вас на душе
رَجْأَ عُيضِيُ الَ (Коран, 3:171)	букв. «не даст погибнуть (теряться) награде»	не пропадет награда
انُمْيِإ مْهُدَازَفَ (Коран, 3:173)	букв. «увеличило их веру»	лишь укрепило веру
رِّفْكُلْاَ يفِ نَوعُرِسَيُ (Коран, 3:176)	букв. «спешат в неверие»	учиняют гонки на пути к исполнению неверия
رُّانَّلْاَ هُلُكْأَتَ (Коран, 3:183)	букв. «кушает его огонь»	жертва, опаленная огнем
اَّلِيلِقَ انَمَثَ ـِبِ اُوَرَتَشْاَوَ (Коран, 3:187)	букв. «купили за это малую цену»	заменили его наслаждением и благами мира
لِمِعْ لَمَعَ عُيضِأُ الَ (Коран, 3:195)	букв. «не потеряю деяние »	не пренебрегу ни одним деянием, свершенным кем-либо из вас

Итак, анализ внутренней формы ФЕ позволяет сделать некоторые выводы об коранической ЯКМ, связанной с отражением принципов антропоцентрического подхода к познанию в языковом сознании человека. Во-первых, данная картина исключительно ориентированная на религиозную культуру мусульман. Во-вторых, в этой ЯКМ четко отражаются идеологическое религиозные (мусульманские) приоритеты, связанные с культурой (ментальной) восприятия. В-третьих, можно сказать, что кораническая фразеологическая картина мира как никакой другой уровень языка закрепляет религиозное мировоззрение и миропонимание. В четвертых, одной из наиболее значимых ситуаций, связанных с религиозной и духовной потребности человека.

Библиографический список:

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта; Наука, 2010. 224 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М.: Изд-во «Элпис», 2008. 271 с.
3. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного анализа. // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.
4. Балашова Л.В. Русская метафорическая система в развитии: XI - XXI вв. – М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014. 632 с.
5. Баранов А.Н. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии. – М.: ИНИОН, 1987. 54 с.
6. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Иностранная литература, 1961. 394 с.
7. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. 656 с.
8. Маслова В.А. Homolingudlis в культуре. – М.: Гнозис, 2007. 320 с.
9. Телия В.Н. Фразеологизм. Фразеология // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 539-561.
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
11. Телия В.Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19-31.
12. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972. 328 с.
13. Зализняк Л.Ш., Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.
14. Рыбаков С.В. Между вольницей и служением: из ранней истории казачества // Альманах Казачество. 2020. № 47 (5). С. 9-19.

Reference

1. Alefirenko N.F. Lingvoculturology. Value-semantic space of language. – Moscow: Flinta; Nauka, 2010. 224 p.
2. Alefirenko N.F. Phraseology in light of modern linguistic paradigms. – Moscow: Elpis Publishing House, 2008. 271 p.
3. Apresyan Yu.D. The image of a person according to language data: an attempt at a systems analysis. // Voprosy yazykoznaniya. 1995. № 1. P. 37-67.
4. Balashova L.V. The Russian metaphorical system in development: 11th - 21st centuries. – Moscow: Manuscript monuments of Ancient Rus: Znak, 2014. 632 p.
5. Baranov A.N. Categories of artificial intelligence in linguistic semantics. Frames and Scenarios. – Moscow: INION, 1987. 54 p.
6. Bally Sh. French Stylistics. Moscow: Inostrannaya Literatura, 1961. 394 p.
7. Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. Aspects of the Theory of Phraseology. – Moscow: Znak, 2008. 656 p.
8. Maslova V.A. Homolingudlis in Culture. – Moscow: Gnosis, 2007. 320 p.
9. Telia V.N. Phraseologism. Phraseology // Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. P. 539-561.
10. Telia V.N. Russian Phraseology. Semantic, pragmatic, and linguacultural aspects. – Moscow: Languages of Russian Culture, 1996. 288 p.
11. Telia, V.N. Cultural and linguistic competence: its high probability and deep intimacy in units of the phraseological composition of language // Cultural layers in phraseologisms and discursive practices. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. P. 19-31.
12. Shansky N.M. Lexicology of the modern Russian language. – Moscow: Education, 1972. 328 p.
13. Zaliznyak L.Sh., Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Key ideas of the Russian linguistic picture of the world. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2005. 540 p.
14. Rybakov S.V. Between freedom and service: from the early history of the Cossacks // Almanac Cossacks. 2020. № 47 (5). P. 9-19.

Долгенко А.Н.

Доктор филологических наук, доцент. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Лыткина О.И.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Устойчивые конструкции в академическом тексте*

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей функционирования устойчивых конструкций в текстах научного стиля (академических). Устойчивые выражения (фразеологизмы и клише) влияют на структуру и восприятие академического текста, обеспечивая логичность, точность и стилистическую нейтральность. Они придают тексту объективность и беспристрастность, логическую последовательность и ясность, повышают его выразительность.

Ключевые слова: функциональные стили русского языка, научный стиль, фразеологизмы, клише.

Dolgenko A.N.

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor. Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee.

Lytkina O.I.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee.

Set phrases in academic text

Abstract. The article examines the features of the functioning of set phrases in scientific-style (academic) texts. Set expressions (phraseological units and clichés) influence

* © Долгенко А.Н., Лыткина О.И., 2025.

the structure and perception of an academic text, ensuring its logicality, precision, and stylistic neutrality. They lend the text objectivity and impartiality, logical sequence and clarity, while enhancing its expressiveness.

Key words: functional styles of the Russian language, scientific style, phraseological units, clichés.

Научный стиль, несмотря на свою строгость и логичность, не исключает использование фразеологических единиц, которые, в свою очередь, способствуют усилению выразительности и концептуальной целостности текста. Важное значение в академической речи имеют устойчивые формулы и типичные речевые конструкции, которые обеспечивают структурированность и придают тексту беспристрастность и ясность.

Как отмечает Л.В. Щерба, устойчивые выражения в академическом языке «изменяют свою семантику, утрачивая экспрессивную характеристику и приобретая объективный, нейтральный характер» [Щерба, 1974, с. 62-63]. Это связано с нормами академического дискурса, требующими точности, логичности и строгой формальности представления материала. В сравнении с повседневным языком, где устойчивые выражения могут отражать эмоциональную оценку или экспрессивность, в академических текстах их главная роль состоит в обеспечении терминологической точности и структурной связности.

Устойчивые выражения в академических работах выполняют специфическую задачу, поскольку не только организуют изложение, но и способствуют систематизации знаний. Как поясняет В.П. Филин, «семантические трансформации устойчивых выражений в академическом стиле направлены на исключение субъективности и обеспечение максимальной точности академических определений» [Филин, 2001, с. 134]. К примеру, словесные конструкции, традиционно используемые в обиходном языке в переносном смысле, в академических работах приобретают строгую дефиницию. Так, выражение «*ключевой мотив*» может обозначать главную идею исследования, проходящую через весь текст работы.

Смысловые характеристики устойчивых конструкций в академическом языке определяются их функцией – передавать точные значения без смысловых оттенков. Как подчёркивает В.Г. Гак, устойчивые фразы и выражения являются собой неразрывную составляющую академического формата, так как данные выражения «гарантируют точное соответствие передачи смысла и логическую структурированность текста» [Гак, 1977, с. 264]. Их использование способствует формированию связного и аргументированного изложения научно-академической мысли. Внутри исследовательского

взаимодействия в академической сфере важна не только строгая объективность, но и логическая последовательность, которая достигается за счёт применения идиоматических оборотов. Устойчивые выражения осуществляют многообразные назначения – от упрощения сложных понятий до обеспечения терминологической точности. Данные конструкции способствуют исследователю выражать идеи, используя устоявшиеся формулировки, которые уже закреплены в научной традиции.

Применение устойчивых сочетаний даёт возможность систематизировать изложение и повышает его выразительность. Как отмечает В.А. Звегинцев, «установленные устойчивые фразы и выражения способствуют логической целостности и чёткости исследовательского повествования» [Звегинцев, 1957, с. 311-320]. Данные словесные обороты способствуют плавному переходу между аргументами, создают понятные логические связи, обеспечивая читателя необходимым контекстом. Например, выражения «*на практике*» или «*в соответствии с*» позволяют лаконично и точно передать исследовательские понятия, таким образом, превращает эти выражения в необходимыми в рамках академических публикаций.

Необходимо принимать во внимание соотношение между частотой использования устойчивых выражений и оригинальностью изложения. Излишняя насыщенность устойчивыми выражениями может снизить динамику текста и сделать его однообразным. Однако оправданное использование подобных конструкций повышает нейтральность и академичность изложения, избегая субъективных оценок. Например, формулировки «*на базе выявленных сведений*» или «*согласно проведённому анализу*» позволяют аргументировать выводы, не прибегая к эмоциональным характеристикам.

Следовательно, устойчивые фразовые выражения оказывают воздействие на структуру и восприятие академического изложения. Они гарантируют логичность, точное соответствие и стилистическую нейтральность, что превращает данные выражения в необходимые средства в рамках академического взаимодействия.

Как подчёркивает Г.Н. Скляревская, идиоматические обороты являются неотъемлемым элементом исследовательского письменного материала, так как данные выражения «гарантируют логическую связанность, а также корректность представления» [Скляревская, 2017, с. 8-9]. В связи с этим важна типология устойчивых выражений, употребляемых в академическом, так как она даёт возможность проанализировать их функции и специфику использования. Устойчивые фразовые выражения в рамках когнитивного дискурса способствуют точному соответствию выражений, логичности аргументации и связанности текста, но их классификация зависит от структурных и семантических характеристик.

Одна из часто встречающихся разновидностей представляет собой

устойчивые словесные конструкции – закреплённые словосочетания, сохраняющие смысловую цельность в пределах смыслового пространства академического изложения. Такие структуры, как «*на основании*», «*в соответствии с*», «*с учётом*», выполняют задачу логической организации материала, связывая элементы аргументации и подчёркивая их взаимозависимость. Эти выражения обеспечивают строгую логическую стройность повествования, а также предоставляют возможность исследователю ясно обозначить источники данных или принципы обоснования выводов.

Другой важный тип – неделимые обороты, смысл которых не выводится из смыслов самостоятельных лексем, но остаётся устойчивым в академической среде. Как отмечает В.В. Виноградов, «подобные конструкции выступают инструментом терминологической точности и компактного выражения научных концепций» [Виноградов, 1977, с. 312]. Конструкции типа «*в пределах изучаемой области*», «*в процессе анализа*», «*с целью уточнения*» способствуют краткой и точной передаче содержания исследовательских концепций, а также организовывает логику текста, вводя новые разделы или акцентируя внимание на целях научного анализа.

Устойчивые фразы и выражения также имеют ключевое значение в рамках академических публикаций, так как способствуют плавности и логической завершённости изложения. Конструкции типа «*стоит подчеркнуть*», «*в данном контексте*», «*с целью последующего анализа*» позволяют выстроить аргументацию, чтобы читатель легко проследил за логикой рассуждений. Эти выражения выполняют связующую функцию, обеспечивая структурную целостность исследовательского изложения, а также улучшая понимание тематического материала.

Помимо указанного, в академическом тексте широко распространены стандартизированные обороты, используемые для подведения итогов и структурирования текста. Подобные выражения, например «*как указано ранее*», «*исходя из вышеизложенного*», «*суммируя сказанное*», формируют чёткую систему аргументации, помогая автору акцентировать внимание на ключевых аспектах. Их использование особенно ценно при создании исследовательских работ, где важно поддерживать логическую стройность, а также чёткость представления.

Устойчивые фразы и выражения выполняют функцию в выражении степени уверенности автора в представленных данных. Конструкции «*по мнению исследователей*», «*в преобладающих ситуациях*», «*стоит отметить*» дают возможность отразить сведения с достаточной степенью осторожности, исключая безапелляционные оценки. Данные конструкции способствуют поддержанию нейтральности академического изложения, обеспечивая при этом точность и корректность формулировок.

Как отмечает В.Н. Телия, устойчивые выражения в рамках академи-

ческого дискурса являются «инструментом, обеспечивающим логическую связность и нормативность изложения» [Телия, 1996, с. 284]. Их функциональная роль связана с выполнением стилистических задач, направленных на соответствие требованиям академического письма, в числе которых корректность, чёткость, а также логическая стройность рассуждений. Эти выражения закреплены в научной практике, гарантируя единство профессионального дискурса, а также стилистическую объективность текста.

Фразеологические конструкции в академическом тексте обладают значительной долей стандартизации (клишированности). Как поясняет А.А. Потебня, закреплённые словесные конструкции «закрепляют нормы исследовательского представления, исключая вариативность в их интерпретации» [Потебня, 1999, с. 300]. Например, формулировки «*согласно…*», «*на базе*», «*вследствие …*» являются лексическими конструкциями, служащими для обозначения источников информации и логических следствий. Такие клише способствуют чёткости выражения мыслей и обеспечивают строгое соответствие академическому изложению. Их применение позволяет поддерживать единообразие структуры текста, независимо от области исследования.

Высокая фразеологическая устойчивость делает данные выражения универсальными для различных научных направлений. По сравнению с неформальным общением в академическом изложении идиоматические обороты лишены экспрессивности, поскольку данные конструкции выполняют ключевую функцию сохранения объективности и недвусмысленности изложения. Формулировки типа «*в пределах изучаемого предмета*» либо «*на основании выявленных сведений*» играют структурообразующую роль, помогая упорядочить текст и определить взаимосвязь его частей.

Помимо этого, устойчивые выражения осуществляют задачу связующих элементов, логически объединяя содержание исследования. Конструкции типа «*изначально стоит подчеркнуть*», «*принимая во внимание изложенное ранее*», «*подводя итог*» создают логические связки между разделами академического изложения, гарантируя его целостность, а также последовательность повествования. Они не только структурируют информацию, но и способствуют её последовательному восприятию.

Несмотря на стремление к объективности, устойчивые выражения в академическом дискурсе могут содержать ограниченную метафоричность. Выражения «*исходя из сведений*» либо «*проводя анализ фактического материала*» несут переносный смысл, но не нарушают принцип объективности. Такая метафоричность способствует лаконичности изложения, не снижая его научной точности. Следовательно, устойчивые выражения остаются ключевым средством формализации академического

взаимодействия, способствуя его структурной упорядоченности и стилистической однородности.

Как подчёркивает В.П. Филин, устойчивые выражения в рамках академических публикаций осуществляют «ключевую функцию структурирования материала, гарантируя смысловую стройность и последовательность аргументации» [Филин, 1981, с. 115]. Они способствуют упорядоченности исследовательского представления, способствуя выстраиванию логических связей и улучшая восприятие информации. В научном стиле, в котором необходимы корректность, нейтральность и ясность, закреплённые формулировки позволяют создавать связь между разными разделами материала, поддерживая последовательность рассуждений.

Одна из ключевых задач устойчивых выражений в академическом тексте заключается в их возможности обозначать смысловые связки между структурными элементами исследования. Например, такие конструкции, как «*как указано ранее*», «*в рассматриваемых условиях*», «*стоит подчеркнуть*», способствуют ориентации читателя в тексте, сигнализируя о смене этапа рассуждений. В заключительных частях текста научной работы или при подведении итогов активно используются формулировки «принимая во внимание сказанное», «*подводя итог сказанному*», «*суммируя изложенное*», что последовательно завершает аргументацию и готовит читателя к выводам.

Устойчивые выражения также осуществляют задачу акцентирования значимых элементов научного анализа, включая задачи, гипотезы, предположения и выводы. Конструкции «*основная цель исследования состояла в*», «*ключевая задача была направлена на*», «*предположение в рамках исследования основывается на*» не просто делают упор на ключевых моментах, но также придают изложению структурированность. Данные формулировки позволяют устранить избыточные разъяснения, выделяя основные положения исследования, а также улучшая их понимание.

Помимо этого, устойчивые выражения выполняют функцию обозначения логических взаимосвязей между эмпирическими данными и доводами. Формулировки «*в результате проведённого исследования*», «*как было показано*», «*следовательно*», «*в этом контексте*» формируют логическую цепочку рассуждений, обеспечивая их последовательность. В академическом изложении важно не только представить данные, но и продемонстрировать их взаимосвязь, объясняя, как отдельные элементы анализа влияют на общее исследование.

Использование устойчивых выражений также способствует сокращению объема текста без потери информативности. Формулировки типа «*следует отметить*», «*исходя из сказанного ранее*», «*в последующих разделах анализируется*» позволяют устранить повторы, а также обеспечивают его

сжатость, сохраняя структурированность. Они создают стилистические и логические связи, исключая избыточные разъяснения логических переходов в структуре работы.

Таким образом, устойчивые фразы и выражения в научных текстах выполняют организационную роль, активно применяются в рамках логического обоснования. Они помогают структурированию академических заключений, смысловой целостности изложения, акцентируют внимание на ключевых аспектах исследований. Устойчивые речевые конструкции способствуют логическому выстраиванию академического изложения, однако их использование ограничено жесткими требованиями точности и беспристрастности. В процессе адаптации к научному стилю фразеологизмы теряют характерные для повседневной речевой практики эмоциональные или оценочные оттенки. В академическом контексте эти выражения используются в основном для указания на процессы, явления и концепции, а не для выражения личных точек зрения. Однако если личная точка зрения объективно доказана и убедительно аргументирована, то это уже научная позиция. Главная стилистическая трудность как раз в том и заключается, чтобы не нарушить тонкую грань между субъективным мнением и объективной точкой зрения.

Библиографический список:

1. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: 1977. 312 с.
2. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: На материале фр. и рус. яз. – М.: Междунар. отношения, 1977. 264 с.
3. Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
4. Скляревская Г.Н. Метафора и сравнение: логические, семантические и структурные различия // МИРС. 2017. № 4. С. 9.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологтческий аспекты. – М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. 284 с.
6. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – М.: Наука, 1981. 326 с.
7. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. 427.
8. Рыбаков С.В. О сущности веры // Межконфессиональная миссия. 2020. Том 9. Часть 6. № 47. С. 576-582.

Reference

1. Vinogradov V.V. Selected Works. Lexicology and Lexicography. – Moscow: 1977. 312 p.
2. Gak V.G. Comparative Lexicology: Based on the French and Russian Languages. – Moscow: International Relations, 1977. 264 p.
3. Potebnya A.A. Complete Works: Thought and Language. – Moscow: Labyrinth, 1999. 300 p.
4. Sklyarevskaya G.N. Metaphor and Comparison: Logical, Semantic, and Structural Differences // MIRS. 2017. № 4. P. 9.
5. Telia V.N. Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects. – Moscow: School of "Languages of Russian". Culture", 1996. 284 p.
6. Filin F.P. The Origins and Fates of the Russian Literary Language. – Moscow: Nauka, 1981. 326 p.
7. Shcherba L.V. The Language System and Speech Activity. – Leningrad: Nauka, 1974. 427.
8. Rybakov S.V. About the essence of faith // Mission confessions. 2020. Volume 9. Issue 6. № 47. P. 576-582.

Васильченко О.А.

Доцент, профессор кафедры истории, философии и права. ФГБОУ ВО "Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет", г. Комсомольск-на-Амуре.

Историческая память и социальный институт семьи на Дальнем Востоке как ее хранитель на примере Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.*

Аннотация. В статье автор сформулировал ее цель – раскрыть значение социального института семьи на Дальнем Востоке в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов. Для более глубокого понимания заявленной проблематики автор обозначил особенности развития социального института семьи на Дальнем Востоке и его деформации в условиях войны. Основная часть статьи содержит анализ исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов, а именно - характеризует ее формы (государственный и общественные мероприятия), их принципы и методы укрепления исторической памяти о войне. При этом внимание автора сфокусировано на роли семьи в этих процессах. Автор логично связал затронутую в статье проблематику с событиями сегодняшнего дня – проведением Специальной военной операции, выявил общие и особенные черты, показал опасность потери исторической памяти о войне властными элитами современной Европы и США. В статье отмечена важность укрепления международной солидарности на ее основе. В конечном итоге автор утверждает, что внутри страны историческую память укрепляют действия государства и семьи.

Ключевые слова: социальный институт семьи, историческая память, Великая Отечественная война, деформация, Специальная военная операция, Дальний Восток, СССР, Китай.

* © Васильченко О.А., 2025.

Vasilchenko O.A.
Associate Professor, Professor, Department of History, Philosophy, and Law, Amur State Humanitarian and Pedagogical University, Komsomolsk-on-Amur.

Historical memory and the social institution of the family in the Far East as its keeper using the example of the Great Patriotic War of 1941–1945.

Abstract. TIn this article, the author formulates its goal: to reveal the significance of the social institution of the family in the Far East in preserving the historical memory of the Great Patriotic War of 1941–1945. To further understand the problematic, the author outlines the development of the social institution of the family in the Far East and its deformation under war conditions. The main part of the article analyzes the historical memory of the Great Patriotic War of 1941–1945, specifically characterizing its forms (state and public events), their principles, and methods for strengthening the historical memory of the war. The author focuses on the role of the family in these processes. The author logically links the issues raised in the article with current events—the Special Military Operation—identifying common and specific features, and demonstrating the danger of the loss of historical memory of the war by the ruling elites of modern Europe and the United States. The article notes the importance of strengthening international solidarity through this foundation. Ultimately, the author argues that within a country, historical memory is strengthened by the actions of the state and the family.

Key words: social institution of the family, historical memory, Great Patriotic War, deformation, Special Military Operation, Far East, USSR, China.

80-летие победы СССР над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов и окончание второй мировой войны отмечаются в условиях международной напряженности и угрозы новой третей мировой войны. Потомки недобитых фашистов вновь подняли головы с призывом добиться реванша и уничтожить Россию.

Это обстоятельство обязывает исследователей вновь обратиться к истории войны и с позиции современности оценить все ее нюансы, особенно утраты исторической памяти правящими элитами Европы и США.

Обращение автора к социальному институту семьи не случайное. Он всегда представлял важнейшую часть общественной системы, развивался вместе с ней, отвечая на общественные потребности и сам формировал их.

Социальный институт семьи наиболее чувствителен ко всем переменам в обществе, способен отражать коллективное сознание, сохранять и воспроизводить знания и опыт, связанный с прошлыми событиями.

Историческая память представляется в виде системы социокультурных методов и институтов, контролирующих и преобразующих важные для настоящего момента социальные знания в информацию о прошлом для передачи новым поколениям накопленного общественного опыта. Цель статьи – показать значение социального института семьи на Дальнем Востоке в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

Заявленная тема статьи предполагает необходимость разъяснить ряд особенностей развития дальневосточной семьи в историческом процессе с середины XVIII века и до нашего времени. На этапе 1860 – 1917 годов существовали три модели дальневосточной семьи, характеризующиеся комплексом экономических, социальных и демографических характеристик [1, с. 18]. Модели принадлежали восточнославянскому, иммигрантскому (корейскому) и коренному населению. Совокупность семей переселенцев из европейской части страны и Сибири, семей иммигрантов из сопредельной азиатской страны и семей аборигенов развивалась в условиях хозяйственного освоения необжитой восточной территории, политической нестабильности, постоянной угрозы извне, в условиях формирования единого культурного пространства с преобладанием культуры восточнославянского этноса.

На этапе 1922 - 1990 годов на Дальнем Востоке осуществлялись социалистические преобразования, под влиянием которых патриархальная семья дореволюционного периода становилась ячейкой нового общества. В результате семейной политики Советского государства, под влиянием процессов русификации, аккультурации и ассимиляции к концу 30-х годов XX века изменился состав моделей семьи в регионе. В преддверии войны по политическим мотивам в 1937 году с территории Дальнего Востока были высланы корейские семьи [2, с. 105].

Дальнейшее совместное проживание семей разных этносов и эффективная государственная семейная политика привели к сближению этносов и, в конечном итоге, к формированию единого социального института семьи на Дальнем Востоке с сохранением национальной принадлежности.

На советский период развития семьи пришлись годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Война деформировала социальный институт семьи в направлениях:

1. Численное сокращение семей. За победу отдали жизни 27 мин советских граждан, среди которых были дальневосточники. В Книгу Памяти занесены 123,4 тыс имен дальневосточников, отдавших свои жизни во имя победы. Если учесть общую численность и возрастной состав жителей региона на 1939 год, то на защиту Родины встали около 22% учетного населения [3, с. 14].

2. В обществе произошли гендерные изменения. В результате численного сокращения мужчин сложилась "гендерная ассиметрия", когда женское население превалировало над мужским. Снизилась рождаемость.

3. Увеличилось количество неполных семей, выросло число вдов и беспризорных детей.

4. Изменилась трудовая занятость членов семьи. Женщины заменили ушедших на войну мужчин. Дети встали у станков.

5. Катастрофическое снижение рождаемости. Сформировались предпосылки появления в будущем "демографических ям".

6. В духовной сфере значительно укрепились концепции патриотизма и героизма как норм поведения советского человека на фронтах войны и в тылу. Массовый героизм, мужество и стойкость советских людей стали залогом победы в этой войне.

В военное время укрепилась солидарность между советским и китайским народами, которые внесли решающий вклад в дело разгрома нацизма и японского милитаризма и выполнили свое историческое предназначение.

В постсоветский период, начиная с 90-х годов прошлого века, социальный институт семьи на Дальнем Востоке продолжает преодолевать негативные последствия войны. Малочисленное население региона, слабое развитие инфраструктуры и отдаленность от центра делали его малопривлекательным. В последнее десятилетие "Россия повернулась на восток", были приняты грандиозные планы развития региона. На прошедшем 3-6 сентября во Владивостоке Восточном экономическом форуме были отмечены экономические успехи развития и озвучены перспективные направления укрепления стабильности в мире.

Однако, в постсоветский период детям и внукам победителей фашизма 80 лет тому назад приходится защищать Родину от врага в ходе Специальной военной операции (СВО). Каждый из героев этой войны защищает от современных фашистов Россию и свою семью.

Историческая память делает эту войну осмысленной, вселяет уверенность в том, что наше дело правое и победа будет за нами. Процесс укрепления исторической памяти осуществляется постоянно на протяжении восьмидесяти последних лет. По форме он делится на государственные мероприятия и общественные движения. Государственными мероприятиями руководят органы государственной власти. Общественные мероприятия осуществляются по инициативе общества и поддерживаются государством.

Принципы этих действий едины:

1. Никто не забыт и ничто не забыто.

2. Вечная слава героям.

Методы укрепления исторической памяти:

– Проведение государственных праздников, посвященных юбилеям.

Это могут быть торжественные собрания, парады и демонстрации, чествование ветеранов войны. 9 мая 2025 года в честь Победы прошел грандиозный парад на Красной площади в Москве и в других городах;

– Открытие памятников героям войны;

– Присвоение имен героев улицам, городам, кораблям и т.д.

– Повышение внимания к проблемам изучения темы Великой Отечественной войны в школах и вузах, то есть назрела необходимость пересмотра учебников и учебных программ в направлении укрепления исторической памяти обучаемых

– Активизация действия политических партий и организаций по укреплению исторической памяти;

– В культурно-просветительной сфере осуществление мероприятий, посвященных памяти о войне (книги, газеты и журналы, продукция киноиндустрии с соответствующей тематикой);

– Проведение научных форумов, конгрессов, конференций по вопросам войны и мира

– Укрепление международных связей по этой проблематике.

Время рождает новые формы исторической памяти. Так, недавно появилась новая форма общественной инициативы – движение "Бессмертный полк", которое показывает, что историческая память о войне сохраняется в семьях. Они берегут старые фронтовые письма, фотографии, похоронки, награды воевавших отцов, дедов и прадедов. Фотографии героев в руках потомков демонстрируют крепкую связь поколений.

Укрепляет историческую память православная церковь. Например, 10 сентября 2025 года в г. Хабаровске заложено основание нового храма, посвященного 80-летию победы в Великой Отечественной войне [4]. Предполагается завершение строительства храма в 2027 году. На Дальнем Востоке появится еще один центр, укрепляющий историческую память.

Рассуждая о Великой Отечественной войне как о катастрофе для нашего государства, унесшей 27 миллионов жизней граждан, задаемся вопросом как устояла и победила фашистов страна фактически в борьбе со всей Европой. Одним из истоков победы была семья, в которой рождаются герои и антигерои, в ней формируется тот загадочный русский характер, разгадать который наши недруги не могут до сих пор. Здесь воспитывается воля к победе и формируется "русский дух", хранится вера в победу. Поэтому семья находится в центре поиска истоков исторической памяти потомков о Великой Отечественной войне. Все остальные мероприятия призваны усиливать эти воспитательные функции семьи.

Для того, чтобы семья справилась с этими функциями, государство должно основательно работать с семьей.

Во-первых, бедная обнищавшая люмпенизированная семья вряд ли

родит героев. Поэтому государство должно оказывать не точечную материальную помощь отдельным категориям семей (малообеспеченным, многодетным, студенческим, с детьми-инвалидами и др.), а создать такие условия, чтобы работающий отец своей заработной платой мог полноценно обеспечить нужды семьи. В таком случае мать сможет полноценно посвятить себя воспитанию детей. При этом за женщиной остается право выбора – работа или семья. В случае выбора семьи на улицах будет меньше безнадзорных детей, могущих проявлять вандализм на мемориальных кладбищах, поскольку им о памяти павших за Родину вечно занятые родители не успели рассказать.

Во-вторых, прошло 80 лет со дня победы в Великой Отечественной войне, но до сих пор продолжаются поиски останков героев, павших в боях. В результате этой работы вернулись из забытья многие имена погибших за Родину прадедов, дедов и отцов. Потомки помнят и гордятся своими предками. Государство глубоко заинтересовано в этой инициативе энтузиастов, возвращающих имена безвестных героев по принципу "Никто не забыт, ничто не забыто". Поэтому оно поддерживает деятельность поисковых отрядов на местах былых сражений. Эта работа напрямую повышает способность индивидов и коллективного сознания сохранять и воспроизводить знания, связанные с прошлыми событиями Великой Отечественной войны.

В-третьих, большую роль в укреплении исторической памяти играет увековечивание имен героев в памятниках, мемориалах ("Вечный огонь" и др.). Не зря на Украине, в Прибалтике, в Молдове и других недружественных странах с таким остервенением сносят памятники русскому солдату, освободившему от фашизма эти государства. Цель таких действий – вытравить из памяти народов имя победителя в Великой Отечественной войне, пересмотреть уроки истории, переписать ее заново. Поэтому наше государство противостоит этой политике, защищает историю войны от посягательств и тем самым укрепляет историческую память своего народа.

В-четвертых, государство заботится о том, чтобы историческая память о Великой Отечественной войне преумножалась. С этой целью исторические архивы постоянно пополняются новыми документами, ранее засекреченными. Архивные материалы позволяют исследователям расширить рамки изучения истории войны и ее последствий, укрепляют историческую память в обществе. Это актуально в условиях попыток наших врагов пересмотреть историю войны.

В-пятых, государство охраняет социальный институт семьи как традиционную ценность от влияния запада, где гендерные извращения (однополые браки, смена пола даже у детей и др.) ставят под сомнение существование самой семьи. Об исторической памяти здесь не приходится говорить,

поэтому защита семьи становится залогом здорового общества.

В-шестых, одновременно с 80-летним юбилеем победы советского народа над фашистской Германией прогрессивное человечество отмечает другой юбилей - победу СССР и Китая над милитаристской Японией. Как и русский народ, китайцы понесли тяжелые потери. 37 миллионов китайских граждан не вернулись с войны [5]. 3 сентября 2025 года состоялся грандиозный парад на площади Тяньаньмэнь в Пекине, посвященный сопротивлению китайского народа японским захватчикам и победе над ними [6]. Это свидетельствует о том, что в Китае также крепнет историческая память о войне, усиливается российско-китайская солидарность в борьбе против общего врага, новых вызовов и угроз.

В-седьмых, потомкам недобитых фашистов, пришедших к власти, удалось поссорить русский и украинский славянские народы. Специальная военная операция, проводимая Россией на Украине с 2022 года, призвана защитить страну от посягательств на наш суверенитет.

СВО и Великая Отечественная война во многом похожие. Цели врагов одинаковые – уничтожить русских. На вопрос воинам на передовой о причинах прихода на войну звучит примерно одинаковый ответ о защите своей Родины и своей семьи. Как и прежде русский солдат считает свою семью частью Родины. В своем сознании он сохраняет и воспроизводит знания событий, фактов и опыта Великой Отечественной войны, а также знания, связанные с прошлыми периодами нашей истории. Эти знания делают солдата уверенным в нашей победе. Девиз "Враг будет разбит и победа будет за нами" отражает непреклонную веру в победу солдата Великой Отечественной войны и воина Специальной военной операции.

В итоге, анализируя основные положения данной статьи, исследователь делает некоторые обобщения.

Во-первых, потеряв историческую память или ослабив ее, политические элиты европейских государств забыли уроки истории. Стремясь удержать лидерство в мировом процессе, они вместе с США яростно защищают однополярное устройство мира. На их пути препятствием стала Россия и дружественные ей страны (Китай, Индия и др.). Преодолеть это препятствие планировалось за счет изоляции России. Однако, существование политической организации ШОС свидетельствовало об обратном.

Во-вторых, решение экономически задушить Россию тоже не реализовалось. Введение 18 пакетов экономических санкций не достигло цели, экономика страны не рухнула [7].

В-третьих, на поле боя у врагов России успехов тоже нет. Военно-политическое давление на нашу страну оказалось провальным. Ограничения в других сферах (социальной, культурной и т.д.) не нанесли России существенного ущерба. Сейчас страны Европы и США открыто готовятся к пол-

номасштабной войне с нашей страной [8].

В-четвертых, на основе исторической памяти о китайско-советской солидарности против общего врага, о вкладе Китая и СССР в разгром японского милитаризма Россия строит международные отношения.

Сохранение исторической памяти способствуют действия основных ее носителей – социального института семьи и государства.

Библиографический список:

1. Васильченко О.А. Формирование социального института семьи на Дальнем Востоке. – Комсомольск-на-Амуре, 2011. 167 с.
2. Соловьева Н.А. Корейцы в России // Гуманитарные проблемы стран АТР. 1993. № 2 (4). С. 104-112.
3. Ткачева Г.А. На алтарь Отечества. Дальневосточники на фронтах Великой Отечественной войны. 1941 – 1945 гг.// Россия и АТР. 2010. № 2. С. 5-15.
4 Новости Хабаровска // URL:https://www.dvnovosti.ru/khab/2025/09/10/185125 (Дата обращения: 20.09.2025)
5 Выступление президента РФ В.В. Путина на переговорах с председателем КНР Си Цзиньпином 8 мая 2025 года // URL:https://tass.ru/politika/23885921 (Дата обращения: 20.09.2025)
6. Парад на площади Тяньаньмэнь в Пекине 3 сентября 2025 года // URL: https://rutube.ru/video/103e32953294124da614b35a842ef402 (Дата обращения: 20.09.2025)
7. Заявление пресс-секретаря президента РФ Дмитрия Пескова 17сентября 2025 года // URL: https://tass.ru/politika/25081847 (Дата обращения: 20.09.2025)
8. Выступление Секретаря Совета Безопасности РФ С.К. Шойгу 24 апреля 2025 г. // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2025/04/24/20929106.shtml (Дата обращения: 20.09.2025).
9. Байханов И.Б. Трансформация профессиональных компетенций специалистов государственного управления в условиях цифровых трендов // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 320-327.
10. Протоиерей Димитрий Лескин, Русский мир: историческая миссия // Журнал «Межконфессиональная миссия». 2016. № 14. С. 6-13.

Reference

1. Vasilchenko O.A. Formation of the Family Institution in the Far East. Komsomolsk-on-Amur, 2011. 167 p.
2. Solovieva N.A. Koreans in Russia // Humanitarian Problems of the Asia-Pacific Region Countries. 1993. № 2 (4). P. 104-112.
3. Tkacheva G.A. At the Altar of the Fatherland. Far Easterners on the Fronts of the Great Patriotic War. 1941-1945 // Russia and the Asia-Pacific Region. 2010. № 2. P. 5-15.
4 Khabarovsk News // URL: https://www.dvnovosti.ru/khab/2025/09/10/185125 (09.20.2025)
5 Speech by Russian President V.V. Putin at talks with Chinese President Xi Jinping on May 8, 2025 // URL: https://tass.ru/politika/23885921 (September 20, 2025)
6. Tiananmen Square parade in Beijing on September 3, 2025 // URL: https://rutube.ru/video/103e32953294124da614b35a842ef402 (September 20, 2025)
7. Statement by Russian Presidential Press Secretary Dmitry Peskov on September 17, 2025 // URL: https://tass.ru/politika/25081847 (September 20, 2025)
8. Speech by Secretary of the Russian Security Council S.K. Shoigu April 24, 2025 // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2025/04/24/20929106.shtml (September 20, 2025).
9. Baykhanov I.B. Transformation of professional competencies of public administration specialists in the context of digital trends // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 320-327.
10. Dmitriy Leskin, Russian world: the historical mission // “Interchurch Mission”. 2016. № 14. P. 6-13.

Пономаренко Е.В.
Кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательского отдела (качество военного образования) научно-исследовательского центра (военно-прикладных исследований) Военного университета.

Казанцев В.П.
Доктор исторических наук, профессор, Московского института современного академического образования (АНО ВО «МИСАО»).

Попов Г.Г.
Кандидат экономических наук, научный сотрудник Московского института современного академического образования (АНО ВО «МИСАО»).

Польская кампания вермахта 1939 г. и советский военный фактор*

Аннотация. Авторы настоящей статьи, привлекая публикации последних лет и трофейные немецкие документы, попытались ответить на вопрос о том, повлияло ли вступление советских войск в Польшу 17 сентября 1939 г. краху Второй Речи Посполитой. Эта проблема, активно разрабатываемая в современной Польской Республике, имеет там положительный ответ. Однако, изучив малоизвестные архивные документы (в первую очередь –документы 14-й армии вермахта, которая наступала на Краков и Львов в сентябре 1939 г.), авторы приходят к выводу, что действия Красной армии незначительно повлияли на ход Польской кампании. Напротив, вступление Советского Союза в Польшу было вынужденной мерой, которая в конечно счете ослабила экономический потенциал нацистского режима. Касательно же непосредственно действий войск в сентябре 1939 г., авторы приходят к выводу, что высшее польское командование не смогло организовать контрудар из Варшавы после 9-го сентября 1939 г. для поддержки своих войск на р. Бзура. Именно это и стало главной причиной быстрого разгрома польской армии вермахтом, но никак не советское вторжение 17 сентября 1939 г.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Польская кампания 1939 года, западный поход РККА 17 сентября 1939 г., Пакт Риббентроп-Молотов, Польша во Второй мировой войне.

Ponomarenko E.V.
PhD in History, research fellow at the Research Department (Quality of Military Education) of the Research Center (Military Applied Research) of the Military University.

* © Пономаренко Е.В., Казанцев В.П., Попов Г.Г., 2025.

Kazantsev V.P.
Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Institute of Modern Academic Education.

Popov G.G.
Candidate of Economic Sciences, Research Fellow at the Moscow Institute of Modern Academic Education.

The Polish campaign of the wehrmacht in 1939 and the Soviet military factor

Abstract. The authors of this article, using publications of recent years and captured German documents, tried to answer the question of whether the entry of Soviet troops into Poland on September 17, 1939 influenced the collapse of the Second Polish-Lithuanian Commonwealth. This problem, which is being actively developed in the modern Polish Republic, has a positive response there. However, after studying little–known archival documents (first of all, the documents of the 14th Army of the wehrmacht, which attacked Krakow and Lviv in September 1939), the authors conclude that the actions of the Red Army had little effect on the course of the Polish campaign. On the contrary, the entry of the Soviet Union into Poland was a forced measure that ultimately weakened the economic potential of the Nazi regime. Regarding the direct actions of the troops in September 1939, the authors conclude that the Polish high command was unable to organize a counterattack from Warsaw after September 9, 1939 to support its troops on the Bzura River. This was the main reason for the rapid defeat of the Polish army by the wehrmacht, but not the Soviet invasion on September 17, 1939.

Key words: World War II, the Polish campaign of 1939, the western campaign of the Red Army on September 17, 1939, the Ribbentrop-Molotov Pact, Poland in World War II.

Введение

Данная работа посвящена вопросу, который в постсоветской историографии и исторической публицистике ряда восточноевропейских стран рассмотрен неоднозначно. Так, в современной Польше (усилиями, в первую очередь, Института национальной памяти) преобладает мнение о том, что Красная армия нанесла «удар ножом в спину» Войску Польскому, которое мужественно оборонялось против вермахта. На одном из Интернет-проектов польского Института национальной памяти утверждается: «Благодаря союзу с Германией Советский Союз завоевал восточные территории Польши, и последующие территориальные приобретения (Прибалтика, Бессарабия и Финляндия) казались почти неизбежными. Кроме того, на западе и в центре Европы Кремль вел «империалистическую войну», в

которой советские войска не участвовали. Благодаря экономическому соглашению с Германией СССР обеспечил поставку современных установок и машин для строительства, расширения и модернизации оборонной промышленности. Осенью 1939 года Кремль пребывал в состоянии эйфории - девятнадцать лет после неудачной попытки прорыва в Европу, после поражения под Варшавой, благодаря «наступательной политике», главному лозунгу Владимира Ленина о распространении революция с оружием в руках начала осуществляться. Польское заграждение было разрушено, и Советский Союз от «революционной защиты» перешел к атаке. Также удалось наконец создать прямую германо-советскую границу, о чем мечтали Ленин и Лев Троцкий» [1]. Подобного взгляда придерживается польский историк Халик Кочанский в своей ставшей уже классической монографии об участии поляков во Второй мировой войне [2, pp. 94-136].

Таким образом из факта того, что Вторая Речь Посполитая пала под ударами вермахта, в то время, как РККА проводила операцию по занятию восточнославянских территорий Второй республики, а по ее территории прошла граница между двумя странами, делается вывод о чуть ли не союзнических отношениях гитлеровской Германии и СССР [3; 4; 5; 6]. Следующим шагом этой парадигмы, как видим, является тезис о равенстве «двух агрессоров» и родстве двух политических режимов; последнее, как, впрочем, и предыдущее суждение, как будет показано далее, делаются весьма умозрительно.

Дополнительную и серьезную сложность в изучении данного вопроса придает тот факт, что многие польские офицеры, руководившие войсками в сентябре - октябре 1939 г., погибли во время тех событий или после, не оставив воспоминаний. Кроме того, в самой Варшаве ряд массивов документов был утрачен уже осенью 1939 г. или достался абверу, а затем был снова утрачен уже весной 1945 г. в Берлине (что-то из этих документов, разумеется, осталось и оказалось разбросанным по архивам нескольких государств).

Из воспоминаний наиболее известных польских военачальников мы обратились к мемуарам генерала Тадеуша Комаровского [7] (после поражения Польши в первой половине осени 1939 г. он возглавил подполье, в начале Второй мировой войны занимал должность заместителя командира кавалерийской бригады). Также мы обращаемся к работе польского генерала Юлиуса Роммеля (в польской историографии его часто называют Юлиушем Руммелем, командовал армией «Лодзь» и являлся организатором обороны Варшавы), которая фактически является не воспоминаниями, но полноценным исследованием Польской кампании 1939 года.

В отечественной историографии вопрос о влиянии Освободительного похода Красной армии 1939 г. на Польскую кампанию вермахта находится на периферии [8, с. 128]. В историческую дискуссию на страницах

центральной российской печати эту проблему одним из первых привнёс профессор «Высшей школы экономики» О.В. Будницкий [9], который до недавнего времени специализировался на истории российского революционного движения конца XIX в. На страницах газеты «Ведомости» он поставил вопрос о выгодах, которые получил СССР в военном и геоэкономическом отношениях от советско-германского договора от 23 августа 1939 г. Данную проблему очень кратко в своей диссертации рассмотрел Уэсли Кент (Wesley Kent), но он не стал подробно анализировать последствия советского вторжения в Польшу [10]. Тему советско-польских отношений в 1939 г. достаточно подробно обсудил Р. Раак [11], но он также решил не углубляться в изучение проблемы влияния советского вторжения на ход Польской кампании. Отметим здесь, что мы не подвергаем сомнению вынужденный характер советско-германского договора, который стал наиболее адекватным выходом из сложнейшей международной ситуации, в которой оказался Советский Союз летом 1939 г. Эта угроза войны на два фронта была следствием «политики умиротворения», проводившейся англо-французскими союзниками. Важнейшими его этапами стали: в Европе – «пакт четырех» 1933 г., а на Дальнем Востоке – «пакт Арита-Крейги» 1939 г. Напомним, что именно 22-24 августа 1939 г. – это самый напряженный момент боев на Халхин-Голе, когда комкор Г.К. Жуков бросил в бой последние резервы.

Спровоцировал ли Советский Союз нападение нацистской Германии на Польшу?

Спровоцировал ли советско-германский договор 23 августа 1939 г. нападение нацистской Германии на Польшу и насколько немецкое военное руководство было действительно обеспокоено возможным вмешательством СССР на стороне Польши? Два этих вопроса являются, на наш взгляд, ключевыми для понимания сути отношений между Москвой и Берлином накануне и в первый месяц Второй мировой войны. Говоря о взаимосвязи советско-германских договоренностей на военные приготовления Третьего рейха, отметим следующее. Во-первых, план нападения вермахта на Польшу («Вайс») разрабатывался с апреля 1939 г., 15 июня была утверждена директива о стратегическом развертывании сухопутных войск, а 22 июня Гитлеру представили ориентировочный календарный план, то есть, практически завершенный план войны против Польши. В то же время «потепление» советско-германских отношений началось с 28 июня 1939 г., когда в беседе с немецким послом В. Шуленбургом нарком В.М. Молотов заявил, что «Советский Союз стоял и стоит за улучшение отношений или, по крайней мере, за нормальные отношения со всеми странами, в том числе и с Германией» [12, Л. 5]. Во-вторых, Советский Союз настойчиво предлагал англо-французским представителям (в ходе переговоров мая – августа

1939 г.) заключить обязательный трехсторонний военный союз и несколько месяцев наталкивался на упорное нежелание своих партнеров подписывать такой документ [13]. И в-третьих, визит Риббентропа был совершенно неожиданным и его самолет даже был по ошибке обстрелян советскими зенитчиками рядом с Великими Луками [14, с. 31]. Таким образом, план войны Третьего рейха против Второй Речи Посполитой был готов до того, как началось улучшение отношений между Берлином и Москвой. Советский Союз не оказал влияния на решение Гитлера воевать с Польшей.

Одним из последствий уничтожения польской межвоенной государственности стало непосредственное соприкосновение германской и советской государственных границ, а еще раньше – вооруженных сил. Как же воспринимал Красную армию Гитлер: как союзника или как противника?

У высшего командования вермахта все-таки имелись на лето 1939 г. некоторые сомнения по поводу невмешательства СССР. В августе поэтому появляется отчет Иностранных армий Восток для ОКХ о состоянии ВС СССР, в котором делается вывод, что Советский Союз не готов к наступательной войне и не имеет таких намерений [15, Л. 31]. В сводке ОКВ о внешнеполитическом положении в Европе за январь – апрель 1939 г. говорится, что между СССР и Англо-французским альянсом ведутся переговоры об антигерманском пакте, но таковой едва ли возможен, учитывая, что Советский Союз имеет противоположные участникам этого альянса интересы, которые касаются в основном расширения сфер советского влияния на Балтике и Черном море [16, Л. 6].

В мае 1939 г. появляется вторая часть плана действий люфтваффе в случае войны с Польшей. В рамках дополнительных указаний к этому плану есть набросок действий ВВС Германии на случай вмешательства в войну Советского Союза. Таким образом, весной 1939 г. высшее командование вермахта не исключало возможного столкновения с СССР, но, тем не менее, немецкие планировщики оптимистично смотрели на перспективы войны для Германии на случай вмешательства СССР, предполагалось, что люфтваффе нанесут удар по двигающимся по территориям Литвы и Восточной Польши советским войскам [17, Л. 46]. Однако предполагаемому вооруженному конфликту с Советским Союзом в столь важном документе отведено всего примерно 1,7 страницы из почти 90 страниц, что указывает на то, что даже тогда германское высшее командование рассматривало вмешательство СССР в предстоящую войну с Польшей маловероятным.

Есть другое свидетельство насчет восприятия Гитлером советского фактора летом 1939 г., это – разговор с Карлом Буркхардтом – главным комиссаром Вольного города Данцига – 11 августа 1939 г., когда Гитлер заявил, что все, что он делает, он делает против России, но, если Запад его не понимает, то он заключит сделку со Сталиным, после чего обрушит все силы

против Запада, а затем нанесет удар по СССР, чтобы в первую очередь захватить Украину, иначе Германию ждет голод, какой был в конце Первой мировой войны [18, p 348]. Однако из этих слов Гитлера совсем не следует, что последний считал военное столкновение с Советским Союзом как неизбежное в случае нападения вермахта на Польшу без соответствующего пакта с Кремлем, под «сделкой со Сталиным» можно понимать и больше экономическое соглашение, так как Германия оставалась в случае морской блокады Великобританией без подвоза значительных объемов сырья и продовольствия. Как видно, *Гитлер отнюдь не рассматривал советское руководство как своего потенциального союзника. Напротив, СССР он считал основным противником, соглашение с которым в любом случае будет иметь лишь временный характер.*

Была ли польская армия разгромлена к 17 сентября 1939 г.?

Одним из немаловажных факторов при описании сопротивления Войска Польского вермахту в 1939 г. является неожиданность вступления советских войск. Но этот фактор – умозрительное построение некоторых современных польских и западных историков, ибо заявление (де-факто – ультиматум) от 23 сентября 1938 г. о недопустимости участия в гитлеровском разделе Чехословакии так и не было дезавуировано советской стороной. Более того, основной противник (не только красным цветом стрелок на штабных картах, но и направлением его ударов) польских войск в ходе «Больших маневров на Волыни», которые проходили с 14 по 19 сентября 1938 г., был СССР.

4 сентября 1939 г. посол СССР в Польше Н.И. Шаронов телеграфировал в Москву, что у поляков есть некоторые опасения по поводу возможных действий СССР [19, с. 363]. Но 1 сентября 1939 г., согласно телеграмме Н.И. Шаронова, в польских правивших кругах даже была надежда на военную помощь со стороны Советского Союза [19, с. 358].

Тем не менее, 17-го сентября 1939 г. в Варшаве Э. Рыдз-Смиглы почти весь день обсуждал ситуацию в стране, вызванную вторжением Красной армии. До примерно полудня польский главнокомандующий был уверен, что советские силы вторжения незначительны, но телефонные сообщения с границы развеяли это представление, поэтому и появился приказ польским войскам в бой не вступать.

Э. Рыдз-Смиглы пришел к мнению, что дальнейшее сопротивление польских войск лишено смысла ввиду продвижения с востока Красной армии. Однако есть свидетельство, что утром 17-го сентября порядка 200 000 польских солдат и офицеров уже двигались к румынской границе [20], но цель этого движения было создание обороны в Галиции. Таким образом, советское вторжение ускорило принятие решения о прекращении сопротивления регулярных воинских сил вермахту, но никак не было тем фак-

тором, который кардинально изменил в одночасье всю стратегию высшего командования Польши, в распоряжении которого оставались порядка 650 000 солдат и офицеров, что составляло 50% от планового показателя численности польской армии, по мобилизационному плану. Таким образом, в Варшаве Э. Рыдз-Смиглы готовился дать фактически арьергардный бой, который задержал бы вермахт, пока основные силы армии уходили в Румынию и Венгрию. Правда, в выпущенном к вечеру 17-го сентября 1939 г. приказе Э. Рыдз-Смиглы говорилось только о Венгрии, куда следовало уходить польским частям. В приказе официально объявлялось, что общий вывод польских войск со своей национальной территории следует за советским вторжением [21, p. 308]. Это согласовалось, скорее всего, с предвоенным планом Генерального штаба Польши на случай вооруженного столкновения Германией и Советским Союзом одновременно [22, с. 448]. Однако польские стратеги перед Второй мировой войной преувеличивали возможности своей армии в аспекте противостояния вермахту.

К 17-му сентября 1939 г. Э. Рыдз-Смиглы уже утратил частично способность управлять войсками и получать от них информацию. Поэтому его представления о ситуации в Галиции и регионах, граничивших с ней с запада, несколько уже не соответствовали действительности, 14-я армия вермахта продвигалась столь стремительно, что не оставляла многим польским частям шансов продолжать организованное сопротивление.

По данным немецких документов, положение польской армии к 17-му сентября 1939 г. стало крайне тяжелым, на некоторое время оно было стабилизировано контрударом польских войск на р. Бзура, которое явилось первым и последним крупным контрнаступлением поляков в кампании 1939 г. Эта операция польских войск была проведена по инициативе генерала Т. Куцебы, чтобы дать польским силам в Варшаве и Модлине время для подготовки к обороне.

После 4-го сентября 1939 г. генерал Т. Куцеба решил нанести контрудар по правому флангу 8-й армии вермахта. 8-го числа Э. Рыдз-Смиглы неохотно дал согласие на контрудар. 9-го сентября 1939 г. Т. Куцеба добился заметных успехов, но они были временными. 11 сентября 1939 г. из-за превосходства немцев Э. Рыдз-Смиглы приказал польским войскам начать отход к румынской границе. В этой связи армии «Поможе» и «Познань» должны были прорываться к Радому, чтобы выйти к румынской границе, но у этих двух армий остались силы только для обороны. Рыдз-Смиглы был уверен, что 17-го сентября французы пойдут в наступление. Армия Краков имела большие трудности с отступлением ко Львову, который был осажден 1-й горной дивизией вермахта 12 сентября 1939 г. [23, p. 108-109].

О масштабе Битвы на Бзуре говорят такие цифры: в Варшавском котле в плен попали 140 000 польских военнослужащих. В результате Битвы на

Бзуре в плен к немцам попали 170 000 поляков [24, p. 17]. На 20 000 солдат и офицеров пленными меньше, чем на Бзуре, потерял вермахт в Тунисе весной 1943 г. и намного меньше немцев попали в плен в Сталинграде, в Тунисе и Сталинграде одной из главных причин поражения вермахта стало плохое снабжение продовольствием, боеприпасами и горючим, такая же ситуация сложилась и в зоне обороны Варшавы к середине сентября 1939 г. Х. Кочанский пишет, что наступление на Бзуре и не могло увенчаться долгосрочным успехом, так как предназначенные для него дивизии не были достаточно подготовлены для столь сложной операции [2, p. 73]. Далее последовал окончательный разгром польской группировки войск в лесах в районе Бзуры в основном при помощи люфтваффе [2, p. 73].

Нельзя сказать, что поляки победили на Бзуре, но первое в истории Второй мировой войны крупное контрнаступление против вермахта сорвало планы быстрого захвата Варшавы нацистами, на это нам указывают факты из немецких трофейных документов. Битва на Бзуре имела для поляков также и то значение, что удар по немецким войскам должен был облегчить прорыв к Варшаве польских частей, отходивших из Познани и Бромберга, на это нам также указывают данные, содержащиеся в боевом журнале 24-й ПД вермахта.

На 9 сентября 1939 г. 24-я ПД получила задачу от штаба 10 корпуса взять город Ловиц как можно быстрее, 30-я ПД должна была поддержать атаку [25, Л. 33]. Смысл наступления – взять мосты через р. Бзура [25, Л. 33]. Но утром немецкий разведотряд из трех бронемашин не обнаружил признаков противника в Ловице, мосты не были взорваны [25, Л. 34]. После 7.30 немцы у переправ через Бзуру были атакованы с воздуха, но польский налет не принес эффекта [25, Л. 34]. Дивизия тем же утром, неожиданно для ее командования, получила приказ прекратить движение на восток и проводить только разведку к северу от Ловица [25, Л. 34].

9-го сентября 1939 г. солдаты 24-й ПД столкнулись с отступавшим в районе Патоков с запасным батальоном 69-го польского ПП, батальон двигался из Гнезена и оказал слабое сопротивление [25, Л. 35]. В тот же день поступило сообщение от разведки дивизии, что обстановка на фронте изменилась, 4-я ТД вышла к Варшаве, но польские войска из округов Познани и Бромберга отходят на Восток, двигаясь только ночью [25, Л. 36]. 10-го сентября 1939 г. утром 24-я ПД получила приказ оставаться на позициях под Ловицем, прикрывая северный фланг 10-го корпуса [25, Л. 37].

К 10-му сентября 1939 г. в Ловице скопилось около 2000 польских военнопленных, а также пришедших со всей округи 4000 польских немцев, которых отправляли в специальный лагерь беженцев в Гловно [25, Л. 38]. Бои 10-го сентября были незначительными [25, Л. 38]. Но в тот же день поступило сообщение, что 30-я ПД (соседка 24-й ПД) столкнулась с круп-

ными массами польских пехоты и кавалерии (1-2 польские пехотные дивизии и 1 кав. бригада). Поляки прорывались через линию Билавы, Витов, Сирков. В этой связи 8-й корпус приказал 10-й ПД двинуться к Гловно для того, чтобы помочь остановить прорывавшиеся польские войска [25, Л. 39]. Поляки шли на Варшаву, в задачу трех немецких дивизий входило их туда не допустить, обороняя позиции по Бзуре [25, Л. 39]. Но численность немецкой пехоты была недостаточной, чтобы держать столь широкий фронт, поэтому немецкое командование дало приказ сдать г. Сохачев (Sochaczew) и ослабить оборону Ловица, что означало отказ от ряда результатов наступления 8-9 сентября [25, Л. 40].

Документы 4-й ТД вермахта демонстрируют нам, что осада Варшавы была ослаблена в начале 10-х чисел сентября 1939 г. именно из-за польского контрнаступления на Бзуре. 4-я ТД была отвлечена от осады Варшавы для отражения прорыва польских войск на р. Бзура [26, Л. 13]. Эта танковая дивизия вермахта захватила более 20 000 пленных в ходе операции по отражению удара польских войск [26, Л. 13].

17 сентября 1939 г. артиллерия 4-й ТД отразила попытки прорыва поляков на западном берегу Бзуры [26, Л. 14]. Упоминается также, что 4-я ТД действовала рядом с 19-й ПД недалеко от Вилкова [26, Л. 15]. 15 сентября 1939 г. 4-я ТД получила приказ выдвинуться в район Кутно, чтобы уничтожить сосредоточенного там противника. 14.09.1939 г. 4-я ТД осуществила окружение польских войск в Кутно, в котле оказались части 2-й польской дивизии [26, Л. 19]. 13 сентября 1939 г. полякам удалось вбить клин между 4-й ТД и 31-й ПД, из штаба 4-й ТД было сообщено, что сил дивизии недостаточно, чтобы сдерживать прорыв поляков в районе Блонии и Утаты [26, Л. 21]. В этой связи командование 4-й ТД организовало подвижную оборону [26, Л. 21].

Наступление на Бзуре могло иметь успех, если бы имел место встречный удар из Варшавы, но собранные под командованием генерала Юлиуса Роммеля в Варшаве войска еще не восстановили силы после предшествовавших боев. Э. Рыдз-Смиглы не создал сильные стратегические резервы, чтобы нанести своевременно удар из района Варшавы. Но, по данным 4-й ТД вермахта, поляки все-таки сделали попытку встречного удара из своей столицы.

Появление 4-й ТД вермахта под стенами Варшавы оказалось случайностью. Сражение под Мокрой считалось командованием 4-й ТД как успех, обеспечивший выход к Варшаве в течение 8 дней [26, Л. 23]. 8-го сентября 1939 г. 35-й ТП попытался ворваться в Варшаву, но полк увидел, что поляки оказывают упорное сопротивление, но в то же время командование полка пришло к выводу, что польские войска находятся в полной дезорганизации, поэтому 9-го утром 35-й ТП пошел в подготовленную атаку [26, Л. 23]. Немецкие танкисты были уверены, что, несмотря на упорное сопро-

тивление поляков и хорошую противотанковую оборону противника, им удалось бы победить, если бы шедшая за танками пехота не отстала, но из текста следует, что немецкие стрелки бежали с поля боя [26, Л. 24]. Немцы потеряли в той атаке 12 танков [26, Л. 24].

10 сентября 1939 35 ТП получил приказ сделать обвод танками вокруг Варшавы совместно со стрелковым полком дивизии, всего у немцев у Варшавы имелось 60 танков [26, Л. 24]. В ходе этой операции два танка напоролись на баррикады и были подбиты, взвод второй роты 35-го ТП столкнулась с целым польским полком, шедшим к Варшаве от Лодзя, этот польский полк был разоружен [26, Л. 24]. Вскоре поступил приказ с полком Лейбштандарт заняться перехватом шедших к Варшаве из Лодзя польских войск [26, Л. 24].

По другим данным, 12-го сентября 35-й ТП планировал продолжать наступление в Варшаве, но в 10 утра того же дня получил приказ не двигаться дальше района Воля, так как в Варшаве было замечено скопление польских танков [26, Л. 26]. Столкновение с маленькой группой польских танков действительно произошло, но немцы не потеряли ни один танк, когда польские танки были подбиты в основном ПТО и пехотинцами [26, Л. 26]. Вторая волна атаки в составе 6 польских танков была также отбита немецкими пехотинцами, которые применили одну ПТО 14 / I.R. 33 [26, Л. 26]. Эти польские атаки шли навстречу прорывавшимся к Варшаве из Лодзи войскам [26, Л. 27]. Немцев у Варшавы было мало, но это были хорошо обученные части, включая отражавший польские атаки у северо-западных окраин польской столицы Лейбштандарт [26, Л. 27]. Полякам, скорее всего, удалось бы победить 4-ю ТД, если бы не подошедшая вовремя 31-я ПД [26, Л. 27]. Таким образом, к моменту пересечения советскими войсками польской границы, *вермахт находился у стен польской столицы с 8 сентября 1939 г.* При этом, если польские силы утратили танки и возможность контратаковать, то вермахт имел достаточно танков для продолжения активных маневренных боевых действий. Нами не отмечено попыток командования Рыдз-Смиглы создать резерв сил у своей столицы или же перебросить войска с востока страны (куда вошла Красная армия) на усиление обороны на западе (против вермахта). Таким образом *невозможно утверждать, что вступление Красной армии в восточные регионы Польской республики как-либо способствовало падению Варшавы.*

Сорвало ли вступление Красной армии в Польшу план долговременной обороны?

Э. Рыдз-Смиглы планировал организовать оборону в юго-восточных воеводствах и дожидаться там франко-британского наступления. Но был ли у этого плана шанс на осуществление?

Южный фланг немецкого наступления против Польши был слабее, чем

центр и север, но в распоряжении 14-й армии вермахта, которая в основном действовала на юге Польши, были две горнострелковые дивизии, что являлось весомым аргументом в предстоявших боях в Галиции. Кроме того, 14-я армия продвигалась очень стремительно, в основном благодаря 5-й и 7-й ТД.

15-16 сентября 1939 г. 45-я ПД в районе Плазово и Томашева отразила попытки прорыва остатков 6-й и 21-й польских дивизий, захватив 2000 пленных [27, Л. 160]. Пшемысль был взят 7-й ПД после тяжелого боя, в ходе которого поляки понесли большие потери в живой силе и вооружениях, они после сдачи Пшемысля стали отступать на восток [27, Л. 156].

20 сентября 1939 г. армия «Краков» капитулировала под Томашевым, в плену оказались 70 000 поляков, немцы захватили 130 орудий. 21 сентября 1939 г. юго-восточнее Замости развернулись тяжелые бои с остатками армий «Пруссия», «Лодзь» и «Модлин», 23 сентября 1939 г. этой группе удалось прорваться через Красноброд к Йозефову, но 26 сентября 1939 г. эта группа капитулировала под этим городом, в плену оказался весь штаб армии «Модлин» с ее командующим [28, Л. 5].

21 сентября 1939 г. штаб 14-й армии сообщил о потерях раненными 583 человека, больными 726 человек, из-за растянутости коммуникаций 324 раненых отправили в Вену и Бреслау на самолетах [29, Л. 7]. 14-я армия взяла в плен с начала кампании по 21-е сентября включительно 73 000 поляков [29, Л. 8] (10 000 были взяты в плен в течении 21-го сентября [29, Л. 9], 4000 - до 15 сентября 1939 г. [29, Л. 22]). По состоянию на 15 сентября в 14-й армии было 490 раненых и 500 больных [29, Л. 21]. С 1 по 13 сентября 1939 г. 14-я армия потеряла 2772 человека ранеными и 3821 больной, 301 человек пропал без вести [29, Л. 24]. Командование 14-й армии было обеспокоено вопросом эвакуации такого числа раненых в рейх [29, Л. 24]. Эти потери 14-й армии были ниже тех, что несли другие немецкие соединения, сражавшиеся под Варшавой и на Бзуре, но все-таки являлись немалыми.

12 сентября 1939 г. 1-я ГСД подошла ко Львову, который защищали 12 000 поляков, но немцы предпочли начать осаду города, так как с севера к нему двигалась группа генерала Луковского (так назвали эту группу немцы), в лесу к северу от Львова эта группа вступила в затяжные бои с немцами. Только переброска 19-го сентября 1939 г. из-под Томашева группы немецких танков с пехотой облегчило положение немецких горных стрелков под Львовым. 21 сентября 1939 г. немцы ушли из-под Львова, к тому моменту группа генерала Луковского (по всей видимости, речь идет о генерале Казимире Орлике-Луковском) продолжала находиться в северных окрестностях этого города [28, Л. 4].

Описание боевых действий между Краковым и Львовом в сентябре 1939 г., отраженное в архивных документах, имеющих отношение к 14-й армии

вермахта, согласуется с тем, как представил те события (достаточно кратко) в своих мемуарах Тадеуш Комаровский: на момент разгрома Войска польского вермахтом он был заместителем командира Объединенной бригады кавалерии в составе армии «Люблин», бригада была распущена недалеко от Кракова под давлением превосходящих сил германских войск, особенно сильно на польских кавалеристов воздействовали люфтваффе, в итоге чего остатки бригады вынуждены были малыми группами уходить в Венгрию, при этом его бригада к 17 сентября 1939 г. утратила связь с высшим командованием, узнав о вступлении Красной армии на польскую территорию от беженцев [7: p. 13-19].

У нас есть другие сведения, что у поляков был шанс организовать сопротивление в юго-восточных воеводствах при условии отсутствия советского фактора. Однако вероятность, что польские войска продержались бы в Галиции и Полесье более двух недель вызывает у нас большие сомнения, учитывая, что на помощь 14-й армии германское высшее командование могло направить в случае продолжения упорного польского сопротивления стратегические резервы.

По одному немецкому отчету, 28 сентября 1939 г. к северу от г. Коцк части 10-й армии вермахта наткнулись на группу польского генерала Клееберга, которая шла к Варшаве, намереваясь прорываться к ней через Парчев либо Демблин. Со 2 по 6 октября 1939 г. немцы вели бои с этой группой, которая сдалась им 6 октября, в плену оказались 16800 поляков, среди них 4 генерала, группа сдала 20 орудий [28, Л. 15]. Речь, судя по всему, идет о группе генерала Францишека Клееберга, она называлась «Полесье», была организована 11 сентября 1939 г. на базе IX корпуса, по приказу Э. Рыдз-Смиглы в районе Бреста, который этот корпус изначально и должен был защищать. После начала советского вторжения группа «Полесье» отошла в Ковель, откуда Ф. Клееберг [30, с. 354] решает 22 сентября 1939 г. идти на помощь осажденной Варшаве. 1 октября 1939 г. группе «Полесье» стало известно о капитуляции Варшавы, тогда Ф. Клееберг изменяет план, решив прорываться в центральные районы Польши, чтобы вести там партизанскую войну. Группа Ф. Клееберга была не единственным формированием, сохранившим боеспособность, эта группа имела наивысшую боеспособность и была взята в плен немцами из-за дефицита продовольствия.

По М. Мельтюхову, советские войска с 17 сентября 1939 по конец этого месяца осуществили несколько актов разоружения польских воинских частей, в основном это имело место в Галиции. Если от Ровно до Тарнополя красноармейцы редко встречали польских солдат, вступая в бой в основном с полицией, то уже западнее Тарнополя ситуация изменилась. Несомненно, присутствие большого количества польских военнослужащих западнее Тарнополя было связано с тем, что польское командование

стягивало резервистов к осажденному Львову.

Как указано у М. Мельтюхова, 18 сентября 23-я танковая бригада заняла Коломыю, «где было разоружено до 10 тыс. польских военнослужащих из состава 24-й и остатков 2-й и 5-й пехотных дивизий» [31, с. 315]. Не совсем ясно, как понимать термин «остатки дивизий», по каким критериям определяется дивизия, отведенная после больших потерь на отдых либо ее остатки. Ниже перечислим приводимые у М. Мельтюхова факты массовых разоружений польских воинских частей.

19 сентября 1939 г. части 4-го кавалерийского и 13-го стрелкового корпусов окружили и после непродолжительного боя взяли в плен около 10 000 польских военных, относившихся к Позненской, 6-й и 22-й пехотным дивизиям. 1-я бригада 25-го танкового корпуса 19 сентября 1939 г. пленила 3 600 польских военнослужащих в Монастырке. 5-я танковая бригада в бою у Домброва в тот же день взяла в плен 2 500 польских военных, среди которых было много артиллеристов [31, с. 321].

После 19 сентября 1939 г. 25-й танковый и 5-й кавкорпуса в районе Галича вступили в бои с частями 26-й и 28-й польских дивизий, взяв в плен до 20 000 поляков. 13-й стрелковый корпус вошел Станиславов и Калуш, взяв в плен около 11 000 польских военнослужащих. 19 сентября 1939 г. 4-й кавалерийский корпус получил приказ взять под контроль полосу территории, прилегавшей к польско-румынской границе, чтобы не допустить эвакуацию в Румынию польских войск [31, с. 321]. 36-я танковая бригада в 7 часов 18 сентября 1939 г., заняв Дубно, разоружила тыловые части 18-й и 26-й польских пехотных дивизий, в плену оказались 6 тыс. поляков. В Луцке 18 сентября 36-я танковая бригада и разведбатальон 45-й стрелковой дивизии взяли в плен до 9 тыс. польских военнослужащих. С 19 по 22 сентября 1939 г. эта же танковая бригада РККА взяла в плен около 10 000 поляков во Владимире-Волынском. К вечеру 23-го сентября 1939 г. советские войска заняли Львов, где были разоружены и взяты в плен около 20 000 польских военных. Учитывая малые группы поляков, разоруженных красноармейцами, только в Галиции Красной армии удалось взять в плен, если рассуждать гипотетически, не менее 100 000 польских военнослужащих, сообщения об их пленении сопровождаются также часто информацией о захваченных Красной армией многочисленных трофеях, но это были в основном стрелковое оружие и боеприпасы.

У других российских исследователей приводится интересный факт, в ночь на 19 сентября от Бродов к Львову шла колонна польских войск, которая была разоружена частями 2-го кавкорпуса. В плен были взяты 12 096 человек, трофеями советских войск стали 12 тыс. винтовок, 26 орудий, 275 пулеметов, 32 автомашины и 1200 лошадей [32, с. 59]. Таким образом, можно предположить с большой долей уверенности, что 2-й кавалерийский

корпус фактически перехватил шедшие на помощь львовскому гарнизону силы. Разумеется, не имея полной информации о боях за Львов между вермахтом и польскими войсками, советские кавалеристы из 2-го корпуса не знали, что облегчают положение немецких горных стрелков в окрестностях Львова, не понимало этого и высшее советское командование.

Обращает на себя внимание и социально-этническая структура взятых в плен польских военнослужащих, в советском плену ко 2-му октября оказалось 452 536 человек, в том числе 18 789 офицеров, 180 000 из них являлись украинцами и белорусами. Это указывает на то, что польские военные власти все-таки успели к 20-му сентября провести мобилизацию в значительных масштабах, иначе в составе попавших в советский плен польских военных не было бы такого большого количества украинцев и белорусов. Мы также не встречаем в документах фактов мятежей среди польских военнослужащих украинской и белорусской национальностей с целью поддержки действий Красной армии. Еще один факт указывает на то, что многие мобилизованные украинцы и белорусы были лояльны к Польше, так как только 42,4 тыс. пленных украинцев и белорусов из почти 180 000 были отпущены домой незадолго после пленения [33, с. 170]. Вместе с тем факт пленения столь крупного числа вражеских военнослужащих, а тем более – с оружием в исправном состоянии – говорит об их невысоком морально-боевом духе, что неудивительно, учитывая жесткие ассимиляционные меры политики «санации».

Ричард Харгревс определил, что РККА взяла в плен около 100 000 польских военнослужащих [34, p. 392]. Правда, этот историк не ссылается на источники. Но эта цифра близка к документу - «Справке А.Н. Бронникова о количестве военнопленных поляков, содержавшихся в лагерях НКВД в 1939-1941 гг. от 1 ноября 1945 г. Согласно данному документу, частями Красной армии было взято в плен 130 242 польских военнослужащих [35, Л. 125] (то есть, в период кампании осени 1939 г.). Эта цифра кардинально расходится с данными, приводимыми у Шаркова и распространенными в польских исследованиях, популярной литературе и СМИ.

Сведения о численности взятых в плен поляков согласуются с данными, отраженными в другом документе, - «»Отчете Командования Украинским фронтом Б.М. Шапошникову «О действиях польских и германских войск в период с 1 сентября по 5 октября 1939 г.»», где указан перечень польских соединений и их остатков, против которых действовал Украинский фронт. Надо отметить, что Белорусский фронт встретил очень малочисленные контингенты польских военных. Итак, приводим цитату из Отчета Командования Украинским фронтом: «По показанию пленных офицеров переход границы нашими частями для поляков был совершенно внезапным.

Противник, под ударами наших частей, сдаваясь в большом количестве в плен, поспешно отходил: перед правым крылом и центром фронта — в запад-

ном направлении, перед левым крылом — к румынской и венгерской границе.

Наиболее упорное сопротивление поляки оказывали: при обороне УР «Сарны», который удерживался силами в 10000 чел. до 25 сентября в районе Александрия, Клевань (сев. Ровно), 4-й и 25-й резервные полки (по показанию пленных прибыли из Слоним); на рубеже р. Стырь (вост. Сокуль) части КОП численностью 3000; в районе Озер (юго-вост. Влодава) — группа из остатков 83-го, 84-го, 79-го и 22-го пп; эта группа, будучи разгромлена 29 сентября, остатками отошла на юго-запад, а затем, переправившись на зап[ад ный] берег р. Буг у Кошары (юго-вост. Влодава), двумя колоннами продолжала отход на северо-запад; и в Тарнополе — остатки 18-й, 2-й, 10-й, 4-й, 28-й, 1-й и 22-й пд.

В периоде 17.9-3.10 армиями фронта взято в плен и разоружено: в районе Острог, Александрия, Ровно — остатки 7-й, 8-й, 18-й пд, 4-го и 25-го уланских полков; в р-не Дубно, Луцк — численностью до дивизии различных частей; в районе Ковель, Владимир-Волынский — остатки 29-го, 9-го и запасных арт. полков; в районе Тарнополь — до дивизии, состоящей из остатков 15-й, 2-й, 10-й, 4-й, 28-й, 1-й и 22-й пд; во Львове — группа ген. Лангнера; в районе Мосциска — кавгруппа ген. Андерса (25-й, 26-й и 27-й уланские полки, остатки Мазовецкой и Волынской кавбригад); в районе Белгорай — группа полк. Зелинского численностью до 6000 штыков и 800 сабель и в районе Кржемень (60 км южнее Люблина) — бригада народной обороны «Ковель» полк[овника] Каца в составе 8 б[атапьо]нов.

По показанию пленных, кавгруппа ген. Андерса, группа пол[ковника] Зелинского и бригада полк[овника] Каца имели целью пробиться к венгерской границе.

Значительное количество польских войск успело перейти на территорию Румынии и Венгрии.

В настоящее время остатков польских войсковых частей перед Украинским фронтом не отмечается» [36, ЛЛ. 89-90]. То есть, В. Андерсон командовал всего лишь одной кавгруппой, а не всеми прорывавшимися в Румынию польскими соединения, и шли они не в Румынию, а в Венгрию, и прорывавшиеся туда польские соединения (наспех «сколоченные» в условиях разгрома Войска польского) не могли насчитывать более 40 000 человек (если судить по перечню и характеру входивших в их состав частей).

Из справки ЦА ФСБ РФ, подготовленной в конце 1990-х гг., сказано, что «Вступление советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию 17 сентября 1939 г. привело к тому, что в советском плену оказалось до 180 тыс. польских солдат и около 15 тыс. офицеров. Как видно из справки УПВИ НКВД СССР, в июне 1941 г. в 5 лагерях военнопленных и интернированных содержались 21050 бывших военнослужащих польской армии» [37, с. 134].

Скажем для сравнения, что вермахту удалось за три недели кампании в Польше взять в плен 694000 польских военнослужащих, захватить в качестве трофеев: 3214 артиллерийских орудий, 16500 пулеметов, 1700 гранатометов, 1100 в основном сильно поврежденных самолетов [28, Л. 10]. Однако характер попавшего в плен к вермахту польского контингента военнослужащих был несколько иной, чем тот, который оказался у Красной армии. Например, отборные части, защищавшие укрепления на Хельской косе (окрестности Гданьска, или Данцига), сложили оружие 2 октября 1939 г., в плену оказались 4850 нижних чинов и 250 офицеров Войска польского [28, Л. 10]. Рядом, в Западной Пруссии, или в «Коридоре» частям 4-й армии вермахта удалось взять в плен около 10000 поляков, произошло это в первую неделю Второй мировой войны [28, Л. 8]. Наиболее хорошо обученная и организованная армия «Модлин» была полностью разгромлена вермахтом между Варшавой и Брестом до 17 сентября 1939 г., только в результате «прочесываний» местности к востоку от Варшавы в плену оказалось около 13 000 польских солдат и офицеров из армии «Модлин» [28, Л. 9]. В районе Бзуры в плен попали около 170 000 поляков [28, Л. 7] (точное количество погибших польских военнослужащих немецкие штабные офицеры затруднились назвать, указывая только, что их было очень много), наиболее активная фаза операции вермахта по разгрому польских сил в этом месте длилась 12 дней, 20 сентября 1939 г. остатки контратаковавших вермахт сил были окончательно разбиты [28, Л. 7], Красная армия никакого отношения к этому иметь, разумеется, не могла, как и в случае в сражении за Радом (Радомирский «котел»), где к 13 сентября в плен к вермахту попали около 60 000 поляков [28, Л. 6].

К июню 1940 г. в новой Польской армии во Франции служили около 80000 солдат и офицеров, но половина из них были польскими иммигрантами, проживавшими в странах Запада до начала Второй мировой войны. По подсчетам Т. Дубицкого, в Румынии в 1939-1941 г. оказалось примерно 24 000 - 25 000 польских военнослужащих [38, p. 180]. Между октябрем 1939 г. и апрелем 1940 г. во Францию через пропускные пункты в Марселе и на границе с Италией около Модены прибыли 31727 лиц, получивших статус польских беженцев [39, p. 98] (среди них было много гражданских). Из Венгрии и Румынии поляки могли попасть во Францию, в которой образовалось правительство в изгнании В. Сикорского, только по средиземноморским маршрутам. Многие польские военнослужащие попали на территории Румынии и Венгрии, будучи ранеными, кто-то не доверял правительству Сикорского, кого-то удерживала местная полиция. Надо особо отметить, что, по информации, отраженной в Британском медицинском журнале от ноября 1939 г., в Румынии находились на тот момент от 30 до 35 тысяч польских граждан, из которых 10 тысяч гражданские, в Венгрии - от 48 до 50 тысяч поляков, из них 10 тысяч гражданские [40].

Среди гражданских беженцев было много полицейских и чиновников, которые тоже могли служить в армии. Но во Франции под командованием В. Сикорского оказалось заметно меньше интернированных в Румынию и Венгрию польских граждан.

Судьба армии В. Сикорского в июне 1940 г. показала, чем мог обернуться в реальности план эвакуации через Румынию и Венгрию основных кадров Войска Польского, будь таковой более масштабным: из примерно 80 000 польских солдат и офицеров уйти в Англию вместе с правительством в изгнании смогли только 19457 польских военнослужащих [41], остальные были убиты, взяты в плен или скрывались среди французов. При этом к маю 1940 г. армия Сикорского вполне могла насчитывать 140 000 человек минимум, принимая во внимание большую численность довоенной мужской иммиграции во Францию и другие страны Запада. Но главная проблема западных демократий в начале Второй мировой войны заключалась не в нехватке потенциальных солдат, а в количествах и качестве вооружений, а также организации снабжения войск и их обучения [42].

Заключение

Вступление Красной армии в Польшу теоретически сорвало оборонительные планы высшего польского командования, суть которых сводилась к созданию оборонительного плацдарма в районе Львова. Однако реализуемость этих планов вызывала серьезные сомнения. И среди причин этого современные историки обоснованно называют просчеты как военного, так и политического (внутри страны – жесткая ассимиляционная политика, встречавшая сопротивление национальных диаспор, а на международной арене – неумение заранее выявить угрозу со стороны гитлеровской Германии). Сражение под Томашевым свело к минимуму реализацию замысла Э. Рыдз-Смиглы по организации долговременной обороны. Учитывая темпы продвижения 14-й армии вермахта, ее успехи и потери, польская армия смогла бы держаться в Галиции максимум две недели (но, скорее всего, одну неделю), не произойди советского вторжения. Разумеется, темп немецкого наступления мог бы радикально сократиться, если бы англо-французские союзники перешли бы к активным действиям на Западном фронте.

Польская армия однозначно не была разгромлена к 17 сентября 1939 г. Успехи вермахта под Радомом и Познанью были преувеличены немецкой пропагандой. К 20 сентября 1939 г. мобилизационные резервы Польши еще не были исчерпаны, но вместе с тем их количество и обстоятельства пленения указывают на низкий морально-боевой дух польских резервистов белорусской и украинской национальностей, взятых Красной армией в плен в восточных воеводствах. Поэтому мы скептически оцениваем их военный потенциал в случае организованного сопротивления по плану Рыдзь-Смиглы.

Вместе с тем, на уровне оперативного командования Войско Польское проявило себя против вермахта неплохо. Многим польским частям удалось избежать котлов в западных и центральных регионах Польши к 15 сентября 1939 г., что подтверждается данными по Битве на Бзуре, осаде Варшавы и Модлина, а также сражению под Томашевым.

Польская кампания показала, что немецкие авиация и пехота были еще недостаточно подготовлены к войне, когда высокую боеспособность продемонстрировали танковые части, что следует из примера 4-й ТД, действовавшей под Варшавой и на р. Бзура.

Главной причиной военного коллапса польской армии стало не вторжение советских войск 17 сентября 1939 г., но в корне ошибочная стратегия Э. Рыдза-Смиглы, из-за его концепции польская армия оказалась разделена на две части, двигавшиеся по расходящимся направлениям – к Варшаве и к Пшемыслю и Львову. Наиболее удачной альтернативой этой стратегии была идея генерала Т. Куцебы – сосредоточить усилия на проведении контрударов в Центральной Польше, но для реализации этого плана у Т. Куцебы из-за ранее сделанных распоряжений Э. Рыдз-Смиглы не хватило резервов.

Таким образом, мы имеем совершенно разные цифры количества попавших в советский плен польских военнослужащих. Наибольшего доверия у нас вызывает Отчет Командования Украинским фронтом, из которого видно, что никакой мощной группировки польских войск в восточных районах Второй Речи Посполитой не было, а там находились остатки разбитого Войска Польского, три сводные соединения которого прорывались в Венгрию, по поводу остальных частей не видно, что в их задачу входил переход в другие государства. Что касается организации обороны в районе Львова рядом польских офицеров, то это уже был шаг отчаяния, граничивший с безумием.

Библиографический список / Reference

1. Пакт об агрессии между Гитлером и Сталиным // URL: https://przystanekhistoria.pl/pa2/tematy/jozef-stalin/43504,Pakt-o-agresji-miedzy-Hitlerem-a-Stalinem.html (Дата обращения: 21.01.2025).
2. Kochanski H. The eagle unbowed: Poland and the Poles in the Second World War. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press edition, 2012. 783 p.
3. Rydel J., Łukasik P. The pact with the devil or the alliance that did not exist. 1939 and the two variants of relations with the Third Reich in Poland's contemporary historiographical and popular discourse // The Journal of Slavic Military Studies. 2022. № 35. P. 322-350.
4. Дрожжа Л. Итоги пакта Риббентропа-Молотова 1939 г. в судьбе Польши. (Польская историография 1980-х – 2000-х гг.) // Wschodnioznawstwo. 2022. № 16. С. 361-376.
5. Майхжак Г. Контрзе до переловской пропаганды, czyli 1 и 17 весны 1939 года, w działaniach polskiej opozycji // Studia i Materiały Centralnej Biblioteki Wojskowej im. Маршалка Юзефа Пилсудского. 2022. № 1 (17). P. 165-188.
6. Bockowski D. Together Forever - The Soviet Occupation of Eastern Poland during the Second World War // Research of the Commission of the Historians of Latvia, 2008 and Proceedings of the International Conference "Occupation Regimes in the Baltic States (1940–1990): Research results and problems", 30–31 October 2008, Riga. 2008. P. 599-616.
7. Komorowski T. The secret army: the memoirs of General Bór-Komorowski. – Barnsley, S. Yorkshire: Frontline

Books, 2011. 416 p.
8. Жерко С. Внешняя политика Германии накануне Второй мировой войны в Внешняя политика Германии накануне Второй мировой войны в Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков: Научное издание / М. Волос, Я. Войтковяк, В. И. Дашичев и др.; Под ред. М.М. Наринского и С. Дембского. – М.: Аспект Пресс, 2009. 479 с. С. 101-146.
9. Будницкий О. Кому помог Пакт Риббентроп-Молотов? Ведомости. 23 августа 2019 г. // URL.: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/08/22/809447-pakt-molotova-ribbentropa (Дата обращения 21.01.2025).
10.Kent W. Drugi Potop: The Fall of the Second Polish Republic. – Electronic Theses and Dissertations 851. 2013 // URL: https://digitalcommons.georgiasouthern.edu/etd/851
11. Raack R.C. His question asked and answered. Stalin on “whither Poland” // The Polish Review. 2010. Vol. 55. № 2. P. 195-215.
12. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 1а. П. 26. Д. 1.
13. Джабара К. М. История провала: англо-франко- Советский альянс, которого не было, и неопубликованная Белая книга британского правительства, 1939–1940 гг. Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 2 (13) С. 6-49.
14. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939-1941. – М.: Высшая школа, 1992. 303 с.
15. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ). Ф.500. Оп.12451. Д. 238.
16. ЦА МО РФ. Ф.500. Оп.12454. Д.32.
17. ЦА МО РФ. Ф.500. Оп.12452. Д.3.
18. Burckhardt C. J. Meine Danziger Mission 1937-1939. – München: Verlag Georg D. W. Callwey, 1960. 376 p.
19. Год кризиса. 1938-1939: Документы и материалы в 2 т. Т. 2. 2 июня 1939 г. - 4 сентября 1939 г. – М.: Политиздат, 1990. 434 с.
20. Grzelak Cz. Możliwości obrony Kresów Wschodnich w 1939 roku przeciwko Armii Czerwonej // Piotrkowskie Zeszyty Historyczne. 2000. T. 2. — P. 173-184.
21. Rómmel J. Za honor i Ojczyznę. – Warszawa: Iskry, 1958. 417 p.
22. Войтковяк Я. Советско-польский вооруженный конфликт в сентябре 1939 года в Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков: Научное издание / М. Волос, Я. Войтковяк, В.И. Дашичев и др.; Под ред. М. М. Наринского и С. Дембского. – М.: Аспект Пресс, 2009. 479 с. М. 446 - 479.
23. Williamson D. G. Poland Betrayed: The Nazi-Soviet Invasions of 1939 (Campaign Chronicles). – UK, Barnsley: Pen & Sword Military, 2012. 256 p.
24. Gilbert M. The Second World War: A Complete History. Revised Edition. – New York: H. Holt, 2004. 928 p.
25. ЦА МО РФ. Ф. 500. Оп. 12477. Д. 196.
26. ЦА МО РФ. Ф. 500. Оп. 124878. Д. 26.
27. ЦА МО РФ. Ф. 500. Оп. 12473. Д. 25.
28. ЦА МО РФ. Ф.500. Оп.12451. Д.539.
29. ЦА МО РФ. Ф. 500. Оп. 12473. Д. 28.
30. Залесский К. А. Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники СССР. Т. 1. – М.: АСТ, 2004. 576 с.
31. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. – М.: Вече, 2001. 460 с.
32. Фролов М.И., Дятлов В.В. Советская артиллерия в польском походе Красной армии, 1939 г // КЛИО. 2014. № 4 (88). С. 57-60.
33. Шарков А. Польские военнопленные в БССР // Журнал восточноевропейских исторических исследований. 2016. № 1 (7). С. 160-170.
34. Hargreaves R. Blitzkrieg Unleashed: The German Invasion of Poland 1939. – Barnsley: Pen&Sword Military, 2008. 480 p.
35. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 173.
36. РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 19.
37. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня-31 августа 1941 г. – М.: Русь, 2000. 718 с.
38. Dubicki T. Wojsko Polskie w Rumuni iw latach 1939–1941. Warszawa, 1994. 154 p.
39. Ambrochowicz-Gajownik A. Care for Civilian and Military Refugees in the South of France 1939-1940. Cooperation between the Polish Consulate in Marseille and the Polish Red Cross - Case Study // The Exile History Review, 2024. P. 95-107.
40. Ellis R.W.B. et al. Polish refugees in Rumania and Hungary. Report on the condition of polish refugees in Rumania and Hungary // The British medical journal. Nov. 18. 1939. P. 1013.
41. Blaszczyk A. The resettlement of Polish refugees after the second world war. 2023. // URL: https://www.researchgate.net/publication/370629631_The_resettlement_of_Polish_refugees_after_the_second_world_war
42. Попов Г.Г., Казенков О.Ю. Первый год Войны на Тихом океане. Перспективы сторон // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. 2023. № 5. С. 57-69.

Казанцев В.П.
Доктор исторических наук, профессор, Московского института современного академического образования (АНО ВО «МИСАО»).

Пономаренко Е.В.
Кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательского отдела (качество военного образования) научно-исследовательского центра (военно-прикладных исследований) Военного университета.

Райзман В.В.
Аспирантка Московского института современного академического образования (АНО ВО «МИСАО»).

Потенциал Западного фронта РККА в первые дни Великой Отечественной войны*

Аннотация. В статье, приуроченной к 80-летию Победы Великой Отечественной войны, авторы, опираясь на ранее недостаточно изученные советские и немецкие документы, проводят анализ потенциала Западного фронта в первые дни Великой Отечественной войны. Авторы доказывают на примере Западного фронта, что подготовка СССР к столь масштабной войне оказалась недостаточной, в частности, танковые соединения Западного особого военного округа не завершили перед началом Великой Отечественной войны перевооружение, то же самое касается и ВВС этого округа. На примере Западного фронта РККА показано, что катастрофа лета 1941 г. была вызвана в том числе во многом недостаточным оснащением воинских частей материальной частью, уровень оснащения по некоторым пунктам даже не соответствовал нормам конца Первой мировой войны. Поражение советских войск в первые дни Великой Отечественной войны на территории Белоруссии во многом было вызвано слабой подготовкой ВВС округа к отражению возможного нападения. В частности, округу не хватало высотных истребителей. Помимо этого, артиллерия Западного особого военного округа имела нехватку вооружений и технически отставала перед немецкой артиллерией, уже имевшей реактивные минометы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Западный особый военный округ, Западный фронт РККА, операция «Барбаросса».

Kazantsev V.P.
Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Institute of Modern Academic Education.

* © Казанцев В.П., Пономаренко Е.В., Райзман В.В., 2025.

Ponomarenko E.V.
PhD in History, research fellow at the Research Department (Quality of Military Education) of the Research Center (Military Applied Research) of the Military University.

Raizman V.V.
Graduate Student at the Moscow Institute of Modern Academic Education.

The art of education at military universities: creating a model of an effective educational environment

Abstract. The authors relying on previously insufficiently studied Soviet and German documents analyze the potential of the Western Front in the early days of the Great Patriotic War. Using the example of the Western Front, the authors prove that the USSR's preparations for such a large-scale war turned out to be insufficient, in particular, the tank formations of the Western Special Military District did not complete rearmament before the start of the Great Patriotic War, and the same applies to the Air Force of this district. Using the example of the Western Front of the Red Army, it is shown that the catastrophe of the summer of 1941 It was caused, among other things, by the insufficient equipment of military units with material, the level of equipment in some areas did not even meet the standards of the end of the First World War. The defeat of Soviet troops in the first days of the Great Patriotic War on the territory of Belarus was largely caused by the poor preparation of the district's Air Force to repel a possible attack. In particular, the district lacked high-altitude fighters. In addition, the artillery of the Western Special Military District had a shortage of weapons and was technically lagging behind the German artillery, which already had rocket-propelled mortars.

Key words: The Great Patriotic War, the Western Special Military District, the Western Military Front, Operation Barbarossa.

Введение

В историографии тема Катастрофы Красной армии лета 1941 г. остается актуальной до сих пор. Это обусловлено высокой степенью дискуссионности данной темы в контексте анализа эффективности Советского Союза, с военной точки зрения, в начале Великой Отечественной войны, как единственного на то время государства с индустриальной экономикой, имевшего коммунистический строй. На наш взгляд, в историографии сделаны только попытки отделить субъективные причины политического и военного характеров Катастрофы лета 1941 г. от идеологических и экономических объективных причин. Среди субъективных причин обычно с советских времен называется отказ Сталина верить данным разведки о

подготовке нападения нацистской Германией на СССР, это спровоцировало его внезапность. Однако, как мы показываем в настоящей работе на базе ряда архивных документов, в случае с Западным особым военным округом (ЗаПоВО) (с 22 июня 1941 г. с Западным фронтом), внезапность нападения повлияла на ход событий непосредственно в полосе от границы на 100 - 150 км вглубь советской территории; бронетанковые соединения РККА стали действовать по заранее определенной схеме - нанесение контрударов по вторгшимся вражеским войскам.

Известный российский военный историк А.А. Киличенков считает главной причиной поражения РККА в летней кампании 1941 г. ошибки командований уровня фронта и Ставки на фоне того, что Красная армия имела численное превосходство в живой силе, вооружениях и технике [1, 2]. Другой известный историк и профессор МГИМО Университета МИД России М.Ю. Мягков указывает на дефицит новой бронетехники, как один из ключевых факторов поражения Западного фронта, им также отмечается внезапность нападения нацистской Германии на СССР, как важная причина неудач РККА в первые дни Великой Отечественной войны [3].

В 2020 г. М.Ю. Мягков повторяет свои положения касательно причин неудач уже всей Красной армии летом 1941 г. В частности, он пишет: «Говоря о качестве советской техники, сегодня нередко подчёркивают её конструктивные изъяны, моральное старение ряда образцов: танки БТ, Т-26, Т-28, самолёты И-15, И-15 бис, И-16» [4, с. 22]. Т-28 произвели мало. Танк БТ, какие БТ имеет ввиду М.Ю. Мягков, не совсем понятно. Если речь идет о БТ-5, то, да, это был устаревший танк, но БТ-7 на то время нет, и вермахт также не имел новых танков, кроме Т-4. Пушечный вариант И-16 не являлся сильно устаревшей моделью в середине 1941 г. ВВС РККА нуждалась летом 1941 г. в высотных истребителях типа «Як», эти машины уже выпускались, но не хватало подготовленных для них пилотов. То же самое касается и танков, новейшие на то время модели Т-34 и КВ-1 сходили с конвейеров, но к 22 июня 1941 г. имелось недостаточно боеготовых экипажей для них.

Известный российский историк член-корреспондент РАН Изонов В.В. выделяет главный фактор неудач Красной армии в начальный период Великой Отечественной войны - умело проведенная концентрация сухопутных сил вермахта на важных направлениях, где противнику удалось добиться численного превосходства над соединениями Красной армии в 3-6 раз [5], это вытекает как из внезапности нападения, так и из ограниченности возможностей командования военных округов вовремя сконцентрировать резервы на опасных направлениях. Мы не отрицаем фактов высокой концентрации германских войск на ряде ключевых направлений, но все-таки, как отражено в немецких трофейных документах, это было далеко

не типичным случаем, тем более, чтобы части вермахта достигали такого численного превосходства над красноармейцами, как в 3-6 раз, о чем ниже.

В 2020 г. вышла монография А.В. Исаева о летней кампании 1941 г. с претендующим на пересмотр установившихся в историографии положений названием «Приграничное сражение 1941. Первая битва Великой Отечественной» [6]. Стоит отметить, что сражений было несколько, они происходили от Заполярья до Молдавии, и трудно представить боевые действия на таком обширном географическом пространстве в форме одного сражения. Термин «битва» также подразумевает все-таки некую ограниченную географически зону боевых действий.

Описывая сражение 2-й танковой группы вермахта под Брестом, А.И. Исаев опирается в основном на архивные сведения немецких танковых корпусов, а также воспоминания командовавшего этой танковой группой генерала Гейнца Гудериана. Ссылок на советские архивные данные и сведения участников тех событий со стороны Красной армии у А.И. Исаева нет, как нет и подробного анализа всего корпуса немецких трофейных документов, касающихся боевых действий ГА Центр в районе Бреста 22 - 24 июня 1941 г. [6, с. 166-169] Выводы об эффективности действий советских бронетанковых соединений под Брестом весьма расплывчаты, приводится один критерий на этот счет: количество пройденных 2-й танковой группой километров по факту 18 против плана в 80 км.

По мнению смоленских военных историков А.С. Брычкова и Г.А. Никонорова, основанного на документальном материале, фактора внезапности нападения для советского высшего руководства не было, Кремль заранее понимал высокую вероятность начала войны, в связи с чем были изданы соответствующие директивы для западных военных округов [7]. По мнению этих историков, западные округа готовились к встречному контрнаступлению на случай нападения нацистской Германии, что противоречило плану обороны, разработанному Генеральным штабом [7, с. 12]. Кроме того, советские войска в трех западных округах не были приведены в боевую готовность, вопреки директиве высшего командования [7, с. 12]. Однако здесь мы готовы поспорить с авторами, так как в немецких трофейных документах отражена иная ситуация: советские войска находились 22 июня 1941 г. на укрепленных оборонительных позициях в достаточно большом количестве, о чем отдельно будет сказано ниже. При этом танковые соединения РККА в приграничной полосе не демонстрировали признаков растерянности от внезапного нападения, но действовали достаточно оперативно.

Крупный вклад в изучение подготовки нацистской Германией агрессии против СССР и начального периода Великой Отечественной войны сделал военный историк П.А. Жилин, выдвинутые им положения отражают во многом официальную советскую позицию по данным вопросам, что

сводилось, в целом, к выявлению детерминант катастрофы Красной армии в довоенном прошлом, в самой форме развития Советского государства в 1930-е гг. Например, П.А. Жилин пишет: «Германская экономика была давно переведена на военные рельсы. Предприятия, работая на полную мощность, производили в большом количестве современное вооружение, боеприпасы и снаряжение. Советская же экономика развивалась в интересах мирного строительства, и лишь небольшая ее часть незадолго до войны стала переключаться на производство новой военной техники» [8, с. 226]. Однако данное утверждение П.А. Жилина вызывает возражение, поскольку одна из причин (официальная) самой индустриализации заключалась в необходимости преодоления отставания от Запада в военной сфере. Также, помимо прочих причин, П.А. Жилин указывает слишком запоздалую реакцию Генерального штаба РККА на ситуацию на западных рубежах СССР: «Готовясь к войне против СССР, немецко-фашистское командование тщательно разработало планы наступления, неоднократно отрабатывая их на картах и с войсками. Советское же командование и Генеральный штаб слишком поздно приступили к составлению планов обороны западных границ и к началу войны не сумели довести их до конца. Но самое главное то, что в этих планах не предусматривались мероприятия по срыву внезапного вторжения врага» [8, с. 226]. Из этого следует другой вывод: «Внезапность нападения, успешно осуществленная германским командованием, явилась серьезнейшим преимуществом фашистской Германии. Если бы за несколько месяцев или даже за несколько недель до этого войска советских приграничных округов были предупреждены высшим военным руководством о возможности внезапного нападения фашистской Германии и приведены в полную боевую готовность, то можно не сомневаться, что военные действия сложились бы по-иному» [8, с. 227]. То есть, фактор внезапности, по П.А. Жилину, все-таки оказался важнее отставания в сфере перевооружения армии.

П.А. Жилин указывает на важное обстоятельство, ставшее, как можно его понять, центральной причиной неудач РККА в первые недели Великой Отечественной войны: «К моменту вторжения врага в пограничных округах (Ленинградском, Прибалтийском, Западном, Киевском и Одесском) имелось 170 дивизий. Это были значительные силы. Но в то время, как войска противника группировались на трех основных стратегических направлениях, советские войска были рассредоточены по фронту и в глубину. В армиях первого эшелона находилось только 56 дивизий. Примерно столько же их имелось во вторых армейских эшелонах. Остальные дивизии находились на довольно значительном удалении от границы (300-400 км). Такая неудачная группировка войск пограничных округов позволила немецко-фашистским агрессорам быстрее преодолеть слабо

укрепленную оборону и в первые же дни войны нанести серьезный урон Красной Армии» [8, с. 230].

Известный военный историк В.О. Дайнес в своей монографии, посвященной кампаниям 1941 г. [9], дал подробное описание боевых действий на территории Белоруссии в первые дни Великой Отечественной войны, но при этом им не выделены основные причины неудачи ЗапФ РККА. В итоге он приходит к выводу, что войска этого фронта действовали, в целом, эффективно, задержав на относительно длительное время продвижение противника и позволив Красной армии создать второй эшелон обороны под Смоленском [9, с. 149]. В.О. Дайнесу можно возразить следующее: продвижение частей вермахта по территории БССР было по темпам примерно таким же, как и в Польскую кампанию сентября 1939 г. и Французскую кампанию мая-июня 1940 г. Во-вторых, новый эшелон обороны возник раньше и заметно западнее Смоленска в начале июля 1941 г., по линии Витебск – Могилев, здесь РККА нанесла неудачный контрудар под Лепелем (сражение у Сенно), когда были допущены те же самые ошибки и просчеты, что и при проведении контрударов западнее Минска.

В 2007 г. в свет вышла монография В.В. Абатурова, посвященная непосредственно действиям Западного фронта в 1941 г. [10] Эта книга содержит достаточно глубокий анализ событий летней кампании 1941 г. на Советско-германском фронте непосредственно в рамках Белоруссии и прилегавших к ней территорий СССР. Но сомнения вызывает статистика, в частности, оценка количества танков ГА «Центр» на 22 июня 1941 г. – 823 шт. [10, с. 35], при этом он ссылается на сборник, выпущенный в 2006 г. [11] На базе этой и других цифр В.В. Абатуров приходит к выводу о превосходстве РККА в Белоруссии над вермахтом 22 июня 1941 г., подход достаточно упрощенный, не учитывающий ни технические характеристики вооружений, ни количество боеготовой техники. В другом авторитетном издании под редакцией М.Э. Морозова по численности немецких танков, действовавших против Западного фронта в ходе Белорусской оборонительной операции, дается цифра – 1765 шт. [12, с. 48] Правда, в этом издании учитывается 3-я танковая группа Г. Гота, которая в состав ГА «Центр» официально не входила.

Цель настоящей статьи – дать оценку оснащенности РККА на территории Белоруссии в конце июня – начале июля 1941 г. с применением сравнений с группой армий Центр (ГА «Центр») вермахта, а также показать взаимосвязь характера материальной части Западного фронта (ЗапФ) РККА с его неудачами в первые дни Великой Отечественной войны. Из цели вытекают следующие задачи: определить состояние материальной части и людского потенциала Западного особого военного округа к началу Великой Отечественной войны; описать потенциал ГА «центр» вермахта с

приведением конкретных характеристик по структуре материальной части на момент нападения нацисткой Германии на Советский Союз.

Мы опираемся на документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. В работе нашли отражение нормативный и проблемно-исторический методы.

Материальная часть Западного особого военного округа в канун Великой Отечественной войны

Состав материальной части бронетанковых сил Западного особого военного на июнь 1941 г.: 2 900 танков и САУ, но из них тяжелых – только 97, средних – 291. САУ (в СССР в то время эту технику называли СУ) являлись в 1941 в СССР экспериментальным оружием, то есть, модели этой боевой техники еще оставались «сырыми». Такое количество тяжелых танков было бы достаточным для обороны одного направления, но они были рассредоточены по разным направлениям вероятного удара противника. Из 291 среднего танка исправными считались 247.

Из 2 900 танков ЗапОВО 2192 относились на 1 июня 1941 г. к 1 и 2 категориям, то есть, являлись боеготовыми [13, Л. 135]. Но эта техника оказалась распределена неравномерно: в 6-м механизированном корпусе (мк) на 22 июня 1941 г. числились, по некоторым данным, 1131 танк, из которых 239 Т-34, 113 - КВ [14, с. 29]. Эти данные были собраны военными историками в начале 1990-х гг. из разных источников, но выглядят достаточно правдоподобно, если сопоставить с содержащимися в немецких трофейных документах сведениями об уничтоженной и захваченной в первые дни Великой Отечественной войны между Гродно и Белостоком советской бронетехники. Однако, получается, что главные танковые силы ЗапОВО оказались сконцентрированы в Белостокском выступе, когда фланги округа имели явный дефицит бронетехники и, тем более, новых танков Т-34 и КВ. 14-й мк со штабом в г. Кобрин (на этот корпус пришелся главный удар в ходе борьбы за Брест) имел на вооружении 518 танков, но ни одного Т-34 и КВ [14, с. 29].

Артиллерия ЗапОВО имела следующий состав: орудия полевой артиллерии – 6515, минометы – 6610, зенитные орудия 1 139 [15, с. 149]. Этого было недостаточно для организации глубоко эшелонированной обороны. Тракторов и тягачей в ЗапОВО имелось в наличии 5 756 штук [15, с. 150], чего вполне должно было хватить на все тяжелые орудия.

Автотранспортом ЗАпОВО был обеспечен следующим образом: - 35 287 автомобилей, из которых 25078 грузовиков [15, с. 150]. Такой уровень обеспеченности автотранспортом соответствовал нормам Западного фронта Антанты конца Первой мировой войны.

Боевых самолетов у ЗапОВО насчитывалось 1785 шт., из них исправных – 1549 [15, с. 149], этого было недостаточно для столь крупной оборони-

тельной операции, принимая во внимание малое количество современных истребителей, их было только 258 (38 неисправных), в основном МИГ-3. В округе имелись 20 ЯК-1, которые наиболее эффективно могли тогда противостоять новейшим моделям немецких самолетов, но у «яков» не оказалось на 22 июня 1941 г. боеготовых экипажей [15, с. 156]. То есть, положение ВВС ЗапОВО, с качественной точки зрения, было худшим, чем у Франции и Британии в мае 1940 г. в начале Французской кампании (см. таб. 1).

Новых бомбардировщиков Пе-2 насчитывалось в ЗапОВО всего лишь 54 единицы из 489 шт. [15, с. 156]. Но, как показал опыт первого года Второй мировой войны, только пикирующие бомбардировщики были в состоянии эффективно бороться с танками и мотопехотой противника. Знаменитых ИЛ-2, грозы немецких танков, в округе на июнь 1941 г. насчитывалось очень мало – 8 шт. [15, с. 156]. Основу бомбардировочной авиации округа составляли уже устаревшие СБ – 344 штуки исправных и 40 неисправных [15, с. 156].

Обращает на себя внимание еще одна цифра, что в округе имелось 485 экипажей для бомбардировщиков, но подготовленных для СБ – 438, у Пе-2 не было ни одного экипажа [15, с. 156], но это был наиболее сложный в пилотировании советский бомбардировщик, и бомбометание с пикирования требовало дополнительной усиленной подготовки. То, что экипажей было примерно столько же, сколько самолетов, являлось плохим фактором, это означает, что у частей ВВС округа не было резервов на случай боевых потерь.

Таблица 1. Материальная часть Западного особого военного округа и ГА «Центр» к 22 июня 1941 г. и западных союзников в начале мая 1940 г. Составлено по: [16, с. 276; 15, с. 45-157; 17, pp. 140-144].

Вид вооружения	**Зап. особый воен. округ на 22 июня 1941 г.**	**ГА «Центр»на 22 июня 1941 г.**	**Западные союзники (начало мая 1940 г.), приблизительные данные**	**Вермахт (Зап. фронт, начало мая 1940), приблизительные данные**
Танки	2900	1830	4204	2439 (из них танковая группа Клейста - 1222 танков)
Боевые самолеты	1785	1677	4469 (только боеспособные)	3578 (только боеспособные)
Артиллерийские орудия (без минометов, для Западного фронта орудия калибром с75 мм и выше)	7564 + 6610 минометов	12 500 (всех калибров с учетом минометов)	13947	7378

В годы советской «перестройки» на базе немецких данных появилось общепринятое в популярной историографии представление, что авиация РККА в западных округах была уничтожена преимущественно на земле в первые трое суток Великой Отечественной войны. В Журнале боевых действий Штаба Западного фронта РККА сказано, что за первые 9 суток боев ВВС фронта потеряли на аэродромах 679 самолетов из 1358 единиц [18, Л. 69], утраченных по разным причинам, но в основном сбитых в воздушных боях. Таким образом, больше половины потерь были вызваны не ударами Люфтваффе по аэродромам.

Судя по расходу боеприпасов авиацией ЗапФ с 22 июня по 30 июля 1941 г., последняя не была полностью разгромлена на аэродромах в первые двое-трое суток войны. Во всяком случае, этого нельзя сказать про бомбардировочную и ударную авиации. Если в июне 1941 г. частями ВВС ЗапФ было сброшено на объекты противника фугасных авиабомб весом 100 и 250 кг 1034 шт., то в июле это число составило 12403, включая также боеприпасы этого типа весом 500, 50 и 82 кг [19, Л. 65]. Зажигательных авиабомб было сброшено в июле 1941 г. 4846 шт., в июне – ни одной [19, Л. 67]. Обычных авиабомб в июне было применено только 30 шт., когда в июле ВВС ЗапФ уже сбросили 4970 единиц боеприпасов этого типа [19, Л. 66].

Была ли сложность у ЗапОВО с артиллерийскими боеприпасами? Соответствующие документы ГАУ показывают, что для интенсивных боев на первый месяц войны запасов было вполне достаточно. На долю этого округа приходилось 30% от 27 млн. 217 тыс. всех наличных в западных военных округах РККА на 22 июня 1941 г. артиллерийских выстрелов [20, с. 266]. То есть, Западный фронт имел в наличии в первый день Великой Отечественной войны примерно 9 миллион артиллерийских выстрелов. При этом данный фронт мог рассчитывать на поставки боеприпасов с центральных складов, находившихся на территории РСФСР. В упомянутом выше издании под редакцией М.Э. Морозова говорится, что в войсках округа на момент нападения нацистской Германии числилось чуть более 4 млн. снарядов средних и крупных калибров и менее 2 млн. снарядов малых калибров, немногим более 1,5 млн. снарядов первого типа находились на фронтовых складах, примерно – 815 тыс. в воинских частях, остальные - бронь на центральных складах [12, с. 51]. Даже с учетом потерь всех фронтовых складов в первые сутки войны (что сомнительно) у Западного фронта должно было оставаться еще достаточно много артиллерийских боеприпасов на тыловых складах. Примем во внимание, что, например, за наиболее напряженный период Сталинградской битвы с 12 июля по 19 ноября 1942 г. Красной армией было израсходовано в боях на Волге приблизительно 7,6 млн. снарядов и мин [21, с. 98]. То есть, ЗапОВО был обеспечен перед Великой Отечественной войной боеприпасами на уровне советских войск, сражав-

шихся в Сталинградской битве.

В первые два дня Великой Отечественной войны расположенные в Белоруссии вдоль границы склады сильно пострадали от ударов германских авиации и артиллерии. Это привело к катастрофическим последствиям, так как осуществить быстрый подвоз боеприпасов из центральных и восточных районов БССР не представлялось возможным, учитывая также вызванные частыми бомбардировками сложности с логистикой. Ярким примером тяжелого положения крупных советских воинских соединений в первые дни войны на ЗапФ служит донесение командира 2-го ск об отсутствии в его части всего необходимого для ведения боев [22, Л. 14].

Нам сложно определить реальные масштабы снабжения ГСМ воинских частей в канун нападения Германии на Советский Союз и в первые дни Великой Отечественной войны, так как сведения по этому вопросу недостаточно систематизированы в историографии. По воинским частям Западного фронта у нас в этом смысле информации мало, кроме данных, содержащихся в вышедшей в 1966 г. в Военно-историческом журнале статьи полковника И. Бойко [23] - участника тех событий. И. Бойко пишет, что к 29 июня 1941 г. ЗапФ потерял половину из немногим более 100 000 т топлива на складах, которые были либо взорваны, либо уничтожены люфтваффе, либо попали в руки противника [23].Поэтому понятно, почему 23 июня 1941 г. командующий 3-й армией сообщил в штаб ЗапФ, что у армии нет горючего [23].

Движение личного состава ЗапФ в первые недели Великой Отечественной войны по данным вермахта о пленных красноармейцах.

Не менее сложно обстоит вопрос с личным составом Западного фронта и его потерях в первые дни Великой Отечественной войны. Округ насчитывал около 650 000 человек по штатам мирного времени к лету 1941 г., но, согласно Мобилизационному план 41 (МП-41), в военное время личный состав Западного особого военного округа должен был достичь 1099019 чел. [24, Л. 265]. Сколько точно мобилизованных бойцов и командиров фактически попало в первые дни Великой Отечественной войны в свои части на ЗапФ, установить до сих пор не удалось (и едва ли такая задача выполнима).

Нацисты организовали в Минске лагерь для военнопленных, в котором в начале июля 1941 г. оказались около 100 000 советских граждан, среди которых примерно 80 000 являлись военнослужащими, когда остальные имели статус «интернированных гражданских», среди последних немецкие власти выявили много фактических красноармейцев, которые на момент пленения не имели военной униформы [25, Л. 11]. Эти советские граждане были взяты в плен западнее Минска в результате образования котла между первым и Белостоком. Действовавшая между северными пригородами

Белостока и Полесьем 4-я полевая армия вермахта взяла в плен между 22 июня и 7 июля 1941 г. 82 000 красноармейцев [25, Л. 8], совместно с этой армией действовала вторая танковая группа. Такое сравнительно небольшое количество военнопленных РККА на столь крупном оперативном пространстве указывает на малочисленность сил Красной армии в этой части Белоруссии в начале Великой Отечественной войны.

В одной из оперативных сводок вермахта указано, что на территории Белоруссии к 6 июля 1941 г. ГА Центр взяла в плен 310 000 красноармейцев [25, Л. 17]. Сопоставив эту цифру с количеством пленных, захваченных 4-й полевой армией, нам нетрудно увидеть, что основные силы Западного фронта действовали все-таки между Гродно и северными пригородами Белостока, а также в районе западных пригородов Минска. Однако упомянутая выше цифра в 310 000 пленных красноармейцев в боях на территории Белоруссии (многие еще оставались в котлах или были убиты) говорит в пользу того, что Западный фронт фактически был разгромлен к 6 июля 1941 г.

По уточненным данным отдела разведки ГА «Центр», в боях между Белостоком и Минском попали в плен 338 493 красноармейца, уничтожены или захвачены 3 188 танков, а также 1839 артиллерийских орудий и 344 самолета [26, Л. 2] (учет убитых и ранены красноармейцев штабами вермахта не велся). Цифра по самолетам вызывает сомнения, но были подсчитаны те машины, которые попали в руки непосредственно сухопутных частей (как в результате прочесывания местности, так и захвата сбитых наземными ПВО машин), включая самолеты на аэродромах. И эта цифра также наводит на сомнение по поводу полного разгрома ВВС ЗапФ в первые 2-3 дня Великой Отечественной войны. Столь малое количество захваченных орудий также вызывает сомнения, если не предположить, что значительная часть артиллерийских систем Западного особого военного округа оказалась восточнее Минска к 22 июня 1941 г.

Данные по захваченным, включая подбитые, орудиям в боях Западного фронта и ГА Центр между Днепром и Смоленском в период с начала июля по 5 августа 1941 г. – 3 000 шт. [26, Л. 2] - подтверждают наше предположение, что в Минске и западнее него РККА имела мало артиллерийских орудий. Часть орудий оказалась переброшенной вместе со своими частями из тыловых округов РСФСР, а также с Юго-западного фронта. В этот же период на территориях Восточной Белоруссии и Смоленской области РККА потеряла, по немецким данным, 309 110 человек пленными, 3205 танков, а также 341 самолет [26, Л. 2] (без учета сбитых в бою).

Принимая во внимание, что потери советской стороны пленными составляли в период летней кампании 1941 г. не менее 50% от общей численности воинских соединений, это указывает на то, что мобилизация личного

состава на территориях восточных областей БССР и Смоленской области оказалась в значительной степени выполненной. Также ЗапФ помогла мобилизация на территории Брянской и Калужской областей.

Состояние ГА «Центр»

На 22 июня 1941 г. в составе ГА «Центр» числились 1 308 730 солдат и офицеров вермахта и войск СС, распределенные в основном между 9 танковыми, 6,5 моторизованными, 1 кавалерийской, 31 пехотной и 3 охранными дивизиями [17, p. 142].

Нацистская Германия хорошо подготовилась к нападению на СССР, но у ГА «Центр» имелись существенные недостатки в материальной части по состоянию на 22 июня 1941 г. Начнем с бронетехники. 2 ТА имела в своем составе 994 танка на момент нападения на Советский Союз [17, p. 154]. 3 ТА была оснащена 942 танками [17, p. 195], но из них 507 являлись легкими чехословацкими моделями Pz 38 (t) s, 278 танков были тоже легкими Pz I и PzII [17, p. 195]. Главным оперативным танком ГА «Центр» в июне 1941 г. оставался Т-3, но в 3 ТА танков этой модели не было [17, p. 195].

По архивным данным из фонда № 500 Центрального архива Министерства обороны (из того, что нам удалось обнаружить), к 27 июля 1941 г. 3-я танковая группа, временно подчиненная тогда ГА «Центр», понесла большие потери в материальной части, которые восполнялись только на 1/7 новыми поступлениями из тыла. Судя по приложению к отчету о состоянии 3-й танковой группы, в ее двух тд (№№ 7,12, учет был на конец июля проведен только по ним) было к 22 июня 1941 г. 242 танка типов Pz 1,2,3, а также 60 танков Pz 4 [27, Л. 360]. Эти данные, правда, по двум тд, несколько расходятся со сведениями у К. Лютера, но они также указывают на тот факт, что материальная часть даже такой элитной танковой дивизии как №7 была не столь значительной.

С определением структуры артиллерийского парка ГА «Центр» вопрос обстоит сложнее из-за дефицита документальных данных. У этой группы армий имелись 750 артиллерийских батарей [17, p. 195]. Если исходить из того, что в вермахте был принят четырехорудийный состав батареи (были исключения для тяжелой артиллерии в пользу уменьшения в батарее числа орудий, но батареи ПТО могли иметь по 6 орудий), то это должно было дать примерно около 3000 стволов. Соответственно, остальные около 9 500 стволов - это запасные орудия в депо и минометы. Примем во внимание, что 3 000 орудий ГА «Центр» должна была применить на фронте шириной примерно 500 км.(такого количества орудий на столь протяженный фронт было очень мало, если исходить из норм мировых войн). Таким образом, нехватка концентрации огня должна была быть компенсирована точностью и большей величиной среднего калибра. В этой связи ГА «Центр» были приданы 17 батальонов гаубиц типа «Мерзер» (Moerser) 210 мм, а так-

же 4 батальона реактивных минометов «Небельверфер» (Nebelwerfer) [17, p. 142]. Кроме того, у ГА «Центр» имелись шесть батальонов штурмовых орудий [17, p. 142].

Заключение

Основные сложности в оснащенности Западного особого военного округа, а затем уже и Западного фронта заключались в дисбалансах между старой и новой военной техникой, а также в недостаточном количестве артиллерийских орудий на фоне неравномерного распределения последних по территории БССР к 22 июня 1941 г. (основная часть артиллерии округа оказалась под Минском). Недостаточно было самолетов (особенно новых), но при этом ВВС ЗапФ не были полностью уничтожены в первые 2-3 дня Великой Отечественной войны.

Оснащенность автомобильным транспортом Западного особого военного округа не соответствовала нормам ведения современной на то время войны и тем задачам, какие стояли перед мобильными соединениями ЗапФ на столь обширном оперативном пространстве.

ГА «Центр» вермахта имела качественные преимущества по артиллерии и боевым самолетам, но у противника не имелось преимущества по потенциалу танковых соединений.

Численность личного состава Западного фронта также не соответствовала стоявшим перед ЗапФ в первые дни Великой Отечественной войны задачам. Судя по численности захваченных в плен на территории Белоруссии красногвардейцев, войск у ЗапФ было не столь много, и резервы в районе Минска оказались явно недостаточными для отражения удара противника.

Библиографический список / Reference

1. Киличенков А.А. СССР в Великой Отечественной войне: Трагедия 1941 г. // Новый исторический вестник. 2005. № 13. С. 228-276.
2. Киличенков А.А. СССР в Великой Отечественной войне: Трагедия 1941 г. // Новый исторический вестник. 2006. № 15. С. 207-245.
3. Мягков М.Ю. Катастрофа 1941 года в Белоруссии // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 3 (24). С. 45-57.
4. Мягков М.Ю. СССР во Второй мировой войне // Вестник МГИМО Университета. 2020. Т. 13. № 4. С. 7-51.
5. Изонов В.В. О некоторых вопросах истории начального периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 2. С. 32-57.
6. Исаев А.В. Приграничное сражение 1941. Первая битва Великой Отечественной. – М.: «Яуза», 2020. 704 с.
7. Брычков А.С., Никоноров Г.А. Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г.: во всем ли виновата внезапность? // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2018. № 2. С. 3-14.
8. Жилин П.А. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз (расчеты и просчеты). Издание второе, дополненное. – М.: «Мысль», 1966. 296 с.
9. Дайнес В.О. Провал блицкрига. – М.: Вече, 2017. 416 с.
10. Абатуров В.В. 1941. На Западном направлении. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. 462 с.
11. Абатуров В.В. На земле Беларуси. Канун и начало войны: боевые действия советских войск в начальном периоде Великой Отечественной войны / М-во обороны Российской Федерации, Ин-т военной истории МО РФ, М-во обороны Республики Беларусь, Военно-науч. упр. ВС РБ. – М.: Кучково поле, 2006. 573 с.

12. Морозов М.Э. (руководитель). Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах. - В 2 томах. - Том 1. - Коллектив авторов: к.и.н. М.Э. Морозов (руководитель), к.и.н. В.Т. Елисеев, к.и.н. К.Л. Кулагин, С.А. Липатов, к.и.н. Б.Н. Петров, к.и.н. А.А. Черняев, к.и.н. А.А. Шабаев. – М.: Объединенная редакция МВД России, 2010. 608 с.
13. Сводная ведомость количественного и качественного состава танкового парка РККА на 1 июня 1941 г. // ЦАМО РФ.Ф. 38. Оп. 11353. Д. 924.
14. Неласов В.П. (руководитель). 1941 год — уроки и выводы. – М.: Воениздат, 1992. 245 с.
15. Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г.-1941 г.): Док. и материалы. – Минск: НАРБ, 2007. 622 с.
16. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. – М.: Кучково поле, 2012. 1008 с.
17. Luther G.W.H. Armagedon unleashed: The First Day of War on the Eastern Front (22 June 1941). Guilford, Connecticut: Stackpole Books, 2019. 504 p.
18. Журнал военных действий штаба Западного фронта // ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206.
19. Ведомость расхода боеприпасов по объектам действий ВВС ЗапФ // ЦАМО РФ. Ф. 290. Оп. 0003284. Д. 0004.
20. Кулешов П.Н. (ред.). Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941-45 гг. в 3 т. Т. 1. – М.; Тула: Изд-во ГРАУ, 1977.
21. Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. – М.: Высшая школа, 1984.
22. Боевое донесение № 2 командира 2-го стрелкового корпуса командующему войсками Западного фронта о ходе боевых действий. 28 июня 1941 г. // ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 21.
23. Бойко И. Тыл Западного фронта в первые дни Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1966. № 8. С. 15-26.
24. Мобилизационные планы // ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 2154. Д. 4.
25. Документы оперативного отдела штаба 4-й армии: описание боевых действий 4-й армии в июне-июле 1941 г. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12466. Д. 145.
26. Документы разведывательного отдела группы армий «Центр»: пленные и трофеи 22.06.41г.-30.06.43г. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 370.
27. Приложение к журналу боевых действий группы армий «Б» - оперативный отдел – документ XX: сводки о боевом и численном составе, тетрадь 1: отчеты о состоянии частей и подразделений группы армий «Б» // ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 111.

Яхимович С.Ю.

Кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Федерального государственного казённого образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова», г. Хабаровск.

«Три нуля означает Конференция»: профессиональный союз рабочих металлистов в районе Китайско-Восточной железной дороги в 1920-е гг.*

Аннотация. Статья посвящена деятельности одного из небольших советских профессиональных союзов рабочих металлистов в зоне Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), действовавшим здесь в 1920-х гг. Раскрыты особенности обстановки, в которой приходилось функционировать профсоюзу, его структура и основные направления работы. Сделан вывод об относительной эффективности профессионального объединения металлистов, ставшего частью советской общественно-политической модели на иностранной территории, в условиях конфликтов на КВЖД и жёсткого полицейского контроля.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), профессиональный союз, металлисты, секция, правление.

Yakhimovich S.Y.

PhD in History, Associate Professor. Deputy Head of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of the I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk.

"Three zeros means Conference": the professional union of metalworkers in the area of the China-Eastern Railway in the 1920s

Abstract. The article is devoted to the activities of one of the small Soviet trade unions of metalworkers in the area of the China-Eastern Railway (CER), which operated here in the 1920s. The specifics of the situation in which the trade union had to function, its structure and main areas of work are revealed. The conclusion is made about the relative effectiveness of

* © Яхимович С.Ю., 2025.

the professional association of metalworkers, which became part of the Soviet socio-political model in a foreign territory, in the context of conflicts on the CER and strict police control.

Key words: China-Eastern Railway (CER), trade union, metalworkers, section, board.

Профессиональные союзы сегодня существуют во всех странах мира и являются значимой общественной, а иногда и политической силой. Российская история знает уникальный прецедент активности советских профсоюзов за рубежом, а именно в зоне Китайско-Восточной железной дороги, где вплоть до начала 1960-х гг. проживали десятки тысяч выходцев из нашей страны. Изначально, это были работники, обслуживавшие КВЖД и их семьи, затем к ним добавились трудящиеся других предприятий и беженцы. Самостоятельные российские профсоюзы на КВЖД были образованы ещё осенью 1905 г., а весной 1906 г. в Харбине появился первый союз рабочих по металлу, однако просуществовали они не долго [7, л. 107; 27, p. 129–130]. Революция 1917 г. придала новый импульс развития профдвижения. В это время и позднее важнейшим и наиболее многочисленным здесь оставался железнодорожный профсоюз (Дорпрофсож) [8, л. 67–70]. Расцвет советских профсоюзов на КВЖД пришёлся на 1920-е гг., когда кроме железнодорожного, действовало немало так сказать «малых» (по количеству членов) союзов. Среди них функционировала и профессиональная организация работников по обработке металлов (металлисты). Деятельности советских профсоюзов на КВЖД некоторые исследователи уделяли внимание, но профсоюз металлистов в их работах не нашёл отражения [1; 25]. Автору фрагментарно уже приходилось затрагивать судьбу этого объединения [26]. В данной статье, на основе ранее не вводившихся в научный оборот архивных источников, история профсоюза металлистов на линии КВЖД будет рассмотрена более подробно.

В 1920 г. все профессиональные союзы в зоне Китайско-Восточной железной дороги, включая и Дорпрофсож, были подчинены Губернскому совету профессиональных и производственных союзов (ГСПС) полосы отчуждения КВЖД [1, с. 111]. В политическом плане они находились под влиянием, а потом и прямом управлением партии большевиков, чьи представители в основном и занимали руководящие посты в просоветских профсоюзах [13, л. 16].

Профессиональное объединение рабочих металлистов заново сложилось в Харбине к 1920 г., связывая по цеховому принципу трудящихся разных предприятий, занимавшихся обработкой металла (кузнецы, жестянщики, металлурги и т.д.). В 1920 – 1921 гг. в его составе числилось всего 20 – 30 членов, поэтому в ГСПС КВЖД было решено включить металлистов

в качестве производственной секции в профсоюз служащих, уже имевших свой устав, зарегистрированный в китайской полиции [9, с. 20; 15, л. 13].

На этом этапе секция металлистов была занята главным образом вовлечением новых членов, решением тарифно-экономических вопросов и культурно-просветительской работой (например, работал красный уголок и несколько кружков, имелась собственная большая библиотека на 400 абонентов). Поскольку рабочие металлисты трудились в многочисленных частных фирмах, то и методы отстаивания прав трудящихся являлись избирательными. В 1921 – 1922 гг. правление секции путём переговоров с работодателями и организации двух забастовок сумело добиться на некоторых подконтрольных предприятиях увеличения заработной платы (в среднем на 10 %), девятичасового рабочего дня, предоставления работникам недельного отпуска, улучшения общих условий труда. Вся работа правления с членами секции велась через профсоюзных уполномоченных [15, л. 13–14]. Всё это подняло престиж объединения и постепенно увеличивало количество его членов. Так, в апреле 1923 г. в профессиональном объединении металлистов числилось 94 чел., в мае уже 102 чел., в июне – 120, а в июле – 134 члена (из них 16 безработных) [5, л. 17]. При этом, в обзоре Дальбюро ЦК РКП(б) о партийной работе в зоне КВЖД за август-сентябрь 1923 г., анализировался социальный состав профсоюзов, и металлисты, вместе с железнодорожниками и речниками, отмечались как организации преимущественно пролетарские, то есть со значительным преобладанием рабочих над служащими [3, л. 13].

Достигнутые успехи совпали с директивой ВЦСПС о так называемом «размежевании профсоюзов» по производственной составляющей. В конце 1922 г. начинается постепенное выделение производственной секции металлистов из состава союза служащих [15, л. 10], а через год, осенью 1923 г. решением ГСПС КВЖД она была окончательно выведена в отдельную организацию и преобразована в Губернский отдел Всероссийского союза металлистов (губотдел ВСМ). При этом организация переводилась на твёрдую финансовую смету по обеспечению нужд профсоюза [5, л. 2 об., 4]. Поначалу, благодаря реорганизации в состав губотдела ВСМ были определены и металлисты, которые работали на КВЖД. Однако, в ходе очередных пертурбаций профсоюзов в 1924 – 1925 гг. в связи с официальным приходом на дорогу СССР, эти работники по металлу были переведены из организации обратно в Дорпрофсож КВЖД. В свою очередь, металлисты из других профсоюзов (например, автомобильного транспорта) стали переходить во вновь созданный губотдел ВСМ. Всего с 1923 по 1929 г. через профессиональный союз металлистов прошли 1123 зарегистрированных членов [15, л. 14, 87]. Выборочные данные по численности союза можно видеть в табл. 1.

Таблица 1. Выборочная динамика численности членов профсоюза металлистов ОРВП в 1920-е гг. Составлена на основе: [5, л. 15; 6, л. 1; 9, с. 20; 18, л. 6–7, 40; 21, л. 5; 22, л. 6, 37; 23, л. 10].

Месяц, год	Общее количество членов союза	Количество безработных
Ноябрь 1921 г.	30	0
Апрель 1923 г.	94	0
Май 1923 г.	102	5
Июнь 1923 г.	120	15
Июль 1923 г.	134	16
Август 1923 г.	129	15
Сентябрь 1923 г.	135	16
Сентябрь 1924 г.	193	24
Октябрь 1924 г.	213	36
Ноябрь 1924 г.	230	43
Декабрь 1924 г.	233	47
Апрель 1925 г.	245	нет данных
Апрель 1927 г.	301	нет данных
Ноябрь 1927 г.	250	51
Декабрь 1927 г.	227	41
Июнь 1928 г.	232	38

Больным вопросом в период «размежевания профсоюзов» оставался наиболее насущный – колебания заработной платы. Так, если в июле-октябре 1923 г. средний уровень зарплаты членов союза металлистов в ОРВП оставался стабильным и даже немного повышался [19, л. 11], то уже в декабре того же года Дальневосточное бюро ВЦСПС фиксировало его снижение на 18,9 %, что иллюстрирует сложности во взаимоотношениях правления союза с владельцами частных предприятий, имевших решающее влияние на размер оплаты труда [12, с. 61–62].

В 1924 г. Советский Союз и Китайская Республика оформили соглашения о совместном владении КВЖД на паритетных началах. Работать на дороге могли только граждане СССР и Китая [10, с. 342–345, 459–464]. После заключения соглашений отношение китайских властей к советским профсоюзам временно стало терпимым, местная полиция на время оставила их в покое и в октябре-декабре 1924 г. они действовали без каких-либо трудностей [22, л. 1]. Вместе с тем, на дороге реально доминировал СССР,

что вызывало постоянные трения с местными маньчжурскими властями, только номинально подчинявшимися Пекину. Одним из поводов в частых обострениях двухсторонних противоречий являлась запрещённая взаимными договорённостями коммунистическая пропаганда в Особом районе Восточных провинций (ОРВП – так с конца 1920 г. стала именоваться полоса отчуждения КВЖД [11, с. 29–30; 24, с. 296–298]). Профсоюзы, легально действовавшие в ОРВП, стали основным источником этой агитации и нередко подвергались полицейским репрессиям, являясь своеобразными заложниками политической ситуации [16]. Закрепление СССР на КВЖД потребовало новых реорганизаций производственных объединений и с конца 1924 г. губотдел ВСМ стал называться «Профессиональный союз рабочих металлистов ОРВП» (ПСРМ). Главное помещение правления союза располагалось в Харбине, в Доме трудящихся по адресу: улица Трудовая, 2. Теперь металлисты объединяли в своих рядах не только рабочих металлообрабатывающих предприятий, но и электрических станций, ювелиров, часовщиков и граверов [2, с. 124; 4, л. 27].

Тогда же, осенью 1924 г. по итогам проведённого «размежевания профсоюзов» Дальбюро ВЦСПС провело обследование профессиональных союзов в ОРВП. После проверки профсоюза металлистов его правлению были поставлены следующие задачи: «1. Организовать районные территориальные местные комитеты; 2. Изжить узко цеховой подход вовлечения в союз по профессиям, а не производству и усилить вовлечение “диких” [советских граждан, не являвшихся членами профсоюзов – *С.Я.*]; 3. Перейти на плановое расходование фондов» [20, л. 12]. Последний пункт говорит о трудностях по реализации финансового планирования, намеченного ещё год назад. Руководство ГСПС ОРВП ещё в сентябре 1923 г. отмечало сложные взаимоотношения с правлением союза металлистов, которое довольно часто встречало распоряжения ГСПС с большими возражениями и принимало решения по собственному усмотрению [19, л. 8].

Обследование 1924 г. представило и некоторые качественные показатели союза рабочих металлистов. На тот период он охватывал своим вниманием 59 малых частных предприятий (мастерские, 2 электростанции и одиночные кустари) в которых трудились 400 чел., из них половина была в составе союза. Большинство членов объединения имели профсоюзный стаж менее 2 лет, а основным мотивом их вступления в союз являлось стремление получить привилегии по получению советского гражданства и паспорта. Среди главных проблем по работе с членами союза проверяющими отмечались рост безработицы в результате ликвидации некоторых предприятий и широко распространённый в мастерских детский труд [20, л. 22–23]. Но на этом этапе постепенно росла и численность членов союза: с 193 чел. в сентябре 1924 г. до 233 чел. в декабре (из них в кассе взаимопо-

мощи участвовали 125 чел. или 40 % членов организации). По состоянию на 1 января 1925 г. члены ПСРМ составляли 1,5 % от общего количества членов всех советских профсоюзов в ОРВП. Однако за это же время почти пропорционально выросла и численность безработных членов союза – с 24 чел. до 47 [21, л. 5, 8; 22, л. 6, 37]. Тенденция к увеличению числа членов объединения продолжилась, и в апреле 1925 г. профсоюз рабочих металлистов насчитывал уже 245 чел. [23, л. 10].

После очередного конфликта между соправителями на КВЖД в начале 1926 г. и гонений китайской полиции на профсоюзы, организации металлистов пришлось вести полулегальную работу, активность её спала. Правление союза прилагало все усилия к тому, чтобы обеспечить бесперебойный сбор членских взносов и сохранить достижения прошлых лет [15, л. 14]. Поэтапная эскалация советско-китайских противоречий на КВЖД в 1927 – 1928 гг. проявилась в дальнейшем «нажиме» маньчжурского военно-полицейского режима на профсоюзы, но, пусть и ограниченный в возможностях, ПСРМ официально продолжал функционировать. Основные показатели его деятельности в эти годы можно проследить по отчётам правления союза.

В первую очередь, усиление полицейского контроля и огромная конкуренция на маньчжурском рынке труда в 1927 г. сказались на динамике численности членов ПСРМ. По статистическим данным главы белоэмигрантского союза беспартийных А.В. Троицкого весной 1927 г. в профсоюзе металлистов состоял 301 чел. [6, л. 1]. Однако в ноябре 1927 г. правлением союза их было учтено уже 250 чел., а в декабре – 227 (из них: 146 мужчин, 10 женщин, 71 подросток). При этом все члены союза концентрировались в Харбине. Основная причина снижения численности, кроме перехода в другие союзы – исключение за систематическую неуплату членских взносов [18, л. 6]. Не лучшим образом обстояло дело и с занятостью, что также влияло на сборы членских взносов. Вызвано это было нестабильной и невысокой оплатой труда на частных предприятиях, провоцируемых общим ростом безработицы в Северной Маньчжурии. Данная зависимость только за одно полугодие 1927 г. показана в табл. 2 (стр. 145).

В этот период аппарат союза был представлен следующими структурными подразделениями: 1. Правление (председатель Чехович, секретарь Михельсон) в составе 3 членов и 2 кандидатов; 2. Ревизионная комиссия (3 члена, 2 кандидата); 3. Два местных комитета (по 3 члена и 2 кандидата в каждом); 4. Профуполномоченные – 12 чел.; 5. Тарифно-экономическая комиссия – 3 чел.; 6. Культурно-просветительная комиссия (3 члена, 2 кандидата); 7. Правление кассы взаимопомощи (3 члена, 2 кандидата). В марте 1927 г. при союзе металлистов открылся Женотдел, в течение года он объединил 15 женщин. Несмотря на запрет полиции ОРВП собираться в

Таблица 2. Динамика задолженности по членским взносам в профсоюзе рабочих металлистов ОРВП за второе полугодие 1927 г. Составлена на основе: [18, л. 7].

Месяц	Количество членов союза, имеющих работу	Количество уплативших членские взносы	Количество не уплативших членские взносы:		Общий недобор взносов	
			всего не уплативших	из них за неимением денег	в руб.	в %
VII	220	95	125	78	105	57
VIII	214	96	118	76	100	56
IX	214	78	136	53	114,24	63
X	212	163	49	24	41,16	28
XI	199	102	97	92	81,48	48
XII	182	118	68	63	57,12	37

профсоюзных помещениях больше 5–6 чел. без специального разрешения, аппарат ПСРМ во втором полугодии 1927 г. сумел организовать проведение 4 экскурсий, прослушивание 3 политических докладов (всего присутствовало 165 членов союза) и работу 5 кружков (3 профсоюзной грамотности, 2 спортивных). С владельцами фирм было оформлено 3 коллективных договора, затрагивавших 45 членов союза металлистов, и 2 индивидуальных договора. Из возникших 7 трудовых конфликтов с работодателями на предприятиях с помощью союза 5 удалось выиграть и 1 закончился компромиссом. Количество безработных членов союза в конце года составляло 36 чел., но им оказывалась материальная поддержка, в том числе из кассы взаимопомощи [18, л. 6–16, 27]. В целом, для такого малого союза как металлисты в условиях ОРВП работа осуществлялась эффективно.

Ухудшение в 1928 г. обстановки в зоне КВЖД потребовало укрепления ПСРМ и ещё большей его конспирации по линии пропаганды советских ценностей. Постоянный состав правления союза расширили сначала до 4, а к середине года до 5 членов [18, л. 30, 38]. Характеризует условия, прошедшая нелегально 10 июня 1928 г. в Харбине очередная (раз в полгода) конференция профсоюза рабочих металлистов, на которой правление и другие структуры отчитывались об итогах работы и переизбиралось. На этот раз в тексте отчёта мероприятия, отправленного в Дальбюро ВЦСПС, часто фигурирует обозначение «0-0-0», а на первой странице кто-то чернилами сделал расшифровку: «Три нуля означают слово Конференция» [18, л. 40]. Такая секретность подчёркивает ужесточение антипрофсоюзных полицейских репрессий в ОРВП.

Из текста отчёта следует, что запланированные вопросы правление рассмотрело только на половину, много времени занимала тарифная работа. От двух месткомов остался один, но к 12 профуполномоченным для связи с членами союза добавились 14 делегатов. За истекший период количество членов союза почти не изменилось – 232 чел. к июню 1928 г. Из них 129 чел. трудились на 32 харбинских предприятиях, 65 чел. были кустарями-одиночками, 38 чел. – безработными. Росту организации препятствовала не только сложная политическая обстановка в ОРВП, но и то, что большинство не охваченных работой профсоюза металлистов являлись белоэмигрантами и идейными антисоветчиками [18, л. 40].

Вместе с тем, удалось заключить ещё 2 коллективных договора с частными компаниями, добиться повышения зарплаты на некоторых предприятиях. Правление профсоюза выиграло 13 возникших конфликтов с работодателями из 14, в том числе с помощью 3 организованных союзом забастовок. Один трудовой спор с мастерской «Универсаль» был проигран с серьёзными последствиями. Владелец мастерской отказался вводить расчётные книжки для сотрудников, тогда правление ПСРМ вынесло конфликт на страницы местной прессы. Ответом владельца фирмы стало увольнение всех членов профсоюза металлистов с предприятия. Среди резолюций конференции наиболее значимой стало решение о целесообразности ликвидации последнего месткома, заменив его работой профсоюзных уполномоченных и делегатов, так как металлисты были широко рассеяны по Харбину и его окрестностям, а более-менее крупных предприятий в сфере металлообрабатывающей промышленности, которые курировал ПСРМ, в городе не осталось. В завершении были переизбраны правление (вошли Поленов, Миронов, Михельсон, Кабанец и Рубанович) и ревизионная комиссия, выбраны делегаты на предстоящую конференцию Объединённого СПС ОРВП [18, л. 40 об.–42].

Новый, 1929 г. профессиональные союзы зоны КВЖД встретили в очередной раз в качестве запрещённых организаций. Профсоюзные работники рисковали быть раскрытыми и понести серьёзное наказание за малейшее подозрение в причастности к производственным объединениям. Так, на станции Цицикар в январе 1929 г. был задержан и арестован рабочий Тихонин, у которого полиция обнаружила членскую книжку профсоюза металлистов [17, л. 9]. Во время разгоревшегося советско-китайского вооружённого конфликта на КВЖД в 1929 г. количество членов ПСРМ заметно снизилось, а правление его было занято главным образом организацией связи со своими подопечными и сбором с них задолженности по взносам [15, л. 14–15].

По окончании конфликта профсоюз рабочих металлистов пытался возродить свою деятельность, но былых масштабов достичь уже не смог. В на-

чале 1930-х гг. за малочисленностью как самостоятельная единица его ликвидировали, а оставшихся членов распределили по другим профсоюзам. В это время в профдвижении Северной Маньчжурии был взят курс на слияние незначительных по численности союзов, и подобная участь постигла ещё несколько малых производственных организаций. Во всяком случае, исследовавший весной 1931 г. партийную и профсоюзную работу в ОРВП уполномоченный от Далькрайкома ЦК ВКП(б) И.П. Гасин такого профессионального союза как металлисты уже не обнаружил [14, л. 123].

Таким образом, находившийся в сложных, быстро меняющихся политических условиях профсоюз металлистов на линии КВЖД стал частью советской общественно-политические модели. На протяжении 1920-х гг. союз несколько раз менял структуру и статус, но функционировал довольно эффективно и, насколько это было возможным, отстаивал интересы своих членов, несмотря на периодические репрессии со стороны местных китайских властей.

Библиографический список / Reference

1. Андреев Г.И. Революционное движение на КВЖД в 1917 – 1922 гг. Новосибирск: Наука, 1983. 142 с.
2. Весь Харбин на 1926 год. Адресная и Справочная книга / под. ред. С.Т. Тернавского. Харбин: Типография КВЖД. 882 с.
3. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-61. Оп. 1. Д. 166.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 1.
5. ГАРФ. Ф. Р-4558. Оп. 1. Д. 7.
6. ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 142.
7. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-44. Оп. 1. Д. 59.
8. ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 396.
9. Делегатский съезд союза служащих и рабочих // Рабочая мысль. 1921. № 5. С. 17–26.
10. Документы внешней политики СССР. Т. 7 (1 января – 31 декабря 1924 г.). М.: Политиздат, 1963. 760 с.
11. Павлов А.К. Правовые основы ОРВП // Административное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 26-34.
12. Профсоюзы Дальнего Востока в 1923 г. (Отчёт Дальбюро ВЦСПС). Чита, Владивосток: Книжное дело, 1924. с. 136 [V] с.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 67. Д. 53.
14. РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 51.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 3. Д. 2.
16. РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 49.
17. РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 869.
18. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-2959. Оп. 1. Д. 1.
19. РГИА ДВ. Ф. Р-4455. Оп. 1. Д. 58.
20. РГИА ДВ. Ф. Р-4455. Оп. 1. Д. 158.
21. РГИА ДВ. Ф. Р-4455. Оп. 1. Д. 172.
22. РГИА ДВ. Ф. Р-4455. Оп. 1. Д. 229.
23. РГИА ДВ. Ф. Р-4455. Оп. 1. Д. 350.
24. Сборник документов, относящихся к Китайской Восточной железной дороге. Харбин: Типография КВЖД, 1922. 313 с.
25. Ткаченко Г.И. Советские трудящиеся на КВЖД в борьбе за укрепление пролетарской солидарности с китайским народом (1924 – 1935 гг.). – М.: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1988. 114 с.
26. Яхимович С.Ю. Советские профсоюзы работников пищевой промышленности и металлистов в зоне КВЖД: 1920 – 1931 гг. // Наука и образование. Вестник Хабаровского края. 2023. № 1. С. 61-64.
27. Wolff David. To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898 – 1914. Stanford, California: Stanford University Press, 1999. 256 p.

Ермишкин В.В.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Матюханов В.Н.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Заворохина Н.С.
Старший преподаватель. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Особенности развития конституционализма в России: исторический аспект*

Аннотация. В статье рассматривается развитие конституционализма в России, как ключевого аспекта правового государства. Исходным моментом решения данной проблемы становится анализ исторического развития конституционализма, поскольку с развитием в нашей стране различных общественно-экономических отношений связываются определённые этапы развития правового государства. Актуальность данной темы, заключается в том, что Конституция, являясь верховным законом государства, отражает определённый консенсус общества и власти, на разных этапах их развития. Каждый подобный этап включает в себя определённую специфику и проблематику времени, отразившуюся в том числе, в документах конституционного содержания. Цель статьи заключается в рассмотрении феномена конституционализма и Конституции с исторической точки зрения. Для этого в работе было дано определение Конституции, и основные этапы её развития от смутного времени до наших дней.

Ключевые слова: конституционализм, конституция, история, правовое государство, идеология.

Ermishkin V.V.
Students. P.P. Yershov Ishim Pedagogical Institute (Faculty) Tyumen State University, Ishim.

* © Ермишкин В.В., Матюханов В.Н., Заворохина Н.С., 2025.

Matyukhanova V.N.
Students. P.P. Yershov Ishim Pedagogical Institute (Faculty) Tyumen State University, Ishim.

Zavorokhina N.S.
Senior lecturer. P.P. Yershov Ishim Pedagogical Institute (Faculty) Tyumen State University, Ishim.

Features of the development of constitutionalism in Russia: historical aspect

Abstract. The article examines the development of constitutionalism in Russia as a key aspect of the rule of law. The starting point for solving this problem is the analysis of the historical development of constitutionalism, since certain stages of the development of the rule of law are associated with the development of various socio-economic relations in our country. The relevance of this topic lies in the fact that the Constitution, being the supreme law of the state, reflects a certain consensus of society and government at different stages of their development. Each such stage includes certain specifics and issues of time, which are reflected, among other things, in documents of constitutional content. The purpose of the article is to examine the phenomenon of constitutionalism and the Constitution from a historical point of view. For this purpose, the work defined the Constitution and the main stages of its development from the Time of Troubles to the present day.
Key words: constitutionalism, constitution, history, rule of law, ideology.

Согласно официальному сайту Президента России Конституция – Основной закон Российской Федерации, имеющую высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории страны. Конституционализм - это основополагающий принцип правового государства исходя из которого власть делегирует часть своих полномочий демократическим институтам, ограничивая саму себя, как в теории, так и на практике.

Первым документом, отдалённо напоминающим конституцию, можно назвать крестоцеловальную запись Василия Шуйского, в которой впервые были провозглашены на законодательном уровне гарантии против опал и казней, без суда и следствия. Это был первый, и на долгое время единственный, в русской истории договор власти с народом [2].

Следующий прецедент ограничения самодержавной власти, состоялся только в 30-х гг. XVIII вв. В результате заговора Верховного Тайного совета, избранная в 1730 г. императрицей, Анна Иоанновна должна была править в соответствии с кондициями. В тексте кондиций прямо говорилось о

запрете правительнице, самой объявлять войны, вводить налоги, жаловать знатные чины, вотчины и деревни. Все эти пункты существенно ограничивали самодержавную власть в пользу представителей Верховного Тайного совета. В случае невыполнения императрицей своих обязательств она могла лишиться престола. Ряд исследователей, включая В.О. Ключевского и П.Н. Милюкова, находят среди источников вдохновения для авторов кондиций, с одной стороны шведское государственное устройство после смерти Карла XII, с другой Боярскую Думу допетровской России. Деятельность Верховного Тайного совета вызвала, волну негодование в широких кругах дворянства, заподозривших членов совета в желании узурпировать власть. В преддверии, вступления Анны Иоанновны на Русский престол, были составлены ответные проекты конституционного содержания, характерными особенностями, которых стали стихийный характер создания, согласие в необходимости ограничения самодержавной власти, общий антиолигархический и сословный характер. Однако, не один из данных проектов не был принят, а подписанные в Митаве кондиции, были разорваны по приезде Анны Иоанновны в Москву. Во многом неудаче в ограничении самодержавия, способствовало отсутствие консолидации внутри правящего сословия, а также отсутствие единой политической программы и разобщенность интересов [12].

Не смотря на распространение Просвещения, Россия в течение всего XVIII в., оставалась абсолютной монархией. В целом для конституционализма в это время было характерно отсутствие широкой социальной опоры и низкое состояние общественного сознания. Конституционализм оставался скорее идейным течением некоторых представителей правящего класса. Дворянство, видя в самодержавном строе гарантии своих привилегий, в большинстве своём, выступало за сохранение этого строя в прежнем виде.

Лишь в эпоху правления Александра I, вопрос о Конституции в России впервые стал серьёзно рассматриваться на государственном уровне. Случилось это, и под влиянием идей философов просветителей, и исходя из опасности новой крестьянской войны и революционных потрясений. Более того, Конституция появляется в различных частях империи в 1809 в Финляндии, в 1815 в Царстве Польском. Даже поверженная в ходе наполеоновских войн Франция, получает Конституционную Хартию, под давлением всё того же Александра I. Создававшаяся в атмосфере строжайшей секретности под руководством Н.Н. Новосильцева «Уставная грамота Российской империи» провозглашала создание двухпалатного парламента, без одобрения которого, монарх не мог издать ни одного правового акта. Документом, также подразумевались многие демократические свободы, например неприкосновенность личности. Проводимые ранее реформы

М.М. Сперанского в своей законченной форме, также предполагали преобразование политической системы Российской империи. Однако, реформы М.М. Сперанского, как и конституционный проект Н.Н. Новосильцева, встретили сопротивление в кругах консервативной бюрократии и дворянства, вследствие чего ни один из проектов не был принят. Свидетельством, того, что проблема модернизации, в том числе и политической надстройки Российской Империи, волновали российское общество на данном этапе свидетельствует, в том числе и возникновение декабризма. Феодально-крепостническая система, мешала развитию в России сельского хозяйства и промышленности, что хорошо понимали многие представители прогрессивного дворянства. Наиболее радикальным конституционным проектом декабристов была «Русская Правда» П.И. Пестеля, предполагавшая уничтожение всех сословных привилегий создание высшего законодательного органа, установление республики и отмену крепостного права. Следующим по значению документом декабризма, была Конституция Н.М. Муравьёва, предполагавшая конституционную монархию в форме федерации, высшим законодательным органом в которой должно было стать двухпалатное Народное Вече. Так же, как и в «Русской Правде» П.И. Пестеля гарантировались с демократические свободы и национальное равенство [12].

Наряду с восстанием декабристов на Сенатской площади, крестьянские волнения и европейские революции 20-30 гг. XIX вв., охлаждали и без того достаточно умеренный реформаторский пыл верховной власти. В дальнейшем, с постепенно нараставшим кризисом феодально-крепостнической системы и развитием буржуазно-капиталистических отношений, техническим и экономическим отставанием России от передовых стран Западной Европы необходимость конституционных преобразований стала всё более острой, но власть не была готова к радикальной модернизации политических институтов. Лишь под давлением общественности, в условиях революционной ситуации, начавшейся после русско-турецкой войны 1877 - 1878 г., самодержавная монархия идёт на рассмотрения вопроса о возможной конституции. Проект министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова, предполагал создание временного законосовещательного, представительства, что позволяло привлекать общественность для управления страной, пусть и в достаточно ограниченной форме. Однако даже эти достаточно, умеренные шаги в сторону демократизации и конституционализма, так и не смогли реализоваться. Пришедший к власти после смерти Александра II, его сын Александр III, сразу же стал проводить консервативную политику и проект конституции отверг [1].

Между тем, идею о необходимости широкомасштабных преобразований к началу XX вв. уже разделяли всё более широкие круги общества. К этому подталкивала и общемировая тенденция на конституционализм,

даже в рамках монархического способа правления. Если к концу XVIII в., Конституцией обладали лишь США и революционная Франция, то уже к концу XIX столетия, Конституцией обзавелись Норвегия, Бельгия, Нидерланды, Германия, а в Англии уже сложилась характерная традиция сильного парламентаризма. Конституционный строй во всех этих странах становился необходимостью на определённых этапах развития капитализма. В то время как, в Российской Империи власть императора, так и оставалась неограниченной, вплоть до событий, Первой русской революции 1905 - 1907 гг. До того момента документы конституционного содержания существовали, как правило, в форме проектов, неизвестных большинству населения. Революционные события во многом стимулировали общественную мысль относительно вопроса о конституционализме и демократизации политической системы. Манифест от 17 октября 1905 г. впервые провозглашал на территории России ряд демократических свобод, а также законодательную Думу. А изданные в апреле 1906 г. «Основные государственные законы», закрепляли демократические свободы, принцип организации государственных учреждений, порядок законодательства. Это позволило ряду исследователей трактовать данный документ как Конституцию.

Правление Временного правительства, ознаменовало собой переходный этап, разделяющий монархический и советский период развития конституционализма. Однако в связи с приходом к власти большевиков, конституционные замыслы Временного правительства, так и остались нереализованными [12].

Принятая в 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов конституция РСФСР, характеризовала собой шаг в сторону новой общественной формации, не существовавшей до этого момента, не только в российской практике, но и в общемировой. Советский этап развития конституционализма характеризовался, отрицанием всего прежнего опыта конституционного развития царской России, а также колоссальным влиянием идей немецких философов XIX века К. Маркса и Ф. Энгельса, говоривших о классовым характере государства и о прогрессивном характере истории. Советская система, провозглашавшая себя высшей формой демократии, строилась на принципах далёких от либеральных представлений о конституционализме.

Приход к власти большевиков во главе с В.И. Лениным сопровождался агитацией и пропагандой социалистических лозунгов, многие из которых в последующем легли в основу первой Конституции советского государства. Согласно данному документу широкой политической субъектностью стали обладать прежде неимущие группы общества, составлявшие при этом большую часть населения. Из всех последующих Конституций, эта носила самый острый классовый характер, отменяя частную собственность и ли-

шая политических прав и привилегий аристократию, и буржуазию, из опасения использования этих прав в ущерб достижениям социалистической революции. Проводимая в тот момент внутренняя политика во многом основывалась на представлении о пролетариате, как о прогрессивном, революционном классе в связи с чем устанавливалась «Диктатура пролетариата». Многие положения Конституции носили ориентацию на бедующее, это выражалось в том, что в неё включались положения, которые выходили за рамки Советского государства, на тот момент была широко популярна идея мировой революции, которая должна была, согласно представлениям идеологов партии установить новую общественно экономическую формацию в которой не было бы места эксплуатации человека человеком. При этом применение насилия оправдывалось в угоду прогресса.

После окончания гражданской войны, и переходу страны от политики военного коммунизма к политике НЭПа, а также по причине объединения РСФСР с другими социалистическими республиками, появилась необходимость в обновлении действующей конституции. Так на основе Конституции СССР 1924 г. была принята Конституция РСФСР 1925 г, в дальнейшем подобная тенденция на обновление Конституции сначала на всесоюзном масштабе, а затем и на уровне отдельных республик сохранялась в течении всего существования Советского государства, также постепенно шёл процесс все большего слияния конституций СССР с республиканскими, как структурно, так и в отдельных положениях. В связи с подавлением революции в Венгрии и в Германии в 1919 г., а также необходимостью налаживания дипломатических и экономических отношений с капиталистическими странами, тезис о мировой революции, был заменен тезисом о построении социализма в отдельно взятой стране, что отразилось в конституционных документах эпохи. Согласно положениям новой Конституции РСФСР входила в состав СССР на правах республик имевшей право выхода из союза, при этом сама РСФСР, тоже делилась на субъекты, которые имели самостоятельность по ряду вопросов. Высшие всесоюзные органы и их постановления имели приоритет над республиканскими органами [4, 8].

Переход страны от аграрного типа экономики к индустриальной, в конце 1920-х г. первой половине 1930-х г. сопровождался серьёзными демографическими изменениями, ростом образованности, укреплением СССР на дипломатической арене. Во внутренней политике начал воплощаться сталинский курс развития страны. Эти изменения привели к принятию Конституции СССР 1936 г., а затем и Конституции РСФСР 1937 г. Она во многих своих положениях опиралась на предыдущий конституционный опыт советского государства, но в отличии от предыдущих документов конституционного содержания в ней присутствовал ряд норм которых не было в предыдущих конституциях 1918 г., 1924 г. Были отменены статьи,

лишавшие политических прав граждан по социальному признаку, вводилось всеобщее, равное прямое избирательное право, закреплялись права и обязанности граждан, а также говорилось о построенном социализме как новой общественно экономической формации. Главенствующая роль в стране закреплялась за партией большевиков [5, 9].

Необходимость в изменении основного закона страны была продиктована, тем что с момента принятии предыдущей конституции во многих сферах общественной жизни произошел значительный сдвиг от ортодоксальных положений марксистко-ленинского учения в сторону еврокоммунизма, что привело к потребности к адаптации под новые реалии. Самая нестабильная, и последняя по совместительству Конституция СССР 1977 г. служила основанием для принятой в следующем году Конституции РСФСР 1978 г. В первые 10 лет ее существования, она характеризовалась следующим образом: у граждан появились новые права, исчезло понятие «диктатуры пролетариата», которое заменялось понятием общенародного государства, политической субъектностью стал наделяться народ, но при этом тезис о руководящей роли партии, как авангарда советского общества некуда не исчез, впервые устанавливалось, суверенность РСФСР, как государства. В ней всё больше проявлялись общедемократические принципы, характерные для западноевропейских стран.

«Перестройка» начавшаяся в 1985 г. запустила процесс реформирования Конституции, приходивший в конце 1980-х г. Так в РСФСР были приняты законы, менявшие структуру государственной власти, появились новые органы, например, Съезд народных депутатов, за которым закреплялся, перечень законодательных и контрольных функций, именно он занимался изменением конституционного облика страны. Уже к началу 1990-х г. страна окончательно отказалась построения коммунизма, в связи с чем провозглашались принципы характерные для западноевропейских, капиталистических стран. Вместо однопартийной диктатуры, объявлялась многопартийность, политический и экономический плюрализм, признавался принцип разделения властей, не свойственный советскому этапу развития конституционализма. Набиравшие широкую популярность в среде «реформаторов», сепаратистские настроения проявились во время борьбы союзной и республиканских властей, что привело к принятию Декларации о государственном суверенитете, в которой по мимо признания приоритетности законов РСФСР над законами СССР, была поставлена задача создания новой Конституции. Этот процесс в значительной мере, замедлялся, в виду, антагонистического характера мнений, различных представителей верховной власти. Противостояние законодательной и исполнительной власти привело к Октябрьскому путчу 1993 г., в ходе которого Съезд народных депутатов и Верховный Совет были распущены [6, 10].

Принятая в 1993 г. действует с поправками 2020 года, по настоящее время. Современный этап Российского конституционализма характеризовался окончательным переходом к общедемократическим и капиталистическим принципам построения общества. В ней провозглашены защита разных форм собственности и различных категорий граждан независимо от их национальности, вероисповедания, социального статуса и т. д. закрепляла полномочия организацию всех ветвей власти, которые действуют независимо друг от друга. В 2020 г. на всенародном референдуме были приняты поправки в Конституцию, согласно которым, расширились полномочия Президента Российской Федерации, был закреплён приоритет российского права над международным, вводились новые социальные гарантии [1].

Заключение

Конституционализм в России имеет сложную и противоречивую историю. Благодаря этому можно сделать вывод о том, что появление конституционных проектов и документов конституционного содержания всегда отражала определённую стадию развития общественно-экономических отношений, каждый из которых делало вопрос о конституционализме все более острой необходимостью, и ставил проблему конституционализма на совершено новом уровне исходя из интересов различных социальных групп и их взаимодействий. В период Российской Империи конституционные документы носили, как правило статус проектов, провозглашали буржуазно-демократические ценности. Конституции РСФСР составлялись на основе Конституций СССР и провозглашали приоритет классовых интересов, и социалистическую модель построения общества. В современной России Конституция является гарантом стабильных социальных, экономических, политических и правовых отношений в обществе, регулируя деятельность общества на разных уровнях. Конституция является открытым документом, для неё характерна широкая адаптивность и отклик на вызовы времени, т.к. каждое время диктует свои требования, которые должны учитываться и фиксироваться в Конституции т. к. она является главным законом страны.

Библиографический список:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. (Дата обращения: 06.10.2025).

2. История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. / Сост.: С.В. Мироненко. – М.: Политиздат, 1991. 367 с.

3. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики // Конституция РСФСР 1918 г. // URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm. (Дата обращения: 04.10.2025).

4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик // Конституция СССР 1924 г. // URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm. (Дата обращения: 05.10.2025).

5. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик // Конституция СССР 1936 г. // URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm. (Дата обращения: 06.10.2025).

6. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик // Конституция СССР

1977 г. // URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm. (Дата обращения: 07.10.2025).
7. Конституция Российской Федерации // URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution (Дата обращения: 07.10.2025).
8. Конституция РСФСР 1925 г. // URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_(1925)/Редакция_18.11.1926. (Дата обращения: 07.10.2025).
9. Конституция РСФСР 1937 г. // URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР/1937/Редакция_16.07.1938. (Дата обращения: 07.10.2025).
10. Конституция РСФСР 1978 г. // URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_(1978). (Дата обращения: 07.10.2025).
11. Конюхова И.А. История государственного и конституционного права России: учебное пособие для вузов / И.А. Конюхова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. 308 с. // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. // URL: https://urait.ru/bcode/569464 (Дата обращения: 02.10.2025).
12. Медушевский А.Н., ред. Конституционные проекты в России XVIII начала XX вв.. - изд. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 640 с.
13. Особенности развития отечественной конституционной культуры советского периода // КиберЛенинка. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-otechestvennoy-konstitutsionnoy-kulturysovetskogo-perioda/viewer. (Дата обращения: 05.10.2025).
14. Сериева М.М значение конституции РФ в жизни страны // Форум молодых учёных. 2017. № 8. С. 291-295.
15. Стрекозов В.Г. Конституционное право России: учебник для вузов / В.Г. Стрекозов. 9-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. 282 с. // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. // URL: https://urait.ru/bcode/559698 (Дата обращения: 04.10.2025).
16. Долгенко А.Н., Мурашко С.Ф., Рудакова С.В. Деловая игра как форма активного обучения // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 28-33.

Reference

1. “Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. (06.10.2025).
2. History of the Fatherland: People, Ideas, Decisions. Essays on the History of Russia from the 9th to the Early 20th Centuries / Comp.: S.V. Mironenko. – Moscow: Politizdat, 1991. 367 p.
3. Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic // Constitution of the RSFSR of 1918 // URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm. (04.10.2025).
4. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics // Constitution of the USSR of 1924 // URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm. (05.10.2025).
5. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics // Constitution of the USSR of 1936 // URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm. (06.10.2025).
6. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics // Constitution of the USSR of 1977 // URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm. (07.10.2025).
7. Constitution of the Russian Federation // URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution (07.10.2025).
8. Constitution of the RSFSR of 1925 // URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_(1925)/Рредакция_18.11.1926. (07.10.2025).
9. Constitution of the RSFSR of 1937 // URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Конструкия_РСФСР/1937/Рредакция_16.07.1938. (07.10.2025).
10. Constitution of the RSFSR of 1978 // URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_(1978). (07.10.2025).
11. Konyukhova I.A. History of State and Constitutional Law of Russia: a textbook for universities / I.A. Konyukhova. - 2nd ed., revised and enlarged. – Moscow: URAYT Publishing House, 2025. 308 p. // URAYT Educational Platform [website]. // URL: https://urait.ru/bcode/569464 (02.10.2025).
12. Medushevsky A.N., ed. Constitutional Projects in Russia of the 18th - Early 20th Centuries. - ed. – Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2010. 640 p.
13. Features of the Development of Domestic Constitutional Culture of the Soviet Period // CyberLeninka. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-otechestvennoy-konstitutsionnoy-kultury-sovetskogo-perioda/viewer. (05.10.2025).
14. Serieva M.M. The Importance of the Constitution of the Russian Federation in the Life of the Country // Forum of Young Scientists. 2017. № 8. P. 291-295.
15. Strekozov V.G. Constitutional Law of Russia: Textbook for Universities / V.G. Strekozov. 9th ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 282 p. // Yurait Educational Platform [website]. // URL: https://urait.ru/bcode/559698 (10.04.2025).
16. Dolgenko A.N., Murashko S.F., Rudakova S.V. Business game as a form of active training // Etnosotsium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 28-33.

Теммоев И.Ю.
Кандидат политических наук, доцент. Кабардино-Балкарский аграрный университет имени В.М. Кокова.

Аккиева С.И.
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарский научный центр РАН. Дин, внс. сектора этнологии и этнографии.

Административные и судебные реформы в пореформенный период в Терской области (на примере Балкарии)*

Аннотация. Статья посвящена исследованию административных и судебных реформ, проводимых в пореформенный период (60-70-е годы XIX века) в Терской области, на примере Балкарии. Рассматривается процесс реформирования административного управления, включая создание и функционирование сельских обществ и волостей, а также влияние судебной реформы на традиционные правовые институты балкарского общества. Особое внимание уделяется анализу проблем, возникавших в процессе реализации реформ, с учетом социокультурных особенностей региона. Исследование базируется на архивных материалах, законодательных актах и этнографических источниках, что позволяет выявить как общие тенденции, характерные для реформ в Российской империи, так и специфические черты, обусловленные местными условиями.

Ключевые слова: административные реформы, судебная реформа, Терская область, Балкария, пореформенный период, сельские общества, волости, традиционное право, адаты, Северный Кавказ.

Temmoev I.Y.
Candidate *of Political Sciences, Associate Professor. V.M. Kokov Kabardino-Balkarian Agrarian University.*

Akkieva S.I.
Institute of Humanitarian Research – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Department of Ethnology and Ethnography, Higher Scientific Research Department.

* © Теммоев И.Ю., Аккиева С.И., 2025.

Administrative and judicial reforms in the post-reform period in the territory of the Terek region (based on the example of Balkaria)

Abstract. The article is devoted to the study of administrative and judicial reforms carried out in the post-reform period (the 1860s and 1870s) in the Terek region, using the example of Balkaria. It examines the process of reforming administrative management, including the creation and functioning of rural societies and volosts, as well as the impact of judicial reform on the traditional legal institutions of Balkarian society. Special attention is given to analyzing the challenges that arose during the implementation of the reforms, taking into account the socio-cultural characteristics of the region. The study is based on archival materials, legislative acts, and ethnographic sources, which allows us to identify both general trends characteristic of reforms in the Russian Empire and specific features determined by local conditions.

Key words: administrative reforms, judicial reform, Terek region, Balkaria, post-reform period, rural societies, volosts, traditional law, adats, North Caucasus.

Введение

Реформы 60-70-х годов XIX века стали важным этапом в истории Российской империи, затронувшим все сферы жизни общества, включая административное устройство и судебную систему отдаленных регионов. Особый интерес представляет процесс интеграции в общероссийское правовое поле тех территорий, которые сохраняли традиционные формы организации и управления. Терская область, в силу своего геополитического положения и этнической пестроты, являлась одним из таких регионов. В этой связи, исследование административных и судебных реформ в пореформенный период в Терской области, на примере Балкарии, представляется актуальным и значимым для понимания особенностей модернизационных процессов на Северном Кавказе. Изучение опыта преобразований в Балкарии позволит выявить как общие тенденции, характерные для реформ в империи, так и специфические черты, обусловленные местными условиями.

Целью данного исследования является комплексный анализ административных и судебных реформ, проводимых в пореформенный период в Терской области, на примере Балкарии.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению административных и судебных реформ в Балкарии пореформенного периода. Впервые предпринята попытка систематизировать и проанализировать широкий круг источников, комплексно изучить трансформацию административного управления и судебной системы в регионе,

а также выявить специфические проблемы, возникавшие в процессе интеграции традиционного общества в общероссийское правовое поле.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использованы, опубликованные законодательные акты Российской империи, материалы периодической печати, этнографические описания и научные публикации по данной теме. Методологической основой исследования является принцип историзма, позволяющий рассмотреть изучаемые явления в их развитии и взаимосвязи. При анализе источников применялись методы историко-сравнительного анализа, системного подхода, а также методы статистической обработки данных. Использование комплекса указанных методов позволило всесторонне исследовать заявленную проблематику и сформулировать обоснованные выводы.

Результаты и обсуждения

1. Реформирование административного управления в Балкарии: создание и деятельность сельских обществ и волостей

Основным звеном новых административных единиц в Балкарии стали сельские общества и волости. Создание сельских обществ было призвано заменить существовавшие ранее формы общинного самоуправления, основанные на родовых связях и обычном праве. Согласно новым положениям, сельское общество формировалось на основе территориального принципа и включало в себя несколько аулов, объединенных общими экономическими интересами и административными задачами. К компетенции сельского общества относились вопросы землепользования, сбора налогов, поддержания общественного порядка и решения мелких споров. Для управления сельским обществом избирался сельский старшина, ответственный перед вышестоящими административными органами.

Волости, в свою очередь, представляли собой более крупные административные единицы, объединявшие несколько сельских обществ. Волостное управление осуществлялось волостным старшиной и волостным правлением, в состав которого входили представители от каждого сельского общества. В компетенцию волостного правления входили вопросы, касающиеся межобщинных отношений, организации общественных работ, решения более сложных споров и поддержания связи с уездной администрацией. Волостное правление также отвечало за сбор налогов и отправку рекрутов на военную службу [8, с. 96].

Однако, процесс внедрения новых административных структур в Балкарии столкнулся с рядом трудностей. Во-первых, традиционные формы самоуправления, основанные на родовых связях и авторитете старейшин,

сохраняли значительное влияние на жизнь горского общества. Многие вопросы, которые по закону должны были решаться сельским или волостным управлением, по-прежнему решались старейшинами на основе обычного права. Это приводило к дублированию функций и конфликтам между новыми и традиционными институтами власти.

Во-вторых, создание сельских обществ и волостей не учитывало в полной мере этническую и социальную структуру балкарского общества. В некоторых случаях в состав одного сельского общества включались аулы, принадлежавшие к разным родам, что приводило к внутренним разногласиям и конфликтам. Кроме того, новые административные структуры не предусматривали механизмов учета интересов различных социальных групп, что создавало условия для злоупотреблений со стороны сельских и волостных старшин.

В-третьих, эффективность деятельности сельских обществ и волостей во многом зависела от квалификации и добросовестности административных кадров. Однако, в условиях дефицита образованных людей из числа коренного населения, на должности сельских и волостных старшин часто назначались люди, не имевшие необходимого опыта и знаний. Это приводило к некомпетентности, коррупции и снижало доверие населения к новым административным структурам.

На наш взгляд, несмотря на все сложности и недостатки, реформирование административного управления в Балкарии оказало значительное влияние на развитие региона. Создание сельских обществ и волостей способствовало некоторой централизации власти, унификации административных процедур и интеграции горского населения в общероссийскую систему управления [9, с. 75]. Новые административные структуры стали площадкой для взаимодействия между местным населением и центральной властью, что способствовало решению многих социальных и экономических проблем. Вместе с тем, процесс внедрения новых административных институтов в Балкарии был сложным и противоречивым, что свидетельствует о необходимости учитывать социокультурные особенности региона при проведении любых реформ. Недооценка этих особенностей, в свою очередь, приводила к сопротивлению населения, снижению эффективности управления и усилению социальной напряженности.

2. Судебная реформа и ее влияние на традиционные правовые институты Балкарии

Судебная реформа 1864 года, одна из ключевых либеральных реформ Александра II, имела целью кардинально изменить судебную систему Российской империи, сделав ее более справедливой, прозрачной и современной. Разрабатывалась она с учетом передовых европейских практик и

должна была распространиться на все территории империи, включая и отдаленные регионы, как Терская область и, в частности, Балкария. Однако введение новых судебных институтов в Балкарии столкнулось со значительными трудностями, связанными с сохранением традиционных правовых норм и институтов, существовавших в горском обществе на протяжении веков [3, с. 50].

Традиционная правовая система Балкарии основывалась на адате – своде обычного права, передаваемого из поколения в поколение. Адаты регулировали практически все аспекты жизни общества, включая имущественные отношения, семейные споры, уголовные преступления и вопросы чести. Судебные функции выполняли старейшины родов или специально избранные судьи – кадии, которые, опираясь на знание адатов и мнение общины, выносили решения по спорным вопросам [4, с. 158]. Судебный процесс носил устный характер, а приоритет отдавался примирению сторон и восстановлению социальной гармонии.

Судебная реформа 1864 года вводила в Балкарии новую систему судов, основанную на принципах гласности, состязательности и независимости. Вместо старейшин и кадиев должны были функционировать мировые суды и окружные суды, рассматривавшие уголовные и гражданские дела на основе общероссийского законодательства. Вводился институт адвокатуры, предоставлявший юридическую помощь населению. Однако, внедрение новой судебной системы в Балкарии шло медленно и болезненно.

Одной из основных проблем стало противоречие между общероссийским законодательством и адатами. Многие нормы обычного права, такие как кровная месть, левират, умыкание невесты, противоречили уголовному и гражданскому кодексам Российской империи. Это создавало коллизии и затрудняло применение нового законодательства на практике. Местные жители, привыкшие к адатам, часто не доверяли новым судам и предпочитали решать споры традиционными способами.

Другой проблемой была нехватка квалифицированных кадров. Для работы в мировых и окружных судах требовались юристы, знающие как общероссийское законодательство, так и местные обычаи. Однако, таких специалистов было крайне мало, что приводило к низкому качеству судопроизводства и злоупотреблениям [6, с. 233]. Кроме того, многие судьи и чиновники не знали местных языков, что затрудняло общение с населением и понимание сути дел.

Влияние судебной реформы на традиционные правовые институты Балкарии было неоднозначным. С одной стороны, введение новых судов способствовало распространению правовой грамотности и защите прав населения. Многие горцы обращались в мировые и окружные суды для решения имущественных и других споров, что свидетельствовало о по-

степенном принятии новой судебной системы. С другой стороны, адаты продолжали сохранять значительное влияние в жизни горского общества. Многие уголовные преступления, особенно те, которые были связаны с нарушением чести и адата, по-прежнему решались на основе обычного права, а не на основе уголовного кодекса.

Важно отметить, что судебная реформа не привела к полному вытеснению традиционных правовых институтов в Балкарии. Скорее, произошло их сосуществование и взаимодействие. Новые суды постепенно внедрялись в жизнь общества, но адаты продолжали оказывать влияние на правосознание и поведение людей. Это выражалось в том, что даже если дело рассматривалось в суде, стороны стремились к примирению и достижению компромисса, как это было принято в традиционной системе [5, с. 91].

В заключение, судебная реформа 1864 года в Балкарии стала важным этапом в процессе интеграции горского общества в общероссийское правовое пространство. Однако, введение новых судебных институтов столкнулось с рядом трудностей, связанных с сохранением традиционных правовых норм и институтов. Судебная реформа не смогла полностью вытеснить адаты, но способствовала их постепенному вытеснению из общественной жизни. В результате, в Балкарии сложилась уникальная правовая система, сочетавшая в себе элементы общероссийского законодательства и традиционного обычного права [7, с. 47]. Изучение этого процесса имеет важное значение для понимания особенностей модернизации и интеграции отдаленных регионов в многонациональное государство.

3. Проблемы реализации административных и судебных реформ в контексте социокультурных особенностей Балкарии

Реализация административных и судебных реформ в пореформенный период (60-70-е гг. XIX века) в Балкарии, этнокультурно своеобразном регионе Терской области, представляла собой сложный и многогранный процесс, характеризующийся столкновением имперской модернизационной политики и укоренившихся традиций горского общества. Эффективность внедрения новых институтов и принципов управления зависела не только от законодательной базы и административного ресурса, но и от способности учитывать и адаптироваться к местным социокультурным реалиям. Анализ проблем, возникавших в процессе реализации реформ, позволяет выявить ключевые факторы, определявшие их успех или неудачу в контексте Балкарии.

Первостепенной проблемой являлось столкновение новых административных структур с традиционными формами самоуправления. Балкарское общество, организованное на основе родовых связей и общинных принципов, имело свои собственные механизмы регулирования социаль-

ных отношений, распределения ресурсов и разрешения конфликтов. Институт старейшин, обладавший непререкаемым авторитетом, играл ключевую роль в принятии решений и поддержании порядка. Введение сельских обществ и волостей, с их выборными должностями и формализованными процедурами, часто воспринималось как навязывание чуждых и непонятных институтов, подрывающих традиционную систему власти [2, с. 39]. Местные жители, привыкшие к решению вопросов через совет старейшин и адаты, зачастую игнорировали новые административные органы, предпочитая сохранять привычные формы управления и правосудия. Это создавало параллельные структуры власти, вступавшие в конкуренцию и подрывавшие авторитет реформированных институтов.

Существенным препятствием на пути успешной реализации судебной реформы являлось противоречие между имперским законодательством и адатным правом. Балкарское общество руководствовалось адатами – неписаным сводом обычного права, регулировавшим широкий спектр общественных отношений, от имущественных споров до уголовных преступлений. Многие нормы адата, такие как кровная месть, левират, умыкание невесты, не соответствовали общероссийскому законодательству и воспринимались имперскими властями как пережитки варварства. Попытки заменить адатное право общероссийским правом встречали сопротивление со стороны местного населения, приверженного своим традициям и считавшего адаты более справедливыми и соответствующими их образу жизни [10, с. 201]. Кроме того, введение формализованных судебных процедур, с участием адвокатов и присяжных заседателей, было чуждо горскому менталитету, ориентированному на примирение сторон и восстановление социальной гармонии, а не на формальное установление вины и наказание.

Недостаточность квалифицированных кадров, знакомых с местными условиями, также являлась серьезной проблемой. Для эффективного функционирования новых административных и судебных органов требовались чиновники и судьи, знающие не только общероссийское законодательство, но и местные обычаи, языки и культуру. Однако, таких специалистов было крайне мало, особенно из числа коренного населения. На должности сельских и волостных старшин, а также судей зачастую назначались люди, не имевшие необходимой квалификации и опыта, что приводило к некомпетентности, злоупотреблениям и коррупции [1, с. 111]. Кроме того, незнание местного языка создавало дополнительные трудности в общении с населением и понимании сути дел.

Экономические факторы также играли немаловажную роль. Реформы требовали значительных финансовых затрат на содержание новых административных органов, строительство зданий судов и тюрем, выпла-

ту зарплаты чиновникам и судьям. Однако, экономическое положение Балкарии, остававшейся преимущественно аграрным регионом, было тяжелым, а центральные власти не всегда выделяли достаточно средств на реализацию реформ.

Нельзя не учитывать и политический контекст. Территория Балкарии, как и других регионов Северного Кавказа, включилась относительно недавно в политико-административную систему Российской империи, и ломка традиционной основы самоуправления воспринимался местным населением с пассивным сопротивлением реформам, уклонение от уплаты налогов и игнорирование новых административных и судебных органов.

Выводы

Исследование административных и судебных реформ в пореформенный период в Терской области, на примере Балкарии, позволило комплексно оценить влияние общероссийских преобразований на жизнь горского общества и выявить как общие тенденции, так и уникальные особенности этого процесса. Анализ архивных материалов, законодательных актов и этнографических источников дает основание утверждать, что реформы стали важным, но противоречивым этапом в истории региона.

Реформирование административного управления в Балкарии, выразившееся в создании сельских обществ и волостей, свидетельствовало о стремлении центральной власти унифицировать систему управления на всей территории империи. Однако, внедрение новых административных структур столкнулось с рядом препятствий, обусловленных социокультурными особенностями горского общества. Традиционные формы организации, основанные на родственных связях и обычном праве, не всегда гармонично интегрировались в новые структуры. Это приводило к конфликтам, недопониманию и снижало эффективность административного управления на местах. Несмотря на усилия властей по внедрению европейских принципов, традиционные институты самоуправления сохраняли значительное влияние в жизни балкарского общества.

Судебная реформа, направленная на создание независимого и справедливого суда, имела неоднозначные последствия для Балкарии. С одной стороны, она способствовала развитию правовой грамотности населения и защите его прав. С другой стороны, внедрение новых судебных процедур и отказ от традиционных форм разрешения конфликтов вызвали определенное сопротивление со стороны консервативно настроенной части общества. Особое влияние на судебную систему Балкарии оказывало существование адатов – норм обычного права, которые зачастую противоречили общероссийскому законодательству. В результате, судебная реформа в Балкарии не смогла полностью вытеснить традиционные правовые институты,

что приводило к дуализму в правовой сфере.

Думается, что проблемы реализации административных и судебных реформ в Балкарии были обусловлены не только социокультурными особенностями региона, но и недостаточной подготовкой кадров, отсутствием опыта взаимодействия с горским населением, а также экономическими трудностями. Реформы требовали значительных финансовых затрат, которые не всегда выделялись в полном объеме. Кроме того, местная администрация зачастую не учитывала специфику горской ментальности и не умела находить компромиссы при решении сложных вопросов.

В конце следует отметить, что административные и судебные реформы в пореформенный период в Терской области, на примере Балкарии, явились сложным и противоречивым процессом, отражавшим стремление центральной власти к модернизации и интеграции окраин в общероссийское пространство. Несмотря на определенные успехи, реформы не смогли полностью сломать традиционные формы организации и управления, что свидетельствует о необходимости учитывать социокультурные особенности региона при проведении любых преобразований.

Библиографический список:

1. Абазов А.Х. Материалы сельских судов как источник изучения обычного права кабардинцев в последней трети XIX - начале XIX. // Правовая политика правовая жизнь, 2013. № 4. С. 110-114.
2. Выявление взаимосвязей факторов регионального развития методом корреляционного анализа // Научный результат. Экономические исследования. 2022. Т. 8. № 4. С. 36-46.
3. Гордеев С.С., Зырянов С.Г., Ситковский А.М. «Эффект колеи» в пространственном межмуниципальном развитии // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 4 (29). С. 40-55.
4. Лебедева И.Д. Анализ развития малого и среднего предпринимательства на территории Г. Ханты-Мансийска за период 2021-2023 гг / И.Д. Лебедева, С.А. Охранов // Пространственное социально-экономическое развитие территорий: формирование комфортной среды и повышение качества жизни населения : Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием XV Международного IT-форума с участием стран БРИКС и ШОС, Ханты-Мансийск, 18–19 июня 2024 года. – Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2024. С. 156-160.
5. Маркварт Э., Безвербный В.А., Ситковский А.М. Пространственное сжатие территорий Российской Федерации: понятие, критерии, система показателей // Города будущего: пространственное развитие, соучаствующее управление и творческие индустрии. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. С. 63-93.
6. Нестеренко Л. С. Особенности реализации судебной реформы 1864 г. На территории Северного Кавказа// Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 5. С. 233.
7. Нухрикян Е.С. Традиции и новации в деятельности судебных органов на территории Карачая и Балкарии в пореформенный период (60-е гг. XIX В. - начало XX В.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология, 2016. С. 44-48.
8. Политика развития малых городов: уроки зарубежного опыта для России // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2024. Т. 21. № 3 (135). С. 92-104.
9. Сердюк А. В. Проведение судебной реформы 1864 года на Северном Кавказе на примере Кабарды и Балкарии // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал, 2014. С. 73-75.
10. Ситковский А.М. Система расселения Чувашской Республики: Чебоксарская агломерация // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. № 6. С. 189-203.
11. Борисов А.Н. Влияние целей устойчивого развития тысячелетия ООН на развитие регионов России Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 64-80.

Reference

1. Abazov A.Kh. Materials of rural courts as a source for studying the customary law of Kabardians in the last third of the 19th - early 19th century. // Legal policy, legal life, 2013. № 4. P. 110-114.
2. Identifying the interrelations of regional development factors using the correlation analysis method // Scientific result. Economic research. 2022. Vol. 8. № 4. P. 36-46.
3. Gordeev S.S., Zyryanov S.G., Sitkovsky A.M. "Path dependence" in spatial inter-municipal development // Municipality: economy and management. 2019. № 4 (29). P. 40-55.
4. Lebedeva I.D. Analysis of the development of small and medium-sized businesses in the city of Khanty-Mansiysk for the period 2021-2023 / I.D. Lebedeva, S.A. Okhranov // Spatial socio-economic development of territories: formation of a comfortable environment and improvement of the quality of life of the population: Collection of materials of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation of the XV International IT Forum with the participation of the BRICS and SCO countries, Khanty-Mansiysk, June 18-19, 2024. – Khanty-Mansiysk: Yugra State University, 2024. P. 156-160.
5. Markvart E., Bezverbny V.A., Sitkovsky A.M. Spatial compression of the territories of the Russian Federation: concept, criteria, system of indicators // Cities of the future: spatial development, participatory management and creative industries. – Moscow: Publishing House "Delo" RANEPA, 2021. P. 63-93.
6. Nesterenko L.S. Features of the implementation of the judicial reform of 1864 in the North Caucasus // Gaps in Russian legislation. 2011. № 5. P. 233.
7. Nukhrikyan E.S. Traditions and innovations in the activities of judicial bodies in the territory of Karachay and Balkaria in the post-reform period (1860s - early 20th century) // Bulletin of Adyghe State University. Series: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies, 2016. P. 44-48.
8. Small towns development policy: lessons from foreign experience for Russia // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. 2024. Vol. 21. № 3 (135). P. 92-104.
9. Serdyuk A. V. Implementation of the 1864 Judicial Reform in the North Caucasus on the Example of Kabarda and Balkaria // Gaps in Russian Legislation. Law Journal, 2014. P. 73-75.
10. Sitkovsky A.M. Settlement System of the Chuvash Republic: Cheboksary Agglomeration // Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Social and Economic Sciences. 2022. Vol. 15. № 6. P. 189-203.
11. Borisov A.N. Impact of the UN millennium development goals on the development of Russian regions // Etnosotsium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 64-80.

Заббарова Л.М.
Кандидат исторических наук, доцент. Российский государственный университет правосудия.

Тухватулин А.Х.
Кандидат исторических наук, доцент. Казанский федеральный университет.

Костина Е.Н.
Кандидат философских наук, старший преподаватель. Российский государственный университет правосудия.

Историография татар Южного Урала*

Аннотация. В статье приводится обзор исторических и историографических источников, посвященных исследованию народов Южного Урала и, в частности, татарского населения. Освещены источники и методологические основания исследований истории татар и башкир в Уральском регионе в разные исторические периоды.

Ключевые слова: историография, Уральский регион, Южный Урал, татары, башкиры, Россия.

Zabbarova L.M.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Social and Humanitarian Disciplines. Russian State University of Justice.

Tuhvatullin A.H.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Kazan Federal University.

Kostina E.N.
Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Social and Humanitarian Disciplines Russian State University of Justice.

Historiography of the Tatars of the Southern Urals

* © Заббарова Л.М., Тухватулин А.Х., Костина Е.Н., 2025.

Abstract. This article provides a review of historical and historiographical sources devoted to the study of the peoples of the Southern Urals, and in particular, the Tatar population. It highlights the sources and methodological foundations of Tatars and Bashkirs history in the Ural region research in various historical periods.

Key words: historiography, Ural region, Southern Urals, Tatars, Bashkirs, Russia.

Историография Южного Урала прослеживается с античных времен. Так, Геродот (V в. до н. э.), традиционно называемый «отцом истории», на основании сообщений купцов приводит данные о традициях, нравах и ценностях народов Приуралья, описывая в IV книге «Истории» путь от Северное Причерноморья к Южному Уралу [2].

Исторические источники Древней Руси - летописи также повествуют об обычаях населения Урала, упоминая о торговле со славянскими народами и о походах из Владимира, Новгорода и Московского княжества в Зауралье и Прикамье. В «Повести временных лет» Нестора обнаруживаются первые данные о населении Урала: история Гюряты Роговича о походе 1096 года в Печору [14].

В жизнеописании Стефана Пермского (конец XIV в.) и Трифона Вятского (XVI в.) описывается распространение христианства и церковное просвещение среди народов Приуралья; историография Приуралья в этот период представлена в этнически аутентичных источниках – шежере, в которых были отражены семейные истории татар и башкир, раскрывающие общий исторический контекст интеграции народов Южного Урала в состав России.

Сибирские и уральские летописи 1620-1640х гг. описывают экспедицию Ермака во второй половине XVI в., положившую начало покорения Сибири и дальнейшее присоединение сибирских земель к Русскому государству.

Как было отмечено нами в статье «К вопросу об особенностях миграционных процессов татар в Приуралье и Южном Урале в XVIII в.», «со второй половины XVI века территория Среднего и Южного Урала становится местом притяжения активных миграционных процессов, в результате которых здесь сформировались современные этнические группы татар» [6, с. 12]. Вопросы миграции на территориях Приуралья и Урала освещали такие ученые, как Д.М. Исхаков, Ю.И. Смыков, Р.Г. Кузеев и др.

Первая половина XVIII века характеризуется существенными трансформациями в металлургической промышленности Урала, у истоков развития региона стоят становятся такие важные государственные представители, как В.Н.Татищев и В.де Геннин, развивавшие горнозаводское дело.

Важным источниковедческим фундаментом для последующих исследований Южного Урала внесли исследователи академических экспедиций XVIII века: Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, И.К. Кириллов, И.Г. Гмелин, И.К. Кириллов, И.Г. Гмелин, И.И. Лепехин, И.П. Фальк.

История Урала в первой половине XIX века становится темой изучения историков В.Н. Берха и Г.И. Спасского, раскрывающих существенно источники - летописные и документальные материалы периода XVI–XVII веков, связанные с освоением края.

Середина XIX ознаменована существенным расширением тематического круга исследований (это краеведческие и этнографические исследования), созданием и установлением научных институтов, сообществ и музеев, систематизировавших имевшиеся знания.

Например, в этот период в Оренбурге создается отделение этнографии Русского географического общества (1868 г.), в 1870м году организовывается Уральское общество любителей естествознания, губернские ученые архивные комиссии (Оренбургская — 1887, Пермская — 1888, Вятская — 1904, Уфимская — 1916), краеведческие общества и музеи. Реформы 1861 года повлияли на подготовку фундаментальных историко-статистических трудов по Вятской и Пермской губерниям, по Уральскому казачьему войску. В.М. Черемшанский опубликовал многотомный материал по Оренбургской губернии, включающий этнографию, историю, статистику, экономику. Научные издания края представлены в следующих сборниках: «Пермский сборник» (1859–1860, кн. 1–2), «Сборник Пермского земства» (т. 1–34), «Записки УОЛЕ» (1873–1927, т. 1–40) и исследования губернских ученых архивных комиссий.

Октябрьская революция 1917 года на Урале внесла качественные изменения в развитии новых научных центров. С 1920-х годов происходит активное становление уральского краеведения. Открытие исторического факультета в Уральском государственном университете в 1930-е годы привело к существенным переменам в становлении ураловедения, образованию исторических кафедр в высших учебных заведениях края.

Конечно, эпоха 1930-х годов оказала существенное влияние на историческую науку, прежде всего марксистско-ленинская идеология, с формационным подходом, который обозначал классовую борьбу и ведущий способ производства (соотношение производительных сил и производственных отношений) в качестве источника исторического движения. Активное идеологическое давление на исследователей по истории Урала, политизация привели к искажениям и фальсификации исторических фактов в интересах идеологической конъюнктуры.

Однако важным представляется отметить и несомненные достижения

советской историографии: в 1963 и 1977 году издается труд «История Урала», затем коллективные исследования по истории Башкирии (1956–1959) и Удмуртии (1958), а также такие масштабные работы, как «История Урала с древнейших времен до 1861 г.» (1989 г), «История Урала в период капитализма» - 1990, «История народного хозяйства Урала» в 2-х томах - 1988, 1990.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов произошли существенные методологические изменения в исторической науке, связанные с кардинальными общественными переменами: произошёл отказ от прежних идеологических штампов, утвердился методологический плюрализм, расширилась проблематика и обновились исследовательские подходы.

Вместе с тем ряд проблем остаются недостаточно изученными. В частности, история отдельных народов Южного Урала по-прежнему представлена фрагментарными исследованиями; отсутствуют масштабные монографические работы по истории татарского населения региона. Значительная часть исследований по этой проблематике выполнялась и выполняется учёными из Республики Татарстан, в том числе историками и лингвистами.

Сюжеты уральской истории также находили отражение в общемасштабных исследованиях по истории России таких ученых, как С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и П.Н. Милюков.

Дореволюционная историография привнесла фундаментальные результаты в изучении истории Урала до XX века: обширные архивные массивы, что существенно изменило фактологическую базу знаний о прошлом региона. Во многих работах представлены в основном юридико-административный подход к объяснению фактов, освещены события в ракурсе конкретной государственной политики. Некоторые темы охарактеризуются фрагментарно и, надо отметить, не определяют современные профессиональные стандарты исследования.

Особо стоит выделить часть архивных и печатных источников, авторы которых — участники академических экспедиций XVIII–XIX вв.: П.И. Рычков и П.С. Паллас:

1) В работе П.И. Рычкова «Топография Оренбургской губернии» выявлены сведения о отдельных этнографических группах татар, в частности об ичкинских татарах, а также данные о нагайбаках, где указывалось на их происхождение от «магометан» и «идолопоклонников». Эти материалы дают реконструкцию этнографической структуры татарского населения региона, а ткаже при рассмотрении хозяйственных особенностей мещеряков, служилых и ясачных татар Оренбургской губернии [17].

2) Отчёт П.С. Палласа о поездке в юго-восточные губернии России, на

Урал и в Сибирь (1768–1774 гг.) содержит, помимо минералогических наблюдений, также этнографические и топографические заметки. Из этого источника выделяются фрагменты, касающиеся поселений ичкинских татар и мещеряков, что позволяет уточнить их расселение и характеристики населённых пунктов [13].

3) Печатный справочник «Список населённых пунктов Челябинского уезда», изданный уездным земством в г. Челябинске в 1916 г. и хранящийся в Государственном архиве Челябинской области, содержит статистические сведения о населённых пунктах уезда, преимущественных занятиях жителей, числе молитвенных домов (мечетей и медресе). Данный источник раскрывает расселение ичкинской группы татар на территории Челябинского уезда [3].

4) Из архивных материалов особую ценность представляет метрическая книга с. Кунашака за 1904 г., где фиксируются сведения о мишарской группе татар Шадринского уезда: регистрации браков и рождений, количестве умерших в году с указанием причин смерти, сведения о мечетях и духовенстве (дата и лицо утверждения на должность, место получения образования). Эти данные служат источником демографической и социальной информации о данной этнографической группе [4].

5) Печатный «Список населённых пунктов Уральской области (Златоустовский, Ишимский, Курганский, Свердловский, Троицкий, Тюменский, Челябинский и Шадринский округа)», изданный по постановлению президиума Уральского исполнительного комитета 1 мая 1927 г., содержит данные о численности населения и национальном составе перечисленных округов и использован при сопоставлении территориального распределения различных татарских групп [5].

Приведённые источники необходимы как для выявления этнографических и демографических характеристик татарских групп региона, так и для верификации и уточнения сведений, полученных из других архивных фондов.

Большое значение в исследовании народов Южного Урала принадлежит Р.Г. Кузееву [7]. Его монография «Народы Среднего Поволжья и Южного Урала» посвящена процессам формирования этнического населения и этнокультурного взаимодействия финно-угорских, тюркских и восточнославянских общностей. Вопросы расселения татарского населения, миграционные процессы и динамика численности татар в значительной мере в работе опираются на исследования Р. Г. Кузеева. В тех случаях, когда позиция Кузеева по проблемам формирования отдельных этнографических групп татар противоречит выводам других исследователей (Д.М. Исхаков, Халиков, Мухаметшин), в настоящем исследовании руководствовались

аргументированными позициями последних. К числу спорных вопросов относится, в частности, проблема происхождения тептяр: Кузеев рассматривает тептяр в культурно-языковом отношении как переходную этнографическую группу между татарами и башкирами.

Важные сведения о пермских татарах, о языковой близости тептярско-башкирской группы к мензелинским и бирским говорам, а также о служилых мещеряках в Екатеринбургском и Шадринском уездах Пермской губернии и в Челябинском уезде Оренбургской губернии приведены в работах Д.Б. Рамазановой [16]. Особое значение для исследования имеют результаты Ф.Ю. Юсупова, изложенные в монографии «Говоры татар Южного Урала и Зауралья» [21]; на её материалы опирались при анализе расселения ичкинских татар, соотнесения сафакульских татар с пермскими татарами, формирования нагайбакских татар. Становление златоустовских татар представлено в исследовании Т. Х. Хайрутдиновой [19].

Особую заслугу в изучении этнографических групп татарского народа имеет Д. М. Исхаков. При анализе формирования этнографических групп нами использованы его работы «Пермь татарлары» [10], Историческая этнография татарского народа [9], а также монография «Этнографические группы Волго-Уральского региона» [11]. В монографии подробно исследуется проблема выделения в структуре этнической общности волго-уральских татар таксонов разных уровней этнокультурного и этнического характера. По сравнению со сборником «Приуральские татары» (см. ниже) монография Исхакова содержит более развернутый анализ критерия выделения этнографических групп и служила опорой при рассмотрении вопросов их формирования и расселения.

Материалы «Историко-этнографического атласа татарского народа» [8] раскрывают этнографические особенности хозяйственной деятельности группы татар Южного Урала. В атласе систематизированы сведения о традиционном хозяйстве, ткачестве, народном костюме и годичном цикле обрядов; рассмотрено влияние природных и социально-экономических факторов на становление историко-культурных ареалов. Методологическое обоснование выделения этноконфессиональных, субэтнических, этнографических и территориальных подразделений народа и их анализ становления – главное содержание атласа.

Дискуссионным на сегодняшний день остается вопрос о статусе татарского населения в этнокультурной структуре Приуралья. Авторы сборника «Приуральские татары» [14] склонны рассматривать территорию Северо-западного Приуралья как частный пример развития татарской культуры, отмечая, что не удается обнаружить существенных культурных, языковых, ценностных отличий между татарами и башкирами этого

региона [14]. Ряд историков-авторов «Историко-этнографического атласа татарского народа» (Ю.Г. Мухаметшин, Р.К. Уразманова, Ф.Ш. Сафина) отмечают, что культура татар Приуральского региона имеет «некую качественную специфику, сводящуюся к ее «смешанности». Правда, Ю.Г. Мухаметшин отмечает «незавершенность» формирования в рассматриваемом ареале «этнографической целостности» [8, с. 60]. Как пишут авторы «Атласа», ученые Н.А. Халиков и С.В. Суслова подчеркивают близость культуры татар Приуралья к этно-культурным особенностям казанский татар, кряшен и мишарей, однако, по мнению исследователей, стоит обратить внимание на их локализованность и «дробность» [8, с. 61].

Тема промыслов в различной степени полноты затрагивалась в исследованиях второй половины XX в. В монографии Н.И. Воробьёва «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» даётся разностороннее, хотя и сжатое описание промысловой деятельности, организации промыслов, порайонной специализации и технологий ремёсел. Вместе с тем в монографии рассматриваются не все территории расселения поволжских татар, а распространение промыслов и ремёсел преимущественно казанских татар на все субэтнические группы представлено чрезмерно обобщённо, что может искажать историческую реальность. У Воробьёва содержится ряд фундаментальных наблюдений о развитии специфических видов ремёсел у сельских татар под влиянием городских мастеров и о склонности мишарей к сторонним заработкам [1]. В целом монография преимущественно описывает промыслы татарских крестьян Казанской губернии и отдельных сопредельных районов; в других историко-этнографических работах вопросы промыслов и ремёсел рассматривались ещё менее полно.

В историко-этнографическом исследовании Р.Г. Мухаммедовой, посвящённом культуре татар-мишарей, отмечено отрицательное влияние приписки мишарей к корабельным лесам Казанского адмиралтейства на их хозяйство, однако промысловая деятельность этой группы в работе практически не освещена [12].

Полнее данная проблема освещена в монографии Ю.Я. Смыкова, где ей посвящена отдельная глава. Однако ограниченность исследования Средним Поволжьем в известной мере не позволяет полностью экстраполировать выводы на Южный Урал и служит скорее основанием для сопоставления и выявления общих тенденций. В работе Ю.Я. Смыкова приводятся данные о численности промыслов и о формах организации различных видов крестьянской промышленности, на основании переписи 1897 г. осуществляет расчеты по вопросу участия татар во внесельскохозяйственной сфере деятельности [18].

Особое внимание заслуживает монография Н.А. Халикова [20]. Автор даёт характеристику этнографических разновидностей промыслов и ремёсел, описывает отдельные технологические приёмы и орудия «промышленности» в рассматриваемый период, а также прослеживает истоки ряда ремёсел. Предпринимается попытка соотнести особенности промысловой деятельности с историей народа и его основных субэтносов — казанских и касимовских татар, а также татар-мишарей. Вместе с тем в работе уделено относительно мало внимания домашнему ремеслу и крупным национальным мануфактурам и фабрично-заводской промышленности.

Изучение исследований этнографических групп татар, анализ миграционных процессов на Южном Урале, в результате которых сформировались различные татарские группы региона представляет значительный интерес для исследователей, прежде всего миграция татар-мишарей и казанских татар из Закамья в Приуралье и на Южный Урал, а также особенности расселения тюркоязычных, финно-угорских и восточнославянских народов на данной территории и причины их переселений.

Библиографический список:

1. Воробьёв Н. И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: 1967. С. 59.
2. Геродот. История в 9 кн. Пер. с греч. и комм. Г.А. Страновский. – М.: Олма-Пресс Инвест, 2004. 640 с.
3. ГА ЧО, ф. 8, оп. 11, ед. хр. 9, л. 20.
4. ГА ЧО, ф. 4–288, оп. 24, ед. хр. 61, л. 34.
5. ГА ЧО, ф. 12, оп. 31, ед. хр. 11, л. 15.
6. Заббарова Л. М., Тухватулин А. Х. К вопросу об особенностях миграционных процессов татар в Приуралье и Южном Урале в XVIII в. // Власть истории – История власти. 2022. № 41. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-osobennostyah-migratsionnyh-protsessov-tatar-v-priuralie-i-yuzhnom-urale-v-xviii-v (Дата обращения: 30.10.2025).
7. Кузеев Р.Г. Этногенетический взгляд на историю / Башк.научн.центр Урал. отд. РАН, инст-т истор., яз. и лит. – М.: Наука, 1992 г.
8. Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань. 2002. 248 с.
9. Исхаков Д.М. Историческая этнография татарского народа. Казань, 1990.
10. Исхаков Д.М. Пермь татарлары // Казан утлары, 1991. № 8. С. 171-180.
11. Исхаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). – Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 1993.
12. Мухаммедова Р. Г. Татары-мишари: историко-этнографическое исследование. – М.: 1972.
13. Паллас П.С. Путешествия по разным местам Российского государства. Ч. 2. Кн. 2. – СПб.: 1786.
14. Приуральские татары. – ИЯЛИ им. Ибрагимова КНЦ АН СССР, 1990.
15. Повесть Временных лет. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 404 с.
16. Рамазанова Д.Б. К вопросу о формировании говора пермских татар. – Казань, 1996.
17. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Ч. 1. – Оренбург, 1887.
18. Смыков Ю.Я. Некоторые источниковедческие и статистические проблемы изучения Среднего Поволжья периода капитализма. – Казань, 1971.
19. Хайрутдинова Т.Х. Говор Златоустовских татар. – Казань, 1985.
20. Халиков Н.А. Промыслы и ремесла татар Поволжья и Урала (сер XIX – нач. XX вв.). / Ин-т истории Академии наук Р.Т., – Казань. 1998. 98 с.
21. Юсупов Ф.Ю. Говоры татар Южного Урала и Зауралья (тат. яз.) – Казань, 1979.
22. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – М.: 1974.
23. Пономаренко А.П. Устойчивое развитие как отличительная черта внешней политики Австрии на современном этапе // Альманах Казачество. 2021. № 47. С. 9-14.
24. Вердиев О.Р., Коломыцев А.С., Радов К.С., Тугарин С.В. Информационно-компьютерное обеспечение органов внутренних дел // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 3 (153). С. 141-145.

Reference

1. Vorobyov N. I. Tatars of the Middle Volga and Ural Regions. – Moscow: 1967. 59 p.
2. Herodotus. History in 9 books. Translated from Greek and commented by G.A. Stranovsky. – Moscow: Olma-Press Invest, 2004. 640 p.
3. GA ChO, f. 8, op. 11, item 9, l. 20.
4. GA ChO, f. 4–288, op. 24, item 61, l. 34.
5. GA ChO, f. 12, op. 31, item 11, l. 15.
6. Zabbarova L. M., Tukhvatulin A. Kh. On the issue of the peculiarities of migration processes of Tatars in the Urals and Southern Urals in the 18th century. // The power of history – The history of power. 2022. № 41. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-osobennostyah-migratsionnyh-protsessov-tatar-v-priuralie-i-yuzhnom-urale-v-xviii-v (Date of access: 10/30/2025).
7. Kuzeev R.G. Ethnogenetic view of history / Bashkortostan Scientific Center Ural. dept. RAS, institute of history, language. and lit. – M.: Nauka, 1992.
8. Historical and ethnographic atlas of the Tatar people. Kazan. 2002. 248 p.
9. Iskhakov D.M. Historical ethnography of the Tatar people. Kazan, 1990.
10. Iskhakov D.M. Perm Tatarlars // Kazan Utlars, 1991. № 8. P. 171-180.
11. Iskhakov D.M. Ethnographic groups of Tatars of the Volga-Ural region (principles of identification, formation, settlement and demography). – Kazan: IYALI AN Tatarstan, 1993.
12. Mukhamedova R. G. Tatars-Mishari: historical and ethnographic study. – Moscow: 1972.
13. Pallas P.S. Travels through Various Places of the Russian State. Part 2. Book 2. – St. Petersburg: 1786.
14. The Ural Tatars. – Ibragimov Institute of Language, Literature and History, KSC USSR Academy of Sciences, 1990.
15. The Tale of Bygone Years. – Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. 404 p.
16. Ramazanova, D.B. On the Formation of the Perm Tatar Dialect. – Kazan, 1996.
17. Rychkov, P.I. Topography of the Orenburg Province. Part 1. – Orenburg, 1887.
18. Smykov, Yu.Ya. Some Source Study and Statistical Problems in the Study of the Middle Volga Region during the Capitalist Period. – Kazan, 1971.
19. Khairutdinova T.Kh. The dialect of the Zlatoust Tatars. – Kazan, 1985.
20. Khalikov N.A. Trades and crafts of the Tatars of the Volga region and the Urals (mid 19th - early 20th centuries). / Institute of History of the Academy of Sciences R.T., Kazan. 1998. 98 p.
21. Yusupov F.Yu. Dialects of the Tatars of the Southern Urals and Trans-Urals (Tat. language) – Kazan, 1979.
22. Kuzeev R.G. Origin of the Bashkir people. Ethnic composition, history of settlement. – M.: 1974.
23. Ponomarenko A.P. Sustainable development as a hallmark of Austrian foreign policy at the present stage // Almanac Cossacks. 2021. № 47. P. 9-14.
24. Verdiev O.R., Kolomytsev A.S., Radov K.S., Tugarin S.V. Information and computer support of internal affairs bodies // Etnosotsium and international culture. 2021. № 3 (153). P. 141-145.

Зубов А.Ю.

Старший преподаватель кафедры №3 «Истории и управления персоналом». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени А.А. Новикова.

Социальный облик офицеров флота Российской Империи в период русско-японской войны 1904-1905 годов*

Аннотация. В статье исследуется социальный облик офицеров российского военно-морского флота периода русско-японской войны 1904-1905 годов на основе комплексного анализа архивных материалов, мемуаров участников войны и исторических исследований, включая работы С.О. Макарова, В.И. Семенова, Е.Р. Егорьева. Установлено, что морские офицеры, преимущественно выходцы из дворянского сословия, характеризовались высокими морально-нравственными качествами, готовностью к самопожертвованию ради Отечества и строгой политической ориентацией на монархию, исключавшей принадлежность к каким-либо партиям. Особое внимание уделено проблемам профессиональной подготовки офицерского состава: выявлено, что система образования в Морском корпусе, несмотря на качественную базовую подготовку в области физических наук и военной тактики, не обеспечивала формирования навыков управления современными боевыми кораблями и не стимулировала стремления к самостоятельному совершенствованию знаний. Проведенный анализ показал, что к началу войны высшее морское руководство демонстрировало существенные пробелы в практических навыках ведения боя, а выпускники Морского корпуса проявляли более низкую мотивацию к службе по сравнению с офицерами, получившими образование в других учебных заведениях. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе социально-профессиональных характеристик морского офицерства на основе широкого круга исторических источников, включая ранее не исследованные архивные документы.

Ключевые слова: русско-японская война, морские офицеры, Морской корпус, Отечество, дворянство, технические навыки, боевая подготовка.

Zubov A.Yu.

Senior lecturer of the Department of History and Personnel Management. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saint Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov".

* © Зубов А.Ю., 2025.

The social appearance of naval officers of the Russian Empire during the Russo-Japanese War of 1904-1905

Abstract. The article examines the social profile of officers in the Russian Navy during the Russo-Japanese War of 1904-1905 based on a comprehensive analysis of archival materials, memoirs of war participants, and historical research, including works by S.O. Makarov, V.I. Semenov, and E.R. Yegoryev. It has been established that naval officers, predominantly from the noble class, were characterized by high moral qualities, a readiness for self-sacrifice for the Fatherland, and a strict political orientation towards the monarchy, which excluded affiliation with any political parties. Particular attention is given to the issues of professional training for the officer corps: it has been revealed that the education system in the Naval Corps, despite providing quality basic training in the fields of physical sciences and military tactics, did not ensure the development of skills for managing modern combat ships and did not encourage a desire for independent knowledge enhancement. The analysis conducted showed that by the beginning of the war, the senior naval leadership demonstrated significant gaps in practical combat skills, and graduates of the Naval Corps exhibited lower motivation for service compared to officers educated in other institutions. The scientific novelty of the research lies in the comprehensive analysis of the social and professional characteristics of the naval officer corps based on a wide range of historical sources, including previously unexamined archival documents.

Key words: Russian-Japanese War, naval officers, Naval Corps, Fatherland, nobility, technical skills, combat training.

Для полноценного уяснения вопроса о социальном облике офицеров флота Российской Империи в период русско-японской войны 1904-1905 годов, необходимо раскрыть термин «социальный облик».

Ю.Д. Коробков в качестве социального облика понимает характеристику социокультурной и психоментальной направленности, которая состоит из этики трудового характера, профессиональных компетенций, а также личных качеств [1, с. 6].

П.Н. Дмитриев, обращаясь к вопросу социального облика, указывает, что это – единство таких характеристик, которые имеют отношение к политическим взглядам личности и производственным компетенциям [2, с. 149].

Основываясь на понимании социального облика, предложенного Коробковым и Дмитриевым, в рамках настоящего исследования полагаем необходимым рассмотреть его, как духовно-нравственные характеристики морских офицеров, принимавших участие в русско-японской войне 1904-1905 гг., так и их профессиональные качества.

Что касается духовно-нравственных качеств, то следует акценти-

ровать внимание на том факте, что большая часть морских офицеров Российской Империи в период начала двадцатого века принадлежала к старой гвардии офицеров, воспитанной в духе морских традиций девятнадцатого века [3].

Необходимо отметить тот факт, что любой офицер в Империи воспитывался монархистом, что справедливо также для морских офицеров. В первую очередь, причина этого заключалась в том, что категория «Отечество» находило отражение в фигуре Царя. Кроме того, текст присяги на верность был составлен таким образом, что Родина и Царь представали в неразрывном единстве, и одно не могло существовать без другого. Еще одна причина заключается в том, что Император руководил всеми вооруженными силами России, будучи «прямым начальником» каждого офицера.

В последнем положении находит отражение тот факт, что воинская служба построена на принципе иерархичности и подчинении высшим чинам, который исходит из идеи командования единоличного характера. В случае, когда лидер выбирается в результате голосования, в котором принимает участие общество, офицер не может безоговорочно служить ему, так как его личное мнение может не соответствовать общественному [4, с. 23].

В свете указанного очевидным представляется следующий факт. Морской офицер, а также любой матрос или солдат не могли принадлежать к политической партии. Необходимо добавить, что воспитание, полученное морским офицером в рамках Морского корпуса, требовало от него безоговорочного слепого подчинения начальству и отсутствия требований чего-либо взамен.

С.О. Макаров, будучи адмиралом, утверждал, что каждый военнослужащий осознает тот факт, что рано или поздно ему придется принести себя в жертву ради Отечества. Когда человек впервые осознает это, то его первая реакция – чувство страха, но с течением времени военнослужащий свыкается с этим [5, с. 1].

Офицерское рыцарство предписывало каждому моряку свыкнуться с мыслью «погибнуть с честью» за «Веру, Царя и Отечество», именно такое понимание своего воинского долга являлось основой офицерского мировоззрения в Российской Империи.

Необходимо говорить о том, что большая часть морских офицеров, принимавших участие в русско-японской войне 1904-1905 гг., получала базовую подготовку в «Морском училище» [6, с. 33]. С этим были связаны как свои минусы, так и плюсы.

Позитивная сторона такой подготовки заключалась в том, что офицеры обладали базовыми представлениями относительно нравственности и

морали, их обучали тактическим хитростям, как правильно пользоваться оружием. Кроме того, необходимо акцентировать внимание на том, что офицеры обладали высоким качеством знаний по следующим дисциплинам: физические науки, геометрия и так далее.

Из минусов необходимо отметить тот факт, что базовая подготовка не предполагала обучение использованию технических новинок, которые появились в начале двадцатого века.

Исследователи отмечают, что проблема обучения нашла отражение в том, что морские офицеры, заступившие на службу перед началом русско-японской войны, ходили в море на новейших кораблях, в то время как в процессе обучения они сталкивались исключительно с устаревшими моделями [7, с. 48]. В результате не все смогли «перестроиться» для несения службы. На основании изложенного необходимо сделать вывод о том, что образовательная система того времени не могла дать морским офицерам главное: желание самостоятельно улучшать свои знания. Кроме того, поступая на военную службу, офицеры руководствовались желанием построить успешную карьеру, не думая о государственных интересах.

Стоит отметить, что указанную проблему в те годы решить образовательное учреждение бы не смогло, так как морские офицеры, в большинстве своем, были дворянами.

Несмотря на то, что командирами кораблей становились офицеры, обладавшие боевым опытом, полученным в предыдущих военных компаниях, прогрессивные достижения техники оставались для них недоступными. Проблема заключалась в том, что после выпуска из Морского корпуса офицеры не демонстрировали желание повышать квалификационные навыки самостоятельно.

Полагаем необходимым обратиться к спискам выпускников, которые составлены на основании образовательных успехов. В день начала боевых действий, в Порт-Артуре, присутствовали тринадцать капитанов первого ранга. Двенадцать из них получили образование в Морском. Пять из выпускников входили в десятку лучших из своего выпуска, двое демонстрировали образовательный уровень выше среднего, пятеро – ниже. Если обратиться к составу офицерского руководства, командовавшего кораблями в ходе сражения в Цусиме, то окажется, что лишь двое из семнадцати являются выпускниками Морского корпуса, двое были худшими в выпуске, остальные не демонстрировали знаний выше среднего [8, с. 121].

О профессиональных компетенциях командования нелестно отзывались очевидцы и участники войны. В качестве примера обратимся к тому, что утверждал князь А.А. Щербатов о командире их корабля [9, с. 5]. Согласно его мнению, дисциплина на судне поддерживалась не командиром первого ранга, а одним из старших офицеров, Берлинском. Причина этого

заключалась в личных качествах командира: этот человек демонстрировал полное отсутствие дисциплинированности, плохо понимал корабельное дело и обращал внимание исключительно на мелочи. Например, на корабле было установлено электрическое освещение, но при этом командир периодически интересовался, каким образом дневальные будут тушить пожар, возникший в результате возгорания от керосиновых ламп.

Указанные факты находят подтверждение в работе Э.Н. Щенсновича, который также приводит свидетельства моряков, принимавших участие в русско-японской войне. В качестве примера обратимся к тому, как отзывался о своем командире бывший мичман, Я.К. Туманов: «Командир нашего судна был человек высоких нравственных принципов, преданно служащий своему Отечеству. Но иногда я жалел его по той причине, что ему не удавалось в полной мере контролировать судно, которое ранее не было испытанно» [10, с. 33].

Необходимо акцентировать внимание на том, что морские офицеры и командиры кораблей не считали нужным вникать в подготовительные предбоевые мероприятия, так как полагали, что это попадает в сферу деятельности офицеров, имеющих соответствующую специальность.

В качестве примера обратимся к броненосцу «Цесаревич», на котором отсутствовали расписания боевого характера, в тексте которых должна содержаться информация о поэтапных действиях личного состава во время тревоги [11, с. 191].

Нежелание командиров кораблей вникать в тонкости боевой службы находят подтверждение в работе Э.Н. Щенсновича, который в качестве примера обращается к событиям, имевшим место на «Ретвизане». Так, на судне отсутствовали таблицы стрельбы, в результате чего было невозможно вносить правки в ход ведения огня.

Необходимо также отметить тот факт, что нижние офицерские чины достаточно критически относились к действиям своего руководства, что также характеризирует социальный облик морских офицеров в период войны 1904-1905 гг. Нельзя говорить о том, что лейтенанты и мичманы представляли собой общую массу с единым мнением относительно действий своих руководителей.

Князь А.П. Чегодаев-Саконский в своем дневнике писал, что в процессе несения службы на корабле его удивляло поведение высшего руководства, так как вместо тренировочных боев и отработки тактических маневров, командир и его приближенные ходят под парусом в качестве развлечения, игнорируя учения на минных катерах и морские бои теоретического характера [12, с. 93].

При этом исследователи отмечают, что офицеры, получавшие образование не в Морском корпусе, относились к службе более ответственно, в

отличие от их коллег.

Необходимо говорить о том, что штаб-офицеры любили ходить на кораблях, но при этом демонстрировали отсутствие компетенции вести на них реальный бой. А.Г. фон Нидермиллер утверждал, что одна из причин поражения русских – уход в оборону взамен открытого боя, причину чего он видел именно в отсутствии практических навыков старшего морского руководства [13, с. 68].

П.Д. Быков в своей работе «Русско-японская война» отзывается о боевой подготовке морского флота Российской Империи перед началом войны следующим образом. По причине того, что имелись недостатки технического характера, а морские базы оказались не готовы к ведению боевых действий на море, личный состав также не был укомплектован в полном объеме и не был подготовлен в достаточной степени. Подготовка высшего руководства свидетельствовала о том, что им не хватает знаний тактического и теоретического характера, в результате чего автор делает вывод о том, что навыки высших офицеров указывают на несоответствие занимаемым должностям [14, с. 323].

По причине того, что существовавшая система комплектования и установленный порядок прохождения морской службы демонстрировали характер хаотичности, представлялось проблематичным выдвигать действительно способных офицеров на руководящие высшие посты.

А.В. Гущин рассматривает навыки российский морских офицеров на примере Чемульпинского боя судна «Варяг» [15, с. 199]. Автор утверждает, что, хотя японцы и не превосходили российский флот ни в количественном, ни в качественном отношениях, в отдельно взятых эпизодах морских сражений они демонстрировали преимущество в вопросах тактики.

Несмотря на то, что российской флот обладал новейшим вооружением, морские офицеры Имперского Флота не были обучены применять его в морском бою. В качестве примера автор обращается к походу второй Тихоокеанской эскадры, в рамках которой офицеры производили демонтаж радиооборудования по причине того, что они не умели управлять немецкой системой «Telefunken».

Указанные факты также подтверждаются тезисами В.А. Алушкина, который указывал на отсутствие навыков и военного образования у морских офицеров, что было особенно заметно по высшему командирскому составу и морскому министерству [16, с. 401].

На основании изложенного приходим к выводу о том, что социальный облик морского офицера времен русско-японской войны 1904-1905 гг. обладал следующими характеристиками:

- морские офицеры обладали высокими морально-нравственными качествами, которые находят отражение в их готовности умереть за Отече-

ство;

- они не могли принадлежать к какой-либо политической партии, так как, согласно тексту присяги, могли служить исключительно Императору;

- большая часть морских офицеров принадлежала к дворянскому сословию;

- к началу войны высшее морское руководство демонстрировало отсутствие практических навыков ведения боя;

- старшие морские офицеры не обладали навыками управления новейшими кораблями;

- выпускники Морского корпуса были хуже мотивированы нежели выпускники других учебных заведений.

Библиографический список:

1. Коробков Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX начало XX вв.). – М.: Слово, 2003. С. 6.
2. Дмитриев П.Н. Социальный облик рабочих Удмуртии в первые десятилетия XX в. // Рабочие в России. – Москва, 2004. С. 149.
3. Материалы фондов РГА ВМФ: документы фондов: Морского корпуса. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 203. // URL: https://rgavmf.ru/fond (Дата обращения: 16.11.2022).
4. Месснер Е., Вакар С., Вербицкий Ф. [и др.]. Российские офицеры. Южно-Американский отдел Ин-та исследования проблем войны и мира имени генерала, профессора Н. Головина. – Буэнос-Айрес, 1954. С. 23-128.
5. Макаров С.О. Рассуждения по вопросам морской тактики. – М.: Военмориздат НКВМФ Союза ССР, 1943. 516 с.
6. Семёнов Вл.И. Расплата. Трилогия. 5-е изд., доп. – СПб.: тов-во Вольф, 1912.
7. Егорьев Е.Р. Вокруг старого света в 1904–1905 году. Путевые заметки кап. 1-го ранга Евгения Романовича Егорова, командира крейсера «Аврора» за время похода 2-й Тихоокеанской эскадры. Морской сборник, 1915. Т. 389. № 8. С. 1-411.
8. Туманов Я.К. Мичмана на войне / Я. Туманов. - [Б. м.]: [б. и.], [19]. 238 с.
9. Емелин А.Ю. Кризис офицерского состава русского флота накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. // Морские записки. 2012. 7 с.
10. Щенснович Э.Н.Плавание эскадренного броненосца Ретвизан 1902-1904 гг. – СПб: Цитадель. 1999. 76 с.
11. Кравченко В.С. Через три океана. Воспоминания врача о морском походе в русско-японскую войну 1904–1905 гг. 2-е изд., доп. – СПб.: Тип. Флейтмана, 1910. 257 с.
12. Чегодаев-Саконский А.П. На «Алмазе» (от Либавы через Цусиму — во Владивосток). – СПб.: Издатель М.А. Леонов, 2004. 128 с.
13. Нидермиллер фон А.Г. От Севастополя до Цусимы: воспоминания: русский флот за время с 1866 по 1906 г. – Рига, 1930. 143 с.
14. Быков П.Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море. – М.: Изд-во Эксмо, Изографус; СПб.: Terra Fantastica 2003. 672 с.
15. Гущин А.В. Русская армия в войне 1904-1905 гг.: историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий – СПб.: «Реноме», 2014. 256 с.
16. Апушкин В.А. Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 470 с.
17. Терновая Л.О. Трансляция идеи сакральности власти государства на межгосударственные отношения // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 345-352.
18. Михайлов В.А., Алиев Т.Э. Основные тактики информационной войны // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 5 (155). С. 9-13.
19. Трофимов В.А. Инновационные и аналитические аспекты развития государственной политики России // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 3 (153). С. 27-34.
20. Рогатко С.А. Государственная научная и техническая политика по развитию сельскохозяйственного производства и пищевой переработки в России во второй половине XIX - начала XX вв. // Власть истории – История власти. 2021. Том 7. Часть 3. № 29. С. 287-297.

Reference

1. Korobkov Yu.D. Sociocultural appearance of workers of the Ural mining and metallurgical industries (second half of the 19th - early 20th centuries). – Moscow: Slovo, 2003. P. 6.
2. Dmitriev P.N. Social appearance of workers of Udmurtia in the first decades of the 20th century // Workers in Russia. – Moscow, 2004. P. 149.
3. Materials from the collections of the Russian State Archive of the Navy: documents from the collections of the Naval Corps. Fund 1212. Op. 1. D. 203. // URL: https://rgavmf.ru/fond (16.11.2022).
4. Messner E., Vakar S., Verbitsky F. [et al.]. Russian officers. South American Department of the Institute of War and Peace Studies named after General, Professor N. Golovin. – Buenos Aires, 1954. P. 23-128.
5. Makarov, S.O., Reflections on Naval Tactics. – Moscow: Voenmorizdat NKVMF SSSR, 1943. 516 p.
6. Semenov, Vl.I., Reckoning. Trilogy. 5th ed., supplemented. – St. Petersburg: Wolf Company, 1912.
7. Egoriev, E.R., Around the Old World in 1904–1905. Travel Notes of Captain 1st Rank Yevgeny Romanovich Yegorov, Commander of the Cruiser Aurora, During the Cruise of the 2nd Pacific Squadron. Naval Collection, 1915. Vol. 389. № 8. P. 1-411.
8. Tumanov Ya.K. Midshipman at War / Ya. Tumanov. - [B. m.]: [b. i.], [19]. 238 p.
9. Emelin A.Yu. Crisis of the officer corps of the Russian fleet on the eve of the Russo-Japanese War of 1904-1905 // Maritime Notes. 2012. 7 p.
10. Shchensnovich E.N. The voyage of the squadron battleship Retvizan 1902-1904. – St. Petersburg: Citadel. 1999. 76 p.
11. Kravchenko V.S. Across three oceans. A doctor's memoirs about the naval campaign in the Russo-Japanese War of 1904-1905. 2nd ed., suppl. – St. Petersburg: Type. Fleitman, 1910. 257 p.
12. Chegodaev-Sakonsky A.P. On the "Almaz" (from Libau through Tsushima to Vladivostok). – St. Petersburg: Izdatel' M.A. Leonov, 2004. 128 p.
13. Niedermiller von A.G. From Sevastopol to Tsushima: Memories: the Russian Fleet from 1866 to 1906. – Riga, 1930. 143 p.
14. Bykov P.D. Russo-Japanese War 1904–1905. Actions at Sea. – Moscow: Eksmo Publishing House, Izografus; St. Petersburg: Terra Fantastica 2003. 672 p.
15. Gushchin A.V. The Russian Army in the War of 1904–1905: A Historical and Anthropological Study of the Influence of Military Relationships on the Course of Military Operations – St. Petersburg: Renome, 2014. 256 p.
16. Apushkin, V.A. From the History of the Russo-Japanese War of 1904–1905: A Collection of Materials for the 100th Anniversary of the End of the War. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2005. 470 p.
17. Ternovaya L.O. Translation of the idea of the sacred power of the state into interstate relations // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 345-352.
18. Mikhailov V.A., Aliev T.E. Basic tactics of information warfare // Etnosotsium and international culture. 2021. № 5 (155). P. 9-13.
19. Trofimov V.A. Innovative and analytical aspects of the development of state policy in Russia // Etnosotsium and international culture. 2021. № 3 (153). P. 27-34.
20. Rogatko S.A. State scientific and technical policy on development of agricultural production and food processing in Russia in the second half of the XIX – beginning of XX centuries // The Power Of History – The History Of Power. 2021. Volume 7. Issue 3. № 29. P. 287-297.

Зуев А.В.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова. SPIN-код: 5203-1404

Русское общество коммерческого пароходства (1912-1917 гг.)*

Аннотация. В статье впервые предпринята попытка проанализировать историю создания и функционирования акционерного общества «Русское общество коммерческого пароходства» (РОКП). Отмечено, что потребность страны в организации регулярных морских перевозок и улучшении торговых связей с зарубежными странами, повлияло на создание в России новых компаний. Ярким примером такого предприятия может служить образование акционерного общества РОКП, начавшее свою коммерческую деятельность в 1912 г. Пароходы Общества находились в хорошем состоянии, позволяющем поддерживать их в высшем классе английского Ллойда. В том же 1912 г. лондонская страховая компания «Ллойд» опубликовала очередную редакцию справочника флагов и вымпелов судоходных компаний всего мира. Среди них имелся и флаг РОКП. По Чёрному, Азовскому, Средиземному и Балтийскому морям на пароходах перевозили каменный уголь, лес и зерно. Несмотря на все катаклизмы, РОКП оставалась прибыльным предприятием. После Октябрьской революции на основании декрета СНК «О национализации торгового флота» от 26 января 1918 г. имущество Общества было объявлено общенациональной собственностью. РОКП оставило заметный вклад в истории развития коммерческого судоходства в России начала XX века.

Ключевые слова: Русское общество коммерческого пароходства, пароходство, торговое мореплавание, пароход, устав, прибыль, акционеры, акции.

Zuev A.V.

Candidate of historical sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping. SPIN-code: 5203-1404

Russian commercial shipping company (1912-1917)

Abstract. This article is the first attempt to analyze the history of the creation and functioning of the Russian Commercial Shipping Company (RCSC). It is noted that the

* © Зуев А.В., 2025.

country's need to organize regular maritime transport and improve trade relations with foreign countries influenced the creation of new companies in Russia. A striking example of such an enterprise is the formation of the RCSC, which began its commercial operations in 1912. The company's steamships were in good condition, allowing them to be maintained in the highest class by Lloyd's. In the same year, 1912, the London insurance company Lloyd's published the latest edition of its directory of flags and pennants of shipping companies worldwide. Among them was the RCSC flag. Coal, timber, and grain were transported by steamships across the Black, Azov, Mediterranean, and Baltic Seas. Despite all the cataclysms, RCSC remained a profitable enterprise. Following the October Revolution, the Council of People's Commissars' Decree "On the Nationalization of the Merchant Marine" of January 26, 1918, declared the Company's assets national property. The Russian Commercial Shipping Company made a significant contribution to the development of commercial shipping in Russia in the early 20th century.

Key words: Russian Commercial Shipping Company, shipping company, merchant shipping, steamship, charter, profit, shareholders, shares.

Потребность страны в организации регулярных морских перевозок и улучшении торговых связей с зарубежными странами, повлияло на создание в России новых компаний. Ярким примером такого предприятия может служить образование акционерного общества «Русское общество коммерчес-кого пароходства» (далее РОКП).

12 июля 1911 г. Мариупольский 1-й гильдии купец П. П. Регир и его сын кандидат коммерции 1-го разряда П. П. Регир [8, л. 4] отправили прошение в Министерство торговли и промышленности с просьбой «не отказать в утверждении означенного устава» [3, л. 1а].

10 ноября 1911 г., после окончательной доработки, министр торговли и промышленности С. И. Тимашев внёс проект устава Общества «на благоусмотрение» в Совет Министров [3, лл. 55-56 об.].

30 декабря 1911 г. император Николай II утвердил устав РОКП [3, л. 89] для расширения дела, основанного «для продолжения и развития, принадлежащих Петру Петровичу Региру и его сыну, Петру Петровичу Региру, пароходных предприятий, для перевозки пассажиров и грузов между русскими и иностранными портами …» [3, л. 56].

Главная контора Общества находилась в Одессе, а Правление — в Санкт-Петербурге [6, л. 2], ул. Гоголя 21 [5, л. 11].

19 марта 1912 г. П.П. Регир (младший) за себя и в качестве поверен-ного своего отца П.П. Регира пригласил на общее собрание, всех лиц, пожелавших участвовать в работе РОКП, поименованных в списке [5, л. 3] (таблица 1). Общее собрание состоялось в Санкт-Петербурге на Морской улице в доме N 5.

Таблица 1. Список лиц, присутствующих на общем собрании РОКП, состоявшемся 19 марта 1912 г.

Инициалы, фамилии	Количество представленных акции	Число голосов
П.П. Регир	2600	40
П.П. Регир	440	40
Азовско-Донской Коммерческий банк	810	40
Б.А. Каменка	30	3
А.И. Каминка	10	1
А.Я. Фельдман	20	2
В.И. Савицкий	20	2
А.Э. Стельп	20	2
А.Л. Шилянский	10	1
Г.В. Северин	10	1
Ю.В. Руммель	10	1
Я.А. Ратнер	10	1
И.И. Шмидт	10	1
Итого	4000	135

Таблица составлена на основании источника [5, л. 3].

На общем собрании акционеров членами правления РОКП были избраны: П.П. Регир (старший), П.П. Регир (младший) и А.Я. Фельдман; в кандидаты члены правления: А.Э. Стельп и В.И. Савицкий; в члены ревизионной комиссии: Г.В. Северин, А.Л. Шилянский, Ю.В. Руммель, Я.А. Ратнер и И.И. Шмидт [5, лл. 1 об -2].

П. П. Регир (старший), владевший контрольным пакетом акций был избран председателем правления РОКП [4, л. 1], а его сын П.П. Регир (младший) утвержден на должность директора-распорядителя. [5, л. 2]. Заступающим (заместителем) председателя правления РОКП был избран А.Я. Фельдман [4, л. 1] (надворный советник, потомственный почетный гражданин, состоял в правлениях десяти российских компаний) [1, с. 312].

По решению общего собрания, директорам полагалось жалованье в размере 6 000 руб., кандидатам 1 000 руб., а членам ревизионной комиссии 500 руб. Директору-распорядителю выплачивалось 6 000 руб. и 2 % с

чистой прибыли «по отчислении из нее определенных процентов в запасный капитал и погашение» [5, л. 1 об].

Владельцами акций могли быть только русские подданные [10, § 22].

Из 4000 акций основного капитала РОКП, 3 040 акций были зарезервированы для П.П. Регира (старшего), передавшего Обществу следующее имущество: пароход «Новороссия» – 3 436 брутто регистровых тонн, пароход «Великороссия» – 3 849 брутто регистровых тонн и пароход «Белороссия» – 3 658 брутто регистровых тонн. [5, л. 1]. Остальные 960 акций были распределены между лицами с полной оплатой их стоимости [5, л. 1]. Выписка из книги приходов, отражающая внесение денежных средств, за акции РОКП, представлена в таблице 2.

Таблица 2. Выписка из книги приходов, отражающая внесение денежных средств, за акции РОКП.

Год и месяц	№ по порядку	Кем и какая сумма была внесена	Руб.
19 марта 1912 г.	1	Азовско-Донского Коммерческим банком	202 500
	2	Б.А. Каменка	7 500
	3	А.Я. Фельдманом	5 000
	4	В.И. Савицким	5 000
	5	А.Э. Стельп	5 000
	6	А.Л. Шилянским	2 500
	7	А.И. Каминка	2 500
	8	Г.В. Севериным	2 500
	9	Ю.В. Руммелем	2 500
	10	И.И. Шмидтом	2 500
	11	Я.А. Ратнером	2 500
	Итого		240 000

Таблица составлена на основании источника [7, л.1 об.].

20 марта 1912 г. в Санкт-Петербургскую контору Государственного Банка «бессрочным вкладом было внесено 240 000 руб.» [7, л.2].

На общем собрании 19 марта 1912 г. было решено приобрести еще один пароход стоимостью до 250 000 руб. [5, л. 1 об.]. 19 марта 1912 г. председатель правления РОКП П.П. Регир дал своё согласие на покупку

парохода «Экспорт» за сумму 220 000 руб. [4, л. 2]. Приобретённый РОКП пароход, 29 марта 1912 г. [4, л. 23], а по некоторым источникам в 1913 г. [6, л. 8], был передан в аренду Северному пароходному обществу [4, л. 23] за сумму 8 250 руб. в месяц [4, л. 38].

8 мая 1913 г. на проходившем общем собрании акционеров, были подведены первые итоги работы РОКП за прошедший год [5, л. 9 об]. В докладе правления Общества в частности говорилось, что «истекший год в деле торгового мореплавания может считаться одним из ряда вон выходящим по тем случайностям, которые пришлось наблюдать судовладению всего мира. На коротком промежутке времени были пережиты три больших забастовки, две войны, неурожай злаков в Англии, Франции и Германии» [6, лл. 2-2 об.]. Авторами доклада отмечалось, что «забастовки, войны, закрытие Дарданелл задержали работу тоннажа как раз на период наивысшего экономического подъема Европы, что произвело небывалый спрос в пароходах особенно за вторую половину 1912 г. [6, л. 2].

Пароходы РОКП находились в хорошем состоянии, позволяющем поддерживать их в высшем классе английского Ллойда [6, л. 3 об.]. По Чёрному, Азовскому, Средиземному и Балтийскому морям на пароходах перевозили каменный уголь, лес и зерно [6, л. 3].

В 1912 г. лондонская страховая компания «Ллойд» опубликовала очередную редакцию справочника флагов и вымпелов судоходных компаний всего мира (Lloyd's Book of House Flags and Funnels, 1912), всего в справочнике приведены изображения чуть менее 2000 флагов. Среди них имелся и флаг РОКП. Флаг пароходов Общества был зелено-бело-зеленым с чёрным кругом в центре, в который была добавлена белая звезда [2].

За первый навигационный год чистый фрахт, вырученный от эксплуатации пароходов РОКП, составил 322 212 руб. 08 коп, причем валовая выручка за перевозку грузов достигла 767 164 руб. 80 коп., при расходах в 444 952 руб. 72 коп. [6, л. 2 об.]. Прибыль Общества, подлежащая распределению за 1912 г., была зафиксирована на отметке 259 693 руб. 39 коп. [5, л. 9 об.].

Благоприятная конъюнктура мирового фрахтового рынка была полностью реализована в 1913 г. Отчетный год «отличался равномерной безостановочной работой всего тоннажа Общества» [6, л. 7]. 1913 г. выдался для Общества более интенсивным, чем 1912 г. Об этом говорят выполненные пароходами рейсы, произведённые эксплуатационные расходы, главным образом топлива, и увеличение пройденных пароходами морских миль [6, л. 7 об.].

Пароход «Великороссия» сделал 10 рейсов [6, л. 7 об.] (в 1912 г. – 7 рейсов) [6, л. 3.]. Из них 2 рейса из Мариуполя в Петербург, 3 рейса Петербург – Роттердам, 1 рейс Кардиф – Кронштадт, 1 рейс Кардиф – Порт – Саид, 1

рейс Бляйт – Одесса, 1 рейс Николаев – Везер и рейс Иммингейм – Новороссийск [6, л. 7 об.].

Пароход «Белороссия» совершило 10 рейсов, из которых 2 рейса Мариуполь – Одесса – Петербург с грузами Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ), 1 рейс Таганрог – Торре, 2 рейса Петербург – Роттердам, 1 рейс Тайна – Генуя, 1 рейс Бляйт – Одесса, 1 рейс Мариуполь – Одесса, 1 рейс Николаев – Везер и 1 рейс Гулль – Новороссийск – Мариуполь [6, лл. 7 об. - 8].

Пароход «Новороссия» выполнило также 10 рейсов [6, л. 7 об.] (в 1912 г. – 8 рейсов) [6, л. 3.]. Из них 3 рейса Кардиф – Кронштадт, 2 рейса Петербург – Роттердам, 1 рейс Дунай – Марсель, 1 рейс Гулль – Рига, 1 рейс Рига – Роттердам, 1 рейс Бляйт – Одесса, 1 рейс Николаев – Генуя [6, л. 8].

16 апреля 1914 г. состоялось ежегодное общее собрание акционеров РОКП. Согласно отчета правления общества, чистый фрахт, вырученный от эксплуатации пароходов за 1913 г., выразился суммой 292 768 руб. 15 коп., при этом валовая выручка за перевозку грузов достигла 761 223 руб. 95 коп. при расходах в 468 455 руб. 80 коп. [6, л. 7]. Прибыль общества составила 257 139 руб. 62 к. [5, л. 11 об.].

На 1914 г. правлением общества были заключены контракты, обеспечивающие выгодную работу пароходов [6, л. 7]. В планы РОКП входило приобретение пароходов «за счет использования сумм со счетов погашения и страхового капитала» [6, л. 9 об.].

Начавшаяся Первая мировая война, «повлекла за собой внезапное изменение нормального хода операций Общества» [6, л. 11]. К 19 июля 1914 г. пароходы «Великороссия» и «Белороссия» закончили выгрузку в Чёрном море. Пароход «Великороссия» должен был приступить к выполнению арендного договора с Добровольным Флотом и совершать рейсы Одесса – Владивосток, а пароход «Белороссия» планировалось поставить под погруз-ку угля из Мариуполя в Петроград или под чартер с РОПиТом.

После объявления войны главной конторой были приняты меры, призванные обезопасить пароходы РОКП от возможных «случайностей»: п/х «Великороссия» из Новороссийска был направлен в Мариуполь, а п/х «Белороссия» из Одессы в Николаев. 17 февраля 1915 г. на основании закона о военно-судовой повинности оба эти пароходы были мобилизованы в распоряжение Морского ведомства и переделаны под транспорт, простояв без работы в течение шести месяцев [6, л. 11].

Начавшаяся война застала пароход «Новороссия» в Англии, куда он прибыл с целью выполнения контракта с Морским ведомством по перевозке угля из Англии в Кронштадт. Вместо этого пароход был заарендован Морским ведомством для доставки грузов из Архангельска, а с 6 марта 1915 г. был также мобилизован в распоряжение Морского ведомства [6, л. 11 об].

Пароход «Экспорт», находившийся в аренде у Северного пароходного общества, после объявления войны, был задержан в Алжире, а впоследствии в Пирее и только к 24 ноября 1914 г. был освобождён от арендного договора и поступил обратно в распоряжение РОКП. С этого времени до окончания 1914 г. пароход стал работать между Англией и Италией по довольно высоким фрахтам. В начале 1915 г., по требованию Морского ведомства, пароход был передан ему в аренду для плавания из Англии в Архангельск [6, л. 11 об.].

Высокие фрахты парохода «Экспорт» и аренда парохода «Новороссия» Морским ведомством стали основной частью дохода в 1914 г., позволившая, несмотря на простой других пароходов РОКП, «получить результаты почти равные таковым по предыдущим отчетным годам» [6, л. 11 об.].

В 1914 г. в Англии правлением Общества был заключен контракт на приобретение парохода «Бринкбурн» за 34 500 фунтов стерлингов [4, л. 75]. Из-за начавшейся войны и реквизиции этого парохода английским адмирал-тейством, с обоюдного согласия продавца-владельца и покупателя - общества, было решено, что чистая прибыль по аренде будет «делиться пополам». Поскольку цены на пароходы сильно повысились, а сдача парохода отодвигалась на неопределённое время, правление Общества решило переуступить заключённый ранее контракт за 48 500 фунтов стерлингов [6, л. 12].

Из представленного отчета за третий год работы РОКП (1914-1915 гг.) видно, что чистый фрахт, вырученный от эксплуатации пароходов Общества, составил сумму 238 662 руб. 92 коп., в то время как валовая выручка за перевозку грузов – 528 416 руб. 75 коп. при расходах в 289 753 руб. 83 коп. [6, л. 12]. Состоявшееся 14 мая 1915 г. общее собрание акционеров РОКП, подвело итоги его работы за прошедший год. Прибыль РОКП, подлежащая распределению, была зафиксирована на отметке 220 292 руб. 67 коп. [5, л. 14 об].

К новой навигации 1915-1916 гг. РОКП приступило «при необычной форме эксплуатации своего тоннажа» [6, л. 11 об]. Все суда общества находились в распоряжении Морского ведомства [6, л. 12].

В 1915 г. наилучший результат дал пароход «Экспорт», работавший по арендному договору с Морским ведомством. Пароходы «Великороссия» и «Белороссия» также дали выручку РОКП, немного превысившую обычную доходность предыдущих годов, но правление опасалось, что после обратной передачи пароходов Обществу, придётся произвести значительный ремонт за счет дохода за время службы под началом Морского ведомства. Для этого правление РОКП решило создать «особый ремонтный фонд» [6, л. 16 об].

В сентябре 1915 г. правление РОКП приобрело английский пароход

«Вульвертон» за 70 000 фунтов стерлингов [4, л. 82], постройки 1914 г. в 7 125 тонн грузоподъёмности, находившемся на Чёрном море, и сдало его в аренду Морскому ведомству. Пароход совершал рейсы по Чёрному морю, перевозя, главным образом, уголь из Мариуполя. [6, л. 16 об].

Для оплаты парохода «Вульвертон» правление прибегло к кредиту. Азовско-Донским коммерческим банком для РОКП в Англии был открыт специальный счёт на сумму 50 000 фунтов стерлингов, под обеспечением в рублях в России. Недостающие 20 000 фунтов стерлингов были взяты в кредит у фирмы Н.А. Брайтман и К [4, л. 82] на два года с полугодичным погашением из процентов в размере ставок Английского Банка с надбавкой одного процента [6, л. 17].

Таким образом, на операции с пароходом «Бринкбурн» РОКП была получена прибыль в размере 179 384 руб. 22 коп., а по пароходу «Вульвертон» за первые семь месяцев эксплуатации прибыль составила 159 366 руб. 68 коп. [6, л. 17].

26 апреля 1916 г. общее собрание акционеров РОКП распределяло чистую прибыль Общества за 1915 г., которая составила 372 431 руб. 62 к. [5, л. 17 об].

В 1916 г. пароходы «Великороссия», «Белороссия» и «Новороссия» продолжали находиться в распоряжение Морского ведомства. За использование судов правительство исправно выплачивало РОКП вознагра-ждение [6, л. 21].

Арендные условия, на которых эксплуатировался пароход «Экспорт», были изменены в начале 1916 г. Вместо чартера формы «Руссад», пароход с 3 ноября 1916 г. был переведён на условия чартера Английского адмиралтейства с уплатой приблизительно половины арендной платы в рублях по лондонскому курсу в Петрограде. Такой перевод дал, по сравне-нию с предыдущими условиями, некоторое уменьшение месячной аренды, и приносил РОКП 1 559 фунтов 80 центов ежемесячно [6, л. 21 об.].

В 1916 г. была получена прибыль и пароходом «Вульвертон», нетто-фрахт которого составил 165 607 руб. 71 коп. [6, л. 21 об.].

Общее собрание акционеров Общества проходило 6 мая 1917 г. Прибыль за 1916 г. достигла рекордных 497 877 руб. 89 к. [5, л. 19 об.].

Вызванная в результате Первой мировой войны необходимость в усилении морских перевозок, доказала необходимость установления регулярных морских заграничных сообщений. 3 февраля 1917 г., планируя на перспективу и на скорое окончание войны, правление РОКП обратилось с предложением в Министерство торговли и промышленности «взять на себя задачу по установлению регулярных рейсов из Одессы, Николаева, Новороссийска, Мариуполя, Таганрога и Ростова на Дону на порты Англии, Бельгии, Франции и Италии, как-то: Лондон, Гулль, Антверпен,

Марсель, Геную, Неаполь и Мессину» [9, л. 5]. Этим планам не суждено было исполниться.

Несмотря на все катаклизмы, РОКП оставалось прибыльным предприятием. После Октябрьской революции на основании декрета СНК «О национализации торгового флота» от 26 января 1918 г. имущество Общества было объявлено общенациональной собственностью. РОКП оставило заметный вклад в истории развития коммерческого судоходства в России начала XX века.

Библиографический список:

1. Барышников М.Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник / М.Н. Барышников. – СПб.: Искусство-СПБ, Logos, 1998. 445 с.
2. Пароходные компании Российской Империи в справочнике «Ллойда» 1912 года. Бюллетень Русского Центра флаговедения и геральдики. 2017. № 25. // URL: https://vexillographia.ru/flags/Flag28.pdf (Дата обращения: 12.10.2025).
3. РГИА. Ф. 95 Оп. 6 Д. 1893 . Отдел торгового мореплавания. II отделение. Об утверждении устава акционерного Общества «Русское Общество коммерческого пароходства».
4. РГИА. Ф. 108 Оп. 1 Д. 2. Протоколы Правления Русского общества коммерческого пароходства.
5. РГИА. Ф. 108 Оп. 1 Д. 3. Протоколы общих собраний Русского общества коммерческого пароходства.
6. РГИА. Ф. 108 Оп. 1 Д. 5. Доклад правления Русского общества коммерческого пароходства 5-му обыкновенному собранию акционеров общества, состоявшемуся 25 апреля 1916 г. (а на самом деле написано, что «Доклады ревизионной комиссии Русское общество коммерческого пароходства за 1912-1917 гг.»).
7. РГИА. Ф. 108 Оп. 1 Д. 7. Книга внесённым.
8. РГИА. Ф. 108 Оп. 1 Д. 8. Акционерная книга.
9. РГИА. Ф. 108 Оп. 1 Д. 13. Журнал Совещания о порядке привлечения пароходов к перевозкам угля и вообще военных грузов 21 и 25 апреля 1917; записка о положении русского торгового мореплавания в связи с участием всего подвижного состава торгового флота в работе на оборону.
10. Устав Русского общества коммерческого пароходства. – СПб.: Типография редакции периодических изданий Министерства Финансов, 1912. 28 с.

References

1. Baryshnikov M.N. The Business World of Russia: Historical and Biographical Handbook / M.N. Baryshnikov. – St. Petersburg: Art-SPB, Logos, 1998. 445 p.
2. Shipping companies of the Russian Empire in Lloyd's Directory, 1912. Bulletin of the Russian Center for Flag Studies and Heraldry. 2017. № 25. // URL: https://vexillographia.ru/flags/Flag28.pdf (12.10.2025).
3. RGIA. F. 95 Op. 6 D. 1893. Department of Merchant Shipping. Section II. On approval of the charter of the joint-stock company "Russian Commercial Shipping Company".
4. RGIA. F. 108 Op. 1 D. 2. Minutes of the Board of the Russian Commercial Shipping Company.
5. RGIA. F. 108 Op. 1 D. 3. Minutes of general meetings of the Russian Commercial Shipping Society.
6. RGIA. F. 108 Op. 1 D. 5. Report of the board of the Russian Commercial Shipping Company to the 5th ordinary meeting of shareholders of the company, held on April 25, 1916 (but in fact it is written as "Reports of the audit commission of the Russian Commercial Shipping Company for 1912-1917").
7. RGIA. F. 108 Op. 1 D. 7. Book of entries.
8. RGIA. F. 108 Op. 1 D. 8. Shareholder book.
9. RGIA. F. 108 Op. 1 D. 13. Journal of the Conference on the Procedure for Involving Steamships in the Transportation of Coal and Military Cargo in General on April 21 and 25, 1917; note on the situation of Russian merchant shipping in connection with the participation of all rolling stock of the merchant fleet in defense work.
10. Charter of the Russian Commercial Shipping Company. St. Petersburg: Printing house of the editorial board of periodicals of the Ministry of Finance, 1912. 28 p.

Козлов В.А.
Кандидат педагогических наук. Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск.

Михеев Д.Ю.
Кандидат исторических наук, доцент. Новосибирский военный институт войск национальной гвардии, г. Новосибирск.

Периодическая печать Сибири в годы Великой Отечественной войны*

Аннотация. 80-летие Победы, отмечаемое в условиях проведения Специальной военной операции, вызвало особый исследовательский интерес к различным аспектам Великой Отечественной войны. На взгляд автора, научный интерес представляет то, как в условиях тяжелейших поражений первого этапа войны, периодическая печать в кратчайшие сроки сумела переломить ситуацию и вдохновить население СССР на достижение победы над беспощадным и мотивированным врагом – гитлеровской Германией. Выдержав массированный удар нацистской пропагандисткой машины, периодическая печать Советского Союза в дальнейшем перешла в идеологическое наступление, внеся существенный вклад формирование единства фронта и тыла, в укрепление веры советского народа в руководство государства и армии, и неминуемости полного разгрома врага. Свой вклад в работу по патриотическому воспитанию внесла главная газета Западной Сибири – «Советская Сибирь». На материалах публикаций «Советской Сибири» за 1941-1945 гг. автор анализирует основные направлениях работы по патриотическому воспитанию населения Сибири в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, патриотизм, патриотическое воспитание, средства патриотического воспитания, печать, Сибирь в годы Великой Отечественной войны.

Kozlov V.A.
Candidate of Pedagogical Sciences, Novosibirsk military Institute of National Guard Troops, Novosibirsk.

Mikheyev D.Y.
Candidate of Historical Sciences, Novosibirsk military Institute of National Guard Troops, Novosibirsk.

* © Козлов В.А., Михеев Д.Ю., 2025.

Periodical press of Siberia during the Great Patriotic War

Abstract. The 80th anniversary of Victory Day, celebrated amidst the ongoing Special Military Operation, has sparked particular research interest in various aspects of the Great Patriotic War. The author believes that of particular scholarly interest is how, despite the severe defeats of the first stage of the war, the periodical press quickly managed to turn the tide and inspire the population of the USSR to achieve victory over a ruthless and motivated enemy—Nazi Germany. Having withstood the massive onslaught of the Nazi propaganda machine, the Soviet Union's periodical press subsequently went on the ideological offensive, making a significant contribution to fostering unity between the front and the rear, strengthening the Soviet people's faith in the leadership of the state and the army, and the inevitability of the enemy's complete defeat. Western Siberia's main newspaper, Sovetskaya Sibir, also contributed to patriotic education. Based on Sovetskaya Sibir publications from 1941-1945, this article is devoted to: The author analyzes the main areas of work on patriotic education of the population of Siberia during the Great Patriotic War.

Key words: Great Patriotic War, patriotism, patriotic education, means of patriotic education, press, Siberia during the Great Patriotic War.

Вот уже более трех лет мы обращаемся к теме Великой Отечественной войны совсем иначе, чем прежде. Специальная военная операция (далее - СВО) заставила россиян другими глазами взглянуть на то, как наши предки победили в той войне. Изучение всего комплекса патриотического воспитания военных лет после 24 февраля 2022 г. приобрело сугубо практический интерес. В условиях СВО электронные СМИ стали настоящим оружием, эффективно и избирательно воздействующим на массовое сознание противоборствующих сторон. По иному сейчас зазвучала норма, закреплённая в ст. 14 федерального закона от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», устанавливающая обязанность центральных и местных органов власти систематически проводить работу по военно-патриотическому воспитанию граждан[1]. Кроме того, Указом Президента России № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания» в редакции от 12.06.2024 г. № 482 определена задача укрепления духовно-нравственных основ российского общества, совершенствования государственной политики в области патриотического воспитания, в том числе с использованием центральных и региональных средств массовой информации, что придаёт заявленному на-

1 Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». «Российская газета» от 2.4.1998 г.

правлению научного исследования вполне институциональный характер[2]. Анализ научных публикаций показал, что в разные исторические периоды теме патриотического воспитания в годы Великой Отечественной войны, неизменно уделялось пристальное внимание. Из недавно опубликованных работ отметим, вышедшую в 2022 году, статью И.С. Мокшиной и Т.Ю. Нечаевой, в которой авторы на основе широкого круга источников раскрывают роль молодёжной периодической печати в патриотическом воспитании в годы Великой Отечественной войны[3]. Авторы справедливо отмечают, что опыт молодёжной периодики не утратил своего значения и в наши дни. Военно-патриотическому воспитанию школьной молодёжи Урала в годы Великой Отечественной войны, в том же 2022 году, посвятил научную статью А.В. Сперанский[4]. Десятилетием ранее вышла, выделяющаяся академичностью, глубиной и основательным подходом работа А.Н. Лымарева и Н.П. Палецких, посвящённая периодической печати Урала накануне и во время войны. Авторы исследовали степень научной разработки вопросов истории периодической печати, выделив основные этапы и состояние историографии[5]. Примерно в тот же период роли военных печатных изданий по военно-патриотическому воспитанию военнослужащих в послевоенный период посвятил ряд научных работ Р.В. Мальцев[6]. При этом все авторы сошлись во мнении, что патриотическое воспитание населения являлось важнейшим фактором, обеспечившим единство народов СССР в борьбе за свободу и независимость.

Победа над гитлеризмом, объединившим для похода на Восток большинство европейских государств, была не только лишь военная победа, это была и победа идеологическая, одержанная в длительной и беспощадной борьбе средств массовой информации. Главную роль тогда играли газеты, которые стали эффективным средством патриотического воспитания со-

2 Указ Президента России от 20.10.2012 № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания». Редакция от 12.06.2024 г. № 482. Собрание законодательства Российской Федерации от 2012 г., N 43, ст. 5817.

3 *Мокшина И.С.* Молодежная периодическая печать как средство патриотического воспитания в годы Великой Отечественной войны / И.С. Мокшина, Т.Ю. Нечаева // Вестник славянских культур. 2022. № 65. С. 115-127.

4 *Сперанский А.В.* Военно-патриотическое воспитание школьной молодежи Урала в годы Великой Отечественной войны / А.В. Сперанский // История и современное мировоззрение. 2022. Т. 4. № 4. С. 61-66.

5 *Лымарев А.Н.* Периодическая печать Урала накануне и в годы Великой Отечественной войны: к историографии проблемы / А.Н. Лымарев, Н.П. Палецких // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10 (269). С. 36-39.

6 *Мальцев Р.В.* Основные направления деятельности военной периодической печати по военно-патриотическому воспитанию личного состава армии и флота в 1967-1991 гг. // Вестник Военного университета. 2011. № 3 (27). С. 151-155.

ветских людей, добиваясь мобилизации всех сил на борьбу с нацизмом. Нам, вероятно, всё сложнее с течением времени представить, какое место в жизни населения играли газеты в прошлом веке, в «прединформационную» эпоху. Но именно газета являлась основным источником официальной информации. Газеты читали, перечитывали, делились ими, пытаясь увидеть не только официальное содержание, но и понять написанное «между строк». Главной общесибирской газетой в предвоенные и военные годы являлась «Советская Сибирь» - орган Новосибирского областного комитета ВКП(б) и Новосибирского областного исполнительного комитета. Выросшая в качестве идеологического печатного органа из челябинской газеты «Степная коммуна», «Совсибирь», как её чаще называли сибиряки, после изгнания Колчака, обосновалась в Новониколаевске, позднее переименованном в Новосибирск[7]. В годы Великой Отечественной войны именно «Советская Сибирь» стала центральным органом патриотического воспитания населения Сибири. Периодическая печать военных лет, несомненно, составляет бесценный фонд для исследования форм и методов патриотического воспитания в годы Великой Отечественной войны.

С началом войны ведущей темой «Совсибири» стала тема воспитания любви к Отечеству и защиты Родины. Коллектив газеты публиковал талантливые и яркие материалы, в которых разоблачал подлинные цели гитлеровского завоевания, учил ненавидеть смертельно опасного врага. В этих целях газета публиковала статьи, посвящённые единству фронта и тыла, сплочению сибиряков, славила героев оборонных предприятий, колхозников. В статьях и заметках особенно высоким накал публикаций был в начальный период войны. Так, 24 июня 1941 г. «Советская Сибирь» опубликовала материалы с говорящими заголовками: «Бить врага оружием на фронте, стахановским трудом в тылу!», «Всё фронту! Отдадим всё для нужд Великой Отечественной войны советского народа! Доблестные кузнецкие металлурги! Как можно больше стали нашим бесстрашным воинам! Славные горняки Кузбасса! Бейте врага тоннами угля, выданными сверх плана! Дорогие колхозники Новосибирской области! Обеспечьте стране высокий урожай! Железнодорожники, рабочие всех предприятий, служащие, советская интеллигенция! Самоотверженным трудом помогайте Действующей армии! Всё фронту, всё для фронта! Всё для обороны родины!»[8]. По мере перестройки жизни страны на военный лад, публикации газеты становятся не менее актуальными, но из названий статей, из заголовков и «шапок» уходит отчаянная звенящая нота, уступая место военной чёткости и лаконизму: «Колхоз и фронт», «В штабе завода»,

7 Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области, 2009 год. – Новосибирск: [Изд-во Новосиб. гос. обл. науч. б-ки], 2008. С. 147.

8 Советская Сибирь. 24 июня 1941 г.

«Несокрушимое единство фронта и тыла»[9]. Сталинградская битва во многом определяла публикации газеты в 1943 году: «Итоги 6-недельного наступления наших войск на подступах Сталинграда», «Колхозники Новосибирской области собрали на постройку боевых эскадрилий 106 млн. рублей»; «Клятва сибиряков великому Сталину». Удивительной сейчас кажется способность сибиряков находить весёлые и остроумные названия для боевой техники, на которую собрали деньги всем народом. Например, в январе 1943 г. газета опубликовала заметку «Коллектив учителей и учащихся киселевской средней школы собрал 35 тыс. руб. на танк «Дед Мороз»[10].

19 января 1944 г. Новосибирской области было присуждено переходящее красное знамя Государственного Комитета Обороны. На это важнейшее для области событие газета откликнулась серией публикаций патриотической направленности: «Сибиряки в трудовом наступлении», «И в мастерской, и в поле работать по-военному!», «Больше и крепче помогать фронту!». В 1944 году, в канун третьего года войны, «Советская Сибирь» посвятила этому аналитические, как бы мы их сейчас назвали, публикации: «Три года войны. Военные и политические итоги»[11]. В победном же, сорок пятом, газета с первых полос звала советских патриотов: «Упорно, самоотверженно работать для достижения быстрейшей победы над врагом!»[12].

Все фронтовые годы яркими и своевременными были сообщения «Совсибири» о сопротивлении нацизму за рубежом, нацеленные на укрепление гордости советских граждан за Красную Армию, героически противостоящей агрессору, покорившему и поставившему под ружьё объединённых сил всю Европу. Газета неустанно формирует у сибиряков понимание того, что весь мир следит за событиями на Восточном фронте и сопереживает Советскому Союзу. Публикуя восторженные отклики зарубежной прессы, выступления глав государств антигитлеровской коалиции, газета, тем самым, проводила целенаправленную работу по патриотическому воспитанию. Пожалуй, наиболее характерными стали следующие публикации: «Репрессии германских оккупантов в Норвегии», «На фронтах в Африке»[13], «Заявление Рузвельта о помощи Советскому Союзу»[14], «Отклики за границей на победы Красной Армии»[15], «Мировая

9 Советская Сибирь. 4 января 1942 г.
10 Советская Сибирь. 2 января 1943 г.; 5 января 1943 г.
11 Советская Сибирь. 22 июня 1944 г.
12 Советская Сибирь. 3 февраля 1945 г.
13 Советская Сибирь. 24 июня 1941 г.
14 Советская Сибирь. 26 июня 1941 г.
15 Советская Сибирь. 3 января 1942 г.

печать о боевых успехах Красной Армии»[16], «Сияющий памятник мужества русских»[17], «Конгресс США клеймит фашистских людоедов»[18], «Ленинград воплощает непобедимый дух народа России»[19].

Роковые обстоятельства 41-го года изменили концепцию государства в использовании для патриотического воспитания боевого прошлого русской дореволюционной армии. Пусть и вынужденно, но партийно-государственное руководство СССР обратилось к именам великих русских полководцев. В 1941-1943 гг. «Совсибирь» в рубрике «Из героического прошлого нашей Родины» регулярно публикует статьи подобного рода: «Крах германской интервенции на Украине» (об изгнании германской армии в 1919 г.), «Ледовое побоище», «Ермак Тимофеевич». Кроме того, газета отзывается на своих страницах на события культурной жизни Новосибирска. Выходит статья о спектакле «Фельдмаршал Кутузов», поставленном на сцене театра «Красный Факел», публикуется информация о выставке в окружном Доме Красной Армии, посвящённой 25-летию РККА[20]. Начиная с 1944 года, на смену военно-историческим очеркам приходят статьи о великих соотечественниках – патриотах своей Родины: Чехове, Грибоедове, Герцене, Маяковском, Ломоносове[21]. Какие разные эти герои! И советский патриот должен теперь воспринять традиции героев прошлых веков и стать их достойным преемником.

Значительное место в патриотическом воспитании заняла работа по изобличению бесчеловечности фашизма, воспитанию ненависти к гитлеровским захватчикам. Показать сущность фашистской идеологии и практики, возбудить «ярость благородную» — важнейшая задача, которую поставили перед собой сибирские газетчики. На страницах «Советской Сибири» были опубликованы многочисленные статьи о чудовищных преступлениях гитлеровцев на оккупированных территориях: «Что такое фашизм», «Мщение и смерть немецко-фашистским псам», «Губители общечеловеческой культуры», «Фашизм – лютый враг человечества», «Беспощадно истреблять фашистское зверье», «Изверги», «Трагедия Белоруссии», «По кровавым следам гитлеровских злодеев», «Месть фашистским извергам», «Мы их всех перевешаем!», «Чудовищные злодеяния гитлеровских варваров», «Гитлеровские людоеды пойманы с поличным»[22].

16 Советская Сибирь. 5 января 1943 г.

17 Советская Сибирь. 6 февраля 1943 г.

18 Советская Сибирь. 23 марта 1943 г.

19 Советская Сибирь. 1 февраля 1944 г.

20 Советская Сибирь. 25 июня 1941 г.; 29 июня 1941 г.; 11 января 1942 г.; 9 января 1943 г.; 18 марта 1943 г.

21 Советская Сибирь. 15 июля 1944 г., 14 января 1945 г., 20 января 1945 г., 15 апреля 1945 г., 17 апреля 1945 г.

22 Советская Сибирь. 25 июня 1941 г.; 26 июня 1941 г.; 28 июня 1941 г.;29 июня 1941 г.;

И всё же, основным направлением патриотического воспитания на протяжении военного лихолетья было прославление мужества и стойкости советских солдат и офицеров. Сотрудники редакции «Советской Сибири», ведомые главными редакторами газеты А.А. Бабаянцем (до марта 1943 г.) и А.А. Кондаковым (с марта 1943 г.), находили те самые слова, что отзывались в сердцах новосибирцев, от мала до велика[23]. Полновесные статьи и короткие заметки били в цель точно: «Сотни добровольцев»[24], «В семье Игнатовых»[25] (о шестерых братьях-танкистах), «Подвиг Шуры Московцевой»[26], «Сибирский Гастелло – Иван Черных»[27], «Подвиг комсомольца Охунькова»[28] и др. С 1944 года «Советская Сибирь» регулярно публикует заметки в рубрике «Сибиряки в боях»: «Сибирские богатыри – братья Шумовы»[29], «Знаменосец полка»[30], «Поединок с "Фердинандом"»[31]. С лета 1944 г. газета всё больше публикует, полные ликования и торжества, сообщения об успехах на фронте, а полосы газеты почти ежедневно заполнены приказами о военных успехах Красной Армии, практически полностью вытесняя рассказы об отдельных героических подвигах. Действительно, 1944-й – это год исторических побед Красной Армии. Победа близка! 25 января 1945 г. весь выпуск газеты – приказы Верховного Главнокомандующего об успехах на фронте. 25 апреля 1945-го на первой полосе – «Красная Армия штурмует Берлин». 28 апреля – «Красная Армия соединилась с союзниками. Близок конец кровавого фашизма». 4 мая – огромными буквами – «БЕРЛИН ПАЛ! Слава Красной Армии! Слава великому Сталину!». 10 мая – «ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАША ПОБЕДА! Фашистская Германия капитулировала!»[32].

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что новосибирская областная газета «Советская Сибирь» в период Великой Отечественной войны являлась мощным средством патриотического воспитания своих читателей, всего населения Сибири, непосредственно участвовала во всенародной борьбе с ненавистными захватчиками. В годы войны была

14 сентября 1941 г.; 6 января 1942 г.; 11 января 1942 г.; 14 марта 1942 г.; 9 января 1943 г.; 18 марта 1943 г.; 17 января 1942 г.; 12 февраля 1943 г.; 14 февраля 1943 г.; 1 января 1944 г.; 1 февраля 1944 г.; 12 марта 1944 г.

23 Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области, 2009 год. – Новосибирск: [Изд-во Новосиб. гос. обл. науч. б-ки], 2008. С. 148.

24 Советская Сибирь. 24 июня 1941 г.

25 Советская Сибирь. 25 июня 1941 г.

26 Советская Сибирь. 3 января 1942 г.

27 Советская Сибирь. 4 января 1942 г.

28 Советская Сибирь. 8 января 1943 г.

29 Советская Сибирь. 15 января 1944 г.

30 Советская Сибирь. 16 января 1944 г.

31 Советская Сибирь. 13 февраля 1944 г.

32 Советская Сибирь. 1945 г. 25 января, 25 апреля, 28 апреля, 4 мая, 10 мая.

сформирована эффективная идеологическая система, в которой газетам отводилась едва ли не самая главная роль по воспитанию подлинных патриотов – защитников Родины. Анализ деятельности «Советской Сибири» в 1941-1945 гг. показывает, что для более результативного и целенаправленного патриотического воспитания газета, на разных этапах войны, меняла (насколько это было возможно) редакционную политику, находила новые темы, новые актуальные проблемы, использовала новые и отказывалась от прежних форм журналистских произведений.

Представляется, что основными направлениями деятельности периодической печати по патриотическому воспитанию стали: освещение вопросов героико-патриотического и нравственного воспитания; пропаганда единства фронта и тыла в достижении полной победы над врагом; показ бесчеловечности фашизма, воспитание ненависти к немецким захватчикам, демонстрация героического прошлого русской армии и формирование у советских людей чувства гордости за великое прошлое Родины, уверенности в победе русского оружия. Вместе с тем, стоит особо выделить такое направление работы по патриотическому воспитанию как воспитание на примерах подвигов солдат и офицеров Красной Армии. На протяжении всего периода Великой Отечественной войны эта тема для редакции газеты оставалась главной. Заметим, что в рамках данной статьи мы не касались вопросов освещения в печати помощи семьям фронтовиков, но коротко скажем, что новосибирские журналисты не забывали семьи погибших героев.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны сибирская периодическая печать, являясь первичным элементом вертикали агитационно-пропагандистского аппарата советского государства, доказала превосходство советской идеологической и политической системы. Бескомпромиссная, талантливая, идущая от самого сердца, работа сибирских газетчиков по патриотическому воспитанию населения Сибири не позволила возобладать унынию и отчаянию в первые трагические месяцы войны, сформировала затем непоколебимую уверенность в Победе и, в конечном итоге, её обеспечила. Можно утверждать, что «Советская Сибирь» внесла существенный вклад в патриотическое воспитание своих читателей. Исторический опыт новосибирской газеты сохраняет научно-практическую значимость, особенно важную сейчас, когда в условиях современных вызовов мы, как и в середине прошлого века, вновь столкнулись с проблемой поиска эффективных форм работы СМИ по патриотическому воспитанию. Сейчас, как и прежде, вновь решается вопрос о свободе и независимости Отечества.

Библиографический список / Reference

1. Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». «Российская газета» от 2.4.1998 г.
2. Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». В редакции федерального закона от 23.07.2025 № 258-ФЗ. «Российская газета» от 11.1.2021 г.
3. Указ Президента России от 20.10.2012 № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания». В редакции от 12.06.2024 г. № 482. Собрание законодательства Российской Федерации от 2012 г., N 43, ст. 5817.
4. Мокшина И.С. Молодежная периодическая печать как средство патриотического воспитания в годы Великой Отечественной войны / И.С. Мокшина, Т.Ю. Нечаева // Вестник славянских культур. 2022. № 65. С. 115-127.
5. Лымарев А.Н. Периодическая печать Урала накануне и в годы Великой Отечественной войны: к историографии проблемы / А.Н. Лымарев, Н.П. Палецких // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10 (269). С. 36-39.
6. Сперанский, А.В. Военно-патриотическое воспитание школьной молодежи Урала в годы Великой Отечественной войны История и современное мировоззрение. 2022. Т. 4. № 4. С. 61-66.
7. Мальцев Р.В. Основные направления деятельности военной периодической печати по военно-патриотическому воспитанию личного состава армии и флота в 1967-1991 гг. // Вестник Военного университета. 2011. № 3 (27). С. 151-155.
8. Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области, 2009 год. – Новосибирск: [Изд-во Новосиб. гос. обл. науч. б-ки], 2008. 274 с.
9. Советская Сибирь. 24 июня 1941 г.
10. Советская Сибирь. 4 января 1942 г.
11. Советская Сибирь. 2 января 1943 г.; 5 января 1943 г.
12. Советская Сибирь. 22 июня 1944 г.
13. Советская Сибирь. 3 февраля 1945 г.
14. Советская Сибирь. 24 июня 1941 г.
15. Советская Сибирь. 26 июня 1941 г.
16. Советская Сибирь. 3 января 1942 г.
17. Советская Сибирь. 5 января 1943 г.
18. Советская Сибирь. 6 февраля 1943 г.
19. Советская Сибирь. 23 марта 1943 г.
20. Советская Сибирь. 1 февраля 1944 г.
21. Советская Сибирь. 25 июня 1941 г.; 29 июня 1941 г.; 11 января 1942 г.; 9 января 1943 г.; 18 марта 1943 г.
22. Советская Сибирь. 15 июля 1944 г., 14 января 1945 г., 20 января 1945 г., 15 апреля 1945 г., 17 апреля 1945 г.
23. Советская Сибирь. 25 июня 1941 г.; 26 июня 1941 г.; 28 июня 1941 г.; 29 июня 1941 г.; 14 сентября 1941 г.; 6 января 1942 г.; 11 января 1942 г.; 14 марта 1942 г.; 9 января 1943 г.; 18 марта 1943 г.; 17 января 1942 г.; 12 февраля 1943 г.; 14 февраля 1943 г.; 1 января 1944 г.; 1 февраля 1944 г.; 12 марта 1944 г.
24. Советская Сибирь. 24 июня 1941 г.
25. Советская Сибирь. 25 июня 1941 г.
26. Советская Сибирь. 3 января 1942 г.
27. Советская Сибирь. 4 января 1942 г.
28. Советская Сибирь. 8 января 1943 г.
29. Советская Сибирь. 15 января 1944 г.
30. Советская Сибирь. 16 января 1944 г.
31. Советская Сибирь. 13 февраля 1944 г.
32. Советская Сибирь. 1945 г. 25 января, 25 апреля, 28 апреля, 4 мая, 10 мая.

Орлов Е.И.
Магистрант, Сибирского Федерального Университета, г. Красноярск. SPIN-код: 1142-1688

СССР и страны лимитрофы в системе советских интересов*

Аннотация. Статья посвящена анализу роли и места лимитрофных государств (Финляндия, страны Балтии, Польша, Румыния) в советской внешнеполитической доктрине 1920–1930-х годов. Автор рассматривает, как эти страны, возникшие на западных рубежах бывшей Российской империи, стали «буферной зоной» («санитарным кордоном») между СССР и Западом Особое внимание уделяется двойственной политике самих лимитрофов, балансировавших между интересами СССР, Германии и западных держав, а также их растущей экономической зависимости от Третьего рейха к концу 1930-х годов. Статья доказывает, что именно переплетение идеологических установок, геополитических интересов великих держав и внутренней слабости самих лимитрофов превратило регион в зону постоянной напряженности, что в значительной мере предопределило дипломатический кризис накануне Второй мировой войны.

Ключевые слова: лимитрофные государства, «санитарный кордон», советская внешняя политика, межвоенный период, страны Балтии, Финляндия, Польша, Румыния, Версальская система, коллективная безопасность, геополитика, Третий рейх, экономическая зависимость, договор о ненападении.

Orlov E.I.
Master's student, Siberian Federal University, Krasnoyarsk. SPIN-code: 1142-1688

The USSR and the limitropha countries in the system of soviet interests

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role and place of the limitrophic states (Finland, the Baltic states, Poland, Romania) in the Soviet foreign policy doctrine of the 1920s and 1930s. The author examines how these countries, which emerged on the western borders of the former Russian Empire, became a "buffer zone" ("cordon sanitaire") between the USSR and the West. Special attention is paid to the dual policies of the limitrophes themselves, balancing the interests of the USSR, Germany and the Western powers, as well as their growing economic dependence on the Third Reich by the end of

* © Орлов Е.И., 2025.

the 1930s.- x years. The article proves that it was the intertwining of ideological attitudes, the geopolitical interests of the great powers and the internal weakness of the limitrophs themselves that turned the region into a zone of constant tension, which largely predetermined the diplomatic crisis on the eve of World War II.

Key words: limitrophic states, the cordon sanitaire, Soviet foreign policy, the interwar period, the Baltic States, Finland, Poland, Romania, the Versailles system, collective security, geopolitics, the Third Reich, economic dependence, the non-aggression pact.

После Первой мировой войны на западных рубежах бывшей Российской империи возникли новые государства - Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша и Румыния. Эти страны, формально независимые, фактически стали буферной зоной («санитарным кордоном») между СССР и Западом. Их политика балансировала между интересами ведущих стран, что особенно ярко проявилось в советских отношениях с Финляндией и странами Балтии, где сочетались дипломатические инициативы и военные угрозы [1].

Цель данной статьи — комплексный анализ положения лимитрофных государств в советской внешнеполитической доктрине в 1920–1930-е годы.

Историографическое осмысление статуса лимитрофных государств в советской внешнеполитической доктрине прошло многослойную эволюцию, от отражения идеологических установок времени до попыток комплексного междисциплинарного анализа в современной науке.

В рамках советской исторической школы можно выделить несколько этапов. В 1920–1930-е гг. преобладала концепция «империалистического окружения», в соответствии с которой внешнеполитическая активность СССР трактовалась как вынужденная оборонительная реакция на агрессивные действия капиталистических государств (Покровский М.Н., Потемкин В.П.). В 1940-е годы, после интеграции прибалтийских республик в состав Советского Союза, акцент сместился на доктрину «добровольного вхождения» и «мирных революций» (Зутис Я., Дауге П., Миккер Р.), что находило отражение как в публицистике, так и в академических работах В послевоенный период советские исследователи (А.Л. Нарочницкий, В.Г. Трухановский) акцентировали легитимность изменений границ 1939–1940 гг., аргументируя это необходимостью обеспечения безопасности СССР в условиях нарастающей угрозы со стороны Германии. Позднесоветская историография (Трухановский В.Г., Сиполс В.Я.) добилась значительного прогресса в изучении оперативных документов РККА и материалов НКИД, хотя интерпретация событий оставалась в рамках «классовой борьбы».

Западная историография, напротив, формировала устойчивую кон-

цепцию «советской оккупации» государств Балтии, фокусируясь на проблематике утраты суверенитета и насильственной инкорпорации. Наиболее последовательно эта позиция представлена в работах С.У. Пейджа, Г. фон Рауха, Б. Мейснера. Отдельного внимания заслуживает балтийская историческая школа (А. Странга, Э. Якобсон, М. Ильмярв, Л. Мялксоо, М. Лаар), выстраивающая критический нарратив, сочетающий национально-политическую идентичность с элементами правовой оценки советской внешней политики.

Современная российская историография характеризуется методологическим плюрализмом. В рамках либерально-критического направления (М.И. Семиряга, Е.Ю. Зубкова) признаётся факт включения Прибалтики в состав СССР как результат политического давления, однако отвергается правовая квалификация этих действий как «оккупации». Представители патриотической школы (Ю.В. Емельянов, М.Ю. Крысин, А.Р. Дюков) акцентируют внимание на геополитической обоснованности решений советского руководства и правомерности изменений, учитывая международную обстановку конца 1930-х годов. Академическая традиция (А.О. Чубарьян, Р.Х. Симонян) стремится к нейтральному и взвешенному анализу, опираясь на широкую источниковую базу и сравнительные подходы.

В рамках новейших исследований актуальными являются темы: влияние медийного дискурса на формирование политических интерпретаций (Е. Нымм, Д. Ханов); транснациональные подходы к анализу предвоенного кризиса (Т. Снайдер, Ю.З. Кантор); исследования авторитарных моделей государственности в странах Балтии (А. Каспаравичюс, Г. Рудис). Современная историография демонстрирует широкий спектр интерпретаций, обусловленных не только различиями в источниковедческой базе, но и политико-идеологическими позициями самих исследователей.

Географическая близость Финляндии к Ленинграду определяла её особый статус в советской внешней политике. Тартуский мирный договор 1920 года, закрепивший суверенитет Хельсинки и установивший границы, создал формальную основу для отношений, которые в межвоенный период развивались в парадоксальном сочетании прагматического сотрудничества и глубинного взаимного недоверия. Эта двойственность проявлялась на всех уровнях: в то время как финская дипломатия последовательно включалась в механизмы коллективной безопасности (членство в Лиге Наций с 1920 г.), советское руководство рассматривало северо-западное направление как потенциальный театр военных действий, особенно после прихода нацистов к власти в Германии.

Период 1920-х годов характеризовался относительной стабильностью, однако уже в начале следующего десятилетия ситуация изменилась. Заключённый в 1932 году договор о ненападении с автоматическим продлением

(если не последовало денонсации) формально закреплял принцип нерушимости границ, но не устранял стратегических противоречий. Советские аналитические записки 1933-1935 гг. фиксировали растущие опасения по поводу: возможного использования финской территории западными державами как плацдарма против СССР; усиления германского влияния в регионе; уязвимости ленинградского направления [2].

Эти опасения получили институциональное оформление в оперативных планах РККА, где финский театр рассматривался как приоритетный уже с 1935 года. Параллельно на дипломатическом уровне Москва предпринимала попытки добиться военно-политических гарантий, что вылилось в переговоры 1938-1939 гг. об аренде островов в Финском заливе и укреплении системы ПВО вокруг Ленинграда. Отказ Хельсинки от этих предложений, мотивированный принципами нейтралитета, был воспринят советской стороной как подтверждение стратегических подозрений.

Особую остроту в советско-финских отношениях середины 1930-х годов приобрело военное сотрудничество Финляндии с нацистской Германией. Как отмечается в документах НКВД, уже в декабре 1934 года председатель Совета обороны Финляндии К.Г. Маннергейм провёл переговоры в Берлине о поставках немецкого вооружения и обсудил позицию Финляндии в случае войны с СССР. Советские аналитические материалы фиксировали усиление германо-финляндского взаимодействия: в 1936 году в справке НКВД подчёркивалось, что Финляндия «ориентируется на фашистскую Германию, прикрывая это заявлениями о нейтралитете». Культурные и экономические связи Финляндии с Третьим рейхом (например, празднование юбилея «Калевалы» в Берлине или рост товарооборота по договору 1934 года) усиливали подозрения Москвы. Резолюция Политсекретариата ИККИ прямо называла финский режим «фашистской диктатурой буржуазии», стремящейся к захвату Советской Карелии. Эти факторы сделали невозможным реализацию советских инициатив, таких как Восточный пакт, и заложили основу для кризиса 1939 года.

Советская пресса, особенно «Правда», активно комментировала финляндскую позицию, представляя её как «провокационную» и «подконтрольную западным империалистам». Например, в статье от 12 октября 1938 года подчёркивалось, что отказ Хельсинки от сотрудничества с СССР ставит под угрозу безопасность Ленинграда, а нейтралитет Финляндии назван «фикцией» (Правда, 1938, № 284). Эти публикации отражали нарастающее недоверие советского руководства, что впоследствии стало идеологическим обоснованием для Зимней войны 1939–1940 годов. Материалы НКИД СССР свидетельствуют, что подобная риторика была частью стратегии по формированию общественного мнения в пользу силового решения «финляндского вопроса».

С 1935 года в аналитических материалах Генерального штаба РККА усиливался тезис о возможном вовлечении Финляндии в антисоюзные блоки в случае начала общеевропейского конфликта. Ранее финская дипломатия в Москве воспринималась как стремящаяся к нейтралитету, однако в условиях усложняющейся международной обстановки эти предположения стали основанием для корректировки оперативных планов на западных рубежах.

Определённый подъём в двусторонних отношениях произошёл в 1936 году после парламентских выборов в Финляндии. В первой половине 1937 года наблюдался рост дипломатической активности, что свидетельствовало о попытке стабилизации. Однако этот этап оказался кратковременным: в 1938 году, на фоне резкого усиления германской активности, Советский Союз попытался получить от Финляндии юридические и военно-политические гарантии, исключающие использование её территории в случае войны.

В ходе переговоров в Хельсинки, инициированных советской стороной, были выдвинуты требования о создании оборонительных сооружений в Финском заливе и укреплении системы ПВО вокруг Ленинграда. Финляндия, опираясь на концепцию строгого нейтралитета, отказалась выполнить эти условия, опасаясь ущемления своего государственного суверенитета. Переговоры завершились безрезультатно, несмотря на продолжающиеся попытки советской стороны найти компромисс. Провал дипломатических усилий объясняется как внутренними ограничениями финской внешнеполитической доктрины, так и возрастанием влияния внешних центров силы, прежде всего Великобритании [3].

В формировании внешнеполитической доктрины межвоенного периода балтийские территории занимали ключевое место в системе стратегических приоритетов Москвы. С одной стороны, регион рассматривался как потенциальный плацдарм для иностранного военного вмешательства благодаря выгодному географическому положению. С другой — сохранял значение важного транспортного коридора, обеспечивающего жизненно необходимый доступ к морским коммуникациям.

В начале 1939 года руководство Третьего рейха приступило к активной реализации экспансионистских планов в Восточной Европе. Ключевыми направлениями политики стали подготовка военной операции против Польши (план «Вайс») и разработка стратегии контроля над территориями балтийских государств. В геополитических расчетах Берлина особое место занимала концепция создания «германского ядра» в Центральной Европе, включающего до 100 миллионов этнических немцев, в том числе проживавших в Прибалтике, где исторически сформировалась влиятельная немецкая община.

Первой практической реализацией этих планов стало аннексирование Мемельской (Клайпедской) области в марте 1939 года. Литовское правительство, столкнувшись с угрозой военного вторжения, было вынуждено согласиться на эту территориальную уступку. Одновременно Эстония демонстрировала готовность к углублению сотрудничества с Третьим рейхом, что вызывало серьёзную озабоченность советского руководства.

28 марта 1939 года Советский Союз через Народный комиссариат иностранных дел направил официальную ноту эстонскому правительству, в которой категорически отвергалась возможность заключения соглашений, ограничивающих суверенитет балтийских государств. Эта дипломатическая акция отражала стремление Москвы сохранить статус-кво в регионе и предотвратить установление германского доминирования.

Однако правящие круги Эстонии, а также западные державы — Великобритания и Франция — заняли негативную позицию по отношению к советским предложениям о создании системы коллективной безопасности. Кульминацией этой политики стало подписание 7 июня 1939 года эстонско-германского пакта о ненападении, что фактически означало выбор Таллином прогерманской ориентации.

Необходимо подчеркнуть, что интерес к Прибалтике имел глубокие исторические корни. После поражения Германии в Первой мировой войне страны Антанты не только позволили сохранение немецких войск на территории Латвии, но и способствовали формированию в регионе националистических режимов, рассматривая их как инструмент противодействия советскому и германскому влиянию в Восточной Европе.

После установления авторитарных режимов — в Латвии после переворота 1934 года — влияние западных держав в регионе значительно усилилось. Экономические показатели свидетельствуют о глубокой интеграции прибалтийских экономик в систему западного капитализма: к 1938 году доля иностранных инвестиций, преимущественно германских, британских и американских, в банковском секторе Латвии достигала 60%, а две трети латвийского экспорта направлялись в Великобританию и Германию.

Формирование лимитрофного пояса стало возможным во многом благодаря позиции стран Антанты, которые, преследуя цели сдерживания как Германии, так и России, поддержали создание ряда новых государств на постимперском пространстве. Сохранение германских частей на территории Латвии и Литвы в 1919–1920 годах, а также прямые интервенции союзников свидетельствовали о стремлении обеспечить своё влияние в регионе [5].

Внешнеполитический курс молодых балтийских государств в первые годы их существования характеризовался отсутствием чёткой стратегии и значительной зависимостью от западных покровителей. Экономиче-

ская модель, сформировавшаяся к 1930-м годам, фактически превратила Латвию и Эстонию в сырьевые придатки промышленно развитых держав. При этом Германия, особенно после прихода нацистов к власти, последовательно наращивала своё влияние в регионе, что проявилось в заключении двусторонних договоров (в частности, пакта о ненападении с Эстонией в 1939 году) и экономическом проникновении.

Литовская Республика оказалась в центре сложных международных противоречий. Особую остроту приобрёл Вильнюсский вопрос — территориальный спор с Польшей, который оставался нерешённым несмотря на формальное прекращение военного конфликта в 1927 году по решению Лиги Наций. Фактически сохранялись закрытая граница и полное отсутствие официальных дипломатических отношений между двумя государствами [6].

Как показано в диссертации Карнаухова К.А., литовская пресса в 1939–1941 гг. демонстрировала двойственную позицию. Официальные издания, такие как Lietuvos Aidas, избегали прямой критики СССР после заключения пакта о взаимопомощи в октябре 1939 года, что отражало осторожную политику правительства. В то же время сатирические журналы, например *Sekmadienis*, открыто высмеивали идею «советского протектората», выражая недовольство части общества. Эта тактика отражала попытки Литвы лавировать между Берлином и Москвой в условиях геополитического давления. Ситуация усугубилась после потери Клайпеды в марте 1939 года, когда Германия, воспользовавшись ультиматумом, аннексировала этот ключевой порт [7].

Международное положение Литвы осложнялось двойственной позицией западных держав. С одной стороны, Великобритания и Франция оказывали давление с требованием уступок Польше и Германии, с другой — фактически поощряли германскую экспансионистскую политику в рамках «мюнхенского курса». Особенно ярко это проявилось в 1938 году, когда Литва была вынуждена принять польский ультиматум и установить дипломатические отношения с Варшавой, что фактически означало признание утраты Вильнюсского края.

Парадоксально, что к 1939 году стратегические интересы СССР и Литвы объективно совпадали — обе страны были заинтересованы в сдерживании германской агрессии. Однако литовское правительство, продолжая декларировать нейтралитет, отказалось от сотрудничества с Советским Союзом в создании системы коллективной безопасности. Такая позиция в сочетании с нарастающей экономической зависимостью от Германии существенно ослабила международные позиции Литвы накануне Второй мировой войны.

Экономическая зависимость стран Балтии от Германии к 1939 году до-

стигла критического уровня, что существенно влияло на их внешнеполитический курс. Как свидетельствуют документы Наркомата внешней торговли СССР, доля Германии во внешнеторговом обороте Латвии составляла 42%, Эстонии — 38%, Литвы — 75%. Особенно показательной была ситуация в банковском секторе: к 1938 году 60% капитала крупнейших латвийских банков контролировалось немецкими инвесторами (Карнаухов К.А., 2017. С. 47). Эта зависимость искусственно поддерживалась через систему клиринговых соглашений, которые, по оценке советского полпреда в Риге И.С. Зотова, «превратили Прибалтику в экономический придаток рейха». Характерно, что даже после заключения пактов о взаимопомощи с СССР в 1939 году, Латвия и Эстония продолжали тайные переговоры с Берлином о расширении торговых квот, о чём советская разведка докладывала в шифртелеграммах от 15 октября 1939 года. Подобная экономическая модель, как отмечал в донесениях нарком иностранных дел В.М. Молотов, делала прогерманскую ориентацию правящих кругов Прибалтики «неизбежной и системной», что существенно осложняло советские попытки переориентировать регион в зону своих интересов [7].

В 1920–1930-е годы стратегические разногласия между Великобританией и Францией по вопросу формирования прибалтийского союза стали очевидными. Британская дипломатия склонялась к созданию ограниченного альянса с участием двух-трёх государств, тогда как французская сторона настаивала на формировании расширенного блока из четырёх-пяти стран под польским руководством. Эти разногласия отражали глубокие противоречия в подходах западных держав к созданию системы «санитарного кордона» против Советской России [8].

Основным препятствием для реализации этих планов стали непреодолимые противоречия между потенциальными участниками союза, в первую очередь — острый польско-литовский конфликт вокруг Вильнюсского края. Несмотря на периодические совместные демарши западных держав, Франция в целом закрывала глаза на экспансионистские устремления Польши, тогда как британская позиция отличалась большей жёсткостью по отношению к варшавским амбициям. В 1921 году под давлением западных держав состоялись польско-литовские переговоры в Брюсселе и Женеве, на которых британские представители активно настаивали на федеративном объединении, что было категорически отвергнуто литовской стороной.

Польша рассматривалась западными стратегами как ключевое звено антисоветского барьера благодаря своему географическому положению между Германией и СССР. Политика Юзефа Пилсудского, направленная на создание буфера из зависимых государств, привела к польско-советской войне 1920 года. Рижский мирный договор 1921 года закрепил

включение в состав Польши территорий с преимущественно белорусским и украинским населением, национальные права которых систематически нарушались. Особую остроту приобретал вопрос Восточной Галиции — территории, аннексированной Польшей в 1919 году и так и не признанной Советским Союзом.

Советско-польские отношения в межвоенный период отличались сложностью и противоречивостью. Несмотря на заключённый в 1932 году пакт о ненападении, сохранялись серьёзные разногласия по территориальным и национальным вопросам. Попытки экономического сотрудничества сталкивались с политическими препятствиями, хотя географическая близость и протяжённая общая граница создавали объективные предпосылки для взаимовыгодных отношений [8].

Румыния занимала ключевое место в системе западного «санитарного кордона», значительно расширив свою территорию после Первой мировой войны за счёт Бессарабии и иных регионов. Бухарестский союз с Польшей 1921 года и последующая ориентация на Германию в 1930-е годы превратили Румынию в важный элемент антисоветской стратегии. Бессарабский вопрос оставался постоянным источником напряжённости в отношениях с Советским Союзом.

Межвоенный период характеризовался острейшими противоречиями в Восточной Европе, где пересекались интересы Советского Союза, западных держав и новых национальных государств. Лимитрофы — от Финляндии до Румынии — оказались не только объектами геополитических манипуляций, но и субъектами, стремившимися выстроить самостоятельную внешнюю политику в условиях жёсткой конкуренции великих держав.

Советский Союз последовательно стремился минимизировать риски на своих западных границах посредством заключения договоров о ненападении, попыток создания системы коллективной безопасности и прямого политического давления. Тем не менее, ограниченные возможности самих лимитрофных государств, их экономическая и политическая зависимость от западных держав, а также внутренняя нестабильность превращали регион в зону постоянной напряжённости.

Таким образом, лимитрофный пояс играл ключевую роль в архитектуре европейской безопасности межвоенного периода, а политика Советского Союза в данном регионе сочетала элементы обороны, что в значительной мере предопределило характер предвоенного дипломатического кризиса в Восточной Европе.

Библиографический список:

1. Почс К.Я. «Санитарный кордон»: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921–1929 гг.) / К.Я. Почс. – Рига: Зинатне, 1985. 192 с.

2. Семиряга М.И. «Советско-финляндская война: (к 50-летию окончания)» / М. И. Семиряга. – М.: Знание, 1990. № 3. 64 с.
3. Флегонтов Н.А. Особенности советско-финских отношений в конце 1920-х – начале 1930-х годов и их значение в условиях международной напряжённости // Скиф: вопросы студенческой науки. 2021. № 3 (55). С. 75.
4. Кахк Ю.Ю. История Эстонской ССР: популярный очерк / Ю.Ю. Кахк, К. Сийливаск. – 2-е изд., доп. и испр. – Таллин: Периодика, 1987. 233.
5. История Литовской ССР / Ин-т истории АН ЛитССР; [редкол.: Б. Вайткявичюс (отв. ред.) и др.]. – 2-е изд. – Вильнюс: Мокслас, 1986-400.
6. Эйдинтас А. История Литвы / А. Эйдинтас, А. Бумблаускас, А. Кулакаускас, М. Тамошайтис. – Вильнюс: Eugrimas, 2013. 318 с.
7. Карнаухов, К. А. Вхождение Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза в освещении средств массовой информации СССР и стран Балтии: 1939-1941 гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Карнаухов Кирилл Александрович; Алтайский государственный университет. – Бийск, 2017. 277 с.
8. Михалев, С. Н. Стратегическое руководство. Россия / СССР в двух мировых войнах XX столетия / С.Н. Михалев; под ред. В.А. Золотарева; Рос. акад. естеств. наук, Отд-ние воен. истории, культуры и права [и др.]. – Красноярск: Краснояр. пед. ун-т, 2000. 459 с.
9. Очерки истории советско-польских отношений, 1917-1977 / АН СССР, И.И. Костюшко (ответственный редактор) [и др.], польская часть: Л. Базылев (ответственный редактор) [и др.]. – Москва: Наука, 1979. 584 с.
10. Суздалева Т.Р. Игроки политической модернизации современной России // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 5 (155). С. 54-61.

Reference

1. Pochs K.Ya. "The Sanitary Cordon": The Baltic Region and Poland in the Anti-Soviet Plans of British and French Imperialism (1921–1929) / K.Ya. Pochs. – Riga: Zinatne, 1985. 192 p.
2. Semiryaga M.I. "The Soviet-Finnish War: (on the 50th Anniversary of its End)" / M.I. Semiryaga. – Moscow: Znanie, 1990. No. 3. 64 p.
3. Flegontov N.A. Features of Soviet-Finnish Relations in the Late 1920s – Early 1930s and Their Significance in the Context of International Tension // Skif: Issues of Student Science. 2021. № 3 (55). P. 75.
4. Kahk Yu.Yu. History of the Estonian SSR: A Popular Essay / Yu.Yu. Kahk, K. Siilivask. – 2nd ed., supplemented and corrected. – Tallinn: Periodika, 1987. 233.
5. History of the Lithuanian SSR / Institute of History of the Academy of Sciences of the Lithuanian SSR; [editorial board: B. Vaitkevicius (responsible editor) and others]. – 2nd ed. – Vilnius: Mokslas, 1986-400.
6. A. Eidintas. History of Lithuania / A. Eidintas, A. Bumblauskas, A. Kulakauskas, M. Tamošaitis. - Vilnius: Eugrimas, 2013. 318 p.
7. Karnaukhov K.A. The Accession of Lithuania, Latvia, and Estonia to the Soviet Union as Covered by the Mass Media of the USSR and the Baltic States: 1939-1941: specialty 07.00.02 "Domestic History": dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences / Karnaukhov, Kirill Aleksandrovich; Altai State University. – Biysk, 2017. 277 p.
8. Mikhalev, S. N. Strategic Leadership. Russia / the USSR in the Two World Wars of the Twentieth Century / S.N. Mikhalev; edited by V.A. Zolotarev; Russian Academy of Natural Sciences, Department of Military History, Culture, and Law [and others]. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Pedagogical University, 2000. 459 p.
9. Essays on the history of Soviet-Polish relations, 1917-1977 / USSR Academy of Sciences, I.I. Kosciuszko (editor-in-chief) [et al.], Polish part: L. Bazylev (editor-in-chief) [et al.]. – Moscow: Nauka, 1979. 584 p.
10. Suzdaleva T.R. The players of the political modernization of modern Russia // Etnosotsium and international culture. 2021. № 5 (155). P. 54-61.

Айбазов А.И.
Ассистент. Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, г. Карачаевск.

Схаляхо Р.А.
Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник отдела антропологии Музея антропологии и этнографии. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера), г. Санкт-Петербург.

К вопросу о наличии этнонима «алан» в сванском языке (по материалам первой половины XIX века)*

Аннотация. Язык ценный исторический источник, изучение которого особенно важно для народов, не обладавших развитой письменной традицией. Интересные данные для историков может дать этнонимика – раздел ономастики, занимающийся изучением названий различных этнических групп. На основании материалов середины XIX века авторы изучают вопрос присутствия этнонима «алан» в сванском языке. Поводом для этого стало содержание рукописи «Сванетия» выявленной в фонде Санкт-Петербургской духовной академии в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Согласно ее данным сваны называли карачаевцев «алан». Данный факт в специализированной литературе ранее не встречался. Обращение к другим источником, того же периода, позволяет частично подтвердить сведения из рукописи. Вместе с тем, автор считают, что нельзя говорить об этом наверняка. Исследователи обращают внимание на ограниченность материалов и источников по сванскому языку, доступных для русскоязычного исследователя. Изучение сванского языка может дать важную информацию для истории всего Северного Кавказа.

Ключевые слова: Этноним, аланы, сваны, карачаевцы, балкарцы.

Aibazov A.I.
Assistant at the Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev.

Skhalyakho R.A.
PhD of Biological Sciences, Senior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences.

* © Айбазов А.И., Схаляхо Р.А., 2025.

To the question of the presence of the ethnonym "Alan" in the Svan language (based on materials from the first half of the 19th century)

Abstract. Language is a valuable historical source, the study of which is especially important for peoples who lacked a developed written tradition. Ethnonymy, a branch of onomastics that studies the names of various ethnic groups, can provide interesting data for historians. Using materials from the mid-19th century, the authors examine the presence of the ethnonym "Alan" in the Svan language. This study was prompted by the contents of the manuscript "Svanetia", discovered in the collection of the St. Petersburg Theological Academy in the Manuscript Department of the National Library of Russia. According to this manuscript, the Svans called the Karachays "Alan." This fact has not previously been encountered in specialized literature. Consulting other sources from the same period allows us to partially confirm the information contained in the manuscript. However, the authors believe that this cannot be confirmed with certainty. The researchers note the limited materials and sources on the Svan language available to Russian-speaking researchers. Studying the Svan language could provide important information for the history of the entire North Caucasus.

Key words: Ethnonym, Alans, Svans, Karachays, Balkars.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках плановой темы НИР МАЭ РАН.

Выдающийся осетинский исследователь В.И. Абаев писал: «В настоящее время кажется излишним доказывать, что язык представляет первостепенный исторический источник» [1: 9]. С этим утверждением сложно не согласиться. Добавим – значение языка как исторического источника особенно важно для народов Северного Кавказа, для которых в целом нехарактерно наличие развитой письменной традиции в прошлом.

Не все составляющие языка одинаково ценны для историков. В этом смысле наиболее важной является лексика. Одной из наиболее интересных областей языкознания является ономастика – раздел лингвистики, изучающий собственные имена, их историю возникновения и преобразования. В ней в свою очередь выделяется этнонимика – наука, занимающаяся изучением названий различных видов этнических групп и общностей.

Историография кавказской этнонимики не имеет особенно глубоких корней. Но, по словам Н.Г. Волковой, большинство авторов, которые писали о Северном Кавказе в XIX веке и ранее, фиксируя местные названия, нередко уделяли некоторое внимание их содержанию, истории и т.п. На рубеже XIX и XX веков начали появляться статьи и этюды, посвященные этнонимии отдельных этнических групп. В советское время интерес к

местным названиям значительно возрос. Но при этом, долгое время никаких «специальных монографических исследований» по данной тематике не существовало [2: 15]. Работа Н.Г. Волковой «Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа» (Москва, 1973) является не только первым фундаментальным исследованием в этой области, но и по настоящее время нисколько не потеряло своей актуальности и значимости.

Отдельный раздел у Н.Г. Волковой посвящен этнонимам карачаевцев и близкородственных им балкарцев. Ограниченные рамками настоящего исследования мы не будем подробно останавливаться на его разборе. Достаточно сказать, что по ее данным для обозначения карачаевцев и балкарцев существали названия «не известные» им самим «и распространенные лишь среди соседних им народов», перечисляя среди таковых: «грузинское *басиани*, мегрельское *алани*, осетинское *асиаг* и *æссон*, сванское *мусâ* (мн. ч. савиар)» [2: 94]. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет предположить, что в случае со сванами ситуация была несколько более сложной. Поводом для подобного утверждения стала рукопись, обнаруженная в собрании документов Санкт-Петербургской духовной академии в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки [3: 165-168 об.[1]].

Рукопись с кратким названием «Сванетия» представляет собой список с неизвестного подлинника. Автор не указан, но известна дата, когда были зафиксированы данные и источник осведомленности: «Сведения записаны мною после разговора с сыном владетельного князя Сванетии Михаила Дидишкелиани, воспитанным в С.П.б кадетском корпусе и теперь находящимся в Тифлисе в военной службе. Октября 15-го дня 1845 года» [3: Л. 168].

В рукописи дается беглое описание Сванетии и сванов: численность населения, занятия, язык, обычаи и религиозный уклад. Но в начале – небольшая географическая справка: «Одна часть [Сванетии] принадлежит князю Михаилу Дидишкелиани, другая – князю Николаю Дидишкелиани, третья – правителю Мингрелии князю Дадиану, а четвертую составляет Вольная Сванетия. <…> Принадлежащая князю Михаилу Дидишкелиани часть Сванетии граничит к Югу с Мингрелиею, Юго-Западу с Самурзаканским округом, к Западу с Абхазиею, к Северу-Западу округом Цебельдинским (Абхазским), к Северу с землею карачаевских черкесов, к Востоку с Сванетиею князя Николая Дидишкелиани» [3: Л. 165]. Карачаевцы упоминаются в рукописи несколько раз. Эта информация будет весьма интересна для интересующихся историей взаимоотношений кавказских народов. Например, есть указание, на то, что сваны «делают толстые сукна, бурки, и ведут

1 В работе мы используем сквозную чернильную нумерацию приведенную в правом верхнем углу единицы хранения – прим. авт.

меновый торг с Мингрелиею и Карачаем» [3: Л. 166]. Или же: «Язык сванетов особенный. Некоторые слова вошли из грузинского и обезобразились. Вообще же грузинского языка жители понимать не могут, но с карачаевцами объясняются по-татарски» [3: Л. 166-166 об.]. Основной интерес автора был связан с положением христианства в Сванетии. Он пишет: «Несмотря на то, что с давнего времени не было у сванетов духовенства, при всей суровости нравов, загрубевших от непрестанной почти войны с соседями, и вопреки мусульманскому фанатизму карачаевцев и других сопредельных племен, действительно у них сохранились доселе некоторые следы древнего христианства» [3: Л. 166 об.-167]. Автор, очевидно, обладал некоторыми познаниями в истории. Возможно, это заставило его обратить внимание на ключевой для настоящей работы факт: «Замечательно, что сванеты соседей своих карачаевцев иначе не называют, как аланами. Это след для историков древнего народа – аланов» [3: Л. 168].

При прочих обстоятельствах можно было бы сказать, что Н.Г. Волкова не столь точна, и среди названий, которые бытовали у сванов для обозначения карачаевцев, следовало упомянуть этноним «алан». Но известные нам работы и словари этого не подтверждают. Мы далеки от мысли, что наши познания в литературе, посвящённой сванскому языку, носят исчерпывающий характер, однако нельзя не заметить, что данный этноним не был выявлен не только Н.Г. Волковой, но и такими исследователями, как А.Н. Грен, Н.Я. Марр (его информаторами), В.И. Абаевым и Г.А. Климовым [4: 129; 5: VI-VII; 1: 291-308;6: 180-186]. В тоже время, вышеприведённые сведения из рукописи нельзя назвать ошибочными, они вполне верифицируются рядом других источников:

В 1834 г. один из офицеров Генерального штаба, князь Шаховский лично посетил Сванетию. Во время поездки он имел близкое и сравнительно продолжительное общения со сванскими, карачаевскими, балкарскими и кабардинскими феодалами. В подготовленной на основании его данных «записке» подробно описаны «карачаевцы или аланы, уруспиевцы или кумыки[2], чеченцы[3], хуламцы, безенгиевцы и малкарцы» [7: 18]. Логичный вопрос: откуда офицеру Генерального штаба стали известны «карачаевцы или аланы»?[4]. Другой пример употребления этнонима «алан» у сванов – это довольно известные в кавказоведении «просительные пункты князя Циоха Дадешкилиани» (1830-е), в которых он описывает свои владения,

2 Верно «камыки» – прим. авт.

3 Верно «чегемцы» – прим. авт.

4 Очевидно, что если бы причиной подобного наименование карачаецев было встречающееся у них обращение «алан», то тогда оно должно было отразиться и в наименовании балкарских обществ, т.к. встречается во всех диалектах и говорах карачаево-балкарского языка.

как лежащие «меж Кавказских гор на вершинах рек Ингура, Баксани, граничащими с большою Кабардою, Аланиею, Мингрелиею и Рачинским округом» [8: Л. 28-28 об.]. Не сложно догадаться какая из областей, граничащих с его территориями, скрывается под названием Алания.

К сказанному следует добавить сведения, содержащиеся в одной из работ под редакцией немецкого исследователя Генриха Бергхауса, о том, что «Бассиан… также называют карачаевскими (черноводными) тюрками (у осетин) и аланами (у сванов, картвелоязычного племени)» [9: 69]. К сожалению, источник осведомленности Бергхауса точно не известен[5].

В настоящее время, в силу различных обстоятельств, мы не можем категорично утверждать, использовалось ли в сванском языке название «алан» для обозначения карачаевцев или нет, и если использовалось, то почему не отложилось в позднейших источниках. В частности, это вызвано затруднениями источниковедческого характера. Ситуация с научным изучением сванского языка и культуры весьма противоречива, если говорить о литературе на русском языке. С одной стороны, в дореволюционный период было опубликовано множество статей, описаний, заметок и т.п., посвящённых Сванетии; есть несколько работ, по языку и фольклору. С другой стороны, все они имеют недостатки, характерные для того уровня науки, к тому же, большая работ не являлась научными исследованиями. В советское время акцент изучения Сванетии сдвинулся в пользу грузинского языка. Работы на русском языке продолжали выходить, но, за редким исключением они не могли сравниться с исследованиями, печатавшимися на грузинском. Последние, в свою очередь, почти всегда оставались непереведенными.

О сложности поставленной задачи и противоречивости данных хорошо говорит следующее. К.Ф. Ганн, апеллируя то ли к собственным данным, то ли по-своему переосмысливая сведения, которые он встречал в соответствующей литературе, пишет: «Горцы Северного Кавказа сванов зовут “ебзе”; сваны же ближайших своих соседей-горцев называют савар и страну их Сави, а страны плоскостные, лежащие к С.[еверу] от Карачая, Баксана и Чегема, известны сванам под название Кашаг; жителей же сваны зовут кашгарами или аланами» [10: 128-129]. Название «кашаг» хорошо понятно: это сванское и осетинское название кабардинцев-адыгов

5 На легенде карты Г. Бергхауса «Die Völker des Kaukasus u. s. w.ë» (1848 г.) «Alan» используются в одной строке с «Bassianen» и «Karatschai» для обозначения карачаевцев и балкарцев вместе взятых. Также он перечисляет названия балкарских обществ: «Kamuk», «Tschegem» и «Balkar». Первое в литературе встречается довольно редко. Не ясно, говорит ли это в пользу того, что данные Бергхауза опосредовано заимствованы у Шаховского, но этого нельзя исключать . Один из экземпляров карты Бергхауза хранится в Отделе картографии РНБ, шифр: К 2-Кав/66 4.

[11: 19-26]. Но не совсем понятно, как следует расценивать эти показания – даже если эти сведения не результат неверно интерпретации чужих данных – нужно ли считать это одним из последних случаев, когда в сванском языке зафиксирован интересующий нас этноним, или почему для обозначения жителей одной области используется два разных названия, а сама область обозначается только одним из них. Еще более запутанной становится ситуация, если обратиться к тому, что писали современники Гана. Л.Г. Лопатинский, который был лично знаком с ним, сообщает чуть ли не обратное: «Сваны называют кабардинцев малкарар, а Кабарду – Малкар; в этом название слышится Балкария и название реки Малк» [12: 23, сноска]. Чуть раньше, В.Я. Тепцов писал: «Сванеты все земли за хребтом от них называют Карачаем, когда говорят только о земле и употребляют названия групп, когда говорят о народе» [13: 63]. Подобные противоречия очень красноречивы.

С учетом всего вышеизложенного, говоря собственно о самом факте и не углубляясь в историю появления, возможных семантических изменений и трансформаций этнонима «алан», мы можем осторожно предположить, что некогда в сванском языке он присутствовал. Тем более он известен мегрельскому языку, а название области «Аланети» встречается в грузинской письменной традиции XVIII – XIX веков. Более того, историк Т.Ш. Мибчуани настаивает, что это название, упоминаемое В. Багратиони, а вслед за ним Н. Дадиани, обозначало территорию исторического Карачая [14: 61-62, 197]. К схожему выводу пришел и К. Ф. Ган [10: 72]. Вероятно, этноним «алан» мог быть известен картвельским народам с давних времен.

Добавим, по словам Т.Ш. Мибчуани: «В сванском языке есть также слово «алан», которое означает «тот, кто рядом», то есть товарищ, друг» [14: 60]. Но кажется здесь автор допускает ошибку. В карачаево-балкарском языке «алан» употребляется в схожем значении. Если с таким же значением слово действительно присутствует в сванском – подчеркнем, что все те же авторы, которых мы упоминали в начале, этого не подтверждают – то оно является или недавним локальным заимствованием из карачаево-балкарского языка, или вероятнее, окказионализмом сохранившемся в речи людей старшего поколения. Еще в первые десятилетия XX века карачаево-балкарский язык был хорошо известен населению горных районов Грузии [11: 207-208].

Сваны – один из древнейших народов Кавказа и многовековые соседи карачаевцев, с которыми они были связаны самыми тесными контактами. Изучение сванской материальной и духовной культуры, языка позволит выявить огромное количество информации об их соседях. Возможно, слова неизвестного автора середины XIX века окажутся пророческими,

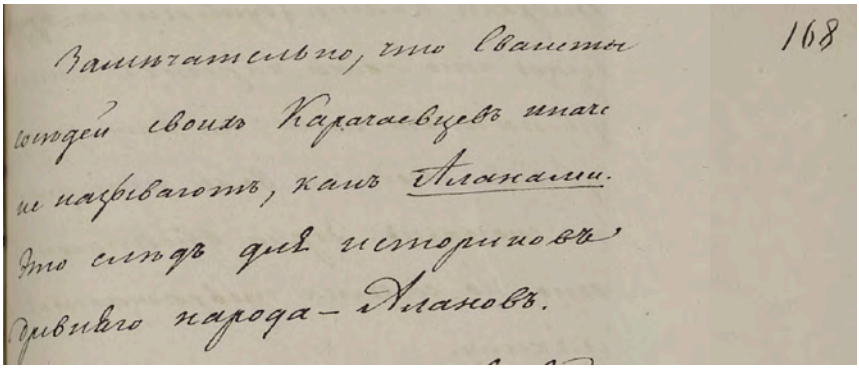


Рис. 1. ОР РНБ. Ф. 573. Оп. 1. Ед./хр. AI/56. Л. 168.

и сванский язык даст новые данные о средневековых аланах, привлекающих к себе значительное внимание в научной среде. Уверены, что небольшой по численности сванский народ имеет первоочередное значение для истории всего Кавказа.

Библиографический список:

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. – Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. 601 с.
2. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. Москва: – Изд-во «Наука», 1973. 207 с.
3. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 573. Санкт-Петербургская духовная академия. Оп. 1. Ед./хр. AI/56.
4. Грен А.Н. Сванетские тексты // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. X. Тифлис, 1890. С. 76-160.
5. Ониан А. Сборник сванских названий деревьев и растений (на лашхском наречии) / Арсен Ониан; [от ред. Н. М. [app]]. Петроград: Тип. Акад. Наук, 1917. VIII с., 41 с.
6. Климов Г.А. О лексике осетинского происхождения в сванском языке / Этимология: исследования по русскому и другим языкам. – Москва: Изд-во АН СССР, 1963. С. 180-186.
7. Балкария: Страницы прошлого. Вып. III. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых («Полиграфсервис и Т»), 2006. 128 с.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268. Оп. 9. Д. 64.
9.Berghaus H. Grundlinien der Ethnographie. Stuttgart, 1849. 404 p. (на немец. яз.).
10. Ган К.Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий Тифлис: тип. канцелярии наместника Е.И.В. на Кавказе, 1909. 164 с.
11. Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты народов Горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.) // Кавказский этнографический сборник. IX. Вопросы исторической этнографии Кавказа. – Москва: Наука, 1989. С. 159-215.
12. Дирр А.М. Современные названия кавказских племен [прим. к статье Л. Лопатинского] // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 40. Тифлис, 1909. С. 1-28.
13. Тепцов В.Я. По Истокам Кубани и Терека // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 14. Тифлис, 1892. С. 59-212.
14. Мибчуани Т. Истоки дружбы: историко-этнографический обзор Сванетии. Тбилиси: Советская Грузия, 1986. 139 с. (на груз. яз.).
15. Багаева А.В. Религиозный фактор регионализации и его следствия // Межконфессиональная миссия. 2019. Том 8. Часть 5. № 40. С. 484-491.

Reference

1. Abaev V.I. Ossetian Language and Folklore. Vol. 1. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1949. 601 p.
2. Volkova N.G. Ethnonyms and Tribal Names of the North Caucasus. Moscow: Nauka Publishing House, 1973. 207 p.
3. Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB). F. 573. St. Petersburg Theological Academy. Op. 1. Unit/storage AI/56.
4. Gren A.N. Svanetian Texts // Collection of Materials for the Description of Localities and Tribes of the Caucasus. Issue X. Tiflis, 1890. P. 76-160.
5. Onian A. Collection of Svan names of trees and plants (in the Lashkh dialect) / Arsen Onian; [ed. N. M. [arr]]. Petrograd: Type. Acad. Sciences, 1917. VIII p., 41 p.
6. Klimov G.A. On the vocabulary of Ossetian origin in the Svan language / Etymology: studies in Russian and other languages. – Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1963. P. 180-186.
7. Balkaria: Pages of the past. Issue III. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarovs ("Poligrafservis i T"), 2006. 128 p.
8. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1268. Op. 9. D. 64.
9. Berghaus H. Grundlinien der Ethnographie. Stuttgart, 1849. 404 p. (in German).
10. Gan K.F. An attempt to explain Caucasian geographical names. Tiflis: Type. Chancellery of the Viceroy of His Imperial Majesty in the Caucasus, 1909. 164 p.
11. Volkova N.G. Ethnocultural contacts of the peoples of the Mountainous Caucasus in public life (19th – early 20th centuries) // Caucasian Ethnographic Collection. IX. Issues of the historical ethnography of the Caucasus. – Moscow: Nauka, 1989. P. 159-215.
12. Dirr A.M. Modern names of the Caucasian tribes [note. to the article by L. Lopatinsky] // Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus. Issue 40. Tiflis, 1909. P. 1-28.
13. Teptsov V. Ya. Along the Sources of the Kuban and Terek // Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus. Issue 14. Tiflis, 1892. P. 59-212.
14. Mibchuani T. The Origins of Friendship: A Historical and Ethnographic Review of Svaneti. Tbilisi: Sovetskaya Gruziya, 1986. 139 pp. (in Georgian).
15. Bagaeva A.V. Religious factor of regionalization and its consequences // Mission confessions. 2019. Volume 8. Issue 5. № 40. P. 484-491.

Тутаева Л.О.

Старший преподаватель кафедры «Отечественная история». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ингушский государственный университет», Магас, Российская Федерация.

Влияние неофитства на традиционные ценности ингушского народа*

Аннотация. Работа посвящена исследованию одной из форм искусственного родства – родства по религии(вере).

Целью данной работы является анализ влияния неофитства на социальные структуры и родственные отношения в ингушском обществе. Рассмотрены такие ее формы, как побратимство и посестримство. Затронуты различные аспекты феномена братства в религии, его особенности, к примеру, в исламе.

Отмечены как позитивные, так и негативные стороны братства в религии, приводящие соответственно, как к социальной сплоченности, так и разобщенности.

В работе также рассмотрены основные маркеры религиозной идентичности.

Ключевые слова: неофиты, искусственное родство, религиозная идентичность, побратимство, посестримство, суперэтнос.

Tutaeva L.O.

Senior Lecturer, Department of Russian History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Ingush State University, Magas, Russian Federation.

The influence of neophyticism on the traditional values of the Ingush people

Abstract. This paper examines one form of artificial kinship – kinship by religion (faith).

The aim of this paper is to analyze the influence of neophyteism on social structures and kinship relationships in Ingush society. Forms of neophyteism, such as brotherhood and sisterhood, are examined. Various aspects of the phenomenon of brotherhood in religion, including its characteristics, for example, in Islam, are discussed.

Both the positive and negative aspects of brotherhood in religion are noted, leading to both social cohesion and disunity, respectively.

* © Тутаева Л.О., 2025.

The paper also examines the main markers of religious identity.

Key words: neophytes, artificial kinship, religious identity, brotherhood, sisterhood, superethnos.

Введение

Неофитство, как социальный и культурный феномен, представляет собой интересный объект для изучения в рамках социологии и антропологии **[1, с. 40].** В социологии неофитство рассматривается через призму теорий социального обмена, где переход к новой религиозной практике интерпретируется как адаптационная стратегия. Этот процесс позволяет индивидууму или группе справляться с изменениями в окружающей социально-культурной среде, находя новые формы социальной интеграции и поддержки. Такое осмысление важно для определения адекватной оценки их действительной роли и разработки эффективной религиозной политики, направленной на сохранение национальной идентичности народов России, а также на обеспечение социального мира и стабильности.

Ингушетия, как часть Кавказского региона, прошла через несколько этапов значительных религиозных изменений, которые оказали влияние на её социально-культурное развитие. Первоначально регион характеризовался преобладанием традиционных верований, связанных с язычеством, включавшим поклонение природным элементам и духам предков. С XIV века ислам начал проникать в регион под влиянием арабских купцов и миссионеров, что стало началом постепенной исламизации. К XVIII веку ислам стал широко распространяться в Ингушетии, чему способствовало распространение суфизма, накшбандийского тариката, который оказал значительное влияние на местное население. А уже в середине XIX стал доминирующей религией всего ингушского общества. Однако в советский период религиозная жизнь региона претерпела значительные изменения: репрессии против религиозных лидеров, ограничение обрядов и пропаганда секуляризации привели к снижению религиозной активности и изменению традиционных практик. В постперестроечный период начался активный процесс реисламизации ингушского общества, который привел к усилению религиозности. В обществе появились женщины в хиджабах, мужчины с бородами и стали функционировать шариатские суды. На смену присяжным или коллективным братствам пришло родство по религии (инг. *бусалба вежарий*) **[2, с. 494].**

Эти исторические этапы демонстрируют сложный процесс трансформации религиозной идентичности ингушского общества, который продолжает оказывать влияние на его современное состояние.

Основная часть

В современном мире родство по религии – это концепция, согласно которой люди ощущают общность и связь друг с другом на основе общих религиозных убеждений, практик и ценностей. Это может проявляться в различных формах, таких как:

- чувство принадлежности: члены одной религиозной общины могут чувствовать себя «семьей», разделяя радости и горести друг друга, оказывая поддержку и помощь.

- совместные ритуалы и практики: участие в общих религиозных обрядах, молитвах, праздниках укрепляет связь между людьми и создает общее духовное пространство.

- общие моральные ценности: приверженность к определенным этическим нормам и принципам, проистекающим из религиозного учения, объединяет людей и формирует общее мировоззрение.

- взаимопомощь и поддержка: религиозные общины часто оказывают помощь нуждающимся, организуют благотворительные акции и поддерживают своих членов в трудных жизненных ситуациях.

- общая идентичность: религия может быть важной частью личной и коллективной идентичности, формируя чувство общности и солидарности между людьми.

Остановимся на последней форме – общей идентичности в религии. Феномен неофитства, подразумевающий принятие новой религиозной идентичности, представляет собой значимый социально-культурный процесс, оказывающий влияние на общественные структуры и межличностные отношения.

В контексте Ингушетии, где традиционные родственные связи, нормы адата и шариата [**3, с. 116**] играют ключевую роль, исследование данного явления становится особенно актуальным. Современные тенденции глобализации и религиозной трансформации, затрагивающие регион, подчеркивают необходимость глубокого анализа изменений, происходящих в традиционных социальных структурах под влиянием религиозных преобразований.

Религиозная идентичность в ингушском обществе очень важна в формировании и поддержании социальных связей, выступая основой для взаимодействия и интеграции. Большинство населения Ингушетии идентифицирует себя как мусульмане-сунниты, что создает общую культурную и духовную платформу. Эта общность способствует укреплению коллективных принципов и поддержанию социальной сплочённости, особенно в условиях традиционной структуры тейпов. Вместе с тем, в последние десятилетия наблюдается рост числа новообращённых мусульман, что усиливает религиозную активность и её влияние на семейные и родственные

структуры и появлению родства по религии (бусалба вежарий) **[2, с. 49]**. Б. Синанов отмечает, что «религия, являясь важной составляющей культур, выразила себя в бурной и плодотворной миссионерской деятельности, и социальной работе» **[4, с. 1]**. В результате таких процессов, религиозная идентичность становится не только личностной характеристикой, но и значимым социальным фактором, способствующим единению общества, независимо от национальной принадлежности.

Мы видим, что последние годы наблюдается увеличение числа людей, переходящих в ислам или христианство, часто из других религий или состояния атеизма. Этот процесс сопровождается изменениями в социальной идентичности индивидов, что влияет на их место в семейных и общественных структурах. Например, в ингушских семьях, где традиционно важную роль играют кровные связи, религиозная принадлежность начинает приобретать всё большее значение. Это может приводить к пересмотру отношений внутри семей, где конфликты между поколениями становятся более частыми: старшее поколение часто остаётся приверженным «традиционным» верованиям, в то время как молодёжь стремится к новым религиозным практикам. Эти изменения демонстрируют, как религиозные трансформации могут стать катализатором перестройки социальных связей и взаимодействий в ингушском обществе.

Важно отметить, что «символы, имена и исторические и культурные феномены, свободные от невежества, фанатизма и ложных интерпретаций, помогут определить смысл и суть оригинальной традиции, проследить динамику ее развития и выявить потенциальные перспективы в современном обществе» **[5, с. 2]**.

Ингушское общество находится в стадии религиозных трансформаций. Существовавшие в ингушском обществе традиции гостеприимства, уважение к старшим, авторитет старейшин в тейпах подвержены сильным изменениям. Если в прошлые времена авторитет старейшин был непререкаемым, с их мнением считались, и они играли ключевую роль в разрешении конфликтов и сохранении традиций. То в настоящее время, вместе ростом числа неофитов с новыми религиозными взглядами под сомнение становятся авторитет старейшин, национальные традиции и суфийский ислам. Это ослабляет традиционные механизмы управления и разрешения конфликтов внутри тейпов, что приводит к утрате их функциональности как основных единиц социальной организации. В результате наблюдается переход к индивидуализированным подходам в религиозных и социальных вопросах. «В отличие от представителя этнической общности верующий не имеет явных внешних биологических отличительных признаков в пределах своего суперэтноса (православный не отличается от католика или протестанта разрезом глаз, цветом кожи или волос; суннит также не име-

ет явных биологических отличительных признаков от шиита, суфия.) При этом в системной целостности на уровне суперэтноса представители христианского мира будут отличаться от представителей мира ислама, мира буддизма в системе внешних признаков, этнического родства, религиозных различий и типа культуры.» **[6, с. 88]**.

Остановимся подробнее на родстве по религии в исламе. Каждый мусульманин считает своими «братьями» людей одной с ним веры.

Такая установка влечет за собой выполнение ряда действий: внимание и заботу о братьях, поддержка их в трудных жизненных ситуациях. Братья в исламе – это группа людей, объединенных общей целью, общими интересами. Это понятие в исламе очень значимое. В исламе все верующие, поклоняющиеся Аллаху, являются братьями: «Поистине, верующие – братья.» **(Коран, 49:10).**

«Обращение верующих друг к другу как к брату принято во всех мусульманских культурах (араб. Ахи – букв. «мой брат» и др.) Исключительно важное значение этому обращению придается в отдельных школах и течениях, имеющих ярко выраженные черты этноконфессиональных групп, а также профессиональных объединений, основанных на религии (сообщества ахи-шейхов), или в религиозных общинах закрытого типа, таких, например, как джамааты **[7, с. 367].**

В ингушском языке также существует обозначение таких «братьев», такое как «бусулба вежарий», что означает братья по вере. У ингушей распространены суфийские тарикаты (братства) накшбандийа и кадирийа, которые подразделяются на вирды — религиозные братства. Вирды играют важную роль как в интеграции, так и в дифференциации социальных групп, оказывая влияние на общинное устройство и социальные связи. Они задают ритм жизнедеятельности общества через религиозные практики и обряды.

Братство в исламе – это особый тип взаимоотношений между мусульманами, продиктованный их религией. Братство верующих предполагает наличие у каждого из них определенных прав и обязанностей, которые регулируются аятами Священного Корана. Среди обязанностей мусульманина, как брата по вере, заботиться о собратьях, оказывать всевозможную поддержку, а также мольба за всех мусульман. При этом, не важны его этническая принадлежность, язык, страна проживания.

Согласно исламскому учению, братские узы по вере прочнее даже кровного родства, поскольку отношения в религии между братьями выстраиваются на равных условиях касаемо любых вопросов: религиозных, этических, правовых и просто житейских.

«Людям нравится думать; что кровное родство содержит в себе исключительно мощную причину нравственной близости. Но мы не раз имели

возможность показать, что кровное родство ни в коей мере не обладает чрезвычайной действенностью, которую ему приписывают. Доказательством служит то, что в массе обществ множество неединокровных родственников оказывается внутри одной семьи; так называемое искусственное родство образуется там очень легко, и оно имеет все следствия родства естественного.» **[5, с. 19-20].**

У братства в исламе не существует социальной иерархии. Существует идея божественного покровительства над всеми верующими. «…знайте, что Аллах ваш покровитель. Прекрасный это покровитель и прекрасный помощник.» **(Коран, 8:40).**

В исламе единство уммы (общины) зависит от единства между отдельными ее членами, братьями и сестрами по вере.

Но как же отражается религиозная идентичность в формировании семейных отношений, особенно в традиционных обществах, таких как ингушское. Влияние изменения религиозной идентичности на семейные связи и традиции проявляется через конфликты, возникающие из-за различий в интерпретации религиозных норм между поколениями. Согласно исследованиям 2018 года, в 60% семейных конфликтов в Ингушетии, связанных с религией, причиной становятся именно такие разногласия. Эти конфликты касаются как повседневных практик, так и более глубоких вопросов, связанных с воспитанием детей и сохранением культурных традиций. Различия в религиозных взглядах могут приводить к серьёзным разногласиям, что подрывает семейные узы и создает напряженность в отношениях.

Формирование новых социальных и религиозных идентичностей

Формирование новых религиозных идентичностей в ингушском обществе обусловлено множеством факторов, среди которых глобализация и доступ к информации через интернет занимают центральное место. Исследования 2019 года демонстрируют, что открытость к новым идеям и возможность их изучения через цифровые платформы способствовали росту числа религиозных неофитов. Это явление изменяет традиционные представления о религиозной принадлежности, открывая новые пути для самоидентификации и формирования индивидуальных религиозных практик **[3, с. 4].** В этом контексте современные изменения не только подчеркивают влияние новых религиозных течений, но и способствуют переосмыслению исторических корней и традиционных верований.

Религиозные преобразования в ингушском обществе оказывают существенное влияние на традиционные социальные структуры. Переход отдельных семей к новым конфессиям изменяет их социальные роли и вызывает напряжение внутри общин. Эти изменения могут приводить к конфликтам, так как новые религиозные убеждения вступают в противо-

речие с устоявшимися нормами и ожиданиями, что требует адаптации всех сторон к новым условиям.

Примером формирования новых идентичностей служит группа молодых ингушей, принявших ислам в его радикальной форме. Этот выбор изменил их социальные связи и отношение к традиционным нормам, что привело к созданию новых сообществ, основанных на религиозной солидарности. Религиозные трансформации, таким образом, влияют на социальные взаимодействия и способствуют формированию новых идентичностей. В этом контексте важно отметить, что «медиакоммуникации являются неотъемлемой частью процесса социализации индивида и способом порождения коллективов» **[7, с. 154].** Это подчеркивает, как новые формы общения могут объединять людей вокруг общих ценностей и верований, способствуя созданию прочных сообществ.

Вместе с тем, традиционный ислам на Северном Кавказе неразрывно связан с местной этничностью, выступая как форма её сохранения и обладая ярко выраженной этнической окраской, как отмечают Поломошнов, Гурбанов и Яхьяев [8, с. 3]. Эта ситуация также подчеркивает трудности в принятии новых членов с отличными религиозными взглядами в кавказское общество.

Выводы и рекомендации для социокультурной адаптации

Результаты полевых исследований дают ясную картину неприятия новых течений в ингушском обществе. Значительная часть ингушских семей продолжают придерживаться традиционных религиозных обычаев, что свидетельствует о стойкости культурных традиций.

Родство по религии не всегда является исключительно позитивным явлением. Оно может приводить к исключению тех, кто не разделяет общих убеждений, а также способствовать возникновению конфликтов и напряженности между различными религиозными группами. История демонстрирует множество примеров религиозных войн и преследований, где религиозная идентичность служила оправданием для насилия и дискриминации.

Сложность родства по религии заключается в его способности одновременно объединять и разделять людей. Подчеркивая общие ценности и идентичность внутри определенной группы, оно может создавать барьеры и непонимание между различными группами. Для построения толерантного и мирного общества необходимо признавать и уважать разнообразие религиозных убеждений, поощрять диалог и сотрудничество между различными религиозными общинами.

В современном мире, где наблюдается рост глобализации и миграции, взаимодействие между различными религиозными и культурными груп-

пами становится все более интенсивным. В таких условиях важно развивать навыки межкультурного общения, а также признавать, что родство по религии является лишь одним из многих факторов, формирующих идентичность человека. Открытость к другим культурам и религиям, а также готовность к диалогу являются ключевыми условиями для построения гармоничного и инклюзивного общества.

В этих условиях, возрастает роль религиозных общин, занимающихся организацией социальных программ и проектов, благотворительностью с целью поддержки marginalised групп населения. Эти действия не только укрепляют внутренние связи внутри общины, но и способствуют формированию позитивного имиджа религии в обществе в целом. Важно признавать определенный вклад религиозных организаций в социальное благополучие и поощрять их участие в решении общественных проблем.

Заключение

В ходе исследования было выявлено, что феномен неофитства в Ингушетии оказывает значительное влияние на традиционные социальные и родственные структуры. Переход к новой религиозной идентичности приводит к изменению восприятия социальных ролей и формированию новых межличностных связей. Эти изменения сопровождаются ростом напряженности в семьях и обществе, что подчеркивает важность внимания к процессам религиозной трансформации. Эмпирические данные подтвердили теоретические выводы о том, что религиозные изменения в ингушском обществе вызывают трансформации в социальных взаимодействиях. Важно подчеркнуть, что родство по религии не должно становиться причиной для дискриминации или насилия. Каждая личность имеет право на свободу вероисповедания и на уважение своих религиозных убеждений. Государство и общество в целом должны обеспечивать защиту этих прав и создавать условия для мирного сосуществования различных религиозных групп, поощрять диалог между ними. Законы должны быть нейтральными по отношению к религии, гарантируя равенство всех граждан независимо от их религиозной принадлежности.

На примере ингушского народа, мы видим, что неофитство способствует формированию новых форм идентичности, которые часто вступают в конфликт с традиционными ценностями. Это требует дальнейшего изучения для понимания долгосрочных последствий таких изменений. Таким образом, исследование подчеркнуло необходимость разработки программ, направленных на содействие адаптации неофитов и укрепление взаимопонимания между различными религиозными группами. Это позволит минимизировать конфликты и укрепить социальную гармонию в ингушском обществе.

Библиографический список:

1. Тутаева Л.О. Исламские неофиты в Ингушетии // Этнокультурное пространство Кавказа в системе межэтнических и межконфессиональных коммуникаций: сборник научных статей. – Москва: ООО «МАКС Пресс», 2022. С. 38-45.
2. Тутаева Л.О. Присяжные братства как вид коллективного побратимства у кавказских народов // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 3 (44). С. 493-495.
3. Албогачиева М.С.Г. Функционирование в Ингушетии трехзвенного суда: адатного, шариатского и российского (XIX в.) // Лавровский сборник. Этнология, история, археология, культурология: Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008-2009 гг.: к столетию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова, Санкт-Петербург, 15–17 мая 2008 года / Российская Академия Наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); ответственные редакторы: Ю.Ю. Карпов, И.В. Стасевич. – Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2009. С. 114-118.
4. Синанов Б.А. Современные религиозные процессы на Северном Кавказе сквозь призму фактов повседневной жизни // Кавказ спустя 20 лет: геополитика и проблемы безопасности: труды международной научной конф. (Владикавказ – Цхинвал, 20–30 июня 2011 г.) / отв. ред. З.В. Канукова, А.Б. Крылов, А.Г. Кусраев. – Владикавказ: ЮМИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2011. С. 107.
5. Канукова З.В. Традиционная культура народов Северного Кавказа в современном обществе // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 3. С. 599-606.
6. Албогачиева М.С.-Г. Ислам в Ингушетии: этнография и историко-культурные аспекты. – СПб.: МАЭ РАН, 2017. 264 с.
7. Аликберов А.К. Роль коммуникации в религиозной метаморфозе инаковости: исторический аспект. – Минбар. Исламское образование. 2019. С. 364-372.
8. Поломошнов А.Ф., Гурбанов Э.А.-О., Яхьяев М.Я. Ислам и поиски новой национальной идеологии на Северном Кавказе // Исламоведение. 2013. № 4. С. 27-28.
9. Галаганова С.Г. Героизм как тема межкультурного и межконфессионального диалога // Межконфессиональная миссия. 2019. Том 8. Часть 5. № 40. С. 476-483.

Reference

1. Tutaeva L.O. Islamic Neophytes in Ingushetia // Ethnocultural Space of the Caucasus in the System of Interethnic and Interfaith Communications: Collection of Scientific Articles. – Moscow: OOO “MAX Press”, 2022. P. 38-45.
2. Tutaeva L.O. Sworn Brotherhoods as a Type of Collective Brotherhood among the Caucasian Peoples // Bulletin of Oryol State University. Series: New Humanitarian Research. 2015. № 3 (44). P. 493-495.
3. Albogachieva M.S.G. Functioning of a Three-tier Court in Ingushetia: Adat, Sharia, and Russian (19th Century) // Lavrovsky Collection. Ethnology, history, archeology, cultural studies: Proceedings of the XXXIII Central Asian-Caucasian Readings 2008-2009: on the centenary of the birth of Leonid Ivanovich Lavrov, St. Petersburg, May 15-17, 2008 / Russian Academy of Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera); editors-in-chief: Yu.Yu. Karpov, I.V. Stasevich. – St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, 2009. P. 114-118.
4. Sinanov B.A. Contemporary religious processes in the North Caucasus through the prism of everyday life // The Caucasus after 20 years: geopolitics and security issues: proceedings of the international scientific conference. (Vladikavkaz – Tskhinvali, June 20–30, 2011) / eds. Z.V. Kanukova, A.B. Krylov, A.G. Kusraev. – Vladikavkaz: YUMI VSC RAS and RNO-A, 2011. P. 107.
5. Kanukova Z. V. Traditional Culture of the Peoples of the North Caucasus in Modern Society // History, Archaeology, and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. № 3. P. 599-606.
6. Albogachieva M. S.-G. Islam in Ingushetia: Ethnography and Historical and Cultural Aspects. – St. Petersburg: MAE RAS, 2017. 264 p.
7. Alikberov A.K. The Role of Communication in the Religious Metamorphosis of Otherness: A Historical Aspect. – Minbar. Islamic Education. 2019. P. 364-372.
8. Polomoshnov A.F., Gurbanov E.A.-O., Yakhyaev M.Ya. Islam and the Search for a New National Ideology in the North Caucasus // Islamic Studies. 2013. № 4. P. 27-28.
9. Galaganova S.G. Heroism as a subject for intercultural and interconfessional dialogue // Mission confessions. 2019. Volume 8. Issue 5. № 40. P. 476-483.

Фан-Юнг Г.Ю.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма». Республика Татарстан, г. Казань. ORCID: 0000-0003-4057-2209 / SPIN-код: 8275-8970 / Author ID: 57211502464

Роль завода фирмы З.М. Персица в развитии Нижегородского края в начале XX века*

Аннотация. Введение. Изучение влияния химической отрасли на социально-экономическое развитие России до 1917 года не занимает должного места в трудах современных учёных-историков. Сведения о состоянии химической промышленности и её различных подотраслей, как правило, носят весьма поверхностный характер, демонстрируя стремление к некоему «обобщению» в духе экономистов-«народников». Прямым следствием подобных «обобщений» выступает ничем не обоснованное представление о «закономерном» отсутствии крупных, наукоёмких и передовых для своего времени химических производств в «лапотной» и «отсталой» России накануне Первой мировой войны.

Цель. В представленной работе предпринята попытка уточнить значение завода фирмы З.М. Персица в структуре регионального промышленного производства, в обозначенный период.

Материалы и методы. При подготовке представленной работы были использованы опубликованные и неопубликованные источники. К первым относятся монографии, научные статьи и сведения статистического характера. Неопубликованные источники представлены соответствующими документами, хранящимися в Российском государственном историческом архиве (РГИА). В работе использованы общие принципы исторического познания (принципы историзма, объективности и пр.) и специальные методы исторических исследований, включая историко-генетический.

Результаты и научная новизна. Утверждения об «отсутствии» в России химической отрасли до 1917 г., как и общая недооценка её влияния на экономическое и, следовательно, социальное развитие отдельных регионов, в итоге, противоречат не только имеющимся фундаментальным работам по истории химической промышленности, изданным ещё в 1940 – 1960-х годах в СССР, но и прочим опубликованным и неопубликованным источникам. И, более того, некоторые производственные объекты указанной отрасли не только успешно функционируют уже свыше полутора столетий, но и на протяжении всего этого времени оказывают объективное влияние на динамику общественных отношений на территориях их дислокации. Одним из таких предприятий следует считать Нижегородский (Канавинский) маслобойный и техно-химический завод З.М. Персица (позднее, – АО «Салолин», а ныне, – Нижегородский масложировой комбинат).

Ключевые слова: индустриальная революция в России, дореволюционная химическая промышленность, З.М. Персиц, Нижегородский (Канавинский) маслобойный и техно-химический завод, салолин.

* © Фан-Юнг Г.Ю., 2025.

Fan-Yung G.Yu.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Volga Region State University of Physical Education, Sports and Tourism. Republic of Tatarstan, Kazan. ORCID: 0000-0003-4057-2209 / SPIN-code: 8275-8970 / Author ID: 57211502464

The role of the Z.M. Persitz factory in the development of the Nizhny Novgorod region in the early XXth century

Abstract. Introduction. The study of the influence of the chemical industry on the socio-economic development of Russia before 1917 does not occupy a proper place in the works of modern historians. Information about the state of the chemical industry and its various sub-sectors, as a rule, is very superficial, demonstrating a desire for some kind of "generalization" in the spirit of "narodnik" economists. A direct consequence of such "generalizations" is the unjustified notion of the "natural" absence of large, knowledge-intensive and advanced chemical industries in "lapotnaya" and "backward" Russia on the eve of the First World War.

Mission. In the presented work, an attempt is made to clarify the importance of the Z.M. Persitz plant in the structure of regional industrial production during the designated period.

Materials and methods. Published and unpublished sources were used in the preparation of the presented work. The former include monographs, scientific articles, and statistical information. Unpublished sources are represented by relevant documents stored in the Russian State Historical Archive (RGIA). The work uses general principles of historical knowledge (principles of historicism, objectivity, etc.) and special methods of historical research, including historical and genetic.

Results and scientific novelty. The claims about the "absence" of a chemical industry in Russia before 1917, as well as the general underestimation of its impact on the economic and, consequently, social development of individual regions, ultimately contradict not only the existing fundamental works on the history of the chemical industry, published back in the 1940s – 1960s in the USSR, but also other published works. and unpublished sources. Moreover, some production facilities in this industry have not only been successfully operating for over a century and a half, but throughout this time they have had an objective impact on the dynamics of public relations in the territories of their deployment. One of such enterprises should be considered the Nizhny Novgorod (Kanavinsky) oil and techno-chemical Plant of Z.M. Persitz (later, Salolin JSC, and now the Nizhny Novgorod Fat and Oil Combine).

Key words: Industrial Revolution in Russia, the pre-revolutionary chemical industry, Z.M. Persitz, Nizhny Novgorod (Kanavinsky) oil and «techno-chemical» plant, salolin.

Введение.

Созданию современной и высокотехнологичной промышленности, по нашему мнению, должно предшествовать изучение и обобщение богатейшего практического опыта, накопленного предыдущими поколениями. Особый интерес вызывают промышленные предприятия, чьё успешное развитие началось свыше столетия назад. Одним из таких заводов-«ветеранов» является Нижегородский масложировой комбинат, возникший на базе Нижегородского маслобойного и «техно-химического» завода, принадлежавшего с 1898 года по 1913/1914 «операционный» год фирме З.М. Персица [1, л. 97]. Вместе с тем, вопрос о месте и роли этого предприятия в региональном социально-экономическом развитии до 1917 года остаётся открытым. К примеру, несмотря на эпизодические упоминания [2, с. 350 – 351], юбилейное издание [3] и даже проведённую не так давно «выставку-исследование» [4], до сих пор отсутствует научное понимание значения этого предприятия. Что, на наш взгляд, позволяет обозначить данную тему в качестве актуальной и свидетельствует о её новизне.

Целью представленной работы стал анализ места и роли Нижегородского (Канавинского) маслобойного и «техно-химического» завода З.М. Персица среди прочих химических производств, имевшихся в регионе, в указанных хронологических рамках. Ибо, в настоящий момент, нет точных сведений об изменении численности его постоянных рабочих и служащих в обозначенных временных пределах. И, к сожалению, не имеется научных работ, посвящённых созданию и развитию заводской социальной инфраструктуры. Ни создатель этого передового и наукоёмкого для своего времени производства, ни его ближайшие сотрудники, не увековечены в нижегородской городской топонимике и т.д. В кратких и весьма незначительных современных упоминаниях об этом заводе не только не раскрывается его передовой характер и не учитывается его отраслевая специфика, но и присутствуют попытки представить указанное предприятие как «одно из многих» аналогичных производств, имевшихся в Балахнинском уезде Нижегородской губернии.

Материалы и методы.

Теоретическим основанием нашего исследования выступили соответствующие работы Д. Белла [5], М.И. Туган-Барановского [6] и В.И. Ленина [7]. Это позволило, во-первых, определить качественные отличия конкретного химического производства, существенно сократив поле исследования; во-вторых, применить по отношению к нему концепцию о «новейшей капиталистической фабрике», как о факторе регионального развития. Кроме того, несмотря на принадлежность В.И.Ленина к «радикальному» марксизму, теоретическая значимость его упомянутой работы остаётся актуальной, способствуя пониманию значения крупной машинной индустрии, в указанный период [7, с. 456]. При подготовке работы был использован корпус

опубликованных и неопубликованных источников, представленный ниже.

Результаты и обсуждение результатов.

Важнейшими показателями, позволяющими раскрыть прогрессивное значение данного производственного объекта, по нашему мнению, являются его качественные организационные, технические и технологические отличия от прочих, уже имевшихся в указанных географических пределах, производств. Куратор [8] упомянутой выше выставки-исследования, подписавшийся в своём очерке как «Дм. А. Макаров FCCA» (FCCA – Fellow Chartered Certified Accountant., т.е. «почётный член Ассоциации присяжных бухгалтеров») [9, с. 1], не только перечислил крупнейшие из них, но и пришёл к выводу о том, что «… к началу XX века в окрестностях Нижнего (особенно в Канавино и Балахнинском уезде) складывается масложировая и нефтехимическая промышленная агломерация, …» [9, с. 3]. Сведения, изложенные этим автором, как и некоторые данные по отдельным заводам, составлявшим обозначенную «агломерацию», представленные в другом источнике [10], были сведены (в сокращённом виде) нами в табл. 1.

Таблица 1. Некоторые городские и пригородные хим. предприятия г. Н. Новгород до 1913 года.

№	Название завода	Год основания	Дислокация	Основная продукция	Численность рабочих
1.	Товарищество Волжской маслобойни и химического завода «Трепель и Позняк»	1894 г.	с. Гордеевка	гарное, кокосовое масла и пр.	св. 100 рабочих
2.	Техно-химический завод купца И. Е. Миркина	1899 г.	при с. Гордеевке	мыло, колесная мазь, гарное масло	ок. 200 рабочих
3.	Общество Волжского маслобойного завода купца Шаи Мнухина (с 1913 г. – АО Волжский маслобойный и нефтеперегонный завод)	1901 г.	Н.Новгород	колесная мазь, гарное масло	ок. 120 рабочих
4.	Варинские нефтехимические заводы купца И.Н. Тер-Акопова	1877 г	Ж.д. ст. Варя	минеральные масла, гарное масло,	ок. 250-ти рабочих
5.	Саркисовский (Бурнаковский) техно-химический завод Бр. Микаэлян и К°	1895 г.	г.Нижний Новгород	минеральные и смазочные масла	ок. 50 рабочих

6.	Химический завод И.Я. Великовского	1900 г.	г. Нижний Новгород	гарное масло	менее 50 рабочих
7.	Маслобойный завод Н.Ф. Чудакова	1899 г.,	с. Гордеевка	льняное, подсолнечное и др. масло	ок. 50 рабочих
8.	Маслобойный завод Бородинова	1899	Ж.д. ст. Варя	сурепное, льняное и конопляное масло	менее 50 рабочих
9.	Нефтеперерабатывающий завод В.И. Рагозина	1879	г. Балахна	Нефтяные смазочные масла	369 рабочих

Несмотря на значительный объём информации по истории заводов упомянутой Балахнинской «нефтехимической промышленной агломерации», на наш взгляд, в обоих случаях продемонстрировано некое отвлечённое, «линейное» представление их авторов о развитии данного сектора региональной промышленности. Подобная трактовка истории этих предприятий не учитывает объективных реалий рыночной экономической модели, одним из важнейших признаков которой выступает конкуренция. Сам факт возникновения указанных фабрик и заводов не выступал в качестве гарантии их дальнейшего успешного развития. В итоге, одни заводы не выдерживали конкурентной борьбы, а другие – наоборот. Например, к началу XX столетия прекратил существование завод, принадлежавший торговому дому «Миндовский, Шевелин и К°» [11]. На данном производстве имелось две паровые машины, три котла и постоянно трудилось 18 рабочих [12, с. 728]. Уже к 1894 г. в официальных статистических источниках нет никаких сведений о деятельности Балахнинского нефтеперерабатывающего завода, основанного В.И. Рагозиным [12, с. 728]. Более того, в обозначенном источнике присутствует упоминание о наличии единственного нефтеперерабатывающего завода, принадлежавшего «рагозинскому» товариществу, который располагался близ с. Константиново, Максимовской волости, Романов-Борисоглебского уезда Ярославской губернии. На предприятии имелось 30 паровых машин и насосов, 20 котлов. Ежегодно изготавливалось 550 тысяч пудов (9009 т.) смазочного масла и 114 тысяч пудов (1867, 32 т.) осветительных масел. Сумма ежегодного производства в денежном выражении составляла 560 тысяч рублей. На этом заводе постоянно трудилось 425 рабочих [12, с. 730]. Не выдержал конкурентной борьбы и завод «германского подданного» Тильманса, функционировавший в г. Балахне с 1889 г. На этом предприятии постоянно трудилось 18 рабочих. Завод Тильманса ежегодно производил 20000 пудов (327,6 т.) гудрона на 10000 рублей [12, с. 728].

По состоянию на 1903 г. к числу химических производств Нижегородской губернии относились 8 предприятий. Это были заводы И.Н. Тер-Акопова, Общества пароходства и торговли Волжского бассейна, Зубкова И.А., Микерова Ф.Ф., братьев Михайловых, Сафонова Н.А., товарищества «Трепель и Позняк» и Элухена К.И [11, с. 742]. Завод З.М. Персица был отнесён в этом источнике к числу маслобойных заводов [11, с. 591]. Уточнённые статистические сведения об этих промышленных предприятиях, содержащиеся в источниках, перечисленных выше, представлены нами в табл. 2.

Из представленной выше таблицы следует, что уже в 1903 г. завод З.М. Персица, по непонятным причинам не включённый в состав химических производств Нижегородской губернии, являлся вторым по значению региональным производством, исходя из ежегодного объёма выпускаемой им продукции в денежном выражении. Вопреки существующим представлениям [2, с. 440] ни о каком «рагозинском» производстве в г. Балахне в 1903 году не сообщается вовсе. Это ставит под сомнение, во-первых, необходимость упоминания данного предприятия в качестве одного из значимых региональных химических производств в начале XX века; во-вторых, его значение как одного из факторов экономического и социального развития Нижегородской губернии, в указанный период.

Дальнейшие изменения в структуре регионального химического производства, по состоянию на 1910 год, зафиксированы в справочнике «Фабрично-заводские предприятия Российской Империи» за 1909 год [13] и в «Списке фабрик и заводов России 1910 г» [14]. На наш взгляд, целесообразно представить их в виде нижеследующей табл.3.

Несмотря на отсутствие важнейших данных о деятельности «тер-акоповского» химического производства к 1910 году, по нашему мнению, успехи, достигнутые заводом З.М. Персица, оказали объективное влияние на изменение структуры регионального промышленного производства. Начался процесс создания новых многопрофильных химических фабрик и переоснащение ранее имевшихся производств данной отрасли на территории Нижегородской губернии. Возросло количество постоянных рабочих, занятых на химических производствах. Что, в свою очередь, способствовало оптимизации форм и методов социальной политики, осуществлявшейся собственниками фабрик и заводов.

В рамках представленного исследования уместно кратко обозначить основные направления производственной и социальной политики, реализовывавшейся на химическом предприятии З.М. Персица. По нашему мнению, важнейшим достижением в развитии производственной сферы данного предприятия, затем, – и всей отечественной химической промышленности, – стало освоение технологии гидрогенизации жиров под руко-

Таблица 2. Хим. предприятия Нижегородской губ. и завод З.М. Персица к 1903 году.

№	Название завода	Год основания	Дислокация	Основная продукция	Сумма годового производства, в руб.	Численность рабочих
1.	Маслобойный и химический завод З.М. Персица	1900	Балахнинский уезд, Гордеевская волость, дер. Ратманиха,	Льняное и гарное масло и масло хлопчатников, конопляное масло, минеральные жиры	700.000	ок.100 чел.
2.	Варинский «техно-химический» завод И.Н. Тер-Акопова	1877	Балахнинский уезд, Гордеевская волость, с.Варя	Керосин, колесная мазь, масло осветительное, мазут, гудрон, асфальт, дистилляты и пр.	1.820.000	198 чел.
3.	Общество пароходства и торговли Волжского бассейна	1895	Балахнинский уезд, Гордеевская волость, с. Гордеевка	Масла смазочные и осветительные	19.200	25
4.	Завод сухой перегонки дерева И.А. Зубкова	1881	Балахнинский уезд, Андреевская волость, д.Клуглово	Дёготь, скипидар, уксусный порошок	4.700	8
5.	Дегтярно-скипидарно-варный завод Ф.Ф. Микерова	Не указан	Балахнинский уезд, Гордеевская волость, с. Гордеевка	Дёготь, скипидар и вар	18.800	5
6.	Сатурновый завод братьев Михайловых	1887	Балахнинский уезд, Андреевская волость, д. Трутнево	Сатурновый порошок (ацетат свинца)	1.100	2
7.	Олифоваренный завод А.Н. Софонова	1898	Балахнинский уезд, Андреевская волость, д.Андреево	Олифа	2.600	2

8.	Маслобойный и химический завод товарищества «Трепель и Позняк»	1894	Балахнинский уезд, Гордеевская волость, с. Гордеевка	Вазелиновое масло,гарное масло, кристаллическая сода	437.800	35
9.	Паровая фабрика тёртых красок Элухена К.И.	1890	г.Н.Новгород, ул. Рождественская, д. Блиновых	Масляные краски и олифа	40.000	7

Таблица 3. Хим. предприятия Нижегородской губ. и завод З.М. Персица к 1910 году.

№	Название завода	Год основания	Дислокация	Основная продукция	Сумма годового производства, в руб.	Численность рабочих
1.	Маслобойный и «технохимический» завод З.М. Персица	1898 – 1900	Балахнинский уезд, Гордеевская волость, дер.Ратманиха,	Смазочные и гарные масла, колёсная мазь, мыло разное, стеарин, железный и никелевый купорос, кокосовое масло, «коколад» и «кокожар»	6.336.000	ок.600 чел.
2.	Нефтеперегонный завод и «техно-химический» ТД «Ш.І. Мнухин и К°»	1901	Балахнинский уезд, Гордеевская волость, с. Гордеевка	Смазочные масла, масло, колёсная мазь	312.000	50 – 60 чел.
3.	Нефтеперегонный завод И.Н. Тер-Акопова	1877	Балахнинский уезд, Гордеевская волость, с.Варя	Производство нефтепродуктов	Данных нет	91 чел.

4.	Химический завод т-ва «Трепель и Позняк»	1894	Балахнинский уезд, Гордеевская волость, с. Гордеевка	Вазелин, мыло, гарное масло, кристаллическая сода	437.000	80 чел.
5.	Общество пароходства и торговли Волжского бассейна	1895	Балахнинский уезд, Гордеевская волость, с. Гордеевка	Масла смазочные и осветительные	19.200	25 чел.
6.	Общество Выксунских заводов сухой перегонки дерева	Данных нет	Ардатовский уезд, с.Велетино	Уголь, уксусная кислота, смола	Данных нет	55 чел.
7.	Завод сухой перегонки дерева братьев Левашёвых	1901	Макарьевский уезд, Нестиаровская волость, дер. Елдежа	Уголь, уксусная кислота, смола, спирт древесный	35.000	25 чел.
8.	Дегтярно-скипидарный завод Ф.Ф.Микерова	1879	Балахнинский уезд, Гордеевская волость, с. Гордеевка	Дёготь, смола, древесная кислота, уксусно-кислая известь и пр.	18.800	5 чел.
9.	Бурнаковский «технохимический» завод ТД «Саркисов А.М., Микаелян И.С. и К°»	1884	Балахнинский уезд, Гордеевская волость, д. Бурнаковка	Смазочные и минеральные масла и нефтепродукты	40.000	7 чел.
10.	Фабрика красок К.И. Элухена	1879	г.Н.Новгород, ул. Рождественская, д. Блиновых	Масляные краски и олифа	55.000	6 чел.
11.	Маслобойный завод В.И. Бородинова	1908	г.Н.НовгороКанавино, Выставочное шоссе	Льняное масло, льняной жмых	13.500	6 чел.

водством М.В. Вильбушевича [15, л. 17]. Тем самым, была не только значительно снижена зависимость химической отрасли от жиров животного происхождения и, следовательно, от эпизоотий и т.д., но и было положено начало для возникновения и развития новой и высокотехнологичной, подлинно инновационной подотрасли отечественной химической промышленности. К 1912 году на территории, занимаемой предприятием, располагалось 77 каменных и деревянных строений, большая часть которых (60 зданий) относилась к объектам производственной инфраструктуры. Осуществлённый автором этого исследования анализ неопубликованных источников позволяет обозначить указанный завод как механизированное и электрифицированное, передовое и крупное химическое производство своей эпохи. На предприятии имелась своя химическая лаборатория, паровые и динамо-машины, купоросное и бондарное производства, механические мастерские и содовый завод и т.д [16, л. 1 – 27].

Закономерно, что подобное производство нуждалось не только в квалифицированных рабочих кадрах, но и в формировании постоянного состава работников всех уровней в условиях возрастающей конкуренции на рынке труда. Выполнению этих двух задач способствовала продуманная социальная политика компании З.М. Персица. Несмотря на тот факт, что значительная часть заводских рабочих проживала в соседних деревнях, не нуждаясь в служебном жилье, неопубликованный источники содержат сведения о наличии рабочей казармы, нескольких квартир служащих, специальных помещений для двух приёмных покоев и т.д [16, л. 7 – 11].

Выводы.

Таким образом, развитие химической отрасли в Нижегородской губернии, во-первых, не было ограничено одним Балахнинским уездом; во-вторых, не представляло собой некое «линейное», «непрерывное» и «восходящее» увеличение числа химических фабрик и заводов: одни предприятия закрывались, а другие возникали. «Исчезновение» крупного для своего времени Балахнинского «рагозинского» завода из числа региональных производств произошло между 1887 и 1894 годами. Что не позволяет обозначать его как один из факторов регионального экономического и социального развития к началу XX столетия. Учитывая, что успешное развитие крупного химического производства, в обозначенный период, во многом зависело от организации эффективного взаимодействия с химической наукой, следует считать, что закрытие подавляющего числа региональных производств было связано с недостаточностью такого взаимодействия. В этом и состояло качественное отличие крупных и передовых химических производств от прочих химических фабрик и заводов, функционировавших в Нижегородской губернии.

Даже по количеству постоянных рабочих к 1913 году Нижегородский

химический завод З.М. Персица, использовавший труд не менее 600 постоянных рабочих, значительно превосходил каждое из уцелевших в конкурентной борьбе производств. Отметим и тот факт, что именно на этом предприятии в 1906 – 1909 гг. усилиями нанятых З.М. Персицем талантливых управленцев и учёных-химиков возникла действительно инновационная подотрасль отечественной химической промышленности – производство искусственного твёрдого жира («салолина») из растительных масел. Вполне закономерно, что успешное развитие производственной сферы Нижегородского маслобойного и «техно-химического» завода З.М. Персица было бы невозможно не только без химического и технологического контроля над ней, но и без более передовых методов социального управления, позволивших создать постоянный кадровый состав рабочих и служащих. Завод З.М. Персица, как одно из наиболее наукоёмких производств своей эпохи, не просто «выжил» в условиях высокого уровня концентрации предприятий, принадлежавших к одной отрасли, но и успешно конкурировал, как ценой и качеством производимой продукции, так и на территориальном рынке труда. Оказывая, тем самым, объективное влияние на развитие региона в первые десятилетия XX в.

Библиографический список:

1. РГИА. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 572.
2. Нижегородская энциклопедия промышленности: сборник / Сост. Ф.А. Селезнёв. – Н.Новгород: «Книги», 2011. 616 с.
3. Горюнов В.В. Из капли солнечного света: К 100-летию Нижегородского масложиркомбината 1898 – 1998. – Н.Новгород: Литера, 1998. 232 с.
4. Сага о Персицах: семья в истории. Выставка-исследование (09.09–10.10.2021) на основе документальных свидетельств и художественных образов. 48 с. // URL: https://file:///C:/Users/home/Downloads/catalog.pdf (Дата обращения: 23.05.2025)
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: [пер. с англ]. Изд-е 2-е., испр.и доп. – М.: Academia, 2004. 788, [CLXX] с.
6. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. (перепечатано с 3-го изд.-я 1907 г.) / М.И. Туган-Барановский. В 2-х ч. – М.: Изд-во «Московский рабочий», 1922. 430 с.
7. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Полное собрание сочинений. 5-е изд. В 55 т. Т. 3. – М.: Изд-во полит. лит.-ры, 1971. С. 5-609, [XVI] с., прил.
8. Куратор выставки «Сага о Персицах: семья в истории» Дмитрий Макаров – о поиске потомков основателей, идее проекта и её воплощении // URL: http://9bgallery.com/text/makarov (Дата обращения: 27.06.2025)
9. Макаров Д.А. История Персицев. 34 с. // URL: https://opentextnn.ru/wp-content/uploads/istorija_persicev_2020_23-02-2022.pdf (Дата обращения: 24.06.2025)
10. «Другая индустриализация» // URL: https://book-hall.ru/kanavino/drugaya-industrializatsiya (Дата обращения: 11.08.2025)
11. Список фабрик и заводов Европейской России. – СПб.: Тип. В.Ѳ. Киршбаума, 1903. 838 с.
12. Указатель фабрик и заводов Европейской России (материалы для фабрично-заводской статистики) / Сост. П.А. Орлов и С.Г. Будагов. Изд-е третье, испр. и значит. доп. – СПб.: Тип. В.Киршбаума, 1894. 827 с.
13. Фабрично-заводские предприятия Российской Империи: справочник / Сост. инж. Л.К. Езиоранский. – СПб.: Изд. Торг. Дома А. Срока, 1909. [Б.н.с.]
14. Список фабрик и заводов России 1910 г. / Сост. ред. «Торг-пром. газеты» и «Вес. т.финансов»; Мин-во финансов и М-во торговли и пром-ти. 2-е изд. – М.: Л.Э. Метуль и К° , 1910. CCCIV, 1034 с.
15. РГИА.Ф.23.Оп.12.Д.579.

16. РГИА.Ф.1141.Оп.1.Д.227.

Reference

1. RGIA. F. 1425. Op. 1. D. 572.
2. Nizhny Novgorod Encyclopedia of Industry: Collection / Comp. F.A. Seleznev. – N.Novgorod: "Knigi", 2011. 616 p.
3. Goryunov V.V. From a Drop of Sunlight: On the 100th Anniversary of the Nizhny Novgorod Oil and Fat Plant 1898–1998. – N.Novgorod: Litera, 1998. 232 p.
4. The Saga of the Persitsys: Family in History. Research Exhibition (09.09–10.10.2021) Based on Documentary Evidence and Artistic Imagery. 48 p. // URL: https://file:///C:/Users/home/Downloads/catalog.pdf (23.05.2025)
5. Bell, D. The Coming Post-Industrial Society. An Experience of Social Forecasting: [translated from English]. 2nd ed., corrected and supplemented. – Moscow: Academia, 2004. 788, [CLXX] p.
6. Tugan-Baranovsky, M.I. Russian Factory in the Past and Present. Historical Development of the Russian Factory in the 19th Century (reprinted from the 3rd ed. 1907) / M.I. Tugan-Baranovsky. In 2 parts. – Moscow: Moskovsky Rabochy Publishing House, 1922. 430 p.
7. Lenin, V.I. The Development of Capitalism in Russia. The Process of Formation of the Internal Market for Large-Scale Industry / Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU; Complete Works. 5th ed. In 55 volumes. Vol. 3. – Moscow: Political Literature Publishing House, 1971. P. 5-609, [XVI] p., appendix.
8. Curator of the exhibition "The Saga of the Persians: A Family in History" Dmitry Makarov – on the search for the descendants of the founders, the idea of the project and its implementation // URL: http://9bgallery.com/text/makarov (27.06.2025)
9. Makarov D.A. History of the Persians. 34 p. // URL: https://opentextnn.ru/wp-content/uploads/istorija_persicev_2020_23-02-2022.pdf (24.06.2025)
10. "Another Industrialization" // URL: https://book-hall.ru/kanavino/drugaya-industrializatsiya (11.08.2025)
11. List of Factories and Plants of European Russia. – St. Petersburg: Type. V.I. Kirshbaum, 1903. 838 p.
12. Index of Factories and Plants of European Russia (materials for factory and plant statistics) / Comp. P.A. Orlov and S.G. Budagov. Third ed., corrected. and significantly supplemented. – St. Petersburg: Type. V. Kirshbaum, 1894. 827 p.
13. Factory and Plant Enterprises of the Russian Empire: Directory / Comp. by Eng. L.K. Ezioransky. – St. Petersburg: Publishing House of A. Sroka, 1909. [Unofficial translation]
14. List of Factories and Plants of Russia in 1910 / Comp. by the editors of "Torg-prom. newspaper" and "Ves. t.finansov"; Ministry of Finance and Ministry of Trade and Industry. 2nd ed. – Moscow: L.E. Metul i Ko, 1910. CCCIV, 1034 p.
15. RGIA.F.23.Op.12.D.579.
16. RGIA.F.1141.Op.1.D.227.

Хван Д.А.
Независимый исследователь.

Методика институциональной адаптации политической системы к вызовам VUCA-мира: наследие прошлого*

Аннотация. Статья посвящена разработке методики институциональной адаптации политических систем к вызовам VUCA-мира (изменчивость, неопределённость, сложность, двусмысленность). Показано, что сходные условия встречались в разные исторические эпохи и вызывали реакции власти в виде кризисов, реформ, войн и технологических сдвигов. Цель работы — выявить закономерности институциональной адаптации и предложить модель сравнительного анализа. Методологическая основа включает в себя историко-политический анализ и типологизацию адаптационных стратегий. На примере Британской империи и СССР выделены ключевые исторические реакции и их комбинации. Авторская модель описывает этапы институциональной адаптации политической системы от осознания кризиса до стабилизации и позволяет экстраполировать исторические примеры на анализ современных факторов VUCA-мира. Сделан вывод о значимости исторического измерения и перспективах применения авторской модели в компаративных политических исследованиях.

Ключевые слова: политические системы, институциональная адаптация, VUCA-мир, изменчивость, неопределённость, сложность, двусмысленность, ретроспективный анализ, методика.

Khvan D.A.
Independent researcher.

Methodology of institutional adaptation of the political system to the challenges of the VUCA world: legacy of the past

Abstract. The article is devoted to the development of a methodology for the institutional adaptation of political systems to the challenges of the VUCA world (variability, uncertainty, complexity, ambiguity). It is shown that similar conditions have occurred in different historical epochs and caused government reactions in the form of crises, reforms, wars, and technological shifts. The purpose of the work is to identify patterns of

* © Хван Д.А., 2025.

institutional adaptation and propose a model of comparative analysis. The methodological framework includes historical and political analysis and typologization of adaptation strategies. Using the example of the British Empire and the USSR, key historical reactions and their combinations are highlighted. The author's model describes the stages of institutional adaptation of the political system from crisis awareness to stabilization and allows us to extrapolate historical examples to the analysis of modern factors of the VUCA world. The conclusion is made about the importance of the historical dimension and the prospects of applying the author's model in comparative political research.

Key words: political systems, institutional adaptation, VUCA-world, variability, uncertainty, complexity, ambiguity, retrospective analysis, methodology.

Понятие VUCA-мира (volatility, uncertainty, complexity, ambiguity — изменчивость, неопределённость, сложность, двусмысленность; далее — VUCA) вошло в научный оборот в конце XX века как инструмент описания условий, в которых функционируют современные социально-политические системы[1]. Понятие VUCA-мира отражает состояние, когда институциональные решения формируются под воздействием быстро меняющихся обстоятельств, многофакторных вызовов и неопределённости будущих сценариев[2]. В настоящее время, несмотря на усилия международных организаций, они «сталкиваются с вызовом в виде индивидуальных интересов стран, направленных на сохранение своего политического и экономического лидерства. Баланс этих интересов с глобальной устойчивостью становится критически важным вопросом для обеспечения справедливого и устойчивого развития в будущем»[3]. Однако на самом деле в этом смысле будущее довольно размыто. В отличие от прошлого. Т. Чен полагает, что с учётом VUCA-мира «прошлые модели проектирования больше не позволяют эффективно решать быстро меняющиеся и запутанные сложные социальные проблемы настоящего»[4]. Однако для историко-политической науки использование категории VUCA открывает возможность рассматривать адаптацию власти как процесс, имеющий глубинные исторические основания.

1 *Mintrom M., O'Connor R.* Policy coordination and development in a VUCA world // Global Policy. 2024. Vol. 15. P. 41-52.

2 *Булакбаева М.К.* Трансформация в условиях VUCA-мира // Вестник Ошского государственного педагогического университета имени А. Мырсабекова. 2022. № 1-1 (19). С. 72-78.

3 *Medina G.F., del Pilar Barrera-Ortegon A., Jimenez-Hernandez P.R.* Modern Governance in VUCA Environments as a Determining Factor for the Political Stability of Nation States // Organizational Management Sustainability in VUCA Contexts. IGI Global Scientific Publishing, 2024. P. 86.

4 *Chen T.* The world of VUCA // Endogenous Community Design: Community Revitalization Enabling Ecosystem for Collective Impact. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. P. 1.

Историко-политический анализ показывает, что ситуации, сходные с характеристиками VUCA-мира, проявлялись и ранее (периоды структурных перемен (исторические кризисы, связанные с ускоренными преобразованиями в экономике и политике), индустриально-технологические революционные решения, войны и др.), что формировало условия, в которых политическая система должна была реагировать на многомерные и непредсказуемые изменения. В этом контексте значимым предметом изучения является институциональная адаптация как процесс, обеспечивающий возможность продолжения функционирования власти при сохранении её легитимности и способности к воспроизводству[5]. Таким образом, обращение к категории VUCA позволяет переосмыслить традиционные кризисные фазы мировой истории в терминах адаптационных возможностей политических институтов.

Цель статьи заключается в разработке методики институциональной адаптации политической системы к вызовам VUCA-мира на примере исторического опыта. Для её достижения целесообразно показать, как в разные периоды прошлого политические институты вырабатывали механизмы приспособления, а также выявить их результаты и ограничения, что позволит уточнить понятийный аппарат и предложить аналитический инструмент для понимания современных вызовов политической трансформации в контексте вызовов VUCA-мира.

Термин VUCA впервые возник в профессиональной среде военных стратегов в конце 1980-х гг. Его использовали в Военном колледже армии США в 1987 г. для обозначения условий, в рамках которых планирование и управление сталкивались с нестабильностью, непредсказуемостью и множественностью факторов. В более широком академическом и общественном дискурсе понятие получило распространение в начале 1990-х гг., когда Г. Барбер вынес его за пределы военной сферы и связал с анализом управления и лидерства[6]. Интеллектуальную основу подхода составили исследования У. Бенниса и Б. Нануса, представленные в их работе «Лидеры: стратегии принятия ответственности»[7], в которой рассматривались способы действия руководителей в условиях неопределённости и повышенной сложности.

Историческая наука накопила значительный материал о том, как раз-

5 *Корчажкина О.М.* VUCA-мир — новая постнеклассическая рациональность: анализ результатов современных исследований // Информация–Коммуникация–Общество. 2022. Т. 1. С. 158-166.

6 *Chen T.* The world of VUCA // Endogenous Community Design: Community Revitalization Enabling Ecosystem for Collective Impact. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. P. 1-10.

7 *Bennis W., Nanus B.* The strategies for taking charge // Leaders, New York: Harper. Row. 1985. Vol. 41. P. 1-2.

личные политические системы реагировали на кризисы, вызванные ускоренными преобразованиями в экономике и политике. Резкие структурные сдвиги в хозяйственной сфере или изменения в системе власти нередко приводили к тому, что привычные механизмы регулирования переставали соответствовать новым условиям[8]. Для анализа подобного рода процессов применим терминологический аппарат, позволяющий рассматривать политическую адаптацию как часть общей исторической динамики.

Кроме того, индустриально-технологические революции формировали условия, когда политическая власть сталкивалась с необходимостью искать новые средства регулирования. Массовое внедрение инноваций порождало социальные напряжения и ускоряло процессы реформ, а иногда приводило к политическим потрясениям, чему есть известные свидетельства:

– Во-первых, промышленная механизация в Англии сопровождалась социальными волнениями, и луддитские выступления 1811–1812 гг. рассматриваются историками как реакция рабочих на внедрение машин и изменение трудовых отношений; исследования показывают масштаб, географию и политическую напряжённость этих протестов[9].

– Во-вторых, крупные технологические инновации изменяли городскую экономику и политическую динамику, что ускоряло институциональные перемены. Так, печать как ключевая технология раннего Нового времени связана с ускоренным ростом городов и трансформацией информационных и властных практик, что фиксируется в эконометрическом анализе на данных европейских городов XV–XVI вв.[10].

– В-третьих, классическая политико-экономическая традиция описывает «движение ответной защиты» обществ на дестабилизацию, вызванную рыночными и технологическими новациями, что приводило к реформам. В немецком кейсе индустриализация и «социальный вопрос» стимулировали государственные реформы Бисмарка; современные эмпирические работы и историография трактуют их как ответ власти на новые социальные риски и политическое давление. В более широком смысле К. Поланьи связывал расширение институтов рынка с социальными напряжениями и последующими реформами[11].

История показывает, что военные конфликты действовали схожим об-

8 *Отроков О.Ю.* Направления совершенствования молодежной политики России в реалиях VUCA-мира // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 9 (110). С. 12-16.

9 *Navickas K.* Luddism, incendiarism and the defence of rural'task-scapes' in 1812 // Northern History. 2011. Vol. 48. № 1. P. 59-73.

10 *Dittmar J.E.* Information technology and economic change: the impact of the printing press // The Quarterly Journal of Economics. 2011. Vol. 126. № 3. P. 1133-1172.

11 *Kersting F.* Mimicking the Opposition: Bismarck's Welfare State and the Rise of the Socialists. Discussion Paper, 2023. № 448. P. 1-55.

разом, поскольку войны оказывались фактором, который разрушал привычные структуры и открывал пространство для институциональных решений, ранее не применявшихся[12]. Таким образом, кризис в истории предстает как момент, когда институциональная система должна реагировать на множественные вызовы.

Введение категории VUCA-мир позволяет рассматривать исторические процессы как континуум ситуаций, связанных с изменчивостью, неопределённостью, сложностью и двусмысленностью. Этот континуум —повторяющийся феномен, проявляющийся в разных формах на протяжении столетий. В условиях VUCA-мира политическая адаптация является предметом системного анализа, поскольку она позволяет выявлять закономерности того, каким образом власть в разные эпохи находила способы сохранять легитимность и восстанавливать контроль политической системы в обстановке исторических кризисов.

Здесь важно отметить, что важное место для понимания институциональной адаптации политической системы к вызовам VUCA-мира с исторической точки зрения занимает проблематика понятийного аппарата анализа политических изменений, которая всегда отражала особенности исторической эпохи. На ранних этапах исследования кризисных явлений в политике применялось понятие «нестабильность», которое описывало отклонение от привычного порядка и подчеркивало временный характер колебаний власти. Однако накопленный опыт показал, что многие явления имеют системный характер и выражаются не в кратковременных сбоях, а в глубинной трансформации политических институтов и систем. В контексте VUCA-мира данная перспектива приобретает большую значимость, так как современные вызовы довольно трудно интерпретировать только в категориях временной нестабильности.

Историческая наука постепенно вводила новые термины, позволяющие описывать сложные состояния политической системы. Так, понятие «турбулентность» устанавливало ситуацию множественности факторов и их одновременного действия, что делало прогнозирование крайне затруднительным. Термин «трансформация» использовался для характеристики долгосрочных изменений, когда институты и реагировали на внешние вызовы, и меняли собственную структуру. Таким образом, в историческом дискурсе выстраивалась последовательность категорий, каждая из которых расширяла возможности анализа политических кризисов.

Постепенно внимание исследователей было обращено к понятию «адаптация», отражающему способность политических институтов изменять

12 *Арефьев М.А.* и др. SPOD, VUCA, BANI как цивилизационные характеристики современности // Социодинамика. 2024. № 10. С. 1-19.

своё функционирование в ответ на вызовы среды. В противоположность этому в теории закрепилось понятие «устойчивость», подчеркивающее возможность сохранения структуры при наличии внешнего давления. Сочетание данных категорий позволило выйти на уровень анализа институциональной уязвимости, т.е. способности политической системы противостоять вызовам и сохранять непрерывность в условиях VUCA-мира. Таким образом, историческая динамика понятий показывает, что каждое новое обозначение отражало усложнение самого объекта исследования.

Так, в истории можно найти несколько ярких примеров институциональной адаптации политической системы к вызовам VUCA-мира, который в то время так не обозначался, однако, по сути, уже существовал.

Кейс Британской империи в колониальный период. Опыт Британской империи отражает ситуацию VUCA-мира в условиях протяжённости территорий, неоднородности правовых режимов и перемен в глобальной торговле. Так, административная система сталкивалась с колебаниями цен на сырьё, различиями в местных практиках управления и неполнотой информации о периферии. Перед центром Британской империи возникала задача согласования стандартов империи с региональными особенностями и сохранения контроля над разнородными пространствами[13].

В то время преобладала инерционная адаптация, основанная на поддержании привычных процедур и наращивании кадровых механизмов. Распространение практик косвенного правления, использование служб гражданской администрации, унификация делопроизводства и налогового учёта обеспечивали предсказуемость повседневного управления. Правовые и кадровые решения задавали общий каркас взаимодействия метрополии с колониями, финансовые инструменты позволяли удерживать контроль над потоками ресурсов. Наряду с инерцией применялись и точечные институциональные реформы, направленные на локальное урегулирование дисбалансов. Трансформация отношений Британской империи с доминионами, изменения статуса отдельных территорий и корректировка компетенций органов колониального управления служили ответом на вызовы, вызванные ростом политической субъектности местных элит и изменениями мирового рынка. Подобные меры обеспечивали частичное изменение правительства по конкретным направлениям с учётом сохранения общего административного управления[14].

Кейс политической системы СССР в условиях быстро меняющейся среды. Ситуация позднесоветского периода показывает иную траекторию ре-

13 *Darwin J.* The empire project: The rise and fall of the British world-system, 1830–1970. Cambridge University Press, 2009. 795.

14 *Wicker E.R.* Colonial development and welfare, 1929-1957: The evolution of a policy // Social and Economic Studies. 1958. P. 170-192.

акции на факторы зарождающегося VUCA-мира. Так, наряду с внешними импульсами в виде технологической конкуренции, изменений на энергетических рынках и расширения трансграничных коммуникаций наблюдались и внутренние структурные сдвиги в промышленности и социальной сфере. Институциональный порядок опирался на долгосрочное планирование, приоритет стабильности целей и последовательность процедур распределения ресурсов[15].

Ответ на ускорение внешних и внутренних процессов выражался в сохранении ранее сформированных механизмов координации с учётом умеренной коррекции используемых инструментов управления политической системы. Отдельные реформы хозяйственного управления и расширение элементов программно-целевого подхода усиливали расчетный компонент, однако темп изменений оставался ограниченным[16]. На рубеже 1980-х годов начались преобразования политического и экономического характера, что расширило повестку институциональных решений и привело к многовекторности управленческих задач.

В терминах VUCA-мира данный опыт отражает взаимодействие стабильного институционального устройства с ускорением внешней среды. Синхронизация долгосрочных планов с меняющимися параметрами производства, технологий и информации потребовала согласования приоритетов на нескольких уровнях. Как следствие, динамика показала, что ориентир на сохранение заданных процедур в условиях нарастающих изменений формирует пределы адаптации, тогда как более поздние преобразования политической системы перевели обсуждение на уровень соотношения политического управления и экономической модернизации[17].

Данные кейсы отражают, как сочетания инерции, выборочных реформ и режимов ограничения внешних влияний могут складываться в повторяющиеся типы реакции политических систем. В историческом анализе адаптационные стратегии удобно рассматривать как набор устойчивых режимов реакции на неопределённость, характерную для VUCA-мира. Основанием для различения могут служить параметры внешней проекции силы, глубина изменения правил и институтов, степень открытости каналов обмена, а также роль символических механизмов. Как следствие, можно выделить четыре базовых типа адаптационных стратегий политических си-

15 *Mau V.* Perestroika: Theoretical and political problems of economic reforms in the USSR // Europe-Asia Studies. 1995. Vol. 47. № 3. P. 387-411.

16 *Лавровский И.К.* Экономическая трансформация советской системы в 1980-1990-х годах: источники капитала и власти // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2021. № 12 (570). С. 24-45.

17 *Барсенков А.С.* Политика перестройки и реформирование советского общества в 1985-1991 гг. // Российская история. 2014. № 6. С. 77-98.

стем в условиях исторической неопределённости, а именно: экспансия как перенаправление давления во вне, реформа как внутреннее переустройство, изоляция как сокращение внешних взаимодействий, символическое насилие как управление интерпретациями и признанием порядка (табл. 1).

Таблица 1. Ключевые типы адаптационных стратегий политических систем в условиях исторической неопределённости.

Тип	Суть реакции	Издержки и ограничения
Экспансия	Перенаправление давления во вне за счёт расширения контроля над ресурсами и коммуникациями	Рост расходов на периферию, усиление чувствительности к внешним шокам
Реформа	Перестройка правил и институтов, перераспределение полномочий, обновление процедур	Временная дестабилизация правил, сопротивление групп интересов
Изоляция	Сокращение внешних взаимодействий, усиление контроля потоков информации, капитала и рабочей силы	Замедление заимствования инноваций, снижение внешней торговли
Символическое насилие	Закрепление доминирующего толкования происходящего (ритуалы и нормы языка)	Сужение интерпретаций, рост значения формальной лояльности
Кооптация элит	Включение конкурирующих групп в правящую коалицию с распределением статусов и ресурсов	Увеличение издержек коалиции, снижение прозрачности решений
Административная централизация	Консолидация полномочий и укрупнение структур для ускорения решений	Перегрузка центра, ослабление инициативы регионов и ведомств

Источник: авторская разработка.

Экспансия выступает способом перераспределения нагрузок посредством расширения контроля над ресурсами и коммуникационными артериями[18]. Экспансия снижает внутреннее напряжение за счёт переноса

18 *Куровский С.В., Зинчук М.Г., Мишин Д.А.* Детерминанты российской политики в прибрежных странах Персидского залива // Казачество. 2025. № 82 (1). С. 156-165.

конкуренции на периферию и за счёт включения новых источников доходов, однако увеличивает издержки на администрирование и усиливает чувствительность к шокам на дальних рубежах. Реформа ориентирована на корректировку норм и процедур внутри политической системы, когда меняются правила доступа к ресурсам, уточняется компетенция органов, перестраиваются каналы обратной связи. Последовательность шагов и их согласование с балансом сил элит оказываются решающими для поддержания непрерывности и для соотнесения с технологическими и социальными изменениями VUCA-мира.

Изоляция предполагает снижение проницаемости границ, усиление контроля над потоками информации, капитала и рабочей силы, что повышает предсказуемость внутренней среды и одновременно сдерживает заимствование инноваций. Символическое насилие действует посредством институционально закреплённых знаков, ритуалов и форм публичного представления власти, результатом которых является унификация интерпретаций и конвертация согласия в ресурс управления при минимальном объёме материальных перемен.

На практике политические системы комбинируют перечисленные типы адаптационных стратегий политических систем в условиях исторической неопределённости — экспансия связывается с ограниченными реформами, изоляция поддерживается символическими механизмами, интенсивность каждого инструмента определяется масштабом неопределённости и ресурсными возможностями. Следует подчеркнуть, что данная типология пригодна для кодирования исторических эпизодов и для сопоставления траекторий институциональной адаптации в условиях VUCA-мира.

Следует отметить, что представленная типология не исчерпывает всего многообразия исторических реакций, однако позволяет зафиксировать ключевые направления адаптации и показать, что они образуют повторяющиеся последовательности. Для понимания внутренней логики этих последовательностей важно показать, каким образом кризисы переходят в различные реакции, затем в процедуры их объяснения и, наконец, в состояние временного равновесия. На этой основе предлагается модель историко-институциональной адаптации, позволяющая представить цикл в его целостности (рис. 1).

Предлагаемая модель задаёт последовательность стадий, по которым прослеживается движение от кризисного импульса к временной стабилизации — кризис, установление кризиса, выбор реакции, обоснование новых правил и закрепление равновесия. На каждой стадии можно проверить три группы признаков — системность решений, степень их устойчивости во времени и способы передачи найденных решений внутри политической системы и между политическими системами.

Рисунок 1. Модель историко-институциональной адаптации

Источник: авторская разработка.

Признаки системности фиксируются по трём измерениям. Во-первых, по уровню включённости институтов (насколько решения поддержаны нормативными актами, процедурами и организационными формами?). Во-вторых, по согласованности ветвей власти и уровней управления. В-третьих, по наличию каналов обратной связи, которые позволяют сверять решения с результатами и корректировать политический курс. Совпадение этих измерений может указывать на системный характер реакции.

Параметры устойчивости описывают, выдерживают ли принятые решения давление времени. Оценка ведётся по длительности действия правил, по способности сохранять ориентацию на объявленные цели при

изменении внешних условий и по тому, насколько принятые меры переживают смену управления. Если правила быстро «сходят на нет», то перед исследователем кратковременная стабилизация; если же правила сохраняются и после смены исторических условий, то наблюдается переход к стабилизации.

Способы передачи решений описывают, как принятые практики распространяются по уровням власти и закрепляются в работе институтов — от центра к ведомствам и регионам, а также между странами[19]. Внутренняя передача означает распространение решения с уровня центральных органов на ведомства и регионы или в обратном направлении, тогда как внешняя передача связана с заимствованиями между странами и наднациональными институтами. Здесь для верификации можно использовать признаки адаптации заимствованного решения к местным нормам и ресурсам, а также время, за которое новое правило укореняется в обществе.

Пошаговое применение модели к тому или иному историческому эпизоду начинается с выделения исходного импульса и его масштаба. Далее устанавливается, какая реакция была выбрана (инерция или мобилизация). Затем оценивается, на каком основании новые правила признаны и приняты (например, нормативные и правовые акты, бюджетные решения, публичные разъяснения органов власти[20]). После этого оценивается равновесие, т.е. что именно стабилизировалось, на какой срок и за счёт каких ресурсов и т.п.

Результатом становится своеобразный «исторический паспорт» эпизода с несколькими ключевыми переменными (тип кризиса, доминирующие реакции, канал передачи политических решений, вид обоснования и граница равновесия). «Исторический паспорт» позволяет сравнивать разные случаи в одном масштабе, не теряя исторической специфики и различий контекста.

Для работы с современными составляющими VUCA-мира историческая типология переводится в операционные признаки. Сначала задаётся вид фактора (технологический, финансовый, политический, связанный с безопасностью или смешанный). Затем определяется скорость изменений и уровень воздействия, после чего выбирается ближайший исторический аналог и проверяется, какая реакция преобладала и какими средствами обеспечивалось признание новых правил. При этом важно проводить сопоставление макрополитических примеров по общей шкале наблюдения.

19 *Мишин Д.А., Куровский С.В., Смолин П.В.* Проблемы и перспективы развития отечественного конституционализма // Современное общество и право. 2024. № 4 (71). С. 45-50.

20 *Мишин Д.А., Куровский С.В., Сижажев А.Х.* Понятие юрисдикции в национальном и международно-правовом аспектах // Юридическая наука. 2024. № 2. С. 247-251.

Единицей анализа может выступать принятое историческое решение, подтверждённое той или иной нормой, перераспределением бюджета или структурным изменением. Завершение применения модели сводится к составлению сопоставимых «исторических паспортов» и даёт основание говорить о повторяемости управленческих решений и о границах их действия сквозь призму современного VUCA-мира.

Важно подчеркнуть, что в историческом материале хорошо заметно различие между кратковременной стабилизацией и стратегической гибкостью. Первая достигается за счёт жёсткого сохранения привычного порядка и жёсткой дисциплины процедур, что предоставляет короткую паузу и снижает напряжение, однако оставляет прежние ограничения. Стратегическая гибкость связана с готовностью менять правила доступа к ресурсам и перераспределять роли, при этом сохраняется непрерывность власти и её способность поддерживать правопорядок в условиях VUCA-мира. Разница состоит во временном горизонте — краткий эффект опирается на удержание формы, долговременный результат возникает за счёт изменения инструментария управления. История показывает, что гибкость работает тогда, когда политические институты допускают возможность возврата к прошлому и накапливают опыт в ходе последовательных управленческих решений[21]. При этом механизм обратной связи, открытые каналы для уточнения норм и наличие нескольких допустимых маршрутов принятия решений повышают шанс на адаптацию к новым обстоятельствам. Преимущество подобной стратегии проявляется в том, что изменение переводит систему в иное состояние контролируемого развития.

Однако важно отметить, что оценка прошлого сталкивается с ретроспективными ловушками. Так, перенос современных представлений в прошлое искажает смысл принятых тогда исторических решений; позднее знание формирует иллюзию предсказуемости и заставляет недооценивать уровень неопределённости, с которым сталкивались участники событий; выбор примеров под заранее заданный вывод скрывает альтернативы, реально присутствовавшие в истории. Для корректного анализа институциональной гибкости требуется явное разграничение времени наблюдателя и времени действия. Тем не менее, для демонстрации применимости авторской модели можно перейти к некоторым современным примерам (табл. 2).

Нельзя не отметить, что исторический материал всегда несёт отпечаток времени, в котором он возник. Политические кризисы XIX или XX века разворачивались в условиях иной социальной структуры, другой степени

21 *Чувардин Г.С., Гончарова И.В.* Цифровая среда и изменение формата исторического образования в России в XXI в. // Новейшие исследования в области истории и педагогики. 2022. С. 410-416.

Таблица 2. Примеры применения авторской модели историко-институциональной адаптации к современным кейсам.

Критерий	США после 11 сентября 2001 г.	Франция после 1968 г.	Китай после реформ Д. Сяопина
Элемент VUCA: вид и масштаб	Политический, связанный с безопасностью, высокий темп, глобальный уровень	Социально-политический, высокий темп, национальный уровень	Экономико-технологический, средневысокий темп
Историческая реакция	Институциональная мобилизация, централизация, символизм	Реформа с элементами символических форм	Институциональная мобилизация, реформа, кооптация элит
Принятие решений	Федеральные законы, новые органы, перераспределение бюджетов	Законы об образовании и труде, изменения университетского управления	Решения по экономическим зонам, новые правила хозяйствования
Передача решений	Внутренняя — федерация к агентствам и штатам; внешняя — коалиции	Внутренняя — центр к секторам; внешняя — заимствования практик	Внутренняя — от пилотных зон к общенациональному уровню; внешняя — заимствования
Итоговое равновесие	Усиление координации и контроля, долгосрочный эффект	Снижение протестной активности, обновление каналов участия	Длительный рост, закрепление новых правил хозяйственной деятельности

Источник: авторская разработка.

вовлечённости общества и отличных форм государственного управления. Источники, которыми располагает исследователь, устанавливают лишь часть процессов, поэтому сама реконструкция динамики институциональной адаптации оказывается неполной. Сравнение с современностью осложняется тем, что в прошлом существовали иные масштабы принятия решений, иные соотношения между центром и регионами, иные каналы взаимодействия власти и общества. Поэтому схожие внешние признаки кризиса могут скрывать разные механизмы адаптации, что может ограничивать точность обобщений.

Ещё одним ограничением выступает культурный фактор. Политическая система в каждой стране действует в контексте ценностей, традиций

и коллективных представлений о власти. Для одних обществ характерно восприятие символических ритуалов как достаточного подтверждения легитимности, в других же подобные действия рассматриваются как недостаточные или даже вызывающие сомнения[22]. Иными словами, схожие по форме институциональные реакции могут давать противоположный эффект в разных культурных условиях. В связи с этим в рамках сопоставления исторических кейсов важно учитывать особенности языка власти, ролевые модели политических акторов и уровень доверия к публичным институтам, поскольку именно они определяют, насколько решения власти принимаются обществом.

Также можно выделить ещё одно ограничение, связанное с субъективным характером самой диагностики кризиса. Решение о том, считать ли ситуацию кризисной, зависит от восприятия правящих элит, исследовательской традиции и общественного мнения. Одни и те же события могут трактоваться как структурный перелом или как временное затруднение, не требующее масштабных преобразований. Диагноз кризиса в значительной степени задаётся контекстом и интересами участников процесса, что означает, что основанная на исторических примерах методика анализа неизбежно опирается на интерпретацию и потому должна применяться с осторожностью, с учётом возможных границ её точности и универсальности.

Таким образом, рассмотренный в статье исторический материал показывает, что институциональная адаптация политических систем не сводится к реакции на сиюминутные вызовы. Она формируется как последовательность решений, проверенных временем, и потому требует включения исторического измерения в любой анализ. Понятие VUCA-мира в данном контексте выступает как полезная аналитическая рамка, которая позволяет увидеть повторяющиеся механизмы реагирования на изменчивость и неопределённость.

Разработанная модель опирается на выявление общих стадий адаптации, что делает возможным переход от описания отдельных исторических эпизодов к построению сопоставимых исторических примеров, что позволяет преодолеть их изолированность и использовать их для анализа современных вызовов. Системное сопоставление кейсов предоставляет возможность уловить как различия в траекториях политических систем, так и глубинные сходства в способах их приспособления к динамике внешней и внутренней среды. Перспективы применения авторской модели лежат в области компаративных историко-политических

22 *Шпер В.Л., Береш А.К.* Готовы ли мы к жизни в мире VUCA? // Методы менеджмента качества. 2020. № 5. С. 34-43.

исследований. Сравнение национальных и региональных опытов сквозь призму историко-институциональной адаптации позволяет уточнить границы политической гибкости и выявить факторы, которые обеспечивают сохранение легитимности в условиях неопределённости. Благодаря предложенному инструментарию можно проводить и историческую реконструкцию, и применять практическое прогнозирование траекторий политического развития в современном VUCA-мире.

Библиографический список:

1. Арефьев М.А. и др. SPOD, VUCA, BANI как цивилизационные характеристики современности // Социодинамика. 2024. № 10. С. 1-19.
2. Барсенков А.С. Политика перестройки и реформирование советского общества в 1985-1991 гг. // Российская история. 2014. № 6. С. 77-98.
3. Булакбаева М.К. Трансформация в условиях VUCA-мира // Вестник Ошского государственного педагогического университета имени А. Мырсабекова. 2022. № 1-1 (19). С. 72-78.
4. Корчажкина О.М. VUCA-мир — новая постнеклассическая рациональность: анализ результатов современных исследований // Информация–Коммуникация–Общество. 2022. Т. 1. С. 158-166.
5. Куровский С.В., Зинчук М.Г., Мишин Д.А. Детерминанты российской политики в прибрежных странах Персидского залива // Казачество. 2025. № 82 (1). С. 156-165.
6. Лавровский И.К. Экономическая трансформация советской системы в 1980-1990-х годах: источники капитала и власти // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2021. № 12 (570). С. 24-45.
7. Мишин Д.А., Куровский С.В., Сижажев А.Х. Понятие юрисдикции в национальном и международно-правовом аспектах // Юридическая наука. 2024. № 2. С. 247-251.
8. Мишин Д.А., Куровский С.В., Смолин П.В. Проблемы и перспективы развития отечественного конституционализма // Современное общество и право. 2024. № 4 (71). С. 45-50
9. Отроков О.Ю. Направления совершенствования молодежной политики России в реалиях VUCA-мира // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 9 (110). С. 12-16.
10. Чувардин Г.С., Гончарова И.В. Цифровая среда и изменение формата исторического образования в России в XXI в. // Новейшие исследования в области истории и педагогики. 2022. С. 410-416.
11. Шпер В.Л., Береш А.К. Готовы ли мы к жизни в мире VUCA? // Методы менеджмента качества. 2020. № 5. С. 34-43.
12. Bennis W., Nanus B. The strategies for taking charge // Leaders, New York: Harper. Row. 1985. Vol. 41. P. 1-2.
13. Chen T. The world of VUCA // Endogenous Community Design: Community Revitalization Enabling Ecosystem for Collective Impact. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. P. 1-10.
14. Darwin J. The empire project: The rise and fall of the British world-system, 1830–1970. Cambridge University Press, 2009. 795.
15. Dittmar J. E. Information technology and economic change: the impact of the printing press // The Quarterly Journal of Economics. 2011. Vol. 126. № 3. P. 1133-1172.
16. Kersting F. Mimicking the Opposition: Bismarck's Welfare State and the Rise of the Socialists. Discussion Paper, 2023. № 448. P. 1-55.
17. Mau V. Perestroika: Theoretical and political problems of economic reforms in the USSR // Europe-Asia Studies. 1995. Vol. 47. № 3. P. 387-411.
18. Medina G. F., del Pilar Barrera-Ortegon A., Jimenez-Hernandez P. R. Modern Governance in VUCA Environments as a Determining Factor for the Political Stability of Nation States // Organizational Management Sustainability in VUCA Contexts. IGI Global Scientific Publishing, 2024. P. 86-106.
19. Mintrom M., O'Connor R. Policy coordination and development in a VUCA world // Global Policy. 2024. Vol. 15. P. 41-52.
20. Navickas K. Luddism, incendiarism and the defence of rural'task-scapes' in 1812 // Northern History. 2011. Vol. 48. № 1. P. 59-73.
21. Wicker E.R. Colonial development and welfare, 1929-1957: The evolution of a policy // Social and Economic Studies. 1958. P. 170-192.
22. Полончук Р.А. Торгово-экономические отношения с Соединенными Штатами Америки как фактор формирования стратегии национальной безопасности Китайской Народной Республики // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 11 (137). С. 106-121.

Reference

1. Arefyev M.A. et al. SPOD, VUCA, BANI as civilizational characteristics of modernity // Sociodynamics. 2024. № 10. P. 1-19.
2. Barsenkov A.S. The policy of perestroika and reforming of Soviet society in 1985-1991 // Russian history. 2014. № 6. P. 77-98.
3. Bulakbaeva M.K. Transformation in the conditions of the VUCA world // Bulletin of the Osh State Pedagogical University named after A. Myrsabekov. 2022. № 1-1 (19). P. 72-78.
4. Korchazhkina O.M. VUCA world — a new post-non-classical rationality: analysis of the results of modern research // Information-Communication-Society. 2022. Vol. 1. P. 158-166.
5. Kurovsky S.V., Zinchuk M.G., Mishin D.A. Determinants of Russian Policy in the Littoral Countries of the Persian Gulf // Cossacks. 2025. № 82 (1). P. 156-165.
6. Lavrovsky I.K. Economic Transformation of the Soviet System in the 1980-1990s: Sources of Capital and Power // All-Russian Economic Journal ECO. 2021. № 12 (570). P. 24-45.
7. Mishin D.A., Kurovsky S.V., Sizhazhev A.Kh. The Concept of Jurisdiction in National and International Legal Aspects // Legal Science. 2024. № 2. P. 247-251.
8. Mishin D. A., Kurovsky S. V., Smolin P. V. Problems and Prospects for the Development of Domestic Constitutionalism // Modern Society and Law. 2024. № 4 (71). P. 45-50.
9. Otrokov O. Yu. Directions for Improving Russia's Youth Policy in the Realities of the VUCA World // Society: Politics, Economics, Law. 2022. № 9 (110). P. 12-16.
10. Chuvardin G. S., Goncharova I. V. Digital Environment and Changing Format of History Education in Russia in the 21st Century // Latest Research in History and Pedagogy. 2022. P. 410-416.
11. Shper V.L., Beresh A.K. Are We Ready for Life in a VUCA World? // Quality Management Methods. 2020. № 5. P. 34-43.
12. Bennis W., Nanus B. The strategies for taking charge // Leaders, New York: Harper. Row. 1985. Vol. 41. P. 1-2.
13. Chen T. The world of VUCA // Endogenous Community Design: Community Revitalization Enabling Ecosystem for Collective Impact. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. P. 1-10.
14. Darwin J. The empire project: The rise and fall of the British world-system, 1830–1970. Cambridge University Press, 2009. 795.
15. Dittmar J. E. Information technology and economic change: the impact of the printing press // The Quarterly Journal of Economics. 2011. Vol. 126. № 3. P. 1133-1172.
16. Kersting F. Mimicking the Opposition: Bismarck's Welfare State and the Rise of the Socialists. Discussion Paper, 2023. № 448. P. 1-55.
17. Mau V. Perestroika: Theoretical and political problems of economic reforms in the USSR // Europe-Asia Studies. 1995. Vol. 47. № 3. P. 387-411.
18. Medina G. F., del Pilar Barrera-Ortegon A., Jimenez-Hernandez P. R. Modern Governance in VUCA Environments as a Determining Factor for the Political Stability of Nation States // Organizational Management Sustainability in VUCA Contexts. IGI Global Scientific Publishing, 2024. P. 86-106.
19. Mintrom M., O'Connor R. Policy coordination and development in a VUCA world // Global Policy. 2024. Vol. 15. P. 41-52.
20. Navickas K. Luddism, incendiarism and the defence of rural'task-scapes' in 1812 // Northern History. 2011. Vol. 48. № 1. P. 59-73.
21. Wicker E.R. Colonial development and welfare, 1929-1957: The evolution of a policy // Social and Economic Studies. 1958. P. 170-192.
22. Polonchuk R.A. Trade and economic relations with the United States of America as a factor in shaping the national security strategy of the People's Republic of China // Etnosotsium and international culture. 2019. № 11 (137). P. 106-121.

Хубиева А.А.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры общественно-научных дисциплин, Республиканское государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования «Карачаево-Черкесский республиканский институт повышения квалификации работников образования».

Исторический аспект становления института персональных данных в России*

Аннотация. Данная статья прослеживает исторические этапы формирования права на неприкосновенность частной жизни и защиты персональных данных в России. Начинается с древнерусских времен, где впервые фиксируются нормы, защищающие жилище и личную переписку, и продолжается развитием законодательства в эпоху феодализма, Петровских реформ и XIX века, включающего кодификацию и закрепление тайны переписки. Особое внимание уделяется советскому периоду, когда права на личную неприкосновенность получили конституционное закрепление и международное признание, а также развитию института защиты персональных данных в постсоветской России. В статье анализируются ключевые нормативные акты, начиная с дореволюционных уставов и заканчивая современными законами, регулирующими обработку и защиту персональных данных, что свидетельствует о постепенном формировании правовой системы, ориентированной на защиту личных прав и свобод граждан.

Ключевые слова: генезис защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни, история российского законодательства, тайна переписки, право на личную жизнь, информационная безопасность, становление конституционных гарантий.

Khubieva A.A.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Scientific Disciplines, Republican State Budgetary Institution of Continuing Professional Education "Karachay-Cherkess Republican Institute for Advanced Training of Education Workers".

Historical aspect of the formation of the institute of personal data in Russia

* © Хубиева А.А, 2025.

Abstract. This article traces the historical stages of the formation of the right to privacy and protection of personal data in Russia. It begins with ancient Russian times, where the norms protecting housing and personal correspondence were first recorded, and continues with the development of legislation in the era of feudalism, Peter the Great's reforms and the 19th century, including the codification and consolidation of the secrecy of correspondence. Particular attention is paid to the Soviet period, when the rights to personal inviolability received constitutional enshrinement and international recognition, as well as the development of the institute for the protection of personal data in post-Soviet Russia. The article analyzes key regulations, starting with pre-revolutionary charters and ending with modern laws governing the processing and protection of personal data, which indicates the gradual formation of a legal system focused on protecting the personal rights and freedoms of citizens.

Key words: genesis of personal data protection and privacy, history of Russian legislation, confidentiality of correspondence, right to privacy, information security, formation of constitutional guarantees.

В современном обществе защита прав человека становится одной из ключевых задач, стоящих перед государствами и международными организациями. Одним из основных прав, относящихся к первой генерации прав человека, является право на неприкосновенность частной жизни. Это право обеспечивает гражданам возможность вести свою жизнь без вмешательства со стороны государства и третьих лиц, что является основой для свободного выражения своих мыслей, желаний и действий.

С развитием технологий и увеличением объемов обрабатываемой информации вопрос защиты личных данных и частной жизни становится особенно актуальным. В условиях цифровизации, когда личная информация может быть легко собрана, обработана и распространена, необходимо пересмотреть существующие подходы к защите прав граждан. В этом контексте важным шагом становится изучение исторического аспекта становления института персональных данных в России.

Защита персональных данных как концепция имеет глубокие исторические корни, которые различаются в зависимости от подхода исследователей. А.М. Шмаков [12] связывает начало этой концепции с Великой Французской революцией, когда была провозглашена приоритетность интересов личности над государственными. Это привело к формированию понимания права на неприкосновенность частной жизни, в рамках которого возникло и право на защиту персональной информации.

С другой стороны, некоторые исследователи, такие как Б.С. Бембеева [2], утверждают, что история защиты персональных данных начинается в США в конце XIX века. В 1890 году судьи Льюис Брандейс и Сэмюэл Уоррен опубликовали статью «Право на частную жизнь», в которой впервые был

введен термин «privacy». Изначально этот термин понимался как свобода личности от вмешательства государства, что отождествлялось с правом на жизнь и защиту собственности. Однако со временем право на уважение частной жизни стало отдельной категорией, охватывающей не только личное пространство, но и информационную среду обитания человека.

Американская концепция «privacy» нашла отражение в международных документах, таких как статья 12 Всеобщей декларации прав человека 1948 года[1], которая защищает тайну личной жизни и переписки. Аналогично, статья 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [10] утверждает право каждого на уважение его личной и семейной жизни. Эти документы закрепили право на неприкосновенность частной жизни как неотъемлемое право каждого человека, что подчеркивает важность защиты персональных данных на глобальном уровне.

Первым законом в области защиты персональных данных стал Закон о защите персональных данных, принятый В 70-х годах XX века в Гессене [10], что положило начало принятию аналогичных законов в большинстве европейских стран в течение следующих 30 лет. Эти законы закрепили реальные механизмы регулирования оборота персональных данных.

28 января 1981 года в Страсбурге Совет Европы принял Конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [8]. Этот документ обозначил защиту данных как важную часть права на неприкосновенность частной жизни и носил рамочный характер, определяя основные направления для разработки нормативных правовых актов и регулируя процесс охраны персональных данных, включая методы аппаратной обработки и технические средства.

В российском законодательстве еще в дореволюционный период были заложены основы права на неприкосновенность частной жизни.

Зарождение права на неприкосновенность частной жизни в России можно проследить с эпохи Древней Руси, начиная с IX века, когда появились термины, связанные с деловыми документами и письмами. В «Повести временных лет» упоминается о существовании интересов личной жизни, требующих защиты [4].

Одним из важных аспектов неприкосновенности частной жизни является защита жилища. В первом сборнике правовых норм «Русская правда» 1016 года содержится норма, которая предусматривала наказание за проникновение в жилище без разрешения хозяина [5]. Это подчеркивает, что само по себе вторжение в частное пространство считалось преступлением, что свидетельствует о наличии осознания необходимости защиты непри-

1 Всеобщая декларация прав человека: [принята 10 дек. 1948 г. резолюцией 217А Генеральной Ассамблеи ООН] // Действующее международное право. В 2 т. Т. 2 / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – Москва: Междунар. отношения, 2007. С. 18.

косновенности частной жизни в древнерусском обществе. Таким образом, нормы того времени можно интерпретировать как ранние проявления права на неприкосновенность частной жизни.

Нормы законодательства Древней Руси не содержали обобщающих предписаний о неприкосновенности частной жизни, так как в средневековом и античном праве отсутствовали подобные концепции. Законы того времени имели ситуационный характер и применялись «по аналогии» к различным случаям нарушений, что позволяет интерпретировать их как средства защиты частной жизни.

К концу XVII века на территории России было принято Соборное уложение 1649 года, которое стало кодификацией феодального права. Хотя этот акт соответствовал потребностям своего времени, он был условным в вопросах частной жизни и не охватывал семейные отношения. Тем не менее, «Судебник» вобрал в себя передовые идеи отечественного и зарубежного законодательства, что заложило предпосылки для дальнейшего развития права, включая право на неприкосновенность частной жизни [9].

Второй этап становления права на неприкосновенность частной жизни в России связан с реформами Петра I в конце XVII века. Указами Петра I были усовершенствованы правила почтовой службы, предписывающие курьерам не распечатывать и не смотреть на чужие грамоты [9]. Разработанные правила требовали опечатывать письма восковой печатью и транспортировать их в специальных чехлах, что подчеркивало важность сохранения тайны корреспонденции, особенно государственных секретов, но также способствовало защите личной переписки.

Реформы Петра I и изменения в политике России, связанные с победой в Северной войне, привели к новому взгляду на законодательную защиту частной жизни. С расширением сферы частной жизни и увеличением защитных норм, важным этапом стало принятие Свода законов Российской Империи в 1832 году, который систематизировал российское законодательство и включал вопросы защиты частных интересов [5].

В 1857 году в Свод законов были добавлены уставы о почте и телеграфах, которые закрепили тайну корреспонденции. Почтовый устав 1857 года запрещал вскрытие писем в отсутствие получателя и предусматривал осмотр посылок только при их выдаче. Вскрытие писем допускалось лишь для установления обратного адреса, при этом вскрытые письма помещались в новый конверт с указанием адреса и опечатывались. Эти меры подчеркивали важность защиты личной переписки.

Телеграфный устав 1857 года закрепил ответственность за точную доставку сообщений и сохранение их тайны за инспекторами телеграфных линий. Согласно статье 55, все лица, связанные с телеграфом, обязаны со-

хранять полную тайну депеш и не раскрывать их содержание [3].

В это же время вопросы личной тайны начали проникать в законодательство о правосудии. Уголовное уложение 1843 года запрещало вмешательство в личную и семейную жизнь высших должностных лиц, а в 1903 году этот запрет был расширен на всех граждан, включая чиновников судебных ведомств. Уложение о наказаниях 1857 года также обеспечивало неприкосновенность жилища, определяя действия, квалифицирующиеся как посягательства на эту неприкосновенность.

Таким образом, этот этап характеризуется наработкой понятийной базы и систематизацией, что предшествовало формированию соответствующего правового института в будущем.

Третий этап становления института персональных данных в России связан с периодом, предшествующим советскому, и самим советским периодом. Началом этого этапа стало провозглашение права на неприкосновенность личности в Манифесте 1905 года и его закрепление в «Основных государственных законах» 1906 года.

С принятием первой советской Конституции в 1918 году началось законодательное закрепление личных прав граждан, которое продолжилось в Конституции СССР 1936 года, где были установлены права на неприкосновенность личности, жилища и тайну переписки. Эти права получили конституционный статус, что ранее не было обеспечено [6].

В 1948 году ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека [1], что способствовало развитию правовой защиты личности. В Советском Союзе в 1976 году был принят Международный пакт о гражданских и политических правах, который закрепил недопустимость вмешательства в личную жизнь и право на защиту от такого вмешательства.

Эти права были вновь закреплены в Конституции СССР 1977 года и впоследствии вошли в Конституции союзных республик, включая Конституцию РСФСР 1978 года, что сформировало базу конституционных гарантий прав и свобод личности в постсоветском пространстве.

В указанный период в праве начали формироваться категории «частная жизнь» и «неприкосновенность частной жизни». Принцип неприкосновенности частной жизни, провозглашенный Декларацией ООН 1948 года, стал важным элементом мировой правовой культуры и нашел отражение в советском законодательстве. В частности, был введен принцип «гармонического сочетания общественного и личного», который подчеркивал наличие сферы жизни человека, защищенной от вмешательства государства и общества [8].

Это признание создало правовую основу для формирования отдельного института, который бы обеспечивал защиту тайны личной жизни граждан. Ученые обосновали необходимость запрета на распространение

сведений о частной жизни без согласия гражданина, включая информацию в средствах массовой информации. Таким образом, этот этап стал важным шагом к признанию и защите личных прав и свобод в правовой системе, что способствовало дальнейшему развитию законодательства о персональных данных.

В последние дни своего существования Верховный Совет РСФСР принял «Декларацию прав и свобод человека и гражданина» [11], в которой была предусмотрена защита персональных данных и запрет на их сбор, хранение и распространение без согласия владельца. Эти нормы легли в основу Конституции Российской Федерации 1993 года.

Следующим шагом стало принятие Федерального закона № 24-ФЗ от 25.01.1995 года «Об информации, информатизации и защите информации»[2], который закрепил понятие персональных данных и регламентировал их обработку. Однако этот закон утратил актуальность с принятием в 2006 году Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных»[3], который стал основным нормативным актом в этой области.

К другим важным правовым актам относятся Постановление Правительства РФ от 01.11.2012 № 1119[4], Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ[5], а также различные приказы Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК), касающиеся защиты персональных данных.

В настоящее время обработка персональных данных находится под пристальным вниманием специалистов по безопасности, так как практически каждая организация обрабатывает данные своих сотрудников или контрагентов. Таким образом, концепция защиты персональных данных, возникшая в конце XIX века, привела к созданию нового института защиты прав личности к середине XX века.

Таким образом, термин «персональные данные» впервые появился в Федеральном законе от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации». Однако защита персональных данных существовала и до этого, исходя из концепции защиты частной жизни граждан.

Исторически понятия «неприкосновенность частной жизни» и «тай-

2 Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» № 24-ФЗ от 25.01.1995 года // СПС «Консультант плюс»

3 Федеральный закон «О персональных данных» № 152-ФЗ // СПС «Консультант плюс»

4 Постановление Правительства РФ «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» от 01.11.2012 № 1119 // СПС «Консультант плюс»

5 Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (последняя редакция) // СПС «Консультант плюс»

на переписки» были закреплены в Почтовом и Телеграфных уставах при Александре II, а ответственность за их нарушение была предусмотрена в Уголовном уложении. После революции 1917 года эти термины утратили актуальность, но в Конституции 1936 года вновь появились нормы о неприкосновенности личности и тайне переписки, хотя и в условиях цензуры. Институт защиты персональных данных, закрепленный в современном законодательстве, стал важной частью российского права и интегрировался в мировую правовую культуру, подчеркивая прогрессивный характер российской правовой системы на международной арене.

Библиографический список:

1. Бабаев И.Ф. История становления и развития института правовой защиты личной информации / И.Ф. Бабаев, Е.В. Воскресенская, А. Б. Черных // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 44-48.
2. Бембеева Б.С. Право на защиту персональных данных и различные категории персональных данных // Право в сфере Интернета: сб .ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: СТАТУТ, 2018. С. 48-61.
3. Вилисова И.Б. Зарождение и развитие Закона о персональных данных в России / И.Б. Вилисова, Д.А. Гришин // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 3А. С. 315-319.
4. Галишина Э.М. Становление и развитие законодательства о защите персональных данных в Российской Федерации // Проблемы укрепления законности правопорядка в современном обществе: Сборник научных статей по итогам Республиканской научно-практической конференции, посвященной профессиональному празднику «День сотрудника органов внутренних дел», Стерлитамак, 10 ноября 2020 года. Том Выпуск VII. – Стерлитамак: Башкирский государственный университет, 2020. С. 151-154.
5. Дмитрик Н.А. История, смысл и перспективы института персональных данных // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20. № 3. С. 43-82.
6. Иванов А.Д. История становления и развития законодательства о персональных данных // Международный журнал гражданского и торгового права. 2023. № 1. С. 83-87.
7. Ильюшина И.С. Историческая ретроспектива развития правового регулирования и защиты персональных данных в дореволюционной период // Информационное право. 2023. № 4(78). С. 38-41.
8. Курсова А.Д. История становления и развития института защиты персональных данных// Инструменты частного права в содействии организации и развития гражданского общества : Сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева», Екатеринбург, 16 апреля 2024 года. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2024. С. 21-31.
9. Сапронов Д.Ю. Историческая ретроспектива правового регулирования персональных данных в некоторых странах // Труды по интеллектуальной собственности.2022. Т. 42. № 3. С. 26-31.
10. Сидоренко С.А. Формирование права на защиту персональных данных: исторический аспект // Наукосфера. 2024. № 5-1. С. 489-493.
11. Стебивко А.Ю. Генезис персональных данных: информационно-правовой аспект // Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 4. С. 82-89.
12. Шмаков А.М. Правовое регулирование информационных отношений в области персональных данных: опыт зарубежных стран // Аграрное и земельное право.2020. № 8 (188). С. 140-143.
13. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Миграционные процессы и межнациональные межконфессиональные отношения в России: взаимовлияние и роль СМИ // Этносоциум и межнациональная культурам. 2016. № 2 (92). С. 9-20.
14. Ананченкова П.И. Образовательный туризм и перспективы его развития // Альманах Казачество. 2020. № 47. С. 20-28.
15. Долгенко А.Н., Мурашко С.Ф., Рудакова С.В. О языке права в юридической лингвистике // Альманах Казачество. 2020. № 47. С. 102-107.

Reference

1. Babaev I.F. History of the Formation and Development of the Institute of Legal Protection of Personal Information / I.F. Babaev, E.V. Voskresenskaya, A.B. Chernykh // Law and State: Theory and Practice. 2024. № 9 (237).

P. 44-48.
2. Bembeeva B.S. The Right to Protect Personal Data and Various Categories of Personal Data // Internet Law: Collection of Articles / Ed. M.A. Rozhkova. – Moscow: STATUT, 2018. P. 48-61.
3. Vilisova I.B. The Origin and Development of the Law on Personal Data in Russia / I.B. Vilisova, D.A. Grishin // Issues of Russian and International Law. 2022. Vol. 12. № 3A. P. 315-319.
4. Galishina E.M. Formation and development of legislation on the protection of personal data in the Russian Federation // Problems of strengthening the rule of law and order in modern society: Collection of scientific articles following the results of the Republican scientific and practical conference dedicated to the professional holiday "Day of the employee of the internal affairs bodies", Sterlitamak, November 10, 2020. Volume Issue VII. - Sterlitamak: Bashkir State University, 2020. P. 151-154.
5. Dmitrik N.A. History, meaning and prospects of the personal data institute // Bulletin of civil law. 2020. Vol. 20. № 3. P. 43-82.
6. Ivanov A.D. History of the formation and development of legislation on personal data // International journal of civil and commercial law. 2023. № 1. P. 83-87.
7. Ilyushina I.S. Historical retrospective of the development of legal regulation and protection of personal data in the pre-revolutionary period // Information law. 2023. № 4 (78). P. 38-41.
8. Kursova A.D. History of the formation and development of the institution of personal data protection // Instruments of private law in promoting the organization and development of civil society: Collection of scientific articles following the results of the international scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the Department of Civil Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Law University named after V.F. Yakovlev", Yekaterinburg, April 16, 2024. – Yekaterinburg: Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, 2024. P. 21-31.
9. Sapronov D.Yu. Historical retrospective of legal regulation of personal data in some countries // Works on intellectual property. 2022. Vol. 42. № 3. P. 26-31.
10. Sidorenko S.A. "Formation of the Right to Protect Personal Data: A Historical Aspect" // Naukosphere. 2024. № 5-1. P. 489-493.
11. Stebivko A.Yu. "Genesis of Personal Data: An Information and Legal Aspect" // Legal Paradigm. 2023. Vol. 22. № 4. P. 82-89.
12. Shmakov A.M. "Legal Regulation of Information Relations in the Field of Personal Data: Experience of Foreign Countries" // Agrarian and Land Law. 2020. № 8 (188). P. 140-143.
13. Suleymanov S.S., Ryabova E.L. Migration processes and ethnic-confessional relations in Russia: interaction and the role of the media // Etnosotsium and international culture. 2016. № 2 (92). P. 9-20.
14. Ananchenkova P.I. Training tourism and its development prospects // Almanac Cossacks. 2020. № 47. P. 20-28.
15. Dolgenko A.N., Murashko S.F., Rudakova S.V. On the Language of Law in Juridical Linguistics // Almanac Cossacks. 2020. № 47. P. 102-107.

Ермишкин В.В.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Матюханов В.Н.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Синегубов С.Н.
Доктор исторических наук. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Формирование общества потребления в СССР 1950-1980-х гг. как фактор культурной и экономической интеграции в общемировую капиталистическую систему

Аннотация. Термин общество потребления традиционно используется для характеристики капитализма, вышедшего на новую стадию после Второй мировой войны. Мобилизация всех материальных ресурсов государства в годы войны и возросшее, в связи с холодной войной расходы на военный сектор не способствовала полному удовлетворению потребностей населения в послевоенное время. Предпосылки возникновения общество потребления в СССР относится к 1970-м гг., когда изменилось качество «бытия», народ начал чувствовать «вкус хорошей жизни», у него проявлялось все большее желание улучшать свое состояние. В вещах начинает цениться не только их практическая функция, но и те социальные символы, которые они в себе содержат. Потребление становится инструментом самоидентификации, социализации, конструирования своего публичного «я». В данной статье рассматривается зарождение общества потребления на базе советского государства, его особенности и специфика развития на постсоветском пространстве. Актуальность данной темы, заключается в том, что общество потребления, является господствующим типом экономических отношений для стран бывшего СССР. Цель данной статьи заключается в рассмотрении потребительских тенденций, как фактора культурной и экономической интеграции в общемировую капиталистическую систему.

Ключевые слова: общество потребления, социализм, капитализм, ценности, экономика.

* © Ермишкин В.В., Матюханов В.Н., Синегубов С.Н., 2025.

Ermishkin V.V.
Students. P.P. Yershov Ishim Pedagogical Institute (Faculty) Tyumen State University, Ishim.

Matyukhanov V.N.
Students. P.P. Yershov Ishim Pedagogical Institute (Faculty) Tyumen State University, Ishim.

Sinegubov S.N.
Doctor of Historical Sciences. P.P. Yershov Ishim Pedagogical Institute (Faculty) Tyumen State University, Ishim.

The formation of a consumer society in the USSR in the 1950s and 1980s as a factor of cultural and economic integration into the global capitalist system

Abstract. The term "consumer society" is traditionally used to characterize capitalism as it entered a new stage after World War II. The mobilization of all state material resources during the war and the increased military spending associated with the Cold War did not fully meet the needs of the population in the post-war period. The emergence of consumer society in the USSR dates back to the 1970s, when the quality of "being" changed, people began to experience a "taste of the good life," and they demonstrated an increasing desire to improve their well-being. Objects began to be valued not only for their practical function but also for the social symbols they embodied. Consumption became a tool for self-identification, socialization, and the construction of a public self. This article examines the emergence of consumer society within the Soviet state, its characteristics, and the specifics of its development in the post-Soviet space. The relevance of this topic lies in the fact that consumer society is the dominant type of economic relations in the countries of the former USSR. The purpose of this article is to examine consumer trends as a factor in cultural and economic integration into the global capitalist system.

Key words: consumer society, socialism, capitalism, values, economy.

Великая Отечественная война стала событием, изменившим историю нашей страны во всех областях, в том числе и в сфере потребления. Одним из основных последствий событий 1941-1945 гг. стало очень трудное хозяйственное положение страны. Приоритетом послевоенного экономического развития была тяжёлая промышленность и обеспечение насущных потребностей населения. Необходимо было ликвидировать острейший дефицит продуктов, из-за нехватки которых продолжала дей-

ствовать непопулярная, но необходимая на тот период карточная система. Усугубляли положение и спекулянты, которые использовали сложившуюся ситуацию для собственного обогащения. О плачевном положении населения свидетельствуют выдержки из писем жителей областей, где царил голод [5].

В таких обстоятельствах большую роль играли социальные связи, которые позволяли не купить, а в первую очередь «достать» необходимый товар. Расходы на питание долгое время составляли больше половины из всех затрат среднестатистической советской семьи. При этом рацион оставался достаточно скудным, и однообразным, большая часть его составляли низкокалорийная, углеводная пища [10].

Внутренняя сложная ситуация по обеспечению населения продуктами питания усугублялась внешнеполитическим фактором. После речи У. Черчилля 5 марта 1946 г. в Фултоне началась холодная война между СССР и странами Запада. Начавшееся противостояние двух социальных лагерей капиталистического и социалистического выливалось в вооружённые конфликты, гонку вооружений, требовавших значительных финансовых вложений. Это не могло не сказываться на качестве жизни советских граждан в области потребления [1].

По сравнению с послевоенным СССР в странах Запада и, в особенности США, ситуация складывалась совершенно иначе. Там отмечался рост экономики, а, соответственно, и потребления, качества уровня жизни в целом. Это в значительной степени способствовало знаменитому на Западе «бэби буму» [13]. Капитализм в США, а затем и в западноевропейских странах постепенно начинает отказываться от протестантской, «бережливой» модели экономического поведения. На смену этому типу приходит общество, нацеленное на нерациональное потребление. Его критикой и осмыслением сразу же стали заниматься многочисленные группы философов. Одной из фундаментальных работ, посвящённой данной теме, стала книга французского социолога, философа постструктуралиста Ж. Бодрийяра «Общество потребления». Она вышла в свет в 1970 г. [3]. Ученый сводил потребление некоторых групп товаров в первую очередь к символическому обмену, чья суть заключается не в удовлетворение нужд, а в необходимости существования особой системы коммуникации, бессознательном социальном принуждении. Им же выводилась мысль о том, что маркетинговая индустрия создаёт искусственные стимулы для покупки товаров, адаптирует потребительский спрос под рыночную конъюнктуру [6]. С другой стороны, представители франкфуртской школы неомарксизма широко рефлексировали над самим западноевропейским человеком, к которому применялся эпитет «одномерный», а само общество называлось не иначе, как обществом «спектакля» [8]. Популярный на Западе мыслитель

Э. Фроммом в своей книге «Человек для самого себя» критиковал вещизм, эгоизм, атомизацию общества, тягу к чрезмерному накоплению материальных богатств, манипуляцию со стороны средств массовых коммуникаций, радикальный гедонизм, жажду наживы и обладания, «товаризацию» социальных отношений [16].

Подобные потребительские идеалы и модели поведения могли иметь широкого распространения в советском обществе в силу целого ряда причин. Во-первых, этому элементарно на позволял делать так называемый «железный занавес». Во-вторых, в СССР на то время отсутствовала достаточная материальная база. В-третьих, в советском обществе господствовала коммунистическая идеология, культивировавшая коллективистские ценности и осуждавшая частнособственнические устремления.

Тем не менее, следует отметить, что по мере восстановления экономики СССР и её дальнейшего развития постепенно меняется ситуация в области потребления. Открытие в 1953 г. отреставрированного ГУМа, стало своеобразным символом нового курса в удовлетворение потребительских ожиданий населения. Этому также способствовали снижение цен во второй половине 1940-х гг. на некоторые категории товаров. Ассортимент продуктов стал расширяться, их калорийность улучшилась, заметны изменения были и в других сферах, влиявших на качество жизни советского человека. При Н. С. Хрущёве и при Л. И. Брежневе, несмотря на сохранившееся принципы изоляционизма, контакты с представителями западных стран и компаниями стали более частыми. «Железный занавес» был уже не таким уже и «железным» и имел в себе определённые прорехи.

Из идеологической конструкции советской пропаганды никуда не исчезла апелляция к внешней угрозе. Власти её часто использовали, как объяснение причин медленного роста возможностей государства для удовлетворения потребительских возможностей населения. Тем более, что с начала 1960-х, гг. оно становится преимущественно городским, а следовательно, у него стали появляться новые запросы, которые советское народное хозяйство не удовлетворяло полностью. Речь шла о качестве продукции предприятий лёгкой промышленности [18].

Объём потребления продуктов питания и непродовольственных товаров значительно уступал в процентном соотношении по аналогичным показателем США. На момент 1965 г. реальный доход промышленных рабочих в СССР был меньше в 3,5 раза, чем у США. Однако в социальных выплатах разрыв оставался практически минимальным. Разница составляла 0,7 раза в пользу американцев [17]. При этом ассортимент потребления товаров гражданами США, по сравнению со «строителями коммунизма», можно сравнить, как разницу между «небом и землёй».

Начавшаяся в 1965 г. «косыгинская» реформа, нацеленная на повыше-

ние эффективности и как следствие рост потребления советских граждан, к сожалению, не увенчалось успехом [14].

С конца 1960-х начала 1970-х гг. отмечается товарный голод, который с годами начинает затрагивать всё большее количество товаров и услуг. С ослаблением советского «изоляционизма» западный образ жизни всё больше проникает в общество «развитого социализма». В связи с этим еще больше стали меняться и поведенческие модели, и ценностные ориентиры. Одной из покупательских мотиваций стало желание продемонстрировать престиж и богатство, следование моде. Необходимость в практичности стала уступать, необходимости в индивидуальности и красоте.

Так после выхода на советские экраны фильма «Брак по-итальянски» режиссёра В.Де Сика многие советские дамы хотели быть похожими на главную героиню С. Лорен. Многие модные образы, представленные в западных фильмах, которые допускались на советские экраны, часто оставались абсолютно не досягаемыми для большинства населения [12].

Другим «вожделенным» желанием у граждан СССР, особенно проживавших в столицах, было стремление иметь доступ к сети магазинов «Берёзка». В них за баснословные деньги можно было достать импортные товары. Труднодоступные аксессуары, одежда, книги, пластинки, кассеты, бытовые принадлежности западного производства нередко становились объектами перепродажи. В народе это называлось «фарцовкой», которая через связь с иностранцами стала формировать параллельный потребительский рынок. Контакты с интуристами, которые теперь могли посещать Советский Союз и разрешенные поездки за границу для некоторых граждан, лишь стимулировали подобное явление. Для большинства советского населения заполучить законным путём зарубежные товары можно было только через «институт» «многокилометровых» очередей [7].

Лишь начавшаяся в 1985 г. «Перестройка» изменила государственную политику в области потребления. В ней наметился прозападный курс, ориентация на рыночную модель развития. Либерализация экономики позднего СССР выражалось в первую очередь в свободе частного предпринимательства, образование фермерских хозяйств при сохранении государственного контроля над ценами. Подобная половинчатость привела к обострению товарного дефицита, падению уровня жизни, введению талонов.

В сложной ситуации конца 1980-х начала 1990-х гг., когда предыдущая система морально ценностных ориентиров претерпевала кризис, общество с одной стороны обращается к дореволюционной эстетике, с другой - в особенности среди молодёжи, наблюдается значительный интерес к капиталистической модели поведения [11]. Данные тенденции находили своё отражение во многих произведениях искусства тех лет. Ярчайшим приме-

ром выражения подобных западно-ориентированных умонастроений на бытовом уровне может служить песня «American Boy» группы «Комбинация» [2]. В ней от лица молодой девушки, превозносится стремление к материальному достатку, роскоши, капиталистическому образу жизни. В кинематографе западный идеал жизни продемонстрировала героиня Е.А. Яковлевой в фильме «Интердевочка» режиссёра П.Е. Тодоровского, вышедшего на экраны в 1989 г. Она мечтает выйти замуж за иностранца, не связывая своё дальнейшее будущее с жизнью на Родине.

О кризисе советских идеалов, подвергавшихся конвергенции под воздействием меняющихся внутренних и внешних обстоятельств объективного характера, говорилось в послании делегатам XXVIII Съезда КПСС, напечатанном в газете «Правда» в июле 1990 г. В нём прямо говорилось о коммерциализации культуры, смещение ценностных ориентиров под влиянием рыночной экономики, кризисных тенденций во многих сферах духовной жизни [9]. В сознании советских людей происходил «когнитивный диссонанс», вызванный ожиданием быстрых результатов провозглашенных реформ и суровыми перестроечными реалиями.

С началом капиталистических преобразований в 1992 г. ситуация на потребительском рынке стала смягчатся, но за счёт западного импорта. Критическое состояние постсоветской экономики не позволяло основной массе населения повысить своё благосостояние. Более того, оно значительно ухудшилось в силу инфляции, задержки зарплат и др. Ситуация стала немного стабилизироваться в начале 2000-х гг., когда улучшилась экономическая конъюнктура в Российской Федерации, стал заметным экономический рост [20]. В обществе широкое распространение получила одна из западных моделей жизни – «жизнь в кредит» - покупать то, что хочется «здесь и сейчас» за счёт заимствований из банков. Последние в России росли как грибы после дождя [4]. Население стало резкое заккредитовываться по причине наевшегося бума потребления. Потребительские запросы советского человека не удовлетворялись в должной мере на протяжении десятилетий. Подобная «фрустрированность» вылилась в 1990-х гг. в настоящее «помешательство» на товарах и услугах.

Предпосылки общества потребления, формировавшиеся в СССР в условиях дефицита, стали высокими темпами реализовываться в полной мере в «нулевые годы». Эта тенденция стала одной из основных в современном российском обществе. То, что копилось внутри советских граждан (товарный голод) стало выходить наружу, как только для этого сформировались подходящие социально-экономические и культурно-идеологические условия. Поэтому неудивительно некритическое восприятие российскими гражданами советской эпохи западного образа жизни. А молодёжь 1990-2000-х гг. и последующих лет уже воспитывалась в совершенно иных

ценностях. Для неё является в полнее нормальным жить хорошо «здесь и сейчас» в кредит. Всё это в итоге ведёт к целому ряду негативных последствий во всех сферах жизни общества. Общество потребления взращивает неполноценного человека, для которого понятие Родины, семьи и общего блага не имеют смысла, что нередко приводит к деструктивным проявлениям личности.

Библиографический список:

1. 5 марта 1946 года прозвучала Фултонская речь Уинстона Черчилля в Вестминстерском колледже // Российское Историческое Общество // URL: https://historyrussia.org/index.php?option=com_content&view=article&layout=edit&id=594 (Дата обращения: 27.10.25).
2. American Boy // Genius // URL: https://genius.com/Combination-american-boy-lyrics (Дата обращения: 27.10.25).
3. La société de consommation : ses mythes, ses structures // Irternet Archive // URL: https://archive.org/details/lasocietedeconso0000baud/mode/1up (Дата обращения: 05.11.25).
4. Бурда Е.А, Никонец О.Е История возникновения и развития банковской системы в России // Бюллетень науки и практики. 2016. № 10. С. 181-186.
5. Зубкова Е.Ю. От «общества выживания» к «обществу потребления»: трансформация условий и практик потребления в СССР (1940–1960-е годы) // Петербургский исторический журнал. 2022. № 4. С. 45-61.
6. Бодрийяр Ж. Общество потребления. – АСТ, 2025. 384 с.
7. Иванова А.С. Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР / Анна Иванова; Российская академия наук, Институт российской истории. — 2-е изд. — Москва: Новое Литературное Обозрение, 2018. 297 с.
8. Маркузе Г. Одномерный человек Исслед. идеологии развитого индустр. о-ва / Герберт Маркузе; Пер. с англ., [предисл. и примеч. А. Юдина под ред. А. Жаровского]. – М.: REFI-book, 1994. XXI. 341 с.
9. Материалы XXVIII съезда КПСС (2-13 июля 1990 г.) – М.: Политиздат, 1990. 207 с.
10. Никонова О.Ю. Борьба за «минимум калорий»: общественное питание и продовольственное снабжение в послевоенном Челябинске (1946-50 гг.) // Управление в современных системах. 2014. № 4.
11. Хазанов П. Россия, которую мы потеряли. Досоветское прошлое и антисоветский дискурс. – Москва: Новое литературное обозрение, 2025. 308 с.
12. Салахиева-Талал Т. Психология в кино создание героев и историй / Татьяна Салахиева-Талал. — Москва: Альпина нон-фикшн, 2019. 347 с.
13. Современные тенденции развития демографической ситуации в США // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/current-trends-in-us-demographics/viewer (Дата обращения: 30.10.25).
14. Спицын Е.Ю. Ложь и правда о советской экономике советская держава в 1945-1985 гг. / Спицын Евгений Юрьевич. – Москва: Концептуал, 2024. 815 с.
15. Указ Президента Российской Федерации от 29.01.1992 г. № 65 // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/813 (Дата обращения: 27.10.25).
16. Фромм, Эрих (1900-1980). Человек для самого себя [Электронный ресурс] / Эрих Фромм; [пер. с англ. Э. Спировой]. – Москва: ЛитРес [поставщик], 2009. 151 с.
17. Хрестоматия по отечественной истории (1946-1995 гг.) / Моск. пед. гос. ун-т; [Сост. В. П. Попов и др.]; Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. – Москва: Гуманитар. изд. центр «ВЛАДОС», 1996. 602 с.
18. Шубин А. В. Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975-1985 гг. – Москва: Вече, 2008. 347с.
19. Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917-1985 гг. – Москва: РОССПЭН, 2001. 766 с.
20. Экономический рост в России в период 2000-2010 гг. // Студенческий научный форум - 2012 // URL: https://scienceforum.ru/2012/article/2012001345 (Дата обращения: 30.10.25).
21. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 3. (№ 53). С. 12-21.
22. Девятов Р.С. Теоретико-методологические основы изучения культурной глобализации // Альманах Казачество. 2020. № 48. С. 9-15.

Reference

1. On March 5, 1946, Winston Churchill delivered his Fulton Speech at Westminster College // Russian Historical Society // URL: https://historyrussia.org/index.php?option=com_content&view=article&layout=edit&id=594

(10.27.25).
2. American Boy // Genius // URL: https://genius.com/Combination-american-boy-lyrics (10.27.25).
3. The consumption society: its myths, its structures // Internet Archive // URL: https://archive.org/details/lasocietedeconso0000baud/mode/1up (11.05.25).
4. Burda E.A., Nikonets O.E. History of the Emergence and Development of the Banking System in Russia // Bulletin of Science and Practice. 2016. № 10. P. 181-186.
5. Zubkova E.Yu. From "Survival Society" to "Consumer Society": Transformation of Consumption Conditions and Practices in the USSR (1940s-1960s) // Petersburg Historical Journal. 2022. № 4. P. 45-61.
6. Baudrillard J. Consumer Society. – ACT, 2025. 384 p.
7. Ivanova A.S. "Beryozka" Stores: Paradoxes of Consumption in the Late USSR / Anna Ivanova; Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History. – 2nd ed. – Moscow: New Literary Review, 2018. 297 p.
8. Marcuse G. One-Dimensional Man. A Study of the Ideology of a Developed Industrial Island / Herbert Marcuse; Transl. from English, [foreword and notes by A. Yudin, edited by A. Zharovsky]. – Moscow: REFI-book, 1994. XXI. 341 p.
9. Proceedings of the XXVIII Congress of the CPSU (July 2-13, 1990) – Moscow: Politizdat, 1990. 207 p.
10. Nikonova O.Yu. The Struggle for the "Minimum Calories": Public Catering and Food Supply in Post-War Chelyabinsk (1946-50) // Management in Modern Systems. 2014. № 4.
11. Khazanov P. The Russia We Lost. The Pre-Soviet Past and Anti-Soviet Discourse. – Moscow: Novoye Literaturnoe Obozreniye, 2025. 308 p.
12. Salakhieva-Talal, T. Psychology in Cinema: The Creation of Heroes and Stories / Tatyana Salakhieva-Talal. – Moscow: Alpina Non-Fiction, 2019. 347 p.
13. Current Trends in the Development of the Demographic Situation in the USA // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/current-trends-in-us-demographics/viewer (10.30.25).
14. Spitsyn, E. Yu. Lies and Truth about the Soviet Economy: The Soviet State in 1945-1985 / Spitsyn, Evgeny Yuryevich. – Moscow: Kontseptual, 2024. 815 p.
15. Decree of the President of the Russian Federation of 29.01.1992 No. 65 // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/813 (27.10.25).
16. Fromm, Erich (1900-1980). Man for Himself / Erich Fromm; [translated from English by E. Spirova]. – Moscow: LitRes [supplier], 2009. 151 p.
17. Reader on Russian History (1946-1995) / Moscow Pedagogical State University; [Compiled by V.P. Popov et al.]; Under the editorship of A.F. Kiselev, E.M. Shchagin. – Moscow: Humanitarian Publishing House. Center "VLADOS", 1996. 602 p.
18. Shubin AV Golden Autumn, or the Period of Stagnation. USSR in 1975-1985. – Moscow: Veche, 2008. 347 p.
19. Shubin AV From "Stagnation" to Reforms. USSR in 1917-1985. – Moscow: ROSSPEN, 2001. 766 p.
20. Economic Growth in Russia in the Period 2000-2010 // Student Scientific Forum - 2012 // URL: https://science-forum.ru/2012/article/2012001345 (30.10.25).
21. Ryabova E.L., Chapkin N.S. Commercial and non-profit medical organizations: theoretical aspects of the implementation of activities // The power of history and the history of power. 2024. Vol. 10. № 3 (53). P. 12-21.
22. Devyatov R.S. Theoretical and methodological foundations of the study of culture globalization // Almanac Cossacks. 2020. № 48. P. 9-15.

Лебедев А.Л.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры «Гуманитарные науки». Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль.

Личак Н.А.
Доктор культурологии, заведующая кафедрой «Гуманитарные науки». Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль. SPIN-код: 1888-6273

Коммуникативные практики и социальные реалии повседневности в вузовских газетах СССР конца 1950 — начала 1960-х годов: опыт изданий ЯМИ и ЯТИ*

Аннотация. В статье исследуется роль многотиражных газет советских вузов на примере изданий «За медицинские кадры» Ярославского медицинского института и «За технические кадры» Ярославского технологического института как исторических источников по изучению повседневности и институциональных изменений 1958–1965 гг. На основе сравнительного анализа публикаций выявлены ключевые тематические направления (учебная и научная деятельность, быт, досуг, участие в общенациональных проектах), а также специфика дискурсов технологического и медицинского вузов. Показано, что вузовская пресса выполняла не только пропагандистскую функцию, но и служила каналом обратной связи между администрацией и студенчеством, фиксировала реальные проблемы и адаптацию высшей школы к реформам эпохи «оттепели» и последовавших после нее преобразований. Сделан вывод о значимости многотиражек как источника для реконструкции социальных практик и коммуникативных механизмов позднего СССР.

Ключевые слова: вузовская пресса, советская повседневность, «оттепель», многотиражные газеты, ЯМИ, ЯТИ, реформы образования, студенческая жизнь.

Lebedev A.L.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Humanities, Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl.

Lichak N.A.
Doctor of Culturology, Head of the Department of Humanities, Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl.

* © Лебедев А.Л., Личак Н.А., 2025.

Discursive practices and everyday social realities in Soviet higher education newspapers (late 1950s – early 1960s): the YMI and YTI experience

Abstract. The article examines the role of Soviet university multi edition newspapers («Za meditsinskie kadry» of the Yaroslavl Medical Institute (YMI) and «Za tekhnicheskie kadry» of the Yaroslavl Technical Institute (YTI) as historical sources for studying everyday life and institutional transformations in 1958–1965. Through analysis of publications, the study identifies key thematic areas (academic and research activities, everyday life, leisure, participation in nationwide projects) and reveals the specific discourses of technical and medical higher education institutions. The research demonstrates that university press served not only as a propaganda tool but also as a feedback channel between administration and students, documenting real life challenges and the adaptation of higher education to the reforms of the «thaw» era. The findings underscore the significance of multi edition newspapers as sources for reconstructing social practices and communication mechanisms in late Soviet society.

Key words: university press, Soviet everyday life, «thaw» period, multi edition newspapers, Yaroslavl Medical Institute, Yaroslavl Technical Institute, educational reforms, student life.

Рубеж 50 – 60 годов XX столетия ознаменовался масштабными переменами в разных сферах жизни Советского Союза, совпавших с нараставшим научно-техническим соперничеством стран социализма и западных держав. Вместе с тем наука раздвинула для современников горизонты возможностей. После успешного запуска первого искусственного спутника Земли в 1957 году Н.С. Хрущёв говорил главному конструктору Сергею Королёву «Мы не верили вам» [1, С. 142]. В этой фразе и констатация недоверия, и шок от небывалого технологического прорыва. Коллективы высших учебных заведений оказались в эпицентре процессов развития науки, совпавших с энергичным и порой болезненным реформированием как промышленности, так и образования. Одним из исторических и социологических источников, позволяющих реконструировать повседневную жизнь высшей школы Советского Союза является периодическая печать учебных заведений. Именно в период «оттепели» собственными периодическими изданиями обзаводится целый ряд вузов. Среди них Ярославский медицинский институт и Ярославский технологический институт.

Исследователи указывают на содержащиеся в периодической печати той эпохи разнообразные следы «ткани человеческих отношений», в виде визуальных образов, официальных и общественных дискурсивных практик, которые создают многоаспектную, динамическую картину повседнев-

ного существования разных групп советского социума [2, С. 59-62]. При этом, как отмечает Е.А. Перова, масс-медийная картина мира накладывала отпечаток на картину мира советского человека в целом, формируя образ восприятия окружающей действительности и вырабатывая алгоритм мышления [3, С. 142]. Пресса вузов — ценный источник по истории повседневности. Она фиксирует не только директивы, но и рутинные практики, заботы студенчества, бытовые детали, неформальные взаимодействия. В связи с этим актуальным представляется выявить специфику освещения научно образовательной политики в вузовской печати 1964 г. на примере газет «За медицинские кадры» Ярославского медицинского института [4] и «За технические кадры» Ярославского технологического института [5], сопоставить дискурсы технических и медицинских вузов, а также проследить связь с публикаций газет вузов с актуальными событиями жизни региона и страны.

Оба ярославских вуза были основаны в 1944 году, но собственными печатными изданиями они обзавелись в разные годы. В 1958 году появляется своя газета у медицинского (ЯМИ), а в 1964 году у технологического института (ЯТИ). Подшивка газеты «За медицинские кадры» за 1964 год сохранилась частично, но представляется возможным привлечь для сравнения публикации более ранние, в том числе относящиеся к 1958 году, поскольку именно в первый год выхода печатных изданий обычно происходит становление редакции, формируется набор основных тем, к которым периодически обращается издание, определяются его особенности внутри социального института прессы. Объектом и предметом исследования являются газетные тексты 1964 г. как отражение институциональных практик и повседневных установок коллективов вузов. Сравнительный и историко-типологический анализ двух выше названных многотиражных газет позволяет выделить их ключевые особенности изданий и некоторые повседневные практики жизни региональных высших учебных заведений.

В середине XX века газеты оставались ключевым средством массовой информации, доступным для большей части населения. К примеру, в Ярославле первая региональная телевизионная передача вышла в эфир 22 сентября 1957 года [6, С. 152]. Рассматриваемые издания – начавшая выходить в 1958 г. газета Ярославского государственного медицинского института и стартовавшая позже, в 1964 г. газета государственного технологического института выпускались тиражом 1000 экземпляров и обладали рядом схожих характеристик. Обе газеты печатались на листах формата А3 и каждый номер, как правило, представлял собой один лист, на двух сторонах которого печатался текст. Оба издания были черно-белыми, а в праздничных номерах использовался для оформления синий цвет. При этом, в некоторых номерах 1965 г. в газете «За технологические кадры» в

оформлении заголовков и отдельных рисунков праздничных номеров применялся и красный цвет.

О популярности многотиражек вузов можно судить по тому, что уже в марте 1958 г. газета «За медицинские кадры» сообщала о том, что более 500 подписчиков набралось в Ярославле и Рыбинске [7]. Быстрый рост числа подписчиков легко объясним: стоимость газет вузов – 10 копеек была не велика, а о жизни своего института они рассказывали весьма подробно. Цена «Комсомольской правды», например, в 1958 г. составляла 30 копеек. В результате денежной реформы 1 января 1961 года масштаб цен изменился. Произошла деноминация в соотношении 10:1 [8, С. 5]. Газеты рассматриваемых вузов, соответственно, стали стоить 1 копейку.

Применительно к более позднему периоду, Н.С. Наймушина, исследовавшая многотиражные газеты технических вузов Западной Сибири 1980-х годов, отмечала в публикации таких изданий наличие информации о реальных событиях, связанных со студентами, сотрудниками и подразделениями [9, С. 33]. В результате анализа содержания газеты «За медицинские кадры» 1958 - 1960 годов и «За технологические кадры» за 1964 - 1965 годы выделены следующие ключевые тематические направления: учебная деятельность, вузовская наука (включавшая как научную деятельность преподавателей, так и студентов), материалы о достижениях Отечественной и зарубежной науки, спорт, организация разных форм досуга, благоустройство вузов (в случае ЯТИ и строительство новых корпусов), бытовые условия, партийная и Комсомольская деятельность, разнообразные по жанрам публикации, посвященные сотрудникам вузов, материалы об участии студентов и сотрудников в событиях общегосударственного масштаба (в рассматриваемые годы, например, в освоении целинных земель), поездки за рубеж, работа студентов в сельхоз предприятиях области. Публикации о выпускниках вуза часто представляли собой статьи самих выпускников, рассказывавших, например, в газете «За медицинские кадры» о своей работе в отдаленных районах страны. Для обоих изданий характерно наличие отдельных публикаций о событиях за рубежом. Таким образом, учитывая небольшой объем газет вузов - 2 полосы, очевиден широкий диапазон тем. Бытовые аспекты отражены напрямую (в публикациях о бытовых проблемах, фоторепортажах) и косвенно (в репортажах о соревнованиях, субботниках, встречах). Остановимся более подробно на нескольких направлениях публикаций, характеризующих как локальные практики повседневности ярославских вузов, так и их участие в процессах всесоюзного масштаба.

Для газеты «За технические кадры» характерны усилия по налаживанию связи с читателями и учету их мнения. Уже в шестом номере газеты в 1964 г. на первой полосе опубликовано письмо нескольких выпускников

вуза, работавших на Омском шинном заводе. Авторы письма приветствовали начало выпуска газеты, но отмечали, что, по их мнению, «не чувствуется студенческого огонька, задора»: «Студенты по своему старинному обычаю «еще не раскачались» [10]. Газета «За технические кадры» использовала свойственные своему времени способы прямой коммуникации с читателями, интересовалась их мнением о своей работе. Так, например, публиковалось объявление о предстоявшей 15 мая 1965 года читательской конференции, на которую для обсуждения работы издания в 1964 – 65 учебном году приглашались все читатели [11].

Начавшая выходить раньше газета «За медицинские кадры» использовала популярность спорта в студенческой среде для укрепления своего авторитета. В апреле 1960 г. сообщалось о прошедшей в шестой раз беговой эстафете на приз газеты [12]. Студенческий спорт являлся одной из важных тем. Публиковались итоги соревнований, матчей, турниров, в том числе и между командами ЯТИ и ЯМИ. Статьи и заметки спортивной тематики часто сопровождались фотографиями.

24 декабря 1958 года Верховный Совет СССР принял закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Закон положил начало реформе образования, в ходе которой для поступления в вуз уже проработавшим на производстве не менее трёх лет начали предоставлять преимущества, обеспечивалась возможность внеконкурсного зачисления лиц, направленных в вузы предприятиями, колхозами и совхозами. Подготовка специалистов в вузах должна была вестись «на основе соединения обучения с общественно полезным трудом». Перед вузами встали новые вызовы. Например, успеваемость «стажников» была гораздо ниже успеваемости выпускников общеобразовательных школ [13, с. 127, 132]. Газета ЯТИ 2 октября 1964 года писала о перестройке учебных планов вечернего факультета. Декан И.И. Верескунов рассказал, что по новому учебному плану экзаменационная сессия студентами I, II и III курсов сдается в разные сроки. Это положительно сказывалось на работе предприятий, которые не испытывали острой нехватки в работниках при отзыве студентов на сессию, но сильно увеличило нагрузку на преподавателей. Декан отмечал, что благодаря работе преподавателей удалось существенно снизить отсев студентов. Принимались во внимание семейные обстоятельства студентов-вечерников. Не успевающих не отчисляли «из-за неудовлетворительного положения в семье» [14].

Организация практики оказалась сложной задачей. Практической пользы для предприятий студенты не приносили, а средствами для оплаты работы руководителями практики заводских специалистов предприятия не располагали. Ректор ЯТИ Н.А. Крейберг в сентябре 1965 года писал о целесообразности широкого обсуждения проблемы на страницах

центральных газет, решения вопросов сроков практики, закрепления конкретных рабочих мест за студентами, и отмечал: «Студент, приходящий на пяти – шестинедельную практику фактически персона «нон-грата» для заводов» [15].

Одной из самых ярких особенностей журналистики периода хрущевской «оттепели» современные исследователи называют смену парадигмы мышления, повышенное внимание к рядовым советским гражданам [16, С. 140]. В первом же номере газеты «За технические кадры» на первой полосе был размещен материал «Говорят первокурсники и выпускники» с фотографиями, в котором герои публикации приветствовали поступивших в институт и рассказывали о себе. «Я, например, очень люблю музыку. Вместе с бывшими сокурсниками, а теперь товарищами по работе Б. Бобылевым и В.Котовым и другими участвую в художественной самодеятельности», - писал шестикурсник, инженер механик завода синтетического каучука Герман Пекин. Анализ содержания газет ЯТИ и ЯМИ в рассматриваемый период подтверждает внимание к человеку – публиковались материалы о работниках и студентах вузов. В газете «За технические кадры» регулярно размещались короткие портретные заметки с фотографиями под рубриками «О тех, кто рядом с нами» и «О людях хороших». Героями публикаций становились и заслуженные профессоры, и молодые доценты, и студенты – активисты. Печатались материалы о коллегах и в газете ЯМИ. Практика таких публикаций стала устойчивой, она сохранилась и после завершения «оттепели» и отстранения Н.С. Хрущёва по решению Пленума ЦК КПСС от всех руководящих постов [17].

Основным вызовом, с которым сталкивались студенты в повседневной жизни, долгое время оставались бытовые условия - состояние общежитий, столовых, организация досуга. В 1958 году примерно 12% публикаций в газете «За медицинские кадры» были посвящены данным темам. При этом критиковались руководители молодежных организаций. В одной из статей отмечено, что «профбюро потоков и комсомольская организация курса не имеют часто никакого представления о том, как живут студенты». Недовольство запущенностью проблем общежитий характерно и для публикаций в газете ЯТИ. Член студсовета ЯТИ Е. Евстигнеева описывала общежитие, в котором бы понравилось жить и отмечала: «У нас есть мрачный душ с выбитыми стеклами, грязный и темный. Затопленная прачечная, маленькая комната вместо кухни». Подчеркивалось, что все предложения по благоустройству поддержки не встречают [18]. В некоторых случаях, решения насущных вопросов найти все-таки удавалось. Например, в рубрике «По следам наших выступлений» от имени проректора по административно-хозяйственной работе ЯТИ сообщалось, что помещение для дипломного проектирования «отведено во 2-м здании института» [19]. Публиковались

и критические материалы в отношении самих студентов. Основные направлениями такой критики были небрежное отношение к общественному имуществу, недостаток культуры, неряшливость, уклонение от участия в работах по благоустройству общежитий, уборке территорий институтов.

Как отмечают современные исследователи повседневности, каждой области профессиональной деятельности соответствует определенная область повседневного существования [20, С. 143]. На страницах газет двух разных вузов значительная часть публикаций посвящалась характерным для соответствующей сферы деятельности практикам. Например, летняя практика студентов-медиков была одной из постоянных тем первых лет издания газеты «За медицинские кадры».

Для коллективов вузов был характерен высокий интерес к вопросам хозяйственной деятельности и эффективного использования средств учебных заведений. Например, газета ЯМИ опубликовала критическую статью «10000 рублей молчат». Рассказывалось, что три года назад для института был куплен радиоузел, но в 1958 году его так и не запустили, а студенты и сотрудники хотели бы, чтобы он работал. В 1965 г. газета «За технические кадры» писала – стоимость не используемого в ЯТИ оборудования «исключая включенное в каталог неликвидов составляет примерно около 20 тыс. рублей». Такое оборудование следовало передать другим предприятиям и учреждениям, либо, как рекомендовала на страницах газеты группа содействия партконтролю, «сотрудникам кафедр и лабораторий необходимо планировать свою исследовательскую работу, а также учебный процесс студентов с максимальным использованием этого оборудования» [20].

Участие студентов в масштабных проектах советской технической модернизации также отражалось на страницах вузовской прессы. Газета «За технические кадры» в 1964 г. подробно, с иллюстрациями писала о работе студентов на строительстве Новоярославского нефтеперерабатывающего завода. Возведение этого предприятия еще в апреле 1958 года на XIII съезде ВЛКСМ было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. В газете отмечалось, что кроме НПЗ студенты принимали участие в строительстве троллейбусного парка в поселке Строителей, корпусов завода ЖБК, «а также в расширении второго здания института» [21].

Для значительной части советской студенческой молодежи в 50 – 60-е годы XX века частью повседневности стало участие в сельскохозяйственных работах. Письма с корреспонденцией и фотопленками редакция газеты получила от студентов-целинников. Работали в основном в зерносовхозах Костанайской области Казахстана. Кстати, в то время название города и области писали иначе – Кустанайская. «Они научились и убирать сено, и заготовлять силос, и работать на току», - писала газета. В 1960 году на страницах газеты рассказывали уже о «Малой целине», - работах по мелиора-

ции в Ярославской области. Для осушения болот и вырубки кустарников был организован комсомольский мелиоративный лагерь.

В газете ЯТИ работа на целине освещалась еще более детально, начиная с предварительных поездок в Казахстан командиров студенческих отрядов для знакомства с руководителями сельхозпредприятий, в которых предстояло работать. В июне 1965 года сообщалось: «строить будем коровник, овчарню, четыре двухквартирных дома и восьми квартирный дом» [22]. А уже осенью отмечалось награждение почетными грамотами и памятными значками ряда студентов по решению партийного, комсомольского и рабочего комитетов и дирекции совхоза «Берсултский» Вишневского района Целинного края [23]. Имели место и критические материалы, касавшиеся вопросов работы студентов в сельхозпредприятиях. Так, в сентябре 1965 г. в статье с «говорящим» заголовком «А нужна ли помощь?» рассматривалась ситуация с плохой организацией труда и проживания студентов, направленных в опытное хозяйство «Григорьевское» Ярославской области и столкнувшихся с несправедливым отношением со стороны администрации и хозяев жилья, в котором размещались студенты [24].

Для обеих газет - и технологического, и медицинского вузов, был характерен интерес к достижениям науки того времени и их популяризации. В газете «За технические кадры» публиковались подборки материалов «В мире нового и интересного», занимавшие в ряде номеров целую полосу (1/2 всего номера газеты). Использовались том числе заимствованные из других изданий («Техника молодежи») заметки, для иллюстраций применялись фотографии ТАСС. Заголовки таких материалов в газете «За технические кадры» зачастую акцентировали внимание на изучении Космоса: «Дальше Луна», «Космос становиться ближе». В газете «За медицинские кадры» информации о достижениях науки выявлено меньше, а публикации такого содержания более компактны. В то же время, изображение спутников и космических ракет в газете «За медицинские кадры» неоднократно применялось в оформлении предпраздничных номеров издания.

Оба издания писали об участии сотрудников в зарубежных выставках и представленных на них научно-технических достижениях. «На ярмарке, где сконцентрированы лучшие образцы техники капиталистических стран мы видим наши преимущества и наш путь от дореволюционной пеньки к современным квантовым генераторам и космическим кораблям», - писал ректор ЯТИ Н.А. Крейцберг о выставке в Лейпциге. При всей гордости за достижения СССР автор материала отметил мировую известность зарубежных фирм, выпускающих микроразъёмы, конденсаторы, фильтры и другие радиотехнические изделия. Н.А. Крейцберг отмечал: «Руководителям нашей радиопромышленности следует подумать над такой специализацией» [25]. Таким образом, на страницах газеты ин-

ститута его ректор, руководитель с опытом работы в промышленности, мог позволить себе относительную свободу высказываний по вопросам внедрения передовых технологий.

Общественно-политические темы, связанные с развитием страны представлены в газете «За технические кадры» больше, чем в издании медицинского вуза. Например, публикуя информационное сообщение о решениях сентябрьского 1965 года Пленума ЦК КПСС и постановлении «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства», газета «За технические кадры» отмечала, упоминая доклад главы советского правительства Косыгина: «в современных условиях нетерпимо, если инженер, конструктор, проектировщик не может глубоко разбираться в экономике производства». Сообщалось, что совет института «принял ряд конкретных мероприятий, направленных на улучшение экономической подготовки инженеров» [26]. За партийно-советскими лозунгами заголовков в газетах вузов ставились конкретные задачи по изменению учебного процесса, необходимых для подготовки кадров, соответствовавших потребностям развития экономики того времени. В газете вели и разъяснительную работу в отношении реформирования промышленности. «Новая система управления ставит предприятия в такие условия, что им теперь выгодно лучше использовать основные и оборотные фонды, снижать себестоимость и повышать качество продукции», писал доцент кафедры политэкономии и конкретной экономики ЯТИ Г. Астафьев, отмечая связь премирования с выполнением планов и необходимость научного обоснования планов работы предприятий [27].

Основные результаты. Газеты ярославских вузов «За медицинские кадры», «За технические кадры» являются ценным источником для изучения повседневности студенчества и преподавательского состава, содержат сведения об особенностях быта, учебного процесса, практиках организации досуга и региональных дискурсивных практиках эпохи в ходе реформирования структур управления образованием и промышленностью. Ценность публикаций вузовской прессы усиливается за счёт сочетания официальных директив и «живых» свидетельств, материалов авторами которых выступали студенты и преподаватели, репортажей с мест событий.

Сходством в дискурсах прессы технологического и медицинского вузов является акцент на научно-техническом прогрессе (космосе, инновациях), помощь сельхозпредприятиям, критика бытовых проблем. Для ЯТИ характерен больший акцент экономической повестки, что связано и с вовлеченностью во взаимодействие с промышленными предприятиями и реформой управления промышленностью 1965 г., и с практиками эффективного использования оборудования. В свою очередь в медицинском вузе домини-

ровали темы практической подготовки (сестринская практика, работа на здравпунктах) и социальной миссии (помощь отдалённым районам).

В рассматриваемый период видны коммуникативные механизмы вузовской прессы. Газеты служили каналом «обратной связи»: проводились читательские конференции, публиковались письма выпускников, постоянными были рубрики о сотрудниках и студентах. В практике газет применялись приёмы вовлечения аудитории: спортивные эстафеты на приз газеты, фоторепортажи, критические материалы с последующими «ответами» администрации. Бытовые проблемы освещались критически, что свидетельствует о наличии пространства для обсуждения «неудобных» тем даже в условиях сохранявшегося идеологического контроля.

Вузы Ярославля активно участвовали в масштабных социально-экономических проектах всесоюзного уровня. Развивавшая связь с производством реформа образования 1959 г. привела к значительным изменениям в учебном процессе, потребовала организации гибких сессий для студентов - вечерников, усилила значение практик на заводах. Участие студентов во Всесоюзных комсомольских стройках и освоении Целины демонстрировало интеграцию вузов в общенациональные проекты.

Пресса вузов транслировала ключевые лозунги эпохи, но также фиксировала и реальные противоречия: отмечались недостаток ресурсов, низкий, в некоторых случаях, уровень подготовки студентов и преподавателей, слабая организация труда в сельхозпредприятиях и на некоторых стройках.

Газеты ярославских вузов отражают специфику регионального научно-образовательного ландшафта: взаимодействие с местными предприятиями; участие коллективов вузов, прежде всего студентов, в решение региональных задач (мелиорация в Ярославской области), формировании городской среды.

Анализ вузовской прессы 1958–1965 гг. позволяет увидеть, как в условиях «оттепели» и дальнейших управленческих преобразований, в ходе научно-технической революции советские вузы балансировали между идеологическими установками и практическими вызовами. Газеты вузов в это время стали не только инструментом пропаганды, но и площадкой для артикуляции повседневных проблем, что делает их незаменимым источником для социальной истории и картины повседневности позднего СССР.

Библиографический список:

1. Кочнев С. Ракета-носитель, созданная Королёвым, должна была полететь раньше американской. Юрий Сальников о Луне, которую мы потеряли // URL: https://realnoevremya.ru/articles/145791-rezhisser-yuriy-salnikov-o-lune-kotoruyu-my-poteryali (Дата обращения: 19.20.2025).
2. Клинова М.А., Трофимов А.В. Пресса как источник изучения визуального наследия советской повседневности // История и современное мировоззрение. 2022. Т. 4. № 2. С. 59-64.
3. Перова Е. А. Особенности газетного дискурса периода Хрущевской оттепели // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017 № 10 (76): в 3-х ч. Ч. 2 С. 140-143.

4. За медицинские кадры: газета орган партбюро, дирекции, комитета ВЛКСМ, профкома и месткома Ярославского медицинского института. – Ярославль, 1958. № 1-38.
5. За технические кадры: орган партбюро, ректората, комитета ВЛКСМ, профкома и месткома Ярославского технологического института. 1964 - 1965. № 1-40 (57).
6. Ярославская журналистика. Страницы истории. Издание книги осуществлено в рамках проекта Региональной общественной организации «Союз журналистов Ярославской области» «Журналистскому долгу верны» на средства Фонда президентских грантов. – Ярославль, 2018.
7. За медицинские кадры. 1958. № 11. 26 марта.
8. Советникова М.А. Советская денежная реформа 1961 года / М.А. Советникова, А.А. Субботин // Образование и наука в развитии технологий, экономики, общества: Тезисы докладов 58-й Международной научно-технической конференции преподавателей и студентов, посвященной 60-летию УО «ВГТУ», Витебск, 16-17 апреля 2025 года. – Витебск: Витебский государственный технологический университет, 2025. С. 4-5.
9. Наймушина Н. Историко-типологический анализ многотиражных газет технических вузов Западной Сибири (на примере культурно-массовой работы библиотек за 1985–1986 гг.) // Омский научный вестник. 2013. № 5. С. 33-36.
10. За технические кадры. 1964. № 6. 9 октября.
11. За технические кадры. 1965. № 17 (34). 14 мая.
12. За медицинские кадры. 1960. № 16-17 (94 – 95). 30 апреля.
13. Конохова А.С. «Об укреплении связи высшей школы с жизнью» (реформа системы высшего образования СССР в 1958 г.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 1. С. 126-134.
14. За технические кадры. 1964. № 5. 2 октября.
15. За технические кадры. 1965. № 24 (41). 10 сентября.
16. Перова Е.А. Особенности газетного дискурса периода хрущевской «Оттепели» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-2 (76). С. 140-143.
17. За технические кадры. 1964. № 14. 5 декабря.
18. За технические кадры. 1965. № 18 (35). 21 мая.
19. За технические кадры. 1964. № 14. 5 декабря.
20. Шебзухова Т.А. Философско-исторический анализ повседневности: содержание и методологические особенности / Т.А. Шебзухова, Н.Г. Бондаренко. – Пятигорск: ООО «РИА-КМВ», 2024. 172 с.
21. За технические кадры. 1965. № 21 (38). 11 июня.
22. За технические кадры. 1965. № 20 (37). 4 июня.
23. За технические кадры. 1965. № 27 (44). 1 октября.
24. За технические кадры. 1965. № 26 (43). 24 сентября.
25. За технические кадры. 1965. № 11 (28). 2 апреля.
26. За технические кадры. 1965. № 27 (44). 1 октября.
27. За технические кадры. 1965. № 28 (45). 8 октября.
28. Гончарова Н.А., Бобров А.Д., Панаетов И.А., Хронова И.А. Роль и структура налоговых отчислений в комплексной оценке расходов компании на персонал // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 54-62.
29. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Роль французского капитала в сохранении политического влияния в Сирии и Ливане 1920–1930-е гг. // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 13-26.
30. Сулейманов А.Р. Постсоветская Евразия в большом евразийском партнёрстве // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 110-115.
31. Смирнова Е.А. Парадигмы культуры Древней Греции в современных форматах визуального искусства // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 44-51.
32. Ткаченко В.В. Режиссура высоких идей: технологии подготовки и проведения празднования 80-летия победы в Ленинградской области // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 52-59.

Reference

1. Kochnev S. The launch vehicle created by Korolev was supposed to fly before the American one. Yuri Salnikov on the Moon that we lost // URL: https://realnoevremya.ru/articles/145791-rezhisser-yuriy-salnikov-o-lune-kotoruyu-my-poteryali (19.20.2025).
2. Klinova M.A., Trofimov A.V. The press as a source for studying the visual heritage of Soviet everyday life // History and modern worldview. 2022. Vol. 4. № 2. P. 59-64.
3. Perova E.A. Features of newspaper discourse during the Khrushchev Thaw // Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, 2017, № 10 (76): in 3 parts. Part 2, P. 140-143.
4. For medical personnel: newspaper, organ of the party bureau, directorate, Komsomol committee, trade union committee, and local committee of the Yaroslavl Medical Institute. – Yaroslavl, 1958. № 1-38.

5. For technical personnel: organ of the party bureau, rector's office, Komsomol committee, trade union committee, and local committee of the Yaroslavl Technological Institute. 1964-1965. № 1-40 (57).
6. Yaroslavl journalism. Pages of history. Publication of the book was carried out as part of the project "True to Journalistic Duty" of the Regional Public Organization "Union of Journalists of the Yaroslavl Region" with funds from the Presidential Grants Fund. – Yaroslavl, 2018.
7. For medical personnel. 1958. № 11. March 26.
8. Sovetnikova M.A. Soviet monetary reform of 1961 / M.A. Sovetnikova, A.A. Subbotin // Education and science in the development of technologies, economy, society: Abstracts of reports of the 58th International scientific and technical conference of teachers and students dedicated to the 60th anniversary of the educational institution "VSTU", Vitebsk, April 16-17, 2025. – Vitebsk: Vitebsk State Technological University, 2025. P. 4-5.
9. Naymushina N. Historical and typological analysis of large-circulation newspapers of technical universities of Western Siberia (based on the example of cultural and mass work of libraries in 1985-1986) // Omsk scientific bulletin. 2013. № 5. P. 33-36.
10. For technical personnel. 1964. № 6. October 9.
11. For technical personnel. 1965. № 17 (34). May 14.
12. For medical personnel. 1960. № 16-17 (94-95). April 30.
13. Konokhova A.S. "On Strengthening the Connection between Higher Education and Life" (the reform of the USSR higher education system in 1958) // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2015. Vol. 4. № 1. P. 126-134.
14. For technical personnel. 1964. № 5. October 2.
15. For technical personnel. 1965. № 24 (41). September 10.
16. Perova E.A. Features of newspaper discourse during Khrushchev's "Thaw" period // Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2017. № 10-2 (76). P. 140-143.
17. For technical personnel. 1964. № 14. December 5.
18. For technical personnel. 1965. № 18 (35). May 21.
19. For technical personnel. 1964. № 14. December 5.
20. Shebzukhova T.A. Philosophical and Historical Analysis of Everyday Life: Content and Methodological Features / T.A. Shebzukhova, N.G. Bondarenko. – Pyatigorsk: OOO "RIA-KMV", 2024. 172 p.
21. For technical personnel. 1965. № 21 (38). June 11.
22. For technical personnel. 1965. № 20 (37). June 4.
23. For technical personnel. 1965. № 27 (44). October 1.
24. For technical personnel. 1965. № 26 (43). September 24.
25. For technical personnel. 1965. № 11 (28). April 2.
26. For technical personnel. 1965. № 27 (44). October 1.
27. For technical personnel. 1965. № 28 (45). October 8.
28. Goncharova N.A., Bobrov A.D., Panaetov I.A., Khronova I.A. The role and structure of tax deductions in the comprehensive assessment of the company's personnel costs // Almanac "Crimea". 2025. № 49. P. 54-62.
29. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. The role of French capital in maintaining political influence in Syria and Lebanon in the 1920s and 1930s // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 13-26.
30. Suleymanov A.R. Post-soviet Eurasia in the great Eurasian partnership // Etnosotsium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 110-115.
31. Smirnova E.A. Paradigms of ancient Greek culture in modern visual art formats // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 44-51.
32. Tkachenko V.V. Directing high ideas: technologies of preparation and celebration of the 80-th anniversary of victory in the Leningrad Region // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 52-59.

Кальченко П.Д.

Аспирант кафедры истории. ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени В. Даля», г. Луганск.

Влияние немецко-фашистских оккупантов на духовно-религиозное мировоззрение детей г. Ворошиловграда (1942-1943 гг.)*

Аннотация. В статье анализируется влияние немецко-фашистских оккупантов на духовно-религиозное мировоззрение детей г. Ворошиловграда (1942-1943 гг.). Особое внимание уделяется изучению личных источников: письменным воспоминаниям детей об их пребывании в условиях немецко-фашистской оккупации. Раскрывается роль религиозной пропаганды в использовании детей на принудительных работах. Отмечается, что для полного контроля над религиозной жизнью оккупированных территорий немецко-фашистским захватчикам необходимо было «оторвать» церковь г. Ворошиловграда от Русской Православной Церкви. Поэтому в городе ставка была сделана на создание автокефалий (самоуправляемых религиозных организаций, зависимых от Автокефальной Православной Церкви, расположенной в г. Киеве). Настойчиво рекомендовалось в проповедях и во время церковных церемоний священнослужителям выражать верноподданнические чувства к А. Гитлеру и Третьему рейху, показывать заслуги и большую роль немецко-фашистских захватчиков в открытии церковных учреждений, пропагандировалась правильная и справедливая политика новых властей в г. Ворошиловграде. В рамках статьи применяются систематизированные методы исследования: исторического описания, ретроспективный метод, метод исторической реконструкции. Работа основывается на сопоставлении фактов с исследованиями предшественников для определения достоверности, надежности и объективности полученных результатов. До настоящего времени духовно-религиозная жизнь на территории оккупированного немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны г. Ворошиловграда комплексно не анализировалась. В заключительной части статьи делается вывод о разрешительном характере влияния немецко-фашистских захватчиков на духовно-религиозное мировоззрение детей г. Ворошиловграда, недопустимости искажения научной истории Великой Отечественной войны, принадлежности не только к конкретному этапу в жизни своего народа, но и ко всей многовековой истории Отечества, его будущему, сопричастность Дню Победы, которая позволила спасти нашу страну и весь мир от угрозы немецко-фашистского порабощения.

Ключевые слова: история Отечества, г. Ворошиловград, немецко-фашистские оккупанты, духовно-религиозное мировоззрение детей, письменные воспоминания детей.

* © Кальченко П.Д., 2025.

Kalchenko P.D.
Postgraduate Student, Department of History. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "V. Dahl Luhansk State University", Luhansk.

The influence of the Nazi occupiers on the spiritual and religious worldview of children in Voroshilovgrad (1942-1943)

Abstract. The article analyzes the impact of the Nazi German occupiers on the spiritual and religious worldview of children in the city of Voroshilovgrad during 1942–1943. Special attention is paid to the study of personal sources, namely written recollections of children about their experiences under Nazi German occupation. The role of religious propaganda in the use of children for forced labor is revealed. It is noted that, in order to exercise full control over the religious life of the occupied territories, the Nazi German invaders needed to "separate" the church of Voroshilovgrad from the Russian Orthodox Church. Therefore, the authorities in the city focused on the creation of autocephalies (self-governing religious organizations dependent on the Autocephalous Orthodox Church located in Kyiv). Clergy were persistently encouraged during sermons and church ceremonies to express loyal sentiments toward Adolf Hitler and the Third Reich, to emphasize the merits and significant role of the Nazi German occupiers in reopening church institutions, and to promote the allegedly correct and just policies of the new authorities in Voroshilovgrad.

The article employs systematized research methods, including historical description, the retrospective method, and the method of historical reconstruction. The study is based on comparing facts with the research of predecessors in order to determine the reliability, validity, and objectivity of the results obtained. To date, the spiritual and religious life of Voroshilovgrad during the period of Nazi German occupation in the years of the Great Patriotic War has not been comprehensively analyzed.

In the concluding part of the article, it is stated that the influence of the Nazi German occupiers on the spiritual and religious worldview of children in Voroshilovgrad was permissive in nature. The inadmissibility of distorting the scientific history of the Great Patriotic War is emphasized, as well as its significance not only as a specific stage in the life of the nation, but as part of the entire centuries-old history of the Fatherland and its future. The sense of involvement in Victory Day, which made it possible to save our country and the entire world from the threat of Nazi German enslavement, is also highlighted.

Key words: history of the Fatherland, the city of Voroshilovgrad, Nazi occupiers, spiritual and religious worldview of children, written memoirs of children.

Великая Отечественная война явилась одним из величайших событий, определивших ход мировой истории и судьбы всех ее участников – от мала

до велика. Тотальная война втянула в себя сражающиеся армии и гражданское население, перечеркнув прежние представления об обычаях и этосе войны. Речь шла о жизни и смерти миллионов людей, о будущем цивилизации. История войны – неисчерпаемая тема, ее изучение – долг историков перед теми, кто выстоял и победил, ковал победу, растил хлеб и сохранял культуру. Советский фронтовой корреспондент К.М. Симонов писал: «О минувшей войне

необходимо знать все. Надо знать, и чем она была, и с какой б езмерной душевной тяжестью были связаны для нас дни отступлений и поражений, и каким безмерным счастьем для нас был День Победы. Надо знать и о том, каких жертв нам стоила война, какие разрушения она принесла, оставив раны и в душах людей, и на теле земли»[1].

Для детей, как и для фронтовиков и тружеников тыла, опыт войны стал ключевым в жизни. Он определил очень многое в мировоззрении советских людей, для которых память о войне и великой Победе приобрела поистине священное значение. Вместе с тем, для детского восприятия это был и болезненный, травматический опыт страдания, потерь и лишений. В наши дни представители именно этого поколения являются носителями живой памяти о Великой Отечественной войне, их свидетельства вызывают неослабевающий интерес и оказывают значительное влияние на молодежь, что определяет актуальность исследования.

Для полного контроля над религиозной жизнью оккупированных территорий немецко-фашистским захватчикам необходимо было «оторвать» церковь г. Ворошиловграда от Русской Православной Церкви. Поэтому в городе ставка была сделана на создание автокефалий (самоуправляемых религиозных организаций, зависимых от Автокефальной Православной Церкви, расположенной в г. Киеве). В связи с этим представляется чрезвычайно важным изучить влияние немецко-фашистских оккупантов на духовно- религиозное мировоззрение детей г. Ворошиловграда (1942-1943 гг.), охарактеризовать цели немецко-фашистских захватчиков, средства их достижения и полученные при этом результаты, что стало предметом исследования.

Полнота осмысления военного детства предполагает детальный анализ его отражения в сознании современников не только на социально-экономическом, но и на духовно-религиозном уровнях. До настоящего времени духовно-религиозная жизнь на территории оккупированного немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны г. Ворошиловграда комплексно не анализировалась. Косвенно тема

1 *Першанин В.Н.* «Окопная правда» Великой Отечественной. Самые правдивые воспоминания о войне. – М.: 2021. С. 37.

затрагивалась в работах: российского историка М.В. Шкаровского, который проанализировал возрождение церковной жизни Советского Союза (далее – СССР) в годы Великой Отечественной войны. Он отмечал, что властям СССР было важно прекратить гонения на церковь, чтобы заручиться поддержкой священнослужителей и наполнить духовной неповторимостью местное население. Церковное руководство было отправлено в тыл, чтобы исключить возможность захвата его немецко-фашистскими войсками в случае падения Москвы и использования в целях пропаганды[2]; канадского историка Д.В. Поспеловского, который подчеркивал тесную связь между русским народом и его церковью, отмечая необходимость обратиться к Богу, поскольку только его помощь могла обеспечить победу, т.к. одной физической силы недостаточно. Особое значение придавалось советской идеологии: «Бог может выступать только на стороне СССР (стороне добра, процветания и заботы). Вера поможет уничтожить нацистскую нечисть»[3]; российского историка В.Н. Якунина, который в своих трудах охарактеризовал политику нацистского руководства по отношению к религии и церкви на оккупированных территориях СССР. Он констатировал, что это преимущественно политика пропаганды. С помощью церкви немецко-фашистские захватчики пытались повлиять на местное население, чтобы реализовать свои планы. Так, в частности, с помощью религиозной пропаганды часть местного населения оказывали содействие оккупантам в вопросах выдачи советских партизан, занятости населения, отправки людей в Германию[4], [5]. Наше исследование основывается на сопоставлении фактов с исследованиями предшественников для определения (с целью определения) достоверности, надежности и объективности полученных результатов.

Город Ворошиловград (ныне – г. Луганск) был оккупирован немецко-фашистскими войсками 17 июля 1942 г. Это произошло вследствие неудачного наступления Красной армии под Харьковом. У Барвенковского выступа окружили несколько советских армий, образовалась большая брешь в боевых порядках. Немцы повели свои танковые части в прорыв и начали развивать наступление. В самом г. Ворошиловграде превалировала степная зона, подготовить серьезные оборонительные рубежи было сложно. Советское руководство приняло решение отвести большинство частей к Ростову-на-Дону и там попытаться создать но-

2 *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: 2010. С. 147.

3 *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: 1995. С. 186.

4 *Якунин В.Н.* Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны // Московский журнал. История государства Российского. 1995. № 3. С. 115.

5 *Якунин В.Н.* Русская Православная Церковь на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Самара, 2001. С. 95.

вую оборонительную линию. До этого состоялись две волны эвакуации. Первая – осенью 1941 г., когда вывезли основную часть промышленного оборудования и людей на Урал и в Среднюю Азию. Вторая – накануне июля 1942 г., когда вывозили то, что еще оставалось. Перед войной население города составляло 290 тыс. человек[6]. За эти две волны эвакуировались 20 тыс. человек – это рабочие и инженеры предприятий с семьями[7]. Большинство граждан не смогли вовремя эвакуироваться. Осталось в городе и много детей.

Российский историк Н.Г. Болтрушевич справедливо отмечал, что «начиная с октября 1917 г. в советском обществе сложилась целая система отношений к церковным организациям и к верующим, поставившая церковь не только под тотальный контроль, но и под угрозу существования и разрушения всей ее целостности»[8]. Началом ограничения политики деятельности церквей следует считать декрет И.В. Ленина «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января (5 февраля) 1918 г[9]. Церковь лишили статуса юридического лица и, следовательно, права собственности, повсеместно изымали все ее движимое и недвижимое имущество, в школах всех типов запрещалось преподавание религиозных вероучений. После принятия 8 апреля 1929 г. Всероссийским центральным исполнительным комитетом и Советом народных комиссаров постановления «О религиозных объединениях»[10] был установлен светский характер государственной власти. Именно в 1920–1930-е гг. церковь подверглась самым суровым и жестоким гонениям. И хотя ст. 124 Конституции СССР от 5 декабря 1936 г. (в редакции от 1 марта 1941 г.) провозглашала свободу вероисповедания[11], но при этом гонение на духовенство не прекращалось. В ходе такой поли-

6 *Поляков Ю.А.* Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. – М.: 1992. С. 25.

7 Архивная служба ЛНР. Ф. Р-1755 (Газеты «Новая Жизнь», издаваемые в период немецко-фашистской оккупации в городе Ворошиловграде). Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

8 *Болтрушевич Н.Г.* Изменение политики советской власти в отношении Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны // Вестник Полоцкого государственного университета. 2018. № 9. С. 42.

9 Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января (2 февраля) 1918 г.: сайт Древо. Открытая православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. // URL: https://drevo-info.ru/articles/15402.html (Дата обращения: 17.12.2025)

10 Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23 июля 1975 г.): сайт электронного фонда правовых и нормативно-технических документов. [Электронный ресурс]. // URL: https://docs.cntd.ru/document/9056238 (Дата обращения: 17.12.2025).

11 Конституция СССР от 5 декабря 1936 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.03.1941 г.). Ст. 124: сайт Гарант. ру. [Электронный ресурс]. // URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958682/chapter/9903d706745464d9fcec0b0ad12d9e32/ (Дата обращения: 17.12.2025).

тики частично религиозные учреждения были приспособлены под другие нужды, другие – закрыты.

Планируя нападение на СССР с целью увеличения своих сторонников религиозные чувства которых ущемлялись в свое время большевиками, немецкий вождь А. Гитлер и немецкий политик-пропагандист Й. Геббельс рассчитывали активно использовать религиозный фактор. На захваченных территориях начали открывать храмы. «Часто люди находили в вере необходимую точку опоры, утраченную вместе с потерей близких и имущества. Обретенная или возрожденная вера давала людям утешение. Во вновь открытых храмах собиралось большое количество людей, они вместе молились за свою жизнь и жизнь своих близких»[12]. В циркуляре А. Гитлера «О понимании церковных вопросов в занятых областях Советского Союза» от 1 сентября 1941 г. предписывалось: 1) не допускать контактов лидеров разных конфессий во избежание заговора против Германии; 2) поддерживать религиозные движения, враждебные большевизму, 3) использовать различные религиозные организации для помощи немецкой администрации, в т.ч. в вопросах о школах и детских садах, отправки граждан СССР в Германию, выдачи партизан, поощрении донорства для немецких солдат[13].

Таким образом, немецкие власти предпринимали меры по восстановлению духовно-религиозной жизни на оккупированных советских территориях не столько для блага местных граждан, сколько для того, чтобы использовать церковь для пропаганды.

Большое значение немецкие власти придавали идеологической направленности при отправлении священнослужителями религиозных служб. Настойчиво рекомендовалось в проповедях и во время церковных церемоний священнослужителям выражать верноподданнические чувства к А. Гитлеру и Третьему рейху, показывать заслуги и большую роль немецко-фашистских захватчиков в открытии церковных учреждений, пропагандировалась правильная и справедливая политика новых властей в г. Ворошиловграде. Это видно из статей газеты «Новая жизнь» и воспоминаний детей города об их пребывании в условиях немецко-фашистской оккупации. Так, в газете указывалось, что за сравнительно короткое время, при помощи немецкой власти, которая провозгласила свободу вероисповедания и признала необходимым возрождение Автокефальной Православной Церкви на Украине уже достигнуто немалых успехов. Была

12 *Болтрушевич Н.Г.* Изменение политики советской власти в отношении Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны… С. 43.

13 *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. Немецкая политика по отношению к Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР. – М.: 2002. С. 161.

создана высшая духовная власть (Администрация Автокефальной Православной Церкви) во главе с архиепископом Поликарпом, который осуществлял духовное руководство всеми епархиями и признавал епископов. Задания, которые стояли перед религиозными учреждениями и священнослужителями, чрезвычайно важны и почетны, их хорошо охарактеризовал в своем заявлении Луганский епископ Геннадий: «Я отказываюсь от какой-либо ориентации на Москву. Руководство Автокефальной Православной Церкви должно осуществляться украинцами. Я буду занимать толерантное отношение ко всем иным церковным направлениям и не потерплю, чтобы представители, священнослужители или иные верующие Автокефальной Православной Церкви унижали другие церковные направления, их представителей. Но я отдам всю свою силу, свой образцовый пример, с которым буду исполнять свои религиозные обязанности, чтобы переманить души украинцев к Автокефальной Православной Церкви! Господи, ниспошли А. Гитлеру силу для окончательной победы, спасения Родины от большевиков!»[14]. Из этого следует, что с помощью автокефалий оккупанты пытались воздействовать на местное население Советского Союза с целью активной поддержки политики немецко-фашистских властей.

Для реализации своих целей немецко-фашистские захватчики занялись активным строительством церквей на территории г. Ворошиловграда. Так, из статей газеты «Новая жизнь» доподлинно известно, что на начальном этапе оккупации были открыты 3 церкви: две в центре, одна в Камменобродском районе города. Кроме того, был отстроен Вознесенский молитвенный дом в Малой Вергунке и восстановлен приход Георгиевской церкви в Большой Вергунке[15]. Постепенно количество церквей возросло, что требовало новых священнослужителей. Офицер немецкой контрразведки по делам религии на Украине сообщал: «Тех, кто поднялся на поверхность (вышел из катакомб) после годов укрытия при советской власти, не хватало для новооткрытых церквей. Но спрос оказался выше, чем я ожидал»[16]. Для решения этой проблемы из районов города были направлены священники для проведения воскресных богослужений. Создавались специальные 4-х месячные курсы по их подготовке.

Служения проводились на украинском языке[17].

В статьях газеты «Новая жизнь» были опубликованы проповеди епископов Луганских Григория и Михаила. В них речь шла о том, что в жиз-

14 Архивная служба ЛНР. Ф. Р-1755 (Газеты «Новая Жизнь», издаваемые в период немецко-фашистской оккупации в городе Ворошиловграде). Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

15 Там же. Л. 3.

16 Там же. Л. 4.

17 Архивная служба ЛНР. Ф. Р-1755 (Газеты «Новая Жизнь», издаваемые в период немецко-фашистской оккупации в городе Ворошиловграде). Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

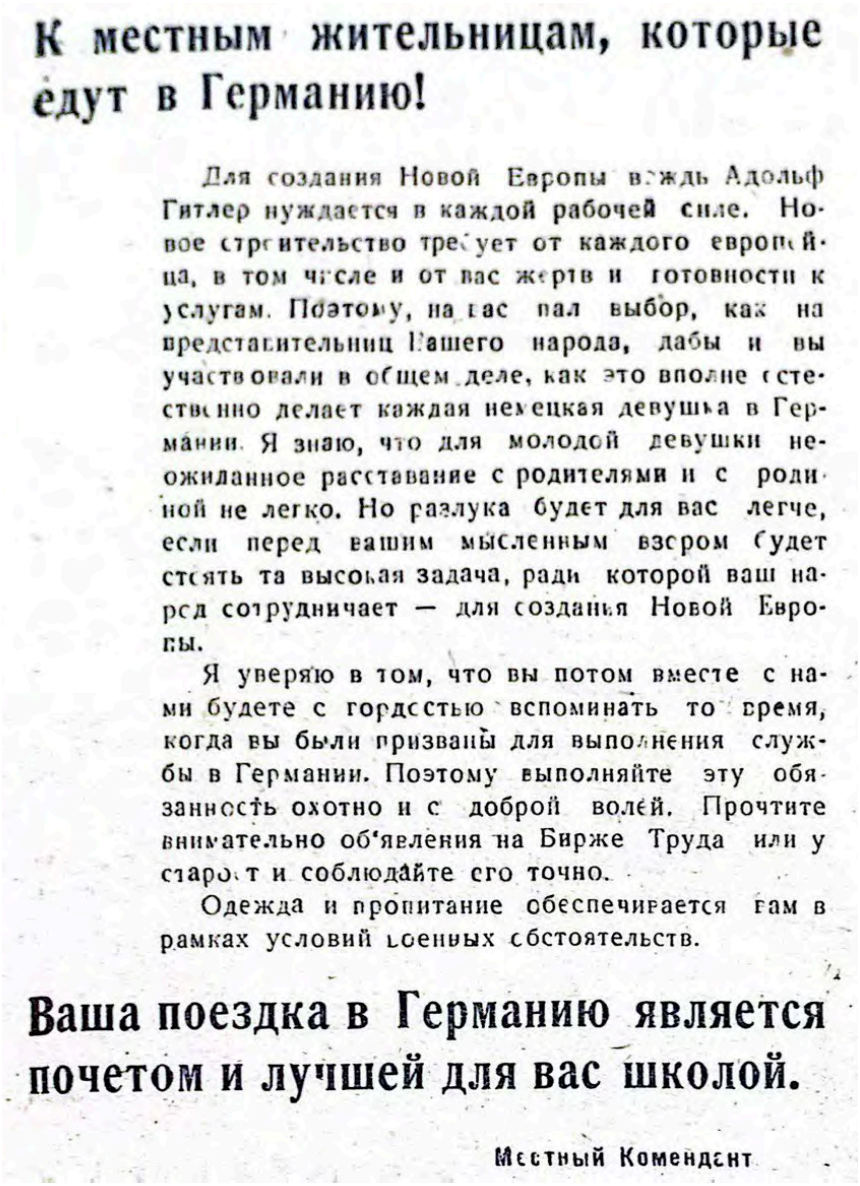
ни каждого человека есть четыре решающих момента: рождение, выбор профессии, свадьба, граница между жизнью и смертью. Особое значение придавалось тому, что с каждого человека спрашивается столько, сколько талантов ему было дано. Отсюда делался общий вывод, что каждый ребенок в силу возможного должен быть поставлен в условия собственного «Я», которое возникло от родителей, но было создано с помощью неизвестных мистических сил. Подчеркивалось, что этого не понимают родители, которые зачастую преувеличивают умения своих детей, относятся к детям пренебрежительно, без должного уважения. Поэтому изучение ребенка, проверка данных, заложенных в нем от природы, отыскание его талантов, отправление в Германию в связи с этим – основа для рождения его личности и освобождения от тягот, традиций советского большевизма (например, в нашей семье все должны быть врачами, моряками и др.). Так ребенок становится свободным[18]. Образцы агитации по отправке граждан в Германию см. в рисунках 1, 2, 3.

Российский историк М.В. Шкаровский отмечал, что в прогерманской прессе всячески подчеркивалось, что новый режим несет религиозную свободу. Настойчиво «рекомендовалось» в проповедях и во время церковных церемоний выражать верноподданнические чувства к А. Гитлеру и Третьему рейху. В противном случае священнослужителям грозили штрафы, вывоз в Германию. Духовенство заставляли участвовать в «праздновании» годовщины начала войны и тому подобных дат. Активно распространялась соответствующая литература, к примеру, такая листовка-молитва: «А. Гитлер, ты наш вождь. Имя твое наводит трепет на врагов. Да прейдет третья империя твоя. И да осуществится воля твоя на земле…»[19].

Ученица 10 класса СШ № 3 г. Ворошиловграда Оля Некрасова в своем сочинении на тему: «Что я пережила в дни оккупации» описывала духовно-религиозную жизнь в г. Ворошиловграде следующим образом: «17 июля 1942 г. наш город был занят немецко-фашистскими захватчиками. С первого же дня немцы проявляли свою «доброту»: многих жителей расстреляли, многие томились в тюрьмах. В городе заставляли ходить в школу, работали церкви. Священники выступали с проповедью о том, что нынешняя война – наказание, посланное Богом за грехи советской власти, призывали и меня молиться за скорейшее окончание этой войны победой немецкого ига. Рассказывали нам о том, что мы все должны помогать немцам, слушать их, поскольку это приблизит окончание войны. Мои родители говорили, что за такие проповеди священники получали хлеб, повидло, молоко и колбасу. Некоторые родители моих друзей после проповеди свя-

18 Там же. Л. 83.

19 *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь // Берегиня.777. Сова. 2017. № 2 (33). С. 112.



К местным жительницам, которые едут в Германию!

Для создания Новой Европы вождь Адольф Гитлер нуждается в каждой рабочей силе. Новое строительство требует от каждого европейца, в том числе и от вас жертв и готовности к услугам. Поэтому, на вас пал выбор, как на представительниц Вашего народа, дабы и вы участвовали в общем деле, как это вполне естественно делает каждая немецкая девушка в Германии. Я знаю, что для молодой девушки неожиданное расставание с родителями и с родиной не легко. Но разлука будет для вас легче, если перед вашим мысленным взором будет стоять та высокая задача, ради которой ваш народ сотрудничает — для создания Новой Европы.

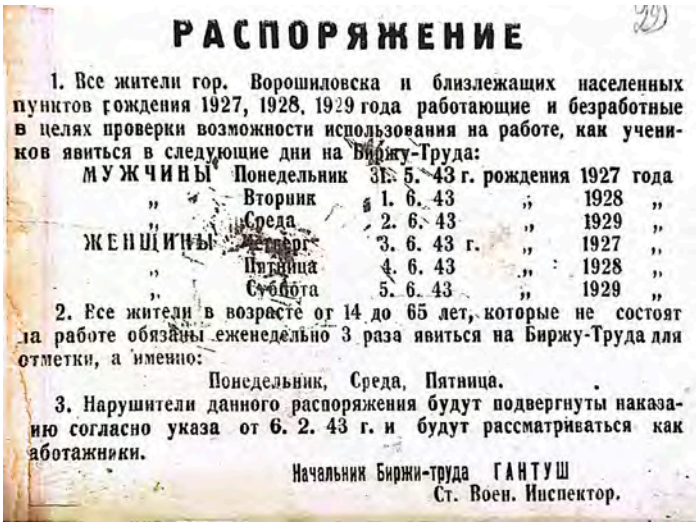
Я уверяю в том, что вы потом вместе с нами будете с гордостью вспоминать то время, когда вы были призваны для выполнения службы в Германии. Поэтому выполняйте эту обязанность охотно и с доброй волей. Прочтите внимательно об'явления на Бирже Труда или у старост и соблюдайте его точно.

Одежда и пропитание обеспечивается вам в рамках условий военных обстоятельств.

Ваша поездка в Германию является почетом и лучшей для вас школой.

Местный Комендант

Рисунок 1. Немецко-фашистская листовка, адресованная к местным жительницам, которые едут в Германию! г. Ворошиловград. 1942 г. // Архивная служба ЛНР. Ф. Р-1717. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.



РАСПОРЯЖЕНИЕ

29

1. Все жители гор. Ворошиловска и близлежащих населенных пунктов рождения 1927, 1928, 1929 года работающие и безработные в целях проверки возможности использования на работе, как учеников явиться в следующие дни на Биржу-Труда:

МУЖЧИНЫ	Понедельник	31. 5. 43 г.	рождения 1927	года
„	Вторник	1. 6. 43	„ 1928	„
„	Среда	2. 6. 43	„ 1929	„
ЖЕНЩИНЫ	Четверг	3. 6. 43 г.	„ 1927	„
„	Пятница	4. 6. 43	„ 1928	„
„	Суббота	5. 6. 43	„ 1929	„

2. Все жители в возрасте от 14 до 65 лет, которые не состоят на работе обязаны еженедельно 3 раза явиться на Биржу-Труда для отметки, а именно:

Понедельник, Среда, Пятница.

3. Нарушители данного распоряжения будут подвергнуты наказанию согласно указа от 6. 2. 43 г. и будут рассматриваться как саботажники.

Начальник Биржи-труда ГАНТУШ
Ст. Воен. Инспектор.

Рисунок 2. Распоряжение об обязательной постановке на учет на Бирже труда. Июнь 1943 г. // Архивная служба ЛНР. Ф. Р-1717. Оп. 1 Д. 3. Л. 29.

Середа, 25 серпня 1943 року. НОВЕ ЖИТТЯ

ПІСЛЯ СУМЛІННОЇ СЛУЖБИ — ПРИЄМНЕ ДОЗВІЛЛЯ

Церкви, лікарні, кладовища— цілі британських нальотів у Турині | Національне кит

Рисунок 3. Агитационный листок о преимуществах работы в Германии Август 1943 г. // Архивная служба ЛНР. Ф. Р-1755. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

щенников заставляли своих детей учиться в школе, записываться на биржу труда, сдавать кровь для немецких солдат, а сами уезжали в Германию. Я и моя подруга Нина боялись их отговаривать, поскольку за всеми следила полиция, мы боялись за своих родных»[20].

Практически в каждой церкви стояла табличка с изречением А. Гитлера: «Бог никогда не помогает бездельникам и дармоедам. Он не помогает людям, которые не желают сами себе помочь[21].

Ученик 4 класса СШ № 8 г. Ворошиловграда Миша Самойлов в своем сочинении писал: «До прихода немцев мы жили весело и спокойно. Когда мы были оккупированы гитлеровцами, то очень боялись их. У меня был брат 1925 г., которого нужно было скрывать, потому что его могли забрать в Германию. Он прятался на чердаке и в погребе. В городе работали церкви. Сначала мы с родителями были рады этому, но наш сосед священник просил нас туда не ходить. Говорил, что нас всех обманывают, а приезжие священники из области в своих проповедях подчинены немецкой власти. Часть моих друзей туда ходили, стали поддерживать немцев, сдавали кровь, отдавали им свои вещи, работали в полях по указанию немцев. После этого я перестал с ними общаться. Но не долго хозяйничали немецко-фашистские захватчики. Вскоре пришла Красная армия и освободила нас от этого ада!»[22].

Ученик 4 класса СШ № 13 Ануфриенко Дима в своем сочинении писал, что «немцы вступили в город 17 июля 1942 года. Когда они вошли в город, то они по-зверски убивали людей, забирали людей в Германию, брали яйца, и кто не давал, то они убивали людей или угоняли в Германию. Когда моей сестре принесли повестку в Германию, то она отказалась, и ее начали бить, а потом послали на работу. Голодные фрицы рыскали везде. В городе работали церкви, многие люди туда ходили, там находили поддержку во время войны. Ходили слухи о том, что священники работали на немцев»[23].

На оккупированной территории города работали традиционные со-

20 Архивная служба ЛНР. Ф. Р-1748 (Письменные работы-воспоминания учащихся общеобразовательных школ города Ворошиловграда и Ворошиловградской области о пребывании в немецко-фашистской оккупации в период Великой Отечественной войны (архивная коллекция). Город Ворошиловград. Том 1. Письменные работы-воспоминания учащихся средней школы №3 города Ворошиловграда о пребывании в немецко-фашистской оккупации в период Великой Отечественной войны). Оп. 2. Д. 1. Л. 119.

21 Архивная служба ЛНР. Ф. Р-1755 (Газеты «Новая Жизнь», издаваемые в период немецко-фашистской оккупации в городе Ворошиловграде). Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

22 Архивная служба ЛНР. Ф. Р-1748 (Письменные работы-воспоминания учащихся начальной школы №8 и неполных средних школ №№ 9, 10, 13 города Ворошиловграда о пребывании в немецко-фашистской оккупации в период Великой Отечественной войны). Оп. 2. Д. 3. Л. 10.

23 Там же. Л. 17.

ветские религиозные законы. Так, российский историк М.В. Шкаровский отмечал, что «церковные венчания нередко допускались лишь после регистрации бракосочетания в государственных учреждениях. Различные ограничения касались церковных праздников, их разрешалось отмечать, только если это не вызывало простоя в работе. Некоторые церкви, в которых самовольно были возобновлены богослужения, закрывались немецкой администрацией»[24].

Таким образом, из газеты «Новая жизнь» и воспоминаний детей г. Ворошиловграда об их пребывании в условиях немецко-фашистской оккупации отчетливо видно, что для реализации немецкой пропаганды в духовно-религиозной сфере активно осуществлялось строительство церквей и храмов, проводилось обучение священнослужителей в городе. Большое значение немецкие власти придавали выстраиванию идеологической базы со священнослужителями города. Последним настойчиво «рекомендовалось» в проповедях и во время церковных церемоний выражать верноподданнические чувства к А. Гитлеру и Третьему рейху, просить верующих помогать немецкой администрации, в противном случае священнослужителям грозили штрафы, вывоз в Германию. В качестве вознаграждения за верную службу выдавали продукты. Результатом такой «деятельности» священнослужителей явилось то, что у части гражданского населения, включая детей, возникло чувство долга в оказании помощи немецко-фашистским войскам. Некоторые дети, руководствуясь духовно-религиозными нравами, учились в немецких школах, записывались на биржу труда, сдавали кровь для немецких солдат, отдавали свои вещи, работали в полях по указанию немцев, всячески помогали оккупантам. Осуждать детей (их родителей) за это, конечно, не стоит, поскольку они стали жертвами той немецкой идеологии, которая была разработана А. Гитлером и Й. Геббельсом. Более того, ни один ребенок той поры не мог до конца осознать характер своих действий в силу своего возраста, что, безусловно, необходимо учитывать.

Уверен, что российскому обществу и сегодня необходима достоверная научная история Великой Отечественной войны. Без знания полной исторической правды, какой бы горькой она подчас ни была, без осмысления и усвоения уроков минувшего невозможно будущее. Необходимо воспитывать в каждом гражданине чувство исторической преемственности, острое переживание принадлежности не только к конкретному этапу в жизни своего народа, но и ко всей многовековой истории Отечества, его будущему, сопричастность Дню Победы, которая позволила спасти нашу страну и весь мир от угрозы немецко-фашистского порабощения.

24 *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь… С. 113.

Библиографический список:

1. Архивная служба ЛНР. Ф. Р-1748 (Письменные работы-воспоминания учащихся общеобразовательных школ города Ворошиловграда и Ворошиловградской области о пребывании в немецко-фашистской оккупации в период Великой Отечественной войны (архивная коллекция). Город Ворошиловград. Том 1. Письменные работы-воспоминания учащихся средней школы №3 города Ворошиловграда о пребывании в немецко-фашистской оккупации в период Великой Отечественной войны). Оп. 2. Д. 1. Л. 119.
2. Архивная служба ЛНР. Ф. Р-1748 (Письменные работы-воспоминания учащихся начальной школы №8 и неполных средних школ №№ 9, 10, 13 города Ворошиловграда о пребывании в немецко-фашистской оккупации в период Великой Отечественной войны). Оп. 2. Д. 3. Л. 10, 17.
3. Архивная служба ЛНР. Ф. Р-1755 (Газеты «Новая Жизнь», издаваемые в период немецко-фашистской оккупации в городе Ворошиловграде). Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 4, 5, 15, 17, 37, 83.
4. Конституция СССР от 5 декабря 1936 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.03.1941 г.). Ст. 124: сайт Гарант. ру. // URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958682/chapter/
9903d706745464d9fcec0b0ad12d9e32/ (Дата обращения: 17.12.2025).
5. Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января (2 февраля) 1918 г.: сайт Древо. Открытая православная энциклопедия. // URL: https://drevo-info.ru/articles/15402.html (Дата обращения: 17.12.2025).
6. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23 июля 1975 г.): сайт электронного фонда правовых и нормативно-технических документов. // URL: https://docs.cntd.ru/document/9056238 (Дата обращения: 17.12.2025).
7. Болтрушевич Н.Г. Изменение политики советской власти в отношении Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны // Вестник Полоцкого государственного университета. 2018. № 9. С. 42-47.
8. Першанин В.Н. «Окопная правда» Великой Отечественной. Самые правдивые воспоминания о войне: учебник / В.Н. Першанин. – М.: Яуза-каталог, Яуза, 2021. 638 с.
9. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке: учебник / Д.В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. 511 с.
10. Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. Немецкая политика по отношению к Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР: учебник / М.В. Шкаровский. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 2002. 521 с.
11. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке: учебник / М.В. Шкаровский. – М.: Вече, Лепта, 2010. 478 с.
12. Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь // Берегиня. 777. Сова. 2017. № 2 (33). С. 101-116.
13. Якунин В.Н. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны // Московский журнал. История Российского государства. 1995. № 3. С. 114-123.
14. Якунин В.Н. Русская Православная Церковь на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: учебник / В.Н. Якунин. – Самара: Самар. ун-т, 2001. 242 с.
15. Яковлева Е.Е. Трансформация ресурсной ловушки: почему богатство не всегда приносит процветание // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 111-117.
16. Текеев С.О. Становление промышленной разработки свинцово-серебряных руд в верховьях Кубани во второй половине XIX века // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 83-88.
17. Юшин И.В. Управление персоналом в современной бизнес-организации // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 29-39.

Reference

1. Archival Service of the LPR. F. R-1748 (Written memoirs of students of comprehensive schools in the city of Voroshilovgrad and the Voroshilovgrad region about their stay under the Nazi occupation during the Great Patriotic War (archival collection). The city of Voroshilovgrad. Volume 1. Written memoirs of students of Secondary School № 3 in the city of Voroshilovgrad about their stay under the Nazi occupation during the Great Patriotic War). Op. 2. D. 1. L. 119.
2. Archival Service of the LPR. F. R-1748 (Written memoirs of students of Primary School № 8 and Junior Secondary Schools Nos. 9, 10, and 13 in the city of Voroshilovgrad about their stay under the Nazi occupation during the Great Patriotic War). Op. 2. D. 3. L. 10, 17.
3. LPR Archival Service. F. R-1755 (Newspapers "Novaya Zhizn," published during the Nazi occupation in the city of Voroshilovgrad). Op. 1. D. 1. L. 3, 4, 5, 15, 17, 37, 83.
4. Constitution of the USSR of December 5, 1936 (with amendments and additions as of March 1, 1941). Art. 124: Garant.ru website. // URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958682/chapter/

9903d706745464d9fcec0b0ad12d9e32/ (12.17.2025).
5. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR "On the Separation of Church from State and School from Church" of January 23 (February 2), 1918: Drevo website. Open Orthodox Encyclopedia. // URL: https://drevo-info.ru/articles/15402.html (12.17.2025).
6. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR "On Religious Associations" of April 8, 1929 (with amendments and additions as of July 23, 1975): website of the electronic fund of legal and regulatory-technical documents. // URL: https://docs.cntd.ru/document/9056238 (12.17.2025).
7. Boltrushevich N.G. Changes in the Policy of the Soviet Government Towards the Russian Orthodox Church During the Great Patriotic War // Bulletin of Polotsk State University. 2018. № 9. P. 42-47.
8. Pershanin V.N. "Trench Truth" of the Great Patriotic War. The Most Truthful Memories of the War: a textbook / V.N. Pershanin. – Moscow: Yauza-catalog, Yauza, 2021. 638 p.
9. Pospelovsky D.V. Russian Orthodox Church in the 20th Century: a textbook / D.V. Pospelovsky. – Moscow: Respublika, 1995. 511 p.
10. Shkarovsky M.V. Nazi Germany and the Orthodox Church. German Policy Towards the Orthodox Church and Religious Revival in the Occupied Territory of the USSR: a textbook / M.V. Shkarovsky. – Moscow: Krutitsy Patriarchal Metochion, 2002. 521 p.
11. Shkarovsky M.V. Russian Orthodox Church in the 20th Century: a textbook / M.V. Shkarovsky. – M.: Veche, Lepta, 2010. 478 p.
12. Shkarovsky M.V. Nazi Germany and the Orthodox Church // Bereginya.777.Sova. 2017. № 2 (33). P. 101-116.
13. Yakunin V.N. The Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War // Moscow Journal. History of the Russian State. 1995. № 3. P. 114-123.
14. Yakunin V.N. The Russian Orthodox Church in the occupied territories of the USSR during the Great Patriotic War of 1941-1945: textbook / V.N. Yakunin. – Samara: Samara University, 2001. 242 p.
15. Yakovleva E.E. Transforming the resource trap: why wealth doesn't always bring prosperity // Almanac "Crimea". 2025. № 50. P. 111-117.
16. Tekeev S.O. The development of industrial mining of lead and silver ores in the upper reaches of the Kuban in the second half of the 19th century // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 83-88.
17. Yushin I.V. HR management in a modern business organization // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 29-39.

Рябова Е.Л.

Доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Убунту в глобальной политике: этика взаимозависимости для новой эпохи международных отношений*

Аннотация. В условиях нарастающей мировой турбулентности и кризиса либерального миропорядка возникает необходимость поиска новых этических оснований международного диалога. В статье рассматривается влияние морали на международные отношения через концепцию финско-канадского политолога Калеви Холсти, а также предлагается философия Убунту, родившаяся в Южной Африке, как органичная ценностная система, способная стать мостом между цивилизациями. Убунту акцентирует взаимозависимость, эмпатию, гармонию и гостеприимство, предлагая этические модели для глобального сотрудничества и миротворчества. Статья анализирует потенциал Убунту и других культурно-национальных этических моделей в формировании полицентричной этики международных отношений в XXI веке.

Ключевые слова: Убунту, международные отношения, миропорядок, этические модели, полицентричная этика, взаимозависимость, глобальное сотрудничество.

Ryabova E.L.

Doctor of Political Sciences, Editor-in-Chief of the journal "Ethnosociety and Interethnic Culture".

* © Рябова Е.Л., Терновая Л.О., 2025.

Ternovaya L.O.
Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Ubuntu in global politics: an ethics of interdependence for a new era of international relations

Abstract. In the context of increasing global turbulence and the crisis of the liberal world order, there is a need to find new ethical foundations for international dialogue. This article examines the influence of morality on international relations through the concepts of Finnish-Canadian political scientist Kalevi Holsti and proposes the philosophy of Ubuntu, which originated in South Africa, as an organic value system capable of serving as a bridge between civilizations. Ubuntu emphasizes interdependence, empathy, harmony, and hospitality, offering ethical models for global cooperation and peacebuilding. The article analyzes the potential of Ubuntu and other cultural-national ethical models in shaping a polycentric ethics of international relations in the 21st century.

Key words: Ubuntu, international relations, world order, ethical models, polycentric ethics, interdependence, global cooperation.

В условиях нарастающей мировой турбулентности, геополитической конфронтации и кризиса либерального миропорядка императивом становится поиск новых этических оснований для международного диалога. Доминировавшие ранее западные модели, зиждущиеся на индивидуализме жестком юридическом контракте и сдерживании, демонстрируют свои пределы[1]. Проблема влияния морали на международные отношения является

1 *Кюнг Г.* Мировая политика и мировая этика // Культура мира и демократия. Ч. 1: Культура мира / Майор Ф., Адамс Д., Симонидес Я. и др. М.: Институт всеобщей истории (ИВИ) РАН, 1997. С. 123-125; *Терновая Л.О.* К вопросу о роли этических ценностей в международных отношениях // Проблемы реформирования России и современный мир. Выпуск 6. М.: РАГС, 1997. С. 67-83; *Терновая Л.О.* Человек между правом и моралью // Права человека в современном мире. Тезисы международного теоретического семинара, посвященного 50-летию принятия Всеобщей декларации прав человека 10 декабря 1948 г. М.: РАГС, 1999. С. 12-17; *Терновая Л.О.* Этические аспекты региональной конкурентоспособности / Научно-практический семинар Глобализация и региональная конкурентоспособность: теория и политика» // Россия. Духовная ситуация времени. Научно - теоретический гуманитарный журнал. 1999. № 3-4. С. 226-230; *Терновая Л.О.* Этические ценности в политике и деловых коммуникациях // Форум политических и деловых коммуникаций. Альманах. Выпуск 3. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2014. С. 4-10; *Цвык А.В.* Нравственные основы международных отношений // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2014. № 2. С. 176-183; *Цвык А.В.* Этика политической ответственности в международных отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 257-264; *Mapel D., Nardin T.* Traditions of international ethics. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1992.

одной из наиболее сложных, поскольку государства часто сталкиваются с дилеммой: защищать, прежде всего, свои национальные интересы или действовать ради блага более широкого международного сообщества. Нормы морали, имеющие общечеловеческий характер, должны соответствовать своему объекту регулирования — межгосударственным отношениям, которые существенно отличаются от взаимоотношений между отдельными людьми.

Финско-канадский политолог Калеви Яакко Холсти (р. 1935), который, что примечательно, родился в Женеве, где его отец был послом Финляндии в Лиге Наций, разработал концепцию влияния морали на международные отношения через три различных уровня. Это: уровень провозглашаемых целей, уровень методов действий и уровень конкретных решений[2]. На уровне целей речь идет о таких глобальных и абстрактных целях, как мир и справедливость, декларируемые государствами. На уровне методов акцентируются принципы поведения, которых правительства обязуются придерживаться для достижения целей ненасилия. Наиболее значимый уровень с точки зрения этики — уровень конкретных решений — предполагает уже не декларации, а практические шаги, предпринимаемые «здесь и сейчас» для достижения целей в конкретной ситуации. Концепция Холсти помогает структурировать анализ этого влияния, показывая, что моральные принципы работают не только в абстрактных декларациях, но проявляются в выборе методов и конкретных действий на международной арене.

В этом контексте особенно ценен взгляд на глобальные новые идеи и взаимодействия через призму концепций, отражающих не миропонимание Запада, а глобальных Востока и Юга. Одним из подобных базисов может служить философия Убунту (на языке зулу и коса — *ubuntu*), рожденная в Южной Африке и предлагающая не просто альтернативу, а органичную для большей части человечества систему ценностей, способную стать мостом между цивилизациями[3]. Суть Убунту проста и понятна: «Я существую, потому что мы существуем». Главная идея Убунту лаконично выражена в максиме: «Umuntu ngumuntu ngabantu» — «Человек является человеком через других людей», которая представляет не красивую метафору, а фундаментальный онтологический принцип[4]. Индивидуальность в Убунту во-

2 *Holsti K.J.* International politics: A framework for analysis. New York: Prentice-Hall, Inc., 1983; *Holsti K.J.* Peace and War: Armed Conflicts and International Order 1648 – 1989. New York: Cambridge University Press, 1991.

3 *Рябова Е.Л., Терновая Л.О.* «Глобальный Восток»: историческая реальность или геополитический вымысел // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 6 (192). С. 8-17; *Рябовая Е.Л., Терновая Л.О.* Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 4. (№ 39). С. 120-128; *Терновая Л.О.* История Российского государства-цивилизации: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2025.

4 *Lutz D.* African Ubuntu Philosophy and Global Management // Journal of Business Ethics. 2009. February. № 84. P. 313-328.

все не отрицается, но понимается как производное от сообщества, когда благополучие одного человека неразрывно связано с благополучием всех.

Следует выделить основополагающие ценности этой философии:

– взаимозависимость, состоящая в признании того, что все люди, сообщества и государства связаны в единую сеть;

– эмпатия и сострадание, проявляющиеся в способности чувствовать боль Другого и реагировать на нее;

– взаимность и гармония, выражаемые в стремлении к сотрудничеству, а не к доминированию, к разрешению конфликтов через диалог и восстановление отношений, а не через наказание соперника;

– гостеприимство и щедрость, означающие открытость к Другому, восприятие его как части расширенного сообщества.

В 1980 г. Стэнлейк Самкандже, историк, журналист и писатель из Зимбабве, попытался систематизировать принципы Убунту. Он выделил три основных момента:

– быть человеком означает подтвердить свою человечность, признавая человечность в других и устанавливая на этой основе уважительные человеческие отношения с другими;

– если и когда некто сталкивается с окончательным выбором между богатством и сохранением жизни другого человека, то он должен сделать выбор в пользу сохранения жизни;

– правитель обязан своим статусом, включая все связанные с ним полномочия, воле своего народа. По словам Самкандже, этот принцип «глубоко укоренился в традиционной африканской политической философии»[5].

Главное преимущество мировосприятия через призму идей Убунту состоит в его органичности для менталитета «мирового большинства», которое вбирает в себя народы государств Азии, Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока. Оно, в отличие от «золотого миллиарда», сохраняющего приверженность западному модерну, продолжает абсолютизировать автономного индивида и его права, цивилизационно ориентировано на коллектив, общинные связи и взаимные обязательства.

Эта общая этико-ментальная платформа во многом основана на древнейших цивилизационных паттернах, восходящих к пракультурам, возникшим в период первоначального выхода человека из природы, но не ставшего враждебным к ней, а сберегшего ее ценности и органично интегрировавшего их в жизнь социума, выстроив его культурный код в едином экосемантическом ритме[6].

5 *Карелин В.* Убунту: я существую, потому что мы существуем // Человек без границ [Электронный ресурс]. // URL: https://www.bez-granic.ru/main/voprosyoglavnom/ubuntu.html.

6 *Терновая Л.О.* Экосемантика геополитического пространства: монография. – М.: ИНФРА-М, 2020.

Ни одна из существовавших систем международных отношений, начиная с Вестфальской (1648), не была настроена на такой ритм. Не чувствовали его биения и присущие этим системам институты, включая Организацию Объединенных Наций (ООН), эффективность которой отмечалась лишь на ее раннем этапе, когда этот природно-цивилизационный ритм приглушался отзвуком орудий Второй мировой войны. Но уже в 1970-е гг. поствоенный импульс единения ослаб, а новый канон взаимодействия не сформировался. Хотя попытки утвердить его предпринимались. Например, штаб-квартира созданной в 1972 г. Программы ООН по окружающей среде, или ЮНЕП (англ. UNEP, United Nations Environment Programme), расположилась в столице Кении Найроби. Там же в 1996 г. появилось Отделение ООН (англ. United Nations Office at Nairobi, ЮНОН, суахили Ofisi ya Umoja wa Mataifa Nairobi). В отличие от известного небоскреба ООН в Нью-Йорке комплекс в Найроби, находящийся рядом со вторым по величине городским лесом в мире Карура (англ. Karura Forest), включает полностью энергетически и углеродно-нейтральное здание. В нем применяется переработка воды и используется естественный свет для снижения зависимости от искусственного освещения. Это «зеленое» здание оснащено солнечными батареями для выработки всей необходимой ему энергии и спроектировано так, чтобы естественный поток воздуха служит заменой кондиционированию.

Безусловно, не только разница месторасположения и технологий подталкивает чиновников ООН к переводу большего числа своих структур в Найроби. Этот город получил название по имени водоема, на масайском языке означающего «прохладные воды» (мас. enkare nyrobi), что символично указывает необходимость и в международных отношениях остудить горячие головы и придать прозрачность многим мировым процессам, к настоящему моменту оказавшимся сильно замутненными, в частности, миротворчеству.

Применение принципов Убунту к международным отношениям могло бы означать:

во-первых, сдвиг от конкуренции к кооперации в решении глобальных проблем: такие вызовы, как изменение климата, пандемии или миграционные кризисы, по своей природе нуждаются в переосмыслении, способном строится на подходе «убунту», когда никто не в безопасности, пока все не в безопасности; на его основе вместо игры с нулевой суммой предлагается логика общего блага;

во-вторых, трансформацию дипломатии, в которой акцент сместился бы с ультиматумов и санкций на глубокий диалог, слушание и поиск консенсуса, уважающего интересы всех сторон, а не только самых сильных;

в-третьих, справедливую глобализацию, где экономические отношения основаны не столько на принципах максимальной прибыли, сколько на

ответственности партнеров за благополучие, соотносимое с концепцией устойчивого развития;

в-четвертых, ненасильственный опыт постконфликтного восстановления, подобно тому, что было продемонстрировано ЮАР, в которой принципы Убунту легли в основу действий Комиссии по установлению истины и примирению (КИП; The Truth and Reconciliation Commission, TRC); они схожи с философией подобных структур: Национальной комиссии правды и примирения (Чили); Комиссии по установлению истины, принятию беженцев и примирению (Восточный Тимор); Индонезийско-Тиморской комиссии по установлению истины и дружбе (Индонезия и Тимор); Комиссии по установлению истины и примирению (Тунис).

Отсутствие утопичности подобных проектов объясняется тем, что помимо Убунту в мире существуют другие локальные этические модели с универсальным потенциалом, чья ценность выходит далеко за национальные рамки. Показательно, что через зыбкую призму мировой турбулентности оказывается легче разглядеть и переосмыслить такие более спокойные и стабильные подходы к социальному взаимодействию[7]. Так, скандинавская (Швеция/Норвегия) модель «лагом» (*lagom*), означающая «не слишком много, не слишком мало — в самый раз», пропагандирует умеренность, баланс, устойчивость и справедливость. В международном контексте ее можно было бы применить как этическое обоснование для борьбы с гиперпотреблением, сокращением неравенства, для построения более сбалансированной, экологичной мировой экономики. Составное японское слово, объединяющее иероглифы «сотрудничество» (*kyō*) и «любовь/сострадание» (*ai*), обозначает идею «Киай», описывающую гармоничные отношения, основанные на взаимном уважении и стремлении к общей цели. Для международных отношений «Киай» может быть моделью партнерства, выходящего за рамки простой выгоды и строящегося на глубокой взаимной выгоде и уважении суверенитета. Санскритская максима, означающая «Весь мир — одна семья» лежит в основе индийской философии «Васудхайва кутумбакам» (Vasudhaiva Kutumbakam). Это — строка из Упанишад, имеющая следующий пословный перевод с санскрита: мир (vasudhā) на самом деле/ведь (eva) [есть] семья (kuṭumbaka). Данная мысль подчеркивает фундаментальное единство человечества вне национальных границ, рас и религий. В эпоху глобальных вызовов такой принцип служит мощным напоминанием об общей судьбе и коллективной ответственности людей планеты. И, наконец, китайская концепция «Сообщества единой судьбы человечества», хотя в современном виде имеет политическое измерение, глубоко укоренена в классической китайской мысли, в частности, в конфу-

7 *Терновая Л.О.* Антропология счастья: общие ценности и разные проявления // Миссия конфессий. 2025. Том 14. Часть 4. (№ 85). С. 166-173.

цианской идее «Поднебесной», где гармония достигается через моральное лидерство и заботу о всеобщем благе. Эта идея предлагает видение мира, основанного на инклюзивности, взаимовыгодном сотрудничестве и отказе от блокового мышления[8].

Глобальная мозаика складывается на фундаменте полицентричной этики многополярного мира. Безусловно, ни одна из перечисленных моделей не является панацеей и не должна механически замещать существующие институты. Однако ценность этих концепций заключается в том, что они предлагают альтернативную эпистемологию, являющуюся иным способом познания и построения мира. Вместо того чтобы навязывать одну универсальную модель, будущее международных отношений может выстраиваться на основе полицентричной этики», где разные цивилизационные модели вступают в равноправный диалог. Именно органичность этих принципов для культур «мирового большинства» делает их столь востребованными. Они говорят на языке общины, гармонии и долга, который понятен миллиардам людей. Интеграция этой мудрости в глобальную практику становится не уступкой, а необходимым условием для построения более устойчивого, справедливого и, что самое главное, человечного миропорядка в XXI столетии.

Почему это становится возможным? Конечно, главное условие заключается не в наличии концептуальной базы, а в том, что и Убунту, и созвучные ей модели отразили переход к новой темпоральности[9]. В какой-то мере она впитала представления известной типологии Клода Леви-Стросса, разделяющей общества на «горячие» (фр. Sociétés chaudes) и «холодные» (фр. Sociétés froides). Эта типология у него зеркальна разделению двух типов мышления: одомашненного и дикого/дикарского (фр. la pensée sauvage)[10]. Леви-Стросс, говоря о «холодных» и «горячих» обществах, имел в виду не температуру, а их отношение к истории и социальным изменениям.

«Холодные общества» желают сохранить неизменным свой способ существования и мировоззрение, для чего они используют мифы, ритуалы и сложные социальные структуры, например, системы родства, чтобы «нейтрализовать» историю. Они представляют время как цикличное, где все события уже были в мифическом прошлом. Такой социум напоминает ме-

8 *Го Цзюнье.* Современные подходы к построению нового мирового порядка // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 7. (№ 42). С. 139-147; *Чэнь Юнь.* Китайская дипломатия стратегического партнерства в эпоху глобализации // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 7. (№ 42). С. 167-173.

9 *Вознесенский И.С.* Темпоральная компонента организационной культуры // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 1 (139). С. 20-28; *Вознесенский И.С.* Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Часть 3 (№ 60). С. 90-97.

10 *Леви-Строс К.* Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. – М.: Республика, 1994.

ханизм, стремящийся к поддержанию постоянной температуры, гасящий внутренние и внешние возмущения.

«Горячие общества» нацелены на изменение и развитие, в том числе за счет того, что превращают историю в двигатель своего прогресса. Они поощряют внутреннее неравенство, конфликты и накопление изменений. Это общество подобно паровому двигателю, работающему на энергии социальных противоречий.

На основании такого критерия, как время, некоторые общества смогли интернализировать свою историчность, став «горячими», а те, что достаточно успешно игнорируют историчность и экстернализируют ее как чуждую представляются «холодными»[11]. Однако, Как считает антрополог Альфред Гелл, несмотря на различия одомашненного мышления — исторического и историзирующего, и дикого — «безвременного», они имеют общие характеристики, в частности, способность генерализировать, классифицировать и анализировать явления окружающего мира, собственного социума и себя.

Геополитический Запад как «горячее общество» выступает как почти идеальное воплощение концепции Леви-Стросса. Запад отличает культ истории и прогресса. Западная цивилизация, особенно начиная с эпохи Просвещения, построена на идее линейного прогресса, в котором будущее должно быть лучше прошлого. Двигатели его изменений: капитализм, научно-техническая революция, политические идеологии (либерализм, социализм). Все эти явления порождают такие внутренние противоречия, как классовую борьбу или конкуренцию, толкающие общество вперед. Здесь торжествует накопительный принцип, когда все накапливается и приумножается, будь то знания, технологии, капитал. А прошлое чаще всего рассматривается как «отсталое», от чего нужно отталкиваться и отказываться. Классический пример «перегрева» общества за счет технологий произошел во время Промышленной революции. США могут рассматриваться как эталон «горячего общества» уже только на одном примере «плавильного котла» (англ. melting pot), но там имеется множество и других проявлений «горячего» состояния.

Геополитический Восток в традиционном, условном понимании видится как «холодное общество», которому была характерна установка на стабильность и воспроизводство. Социальные модели там были направлены на поддержание гармонии и порядка, а время в основном воспринималось как циклическое, что воплотилось в почитании календарных и династических циклов. Целью власти и идейных лидеров было не изменить общество, а воспроизвести устоявшиеся модели поведения, ритуалы и иерархии. В этом ключе изменения воспринимались не как возможность, а как

11 *Gell A.* The Anthropology of Time: Cultural Constructions of Temporal Maps and Images. Oxford — Providence: Berg; 1992. P. 23.

угроза. Для этого применялись разные механизмы «охлаждения», прежде всего, религиозные — конфуцианство, даосизм, индуизм.

Вслед за Геллом подчеркнем отсутствие в этой модели абсолютной бинарности. Стоит задуматься о сравнении общества с природой, где мы наблюдаем циклы похолодания и потепления. Ни одно из этих состояний, как бы долго оно ни длилось, не обладает непрерывностью и вечностью. Те общества, которые долгий период проявляли себя, как «горячие» начали остывать. А «холодные» общества, транслируя вовне это качество, внутри сохраняли тепло. В результате современный Восток стал «горячим», мастерски переняв западный двигатель прогресса, но на культурном уровне сумев сберечь «охлаждающие» механизмы через значение семьи, коллективизм, уважение к традициям. Оказалось, что Запад тоже может быть «холодным», например, благодаря «остужающим» эффектам системы сдержек и противовесов.

Поскольку в современном глобализированном мире эти две логики смешались, создавая сложные гибридные формы, то возникла необходимость их дополнить другими, но также бинарными понятиями. Для этого обратимся в работе Элвина Тоффлера «Метаморфозы власти»: «С конца Второй мировой войны мир был разбит на капиталистический и коммунистический, Север и Юг. В настоящее время, поскольку значение этого старого разделения ослабевает, возникает новое. Ибо отныне мир будет разделен на быстрых и медленных. Быть быстрым или медленным — это не просто метафора. Целые экономические системы принадлежат или к быстрым, или к медленным»[12]. В данном случае критерий темпоральности не прячется за сопутствующими характеристиками. Да и это невозможно сделать, ибо те общества, что ранее относились к «холодным» демонстрируют чудеса овладения скоростью.

Поэтому провозглашенное после окончания холодной войны время перемен реально наступило. При этом есть тот урок, который передают миру бывшие «холодные общества». Он состоит в том, что нельзя бесконечно «разогреваться», не имея возможности «замораживать» болевые точки. Одним глобальных институтов, обладающим таким мандатом, стала ООН. Выступая на мероприятии в рамках ее Генассамблеи в Нью-Йорке в сентябре 2025 г., министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил, что отказ от соблюдения принципов, заложенных 80 лет назад при создании ООН, ведет к росту глобальной нестабильности и множит региональные конфликты. По его словам, наглядные примеры этого — спровоцированный коллективным Западом кризис на Украине и эскалация на Ближнем

12 *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века / Пер. с англ.: В.В. Белокосков и др.; Науч. ред., авт. предисл. П.С. Гуревич]. – М.: АСТ, 2003 [Электронный ресурс]. // URL: https://gtmarket.ru/library/basis/4857.

Востоке, вылившаяся в беспрецедентную гуманитарную катастрофу в секторе Газа. Подводя итог своего выступления, Лавров, совсем не случайно затронул философию Убунту о взаимосвязанности между народами, необходимости проявлять лояльность и человечность в отношениях между людьми, выразив надежду, что именно в этом русле будут решаться многочисленные проблемы современности[13].

Библиографический список:

1. Байкова Т. Кризисные проявления: Лавров на языке зулу предложил концепцию развития мира. О чем еще говорил глава МИД России на площадке Генассамблеи ООН // Известия. 2025. 26 сентября.
2. Вознесенский И.С. Темпоральная компонента организационной культуры // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 1(139). С. 20-28.
3. Вознесенский И.С. Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Часть 3 (№ 60). С. 90-97.
4. Го Цзюнье. Современные подходы к построению нового мирового порядка // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 7. (№ 42). С. 139-147.
5. Карелин В. Убунту: я существую, потому что мы существуем // Человек без границ // URL: https://www.bez-granic.ru/main/voprosyoglavnom/ubuntu.html.
6. Кюнг Г. Мировая политика и мировая этика // Культура мира и демократия. Ч. 1: Культура мира / Майор Ф., Адамс Д., Симонидес Я. и др. – М.: Институт всеобщей истории (ИВИ) РАН, 1997. С. 123-125.
7. Леви-Строс К. Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. – М.: Республика, 1994. 384 с.
8. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «Глобальный Восток»: историческая реальность или геополитический вымысел // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 6 (192). С. 8-17.
9. Рябовая Е.Л., Терновая Л.О. Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 4. (№ 39). С. 120-128.
10. Терновая Л.О. Антропология счастья: общие ценности и разные проявления // Миссия конфессий. 2025. Том 14. Часть 4. (№ 85). С. 166-173.
11. Терновая Л.О. История Российского государства-цивилизации: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2025. 297 с.
12. Терновая Л.О. К вопросу о роли этических ценностей в международных отношениях // Проблемы реформирования России и современный мир. Выпуск 6. – М.: РАГС, 1997. С. 67-83.
13. Терновая Л.О. Человек между правом и моралью // Права человека в современном мире. Тезисы международного теоретического семинара, посвященного 50-летию принятия Всеобщей декларации прав человека 10 декабря 1948 г. – М.: РАГС, 1999. С. 12-17.
14. Терновая Л.О. Экосемантика геополитического пространства: монография. – М.: ИНФРА-М, 2020. 312 с.
15. Терновая Л.О. Этические аспекты региональной конкурентоспособности / Научно-практический семинар Глобализация и региональная конкурентоспособность: теория и политика» // Россия. Духовная ситуация времени. Научно - теоретический гуманитарный журнал. 1999. № 3 - 4. С. 226-230.
16. Терновая Л.О. Этические ценности в политике и деловых коммуникациях // Форум политических и деловых коммуникаций. Альманах. Выпуск 3. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2014. С. 4-10.
17. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века / Пер. с англ.: В.В. Белокосков и др.; Науч. ред., авт. предисл. П.С. Гуревич]. – М.: АСТ, 2003. 669 с. // URL: https://gtmarket.ru/library/basis/4857.
18. Цвык А.В. Нравственные основы международных отношений // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2014. № 2. С. 176-183.
19. Цвык А.В. Этика политической ответственности в международных отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 257-264.
20. Чэнь Юнь. Китайская дипломатия стратегического партнерства в эпоху глобализации // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 7. (№ 42). С. 167-173.
21. Holsti K.J. International politics: A framework for analysis. – New York: Prentice-Hall, Inc., 1983. 478 p.
22. Holsti K.J. Peace and War: Armed Conflicts and International Order 1648-1989. New York: Cambridge University Press, 1991. 400 p.

13 *Байкова Т.* Кризисные проявления: Лавров на языке зулу предложил концепцию развития мира. О чем еще говорил глава МИД России на площадке Генассамблеи ООН // Известия. 2025. 26 сентября.

23. Gell A. The Anthropology of Time: Cultural Constructions of Temporal Maps and Images. Oxford – Providence: Berg; 1992. 341 p.
24. Lutz D. African Ubuntu Philosophy and Global Management // Journal of Business Ethics. 2009. February. № 84. P. 313-328.
25. Mapel D., Nardin T. Traditions of international ethics. Cambridge, – New York: Cambridge University Press, 1992. 326 p.

Reference

1. Baykova T. "Crisis Manifestations: Lavrov Proposed a Concept for Global Development in Zulu. What Else Did the Russian Foreign Minister Discuss at the UN General Assembly?" Izvestia, September 26, 2025.
2. Voznesensky I.S. "The Temporal Component of Organizational Culture." Ethnosociety and Interethnic Culture, 2020, № 1 (139), P. 20-28.
3. Voznesensky I.S. "Temporal Intelligence: From the Secret of Mastering Time to Effective Management." Mission of Confessions, 2022, Vol. 11, Part 3 (№ 60), P. 90-97.
4. Guo Junye. "Modern Approaches to Building a New World Order." Culture of Peace, 2024, Vol. 12, Issue 7 (№ 42), P. 139-147.
5. Karelin V. Ubuntu: I exist because we exist // Man without borders // URL: https://www.bez-granic.ru/main/voprosyoglavnom/ubuntu.html.
6. Küng G. World Politics and World Ethics // Culture of Peace and Democracy. Part 1: Culture of Peace / Mayor F., Adams D., Simonides Ya. et al. - Moscow: Institute of General History (IWH) of the Russian Academy of Sciences, 1997. P. 123-125.
7. Levi-Strauss K. Primitive Thinking / Trans., introduction and notes by A.B. Ostrovsky. – Moscow: Respublika, 1994. 384 p.
8. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. "The Global East": Historical Reality or Geopolitical Fiction // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 6 (192). P. 8-17.
9. Ryabovaya E.L., Ternovaya L.O. Traditional Values of the Peoples of Greater Eurasia and the Modern World // Culture of Peace. 2024. Volume 12. Issue 4. (№ 39). P. 120-128.
10. Ternovaya L.O. Anthropology of Happiness: Common Values and Different Manifestations // Mission of Confessions. 2025. Volume 14. Part 4. (№ 85). P. 166-173.
11. Ternovaya L.O. History of the Russian State-Civilization: Textbook. – Moscow: INFRA-M, 2025. 297 p.
12. Ternovaya L.O. On the Role of Ethical Values in International Relations // Problems of Reforming Russia and the Modern World. Issue 6. – Moscow: RAGS, 1997. P. 67-83.
13. Ternovaya L.O. Man between Law and Morality // Human Rights in the Modern World. Theses of the International Theoretical Seminar dedicated to the 50th Anniversary of the Adoption of the Universal Declaration of Human Rights on December 10, 1948. – Moscow: RAGS, 1999. P. 12-17.
14. Ternovaya L.O. Ecosemantics of Geopolitical Space: Monograph. Moscow: INFRA-M, 2020. 312 p.
15. Ternovaya L.O. Ethical Aspects of Regional Competitiveness / Scientific and Practical Seminar "Globalization and Regional Competitiveness: Theory and Policy" // Russia. The Spiritual Situation of the Time. Scientific and Theoretical Humanitarian Journal. 1999. № 3-4. P. 226-230.
16. Ternovaya L.O. Ethical Values in Politics and Business Communications // Forum of Political and Business Communications. Almanac. Issue 3. – Moscow: International Publishing Center "Ethnosocium", 2014. P. 4-10.
17. Toffler E. Metamorphoses of Power. Knowledge, Wealth, and Power on the Threshold of the 21st Century / Transl. from English: V.V. Belokoskov et al.; Scientific ed., author of the foreword P.S. Gurevich]. – Moscow: AST, 2003. 669 p. // URL: https://gtmarket.ru/library/basis/4857.
18. Tsvyk A.V. Moral Foundations of International Relations // Bulletin of RUDN University. Series: Philosophy. 2014. № 2. P. 176-183.
19. Tsvyk A.V. Ethics of Political Responsibility in International Relations // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2017. Vol. 17. № 2. P. 257-264.
20. Chen Yun. Chinese Diplomacy of Strategic Partnership in the Era of Globalization // Culture of Peace. 2024. Vol. 12. Issue 7. (№ 42). P. 167-173.
21. Holsti K.J. International politics: A framework for analysis. – New York: Prentice-Hall, Inc., 1983. 478 p.
22. Holsti K.J. Peace and War: Armed Conflicts and International Order 1648-1989. New York: Cambridge University Press, 1991. 400 p.
23. Gell A. The Anthropology of Time: Cultural Constructions of Temporal Maps and Images. Oxford – Providence: Berg; 1992. 341 p.
24. Lutz D. African Ubuntu Philosophy and Global Management // Journal of Business Ethics. 2009. February. № 84. P. 313-328.
25. Mapel D., Nardin T. Traditions of international ethics. Cambridge, – New York: Cambridge University Press, 1992. 326 p.

Ярцев С.В.

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого. Ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории исторической антропологии «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Мартыненко А.Ю.

Кандидат исторических наук, начальник управления молодёжной политики, старший преподаватель экономического Факультета, Белгородский государственный аграрный университет имени Горина.

Политическая история южных фракийцев в зарубежной и отечественной историографии*

Аннотация. Как показывает беглый анализ литературы, история южных фракийцев слабо представлена в отечественной историографии. Между тем, в зарубежной науке изучение фракийской истории насчитывает уже не одно столетие. Практически ежегодно выходят не только специальные и обобщающие труды по различным вопросам фракийской истории, но также исследования по историографии. На русском языке таких работ не выходило, что попытались исправить авторы этой статьи. При этом, именно в России вышли одни из первых трудов на эту тему. Советская наука внесла важный вклад в развитие фракологии. В последние годы в России вновь наблюдается возрождение интереса к этой области исторического знания.

Ключевые слова: историография, фракология, южные фракийцы, политическая история, Одрисское царство, Фракия.

Yartsev S.V.

Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor, Professor of the Chair of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; leading researcher research laboratory Historical anthropology «Belgorod National Research University».

Martynenko A.Y.

Candidate of Historical Sciences, Head of the Youth Policy Department, Senior Lecturer at the Economics Faculty of the Belgorod State Agricultural Univerisity named after V. Gorin.

* © Ярцев С.В., Мартыненко А.Ю., 2025.

The political history of the southern Thracians in foreign and domestic historiography

Abstract. A cursory analysis of the literature shows that the history of the southern Thracians is poorly represented in Russian historiography. Meanwhile, the study of Thracian history in foreign science has been going on for more than a century. Almost every year, not only special and generalizing works on various issues of Thracian history are published, but also research on historiography. There were no such works in Russian, which the authors of this article tried to correct. At the same time, it was in Russia that some of the first works on this topic were published. Soviet science made an important contribution to the development of thracology. In recent years, there has been a renewed interest in this area of historical knowledge in Russia.

Key words: historiography, Thracology, southern Thracians, political history, Odrysian kingdom, Thrace.

В последнее время авторы данной статьи по разным причинам столкнулись с необходимостью ближе познакомиться с историей Древней Фракии. Это в свою очередь, потребовало определенных усилий, поскольку тема в отечественной историографии оказалась чрезвычайно мало исследована. В частности, отсутствуют историографические обзоры. Данная работа должна в определенной степени исправить этот недостаток, но следует сразу отметить, что она не претендует на полноту исследования, поскольку, как оказалось, фракийская история активно изучается в разных странах на протяжении многих десятилетий. Соответственно, мы были вынуждены сосредоточиться лишь на основных обобщающих работах. Также, следует учитывать, что активно изучаются различные аспекты истории и культуры фракийцев, поэтому наш краткий очерк будет сосредоточен только на политической истории южных фракийцев.

Обратившись к этой теме, мы обнаружили, что среди самих специалистов по фракийской истории мнения о том, откуда вести точку отсчета ее изучения. Долгое время пионером в этой области считался венский профессор чешского происхождения В. Томашек [54]. Это была фундаментальная для своего времени работа, в которой исследователь попытался рассмотреть все известные данные о истории и культуре фракийцев, уделяя внимание в том числе географии расселения их племен. При этом, В. Томашек не учитывал изменения, неизбежные на протяжении многовековой истории фракийского народа. Например, он объединял на одной карте сведения таких удаленных друг от друга авторов, как Гомер и Клавдий Птолемей.

Следует отметить, что еще до выхода трактата Томашека, в Германии

была опубликована небольшая работа, посвященная истории Одрисского царства [51]. Ее автором был А. Хёк, который отметил, что сам он взялся за эту работу под влиянием Г. Дройзена, уделившего фракийцам внимание на страницах своей трехтомной «Истории эллинизма» [10; 11; 12]. Несмотря на небольшой объем, этот труд по-прежнему остается классической работой, остающейся актуальной, в отличие от устаревшей по многим аспектам книги Томашека.

Основатель фракологии, как особой отрасли исторической науки, А. Фол обратил внимание на то, что задолго до упомянутых выше исследований, в 1752 г. во Франции была опубликована книга Ф. Кари, посвященная фракийским и боспорским царям [49]. Особенностью этого исследования было то, что она была написана нумизматом, однако автор широко использовал античные письменные источники, подходя к ним с большой ответственностью, сверяя различные списки имевшихся изданий, чем часто пренебрегали последующие исследователи.

На сегодняшний день наблюдается тенденции к удревнению начала изучения фракийской истории в Европе. Болгарские историки относительно недавно опубликовали историографические исследования, из которых следует, что первые труды, посвященные фракийской истории появляются еще в XVI в., когда Р. Рейнекий посвятил фракийцам специальный раздел в своей «Historia Ivlia, Siue Syntagma Heroicvm» [15, с. 142-143]. Более того, как выяснилось, археологическое изучение античного наследия также было напрямую связано с фракийцами. Первые случайные раскопки и археологические исследования во Фракии относятся уже к концу XVI-XVII вв., задолго до того, как изучение античности стало академической дисциплиной. Самое раннее свидетельство было получено Р. Любенау, немецким фармацевтом и путешественником, который описал свои путешествия с 1573 по 1589 год в рукописи, законченной в 1628 году, но опубликованной только в 1914-1915 годах. Там можно найти краткое упоминание о раскопках фракийского кургана, расположенного недалеко от Филиппополя, проведенных при участии французского посла Жака де Жерминьи в 1584 году [47, p. 4-5].

Новый этап в изучении фракийской истории был связан в первую очередь с формированием национальных государств, претендующих на фракийское наследие – Болгарии, Румынии, в меньшей степени – Греции и Югославии. В связи с проблемами, сопровождающими этот процесс, изучение фракийской истории неизбежно было использовано в том числе в национальной политике, не избежав тесной связи с формирующимся национализмом. Сильнее всего это было выражено в Румынии. На Балканах также отмечены подобные тенденции, но они не получили такого развития [53, p. 75].

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что главным центром изучения фракийской истории становится в XX веке Болгария. Основоположником профессионального комплексного изучения фракийской истории был болгарский историк Г. Кацаров. Получив образование в Германии, Кацаров был специалистом в области античной истории, филологии, эпиграфики, археологии и этнографии. Это позволило ему охватить в своих исследованиях самые разные аспекты фракийского прошлого [17; 52]. Особенностью подхода Г. Кацарова было то, что он считал высшим развитием фракийской государственности Македонскую державу Филиппа II, считая фракийские племена на территории собственно Фракии (главным образом соответствующей совр. Болгарии, Юго-Восточной Румынии, Европейской Турции и прилегающим районам Греции, Северной Македонии и Сербии) носителями более примитивной и «первобытной» культуры, испытавшей сильное влияние греков, скифов и сарматов.

Проявляли интерес к северо-балканским племенам интерес и западноевропейские исследователи. Практически одновременно с Кацаровым, работал английский археолог С. Кэссон, монография которого, в значительной степени посвященная фракийцам, была опубликована в 1925 г. [50].

Для межвоенного периода было характерно развитие археологии и исследование фракийской культуры и искусства. Этот период был связан с деятельность в первую очередь Богдана Филова. Также стажировавшийся в Германии, Б. Филов является основоположником профессиональной археологии в Болгарии. В работах этого времени подчеркивалось фракийское присутствие и наследие на территории Болгарии. Стратегическая цель состояла в том, чтобы оспорить греческое происхождение местного греческого населения черноморского побережья и такого крупного города как Пловдив через тезис о том, что на самом деле это потомки эллинизированных фракийцев и славян – болгар [53, p. 84-85].

После войны болгарская коммунистическая партия запретила деятельность большей части ученых межвоенного периода. Б. Филов был казнен в феврале 1945 г., как премьер-министр военного времени, ответственный за союз с нацистской Германией. Исключение было сделано для Г. Кацарова, ушедшего в отставку еще в 1943 г. В 1950 г. он был удостоен высокой награды за научную деятельность (премии Димитрова). Г. Кацаров в немалой степени способствовал тому, что в Болгарии не были утрачены традиции изучения фракийской истории.

В 1950-х гг. болгарскими учеными были сделаны значительные успехи, в том числе в области фракийской лингвистики и археологии, не без поддержки советских коллег. Накануне и в течение первых пяти лет правления коммунистов в Болгарии (1944-1949), были сделаны чрезвычайно важные открытия: Казанлыкская гробница с ее знаменитыми фресками, город

Севтополь, и сокровище из Панагюриште, ставшие символом фракийской культуры. В послевоенный период появляется целый ряд работ, посвященных развитию фракийской государственности. Среди важнейших исследований в этой области следует выделить на наш взгляд труды Х. Данова, посвященные формированию фракийского государства и его культуре [8]. Эта фундаментальная работа, переведенная на несколько языков, на наш взгляд, стала своеобразным итогом всего предшествующего периода изучения фракийской истории.

В тоже время фракийская история привлекает внимание советских исследователей. Следует отметить, что в отечественной историографии Фракия занимает относительно скромное место. Тем не менее, уже в XIX в. фракийцам уделяли внимание такие авторы как А.Д. Чертков [46] и Е.И. Классен [18]. Причем, как мы видим, эти работы появились задолго до трудов их австро-венгерских и немецких коллег. Расцвет фракологических исследований в отечественной историографии относится ко второй половине XX в. Это, разумеется, было напрямую связано с научным и политическим сотрудничеством между СССР и Болгарией в послевоенный период. В 1950-е гг. в серии «Древнее Причерноморье» выходит сразу несколько монографий, затрагивающих вопросы фракийской истории. Т.Д. Златковская посвятила монографию становлению и истории римской провинции Мезия [14], а И.Т. Кругликова – провинции Дакии [24]. Многие аспекты более ранней истории фракийцев классического и эллинистического времени затрагивала Т.В. Блаватская в своей монографии, посвященной полисам Западного Причерноморья [6]. В куда меньшей степени фракийская история затрагивалась также в монографии В.П. Невской о Византии в доримский период [34].

Особый интерес для советских (главным образом молдавских и украинских) исследователей привлекали вопросы археологии северных фракийцев, связи скифов и фракийцев [31; 32; 35; 36]. В этот период складывались научные школы Молдовы и Украины, продолжающих эти исследования уже в период их независимости. Однако, все же советских исследователей привлекали в большей степени проблемы фракийской археологии, либо проблемы истории римских провинций, населенных фракийскими племенами. Исключение составляет фундаментальная монография Т.Д. Златковской о возникновении государственности у южных фракийцев – единственная подобная работа, появившаяся в СССР, хотя отдельные вопросы политической истории Фракии затрагивались в великолепных статьях ряда советских историков, не занимавшихся этой темой специально [16; 33]. Монография Т.Д. Златковской занимает особое место в историографии, посвященной фракийцам. Этот труд, специально посвященный политогенезу южных фракийцев остается одной из основных работ, во многом под-

водящей итоги в том числе и зарубежной историографии. Значительное место в этой работе было отведено именно Одрисскому царству и отдельным проблемам его истории и политических институтов.

Практически одновременно с монографией Т.Д. Златковской вышла в печать работа историка и классического филолога А. Фола, который подошел к той же проблеме с другой стороны [42]. В последующие годы он написал еще несколько работ, остающихся классическими для историков, занимающихся проблемой возникновения государства у фракийцев [44; 45]. Фактически монографии Златковской и Фола открывают новый этап в изучении фракийской истории, которая вышла на новый уровень. В 1972 г. был создан Институт фракологии при Болгарской Академии наук, состоялся I международный конгресс фракологов в Софии. Первым директором института стал Александр Фол, который занимал эту должность в течение двадцати лет [53, p. 84-85]. Для школы Фола характерно стремление не только удревнять, но и представить фракийскую историю, как историю цивилизации, не уступающей соседним, в том числе древнегреческой. Стараниями А. Фола в Болгарии получила распространение концепции «Орфической Фракии» - периоду фракийской истории, соответствующему крито-микенской эпохе в истории Древней Греции. Наиболее полное выражение концепция «фракийского орфизма» нашла в одной из его поздних работ [43]. Под его руководством в Болгарии сложилась мощная научная школа. представленная В. Фол, К. Порожановым, Д. Поповым, К. Йордановым. Близких взглядов по многим вопросам, связанным с фракийской государственностью, историей и культурой придерживались такие крупные ученые как историк М. Тачева [40; 41].

Распад социалистической системы оказал влияние в том числе на фракологическую среду. Сегодня взгляды А. Фола активно критикуются. Высказываются сомнения в оправданности самого факта выделения фракологии как особой области исторического наука. Вновь получают большее распространение взгляды, восходящие к трудам Г. Кацарова и Х. Данова [8; 9]. Последний подчеркивал эфемерность фракийских политических объединений. Именно его взгляды, как нам представляется, сегодня получили большее распространение как в западной историографии, так и в болгарской. К этому кругу ученых можно отнести также российских историков С.Ю. Сапрыкина и С.М. Крыкина. По мнению крупного историка, специалиста в области эллинистической эпохи С.Ю. Сапрыкина говорить о формировании полноценного эллинистического государства можно лишь в I в. до н.э. [39, с. 143-152]. В работах С.М. Крыкина, посвятившего целый ряд статей проблемам развития государственности фракийцев, их экономики и хозяйственной деятельности, подчеркивается слабость развития этих сфер общественной жизни во Фракии V-IV вв.

до н.э., что плохо связывается с представлениями о развитом Фракийском царстве [26; 27; 29].

Сегодня можно отметить новый прорыв в изучении фракийской истории, связанный с достижениями в области археологии и нумизматики. Исследования последних десятилетий открыли миру целый ряд уникальных погребальных комплексов, царских резиденций, городских поселений, святилищ. Активно развивается изучение фракийской нумизматики. Эти новые данные также позволяют по-новому взглянуть на природу фракийской государственности, в том числе Одрисского царства, на его структуру, на уровень развития фракийцев накануне образования государства, во время его расцвета и упадка. Интересный пример нового подхода к изучению фракийской истории представляет монография З. Арчибальд, болгарской по происхождению исследовательницы, которая проходила стажировку в МГУ, а позднее училась и работала в Великобритании [48]. Активно используя достижения фракийской археологии и культурной антропологии, она сумела представить фракийскую историю в новом измерении, обратив внимание на те ее аспекты, которые ранее оставались малоисследованными.

Говоря о западной историографии, нельзя не упомянуть издание в 2015 г. коллективной монографии, посвященной фракийской истории в серии «Blackwell Companions the Ancient World» [47]. Ведущие исследователи из стран Европы и Америки осветили различные аспекты истории, культуры, социальных отношений, религии фракийцев. Однако, несмотря на большую ценность данной книги, именно многовековая история фракийских племен была затронута крайне поверхностно уже в силу самого характера издания.

Возвращаясь к отечественной историографии, нужно отметить, что уже в 1980-е гг. интерес к Фракии и южным фракийцам в отечественной историографии падает, хотя вопросами истории и археологии фракийцев северных продолжают заниматься молдавские и украинские историки и археологи. После распада СССР этой темой в России занимаются С.М. Крыкин, С.Ю. Сапрыкин, О.Л. Габелко. Работы С.М. Крыкина посвящены главным образом вопросам культуры и экономики фракийцев [25; 26; 27; 28; 29; 30]. С.Ю. Сапрыкин посвятил ряд работ вопросам генеалогии фракийских правителей, вопросам эллинизации фракийской культуры и эллинизации, общим вопросам фракийской истории [37; 38]. О.Л. Габелко является автором монографии по политической истории азиатских фракийцев [7]. В последние годы свой вклад вносят в изучение истории южных фракийцев исследователи из Тулы. А.А. Клейменов, специализируясь на военной истории эллинистического периода, затрагивает в своих работах проблемы военных столкновений македонских царей с фракийцами [19; 20; 21; 22; 23].

Активно публикует статьи по истории К.А. Анисимов, сосредоточивший внимание на политической истории южных фракийцев. Общее их количество уже превышает несколько десятков, поэтому мы ограничимся лишь перечислением нескольких [1; 2; 3; 4; 5].

Как видим, история Фракии достаточно разработана в иностранной, в первую очередь болгарской, историографии. Тем не менее, работы отечественных специалистов свидетельствуют о том, что еще много вопросов остается, которые не изучены должным образом. И российские историки вносят существенный вклад в решение стоящих перед фракологией задач. В отечественной историографии политическая история фракийцев представлена лишь несколькими именами. Однако, это лишь говорит о перспективах, стоящих перед отечественной наукой в этой области в России.

Библиографический список / Reference

1. Анисимов К.А., Ярцев С.В. Борьба за гегемонию в Среднем Подунавье в III–II вв. до н.э. // Тульский научный вестник. Сер. История. Языкознание. 2024. № 2 (18). С. 8-19.
2. Анисимов К.А. Загадка Саратока: проблема локализации царства во времени и пространстве // Via in tempore. История. Политология. 2024. Том 51. № 3. С. 527-538.
3. Анисимов К.А. Политические и генеалогические связи одрисов и скифов в V–IV вв. до н.э. в свете данных письменных и археологических источников // Боспорские исследования. 2025. Вып. 50. С. 78-92.
4. Анисимов К.А. Фракийские кробизы — от Одесса до Одессы // Via in tempore. История. Политология. 2025. Том 52. № 1. С. 13-20.
5. Анисимов К.А., Ярцев С.В. Спорные вопросы истории междуречья Нижнего Неста и Нижнего Гебра в VII – конце VI вв. до н.э. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. Вып. 2 (14). 2023. С. 42-55.
6. Блаватская Т.В. Западнопонтийские города в VII-I веках до н.э. – М.: Издательство АН СССР, 1952. 264 с.
7. Габелко, О.Л. История Вифинского царства. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2005. 576 с.
8. Данов Х. Древна Тракия. София: Наука и изкуство, 1969. 465 с.
9. Данов Х. Траки. София: Народна Просвета, 1982. 184 с.
10. Дройзен И.Г. История эллинизма. В 3-х томах. Т. 1: История Александра Великого. Киров: Константа, 2011. 623 с.
11. Дройзен И.Г. История эллинизма. В 3-х томах. Т. 2: История диадохов. Киров: Константа, 2011. 518 с.
12. Дройзен И.Г. История эллинизма. В 3-х томах. Т. 3: История эпигонов. – Киров: Константа, 2011. 619 с.
13. Златковская Т.Д. Возникновение государства у фракийцев VII-V вв. до н.э. – М.: Наука, 1971. 267 с.
14. Златковская Т.Д. Мёзия в I и II веках н.э. (К истории Нижнего Дуная в римское время). – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1951. 136 с.
15. Илиев Й, Митрев Г. Рейнекий и неговата история на Древна Тракия от 1595 г. // Istoriya – History. Bulgarian Journal of Historical Education. XXXII. 2. 2024. С. 140-156.
16. Карышковский П.О. Истрия и ее соседи на рубеже III-II вв. до н.э. // Вестник древней истории. 1971. № 2. С. 36-55.
17. Кацаров Г. Царь Филипъ II Македонски. София: Придворна печат, 1922. 319 с.
18. Классен Е.И. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов до рюриковского времени в особенности, с легким очерком истории руссов до Рождества Христова / Изд. д-ра филос. и магистра изящ. наук, с. с. Егора Классена. Вып. 1. – М.: Унив. тип., 1854. 93 с.
19. Клейменов А.А. Столкновение Филиппа II с трибаллами (339 г. до н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры №4 (86) / Гл. ред М.Г. Абрамзон. Москва – Магнитогорск – Новосибирск: Издательство Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, 2024. С. 76-88.
20. Клейменов А.А. Военная кампания Филиппа II 347-346 гг. до н.э.: путь к Филократову миру // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6. Часть 1. С. 233-237.
21. Клейменов А.А. Дебют стратега: балканская кампания Александра Македонского 335 г. до н.э. // Вопросы истории. 2018. № 1. С. 3-17.
22. Клейменов А.А. Кампания 356 г. до н.э. как образец полководческого искусства Филиппа II // Проблемы истории, филологии, культуры №4 (46). – М.: Магнитогорск; Новосибирск, 2014. С 11-19.
23. Клейменов А.А. Стратегическая симфония: координированное наступление в македонском военном ис-

кусстве эпохи Александра Великого. – Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2019. 242 с.
24. Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. – М.: Издательство АН СССР, 1955. 165 с.
25. Крыкин С.М. Греческий эмпорий среди фракийских земель? // Вестник Московского городского педагогического университета. 2014. № 3 (15). С. 73-81.
26. Крыкин С.М. Держава одрисов: базис ранней «варварской» государственности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. № 2. 2008. С. 74-88.
27. Крыкин С.М. Древняя фракийская цивилизация // Списание ЕПОХИ. Издание на Историческия факултет на ВТУ Св. св. Кирил и Методий. Vol. XXIV. 2. 2016. С. 203-219.
28. Крыкин С.М. Древняя Фракия. Особенности развития и следы в истории. Саарбрюккен: Lambert, 2011. 313 с.
29. Крыкин С.М. Основы хозяйственно-экономической деятельности южных фракийцев // Проблемы истории, филологии, культуры. № 12. – М.: Магнитогорск; Новосибирск, 2002. С. 115-121.
30. Крыкин С.М. Фракийские сокровища как признак «престижной» экономики // Сборник в чест на 70-годишнината на проф., д-р Борис Д. Борисов. София; Фабер, 2023. С. 75-85.
31. Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство: Ленинградское отделение. 1987. 141 с.
32. Мелюкова А.И. Скифия и Фракийский мир. – М.: Наука, 1979. 256 с.
33. Мурыгина Н.В. Сопротивление фракийских племён римской агрессии и восстание Андриска // Вестник древней истории. 1957. № 2. С. 69-84.
34. Невская В.П. Византий в классическую и эллинистические эпохи. – М.: Издательство АН СССР, 1953. 159 с.
35. Никулицэ И.Т. Геты IV—III вв. до н. э. в Днестровско-Карпатских землях. Кишинев: Штиница, 1977. 169 с.
36. Никулицэ, И.Т. Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. Кишинев: Штиница, 1987. 268 с.
37. Сапрыкин С.Ю. Гето-дакийские царства эллинистической эпохи // Боспорские исследования. 23. 2010. С. 251-275.
38. Сапрыкин С.Ю. Древнее Причерноморье. М.; – СПб.: Русская Христианская Гуманитарная Академия, 2018. 743 с.
39. Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье // Боспорские исследования. Вып. XXXV. 2017. С. 126-168.
40. Тачева М. История на българските земи в древността презелинистическата и римската епоха. София: Издателство «Святой Климент Охридски», 1997. 360 с.
41. Тачева М. Царете на древна Тракия. Книга първа. София: АГАТО, 2006. 245 с.
42. Фол А. Демографска и социална структура на древна Тракия. София: Наука и Изкуство, 1970. 284 с.
43. Фол А. Политика и културa в Древна Тракия. София, 1990.
44. Фол А. Политическа история на траките. София: Наука и Изкуство, 1972. 216 с.
45. Фол А. Тракия и Балканите през ранноелинистическата епоха. София: Наука и Изкуство, 1975. 272 с.
46. Чертков А.Д. Очерк древнейшей истории протословен. О переселении фракийских племен за Дунай и далее на север, к Балтийскому морю, и к нам на Русь. – М.: Унив. тип., 1851. 134 с.
47. A Companion to Ancient Thrace / Valeva J. et al. (eds.). Wiley Blackwell, 2015. 487 p.
48. Archibald, Z. The Odrisian Kingdom of Thrace. Orpheus Unmasked / Z. Archibald. Oxford: Clarendon Press, 1998. 371 p.
49. Cary F. Histoire des rois de Thrace et de ceux du Bosphore Cimmérien, éclaircie par les médailles. Paris: Desaint & Saillant, 1752. 210 p.
50. Casson S. Macedonia, Thrace and Illyria. Oxford University, 1926. 358 p.
51. Höck A. Das Odrysenreich in Thrakien: Im Fünften und Vierten Jahrhundert v. Chr // Hermes 26 (1). 1891. P. 76-117.
52. Katsarov G. Bität na starite traki spored klasicheskite pisateli // SbBAN. № 1. 1913. С. 1-97.
53. Marinov T. Ancient Thrace in the Modern Imagination: Ideological Aspects of the Construction of Thracian Studies in Southeast Europe (Romania, Greece, Bulgaria) // Entangled Histories of the Balkans Volume Three: Shared Pasts, Disputed Legacies / Edited by Roumen Daskalov and Alexander Vezenkov. Leiden-Boston, 2013. P. 10-117.
54. Tomaschek, W. Die alten Thraker. Eine ethnologische Untersuchung / W. Tomaschek. Wien, 1893-1894. Osnabruck: Biblio-Verl, 1975. 303 p.

Салихов Р.Т.
Кандидат исторических наук, доцент. Казанский государственный аграрный университет, г. Казань. SPIN-код: 1382-2780

Гали Б.Т.
Доктор исторических наук, доцент. Казанский государственный аграрный университет, г. Казань. SPIN-код: 5400-4697

Галиуллин Р.Р.
Кандидат филологических наук, доцент. Набережночелнинский государственный педагогический университет, г. Набережные Челны. SPIN-код: 7370-7624

Гатауллина Л.Н.
Кандидат социологических наук, доцент. Казанский государственный аграрный университет, г. Казань. SPIN-код: 2027-3278

Историческая эволюция религиозного мистицизма в исламе*

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу религиозного мистицизма в исламе (суфизма, или *тасаввуфа*) как многогранного и эволюционирующего феномена. Автор прослеживает его историческое развитие от раннего аскетизма (*зухд*) в VIII-IX вв., через классический период с формированием ключевых доктрин и практик, к последующей институционализации в виде братств-тарикатов. Особое внимание уделяется философским основам суфизма, таким как концепция «единства бытия» (*вахдат ал-вуджуд*) Ибн Араби, и его духовным практикам (зикр, мураками). Анализируется роль суфийских орденов (на примере Мевлеви) в социально-политической жизни мусульманского общества, их взаимодействие с государственной властью, а также постоянная критика со стороны ортодоксальных богословов. Рассматриваются дискуссионные вопросы о происхождении суфизма, включая гипотезы о его внутриисламских корнях и внешних влияниях.

Ключевые слова: Суфизм (тасаввуф), исламский мистицизм, вахдат ал-вуджуд, тарикат, зикр, ма'рифа, Ибн Араби, аль-Газали, Мевлеви, религиозное братство, религиозная философия.

* © Салихов Р.Т., Гали Б.Т., Галиуллин Р.Р., Гатауллина Л.Н., 2025.

Salikhov R.T.
PhD in History, Associate Professor. Kazan State Agrarian University, Kazan. SPIN-code: 1382-2780

Gali B.T.
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Kazan State Agrarian University, Kazan. SPIN-code: 5400-4697

Galiullin R.R.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny. SPIN-code: 7370-7624

Gataullina L.N.
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor. Kazan State Agrarian University, Kazan. SPIN-code: 2027-3278

The historical evolution of religious mysticism in Islam

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of Islamic religious mysticism (Sufism, or *tasawwuf*) as a multifaceted and evolving phenomenon. It traces the historical development of Sufism from its origins in early asceticism (*zuhd*) in the 8th–9th centuries, through the classical period of doctrinal formation, to its subsequent institutionalization into brotherhoods (*tariqas*). The study examines the philosophical foundations of Sufism, such as the concept of the "Oneness of Being" (*wahdat al-wujud*) by Ibn Arabi, and its core spiritual practices (e.g., *dhikr*, *muraqaba*). It analyzes the socio-political role of Sufi orders, using the Mevlevi order as a case study, focusing on their interaction with state power and the enduring criticism from orthodox theologians. The discussion also addresses scholarly debates on the origins of Sufism, contrasting hypotheses of its intra-Islamic roots with those emphasizing external influences.

Key words: Sufism (tasawwuf), Islamic mysticism, wahdat al-wujud, tariqah, dhikr, ma'rifa, Ibn Arabi, al-Ghazali, Mevlevi, religious brotherhood, religious philosophy.

Как и во многих других религиозных течениях в исламе оформилось религиозно - мистическое направление. Религиозный мистицизм в исламе — это многостороннее и неоднозначное явление, часто критикуемое традиционными общинами, которое обозначается термином тасаввуф (فـوصتـلا) или суфизм.

Исламский мистицизм формировался как путь внутреннего очищения сердца и достижения непосредственной, личной близости с Всевышним

Аллахом. В отличие от классического догматического подхода, суфизм акцентирует свое внимание на внутреннем переживании веры, как любви к Богу, стремлении к духовному очищению и совершенству. Здесь принципиально и надо понимать, что речь не идет о греховном очищении как в христианстве, мусульмане верять в изначальную безгреховность творения человека.

Таким образом, главная цель в суфизме не очищение от греха через практики и затворничество, а попытка познания Всевышнего через прямой духовный опыт. Это познание называется ма'рифа (عرفان).

Для достижения этого необходимо:

1. Очищение сердца (тахзиб ан-нафс). Суфии считают, что сердце (кальб) — это орган духовного восприятия, который нужно очистить от пороков (зависти, гордыни, любви к мирскому).

2. Следование духовному пути (тарика) под руководством наставника (**шейха** или **муршида**), который уже прошел этот путь.

3. Стремление к единению с Аллахом (иттихад/вахдат ал-вуджуд).

Такую сложную концепцию, часто воспринимают как полное слияние с Богом, но в классической формулировке, сформулированной Ибн Араби как **«единство бытия»** означает, что истинная реальность — это Бог, а весь сотворенный мир является Его проявлением. Задача мистика — осознать это единство. Андрей Смирнов в своей работе **«Философия Николая Кузанского и Ибн Араби есть два типа философствования в сравнении»**, отмечает, что для Ибн Араби «бытие едино, но оно проявляется в множественности образов» [12].

Исходя из такого понимания мира, мистический путь в суфизме из таких практик как: **Зикр (поминание Аллаха)**. Оно представляет из себя многократное повторение имен Аллаха и молитв. Целью этой практики является постоянное осознавание присутствия Всевышнего. **Е.А. Фролова** в статье **«Проблема человека в арабо-мусульманской философии»** подчеркивает, что суфизм рассматривает человека как микрокосм, способный через духовные практики вернуться к своему Божественному источнику [14]. **Тарикат («путь»)** или суфиская организация, которая существует в виде братств-орденов (тарикатов), среди которых сейчас наиболее распространенные Накшбандийя, Кадирийя. Каждый тарикат имеет свою цепь духовной преемственности и свои особенности в практике зикра. **Мураккаба («самонаблюдение»)** постоянный внутренний контроль над своими помыслами и состоянием сердца. **Хал («мистическое состояние»)** временное переживание особой благодати, экстаза или покоя, ниспосылаемое Всевышним. **Макам («стоянка»)** долговременная стадия духовного совершенства, которую мистик завоевывает своими усилиями.

Исторически первым направлением зародившимся в суфизме был ран-

ний аскетизм (зухд). Который появляется в VIII-IX веках как реакция на обмирщение мусульманского общества после первых завоеваний и появления соблазнов в виде богатсв и роскоши. Ранние аскеты (зуххад) проповедовали бедность, благочестие и страх перед Аллахом, что приводило их к неосознанному отделению от общества. Далее в IX-XII наступает так называемый период классического суфизма. В это время были сформулированы основные доктрины в трудах таких мыслителей как **аль-Мухасиби.** Полное имяАбу Али аль-Харис ибн Асад ибн Абдуллах аль-Анази аль-Мухасиби аль-Басри, его можно назвать одним из первых теоретиков суфийской психологии. К его заслугам принадлежит методологизация идеи о самонаблюдении и самоконтроле - муракаба ва мухасаба, отсюда кстати и его прозвище аль-Мухасиби (контролирующий себя). Согласно его теории контролю должны принадлежат помыслы (хатарат) и намерения (ниййат) В рамкас своей концепции от разработал теорию плотской души (нафс), которая и послужила основой его учения. Он отвергал показную набожность как форму лицемерия (рийа). Написал свыше 30 трактатов о суфизме. Наиболее известны из них «Книга о соблюдении прав Бога», «Книга понимания», «Книга о воскресении и собрании», «Понимание Корана». В 846 году за приверженность рационалистическим методам подвергся гонениям со стороны ханбалитов и лично Ибн Ханбала [2]. **Аль-Джунайд аль-Багдади** исламский богослов персидского происхождения, родоначальник рационалистического течения суфизма - учения о трезвости. **Абу Хамид аль-Газали** который смог гармонизировать суфизм с ортодоксальным исламом он ввел новую интерпретацию понятия джихад в Коране. По мнению аль-Газали, в 95 аяте суры Ан-Ниса («Женщины») речь идёт не о борьбе на поле боя, а о преодолении своего низшего я. Его труды, в частности «Воскрешение наук о вере» (Ихйа улюм ад-дин) оказали огромное влияние на развитие ислама. В книге было доказано полное соответствие суфизма букве и духу суннизма и являются фундаментальными для понимания суфийской этики и практики. Вершиной же развития суфийской мистической философии стало учение **Ибн Араби** о «единстве бытия» (вахдат ал-вуджуд).

Начиная с XII-XIII веков суфизм институализируется, оформляется в крупные братства (тарикаты), которые играли ключевую роль в распространении ислама и социальной жизни, становится важнейшим элементом общественно-политической структуры мусульманского мира. Тарикаты часто действовали в тесной связи с государственной властью, получая от султанов покровительство и финансирование, в свою очередь, обеспечивая идеологическую поддержку правящим династиям, укрепляя их легитимность в глазах населения. Кроме того, они брали на себя ключевые социальные функции: они брали на себя ключевые социальные функции: создавали школы и больницы, организовывали помощь бедным и нуждающимся,

и выступали в роли миротворцев в конфликтах.

С одной стороны суфизм оказал колоссальное влияние на исламскую культуру: поэзию (Руми, Омар Хайям), музыку, архитектуру (строительство суфийских обителей) [5].

В то же время он всегда был объектом критики со стороны богословов, которые обвиняли суфиев в излишних нововведениях (бид'а), преувеличении роли святых (вали) и их почитании, что граничит с ширком (многобожием), в небуквальном, аллегорическом толковании Корана (тавиль).

Как отмечает в своей статье А.А. Игнатенко, «Суфизм (тасаввуф) — исламский мистицизм, доктрины и практики, посредством которых мусульмане стремятся к непосредственному постижению истины (Бога, божественной реальности) благодаря интуитивному знанию (ма'рифа) и личному мистическому опыту (зикр, хал)» [4]. суфизм это мистико-аскетическое течение в исламе, ориентированное на внутреннее, духовное самосовершенствование человека, очищение сердца и стремление к непосредственному познанию Бога и единению с Ним через любовь.

Само же происхождение суфизма как феномена, является сложным и дискуссионным вопросом в академической науке. Большинство исследователей сходятся во мнении, что суфизм зародился в рамках раннего ислама как реакция на рост богатства и социального неравенства в Халифате, но при этом испытывал влияние доисламских культур Ближнего Востока. На данный момент существуют 2 основные гипотезы происхождения суфизма.

Первая – внутриисламская. Суфизм — это органичное развитие духовных принципов Корана и практик пророка Мухаммеда. Аскетизм первых суфиев (зухд) был следствием стремления к благочестию и отрешению от мирской суеты.

Вторая – внешняя. На формирование суфийской доктрины и практик оказали влияние христианское монашество, неоплатоническая философия (идея эманации и единства бытия), гностицизм, иранские верования (зороастризм) и индийские аскетические традиции [11].

Как указывает российский востоковед Л.И. Климович, «вопрос о происхождении суфизма и его связях с религиозно-философскими течениями доисламского Ближнего Востока остается открытым. Нельзя отрицать ни его корней в самом исламе, ни внешних влияний, которые перерабатывались в русле исламского мировоззрения» [5]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что суфизм возник на стыке внутреннего развития исламской мысли и культурного взаимодействия с соседними цивилизациями.

Суфизм развивался в разных центрах, приобретая местные особенности оставаясь единой интеллектуальной средой, так как суфии активно путешествовали и переписывались между собой и это позволило им обойти

проблему построения жестких интеллектуальных границ ограниченных территориями.

Основные центры развития классического суфизма (IX-XII вв.)

Аскетически-мистическая школа Багдада и Месопотамии (Ирак). Это одна из самых ранних и влиятельных школ. Для нее характерны строгий аскетизм (зухд), детальная разработка понятий «состояний» и «стоянок» на мистическом пути, а также внимание к психологии духовного роста. Ключевые фигуры: Аль-Мухасиби, Аль-Джунайд аль-Багдади (глава «багдадской школы» с ее доктриной «трезвости» после мистического «опьянения») [3]. Багдадская школа, возглавлявшаяся ал-Джунайдом, стремилась к согласованию мистического опыта с требованиями мусульманского права (шариата), разрабатывая учение о «трезвости» (сахв), приходящей на смену мистическому «опьянению» (сукр) [6].

Школа Хорасана и Мавераннахра (Средняя Азия и Восточный Иран). Для этой школы был характерен менее строгий интеллектуализм, чем в Багдаде, и больший акцент на любви к Богу и экстатических переживаниях. Это та самая «восточная» ветвь, которая действительно активно взаимодействовала с местными, в том числе и индо-иранскими, традициями. Яркие представители этого крыла суфизма Абу Язид аль-Бистами (с его знаменитыми «экстатическими изречениями» шатхият), Аль-Халладж. Именно здесь получили развитие концепции «аннаниляции» (фана) в Боге и «абсолютного единства» (вахдат). Влияние добуддийских и индуистских аскетических практик (йога) на таких мастеров, как аль-Бистами, является предметом научных дискуссий, но отрицать культурный контекст невозможно [7].

Школа Сирии (аш-Шам) и Палестины В этой школе взаимодействие с христианским монашеством было наиболее интенсивным. Многие ранние суфии этого региона были знакомы с практиками сирийских аскетов. Ключевая фигура этого направления знаменитый Ибн Араби, хоть он родился в Аль-Андалусе, но его зрелое творчество связано с Дамаском. Его учение о «единстве бытия» (вахдат ал-вуджуд) стало краеугольным камнем для всего последующего суфизма [9]. Здесь сильнее всего развивался философский и метафизический аспект суфизма. Ибн Араби создал грандиозную доктринальную систему, интегрировавшую предыдущий мистический опыт в универсальную философию бытия.

Основной институциональной стркутурой, основной для распространения суфизма в Османской Турции, Средней Азии, Северной Африке и на Индийском субконтиненте стали тарикаты. аль-Кадирийа, ан-Накшбандийа, ас-Сухравардийа, аль-Мевлевийа.

Тарикаты становятся следующей стадией, каналом, по распространению идеи суфийских школ.

Ранние суфийские кружки (X-XI вв.) были альтернативными сообще-

ствами, где выстраивались новые социальные отношения, основанные на духовном авторитете шейха, а не на происхождении или богатстве. Это был ответ на социальное расслоение и коррупцию в городах Халифата. Формирование суфийских обителей – ханак – было связано не только с аскетическим удалением от мира, но и с потребностью создания идеальной модели мусульманского общества, альтернативной официальной [15].

Первые ханаки нуждались в финансировании для содержания здания, пропитания учеников и помощи бедным. Это вело к поиску покровителей среди состоятельных горожан и, что важно, правителей. Государство (в лице султанов, эмиров) видело в устоявшихся тарикатах, с их жесткой дисциплиной и авторитетом шейхов, мощный инструмент влияния на массы. Шейхи крупных тарикатов своим авторитетом освящали власть правителя, объявляя ее угодной Богу [8]. Тарикаты становились каналом «социального лифта» и «клапаном» для снятия социального напряжения. Они давали людям из низов чувство принадлежности, утешение и моральные ориентиры, снижая риск бунтов. Тарикаты давали понятный путь к спасению через четкую цепь преемственности (силсила) от шейха к самому Пророку. Структуру и идентичность, членство в братстве давало поддержку и чувство общности «асабийа» и доступ к «благодати» (барака) через фигуру шейха-святого. Дервиши и шейхи часто шли впереди армии, исламизируя и умиротворяя пограничные регионы (например, на Балканах, в Африке к югу от Сахары, в Индии) [13].

Надо понимать, что отношения между властью и тарикатами были не союзом друзей, а тактическим партнерством, полным взаимного недоверия[16]. Шейх с тысячью преданных учеников, готовых выполнить любой его приказ, был потенциально опасен. История знает примеры, когда суфийские лидеры поднимали восстания (например, орден Санусийя в Ливии против итальянцев, орден Накшбанди против китайцев в Синьцзяне). Правители стремились поставить тарикаты под свой контроль, назначая лояльных шейхов на ключевые посты, финансируя «правильные» обители и подавляя те, что проявляли непокорность. А.К. Аликберов в своем фундаментальном исследовании эпохи прямо указывает: «Отношения между правящими династиями и суфийскими братствами строились на принципах взаимной выгоды, но всегда сопровождались контролем со стороны государства, которое опасалось политической мобилизационной мощи тарикатов» [1].

Библиографический список:

1. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII вв.). – М.: 2003. 312 с.
2. Ал-Харис ал-Мухасиби // Большая российская энциклопедия. // URL: https://bigenc.ru/c/al-kharis-al-mukhasibi-c53cbf
3. Велиев У.Р. Учение Абу Яля и его влияние на концепции Ибн Таймии / У.Р. Велиев, Р.Т. Салихов // Па-

радигмы социально-экономического развития России в новых реалиях : сборник научных статей. – Краснодар, 2024. С. 131-137.
4. Игнатенко А.А. Суфизм: проблемы интерпретации и классификации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2009. № 1. С. 5-15.
5. История России: учебно-методическое пособие / Д. В. Пинаева, Р. Т. Салихов, Б. Т. Гали, Л. Н. Гатауллина. – Москва: [б. и.], 2025. Ч. 2. С. 31.
6. Климович Л.И. К вопросу о происхождении суфизма // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2010. № 2. С. 25-38.
7. Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. – СПб.: 2004. 78 с.
8. Кочкин А.Ю. Суфийские братства в социально-политической жизни Османской империи (на примере Мевлеви и Накшбанди) // Исламоведение. 2016. № 4. С. 43-52.
9. Наумкин В.В. Ибн Араби и его школа // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 112-125.
10. Сайфуллаева Т.А. Концепция «фана» в раннем суфизме (на примере учения Абу Язида аль-Бистами) // Исламоведение. 2015. № 3. С. 45-52.
11. Салихов Р.Т. История и перспективы новых религиозных движений (НРД) / Р.Т. Салихов, Б.Т. Гали, Р.Р. Галиуллин, Л.Н. Гатауллина // Казачество. 2024. № 81 (8). С. 32-38.
12. Смирнов А.В. Философия Николая Кузанского и Ибн Араби: два типа философствования в сравнении // Сравнительная философия. – М.: 2006. С. 125-140.
13. The Halal standard: from the regulatory norms of eating behavior to large sectors of the economy / A.R. Valiev, Ya.Yazid, F.T. Nezhmetdinova [et al.] // BIO Web of Conferences. 2025. Vol. 00028. Article 00028.
14. Фролова Е.А. Проблема человека в арабо-мусульманской философии // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 45-58.
15. Хисматулин А.А. Суфийская ритуальная практика: на примере братства Накшбандийа. – СПб.: 1996. 45 с.
16. Шукуров Р.М. Джалал ад-Дин Руми и становление ордена Мевлеви // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2008. № 2. С. 34-45.
17. Чапкин Н.С. Информационно-коммуникационные технологии в организации электронного бакалавриата // Альманах «Крым». 2021. № 24. С. 102-112.

Reference

1. Alikberov A.K. The era of classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr ad-Darbandi and his Sufi encyclopedia "Rayhan al-haka'iq" (11th-12th centuries). – Moscow: 2003. 312 p.
2. Al-Harith al-Mukhasibi // The Great Russian Encyclopedia. // URL: https://bigenc.ru/c/al-kharis-al-mukhasibi-c53cbf
3. Veliev U.R. The teachings of Abu Yala and its influence on the concepts of Ibn Taymiyyah / U.R. Veliev, R.T. Salikhov // Paradigms of socio-economic development of Russia in the new realities: a collection of scientific articles. – Krasnodar, 2024. P. 131-137.
4. Ignatenko A.A. Sufism: Problems of Interpretation and Classification // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy. 2009. № 1. P. 5-15.
5. History of Russia: A Study Guide / D.V. Pinaeva, R.T. Salikhov, B.T. Gali, L.N. Gataullina. – Moscow: [b. i.], 2025. Part 2. p. 31.
6. Klimovich L. I. On the Origin of Sufism // Bulletin of Moscow University. Series 13: Oriental Studies. 2010. № 2. P. 25-38.
7. Knysh A. D. Muslim Mysticism: A Brief History. – St. Petersburg: 2004. 78 p.
8. Kochkin A. Yu. Sufi Brotherhoods in the Socio-Political Life of the Ottoman Empire (Based on the Mevlevi and Naqshbandi dynasties) // Islamic Studies. 2016. № 4. P. 43-52.
9. Naumkin V.V. Ibn Arabi and His School // Voprosy Filosofii. 2012. № 10. P. 112-125.
10. Sayfullaeva T.A. The Concept of "Fana" in Early Sufism (Based on the Teachings of Abu Yazid al-Bistami) // Islamic Studies. 2015. № 3. P. 45-52.
11. Salikhov R.T. History and Prospects of New Religious Movements (NRMs) / R.T. Salikhov, B.T. Gali, R.R. Galiullin, L.N. Gataullina // Cossacks. 2024. № 81 (8). P. 32-38.
12. Smirnov A.V. Philosophy of Nicholas of Kuzan and Ibn Arabi: Two Types of Philosophizing in Comparison // Comparative Philosophy. – Moscow: 2006. P. 125-140.
13. The Halal Standard: From the Regulatory Norms of Eating Behavior to Large Sectors of the Economy / A.R. Valiev, Ya. Yazid, F.T. Nezhmetdinova [et al.] // BIO Web of Conferences. 2025. Vol. 00028. Article 00028.
14. Frolova E.A. The Problem of Man in Arab-Muslim Philosophy // Questions of Philosophy. 2010. № 3. P. 45-58.
15. Khismatulin A.A. Sufi ritual practice: the example of the Naqshbandiyya brotherhood. – St. Petersburg: 1996. 45 p.
16. Shukurov R.M. Jalal ad-Din Rumi and the formation of the Mevlevi order // Bulletin of Moscow University. Series 13: Oriental Studies. 2008. № 2. P. 34-45.
17. Chapkin N.S. Information and communication technologies in the organization of electronic bachelor's degree // Almanac "Crimea". 2021. № 24. P. 102-112.

Демидов А.В.
Кандидат политических наук, доцент. Московский гуманитарно-экономический университет.

Россия и Прибалтика: историческая ретроспектива. Часть вторая: Ливонская война 1558–1584 гг.*

Аннотация. В материале рассматриваются причины побудившие правительство русского царя Ивана IV Васильевича развязать войну в Ливонии. Анализируются основные причины, приведшие к поражению России в этой войне.

Ключевые слова: Ливонская война, «юрьевская дань», царь Иван IV Васильевич, немецкие феодалы, Ливонский орден, великий магистр, перемирие, Великое княжество Литовское, Люблинская уния, Речь Посполитая, Стефан Баторий, крымские татары, турки.

Demidov A.V.
PhD. in Political Science, Associate Professor. Moscow Humanitarian and Economic University.

Russia and the Baltic States: a historical retrospective. Part two: Livonian War 1558–1584

Abstract. The article discusses the reasons that prompted the government of Russian Tsar Ivan IV Vasilyevich to start a war in Livonia. The main reasons that led to Russia's defeat in this war are analyzed.

Key words: Livonian War, "Yuriev tribute", Tsar Ivan IV Vasilyevich, German feudal lords, Livonian Order, Grand Master, armistice, Grand Duchy of Lithuania, Union of Lublin, Polish-Lithuanian Commonwealth, Stefan Batory, Crimean Tatars, Turks.

Поводом для **начала Ливонской войны** послужил вопрос о т.н. «Юрьевской дани», упоминавшейся в документах еще с 1463 г.

В 1554 г. ливонским послам, прибывшим в Москву, было объявлено, что русский царь не желает продлевать существовавшее 30-летнее переми-

* © Демидов А.В., 2025.

рие, срок которого истек в 1551 г., поскольку дерптский[1] епископ не платит обещанной дани со своих владений, ранее принадлежавших русским великим князьям. Им было также указано на имевшие место притеснения русских купцов в Ливонии, на захват и разорение русских концов (кварталов) в Дерпте, Нарве, Риге и Ревеле. Особо обращалось внимание на случаи осквернения и даже разрушения русских православных церквей [4, 34].

Москва требовала от Ливонии выплаты огромной недоимки по «юрьевской дани», т.е. суммы, которой ни у послов, ни у ливонских властей не было [10, с. 91]. Послы собирались занять требуемую сумму у московских купцов, но Кремль, которому была нужна война, запретил купцам одалживать ливонцев. В знак разрыва царь Иван пригласил послов на прощальный обед, в ходе которого ливонцам были поданы пустые блюда [9, с. 96].

В 1557 г. в Москве было принято решение о демонстративном карательном походе в Ливонию. В конце января 1558 г. на ливонскую территорию вошла восьмитысячная русская рать. Маршрут похода был выстроен преимущественно по землям Дерптского епископства, с которого главным образом и требовалась выплата дани [9, с. 96].

Тогда же границу Ливонии перешла сорокатысячная русская армия под командованием В.М. Глинского и Шиг-Алия [6, с. 638]. Разделившись на несколько отрядов, русские глубоко проникли в страну, нагнав панику на ливонских (немецких) феодалов.

В середине XVI века Ливонский Орден переживал не лучшие времена. Фактически такого государства – Ливония – не существовало. Россия начала борьбу с Ливонской конфедерацией государств, включавшей Ливонский орден, Рижское архиепископство, Дерптское, Эзель-Викское и Курляндское епископства [8, с. 662]. В социально-политическом плане на территории Ливонии действовали три основные политические силы: рыцарский орден, церковь и города (Рига, Дерпт, Ревель, Нарва) [2, с. 53]. Все перечисленные образования находились в постоянной борьбе друг с другом [2, с. 54].

Показательным примером в этом плане может служить то, что на открывшемся в марте 1558 г. по случаю русского вторжения ландтаге Великому магистру Ордена Вильгельму Фюрстенбергу пришлось столкнуться с нежеланием не только ливонских городов, но и ливонского феодального рыцарства, воевать с Россией. От магистра собравшиеся требовали искать соглашения с Русским государством на основе уступок [4, с. 37].

Указанная разрозненность привела к тому, что в Ливонии не сумели оказать достойного сопротивления русским войскам.

---

1 Дерпт – нынешний эстонский город Тарту был заложен киевскими дружинниками в XI веке и назван Юрьев в честь великого князя Ярослава Мудрого, получившего при крещении христианское имя Георгий (Юрий). Отсюда произошло понятие «Юрьевской дани». – *Прим.автора.*

Уже в первый год войны русскими были захвачены города Нарва и Дерпт. Русские войска доходили до Ревеля[2].

В результате за первые два года войны Россия овладела почти всей территорией Ливонии, кроме западной части (Курляндии) и двух важнейших городов-крепостей, снабжавшихся по морю – Ревеля и Риги.

Ливонский орден оказался на грани катастрофы. Однако в 1559 г. под влиянием группы русских политических деятелей, возглавлявшейся А. Адашевым, стремившейся остановить движение Москвы на Запад, и не расширять масштабы военного конфликта, русским правительством было неожиданно предложено Ливонскому ордену установить перемирие сроком на несколько месяцев [7, с. 662].

Ливонские феодалы, воспользовавшись перемирием, заключили соглашение с польским королем Сигизмундом II Августом, согласно которому орденские земли переходили под протекторат польский короны [7, с. 662].

В 1560 г. русские войска одерживают новые победы: был взят Мариенбург (Алуксне) и Феллин (Вильянди). Преграждавшая путь к Феллину орденская армия была разбита под Эрмесом (Эргемсом). Русскими был пленен великий магистр В.Фюрстенберг [7, с. 662].

Военный разгром вылился в распад Ливонского ордена. Феодалы Северной Эстонии перешли в шведское подданство. Южные владения ордена, согласно заключенному 28 ноября 1562 г. Виленскому договору, переходят под протекторат Польши и Литвы.

Для успеха русской армии большое значение имели вооруженные выступления эстонских и латышских крестьян против немецких помещиков-феодалов, как правило бежавших при приближении русских войск.

С 1561 г. начинается второй этап Ливонской войны. Теперь против России выступают Польша и Литва.

В ноябре 1562 г. после того, как на стороне Ливонского ордена выступила Литва в Москве было принято решение о подготовке крупномасштабной кампании, целью которой на первом этапе был исконно русский город Полоцк[3], являвшийся в то время одним из крупнейших городов Великого княжества Литовского. Выбор Полоцка был очевиден – это была важная крепость на пути к литовской столице – Вильно. С захватом Полоцка, население которого было преимущественно православным, в принципе мог бы быть поставлен вопрос о покорении всей Литвы [9, с. 107].

В Литве почувствовали приближение катастрофы. Многие считали, что без поддержки Польши Великое княжество не смогло бы противостоять Ивану Грозному, говорили даже, что «Литвы бы не было» [5].

2 Ревель – современный город Таллин. – *Прим. автора.*

3 С 1392 года земли бывшего Полоцкого княжества вошли в состав Великого княжества Литовского. – *Прим.автора.*

Эта точка зрения была явно преувеличенной. С одной стороны, Литва действительно проигрывала войну, и это не было первым поражением в XVI веке. Каждая конфузия приводила к территориальным потерям. Однако в Москве не ставили планов по захвату всей Литвы, и не собирались идти дальше возвращения России Полоцка и отказа литовских великих князей (Ягеллонов) от притязаний на Ливонию [5].

На этом фоне литовское руководство обратилось к Польше с предложением установления союза, который пошел бы дальше заключенной в 1385 г. Кревской унии[4]. Эта идея нашла понимание в Варшаве, где хотели изгнать из Ливонии не только русских, но и шведов. В результате в 1569 г. была заключена Люблинская уния и создана Речь Посполитая.

Примерно в это же время в борьбу против России вступила Швеция, которая также стремилась к захвату территории ливонских государств. В 1578 г. в битве под Венденом (Цесисом) против русских выступают объединенные шведские и польско-литовские войска.

Русская армия в Ливонии терпят ряд поражений. В апреле этого года в Литву бежал князь Андрей Курбский. Нельзя утверждать, что в этот период у русских совсем не имелось успехов, но прежнего победоносного марша уже не было.

Осенью того же года, пользуясь тем, что основная часть русских войск находится в Прибалтике[5], удар по России в направлении Рязани наносит крымский хан Девлет-Гирей. В 1569 г. войска Крымского ханства, поддержанные турками, осаждают Астрахань [6, с. 639].

Несмотря на неудачи, в 1572 г. крымчаки, усиленные турецкими янычарами, снова пытаются нанести удар по России, теперь уже в направлении Москвы. И хотя татары терпят сокрушительное поражение в битве при Молодях, этот удар явился для России весьма чувствительным.

В декабре 1575 г. королем польским и великим князем литовским (правителем Речи Посполитой) становится Стефан Баторий. Этот энергичный и талантливый политический и военный деятель активно включается в войну против России. Начатое им в 1579 г. наступление позволяет полякам занять Полоцк, Великие Луки, осадить Псков. Ставились планы походов на Новгород и даже на Москву. Стефан Баторий вынашивал планы создания объединенной под своим правлением восточноевропейской империи в составе Речи Посполитой и России. Он даже свою столицу перенес в город Гродно – поближе к центру этой будущей империи.

4 Кревская уния 1385 г. — личная династическая уния между Великим княжеством Литовским и Королевством Польша, по которой тогдашний литовский великий князь Ягайло, вступивший в брак с польской королевой Ядвигой, провозглашался польским королём. – *Прим.автора.*

5 Царь Иван IV Васильевич отсутствовал в это время в Москве, поскольку держал свою ставку в Новгороде. – *Прим. автора.*

Однако неудача под Псковом в 1582 г. заставила С.Батория пойти на переговоры с Москвой. В ходе переговоров польские дипломаты требовали не только отказа России от притязаний на Ливонию, но даже ставили вопрос об отторжении в пользу Речи Посполитой Новгорода, Пскова и Смоленска [4, с. 103].

15 января 1582 г. переговоры завершились заключением десятилетнего перемирия (Ям-Запольское перемирие). Москва была вынуждена отказаться от Ливонии, а также от исконно русских городов Полоцка и Велижа [6, с. 665]. Но России возвращались занятые польско-литовскими войсками Великие Луки и ряд других русских городов. Новгород, Псков и Смоленск оставались под властью Москвы.

В 1583 г. заключено Плюсское перемирие со Швецией, согласно которому Россия уступала шведам русские города Ям, Копорье и Иван-Город [6, с. 665].

Главной причиной, приведшей к неудачному для России исходу Ливонской войны, явилось экономическое истощение страны. В результате войны, длившейся целых 25 лет, произошел упадок торговли, развалились государственные финансы. Отмечалось массовое переселение спасающихся от голода жителей городов в деревни.

Военному поражению Русского государства в Ливонской войне способствовала борьба реакционного боярства против политики Ивана IV и измена некоторых приближенных политиков (А. Адашев и священник Сильвестр), а также военачальников (князь А. Курбский).

Осложняла ситуацию необходимость вести войну на несколько фронтов. Крымское ханство и стоявшая за ним Османская империя, нападавшие на Россию с юга, откровенно сочувствовали и, по мере возможности, способствовали экспансионистским замыслам Стефана Батория.

На ходе войны отразилась архаичность организации российской армии. Войско в основном формировалось по устаревшему принципу ополчения и, соответственно, не являлось регулярной армией. К полурегулярным частям можно было с определенной натяжкой отнести созданное Иваном Грозным стрелецкое войско (надворную пехоту). Но и стрельцы не были на достаточном уровне подготовлены и обучены к ведению тогдашней современной войны. Ведь стрельцы, как известно, в перерывах между сменами в караульной службе занимались не боевой подготовкой, а торговлей на рынках. Столкновение с польско-литовской армией, в составе которых было много профессиональных воинов-наемников и, особенно, с прекрасно подготовленной и хорошо оснащенной по тому времени шведской армией показало необходимость проведения в России серьезной военной реформы.

На неудаче русской армии в Ливонской войне сказалось пренебрежение как царя Ивана IV, так и русского дворянства к крестьянскому населению

Ливонии. На первом этапе войны русские войска получали поддержку от местных жителей, надеявшихся на избавление от феодального гнета немецких помещиков. В местностях, из которых были изгнаны немецкие феодалы русские способствовали установлению местного самоуправления. Но затем ситуация изменилась. Русские воеводы оказывали давление на царя, который с целью предотвратить измены, начал раздавать земли, занятые русскими войсками, русским же дворянам. Это, а также рост поборов с населения на военные нужды, вызвало недовольство крестьян, переставших оказывать поддержку русской армии.

Россия в ходе войны оказалась в международной изоляции. Европа рассматривала Русское государство как варварскую нецивилизованную страну. Здесь, как и ранее сказывался в первую очередь религиозный фактор. В Европе были готовы признать «своими» лишь государства католические и, отчасти, протестантские. Австрийский император Максимилиан (католик) отказался поддержать Москву в попытке признать недействительной Люблинскую унию и расчленить таким образом католическую Речь Посполитую. Более того, ставший польским королем Стефан Баторий при поддержке папы римского придал своей войне против России характер общеевропейского крестового похода. В его армии насчитывалось большое количество немецких, венгерских, польских, датских и шотландских наемников [6, с. 639].

* * *

Чем интересна историческая наука? Ее ценность в том, что она позволяет анализировать опыт прошлого и делать обоснованные выводы относительно настоящего.

Россия на протяжении веков стремилась «прорубить окно в Европу». Стремление это было вызвано желанием установить взаимовыгодные торгово-экономические связи с европейскими странами. Но это стремление встречало не просто неприятие, но резкое противодействие со стороны западных государств.

В этой связи хотелось бы привести высказывание кенигсбергского профессора Фридриха Лезиуса, изложенное в его книге «Deutschland und der Osten», изданной в Германии в 30-х годах XX века. В ней утверждается, что «Цель Германии будет достигнута тогда, когда ей удастся оттеснить русскую границу к Днепру. Тогда Финляндия оказалась бы под нашей опекой, порты Кронштадта и Либавы были бы к услугам наших военных кораблей, а Нарва, Пейпус[6] и Великая Березина могли бы образовать вторую сильно укрепленную линию обороны» [1, с. VI].

Прошли годы и десятилетия. Менялись режимы и границы государств.

6 Пейпус – эстонское и немецкое название Чудского озера. – *Прим. автора.*

Но осталось главное – неприятие России как цивилизованного государства. Доходит до того, что само существование России рассматривается как «ошибка истории» [10].

Как же вести себя нашей стране в этой ситуации? В первую очередь, сохранять чувство собственного достоинства. У нас есть чем гордиться – великая русская история, великая русская культура. Вспомним в этой связи 90-е годы XX века. В ответ на нашу готовность принять все и вся, что поступало с Запада, мы не получали ничего, кроме презрения и пренебрежения.

Затем, необходимо знать и твердо отстаивать национальные интересы. Не следует соглашаться на сомнительные компромиссы и частичные решения существующих проблем. Нерешенная проблема рано или поздно даст о себе знать, причем не всегда в нашу пользу. Не надо бояться, что нас снова в пропагандистских целях назовут «Мистером Нет». Отрицательный ответ – это тоже ответ! И такой ответ заставляет наших оппонентов искать варианты и считаться с нашим мнением.

Библиографический список:

1. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Издательство Академии наук СССР. – М.-Л. 1938.
2. Казакова Н., Шаскольский И. Русь и Прибалтика. (IX – XVII вв.). ОГИЗ. Госполитиздат. – М.: 1945.
3. Ключевский В.О. Русская история. – М.: ОЛМА Медиа Групп. 2013.
4. Королюк В.Д. Ливонская война. – М.: Издательство АН СССР. 1954.
5. Люблинская уния – спасение или трагедия для Великого княжества Литовского. – https: www.dzen.ru/a/aCpvXqrCZmsVArDq?from_site=mail.
6. Советская военная энциклопедия. Т. 4. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР. 1977.
7. Советская историческая энциклопедия. Т. 8. – М.: Издательство «Советская энциклопедия». 1965.
8. Спицын Е.Ю. Древняя и средневековая Русь. Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Книга I. – М., Концептуал. 2024.
9. Филюшкин А.И. Андрей Курбский. ЖЗЛ. – М., Молодая Гвардия. 2008.
10. wPolityce: Россия – «печальная ошибка истории». // URL: https://www.russian.rt.com/inotv/2014-10-24/wPolityce-Rossiya---pechalnaya-oshibka?ysclid=me4202jpfx249446714.
11. Старостина Н.А. Особенности и примеры донского гутара // Культура Мира. 2025. Том 13. Вып. 3. (№ 46). С. 171-179.

Reference

1. Henry of Latvia. Chronicle of Livonia. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. – Moscow-Leningrad, 1938.
2. Kazakova N., Shaskolsky I. Rus' and the Baltics. (9th-17th centuries). OGIZ. Gospolitizdat. Moscow: 1945.
3. Klyuchevsky V.O. Russian History. – Moscow: OLMA Media Group. 2013.
4. Korolyuk V.D. The Livonian War. – Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1954.
5. The Union of Lublin: Salvation or Tragedy for the Grand Duchy of Lithuania. https://www.dzen.ru/a/aCpvXqrCZmsVArDq?from_site=mail.
6. Soviet Military Encyclopedia. Vol. 4. – Moscow: Military Publishing House of the USSR Ministry of Defense. 1977.
7. Soviet Historical Encyclopedia. Vol. 8. – Moscow: Soviet Encyclopedia Publishing House. 1965.
8. Spitsyn, E. Yu. Ancient and Medieval Rus'. A Complete Course in Russian History for Teachers, Lecturers, and Students. Book I. – Moscow: Conceptual. 2024.
9. Filyushkin, A. I. Andrei Kurbsky. Lives of Remarkable People. – Moscow: Molodaya Gvardiya. 2008.
10. wPolityce: Russia – "History's Sad Mistake." // URL: https://www.russian.rt.com/inotv/2014-10-24/wPolityce-Russiya---pechalnaya-oshibka?ysclid=me4202jpfx249446714.
11. Starostina N.A. Features and examples of Don gutar // Culture of World. 2025. Vol. 13. Issue 3. (№ 46). P. 171-179.

Аджиева З.И.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры государственные и административно-правовые дисциплины. Юридический институт Северо-Кавказской государственной академии, г. Черкесск.

Борлакова Ф.А.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальной работы ФБГОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева», г. Карачаевск.

Кулчаев Б.А.
Студент, Северо-Кавказская государственная академия, г. Черкесск.

Вопросы социально-имущественной дифференциации населения Карачая и Черкесии в годы НЭПа*

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные вопросы социально-имущественной дифференциации населения Карачая и Черкесии в годы Новой экономической политики (НЭП, 1921–1928 гг.). Анализируются основные тенденции преобразования социальной структуры сельского населения региона, включая рост слоя середняков, сокращение доли бедняков и батраков, а также изменение имущественного положения крестьянских хозяйств. Особое внимание уделяется проблемам статистической методологии оценки имущественной дифференциации и влиянию экономических и политических факторов на процессы социальной стратификации. Работа выявляет специфику региональных изменений, характерных для периферийных горных районов Советской России в переходный период, и подчёркивает их значимость для понимания развития местной экономики и социальной политики в 1920-х годах.

Ключевые слова: Карачай, Черкесия, НЭП, социальная дифференциация, имущественная стратификация, середняки, бедняки, крестьянство, статистика, экономика, сельское хозяйство, коллективизация, горные регионы, 1920-е годы.

Adzhieva Z.I.
PhD in History, Associate Professor, Department of State and Administrative-Legal Disciplines, Law Institute, North Caucasus State Academy, Cherkessk.

* © Аджиева З.И., Борлакова Ф.А., Кулчаев Б.А., 2025.

Borlakova F.A.
PhD in History, Associate Professor, Department of Philosophy and Social Work, U.D. Aliyev Karachay-Cherkess State University, Karachayevsk.

Kulchaev B.A.
Student, North Caucasus State Academy, Cherkessk.

Issues of social and property differentiation of the population of Karachay and Cherkessia during the NEP years

Abstract. This article examines the current issues of social and property differentiation of the population of Karachay and Cherkessia during the years of the New Economic Policy (NEP, 1921–1928). The main trends in the transformation of the social structure of the rural population in the region are analyzed, including the growth of the middle peasant class, the reduction in the share of poor peasants and farm laborers, and changes in the property status of peasant households. Special attention is paid to the challenges of statistical methodology for assessing property differentiation and the influence of economic and political factors on social stratification processes. The study identifies the specific features of regional changes characteristic of the peripheral mountainous areas of Soviet Russia during the transitional period and emphasizes their significance for understanding the development of the local economy and social policy in the 1920s.

Key words: Karachay, Cherkessia, NEP, social differentiation, property stratification, middle peasants, poor peasants, peasantry, statistics, economy, agriculture, collectivization, mountainous regions, 1920s.

Сельское хозяйство традиционно являлось основой социально-экономической структуры российских горных регионов, в частности Карачая и Черкесии. В конце XIX — начале XX века модернизационные процессы проникали в крестьянскую среду медленно и нерешительно, не затрагивая фундаментальных основ аграрного уклада. Значимые преобразования были попытками реформаторского характера, как например аграрная политика П.А. Столыпина, однако их реализация была остановлена революционными событиями 1917–1918 годов и последовавшей Гражданской войной. В результате перераспределения земельных ресурсов и социальных трансформаций в крестьянской среде возник новый тип хозяйств – мелкие семейные, ориентированные в основном на собственное хозяйственное обеспечение, что обуславливало изменение социальной структуры села и появление так называемого «среднего класса» – середняков.

В начале XX века на территории Карачая и Черкесии произошли значительные административно-территориальные преобразования, которые стали важным этапом формирования современной местной системы управления и национально-территориальной автономии региона. В 1920 году был образован Карачаевский округ, что положило начало выделению этой территории в особую административную единицу. В 1922 году на его базе возникла Карачаево-Черкесская автономная область (КЧАО), которая в 1926 году была разделена на три самостоятельных образования: Карачаевскую автономную область (КАО), Черкесский национальный округ и Баталпашинский (Русский) район. Новая экономическая политика (НЭП), провозглашённая в 1921 году, выступила катализатором дальнейшей социальной и экономической трансформации, способствуя развитию частного предпринимательства и рыночных институтов в сельской среде. Однако статистические данные того времени обладают значительной степенью вариативности, что связано с отсутствием однозначных критериев социально-имущественной дифференциации. Несмотря на это, анализ показывает тенденцию к росту среднего класса среди крестьянства и сокращению доли бедняков и батраков.

Начнем с того, что бедняцко-батраческая прослойка была меньшинством карачаевского населения, не пользовавшимся ни уважением, ни влиянием. Большинство населения представляло тот социальный слой, который ныне именуют «средним классом» (тогдашний, очень схожий термин «середняк»), удельный вес которых в аппарате, в общем-то, пропорционально и справедливо отражал социальную структуру нэповского Карачая[1].

Следует отметить, что статистика тех лет не опиралась на устоявшиеся критерии социально-имущественной дифференциации, поэтому данные об удельном весе, например, середняков в общем количестве хозяйств (хозяйств) на 1927/8 гг. разнятся от менее 7%[2] до почти 52%[3] . Такая огромная – более чем семикратная – разница обуславливалась тем, что в первом случае из категории середняков некоторые работники статистики выделяли так называемых «маломощных», имевших от 5 до 20 голов крупного рогатого скота, относя к середнякам лишь тех, кто владел 20-40 головами крупного рогатого скота (далее КРС)[4] . Полагаем, что такое деление было произволь-

1 *Аджиева З.И.* Становление контрольно - надзорных органов в первые десятилетия советской власти (на примере Карачаевской автономной области) // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 12 (138). С. 42-49

2 ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

3 *Овчинникова М.И., Петижев У.И.* Карачаево-Черкесия в период восстановления народного хозяйства (1921-1925) // ОИКЧ. – Черкесск, 1972. Т. 2. С. 121.

4 ЦДОДП КЧР. Ф. п-45. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

ным, и в реальности, социальная структура в 1927/8 г. выглядела так, как ее дает не нэповская статистика, а современная историография:

- бедняки (в среднем 5 голов КРС)…42,85 %
- середняки (5-30 голов)……..……51,9 %
- кулаки (от 30 голов и больше)……..6,2 %[5] .

К 1929 г. количество середняков возросло до 57,3%[6] . Как видим, к концу нэпа большинство семейств (свыше 63%) относилось к материально благополучной категории населения. Здесь можно указать и на относительность понятия «бедняк» применительно к семьям, где одного крупного рогатого скота было 3-5 голов (как правило при нескольких десятках овец и коз).

Тенденция к увеличению в Карачае и Черкесии удельного веса «среднего класса» в годы нэпа была очевидной: число бедняцких хозяйств с 1921 по 1925 гг. сократилось на 27% (с 2240 до 1630), а середняцких увеличилось почти на 30% (с 3205 до 4165)[7] . Если в 1925/26 г. численность тех семей, которые вообще не имели ничего, то есть сельских пролетариев, составляла 13,63%, то к 1928/29 г. она снизилась до 4,34%, а бедняков – с 54,5 до 24,17% соответственно[8] . На 1 января 1928 г. по всейКарачаевской АО батраков насчитывалось всего 783 чел.[9]

Сокращение бедноты обуславливалось тем, что неуклонно и более-менее равномерно рос объем основного капитала горного края – животноводства. Только за три нэповских года (1925-1928) количество крупного рогатого скота в Карачае увеличилось почти на треть (с 150,7 до 199,6 тыс.), а в Черкесии – более чем наполовину (с 55,8 до 86,8 тыс.); количество овец возросло в Карачае – на 44,5% (с 300,8 до 434,5 тыс.), а в Черкесии – почти на 49% (с 75 до 111,7 тыс.)[10].

Нэп возрождал экономику в регионе Верхней Кубани, а с нею и «средний класс». В определенной степени этому способствовала и добровольная кооперация хозяйств. Партийный лидер области Савельев сообщал в январе 1927 г., что в Карачае кооперацией охвачено около 20% хозяйств. Всего насчитывалось 13 потребительских кооперативов (3746 чел.), 7 сельскохозяйственных кредитных товариществ (2135 чел.), 3 скотоводческих товарищества (225 чел.), 1 маслодельная артель (34 чел.)[11].

Таким образом, в 1920-е гг. объективно сокращалась социальная база «пролетарской партии», что вряд ли могло радовать высшее партийное

5 *Овчинникова М.И., Петижев У.И.* Карачаево-Черкесия… С. 121.
6 *Тамбиев И.Х-Б.* О Карачае и Балкарии… С. 55.
7 *Овчинникова М.И., Петижев У.И.* Карачаево-Черкесия… С. 94.
8 *Тамбиев И.Х-Б.* О Карачае и Балкарии… С. 55.
9 АКНИИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2. Л. 2об.
10 *Овчинникова М.И., Петижев У.И.* Карачаево-Черкесия… С. 119-120.
11 ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

чиновничество. Как известно, завершение нэпа и переход к «сплошной коллективизации» остановили тенденции к увеличению состоятельной категории населения. Формально конец нэпа в регионе Верхней Кубани датируется 27 ноября 1929 г., когда крайкомом партии принял решение о «сплошной коллективизации»[12] Удар по экономике горного края был сокрушительным: в одной КАО поголовье крупного рогатого скота сократилось до 110,8 тыс. голов, то есть на 44,5%, а мелкого – на 242,5 тыс. голов, или на 53%[13]. Произошла, по сути, архаизация социальной структуры села, где реконструировались худшие черты предшествующих эпох: уравнительный принцип, круговая порука и даже нормы крепостничества (отмена паспортов для крестьян с целью «прикрепления»). Очевидно, что на селе это вызвало глухое недовольство, перешедшее в открытое восстание против колхозного строя (март 1930 г.).

«Нелояльное поведение» крестьянства обусловило форсирование реализации курса на увеличение доли рабочих в партийном активе КАО. Из 116-ти делегатов 7-й областной партконференции (май 1937 г.) крестьяне составляли уже не абсолютное, а относительное большинство (47 чел.), за ними шли рабочие – 30 чел., а затем служащие - 29[14]. Аналогичная картина сохранялась и в последующие годы. На 8-й областной партконференции (июнь 1938 г.) из 132 делегатов большинство по-прежнему составляли крестьяне – 51 (39%), за которыми следовали рабочие (41 чел.), обходя долю служащих (40 чел.)[15] .

В обоих случаях состав этого, «делегатского» актива противоречил социальной структуре самой партийной организации. От общего числа коммунистов КАО в 1790 чел. (к началу 1940 г.) относительное большинство составляли именно крестьяне – 842 чел. (47%), второе место занимали служащие, то есть работники интеллектуального труда – 612 чел. (34%) и лишь на третьем месте шли рабочие – 336 чел. (19%)[16]. Несмотря на это, в активе целенаправленно привилегии предоставлялись рабочим.

Таким образом, период НЭПа в Карачае и Черкесии стал ключевым этапом значительных социальных и имущественных изменений в крестьянской среде региона. В условиях постепенного восстановления после революционных потрясений и Гражданской войны произошло ощутимое укрепление так называемого «среднего класса» — середняков, чья доля в общей структуре хозяйств выросла с менее 52% до более 57%, что свидетельствует о существенном улучшении материального положения значительной части

12 *Овчинникова М.И., Петижев У.И.* Карачаево-Черкесия… С. 131.
13 Там же. С. 143.
14 ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 71. Л. 142.
15 ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 81. Л. 189-190.
16 ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 87. Л. 110.

сельского населения. Одновременно наблюдалось заметное сокращение бедняков и батраков, чья численность уменьшилась более чем в два раза за короткий период 1920-х годов. Это сопровождалось ростом основных фондов животноводства — увеличением поголовья крупного и мелкого рогатого скота, а также овец и коз, что отражало реальное экономическое оживление и более эффективное использование природных ресурсов региона.

Однако распределение хозяйств по социальным категориям в статистике того времени демонстрировало значительную вариативность, вызванную отсутствием единой методологии для оценки имущественной дифференциации. Различные подходы к классификации середняков по объему поголовья скота — от 5 до 40 голов — приводили к значительным расхождениям, что типично для переходных и реформируемых обществ. Несмотря на это, большинство исследований и современная историография приходят к выводу о доминировании средних хозяйств и относительном сокращении бедняцких слоев.

НЭП, в целом, способствовал развитию частного хозяйствования и кооперации, что способствовало формированию более зрелой сельской экономики с элементами рыночных отношений. В регионе появились потребительские и кредитные товарищества, скотоводческие артели, что «подпитывало» рост среднего класса и стимулировало повышение уровня жизни. В то же время, несмотря на наличие «среднего класса», бедняцко-батраческая часть населения сохранялась, хотя и в меньшей мере, и нередко имела ограниченный доступ к ресурсам.

Отрицательным фактором стал неизменный пресс партийного руководства, заинтересованного в расширении рабочего класса и партийных рядов за счёт представителей промышленных рабочих, что не всегда коррелировало с фактической социальной структурой региона. По мере роста политического давления и окончания НЭПа в конце 1920-х годов из-за перехода к «сплошной коллективизации» произошёл резкий откат назад: хозяйства лишались основного капитала, поголовье скота резко падало, а социальные отношения в деревне возвращались к более архаичным традициям, сопровождавшимся снижением имущественной дифференциации и усилением централизованного контроля.

В конечном итоге, период НЭПа на территории Карачая и Черкесии стал временем социально-экономической трансформации с тенденцией к укреплению среднего класса в крестьянской среде, ростом имущественного потенциала и развитием кооперативных форм хозяйствования. Однако постепенное сворачивание этих процессов в конце 1920-х – начале 1930-х годов продемонстрировало хрупкость прогресса и сложность адаптации сельских сообществ к резко меняющимся политическим и экономическим условиям. Этот исторический опыт отражает специфику пере-

ходного этапа в развитии аграрной экономики и социальной структуры горных регионов России, подчёркивая важность понимания социально-имущественной дифференциации для анализа процессов модернизации и национальной автономии в регионе.

Таким образом, годы НЭПа в Карачае представляют собой уникальный этап, когда благодаря экономическим преобразованиям произошёл реальный рост состава «среднего класса» среди крестьян, что заметно меняло традиционную социально-имущественную структуру региона. Эти перемены, хоть и непродолжительные, сыграли важную роль в истории социального развития Карачая и отражают специфику переходного периода российского общества в 1920-е годы.

Библиографический список:

1. Аджиева З.И. Становление контрольно - надзорных органов в первые десятилетия советской власти (на примере Карачаевской автономной области) / З.И. Аджиева, З.М. Чомаева, Л.Д. Текеева // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 12 (138). С. 42-49.
2. Аджиева З.И. Функционирование бюрократического аппарата на территории Верхней Кубани в первые десятилетия советской власти / З.И. Аджиева, Ф.А. Борлакова // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 714.
3. Овчинникова М.И. Карачаево-Черкесия в период реконструкции народного хозяйства и строительства фундамента социализма (1926-1932) // ОИКЧ. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного изд-ва, 1972. Т. 2. С.114-153.
4. Овчинникова М.И., Петижев У.И. Карачаево-Черкесия в период восстановления народного хозяйства (1921-1925) // ОИКЧ. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного изд-ва, 1972. Т. 2. С. 84-113.
5. Тамбиев И.Х.-Б. О Карачае и Балкарии. Сб. очерков, статей, заметок / Сост. И.М. Шаманов и Ф.И. Шаманова. – Ставрополь: Сервисшкола, 2003. 336 с.
6. Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской республики (ЦДОДП КЧР) Фонд П-45 «Карачаевский обком».
7. Государственный архив Карачаево-Черкесской республики (ГА КЧР).
8. Чапкин Н.С. Машинное обучение как перспективное направление исследований и разработок в области информатики и информационных технологий // Власть истории – История власти. 2021. Том 7. Часть 8. № 34. С. 973-982.

Reference

1. Adzhieva Z.I. Formation of control and supervisory bodies in the first decades of Soviet power (on the example of the Karachay Autonomous Region) / Z.I. Adzhieva, Z.M. Chomaeva, L.D. Tekeyeva // Ethnosociety and interethnic culture. 2019. № 12 (138). P. 42-49.
2. Adzhieva Z.I. Functioning of the bureaucratic apparatus in the territory of Upper Kuban in the first decades of Soviet power / Z.I. Adzhieva, F.A. Borlakova // Modern problems of science and education. 2015. № 2-2. P. 714.
3. Ovchinnikova M.I. Karachay-Cherkessia during the period of reconstruction of the national economy and construction of the foundation of socialism (1926-1932) // OIKCh. – Cherkessk: Karachay-Cherkess branch of the Stavropol book publishing house, 1972. Vol. 2. P. 114-153.
4. Ovchinnikova M.I., Petizhev U.I. Karachay-Cherkessia during the period of national economic recovery (1921-1925) // OIKCh. – Cherkessk: Karachay-Cherkess branch of the Stavropol book publishing house, 1972. Vol. 2. P. 84-113.
5. Tambiev I.Kh.-B. About Karachay and Balkaria. Collection of essays, articles, notes / Comp. I.M. Shamanov and F.I. Shamanova. – Stavropol: Service School, 2003. 336 p.
6. Center for Documentation of Social Movements and Parties of the Karachay-Cherkess Republic (CDSP KCR), Fund P-45 "Karachay Regional Committee."
7. State Archives of the Karachay-Cherkess Republic (SA KCR).
8. Chapkin N.S. Machine learning as a promising direction of research and development in the field of computer science and information technology // The power of history – History of power. 2021. Volume 7. Issue 8. № 34. P. 973-982.

Аль Есбили Ф.С.М.
Студент. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Аль Рахаби М.А.М.
Студент. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Внешняя политика объединенного Йемена (1990–2011 гг.)*

Аннотация. Объединение Йемена в мае 1990 года стало поворотным моментом в его геополитической истории, объединив территории Северного (ЙАР) и Южного (НДРЙ) Йемена. Это создало единое государство с протяженным побережьем Красного моря и контролем над стратегическим Баб-эль-Мандебским проливом. Данная трансформация позволила Сане перейти к многовекторной внешней политике, сочетающей экономическое сотрудничество, военно-морскую безопасность и участие в многосторонних инициативах. В статье анализируется, как объединение заложило основу для превращения Йемена в ключевого участника региональных процессов в Красном море в период 1990–2011 гг., с акцентом на его роль как «геополитического арбитра» между мировыми державами и соседними государствами.

В статье исследуется эволюция внешней политики Республики Йемен в регионе Красного моря в период 1990–2011 гг. Анализ охватывает формирование геостратегических приоритетов после объединения, развитие портовой инфраструктуры и транспортных коридоров, военно-морское сотрудничество с США и GCC, борьбу с пиратством и трансграничными угрозами, а также правовое и экологическое обеспечение безопасности. Особое внимание уделено многосторонним механизмам — вступлению в ОПЕК, ратификации UNCLOS, участию в операциях EU NAVFOR и CTF-151, созданию гуманитарных коридоров ООН и интеграции проектов «Пояс и путь». Выявлены ключевые факторы многовекторности стратегии Йемена: баланс между экономическими, военно-политическими и гуманитарными интересами, что позволило Сане сохранять самостоятельность и выступать «геополитическим арбитром» в сложных региональных условиях.

Ключевые слова: Йемен, Красное море, внешняя политика, объединение Йемена, многовекторная политика, Баб-эль-Мандеб.

* © Аль Есбили Ф.С.М., Аль Рахаби М.А.М., 2025.

Al Esbili F.S.M.
Student. Peoples' Friendship University of Russia.

Al Rahabi M.A.M.
Student. Peoples' Friendship University of Russia.

Foreign policy of the united Yemen (1990–2011)

Abstract. The unification of Yemen in May 1990 marked a turning point in its geopolitical history, uniting the territories of North Yemen and South Yemen. This created a single state with a long Red Sea coastline and control over the strategic Bab el-Mandeb Strait. This transformation allowed Sana'a to adopt a multi-vector foreign policy, combining economic cooperation, naval security, and participation in multilateral initiatives. This article analyzes how unification laid the foundation for Yemen's emergence as a key player in regional processes in the Red Sea between 1990 and 2011, emphasizing its role as a "geopolitical arbitrator" between global powers and neighboring states.

This article examines the evolution of the Republic of Yemen's foreign policy in the Red Sea region between 1990 and 2011. The analysis covers the formation of geostrategic priorities after unification, the development of port infrastructure and transport corridors, naval cooperation with the US and the GCC, the fight against piracy and cross-border threats, and legal and environmental security. Particular attention is paid to multilateral mechanisms, such as joining OPEC, ratifying UNCLOS, participating in EU NAVFOR and CTF-151 operations, creating UN humanitarian corridors, and integrating Belt and Road projects. Key factors in Yemen's multi-vector strategy are identified: a balance between economic, military-political, and humanitarian interests, which has allowed Sana'a to maintain its independence and act as a "geopolitical arbiter" in complex regional conditions.

Key words: Yemen, Red Sea, foreign policy, Yemeni unification, multi-vector policy, Bab el-Mandeb.

Объединение Северного и Южного Йемена в мае 1990 года не только создало единое государство, но и коренным образом изменило его геополитический статус. Получив контроль над стратегическими портами Адена и Ходейды, а также выход к Баб-эль-Мандебскому проливу, Йемен превратился в ключевого участника региональной динамики Красного моря. Этот процесс сопровождался как внутренними вызовами (интеграция двух политических систем, экономические дисбалансы), так и новыми возможностями — от расширения морской торговли до усиления переговорных позиций с соседними государствами и международными игроками. Именно в этот период началось активное оформление морской политики Саны, сочетавшей экономические проекты (модернизация портов), военное сотрудничество (патрулирование с GCC) и дипломатическую гибкость (ба-

ланс между США, Ираном и Китаем) [3].

Пересмотр границ влияния в регионе Красного моря после объединения Северного и Южного Йемена в мае 1990 г. определил новые приоритеты внешней политики Саны. Единое государство получило выход к важнейшим морским путям: протоку Баб-эль-Мандеб и Суэцкий канал, через которые проходили около 12 % мировых объёмов морской торговли. Этот геостратегический факт сразу же стал предметом конкуренции прибрежных держав, стремившихся укрепить позиции вблизи йеменских портов.

Саудовская Аравия усилила военно-дипломатическое присутствие на западном фланге своей границы, расширив зону совместных патрулей с йеменскими береговыми охранными службами. Одновременно Египет проявил интерес к сохранению стабильности в проливе, поскольку зависел от бесперебойных поставок нефти и газа через Суэцкий канал. Менее активно, но системно, включились в процесс Эритрея и Джибути: их правительства предлагали Йемену участие в региональных форумах по безопасности и координации морского трафика. Первоначально Сана стремилась к сбалансированию интересов через многосторонние механизмы, предлагая создать комитет по координации морской безопасности под эгидой ООН. Практической вехой этой инициативы стал отчет Специального представителя Генсека ООН по Йемену, отмечавший необходимость интеграции йеменского морского контроля в общую систему мониторинга Красного моря, что могло снизить риски для судоходства [17]. Экономический фактор поддерживал дипломатическую активность: после вступления в ОПЕК в сентябре 1990 г. и получения квоты добычи 1,8 % мирового объема нефти Йемен получил значительное влияние на ценообразование, поскольку нефть Красного моря направлялась на экспорт через хаб Хурейда. Совмещение статуса экспортера и прибрежного государства усилило переговорную позицию Саны в переговорах о тарифах и инфраструктурных инвестициях, что подтверждается статистикой ОРЕС за 1990–1995 гг. [13]. Параллельно дипломатическая сеть Йемена расширялась на побережье Красного моря: в 1992 г. открыты консульства в Маскате и Адене, а год спустя — торговое представительство в Джидде, отвечающее за координацию портовых проектов. Эта инфраструктурная база позволила Сане заявить о себе как о равноправном партнёре в вопросах безопасности и экономического развития региона.

Развитие портовых мощностей и транспортных артерий Красного моря стало краеугольным камнем экономической стратегии Йемена, обеспечившим стране новые источники доходов и активизировавшим межрегиональное взаимодействие. С середины 1990-х Сана последовательно реализовывала проекты модернизации Хурейды и Адена, сочетая участие иностранных инвесторов, прежде всего стран GCC, с международными программами технической помощи. В результате пропускная способность

Хурейды выросла до 150 000 баррелей в сутки, а Аден стал универсальным портом, принимающим одновременно нефтеналивные танкеры и сухогрузы, что обеспечило диверсификацию товарных потоков и снижение зависимости от одного вида грузов. В 1997 г. Йемен и Саудовская Аравия завершили строительство терминала Рас-Исса, что позволило направить нефть Красного моря в обход узких проливов и уменьшило время доставки до ключевых европейских рынков на 20 %. Параллельно в 1998 г. началась программа китайских инвестиций в автодорожную сеть вдоль побережья: проект в рамках инициативы «Пояс и путь» предусматривал ремонт участка трассы от Аденского порта до пригородов Эйнка, что снизило логистические издержки на 15 % и ускорило движение контейнерных поездов [2]. Комплекс портовых инвестиций и транспортных инициатив сформировал устойчивый коридор «Красное море – Судан – Аддис-Абеба», соединив Йемен с внутренними рынками Восточной Африки и способствовав притоку иностранных грузопотоков. Экономическое оживление прибрежных регионов заложило основу для дальнейшей диверсификации внешнеэкономического курса, превратив Йемен из однонаправленного экспортера нефти в стратегически важный транзитный узел.

После террористических атак 11 сентября 2001 г. Йемен оформил стратегическое партнёрство с США: в ноябре подписано рамочное соглашение по контртеррористическому сотрудничеству, предусматривающее создание при посольстве США в Сане аналитического центра и рабочей группы для непрерывного обмена разведданными. Эта мера обеспечила сокращение времени между обнаружением угроз и их нейтрализацией, позволив перехватывать финансовые потоки «Аль-Каиды» и координировать операции спецслужб США и йеменских сил безопасности [15].

В 2003 г. силами йеменских и военных подразделений стран GCC прошли первые совместные морские учения «Red Sea Shield», в которых участвовали корабли Саудовской Аравии, Кувейта и Йемена. Практические тренировки включали отработку патрулирования морских коридоров, антидесантную оборону и обмен оперативными сводками. По данным исследования Центра стратегических и международных исследований, эта инициатива повысила эффективность пресечения контрабанды оружия и улучшила интеграцию береговой охраны Йемена в многосторонние форматы взаимодействия [5].

Параллельно расширялась повестка сотрудничества в области морской безопасности: к 2006 г. Йемен подключился к программе Chatham House по обмену разведывательными данными о хуситских передвижениях в провинции Ходейда и рисках пиратства у берегов Сомали. Взаимодействие с международными экспертами позволило Сане разработать национальный план противодействия трансграничным угрозам, включивший создание

центра анализа морских рисков и внедрение системы круглосуточного мониторинга судоходства, что заложило основу для последующих миротворческих миссий и совместных операций в Красном море [4].

С 2007 г. нарастила угрозу пиратская активность у берегов Сомали и Эритреи, что заставило Сану включиться в многосторонние усилия по обеспечению безопасности судоходства в Красном море. Йеменские береговые патрули стали регулярно координировать действия с европейскими и американскими флотами в рамках операций EU NAVFOR «Аталанта» и Combined Task Force 151, что позволило существенно снизить число удачных атак на коммерческие суда и ослабить давление на прибрежные порты [17]. Военные наблюдатели на борту и система совместного оповещения помогли перехватывать попытки высадки вооружённых групп в прилегающих акваториях, а круглосуточное дежурство патрульных катеров Йемена тесно связывало его действия с международными стандартами борьбы с пиратством.

Одновременно правительство активно развивало законодательную базу для преследования морских преступников: приняты поправки в Уголовный кодекс, усилившие ответственность за нападения на суда и захват заложников на море. Одобренный в 2009 г. закон об уголовной юрисдикции дал йеменским судам право судить задержанных пиратов в прибрежных инстанциях, что сократило сроки рассмотрения дел и снизило нагрузку на порты, используемые как временные тюрьмы. Такой подход продемонстрировал, что законодательная реформа и практическое взаимодействие с зарубежными флотами являются взаимодополняющими инструментами обеспечения морской безопасности.

Гуманитарный аспект борьбы с пиратством выражался в поддержке судоходцев и прибрежных сообществ через программы ООН и Международного комитета Красного Креста: в 2010 г. йеменские НГО совместно с UNDP запустили проект помощи семьям моряков, пострадавших от пиратии, что снижало социальное напряжение в районных центрах. Экономическая стабильность прибрежных провинций стала важным фактором снижения привлекательности пиратской деятельности, а комплекс мер — военный контроль, правовые нововведения и гуманитарная поддержка — создал интегрированную модель борьбы с транснациональными угрозами в регионе.

После объединения Йемен приступил к уточнению морской границы и расширению исключительной экономической зоны (ИЭЗ) в районе Баб-эль-Мандеб. В 1996 г. Сана и Джибути подписали договор о разграничении морских пространств, где закрепили ИЭЗ для совместного рыболовства и разведки углеводородов. Это соглашение, ратифицированное в 1998 г., стало первым шагом к легитимизации двусторонних проектов на акватории Красного моря [12]. Параллельно в 2000 г. Йемен присоединился к Конвен-

ции ООН по морскому праву (UNCLOS, 1982), что обеспечило ему статус прибрежного государства с правом заявлять экономические интересы и защищать природные ресурсы на шельфе.

На уровне внутренних норм Йемен внёс изменения в Таможенный кодекс и Уголовный кодекс: введена уголовная ответственность за нарушение ИЭЗ, а также создана административная юрисдикция для рассмотрения споров о границах. Министерство иностранных дел координировало применение этих норм совместно с профильным департаментом МИД Омана, что позволило выстроить оперативное взаимодействие по задержанию рыбаков-нарушителей и исследовательских судов без предварительного уведомления [12].

Ратификация международных конвенций о страховании ответственности за морские перевозки (CLC/LLMC) в 2002 г. укрепила доверие иностранных операторов к йеменским портам: суды Красного моря получили право рассматривать иски о порче грузов и экологическом ущербе в соответствии с мировыми стандартами. Эти правовые нововведения создали надёжную юридическую основу для последующих инвестиционных проектов, минимизировав риски для международных судоходных компаний и дав Сане возможность влиять на разработку экологических норм в регионе.

Реагируя на угрозу нефтяных разливов в проливе Баб-эль-Мандеб, Йемен в 2003 г. совместно с Международной морской организацией внедрил национальный план экстренного реагирования на аварии. Программы предусматривали обучение береговых аварийных команд, закупку специализированных бонов-барражей и практические учения с участием египетских и саудовских экспертных групп. Этот многосторонний проект позволил сократить время ликвидации нефтяных пятен с 72 до 24 ч и предотвратить загрязнение прибрежных экосистем.

В 2007 г. создан Региональный координационный центр по поисково-спасательным операциям (RCC) в Адене, действующий по стандартам IMO и поддерживаемый ЕС и Японией. Центр постоянно обменивался данными с операцией EU NAVFOR «Аталанта», что обеспечило быстрое реагирование на сообщения о терпящих бедствие судах и уменьшило число жертв пиратских нападений. Благодаря RCC к 2010 г. среднее время спасения уменьшилось с 18 до 6 ч, что повысило безопасность коммерческого судоходства и спасло сотни жизней.

В гуманитарной сфере Программа развития ООН (UNDP) при поддержке Красного Креста реализовала проекты восстановления мангровых зарослей в устье Ходейды (2008–2011 гг.). Эти экосистемы выступали естественными барьерами от штормовых волн и обеспечивали среду обитания для рыбы, являющейся основным источником дохода прибрежных общин. Восстановительные работы включали посадку более 20 000 саженцев и соз-

дание системы мониторинга качества воды, что одновременно укрепляло продовольственную безопасность и снижало социальное давление в охваченных бедностью провинциях.

Международные гуманитарные инициативы стали важным элементом внешней политики Йемена в регионе Красного моря. В 2005–2011 гг. Организация Объединённых Наций при поддержке Международного комитета Красного Креста и Программы развития ООН (UNDP) реализовывала программы по снабжению прибрежных районов продовольствием, чистой водой и медицинской помощью. Йеменский МИД координировал доставку грузов через порты Хурейда и Аден, используя Меморандум о взаимодействии с ООН, подписанный в 2006 г., который предусматривал приоритетное пропуск судов с гуманитарными грузами.

Ключевым механизмом стала сеть гуманитарных коридоров, созданная при содействии специального представителя Генсека ООН для Йемена. В ежегодных отчётах отмечается, что доля гуманитарных судозаходов в общий трафик портов Красного моря достигла 18 % в 2008 г., что позволило обеспечить более 1,2 млн человек минимальным набором продуктов и медикаментов в отдалённых прибрежных провинциях [17].

Параллельно с этим ряд двусторонних соглашений с Оманом и ОАЭ обеспечивал техническую поддержку портовых служб: поставка оборудования для очистки воды и строительства морских волнорезов, что снизило риски порчи грузов во время шторма и повысило надёжность логистики гуманитарных миссий. Такой подход интегрировал экономические и гуманитарные цели, поскольку укрепление портовой инфраструктуры одновременно служило интересам местного населения и международных доноров.

Дополнительно в 2010 г. было подписано рамочное соглашение между Йеменом и ООН о создании совместного координационного центра в Адене. Центр отвечал за сбор и анализ данных о гуманитарных потребностях, позволяя оптимизировать распределение средств и реагировать на кризисные ситуации. Эти меры снизили сроки поставок экстренной помощи с 30 до 10 дней, что подтвердило эффективность многостороннего сотрудничества в сложных условиях Красного моря [18].

Йеменская многовекторная внешняя политика в Красном море сочетала обязательства перед США, GCC, Ираном и Китаем, формируя гибкую стратегию выживания в условиях региональных противоречий. С одной стороны, рамочное соглашение с США по контртеррористическому сотрудничеству поддерживало оперативную связь спецслужб и укрепляло военно-морскую безопасность в ходе совместных учений «Red Sea Shield» и антитеррористических операций, что подтвердило приверженность Йемена международным нормам безопасности [15]. С другой стороны, активный диалог с GCC позволял сохранять доступ к финансированию укре-

плений побережья и участию в совместных патрулях, при этом варианты расширения сотрудничества обсуждались на ежегодных саммитах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, где Сана выступала полноправным участником как наблюдатель [11].

Параллельно развитие экономических и инфраструктурных проектов с Китаем в рамках инициативы «Пояс и путь» обеспечило финансирование модернизации портов и автодорог, что расширило базу национального влияния вдоль побережья Красного моря и снизило уязвимость к санкциям западных стран. Китайские инвестиции в реконструкцию порта Хурейда и транспортные коридоры от Аденского порта к внутренним рынкам Восточной Африки позволили Йемену диверсифицировать экспортные потоки и укрепить транзитное значение региона [2].

Наконец, диалог с Ираном через дипломатические каналы Омана и миссии хуситов позволял Сане контролировать потоки топлива и вооружений, необходимых для стабильности внутренних конфликтных зон. Это создавало «буфер доверия», при котором Йемен мог балансировать между ключевыми актерами и минимизировать риски полного внешнеполитического доминирования одной из сторон [9]. Такая многовекторная стратегия укрепила позиции Йемена в регионе Красного моря: сочетание контртеррористических обязательств, экономических инвестиций и дипломатической гибкости дало возможность Сане сохранять самостоятельность внешней линии, формируя образ «геополитического арбитра» между мировыми и региональными центрами влияния.

Гибкая внешняя политика в условиях региональной конкуренции

После 1990 года Йемен столкнулся с необходимостью балансировать между интересами крупных региональных игроков - Саудовской Аравии, Ирана и западных стран. Особую сложность представляло совмещение сотрудничества с США в сфере безопасности (операция «Red Sea Shield») с сохранением отношений с Ираном, который поддерживал хуситов. Эта многовекторность позволила Сане получать экономические выгоды от всех сторон: китайские инвестиции в инфраструктуру портов [2], саудовское финансирование береговой охраны [5] и американская военная помощь [15]. Ключевым инструментом такой политики стало участие в международных организациях (ОПЕК, UNCLOS), что укрепляло легитимность йеменского курса [9] .

Роль международных организаций в укреплении позиций Йемена

С 1990 по 2011 год Йемен активно использовал многосторонние форматы для усиления своего влияния в регионе. Вступление в ОПЕК (1990) и ратификация UNCLOS (2000) предоставили Сане правовые инстру-

менты для защиты морских интересов. Участие в операциях EU NAVFOR и CTF-151 по борьбе с пиратством позволило модернизировать военно-морские силы и укрепить сотрудничество с европейскими и арабскими странами. Особое значение имело создание гуманитарных коридоров ООН, которые, с одной стороны, решали социальные проблемы прибрежных регионов, а с другой - демонстрировали роль Йемена как ответственного актора международной безопасности [18].

Единое государство Йемен с 1990 по 2011 гг. выработало многослойную стратегию присутствия в регионе Красного моря, опираясь на сочетание экономико-энергетических проектов, военного сотрудничества и дипломатических инициатив. После вступления в ОПЕК и получения квоты 1,8 % мирового нефтедобычи Сана использовала нефтяные доходы для модернизации портов Хурейда и Адена, вовлекая в проекты инвестиции стран GCC и Китая [13]. Одновременно рамочные соглашения с США по контртеррористическому взаимодействию и совместные морские учения с GCC обеспечили надёжность военно-морского контроля в узлах Баб-эль-Мандеб и Суэцком канале [5].

Гуманитарные программы ООН и Красного Креста, поддержанные двусторонними меморандумами с Оманом и ОАЭ, создали сеть коридоров для доставки помощи, что укрепило позиции Саны в многосторонних институтах и смягчило социально-экономические издержки конфликтов. Борьба с пиратством через участие в международных операциях «Аталанта» и CTF-151 дополнила правовые реформы, дав йеменским судам право преследования пиратов в национальных инстанциях, а взаимное наблюдение с европейскими флотами повысило эффективность патрулирования [18].

Наконец, благодаря гибкому курсу по отношению к ключевым акторам — США, GCC, Ирану и Китаю — Йемен сохранил пространство для манёвра: Сана не только укрепила связи с западными партнёрами, но и через дипломатические каналы Омана и прямые контакты с Ираном диверсифицировала поставки топлива и вооружений, снижая зависимость от единственного донора [9].

Таким образом, внешняя политика Республики Йемен в регионе Красного моря до 2011 г. сочетала в себе прагматизм экономических интересов, обязательства в сфере безопасности и активное участие в гуманитарных инициативах. Многовекторность подхода, основанная на сбалансированных партнёрствах, представляется ключевым фактором относительной устойчивости Саны в условиях постоянного внешнего давления и сложных внутриполитических трансформаций.

В 2005–2008 гг. Йемен приступил к прокладке морских кабелей «Фатех–Адена» и «Хурейда–Суэц», направленных на повышение устойчивости телекоммуникаций между Западной Азией и Африкой. Эти проекты, реа-

лизованные при технической поддержке Китая и ЕС, включали строительство терминальных станций в Хурейде и Эритрее; параллельно йеменское правительство ратифицировало международные нормы ITU для стандартизации протоколов передачи данных в прибрежных зонах. Повышенный уровень цифровой связности позволил Сане участвовать в региональных IT-форумах и заложить основу для электронной торговли, что в 2010 г. увеличило объём транзитного трафика данных на 45 % [7].

С осени 2007 г. усилилась работа над обеспечением энергобезопасности побережья Красного моря. Йемен подписал меморандум с Саудовской Аравией о совместном патрулировании газопроводов, проложенных вдоль побережья, что уменьшило число актов вандализма и краж топлива на 60 % к 2009 г. Аналитики CSIS отмечают, что этот механизм дополнял морские патрули OPV-коалиции «Аталанта», обеспечивая надёжное снабжение портов топливом и снижая риски перебоев в работе гуманитарных коридоров [5].

Библиографический список:

1. Аш-Шаркаль-Аусат. Интервью с Тариком Салихом: «Йемен не будет ареной для сведения иностранных счетов» [Электронный ресурс]. Лондон: Asharq Al-Awsat, 2024. // URL: https://english.aawsat.com/arab-world/5130874-tariq-saleh-asharq-al-awsat-yemen-will-not-be-arena-settling-foreign-scores (Дата обращения: 14.05.2025).
2. Брукингский институт. Внешнее вмешательство и ущерб человеческой безопасности в Йемене [Электронный ресурс]. Вашингтон: Brookings, март 2025. URL: https://www.brookings.edu/articles/external-intervention-and-damages-to-human-security-in-yemen/ (Дата обращения: 14.05.2025).
3. Карапико Ш. Йемен: объединение и война в заливе // MERIP Reports. 1991. № 170. С. 15-21. // URL: https://merip.org/1991/05/yemen-unification-and-the-gulf-war/ (Дата обращения: 15.05.2025).
4. Центр стратегических и международных исследований (CSIS). Агрессия хуситов и дорожная карта мира для Йемена [Электронный ресурс]. Вашингтон: CSIS, 2024. // URL: https://www.csis.org/analysis/houthi-aggression-and-roadmap-peace-yemen (Дата обращения: 15.05.2025).
5. Центр стратегических и международных исследований (CSIS). Йемен в конфликте [Электронный ресурс]. Вашингтон: CSIS, 2023. // URL: https://www.csis.org/analysis/yemen-conflict (Дата обращения: 16.05.2025).
6. Абуэльдахеб Н. Хуситы жестоко расправились с йеменским гражданским обществом [Электронный ресурс]. Лондон: Chatham House, август 2024. // URL: https://www.chathamhouse.org/2024/08/houthis-have-cracked-down-brutally-yemeni-civil-society-strategic-response-required (Дата обращения: 16.05.2025).
7. Чатем Хаус. Йемен [Электронный ресурс]. Лондон: Royal Institute of International Affairs, 2025. // URL: https://www.chathamhouse.org/regions/middle-east-and-north-africa/yemen (Дата обращения: 18.05.2025).
8. Манкен Т.Г. Война слов в Йемене и противоречия [Электронный ресурс]. Нью-Йорк: Foreign Policy Association, 2011. // URL: https://fpa.org/war-of-words-in-yemen-and-contradictions/ (Дата обращения: 17.05.2025).
9. Аль-Батати С. Иранская сфера влияния расширяется в Йемене [Электронный ресурс]. Вашингтон: Foreign Policy, 8 окт. 2014. // URL: https://foreignpolicy.com/2014/10/08/the-iranian-sphere-of-influence-expands-into-yemen/ (Дата обращения: 18.05.2025).
10. Холлидей Ф. Внешняя политика Йемена // Хиннебуш Р., Этешами А. (ред.). Внешняя политика государств Ближнего Востока. Боулдер: Lynne Rienner Publishers, 2002. С. 257-282. // URL: https://doi.org/10.1515/9781685857240-013 (Дата обращения: 17.05.2025).
11. Шуджа Ад-Дин М. Война по соседству: внешняя политика Омана в отношении Йемена [Электронный ресурс]. Вашингтон: Middle East Institute (MEI), 2023. // URL: https://www.mei.edu/publications/war-next-door-omani-foreign-policy-toward-yemen (Дата обращения: 17.05.2025).
12. Министерство иностранных дел Йемена. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Сана: Republic of Yemen, [б.г.]. // URL: https://www.mofa-ye.org/Pages/en/ (Дата обращения: 17.05.2025).
13. ОПЕК. Ежегодный статистический бюллетень ОПЕК 2000 [Электронный ресурс]. Вена: Organization of the Petroleum Exporting Countries, 2000. // URL: https://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/ASB2000.pdf (Дата обращения: 17.05.2025).
14. Робинсон К. Формирование внешней политики в Йеменской Арабской Республике: магистерская дис-

сертация. Лондон: Лондонская школа экономики, 2014. // URL: https://etheses.lse.ac.uk/1407/1/U082107.pdf (Дата обращения: 18.05.2025).
15. Государственный департамент США. Комплексная страноведческая стратегия (ICS) – Йемен [Электронный ресурс]. Вашингтон: U.S. Department of State, 2022. // URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/06/ICS_NEA_Yemen_Public.pdf (Дата обращения: 18.05.2025).
16. Государственный департамент США. Йемен [Электронный ресурс]. Вашингтон: U.S. Department of State, [б.г.]. // URL: https://www.state.gov/countries-areas/yemen/ (Дата обращения: 18.05.2025).
17. Организация Объединённых Наций. Годовой отчет Генерального секретаря о работе Специального посланника по Йемену [Электронный ресурс]. Нью-Йорк: United Nations, 2020. // URL: https://www.un.org/annualreport/2020/files/2020/09/Annual-report-SG-2020-EN-Complete-Web.pdf (Дата обращения: 18.05.2025).
18. Организация Объединённых Наций. Специальный посланник по Йемену: ресурсы и годовые отчеты [Электронный ресурс]. Нью-Йорк: United Nations, [б.г.]. // URL: https://www.un.org/sg/en/global-leadership/special-envoy-of-the-secretary-general-for-yemen/all (Дата обращения: 18.05.2025).

Reference

1. Ash-Sharq Al-Awsat. Interview with Tariq Salih: “Yemen Will Not Be an Arena for Settling Foreign Scoreboards”. London: Asharq Al-Awsat, 2024. // URL: https://english.aawsat.com/arab-world/5130874-tariq-saleh-asharq-al-awsat-yemen-will-not-be-arena-settling-foreign-scores (14.05.2025).
2. Brookings Institution. External Intervention and the Damage to Human Security in Yemen. Washington: Brookings, March 2025. Available at: https://www.brookings.edu/articles/external-intervention-and-damages-to-human-security-in-yemen/ (14.05.2025).
3. Karapiko S. Yemen: Unification and the Gulf War // MERIP Reports. 1991. № 170. P. 15-21. // Available at: https://merip.org/1991/05/yemen-unification-and-the-gulf-war/ (15.05.2025).
4. Center for Strategic and International Studies (CSIS). Houthi Aggression and a Roadmap for Peace for Yemen. Washington: CSIS, 2024. // URL: https://www.csis.org/analysis/houthi-aggression-and-roadmap-peace-yemen (15.05.2025).
5. Center for Strategic and International Studies (CSIS). Yemen in Conflict. Washington: CSIS, 2023. // URL: https://www.csis.org/analysis/yemen-conflict (Accessed: 16.05.2025).
6. Abueldaheb N. The Houthis have brutally cracked down on Yemeni civil society. London: Chatham House, August 2024. // URL: https://www.chathamhouse.org/2024/08/houthis-have-cracked-down-brutally-yemeni-civil-society-strategic-response-required (16.05.2025).
7. Chatham House. Yemen. London: Royal Institute of International Affairs, 2025. // URL: https://www.chathamhouse.org/regions/middle-east-and-north-africa/yemen (18.05.2025).
8. Mahnken T. G. The War of Words in Yemen and Contradictions. New York: Foreign Policy Association, 2011. // URL: https://fpa.org/war-of-words-in-yemen-and-contradictions/ (17.05.2025).
9. Al-Batati S. The Iranian Sphere of Influence Expands in Yemen. Washington: Foreign Policy, October 8, 2014. // URL: https://foreignpolicy.com/2014/10/08/the-iranian-sphere-of-influence-expands-into-yemen/ (18.05.2025).
10. Halliday F. Yemen’s Foreign Policy // Hinnebusch R., Eteshami A. (eds.). Foreign Policy of the Middle East States. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2002. P. 257–282. // URL: https://doi.org/10.1515/9781685857240-013 (17 May 2025).
11. Shuja El-Din M. War Next Door: Oman’s Foreign Policy Toward Yemen. Washington: Middle East Institute (MEI), 2023. // URL: https://www.mei.edu/publications/war-next-door-omani-foreign-policy-toward-yemen (17 May 2025).
12. Ministry of Foreign Affairs of Yemen. Official Website. Sana’a: Republic of Yemen, [b.g.]. // URL: https://www.mofa-ye.org/Pages/en/ (17.05.2025).
13. OPEC. OPEC Annual Statistical Bulletin 2000. Vienna: Organization of the Petroleum Exporting Countries, 2000. // URL: https://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/ASB2000.pdf (17.05.2025).
14. Robinson, K. Foreign Policy Making in the Yemen Arab Republic: Master’s Thesis. London: London School of Economics, 2014. // URL: https://etheses.lse.ac.uk/1407/1/U082107.pdf (18.05.2025).
15. U.S. Department of State. Integrated Country Strategy (ICS) – Yemen. Washington: U.S. Department of State, 2022. // URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/06/ICS_NEA_Yemen_Public.pdf (18 May 2025).
16. U.S. Department of State. Yemen. Washington: U.S. Department of State, [b.g.]. // URL: https://www.state.gov/countries-areas/yemen/ (18 May 2025).
17. United Nations. Annual Report of the Secretary-General on the Work of the Special Envoy for Yemen. New York: United Nations, 2020. // URL: https://www.un.org/annualreport/2020/files/2020/09/Annual-report-SG-2020-EN-Complete-Web.pdf (18.05.2025).
18. United Nations. Special Envoy for Yemen: Resources and Annual Reports. New York: United Nations, [b.g.]. // URL: https://www.un.org/sg/en/global-leadership/special-envoy-of-the-secretary-general-for-yemen/all (18.05.2025).

Антви Б.Б.
Аспирант. Томский государственный университет, г. Томск. ORCID: 0009-0007-2632-8222

Влияние Ломейской конвенции IV (1990-2000) на показатели торговли в Гане*

Аннотация. Ломейские конвенции это соглашения о торговле и помощи между Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) и сорока шестью странами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ). Цели и принципы первой Ломейской конвенции были согласованы в Ломе, Того, в 1975 году. После этого были подписаны еще три конвенции. Одним из основных соображений, побудивших Гану принять участие в Ломейской IV конвенции, было ожидание того, что многие структуры, модели торговли и торговые потоки в Западной Африке в целом и в Гане в частности изменятся. Целью статьи было изучить влияние Ломейской конвенции IV на эффективность торговли в Гане, в частности, на экспорт и импорт товаров и услуг из Ганы. Данные были собраны из обоих первоисточников. Данные, использованные в настоящем исследовании, основаны главным образом на оценках отраслевых объемов производства, импорта и экспорта, а также показателей торговли, о которых сообщается в доступных выпусках ежеквартального статистического сборника (Статистические службы Ганы - GSS). Девять (9) данных о ВВП были взяты из баз данных МВФ и Всемирного банка и дополнены текущими данными, полученными от официальных органов, и оценками МВФ. В исследовании показан объем торговли Ганы за последние четыре года действия Ломейской конвенции IV. За исключением экономического спада 1998 года, объем торговли Ганы постоянно увеличивался благодаря невзаимному характеру Ломейской конвенции IV. Однако Ломейская конвенция IV не привела к увеличению экспорта стран АКТ на рынок ЕС, согласно данным, которые показали, что рыночная доля стран АКТ фактически снизилась с 6,7% в 1976 году до 2,8% в 1998 году, а затем до 1,3% в 2000 году. Это объясняется тем фактом, что экспорт из стран АКТ неконкурентоспособен. Гана выиграла от Ломейской IV конвенции в первые годы своего существования, но ее потенциальные выгоды и коммерческое развитие со временем были затруднены из-за зависимости страны от сельского хозяйства в 1990-х годах, отсутствия диверсификации и внутренних конфликтов.

Ключевые слова: Ломейская конвенция, Гана, эффективность торговли, экспорт, импорт.

Antwi B.B.
Graduate student. Tomsk State University. ORCID: 0009-0007-2632-8222

* © Антви Б.Б., 2025.

The impact of the Lomé IV Convention (IV: 1990-2000) on trade performance in Ghana

Abstract. The Lomé Conventions are trade and aid agreements between the European Economic Community (EEC) and forty-six countries in Africa, the Caribbean and the Pacific (ACP). The objectives and principles of the first Lomé Convention were agreed upon in Lomé, Togo, in 1975. After that three more conventions were signed. One of the main considerations for Ghana's participation in the Lomé IV Convention was the expectation that many structures, trade patterns and trade flows in West Africa in general, and in Ghana in particular, would change. The aim of the article was to examine the impact of the Lomé IV Convention on trade performance in Ghana, in particular, on the Ghana's exports and imports of goods and services. The data was gathered from both primary sources. The data used in this study rely mainly on the estimates of sectoral production volumes, import and export as well as trade performance as reported in the available issues of the Quarterly Digest of Statistics (Ghana Statistical Services - GSS). Nine (9) GDP data were taken from IMF and World Bank databases and updated with current data received from authorities and IMF estimates. The study shows Ghana's trade volume over the last four years of the Lomé IV Convention. With the exception of the 1998 downturn, Ghana's trade increased continuously due to the non-reciprocal character of the Lomé IV Convention. The Lomé IV Convention did not, however, increase ACP exports to the EU market, according to the data, which showed that the ACP nations' market share had actually decreased from 6.7% in 1976 to 2.8% in 1998 and then to 1.3% in 2000. This is explained by the fact that ACP state exports are not competitive. Ghana gained from the Lomé IV Convention in its early years, but its potential gains and commercial development were hindered and halted over time by the nation's reliance on agriculture in the 1990s, lack of diversification, and internal conflict.

Key words: Lomé IV Convention, Ghana, trade performance, export, import.

1.0 Introduction

Trade agreements have a significant impact on how developing nations' economies grow. They act as tools for boosting industry diversity, opening up markets, and boosting export growth [1. P. 457-470]. Preferential trade agreements and trade liberalization have been essential for developing nations like Ghana to promote sustainable development and global market involvement [2. P. 294]. Developing nations might increase exports, draw in investment, and fortify economic relations with more developed economies by utilizing frameworks such as trade conventions and Economic Partnership Agreements (EPAs).

The Lomé Convention, a set of trade and aid agreements between the African, Caribbean, and Pacific (ACP) nations and the European Economic Community (EEC), was one of the most prominent economic arrangements between Africa and Europe [3. P. 179–216]. The agreement was first signed in Lomé, Togo, in

1975. It had four phases, each of which reflected changes to the political and economic landscape of the world: Lomé I (1975–1980), Lomé II (1981–1985), Lomé III (1985–1990), and Lomé IV (1990–2000). The convention's last and longest phase, known as Lomé IV, was signed in December 1989 and placed a strong emphasis on human rights, political discourse, democratic values, and economic cooperation in line with newly established World Trade Organization (WTO) regulations [4]. As Ghana's main trade partner was the EEC, Lomé IV was especially important because it provided development aid, privileged market access, and a framework for fundamental economic transformation.

The influence of the Lomé Conventions and later EPAs on ACP nations has been examined in the literature, with particular attention paid to topics like market access, trade reliance, and the efficacy of development assistance. Whether these accords actually promoted sustainable development or rather strengthened neocolonial trading patterns has been disputed by academics like Hurt in 2003) and Langan in 2011 [5. P. 55-122]. Studies have indicated that EPAs and agreements associated to Lomé had an impact on export growth and macroeconomic stability in West Africa, although they frequently resulted in little diversification outside of key commodities [6]. Research on these accords' effects on Ghana has generally focused on their wider economic ramifications rather than their particular effects on important industries like agriculture, which employs the bulk of the country's workforce [7. P. 305-308; 8. P. 122-567]. It is unclear how Ghana's trade results, notably in terms of imports and exports of commodities and services, were influenced by the Lomé framework due to the absence of sector-specific empirical study.

This situation highlights an important research gap. The general influence of the Lomé Conventions on the West African subregion is well documented, however Ghana's trade performance under Lomé IV has not been statistically analyzed in many studies. Additionally, less focus has been placed on the obstacles that hindered Ghana from fully benefiting from the relationship, including trade restrictions that harm small and medium-sized enterprises, issues with compliance, and support conditionalities.

Given these limitations, the purpose of this article is to analyze how the Lomé IV Convention has affected Ghana's trade performance, with a particular emphasis on imports and exports of commodities and services from 1997 to 2000. Under the Lomé framework, the research also aims to pinpoint the obstacles that hindered Ghana's trading performance. It specifically responds to the following research inquiries:

1. How did the Lomé IV Convention influence Ghana's trade relations with the European Economic community?

2. What were the effects of the Lomé IV Convention on Ghana's export and import performance?

3. What are the key obstacles that affects Ghana's ability to benefit fully from the Lomé IV Convention?

2.0 Data and Methodology

This study relies exclusively on secondary data obtained from reliable institutional sources, such as the Ministry of Trade and Industry (MoTI), the World Bank, the Ghana Statistical Service (GSS), and the International Monetary Fund (IMF). The GSS's EUROTRACE dataset and the IMF's Direction of Trade Statistics (DOTS) were the sources of additional data [9; 10. P. 17736; 11. P. 18520]. Because of their dependability, consistency, and thorough coverage of Ghana's external trade statistics, these data sources were chosen.

Data Description

The dataset covers the period of 1997-2000, corresponding to the implementation of the Lomé IV Convention. The research focused on major indicators of trade performance including: value of total export (in US dollars), value of total import, trade balance (export minus imports), sectorial exports for major commodities such as cocoa, gold and timber, GDP growth rates (sourced from IMF and World Bank databases) and ACP market share in the EU (to situate Ghana's performance within the broader ACP context) [12; 13. P. 6562; 14; 15. P. 140].

The combination of these factors sheds light on Ghana's export economy's structure and trading patterns during the Lomé IV era. The Ministry of Trade and Industry's official publications, the Quarterly Digest of Statistics (GSS), the IMF and World Bank databases, and DOTS partner-country reports were the main sources of the data.

Method of Analysis

The study looks at the development of Ghana's trade performance between 1990 and 2000 using a descriptive trend analysis. Annual fluctuations and general trends are highlighted by the tabulation and graphical presentation of export, import, and trade balance data. Ghana's performance is also discussed in the context of the larger ACP–EU trade framework by comparing the market shares of ACP nations in the EU.

Additionally, content analysis was performed to identify and examine recurring themes, patterns, and linkages in the collected trade data. This approach made it simpler to understand the quantitative trends qualitatively, particularly when assessing how Ghana's trade performance matched the more general objectives of the Lomé IV Convention. According to the study's objectives, the results were presented thematically using tables and graphs.

3.0 Results and Discussion

3.1 Ghana' Trade Performance under the Lomé IV (1997-2000)

Ghana's trade performance under the Lomé IV (1997-2000) cooperation agreements was the main subject of the study. Historically, the Inter-Ministerial Committee on the Ghana-ACP/EU existed before 1975, when the ACP group and its alliance with the EU started. Partnership alluded that "Through the 1957 Yaoundé Convention, a group of 18 African states—mostly former French colonies—were already involved in economic, financial, and technological cooperation with a group of European nations, including France, Germany, Italy, Belgium, and Luxembourg. Ghana and other Commonwealth nations in Africa, the Caribbean, and the Pacific were able to form a cooperation with the then-European Economic Community (EEC) after the United Kingdom joined the European Community in 1973".

However, the Inter-Ministerial Committee on the Ghana/ACP-EU Partnership further confirmed that even though it would be drastic for Ghana to withdraw its membership in the ACP, it is appropriate for Ghana to assess its continued commitment to the group, prioritize, and/or diversify its development partnership in light of the structural change in Europe brought about by BREXIT, the dominance of Francophone countries in the ACP-EU Partnership, and Europe's globalization development cooperation.

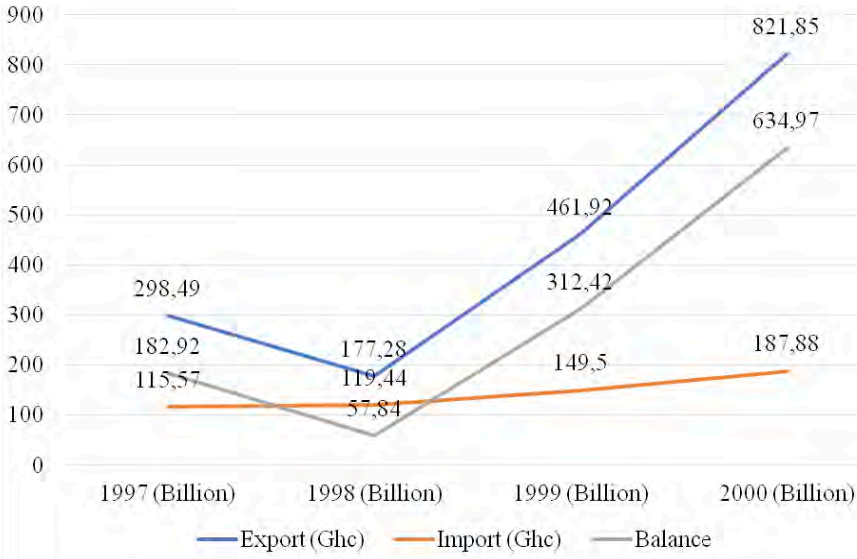
In perspective, an explanation of the Partnership Agreements is necessary to comprehend the trade performance during the Lomé Convention. According to the report, the Lomé convention is a non-reciprocal trade preference that includes complementary support programs for the ACP party. For example, the Lomé I scheme, Stabilization of Export Earnings (STABEX), offered grants and loans, while the Lomé II scheme, Support to the Mining Industry (SYSMIN), gave the ACP party financial compensation for currency fluctuations that affected these sectors.

Table 1. Ghana's trade performance during the Lome' convention (1997-2000).

	1997 (Billion)	**1998 (Billion)**	**1999 (Billion)**	**2000 (Billion)**
EXPORT (GHC)	298.49	177.28	461.92	821.85
IMPORT (GHC)	115.57	119.44	149.5	187.88
BALANCE	182.92	57.84	312.42	634.97

Sources: World Bank (1998); World Bank (2000); Rodrik, (1998; WTO (1999) and IMF (2000).

Figure 1. Ghana's export and import performance during the Lome convention (1997-2000).



Sources: World Bank (1998); World Bank (2000); IMF (2000) and FAO (2006).

Additionally, the Lomé convention established institutional entities tasked with monitoring the agreement's implementation. Table 1 shows Ghana's trade volume over the last four years of the Lomé Convention, based on information obtained from the Ministry of Trade and Industry, Ministry of Foreign Affairs, Ghanaian Office for Trade Negotiations (GOTN), Non-State Actors (NSAs), and Civil Society Organizations (CSOs).

With the exception of the 1998 downturn, Ghana's trade increased continuously due to the non-reciprocal character of the Lomé IV. The Lomé IV did not, however, increase ACP exports to the EU market, according to the data, which showed that the ACP nations' market share had actually decreased from 6.7% in 1976 to 2.8% in 1998 and then to 1.3% in 2000 (Figure 1). This is explained by the fact that ACP state exports are not competitive. Accordingly, Ghana gained from the Lomé Convention in its early years, but its potential gains and commercial development were hindered and halted over time by the nation's reliance on agriculture in the 1990s, lack of diversification, and internal conflict.

From the narrative above, Ghana maintained a positive trade balance. That is Ghana witnessed no negative earnings from its trade with members of the ACP-EU States.

Supporting the aforementioned facts, the study found that Ghana's stand-

ing in the ACP under the Lomé Convention was that during the first ten years (1975–1985), Ghana was responsible for more than ¼ of the ACP's exports to the EEC and more than 1/3 of its imports from the EEC. Ghana accounted for almost 5% of all ACP agricultural exports in the first ten years, ranking as the ninth-largest agricultural exporter. South Africa held the largest ACP GDP share at roughly 50%, while Ghana's was only 15%. Following the first decade, Ghana's agricultural exports fell from 5% to 3.6% by the end of the Lomé Convention, and the ACP countries' share of global trade shrank, with Ghana losing a lot of ground.

Ghana has significant political and economic sway over the West African area due to its status as the continent's second-largest merchant. The EU took in about thirty percent of Ghana's total exports in 1997. The majority of exports are agricultural products, whereas manufactured goods, chemicals, machinery, and other items are imported. Subsequently the 1970s, cocoa—an agricultural product—has been the main source of government income; however, Ghana has subsequently started exporting other agricultural products.

Although Ghana has made tremendous progress in its connections with countries in the Americas and Europe, it is doubtful if this has aided the country's development efforts in any way. According to the study's findings, the link seems exploitative based on the pattern and trajectory of trade and foreign direct investment influx into the country. The study's conclusions that the country's agriculture sector generates about 40% of its foreign direct investment inflows and 98% of its exports served as the basis for this.

3.2 Obstacles to Ghana's Trade performance during the Lome' Convention

According to [16. P. 91-100], the Lomé convention governed the relationship between the ACP and the EU, giving the former preferential access to the latter is market for a variety of export products. The impact of the relationship indicates that trade between the ACP and the EU has been significant for the former, but marginal for the latter. The African, Caribbean, and Pacific-European Union (ACP-EU) arrangement under Lomé, 1975, has been based on non-reciprocal preferential rights being granted by the EU to ACP nations. The Lomé IV preferences, however, did not promote the states' diversification into non-traditional exports. Given the foregoing, the research used information from the various pertinent organizations to identify the following trade performance hurdles that Ghana faced because of each of the ACP-EU Partnership Agreements:

Lack of Diversification: The incapacity of the ACP governments to diversify their economies in particular was blamed for the economic component of the Lomé Convention's failure. The lack of economic diversity was expressly mentioned in the study as one of the issues affecting Ghana's trade performance during the Lomé Convention. [17. P. 1-12], who said that the non-re-

ciprocal Lomé treaty had little impact on the economy of the ACP group's member countries since they had not made any attempts at diversification, bolstered this opinion.

Uncompetitive Nature of Product: The ACP nations' indigenous goods' lack of competition is one of the main barriers to the EPA's implementation. In other words, the EPA permits the unfettered entry of high-value items from the EU into African markets while maintaining the export of raw resources from African nations. The African governments' ability to grow their own value-adding processing businesses would be stifled as a result. Local agricultural producers may find it extremely difficult to compete with the importation of EU goods.

Regional Integration Concerns: There were worries that regional unity maybe jeopardized if the EPA is adopted. The EPA may jeopardize regional unity, according to documents. The EPA might jeopardize the African Continental Free Trade Agreement's advancement. The Most Favored Nation Clause, which requires that parties to the EPA grant the EU the same preferential treatment, will be one of the main sources of uncertainty when negotiating a region-to-region free trade agreement (FTA) given that the continental agreement is still in effect and still in its early phases.

Neocolonial disposition of the partnership agreements: In general, it seems that partnership agreements have neocolonial functions. There is little chance of achieving the intended result for their country because the numerous agreements are decided and handed over to ACP governments instead of being negotiated. This eliminates any chance that the ACP nations will bring up national interests or concerns during the negotiation process. In the end, the majority of appointed posts resemble a master-servant dynamic that reflects the colonial dynamic.

Conclusion

In an effort to improve EU-ACP ties in the areas of assistance, commerce, and political cooperation, the Cotonou Agreement superseded the outdated Lomé IV Convention by the year 2000. With the exception of the 1998 recession, Lomé IV initially boosted Ghana's trade growth, but its effects were short-lived. ACP exports to the EU were not sustained by the non-reciprocal trade advantages, as the group's market share fell precipitously from 6.7% in 1976 to 1.3% in 2000.

Ghana's reliance on agriculture, lack of export diversification, and internal economic difficulties progressively eroded the initial gains made under Lomé IV. The study comes to the conclusion that increased competitiveness, sectoral diversification, and stronger domestic policies are necessary to improve Ghana's trade performance within future partnership frameworks. Achieving sustained trade-led growth still requires addressing structural ob-

stacles including low productivity, poor regional integration, and the unfair character of partnership arrangements.

Библиографический список / Reference

1. Mayul P. Economic Partnership Agreements between the EU and African Countries: Potential Development Implications for Ghana. 2007. P. 45: 457:470.
2. Busse M., & Großmann H. Assessing the impact of ACP/EU Economic Partnership Agreement on West African Countries. Hamburg Institute of International Economics (HWWA) Discussion Paper, 2004. № 294. Hamburg: Hamburg Institute of International Economics (HWWA).
3. Fontagne L., Laborde D., Mitaritonna C. An impact study of the Economic Partnership Agreements in the Six ACP Regions. Journal of African Economies, 2010. № 20 (2). P. 179-216.
4. Ministry of Food and Agriculture MoFA. (2015). Ghana to Have a National Rice Development Strategy, Ministry of Food & Agriculture. Retrieved October 23, 2018. // URL: http://mofa.gov.gh/site/?p=14489
5. Takyi O. Economic Partnership Agreement: Conjectures and Refutations, 2018. P. 34: 55-122.
6. FAO (2006), The agricultural dimension of the ACP-EU Economic Partnership Agreements. Retrieved 2006 FAO World Report. // URL: http://www.FAO.org.siteresources
7. Berthelot J. (2018) The EU caught in the trap of Nigeria's refusal to sign the West Africa Economic Partnership Agreement and the Continental Free Trade Area. P. 40:305-308.
8. Osei-Ansah A. The art in international relations. 2005. P. 55: 122-567.
9. ISSER. The State of the Ghanaian Economy in 1998, University of Ghana, Legon, June 1999.
10. World Bank. Project Appraisal Document for Ghana Trade and Investment Gateway Project, Report No. 17736-GH, June 5, 1998.
11. World Bank. Republic of Ghana: Private Enterprise and Export Development Project, Report No. 18520, October 29, 1998. 2000.
12. WTO. Ghana: Document for the Follow-up and Implementation of the WTO Agreements, 1999. (05.02.98).
13. Rodrik D. "Trade Policy and Economic Performance in Sub-Saharan Africa," National Bureau of Economic Research Working Paper, May 1998. № 6562.
14. Onafowora O., Owoye O., Nyatepe-Coo A. "Trade Policy, Export Performance and Economic Growth: Evidence from Sub-Saharan Africa," Journal of International Trade and Economic Development, 1996. 457:470.
15. IMF. Ghana's Nontraditional Exports: Performance And Prospects. International Monetary Fund ISBN: 9781451814811. 2000. Pages: 140 Volume 2000. Issue 002 – DOI: https://doi.org/10.5089/9781451814811.002
16. Daniel E. The usefulness of qualitative and quantitative approaches and methods in research problem-solving ability in science education curriculum. Journal of Education and Practice, 2016. № 7 (15). P. 91-100.
17. Ebegbulem J.C. The Evolution of Nigeria's Foreign Policy: From the Pre- Independence and Post-Independence Perspectives. International Journal of Research in Humanities and Social Studies, 2019. № 6 (11). P. 1-12.

Ковалев А.В.
Кандидат исторических наук, доцент. Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград. SPIN-код: 9736-5164

Влияние и значение политической доктрины Джона Локка*

Аннотация. В статье рассмотрены политические идеи известного английского мыслителя Джона Локка. Автор анализирует связи концепции Дж. Локка и процесса формирования конституционной монархии в Англии во второй половине XVII - начале XVIII в., выявляет влияние таких важнейших событий и процессов, как английская революция середины XVII в., период Реставрации, Славная революция. Автор оценивает вклад Дж. Локка в историю политической мысли. В статье изучается влияние политической концепции Дж. Локка на общественно-политическую мысль Франции XVIII в. Автор рассматривает взгляды знаменитых французских мыслителей эпохи Просвещения Вольтера, Ш.Л. Монтескье, К.А. Гельвеция, П.А. Гольбаха, которые нашли глубокое и убедительное обоснование принципов конституционной монархии именно в концепции Дж. Локка.

Ключевые слова: Джон Локк, Вольтер, Ш.Л. Монтескье, К.А. Гельвеций, П.А. Гольбах, Англия, Франция, политическая теория, либерализм, конституционная монархия, просвещение.

Kovalev A.V.
PhD (History), Associate Professor. Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd. SPIN-code: 9736-5164

The influence and significance of John Locke's political doctrine

Abstract. This article examines the political ideas of the renowned English thinker John Locke. The author analyzes the connections between Locke's concept and the formation of constitutional monarchy in England in the second half of the 17th and early 18th centuries, identifying the influence of such key events and processes as the English Revolution of the mid-17th century, the Restoration period, and the Glorious Revolution. The author evaluates Locke's contribution to the history of political thought. The article examines the influence of Locke's political conception on the socio-political thought of 18th-century France. The author examines the views of renowned French thinkers

* © Ковалев А.В., 2025.

of the Enlightenment — Voltaire, Montesquieu, Helvetius, and Holbach — who found profound and convincing justification for the principles of constitutional monarchy in Locke's conception.

Key words: John Locke, Voltaire, S.L. Montesquieu, K.A. Helvetius, P.A. Holbach, England, France, political theory, liberalism, constitutional monarchy, enlightenment.

Английский мыслитель Джон Локк, систематизировав политическую идеологию эпохи революции середины XVII века, проанализировав события периода Реставрации, создал социально-политическое учение, основные положения которого воплотились в модели конституционной монархии, формировавшейся в Англии после Славной революции. Можно отметить четкую связь концепции Локка и с революцией 1640–1660 гг., и с эпохой реставрации Стюартов, и с периодом после переворота 1688 года. Причем, это не просто связь, но и взаимовлияние теории Локка и английской действительности на определенных этапах.

Конечно, сказанное не означает, что в Англии сознательно осуществлялись идеи Локка. Однако, не вызывает сомнений, что многие высказанные им идеи, будучи плодом пристального изучения философом английской действительности, нашли свое реальное воплощение.

Основные положения политической доктрины Дж. Локка тесно связаны с предшествующей политической мыслью и, особенно, с богатым идейным наследием английской революции середины XVII века, которое Дж. Локк использовал для создания своей концепции. В ней нашли свое отражение идеи основных политических течений периода революции, в особенности индепендентов и левеллеров. Дж. Локк внес большой вклад в дальнейшую разработку этих идей, придав им определенное своеобразие.

Это подтверждается и локковскими идеями о функциях государственной власти и формах правления. Английский философ указывал на то, что когда люди вступают в соглашение об образовании государства, то они «могут установить любую, по их мнению, пригодную форму правления» [1, p. 197]. В соответствии с тем, в чьих руках находится верховная законодательная власть, он выделяет такие виды правления как демократия, монархия (наследственная и выборная), а также смешанные формы. Сам Локк был сторонником ограниченной, конституционной монархии, к которой с симпатией относились и индепенденты во время революции.

Доктрина сопротивления деспотической власти была хорошо разработана идеологами революции. Неоднократно в ее защиту выступали левеллеры. Так, идеолог и лидер левеллеров Джон Лильберн заявлял, что народ должен вести борьбу с «узурпаторами». Он утверждал, что народ имеет

право менять правительство, которое не соблюдает его интересов. «Люди имеют мощное орудие для борьбы с злоупотреблениями. Для этого они должны пользоваться своим правом смены правительства. Вместо правительства, которое насилует и принуждает и не соблюдает интересов простого народа, должно быть создано правительство на пользу народа», – писал Дж. Лильберн [2, с. 60].

Однако такая ситуация не является, по мнению Джона Локка, неизбежной. Он верит в возможность предотвратить революцию, в возможность не допустить тиранию, что, вероятно, и является одной из целей его трактатов о правлении. Опыт революции 40-х гг. преломляется в теоретических работах Локка как нежелательная альтернатива правлению, но неизбежная, если восторжествует беззаконие. В этом случае народ имеет право на восстание. Такое обоснование переворота, по Локку, «ведет не к анархии», а к восстановлению законности, «к новому виду упорядоченности» в обществе [3, с. 13].

В этом смысле революция воспринимается Локком скорее не как обновление, а как «сигнал нарушения нормы, порядка» [4, с. 14]. И даже в этом случае, несмотря на то что, по его мнению, народ по своей природе в основном консервативен и обычно далеко против властей не идет, правителям лучше все же предотвратить подобные выступления народа, тем более, что их «легко избежать», соблюдая законность и права людей [5, с. 384].

Приведенная доктрина объективно оправдывала и обосновывала революцию как способ решения назревших проблем, ибо нормой Джон Локк считал складывающиеся в Англии новые общественные отношения, хотя он и считал их «вечными», а отступления от нормы были связаны с феодальными отношениями.

В своей теории государства Джон Локк отводил значительное место проблеме прав и свобод человека, основывая свою концепцию, как отмечает А. Селигман, «на традиции индивидуального права» [6, P. 22]. И в этом также видится влияние революции 40-х гг. XVII века. Все партии, принимавшие в ней участие, включали в свою политическую программу требование о сохранении и расширении гражданских свобод. Помимо права на сопротивление угнетению Джон Локк много писал о праве собственности, о свободах вероисповедания, слова и печати.

При создании своей политической концепции Дж. Локк опирался также на английскую действительность эпохи Реставрации, подвергнув анализу события, свидетелем которых он был сам. Несмотря на то, что Локк выражал свое отношение к действительности реставрационной эпохи в теоретической, абстрактной форме, в его трудах явственно просматривается влияние событий этого периода. В своих работах английский мыслитель отразил утверждавшиеся на практике основные принципы функциониро-

вания ограниченной монархии, восстановленной в 1660 году, опираясь как на положительный, так и на негативный опыт периода Реставрации.

Дж. Локк был ученым, основывающимся на реальных процессах, происходящих в обществе. Как отмечал английский исследователь Нил Вуд, «Локк был практичным реалистом, действовавшим в соответствии с социальными и политическими реальностями времени и места» [7, P. 112]. Поэтому многие вопросы (например, о разделении властей, о соотношении закона и королевской прерогативы, о регулярности созыва законодательного органа и другие) нашли в его концепции такое выражение, которое на теоретическом уровне закрепляло то, что уже было реализовано на практике в эпоху реставрации Стюартов. И та структура конституционной монархии, о которой пишет Локк в своих трактатах, более соответствовала практике правления Карла II (то есть Реставрации), чем периоду после революции 1688–1689 гг.

Таким образом, эпоха Реставрации оказала огромное влияние на Джона Локка, связь политической концепции которого с событиями этого периода очевидна и несомненна.

Основные политические идеи Дж. Локка в значительной степени нашли свое воплощение в законодательстве и практике конца XVII – начала XVIII в. Это касается принципов разделения властей, парламентского верховенства, народного представительства, естественных прав и свобод человека, принципов дуалистической конституционной монархии.

Однако, несмотря на эту связь, говорить о полной реализации политической доктрины Локка после Славной революции нельзя, так как существуют очень серьезные разногласия между локковской концепцией и процессом становления английской конституционной монархии в конце XVII – начале XVIII в. Дж. Локк в своих произведениях смог обосновать основные принципы конституционной монархии в дуалистической форме, характерной для периода примерно с конца XVII века до начала или даже до первой половины XVIII в. Но развитие парламентарной монархии, которая стала складываться с начала XVIII столетия, происходило уже несколько в ином направлении, чем то, о котором писал Дж. Локк.

Локковские принципы естественных прав, общественного договора, народного суверенитета, конституционной монархии, разделения властей, парламентского верховенства и представительного правления нашли свое подтверждение не только в Англии, но и во многих других странах, не потеряв своей актуальности и в наши дни.

Локк сформулировал политическую доктрину новых буржуазных общественных отношений, все более прочно утверждавшихся в Англии и в других государствах в борьбе с абсолютизмом.

Учению Локка присущи, конечно же, и определенные недостатки.

Попытки английского мыслителя соединить стройную логику теории с практикой, с реальными событиями и явлениями имела не только положительные, но и отрицательные черты, среди которых можно назвать противоречивость, двойственность ряда тезисов, обилие всевозможных оговорок.

Эти попытки Локка сталкивались с препятствиями в виде общего уровня жизни, социальных отношений и социальных противоречий. Это часто давало повод исследователям его творчества подвергать анализу или критике определенные тезисы его теории, пренебрегая теми положениями, которыми они обставлялись.

Политические произведения Локка и особенно его трактаты о правлении – это законченные, полнокровные произведения. В то же время в них мало абсолютно четких, поддающихся однозначной трактовке выводов (именно этим в значительной мере определяются нескончаемые дискуссии о Локке). Расплывчатость и даже противоречивость ряда выводов Локка могут быть объяснены именно тем, что он стремился найти общий знаменатель для разных социальных интересов в английском обществе, предложить компромиссный вариант подходов для политических сил его века – индепендентов, левеллеров, вигов, тори. Взгляды их, так или иначе, отразились в его теории. И все же взгляды Локка – это не какая-то эклектика, которая обрекла бы его на место в ряду заурядных мыслителей. В его трактатах заключен ряд оригинальных идеологических конструкций, в которых четко уловлены и выражены долговременные интересы всего общества. Это и определило непреходящее значение идей Дж. Локка, «одного из замечательнейших английских философов» [8, с. 222].

В то время как в XVIII веке в Англии процесс развития конституционной монархии пошел уже не совсем по локковскому пути, в Европе в условиях развивающегося кризиса Старого порядка теория Дж. Локка оказала наибольшее воздействие на развитие общественно-политической мысли. Именно в этой теории мыслители и политики нашли, как им казалось, наиболее глубокое и убедительное обоснование принципов конституционной монархии, примером которой была Англия, и опыт которой был для многих из них крайне привлекателен.

Во многих работах, исследовавших учение Локка, отмечается большое влияние его идей на формирование философской и социально-политической концепции Просвещения вообще и французского Просвещения в особенности. Так, известный русский ученый П.И. Новгородцев указывал на Локка как на наиболее влиятельного теоретика политики XVII века, подготовившего основные идеи XVIII века [9, с. 144]. Другой видный российский историк и правовед М.М. Ковалевский отмечал, что «ни один писатель XVII века не оказал такого решительного влияния на европейскую мысль

в течение двух последних столетий», как Джон Локк [10, с. 34]. По мнению английского историка Л. Стефена, Дж. Локк явился «интеллектуальным властителем» XVIII столетия, тем «идейным источником, откуда позднейшие писатели выводили свои аргументы, и тем авторитетом, к которому они апеллировали при недостатке аргументов», а его трактаты стали «политической библией» этого века [11, Vol. 1. P. 35; Vol. 2. P. 114].

Особенно большое влияние Джон Локк оказал на французских просветителей. Идеи Локка о естественном состоянии, естественных законах и неотчуждаемых правах человека, об общественном договоре, о народном суверенитете, о разделении властей, о представительном правлении и другие явились основой социально-политической программы французского Просвещения. Однако французская просветительская мысль, признавая Локка своим учителем, тем не менее, интерпретировала идеи английского мыслителя через призму специфических социальных условий Франции своего времени.

Начало широкому распространению идей Локка во Франции положил великий мыслитель Вольтер. Как отмечает Т.Л. Лабутина, изучение произведений Локка «оказало непосредственное влияние на формирование его просветительских взглядов» [12, с. 291]. По словам Вольтера, «быть может, никогда не существовало более мудрого методического ума и более точной логики, чем у г-на Локка» [13, с. 109]. Прежде всего, пристальное внимание французского ученого привлекли философские, этические работы Локка, но также и «его учение о государственном и общественном управлении и вообще его социологические воззрения» [14, с. 37]. Вольтер следует за Локком, подчиняя политические законы вечным и неизменным естественным законам. Как и Локк, Вольтер ставил в центр естественных прав человека право частной собственности. Он полагал, что социальное неравенство вечно. Более того, он предлагал лишить всех не собственников, то есть тех, у кого нет «ни земли, ни дома», полноценных гражданских прав. Собственность для Вольтера – необходимый признак полноправного гражданина. Только собственники имеют право голоса в вопросах общественного блага. Таким образом, Вольтер гораздо более однозначно, чем Локк, формулирует понимание прав человека. То, что у Локка было скрыто за абстрактными формулами естественных прав человека, у Вольтера выражено более откровенно.

Следует отметить, что Вольтера в гораздо меньшей степени, чем Локка, интересуют принципы функционирования государства, то есть задачи разделения властей, подчинения исполнительной власти законодательной власти и т.д. Для Вольтера любая форма государства приемлема, если она обеспечивает важнейшие требования буржуазного развития. Гораздо более умеренно, чем Локк, решал Вольтер вопрос о революции как способе

изменения государственного устройства. Нет сомнения в том, что в целом Вольтер относился к революции отрицательно. Такое решительное неприятие революции как способа разрешения социальных проблем обусловлено пониманием того, что революция во Франции неизбежно поставила бы вопрос о насильственном перераспределении собственности. А это Вольтер решительно отрицал. С помощью социальных реформ, проведенных сверху сильным монархом, по мнению мыслителя, можно избежать насильственной революции снизу.

Естественными законами Вольтер в духе Локка называет такие законы, которые природа указывает людям. Вольтер считает естественным правом свободу. Он говорит и о естественном равенстве. Вольтер пишет о том, что быть свободным, иметь вокруг себя только равных – такова истинная жизнь, естественная жизнь человека. Тем не менее, он решительно отвергает связанную с теорией естественного права идеализацию первобытного естественного состояния, которую можно найти у Локка. Так же, как и Локк, Вольтер полагает, что законы должны обеспечивать собственность, такова их задача. В отличие от Локка, Вольтер не разделяет теории общественного договора, так как, по его мнению, исторически общество возникло не из соглашения, а из силы. Но истинное право может основываться только на свободном соглашении, говорит он в духе Локка.

Наиболее справедливым общественным порядком Вольтер считает такой, в основе которого лежат свобода и собственность. К этим двум принципам он присоединяет иногда третий – равенство. Свободу Вольтер неустанно проповедует и защищает во всех ее формах и проявлениях. Прежде всего, это личная свобода. Равенство в учении Вольтера – формальное, юридическое гражданское равенство.

Отражение идей, высказанных Локком, можно найти и в творчестве другого видного французского просветителя Ш.Л. Монтескье. Он целиком в духе теории естественного права, которую исповедовал Локк, доказывал, что первоначально люди жили в естественном догосударственном состоянии и лишь с течением времени пришли к необходимости организации государственной власти. Монтескье примыкал к тем сторонникам естественного права (среди них был и Дж. Локк), которые рассматривали первобытную жизнь не как всеобщую вражду и взаимное истребление людей, а как состояние мира.

Главной особенностью естественно-правовой концепции Монтескье является то, что естественные законы – это не единственные постоянные факторы, с которыми должно сообразовываться гражданское законодательство, а лишь один из многих постоянных факторов. К числу последних относятся климат, почва, количество населения и т.д. И Локк, и другие представители естественно-правовой школы также видели разнообразие

условий, в которых находились различные народы, и утверждали, что гражданское законодательство должно быть приспособлено к этим условиям. Однако для них естественный закон является постоянным и неизбежным мерилом гражданского законодательства, а все остальные факторы отступали на задний план перед требованиями правового разума. Заслуга Монтескье заключается в том, что он впервые высказал положение, согласно которому эти факторы являются главным компонентом, обусловливающим гражданское законодательство.

Без сомнения, на Монтескье огромное влияние оказало социально-политическое учение Локка, в котором обосновались принципы ограниченной монархии; но, как и в концепции естественного закона, Монтескье существенно переработал теорию Локка. Для того чтобы гарантировать стабильность государственного устройства, Монтескье предлагает разделить государственную власть на три части: законодательную, исполнительную и судебную, которые вручаются в разные руки. Он считает гибельным, «если бы в одном и том же лице или учреждении… были соединены эти три власти». [15, с. 290]. Философ исключает доминирование одной из них над другой, выступает за равновесие, опираясь на свою концепцию стабильности государственного устройства как системы противовесов. Идея разделения властей была высказана Локком в несколько иной форме. Он выделял не судебную, а федеративную власть, ведающую внешней политикой, а также связывал власти между собой. Монтескье же стремился к более полному разделению властей. Монтескье, также как и Локк, отстаивает принцип политической свободы, критикуя абсолютизм и деспотизм. Отрицательно относясь к насильственной смене политических форм, он, тем не менее, в духе Локка признает справедливым восстание против деспотии для восстановления «естественной свободы», так как «неограниченная власть не может быть законной» [16, с. 220].

Для французских ученых-энциклопедистов П.А. Гольбаха и К.А. Гельвеция Джон Локк и вообще английская мысль были образцами, которым в начале своей философской карьеры они следовали и которым поклонялись. Они поддерживали принципиальное положение естественно-правовой доктрины Локка. Например, Гольбах утверждал, что гражданские законы должны сообразовываться с естественными законами. Для Гольбаха и Гельвеция, как и для Локка, свобода, равенство всех перед законом и собственность являлись основными принципами функционирования общества. Они, также как и Локк, поддерживали право народа на сопротивление тиранам и идею народного суверенитета. Так, Гольбах утверждал, что общество «вправе взять обратно вверенные им государю права и применить силу против угнетающей его силы» [17, с. 189]. По мнению Гельвеция и Гольбаха, свободы слова, печати, мысли, совести должны принадлежать гражданам.

В то же время можно обнаружить у Гольбаха и Гельвеция противоречия в их трактовке естественно-правовой концепции. Так, Гольбах, считая право собственности священным естественным правом каждого человека, одновременно говорит о необходимости сдерживать страсть к богатству и выступает против чрезмерной поляризации богатства и бедности. Эти противоречия углубляются в социальной доктрине Гельвеция. Гельвеций, с одной стороны, сохраняет представление естественно-правовой школы и Локка о естественном законе как законе природы, гарантирующем человеку его права. С другой стороны, законы природы понимаются как общее благо, общий интерес человеческого сообщества. И если интересы общества меняются, меняются и законы, вытекающие из этого интереса. Таким образом, естественный закон утрачивает функцию мерила гражданских законов, существующих в обществе. Здесь обнаруживается важное отличие позиций Гельвеция и Локка. Двойственность понимания естественного закона отчетливо видна в трактовке Гельвецием права собственности. Гельвеций и утверждает незыблемость права частной собственности (как и Локк), и выдвигает идею ликвидации чрезмерной поляризации собственности (что Локку совершенно чуждо), используя положение своей теории о том, что естественный закон есть общий интерес общества в целом. Общественная польза, как считает Гельвеций, «есть принцип всех человеческих добродетелей и основание всех законодательств» [18, с. 206].

Итак, французские просветители поддерживали принципиальные положения локковского социально-политического учения и основывались на них. В то же время они дополняли, развивали его, а в некоторых вопросах и существенно расходились с ним.

Библиографический список:

1. Locke J. Two Treatises of Government // Locke J. The works: In 3 vols. Vol. II. L., 1751.
2. Левин Г.Р. Памфлеты Лильберна, Овертона и Уолвина (1645–1647 гг.). Вологда, 1942.
3. Кеткова И.В. Политическая доктрина Джона Локка как осмысление проблем английской революции. Нижний Новгород, 1991. Деп. в ИНИОН, № 45675.
4. Кеткова И.В. Политическая доктрина Джона Локка как осмысление проблем английской революции. Нижний Новгород, 1991. Деп. в ИНИОН, № 45675.
5. Локк Д. Два трактата о правлении // Локк Д. Сочинения: В 3 т. Т. 3. – М.: 1988.
6. Seligman A. The Idea of Civil Society. N.Y., 1992.
7. Wood N. John Locke and Agrarian Capitalism. Berkeley, 1984.
8. Aylmer G.E. The Struggle for the Constitution. England in the Seventeenth Century. 1603–1689. L., 1963.
9. Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права. Учения нового времени. XVII–XVIII вв. и XIX в. – М.: 1912.
10. Ковалевский М.М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму: В 3 т. Т. 3. М., 1906.
11. Stephen L. History of English Thought in the Eighteenth Century: In 2 vols. L., Smith, Elder and co., 1902.
12. Лабутина Т.Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689-1714 гг.). – М.: 1995.
13. Вольтер. Философские письма // Вольтер. Философские сочинения. М., 1988.
14. Момджян Х.Н. Французское Просвещение XVIII века. – М.: 1983.
15. Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. – М.: 1955.

16. Монтескье Ш. Персидские письма. – М.: 1936.
17. Гольбах П.А. Естественная политика // Гольбах П.А. Избранные произведения. Т. 2. – М.: 1963.
18. Гельвеций К.А. Об уме // Гельвеций К.А. Сочинения. Т. 1. – М.: 1973.

Reference1.

Locke J. Two Treatises of Government // Locke J. The works: In 3 vols. Vol. II. L., 1751.
2. Levin G.R. Pamphlets of Lilburne, Overton, and Walwyn (1645–1647). Vologda, 1942.
3. Ketkova I.V. Political Doctrine of John Locke as an Understanding of the Problems of the English Revolution. Nizhny Novgorod, 1991. Dep. to INION, № 45675.
4. Ketkova I.V. Political Doctrine of John Locke as an Understanding of the Problems of the English Revolution. Nizhny Novgorod, 1991. Dep. in INION, № 45675.
5. Locke D. Two Treatises of Government // Locke D. Works: In 3 vols. Vol. 3. – Moscow: 1988.
6. Seligman A. The Idea of Civil Society. New York, 1992.
7. Wood N. John Locke and Agrarian Capitalism. Berkeley, 1984.
8. Aylmer G.E. The Struggle for the Constitution. England in the Seventeenth Century. 1603–1689. Leningrad, 1963.
9. Novgorodtsev P.I. Lectures on the History of the Philosophy of Law. Teachings of Modern Times. 17th–18th Centuries and 19th Century. – Moscow: 1912.
10. Kovalevsky M.M. From Direct Popular Government to Representative Government and from Patriarchal Monarchy to Parliamentarism: In 3 vols. Vol. 3. Moscow, 1906.
11. Stephen L. History of English Thought in the Eighteenth Century: In 2 vols. L., Smith, Elder and co., 1902.
12. Labutina T.L. At the Origins of Modern Democracy. Political Thought of the English Enlightenment (1689-1714). Moscow: 1995.
13. Voltaire. Philosophical Letters // Voltaire. Philosophical Works. Moscow, 1988.
14. Momdzhyan H.N. French Enlightenment of the 18th Century. Moscow: 1983.
15. Montesquieu S. On the Spirit of the Laws // Selected Works. Moscow: 1955.
16. Montesquieu S. Persian Letters. – M.: 1936.
17. Holbach P.A. Natural Policy // Holbach P.A. Selected Works. Vol. 2. – M.: 1963.
18. Helvetius K.A. On the Mind // Helvetius K.A. Works. Vol. 1. – M.: 1973.

Малышенко Г.И.
Доктор исторических наук, доцент. Частное учреждение образовательная организация высшего образования «Омская гуманитарная академия».

Парад воинской славы в Харбине 1945 года*

Аннотация. В данной статье исследована проблема организации Парада воинской славы в Харбине советских войск, участников Белого движения и антияпонского сопротивления на территории Китайской Народной Республики, Маньчжурии и Кореи; автором проанализированы основные этапы военного сотрудничества СССР, КНР и МНР в борьбе с японскими милитаристами; дан научный анализ внешнеполитической деятельности вышеуказанных государств после распада советского государства; выявлены факты героизма воинов-интернационалистов.

Ключевые слова: гражданская война, белое движение, эмиграция, квантунская армия, милитаризм, японская военная миссия, марионеточное государство, капитуляция, военные потери, военно-политические результаты.

Malyshenko G.I.
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Private institution of higher education "Omsk Humanitarian Academy".

Harbin military glory parade in 1945

Abstract. This article examines the problem of organizing the Military Glory Parade in Harbin of Soviet troops, participants in the White Movement and anti-Japanese resistance in the People's Republic of China, Manchuria and Korea; the author analyzes the main stages of military cooperation between the USSR, China and the People's Republic of China in the fight against Japanese militarists; provides a scientific analysis of the foreign policy activities of the above-mentioned states after the collapse of the Soviet state; identifies the facts of the heroism of the internationalist soldiers.

Key words: civil war, white movement, emigration, Kwantung army, militarism, Japanese military mission, puppet state, surrender, military losses, military and political results.

* © Малышенко Г.И., 2025.

По мнению современных историков, начало создания Белого движения относится ко времени прихода к власти большевиков. Офицеры бывшей императорской России вступали в него только на добровольной основе. Это способствовало формированию Добровольческой белой армии. Потерпев поражение в Гражданской войне, многие его представители оказались за пределами родины в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). С окончанием Второй мировой войны в городе Харбин состоялся Парад воинской славы, посвященный победе Красной Армии над японскими милитаристами.

18 августа 1945 года в Харбине высадился советский воздушный десант. На следующий день город был освобожден от японских захватчиков и войск марионеточного государства Маньчжоу-Го, образованного Японской военной администрацией на оккупированной Японией территории Маньчжурии [1].

Марионеточное государство Маньчжоу-Го было создано 1 марта 1932 года. С первых дней им правил десятый представитель маньчжурской династии Айсин Гёро, Верховный правитель, а с 1934 года главнокомандующий Маньчжурской императорской армией Генри Пу И. 15 августа 1945 года он отрекся от власти. Спустя четыре дня, в Мукдене был взят в плен авиадесантом Забайкальского фронта. В августе 1946 года на Токийском процессе Генри Пу И был фактически единственным свидетелем обвинения и давал показания в течение восьми дней.

2 сентября 1945 года главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке, маршал Советского Союза А.М. Василевский объявил распоряжение Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина о проведении в Харбине Парада в честь дня Победы над Японией. До сих пор в СМИ почти не сообщалось почему выбор пал на Харбин. Тогда информацию о нем не опубликовала ни одна центральная газета. Лишь дальневосточные «Амурская правда» и «Тихоокеанская Звезда» поместили материалы о параде.

Тем не менее известно, что И.В. Сталин исходил из того, что Харбин исторически был связан с Россией. В 1898 году русские люди, и прежде всего дальневосточные казаки, заложили этот город в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги. По окончании гражданской войны город стал одним из центров белой эмиграции. Вскоре часть русского населения Харбина, в основном рабочие и служащие КВЖД, приняла советское гражданство [2].

После октябрьского переворота руководство Китайской Восточной железной дороги и харбинские власти отказались признать власть большевиков, и в город начали стекаться белые офицеры. Их было достаточно много, чтобы создать боеспособные формирования. Первое время во главе

этих частей и даже соединений стоял не кто иной, как будущий верховный правитель России адмирал Колчак. А уже после окончания Гражданской войны именно Харбин стал одним из центров белоэмиграции.

И вот теперь в него вступали войска Красной Армии. Накануне высадки десанта, – вспоминал Маршал Советского Союза Кирилл Мерецков, – самое серьезное содействие десантникам оказали представители молодого поколения общероссийской эмиграции. В основном это были рабочие и служащие бывшей Китайско-Восточной железной дороги.

Именно они наводили советских десантников на вражеские штабы и казармы, сами захватывали узлы связи, пленных, разоружали японцев. Благодаря им нежданно-негаданно для себя оказались внезапно в советском плену некоторые высшие чины Квантунской армии.

120 советских десантников в Харбине не могли много сделать. В донесении в управление фронта о высадке десанта сообщалось, что им активно помогала харбинская молодежь. Вооружившись, она взяла под охрану к моменту прибытия десантников средства связи и другие государственные учреждения, помогла оборудовать в городской гостинице советский командный пункт.

Мерецков вспоминал, что встречавшиеся на улицах Харбина патрули вооруженных русских гимназистов-старшеклассников отдавали ему честь. Такой же патруль стоял и возле его командного пункта в гостинице.

Позже выяснилось и то, что вооруженная русская молодежь в Харбине загодя разоружила воинские части Маньчжоу-Го, несмотря на наличие здесь 40-тыс. японского гарнизона, сохранив при этом в неприкосновенности все городские жизненно-важные коммуникации и сооружения до их занятия советской армией.

Великая Отечественная война расколола русский Харбин. Одни эмигранты сочувствовали родине, ее борьбе с фашистской Германией и собирали необходимые средства для красноармейцев. Меньшинство же бывших граждан императорской России желало поражения советскому государству. Победа советских вооруженных сил над фашистской Германией радовала русских харбинцев, особенно молодежь, да и значительная часть старшего поколения эмигрантов стала все более лояльно относиться к СССР [3].

По воспоминаниям маршала К.А. Мерецкова во время освобождения Харбина от японских оккупантов солдаты-маньчжуры из белоэмигрантов складывали оружие и переходили на сторону соотечественников. Первыми советские танки на улицах встречали русские казаки-эмигранты. Многие из них приветствовали советских воинов выкриками «ура» и плакали от радости. Одновременно в храме был организован торжественный молебен по поводу освобождения от японской оккупации.

Информация о предстоящем параде молниеносно распространилась среди населения Харбина. К нему готовились практически все горожане и население окрестных китайских деревень и казачьих станиц полосы отчуждения. Советскому командованию сообщили, что все предприятия и общественные организации города пожелали участвовать в праздничной демонстрации. Вместе с детьми, по самым скромным подсчетам, это 300 тыс. человек, то есть около половины всего населения города. Красная материя исчезла с прилавков магазинов, а харбинские улицы украсились флагами, транспарантами и иллюминацией.

16 сентября 1945 года группа ветеранов Белого Движения обратилась к советскому командованию с просьбой присутствовать на торжествах в своей прежней, белогвардейской форме и при наградах, и в таком виде пройти торжественным маршем перед победителями. Разрешение на это было дано. И парад Красной Армии был предварен парадом Армии Белой. Впоследствии секретарь Приморского крайкома ВКП(б) Н.М. Пегов вспоминал: «Мимо трибуны, где мы находились, шли дряхлые старики, многие из которых, опираясь на костыли, были увешаны георгиевскими крестами и медалями. Эта толпа когда-то бравых офицеров русской армии медленно двигалась по площади, приветствуя стоящих на трибунах. Вслед за ними шли русские гражданские люди. В свое время покинувшие Родину и доживающие свой век на чужбине. Среди них много молодежи. Вся эта разношерстная публика организованно прошла перед трибуной. Зрелище, должен заметить, редкое, исключительное». Ветераны Белого Движения, бывшие каппелевцы и семеновцы, отдавали честь новому поколению русских солдат, достойно поддержавших ратную славу дедов [4].

На параде 1945 года в Харбине следом за коробками Белой гвардии промаршировали солдаты и офицеры 59-й и 300-й стрелковых дивизий, танковые бригады и самоходно-артиллерийский полк. После парада состоялась демонстрация горожан в честь этого события. Исключительно за счет средств белой эмиграции на Соборной площади был установлен памятник советским воинам, павшим при освобождении города.

Спустя два дня хабаровская газета «Тихоокеанская звезда» писала о праздничном городе: «Харбин проснулся необычайно рано, возбужденный предстоящим парадом советских войск в честь победы над Японией. Сотни тыс. людей вышли на улицы. Главные магистрали города - Китайская и Диагональная улицы и вокзал заполнены. Одетые в лучшее платье, люди стояли вдоль тротуаров. Каждый держал в руках два флажка - советский и китайский. Море цветов, тысячи лозунгов на русском, китайском и корейском языках, прославлявших доблесть воинов Красной армии. Такого огромного скопления народа, такого торжества никогда не видел и не знал Харбин».

Отношение советского командования к белой эмиграции было терпимым. 19 апреля 1946 года маршал Р.Я. Малиновский на торжественном собрании отметил: «Товарищи! Вы дожили до того дня, когда получили право, а мы возможность называть Вас товарищами». В зале присутствовали эмигранты, которые участвовали в Великом Сибирском Ледяном Походе (1920) [5].

Столь же по-дружески отнесся Малиновский и к архиепископу Харбинскому Нестору Анисимову. Им было, что обсудить друг с другом, помимо текущих хозяйственных дел, так как являлись ветеранами Первой мировой войны, один - в качестве солдата Русского Легиона Чести во Франции, второй - в качестве полкового священника. Это был тот самый Нестор, который активно сотрудничал в годы Гражданской войны с Колчаком, а во время работы Поместного Собора 1918 года взывал: «Люди знают, что большевики против религии. Это обстоятельство следует использовать нам обязательно. Предлагаю составить книжку, где подробно рассказать о разрушениях и указать их виновников».

В 1943 году Нестор Анисимов послал через Харбинское генконсульство золотые кресты и золотую панагию в фонд сражавшейся против фашизма Советской Армии. Он же установил и поддерживал постоянный контакт с русской Патриархией. Митрополит открыто оказывал сопротивление японским властям, требовавшим поклонения языческой богине Аматерасу, подписав текст Архипастырского послания харбинских иерархов против требований японцев. Неудивительно, что в августе 1945 года именно архиепископ Нестор встречал входящие в Харбин советские войска приветствием от верующих. Однако спустя несколько лет суд Хабаровска обвинил его в антисоветской деятельности, которая заключалась в написании книги «Расстрел Московского Кремля» и в совершении панихид по убиенным в Алапаевске родственникам семьи императора Николая. Получив свою десятку, отец Нестор с июня 1948-го до освобождения в январе 1956 года, пусть и формально, находился в заключении в лагере в Мордовии [6].

Что касается духовенства православных харбинских церквей, то оно, не сговариваясь, повсеместно начало в этот день возносить за богослужениями имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. Над городом плыл несмолкаемый звон колоколов, как на Пасху.

Духовные лица Православной Церкви Харбина явились тогда же и на командный пункт маршала Мерецкова. Они пожаловались ему на то, что японцы и маньчжуры запрещали им нести службу. По распоряжению маршала, несколько функционировавших в Харбине православных благотворительных организаций и детских приютов, лишившихся своих спонсоров в годы японской оккупации, получили от Советской Армии солидную ма-

териальную помощь.

Помощь была столь существенной, что эти организации смогли продержаться на ней ещё несколько лет после ухода советских войск из Харбина. О прекрасном отношении харбинских белоэмигрантов к советским войскам свидетельствовали и рядовые солдаты, поражённые тем, что здесь их встречали как родных.

Восторженно отнеслись к вступлению в Харбин советских войск практически все жившие здесь белоэмигранты. Режим японской оккупации не был дружествен к ним, несмотря на все заверения. Напротив, те, кто пытался в Харбине спастись от советских репрессий, столкнулись здесь с жестокими репрессиями японскими, тем более что они как истинные христиане не могли и не присягали на верность языческим японским богам.

Казалось, что в августе 1945 года на харбинской земле белая и красная Россия встретились, чтобы после долгих лет противостояния дружески пожать друг другу руки. Увы, такт, присущий советскому командованию и рядовым бойцам Красной Армии, не был свойственен органам СМЕРШ, которые начали репрессии против эмигрантов. О масштабах этих репрессий нет единого мнения среди отечественных историков. Одни неоправданно занижают число их жертв, другие, наоборот, многократно преувеличивают. Преследования русских эмигрантов, которые приветствовали освободителей Северо-Восточного Китая и столь активно им помогавшие, безусловно, вызывают у современников возмущение. Однако не следует думать, что репрессиям подвергалось все эмигрантское население Харбина. И не стоит приписывать эти репрессии исключительно стремлению большевиков свести старые счеты за Гражданскую войну. В Северо-Восточном Китае японцы имели разветвленную систему агентов и диверсантов, и отнюдь не все они были японцами. Некоторые русские эмигранты пополнили агентуру разведывательно-шпионской сети японских спецслужб. Например, поэт Арсений Несмелов был арестован в 1945 году и в том же году умер в пересыльной тюрьме. Весьма красноречивые факты из его биографии свидетельствуют, что он являлся членом Всероссийской фашистской партии К. Родзаевского. Во время Второй мировой войны Несмелов сделал выбор не в пользу своей Родины, а в пользу ее геополитических противников, пытаясь наладить контакты между харбинской эмиграцией и нацистской Германией. В 1941 году Несмелов стал курсантом вечерних курсов политической подготовки, организованных при разведывательной школе в Харбине. По окончании курсов его зачислили в штат официального сотрудника 4-го отдела Японской военной миссии (ЯВМ). Поэтому арест поэта не был местью за белогвардейское прошлое его. В данном случае СМЕРШ просто добросовестно выполнил свою работу, арестовав пособника оккупантов и профессионального шпиона [7].

В 1946 году советские войска покидали Харбин. Их провожали торжественным колокольным звоном всех храмов города. При этом толпы провожавших военных харбинцев выкрикивали уходящим принятое когда-то на Руси так называемое многолетие – то есть торжественное провозглашение слов «Многая лета!» как форму пожелания долгих лет жизни и благополучия.

При этом группы дроздовцев вдогонку уходящим советским воинам хором исполняли знаменитый припев марша своего, прославленного в боях Первой мировой и Гражданской войны Дроздовского полка:

Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда!
Офицерские заставы
Занимали города!

Текст этой песни, как и мелодию, позже позаимствовали или просто взяли для создания красноармейской песни «По долинам и по взгорьям». Но стоит ли удивляться, ведь взаимоотношения эмигрантского населения с советскими солдатами и офицерами в Харбине с первых дней сложились поистине дружелюбные. И даже потом, когда перед самым уходом войск появились строжайшие запреты политорганов, пытавшихся свести к минимуму контакты военнослужащих с «местными русскими», такие встречи продолжали носить здесь массовый характер [8].

3 сентября 2015 года в Пекине на военном параде на площади Тяньаньмэнь приняли участие 67 парадных расчетов: 50 китайских и 17 иностранных, в том числе Преображенский полк Российской Федерации. Гостями парадами Победы в Пекине стали политики из 49 стран. Среди них был и президент России Владимир Путин. Он занимал почетное место возле председателя КНР Си Цзиньпина. Руководство США и Японии не воспользовались приглашением Пекина присутствовать на торжествах. Конечно, американцы считают себя победителями фашистской Германии и милитаристской Японии. Более того, президент США Барак Обама, выступая в Вашингтоне по поводу окончания Второй мировой войны, избежал упоминание Китая, забыл, что среди подписавших 2 сентября 1945 года акт о капитуляции Японии свою подпись поставил и представитель Китая. Необходимо отметить, что эта «забывчивость» является характерной чертой американских политиков. Соотечественники же помнят все о своих китайских соратниках в борьбе с японскими милитаристами [9].

В 1923 году во Владивостоке была создана Военная школа имени Коминтерна. Особенностью этой школы было то, что существовал специальный факультет, готовивший военных разведчиков с секретным отделением для иностранных курсантов - корейцев, китайцев, японцев. Поэтому школу

назвали именем Коминтерна.

Коммунистический интернационал (3-й Интернационал) работал в Москве с 1919 по 1943 год как орган международного революционного движения, объединяющий компартии различных стран. Во время Второй мировой войны компартии вели героическую борьбу против фашизма и милитаризма. 15 мая 1943 года в новых условиях войны Исполком Коминтерна принял решение о своем роспуске. Однако братство по оружию среди коммунистов сохранилось, о чем свидетельствуют события на Дальнем Востоке. Коминтерн всячески поддерживал военные связи Красной армии с Народно-освободительной (народно-революционной) армией Китая.

В июле 1931 года, когда Япония вероломно напала на Китай, Советский Союз официально осудил эту агрессию и выступил за всестороннюю помощь Китаю в отражении противника. СССР оказался единственной страной, выступившей на стороне Китая. 21 августа 1937 года Советский Союз подписал с Китайским правительством Договор о ненападении, во исполнение которого с сентября начал оказывать военно-экономическую помощь. В Китай поставлялись боевые самолеты, танки, орудие полевой и зенитной артиллерии, стрелково-пулеметное вооружение, боеприпасы, средства связи, горюче-смазочные материалы, разные виды военного имущества и снаряжения. В Китай направлялись советские военные добровольцы - летчики, советники и специалисты по вопросам подготовки китайских солдат и офицеров, планирование боевых действий против японских агрессоров. Первые добровольцы прибыли в Китай уже в сентябре 1937 года. Многие из них участвовали в боевых действиях, погибали в боях с японскими агрессорами. Всего с 1937 по 1941 год в антияпонской войне китайского народа участвовало 3665 советских военных добровольцев, 211 из них погибли в боях или умерли от ран. Они были похоронены в местах дислокации советских добровольцев или местах их гибели. Эти места брались под охраны местных властей и населения.

Многие добровольцы награждены советскими боевыми орденами и медалями за отвагу при выполнении интернационального долга. 14 летчиков-добровольцев были удостоены звание Героя Советского Союза. В КНР свято чтут и до сих пор помнят с благодарностью за участие советских воинов в антияпонской борьбе китайского народа.

В 1931 году, после нападения Японии, Коммунистическая партия Китая на северо-востоке приступила к созданию антияпонских партизанских отрядов. С мая 1933 по январь 1936 года на базе партизанских отрядов были созданы Северо-Восточная народная революционная армия, Северо-Восточная антияпонская объединенная армия и Северо-Восточная антияпонская союзная армия. В итоге в антияпонскую борьбу вступило шесть крупных воинских формирований.

К зиме 1935-1936 годов на базе Северо-Восточной народной революционной армии было подготовлено создание Северо-Восточной антияпонской объединенной армии из войск компартии и Гоминдана. Период с января 1938 по октябрь 1939 года оказался очень трудным для Северо-Восточной антияпонской объединенной армии. 8 японских дивизий регулярной армии и несколько сотен тысяч военнослужащих армии Маньчжоу-Го проводили походы против антияпонской объединенной армии. Еще более обострилась ситуация в период с октября 1939 по декабрь 1941 года. Северо-Восточная антияпонская объединенная армия оказалась в полном окружении противников. Было принято решение разделить армию на небольшие подразделения и продолжить партизанскую войну, действуя мелкими отрядами. Часть войск антияпонской объединенной армии была перемещена через границу на территорию Советского Союза для обучения и пополнения сил. На северо-восточном фронте Китая в Маньчжурии боевые действия против японской Квантунской армии смогло продолжить только ограниченное количество небольших партизанских отрядов. В связи с создавшимся положением в Советском Союзе было принято решение установить связь между Северо-Восточной антияпонской объединенной армией и командованием Дальневосточного фронта, возложив эту задачу на командующего, генерала армии И. Р. Апанасенко. Одновременно были изданы указы народного комиссара обороны СССР и народного комиссара Внутренних дел об оказании помощи китайскому партизанскому движению в Маньчжурии командующему Дальневосточным фронтом и начальнику Управления НКВД Хабаровского края - уполномоченному НКГБ по Дальнему Востоку генералу-полковнику С. А. Гоглидзе.

К концу 1942 года из войск Северо-Восточной антияпонской объединенной армии, перемещенных на территорию СССР, была создана учебная бригада, которая дислоцировалась в районе села Вятское Хабаровского края. Бригада, по сути, стала школой подготовки квалифицированных командных кадров. Вначале ее называли китайской бригадой, хотя в состав ее входили не только китайцы, но и корейцы, и представители коренных малочисленных народов Дальнего Востока (нанайцы, ульчи, орочи, удэге). Таким образом, в составе войск Дальневосточного фронта была создана интернациональная бригада, в которую вошли три китайских батальона, один корейский и четыре советских. Бригаде было присвоено приказом командующего Дальневосточным фронтом официальное наименование «88-я отдельная стрелковая бригада» (войсковая часть 8461). Бригада подчинялась начальнику разведки Дальневосточного фронта генерал-майору Н.С. Соркину, то есть по сути дела это было соединение, которое в настоящее время называется «бригадой спецназ», предназначенной для выполнения задач разведки и проведения диверсии в тылу противника.

Командир бригады Чжоу Баочжун, его заместители и командиры батальонов имели звания как в Красной армии (подполковник, майор, капитан). Кстати, командиром 1-го батальона был капитан Цзин Жичэн (известный в настоящее время как Ким Ир Сен). Поскольку 88-я бригада была интернациональной, то в китайских батальонах действовали самостоятельные организации Китайской коммунистической партии. Наряду с выполнением программы общевойсковой подготовки проводилось обучение по предметам разведывательной, тактико-специальной и диверсионной подготовки. Курсанты обучались прыжкам с парашютом, передвижению на лыжах, ведению разведки агентурными методами, радиоделу, выживанию в экстремальных условиях, хождению по азимуту в таежной местности, форсированию водных преград, действиям в составе групп в количестве от 4 до 20 человек на территории противника.

Кроме того, бойцы интернациональной бригады готовились вести специальную пропаганду среди войск и населения противника. Командный состав готовился к тому, чтобы возглавить руководство партизанскими отрядами в Маньчжурии и Корее. Задачи разведки соответствовали интересам соединений Дальневосточного фронта, Тихоокеанского флота и Амурской флотилии, погранвойск и органов государственной безопасности.

Персональный состав интернационального полка 88-й отдельной стрелковой бригады состоял из четырех стрелковых батальонов, в каждом из которых имелось три стрелковые роты и по три стрелковых взвода. Кроме того, в момент создания первого полка бригады в него вошли отдельный артиллерийский дивизион, рота разведчиков, отдельная саперная рота, отдельная авторота и радиорота. Второй полк 88-й отдельной стрелковой бригады формировался за счет коренного населения Дальнего Востока, в основном Хабаровского и Приморского краев. Отбор в состав 2-го отдельного полка 88-й бригады велся военкоматами в очень короткое время, был завершен к началу 1943 года. От воинов бригады требовалось четкое выполнение своих обязанностей по службе, строгое соблюдение воинской тайны, высокая бдительность, знание оружия Красной армии и японского, строгая дисциплина, надежная товарищеская дружба с китайцами и корейцами, то есть боевое братство по оружию. Командиры и политработники полка требовали от воинов из числа малочисленных народов Дальнего Востока строгого соблюдения воинских уставов и наставлений Красной армии, знания особенностей оперативной обстановки в тылу Квантунской армии, умения ориентироваться в лесисто-таежной местности Маньчжурии, преодоления водных преград, ведения разведки агентурными методами. Вместе с тем командиры и начальники проявляли чуткость и заботу о подчиненных, делали все, чтобы даже намеками не допустить ущемления их национальных

чувств, воспитывали их в духе патриотизма и интернационализма. Поощрялась боевая дружба между воинами разных национальностей, широко популяризировались отличившиеся в учебных боях воины, смело выдвигались наиболее грамотные и дисциплинированные из них на командные должности. При этом необходимо было решать главную задачу: подготовку разведчиков-диверсантов, снайперов, пулеметчиков, минометчиков, переводчиков. Для воинов бригады были подготовлены специальные разговорники и допросники на китайском, корейском и японском языках, изданы листовки для распространения среди населения Маньчжурии. Однако слабым местом была агентурная подготовка и знание языка противника. О высоком морально-политическом и боевом состоянии личного состава бригады говорят итоги осени 1943 года и инспекторской проверки. Вывод комиссии говорил сам за себя: «Политико-моральное состояние всего личного состава бригады крепкое и здоровое. Все готовы к выполнению боевых задач». Оценка - «хорошо». Среди отличившихся в ходе проверки названы представители коренных народов Приамурья сержанты А. Киле, М. Заксор, Тумали.

В 1943-1945 годах разведывательно-диверсионные группы (по 4-20 человек в каждой) выводились через границу и забрасывались по воздуху в тыл Квантунской армии. Многие группы погибли, попав в плен японцев, имена их до сих пор не известны, то ли по причине неизвестности, то ли из-за секретности разведорганов Министерства обороны и государственной безопасности. Известны несколько фамилий наиболее отличившихся представителей коренных народов Дальнего Востока. Удикан Иван Степанович 7 раз ходил в глубокий тыл противника в Маньчжурии с заданием установить места дислокации японских частей, количество личного состава, вооружение, принадлежность к роду войск, политико-моральное состояние солдат и отношение к японцам местного населения. Сведения, добытые агентурными методами, Удикан передавал по рации, если это был оперативный материал. Добытые ценные документы и дополнительные сведения доставлял командованию 88-й бригады, которые оценивались в разведотделе Дальневосточного фронта. Уза Михаил Васильевич, призванный из Бикина в августе 1942 года в состав 88-й отдельной бригады, несколько раз выполнял разведывательные задачи в составе корейской группы Ким Ир Сена в тылу Квантунской армии, за что был награжден орденом Славы II степени, медалью «За боевые заслуги», медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и «За победу над Японией». После освобождения Кореи служил в органах «Смерш» в Корее.

11 августа 1945 года 88-я отдельная стрелковая бригада подготовила 400 бойцов для передислокации в Маньчжурию. Однако план бригады был

отменен в связи с полученной из Москвы телеграммой. В ней говорилось, что Северо-Восток Китая принадлежит китайскому народу. Задача Красной армии Советского Союза заключается в освобождении Маньчжурии, а строительство нового государства в Китае — это задача самих китайцев. 26 августа 1945 года главком войск на Дальнем Востоке маршал Советского Союза А.М. Василевский указал, что 1-й полк бригады (китайские и корейские бойцы) будет действовать отдельно от 2-го полка (коренные малочисленные народы Дальнего Востока). Передислокация 2-го полка бригады в Китай пока не планируется. Китайский состав 1-го полка должен действовать вместе с советскими войсками, их задача занять стратегически важные города в Маньчжурии. В занятых советскими войсками городах командиры и бойцы 88-й бригады будут назначены на должности помощников военных комендантов. Так оно и произошло. Командиры и бойцы 88-й бригады заняли 57 важнейших стратегических мест, в том числе 12 больших и 45 средних и малых городов и приступили к управленческой работе.

Причина вступления Советского Союза в войну с Японией коренилась в стремлении СССР обеспечить себе свободный выход в Тихий океан. В 1945 году наступил крайне удобный момент для решения данной проблемы. Находившихся на Дальнем Востоке 40 советских дивизий было далеко недостаточно для проведения крупномасштабной операции против японских войск в Маньчжурии, Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах. Поэтому с мая по июль 1945 года с Запада на Дальний Восток прибыло 136 тыс. вагонов с вооружением и закаленными в боях с немецко-фашистскими войсками. Главный удар советское командование планировало нанести войсками Забайкальского фронта, которым из Приморья навстречу шли войска 1-го Дальневосточного фронта, выполняя задачу по окружению, расчленению и уничтожению Квантунской армии. В Маньчжурской стратегической наступательной операции принимали участие советские войска 2-го Дальневосточного фронта, силы и средства Тихоокеанского флота и Краснознаменной Амурской флотилии. Советская армия имела подавляющее превосходство по артиллерии в 4 раза, танкам в 5 раз, самолетам в 2,5 раза. За шесть дней наступления советские войска продвинулись на разных участках от 50 до 400 км. К 19 августа советские войска преодолели от 200 до 800 км и вышли на равнину через пустыню Гоби и горы Большого Хингана. Основная часть японских войск была расчленена и попала в окружение. Японцы начали повсеместно сдаваться в плен. Потери Квантунской армии составили около 700 тысяч человек (из них около 600 тысяч пленными). Советские войска потеряли 32 тысячи человек, из них 12 тысяч убитыми [9].

В боевых действиях в Маньчжурии против японцев принимали участие монгольские войска в составе советско-монгольской конно-механизиро-

ванной группы. 10 августа 1945 года Чжу Дэ, главнокомандующий вооруженными силами в округе Яньань (штаб-квартира Мао Цзэдуна), отдал войскам приказ о переходе в контрнаступление 8-й армии, новой 4-й армии и других антияпонских войск коммунистов Китая. 11 августа Чжу Дэ издал приказ, в котором давались конкретные указания войскам 8-й армии о взаимодействии с войсками Красной армии и принятии капитуляции японских частей. Китайские части и соединения активно наносили удары по японским войскам в Северном Китае, не позволяли Северной японской армии перебросить силы в Маньчжурию для помощи Квантунской армии. 17 армия и конно-механизированная группа советско-монгольских войск наступали из Монголии в направлении Чифыня и Калгана, нацеленные на Пекин, Тяньцзинь. Навстречу им из Северного Китая шли китайские войска 8-й армии также в направлении Калгана, Пекина и Тяньцзиня. Они наступали также вдоль побережья Ляодунского залива. 8-я армия освободила 36 городов и уездов провинции Ляопин, а также овладела 8 городами и уездами в восточной части провинции Гирин. Были также освобождены 2 города в провинции Хэйлунцзян. Бойцы и командиры 8-й армии внесли достойный вклад в освобождение Северо-Восточного Китая, прежде всего его южной части. В общей сложности они пленили 45 тыс. солдат и офицеров Квантунской армии.

Об этом необходимо нам помнить, когда мы отмечаем День Победы над Японией.

Мао Цзэдун приказал главнокомандующему китайских войск в Северо-Восточном Китае Чжу Дэ принять все меры к тому, чтобы китайские воины также участвовали в параде 16 сентября 1945 года. И вот наступило воскресенье, 16 сентября. Войска ровными прямоугольниками выстроились на Вокзальной площади Харбина. Площадь не рассчитывала на такую массу людей и техники, поэтому часть стрелковых и танковых батальонов, сводные батальоны саперов и связистов, артиллерия и минометы встали колоннами на привокзальных улицах в окружении харбинцев, забрасывающих автомашины, тягачи, танки букетами цветов. В одиннадцать утра на площадь выехал на коне генерал-полковник А.П. Белобородов, командующий 1-й Краснознаменной армией. Он был назначен Василевским, которого Сталин отозвал в Москву, принимать парад Победы. Командовал парадом генерал К.П. Казаков, открывали его пехотинцы 300-й Харбинской дивизии, следом прошла 59-я Краснознаменная дивизия, далее шли тяжелые пушки и гаубицы, гвардейские минометы. Площадь буквально ахнула: «Катюши!» Оказывается, китайцы знали о славе нашей реактивной артиллерии. Парад замыкали танковые бригады и тяжелый самоходно-артиллерийский полк. И опять гул восторга и буря аплодисментов прокатились по площади, когда они увидели, что бегом спешат принять участие в

параде китайские войска. Они преодолели сотни километров, сменяя друг друга (двое несли носилки, на которых отдыхал третий), но все-таки успели к окончанию парада Победы. Китайские бойцы были не в парадной форме, а в полевой, пропитанной потом, но они счастливо улыбались советским воинам и жителям Харбина. За ними пошли колонны демонстрантов, Харбин был город многонациональный. Помимо китайцев и русских, в нем жили своими общинами корейцы, поляки, татары, немцы и другие народы. И все они вышли на демонстрацию в национальных одеждах, с детьми, у каждого в руках красный флажок или алая гвоздика. Зрелище было очень красочное. Людской поток тек мимо трибуны, на которой стояли генералы 1-го Дальневосточного фронта и первый секретарь Приморского крайкома ВКП (б) Н.М. Пегов. Парад Победы над Японией в Харбине и демонстрация жителей города закончились с наступлением сумерек, когда вспыхнули огни иллюминации. Вечером в штабе 1-й Краснознаменной армии был устроен торжественный прием. Город сверкал огнями. В городском саду играл духовой оркестр, где сидели солдаты и баянист играл старинный вальс «На сопках Маньчжурии». Что было дальше. В той войне советские войска потеряли убитыми 12031 чел.: Забайкальский фронт - 2228, 1-й Дальневосточный фронт - 6324, 2-й Дальневосточный - 2449, Тихоокеанский флот - 998 и Амурская флотилия - 32 человека. Потери Красной армии и флота в 20 раз меньше потерь японской Квантунской армии.

Большинство погибших советских воинов было похоронено частями Красной армии в районах освобожденных ими городов и поселков. При этом почти везде сооружались памятники в честь советских вооруженных сил. Более монументальные памятники были сооружены в 50-60-х годах китайскими провинциальными и городскими властями. В настоящее время на территории Северо-Восточного Китая (в провинциях Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин и в автономном районе Внутренняя Монголия) имеется более 50 памятников Красной армии и советским воинам. В некоторых городах (Люйшуне, Харбине, Хайларе, Маньчжурии, Муданьцзяне, Шэньяне, Суйфэньхэ) стоят по два и более памятников, не считая надмогильные памятники на кладбищах. Большинство памятников, кладбищ и могил находятся в хорошем состоянии. Хабаровчане, официальные делегации края и города, посещая Китайскую Народную Республику, всегда посещают места захоронения, памятные сооружения, чтобы отдать дань уважения воинам за Победу над Японией и возложить венки и цветы. Надписи на памятниках наклеены на русском и китайском языках. Их содержание в основном одинаково. Например, памятник в Харбине на привокзальной площади представляет собой 20-метровый монумент, увенчанный макетом ордена Победы. На лицевой стороне монумента выгравировано: «Вечная слава героям, павшим в боях с японскими ми-

литаристами за честь и победу Советского Союза», а на обратной стороне памятника надпись: «Слава героической Красной армии, отстоявшей свободу и независимость Советского Союза». В городе Хэйхэ в парке установлен памятник с увенчанной красной звездой. На нем надписи, на русском и китайском языках: «Памятник погибшим героям советской Красной армии», а у основания памятника на русском языке высечено: «Вечная слава героям, павшим в боях с японскими агрессорами за свободу и независимость социалистического Отечества и освобождения китайского народа». В административном центре провинции Ляонин городе Шэньяне (старое название Мукден) есть несколько памятников советским воинам, в том числе танкистам 6-й гвардейской танковой армии. Главный памятник стоит на привокзальной площади. Это 20-метровый обелиск, на вершине которого установлен танк Т-34. На памятнике выгравировано на русском языке: «Вечная слава героям-танкистам, павшим в боях с японскими империалистами за честь и победу Советского Союза». В городе Люйшунь (Порт-Артур), где захоронено более 1500 советских воинов, сооружен прекрасный памятник на кладбище. Он представлен собой высокий столб из белого мрамора, увенчанный пятиконечной звездой в обрамлении венка. У основания памятника скульптура советского солдата с автоматом, присевшего на правое колено и склонившегося перед знаменем Красной армии. Здесь же плита с надписью на китайском и русском языках. Памятник поставлен в ознаменование больших услуг Советской армии в разгроме японских империалистов.

В Хабаровском краевом музее имени Н.И. Гродекова была организована выставка «Парад Победы над Японией в Харбине. 16 сентября 1945 года», посвященная 80-летию Победы над милитаристской Японией и окончания Второй мировой войны. Этот парад единственный, который был проведен в честь Победы над Японией. Парад Победы в Харбине 1945 года стал символом не только победы, но и укрепления мира и дружбы между народами, участвовавшими в борьбе против японского милитаризма. «Он также ознаменовал собой важный этап в истории отношений между Советским Союзом и Китаем», - говорит исполняющая обязанности директора Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова Нина Маркова. В параде участвовало 35 325 человек, в том числе 24 маршала, 249 генералов, 2809 офицеров, включая младших лейтенантов и полковников, 31 116 сержантов и солдат, а также 1400 военных музыкантов. Были задействованы сводные полки советских войск, каждый из которых насчитывал более 1000 человек, а также представители Китайской Республики и Северо-Восточной антияпонской объединённой армии. Русская община и китайцы Харбина активно поддерживали Красную армию, оказывая помощь и принимая участие в праздничных мероприяти-

ях. Во время парада были продемонстрированы боевая техника и вооружение советских войск, включая пехоту, артиллерию, танки и «Катюши». Прохождение войск и военной техники продолжалось больше часа. После парада прошла импровизированная демонстрация китайского населения Харбина, продолжавшаяся свыше двух часов [10].

Термин «русские харбинцы» обозначает несколько поколений русских, живших в этом основном узловом городе Китайско-Восточной железной дороги, примерно с 1898 по 1960-е годы. В Харбине было 26 православных церквей, из них 22 настоящих храма, целая сеть средне-учебных школ и шесть высших учебных заведений. Тот же архиепископ Нестор писал: «Милостью Божией Харбин на четверть века продолжил нормальную дореволюционную русскую жизнь».

Но с 1940-х годов здесь происходил массовый отъезд русского населения. А после 1952 года СССР инициировал вторую волну репатриации харбинских русских.

Наконец, в 1955 году бывшая территория японской оккупации Маньчжоу-Го, а вместе с ней и освобожденный Харбин были Хрущевым окончательно переданы Китайской Народной Республике. Вследствие этого русских в Харбине почти не осталось. Начиная же с 1990-х годов в Харбин вновь стали приезжать люди из всего бывшего СССР, которые уже не имели никакого отношения ни к дроздовцам, ни к семеновцам, ни к частенько называемым в советской прессе «белобандитам», ни к первой волне эмиграции.

Таким образом, Парад Победы в Харбине 1945 года стал символом не только победы, но и укрепления мира и дружбы между народами, участвовавшими в борьбе против японского милитаризма. Он также ознаменовал собой важный этап в истории отношений между Советским Союзом и Китаем.

Библиографический список:

1. Алексей Подымов. Харбин 1945-го. Последний парад Белой Армии // URL: https://topwar.ru/205729-harbin-1945-go-poslednij-parad-beloj-armii.html (Дата обращения: 15.10.1025)
2. Мережко А. Два парада воинской славы / А. Мережко. Тихоокеанская звезда. Хабаровск. 13 сентября 2025 // URL: https://toz.su/press_center/voennyy_parad_i_vals_pobedy_khabarovsk_uvidit_v_sentyabre/?ysclid=mgq0mwr9xh391416763 (Дата обращения: 15.10.1025)
3. 75 лет. 16 сентября 1945 года Парад Победы в Харбине. // URL: http://yaroslavova.ru›main. mhtml…(Дата обращения: 16.10.1025)
4. Четвёртый Парад Победы 1945 года // URL: https://litrussia.su/2025/08/05/chetvjortyj-parad-pobedy-1945-goda / (Дата обращения: 16.10.1025)
5. Чекмарев В.А. Харбин, 1945 // URL: https://zhurnal.lib.ru/c/chekmarew_w_a/1945harbin.shtml (Дата обращения: 16.10.1025)
6. Освобождение Харбина в 1945 году // URL: http://lemur59.ru/node/11508 (Дата обращения: 16.10.1025)
7. Баскин Л. Имя на поэтической поверке. Арсений Несмелов // URL: https://stihi.ru/2019/05/22/3085 (Дата обращения: 16.10.1025)
8. 80 лет назад - 16 сентября 1945 года, Парады в честь победы над Японией (Уссурийск и Харбин)! // URL: https://kulturamgo.ru/pomnim-gordimsya/17912-16-sentyabrya-1945-goda-parady-v-chest-pobedy-nad-

yaponiej-ussurijsk-i-kharbin-2 (Дата обращения: 16.10.1025)
9. Мережко А. Два парада воинской славы / Тихоокеанская звезда. Хабаровск. 13 сентября 2025 // URL: https://toz.su/newspaper/iz_istorii_sovremennosti/dva_parada_voinskoy_slavy/ (Дата обращения: 16.10.1025)
10. Шкулин Н.Н. Парад Победы в Харбине // URL: https://hkm.ru/exhibition/parad-pobedy-nad-yaponiej-v-harbine-16-sentyabrya-1945-goda/ (Дата обращения: 16.10.1025)

Reference

1. Aleksey Podymov. Harbin 1945. The Last Parade of the White Army // URL: https://topwar.ru/205729-harbin-1945-go-poslednij-parad-beloj-armii.html (15.10.1025)
2. Merezhko A. Two Parades of Military Glory / A. Merezhko. Pacific Star. Khabarovsk. September 13, 2025 // URL: https://toz.su/press_center/voennyy_parad_i_vals_pobedy_khabarovsk_uvidit_v_sentyabre/?ysclid=mgq0mwr9xh391416763 (15.10.1025)
3. 75 years. September 16, 1945 Victory Parade in Harbin. // URL: http://yaroslavova.ru›main. mhtml… (16.10.1025)
4. Fourth Victory Parade of 1945 // URL: https://litrussia.su/2025/08/05/chetvjortyj-parad-pobedy-1945-goda (10.16.1025)
5. Chekmarev V.A. Harbin, 1945 // URL: https://zhurnal.lib.ru/c/chekmarew_w_a/1945harbin.shtml (16.10.1025)
6. Liberation of Harbin in 1945 // URL: http://lemur59.ru/node/11508 (16.10.1025)
7. Baskin L. Name at the Poetry Test. Arseny Nesmelov // URL: https://stihi.ru/2019/05/22/3085 (16.10.1025)
8. 80 years ago - September 16, 1945, Parades in honor of the victory over Japan (Ussuriysk and Harbin)! // URL: https://kulturamgo.ru/pomnim-gordimsya/17912-16-sentyabrya-1945-goda-parady-v-chest-pobedy-nad-yaponiej-ussurijsk-i-kharbin-2 (16.10.1025)
9. Merezhko A. Two parades of military glory / Pacific star. Khabarovsk. September 13, 2025 // URL: https://toz.su/newspaper/iz_istorii_sovremennosti/dva_parada_voinskoy_slavy/ (16.10.1025)
10. Shkulin N.N. Victory Parade in Harbin // URL: https://hkm.ru/exhibition/parad-pobedy-nad-yaponiej-v-harbine-16-sentyabrya-1945-goda/ (16.10.1025)

Балде Х.У.

Аспирант. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Сотрудничество Португалии и Гвинеи-Бисау в сфере сельского хозяйства: достижения и вызовы*

Аннотация. Статья представляет собой комплексный анализ сотрудничества между Португалией и Гвинеей-Бисау в аграрной сфере, исследуя как историческое наследие, так и современные проекты, направленные на развитие сельского хозяйства в Гвинее-Бисау. Цель исследования заключается в выявлении достижений и проблем в двустороннем сотрудничестве, а также в предложении рекомендаций по улучшению взаимной работы. Для достижения поставленной цели автор использует методы сравнительного анализа, эмпирической оценки программ и проектов, а также анализа данных о результатах внедрения новых технологий и модернизации сельскохозяйственной инфраструктуры.

Исследование выявляет важность сельского хозяйства для обеих стран, особенно для Гвинеи-Бисау, где этот сектор остаётся основным источником занятости и продовольственной безопасности. В то же время, сельское хозяйство в Гвинее-Бисау сталкивается с множеством проблем, таких как низкая продуктивность, ограниченные ресурсы, недостаток квалифицированных кадров и негативное влияние климатических изменений. В статье рассматриваются ключевые проекты и инициативы, такие как модернизация ирригационных систем, улучшение аграрной инфраструктуры, обучение фермеров и внедрение новых технологий.

Результаты показали, что благодаря сотрудничеству с Португалией уровень урожайности в целевых регионах Гвинеи-Бисау возрос на 20-25% с 2018 по 2023 год. Также снижены потери сельхозпродукции с 25-30% до 10% благодаря улучшению складской логистики и созданию современных орошений. В то же время, проектам мешают политическая нестабильность, ограниченные финансовые ресурсы, а также нехватка квалифицированных специалистов и слабая инфраструктура.

Среди значимых выводов статьи можно выделить необходимость дальнейшего укрепления образовательных программ, обмена опытом и увеличения финансирования аграрных проектов с поддержкой международных организаций. Перспективы развития двустороннего сотрудничества заключаются в продолжении фокуса на устойчивое развитие и адаптацию к изменениям климата. Рекомендуется привлекать международных партнеров, таких как Всемирный банк и ФАО, для оказания дополнительной финансовой и технической помощи, что в будущем может привести к укреплению социальной и экономической стабильности региона и повышению продовольственной безопасности.

Ключевые слова: Португалия, Гвинея-Бисау, сельское хозяйство, сотрудничество, устойчивое развитие, инновационные технологии, аграрная инфраструктура, образование, климатические вызовы, международные организации, IICT, ADC, FAO, UNDP, Всемирный банк.

* © Балде Х.У., 2025.

Balde H.U.
Postgraduate student at the Peoples' Friendship University of Russia.

Cooperation between Portugal and guinea-Bissau in agriculture: achievements and challenges

Abstract. The article is a comprehensive analysis of cooperation between Portugal and Guinea-Bissau in the agricultural sector, exploring both the historical heritage and modern projects aimed at developing agriculture in Guinea-Bissau. The purpose of the study is to identify achievements and challenges in bilateral cooperation, as well as to propose recommendations for improving mutual work. To achieve this goal, the author uses methods of comparative analysis, empirical evaluation of programs and projects, as well as data analysis on the results of the introduction of new technologies and modernization of agricultural infrastructure.

The study highlights the importance of agriculture for both countries, especially for Guinea-Bissau, where this sector remains a major source of employment and food security. At the same time, agriculture in Guinea-Bissau is facing many challenges, such as low productivity, limited resources, lack of qualified personnel and the negative impact of climate change. The article discusses key projects and initiatives such as the modernization of irrigation systems, improvement of agricultural infrastructure, training of farmers and the introduction of new technologies.

The results showed that, thanks to cooperation with Portugal, yields in the target regions of Guinea-Bissau increased by 20-25% from 2018 to 2023. Losses of agricultural products have also been reduced from 25-30% to 10% due to improved warehouse logistics and the creation of modern irrigation systems. At the same time, projects are hampered by political instability, limited financial resources, as well as a lack of qualified specialists and weak infrastructure.

Among the significant conclusions of the article, it is possible to highlight the need to further strengthen educational programs, exchange experience and increase financing of agricultural projects with the support of international organizations. The prospects for the development of bilateral cooperation are to continue the focus on sustainable development and adaptation to climate change. It is recommended to involve international partners, such as the World Bank and FAO, to provide additional financial and technical assistance, which in the future may lead to strengthening the social and economic stability of the region and improving food security.

Key words: Portugal, Guinea-Bissau, agriculture, cooperation; sustainable development, innovative technologies, agricultural infrastructure, education, climate challenges, international organizations, IICT, ADC, FAO, UNDP, World Bank.

Введение

Сельское хозяйство играет ключевую роль в экономике Гвинеи-Бисау, обеспечивая занятость значительной части населения и являясь основным источником продовольствия и доходов. Однако сектор сталкивается с мно-

гочисленными проблемами, включая ограниченный доступ к современным технологиям, недостаток инфраструктуры, влияние климатических изменений и финансовые трудности. В этом контексте сотрудничество с Португалией приобретает особую значимость благодаря историческим и культурным связям, а также опыту Португалии в развитии сельскохозяйственного сектора.

Португалия активно поддерживает Гвинею-Бисау через различные совместные проекты и программы, направленные на модернизацию аграрного производства, передачу технологий и повышение квалификации специалистов. Эти инициативы реализуются при участии Португальского агентства развития и сотрудничества (Camões - Instituto da Cooperação e da Língua) и международных организаций, что способствует укреплению двусторонних отношений и устойчивому развитию региона.

Цель настоящей статьи — провести комплексный анализ сотрудничества между Португалией и Гвиней-Бисау в сельскохозяйственной сфере, выявить основные достижения и существующие вызовы, а также дать рекомендации по дальнейшему развитию партнерства. В работе рассматриваются ключевые проекты и их влияние на социально-экономическую ситуацию в стране, а также проблемы, с которыми сталкиваются участники сотрудничества. Особое внимание уделяется вопросам устойчивого развития, экологической безопасности и адаптации к климатическим изменениям, которые имеют решающее значение для будущего аграрного сектора Гвинеи-Бисау.

Колониальное влияние Португалии на аграрный сектор Гвинеи-Бисау

Влияние Португалии на аграрный сектор Гвинеи-Бисау носит глубокий исторический характер и имеет важное значение для понимания современного состояния сельского хозяйства этой страны. В период колониального правления, которое длилось с середины XV века до 1974 года, Португалия активно эксплуатировала сельскохозяйственные ресурсы региона, формируя аграрную структуру, ориентированную преимущественно на экспорт сырьевых продуктов[1].

Одним из ключевых аспектов колониального влияния было внедрение плантационной системы, в рамках которой основное внимание уделялось выращиванию риса, кешью, кофе и пальмового масла. При этом традиционные формы земледелия и местные агротехнические практики часто игнорировались или подавлялись. Колониальная администрация сосредотачивалась на обеспечении поставок сырья для метрополии, что ограничи-

1 *Havik P.J., Monteiro F., Catarino S., Correia A.M., Catarino L., Romeiras M.M.* Agro-economic transitions in Guinea-Bissau (West Africa): Historical trends and current insights. Sustainability, 2018. № 10 (10). 3408. // URL: https://doi.org/10.3390/su10103408 (10.05.2025)

вало развитие внутреннего продовольственного производства и создавало зависимость от внешних рынков.

Кроме того, Португалия осуществляла ограниченную модернизацию аграрной инфраструктуры, что повлияло на низкую производительность сельского хозяйства и недостаточное развитие системы ирригации и транспорта. Недостаток инвестиций в развитие квалифицированных кадров и аграрных технологий также стал фактором, усложняющим самостоятельное развитие сектора после обретения Гвинеей-Бисау независимости в 1974 году[2].

Колониальное наследие проявляется и в социальных структурах: установленные связи между землевладельцами и колониальными властями формировали социальное неравенство, которое сохранилось и после периода колониализма, оказывая влияние на распределение сельскохозяйственных ресурсов и возможности для фермеров.

Колониальное влияние Португалии заложило фундамент для современного состояния аграрного сектора Гвинеи-Бисау, сформировав как потенциал, так и многие системные проблемы, которые продолжают оказывать воздействие на развитие сельского хозяйства в стране.

Значение сельского хозяйства в экономике Португалии и Гвинеи-Бисау

Сельское хозяйство играет важную роль как в экономике Португалии, так и Гвинеи-Бисау, однако масштабы и значение этого сектора существенно различаются в этих странах.

В Португалии сельское хозяйство является традиционным сектором экономики, который обеспечивает не только внутренние потребности, но и значительную часть экспорта. Основные направления включают выращивание фруктов, овощей, виноградарство и животноводство. Благодаря развитию технологий и современным методам управления, сельскохозяйственный сектор Португалии демонстрирует стабильный рост и высокую производительность, внося важный вклад в ВВП страны и сохраняя рабочие места в сельской местности[3].

Для Гвинеи-Бисау сельское хозяйство имеет ещё более критическое значение, являясь основным источником занятости для большинства населения и главным элементом продовольственной безопасности. В этой стране

2 Международный валютный фонд. Департамент Африки. Гвинея-Бисау: Консультации по статье IV и третий пересмотр в 2022 году в рамках Программы под наблюдением персонала; Пресс-релиз и заявление исполнительного директора по Гвинее-Бисау // URL: https://www.elibrary.imf.org/view/journals/002/2022/196/article-A001-en.xml (17.05.2025)

3 *Alavedra, Maria & Moura, Dina & Cenci-Goga, Beniamino & Saraiva, Sónia & Silva, Filipe & Pires, Isabel & Saraiva, Cristina & Coelho, Ana & García Díez, Juan.* Biosecurity Practices in Portuguese Small Ruminant Farms: Current Status and Future Directions. Veterinary Sciences. 2025. // URL: https://doi.org/10.3390/vetsci12040334 (10.05.2025)

преобладает мелкотоварное и подсобное сельское хозяйство, с акцентом на выращивание риса, арахиса и кешью. Сектор сталкивается с рядом трудностей, включая недостаток инфраструктуры, ограниченные технологии и воздействие климатических факторов. Тем не менее, сельское хозяйство остаётся ключевым фактором социально-экономического развития, поэтому укрепление сотрудничества с Португалией направлено на повышение эффективности и устойчивости аграрного производства.

В целом, сельское хозяйство в обоих государствах отличается по масштабу и уровню развития, но для обеих стран этот сектор является стратегически важным. Сотрудничество в этой области открывает возможности для обмена опытом, внедрения современных технологий и совместного решения существующих проблем.

Развитие двусторонних отношений после обретения независимости

После обретения независимости в 1974 году Гвинея-Бисау столкнулась с серьёзными экономическими и социальными вызовами, включая необходимость восстановления и развития сельского хозяйства, которое являлось основой национальной экономики. Несмотря на сложные политические и экономические условия, двусторонние отношения с Португалией продолжили играть важную роль и постепенно переходили от колониальных связей к партнерству, основанному на равноправном сотрудничестве и взаимной поддержке.

В первые годы после независимости сотрудничество между двумя странами характеризовалось в основном гуманитарной и технической помощью. Португалия предоставляла поддержку в виде образовательных программ, подготовки специалистов и поставок оборудования, что способствовало началу модернизации аграрного сектора Гвинеи-Бисау. Особое внимание уделялось развитию инфраструктуры, внедрению новых агротехнологий и увеличению производительности традиционных сельскохозяйственных культур, таких как рис и кешью[4].

Важную роль в развитии двусторонних отношений сыграл Португальский институт поддержки развития (Instituto Português de Apoio ao Desenvolvimento, IPAD), который координировал и реализовывал программы и проекты в области сельского хозяйства, направленные на повышение устойчивости и эффективности аграрного производства. IPAD осуществлял финансирование и техническую поддержку инициатив, способствующих развитию малых фермерских хозяйств, внедрению инновационных методов возделывания и улучшению систем ирригации. Особое внимание уделя-

4 *Kyle Steven,* "Rice Sector Policy Options in Guinea bissau," Working Papers 250010, Cornell University, Department of Applied Economics and Management, 2015 // URL: https://publications.dyson.cornell.edu/research/researchpdf/wp/2015/Cornell-Dyson-wp1501.pdf (17.05.2025)

лось подготовке кадров и обмену опытом между специалистами двух стран.

В последующие десятилетия сотрудничество расширялось и углублялось, включая реализацию совместных проектов в области устойчивого развития, повышения продовольственной безопасности и адаптации к климатическим изменениям. При поддержке Португальского агентства развития и сотрудничества (Camões - Instituto da Cooperação e da Língua) были запущены программы по профессиональному обучению фермеров, развитию агротехники и созданию системы мониторинга сельскохозяйственного производства.

Двусторонние отношения также получили импульс благодаря международным дипломатическим инициативам, направленным на укрепление экономических и культурных связей. Португалия выступала посредником в привлечении международных инвестиций и грантов, что способствовало увеличению финансирования сельскохозяйственных проектов и созданию новых рабочих мест в аграрном секторе.

Несмотря на достижения, сотрудничество сталкивается с вызовами, связанными с политической нестабильностью в Гвинее-Бисау, ограниченными ресурсами и необходимостью более координированного подхода к планированию и реализации проектов. Тем не менее, двусторонние отношения продолжают оставаться важным фактором развития сельского хозяйства и социально-экономического прогресса в регионе.

Развитие двусторонних отношений после независимости характеризуется переходом от помощи и поддержки к стратегическому партнерству, нацеленному на долгосрочное устойчивое развитие аграрного сектора Гвинеи-Бисау.

Современное состояние сотрудничества между Португалией и Гвинеей-Бисау

В сельскохозяйственной сфере характеризуется активным и многоуровневым взаимодействием, направленным на развитие аграрного сектора и повышение продовольственной безопасности региона. Португальские организации играют ключевую роль в реализации различных программ, проектов и инициатив, направленных на модернизацию сельскохозяйственных технологий, развитие инфраструктуры и повышение квалификации кадров.

Одними из ведущих учреждений, оказывающих поддержку, являются Agência para o Desenvolvimento e Coesão (ADC), которая отвечает за координацию и финансирование проектов развития, и Instituto de Investigação Científica Tropical (IICT), специализирующийся на научных исследованиях и внедрении инноваций в аграрной сфере. Также значительный вклад вносит Camões – Instituto da Cooperação e da Língua, играющий важную роль в организации образовательных программ и консультаций, направленных

на обмен опытом и развитие человеческого потенциала.

Помимо португальских структур, в сотрудничестве активно участвуют международные организации, такие как Food and Agriculture Organization (FAO), Программа развития ООН (UNDP) и Международный банк реконструкции и развития (IBRD). Они обеспечивают финансовую и техническую поддержку сельскохозяйственных проектов, способствуют обмену лучшими практиками и развитию устойчивых методов земледелия.

Образовательные и консультационные программы включают проведение семинаров, тренингов, стажировок и обменов опытом между специалистами двух стран. Они направлены на подготовку квалифицированных агрономов, фермеров и специалистов по управлению сельским хозяйством, что способствует внедрению современных технологий, адаптированных к специфическим климатическим и экономическим условиям Гвинеи-Бисау. Например, программы повышения квалификации по управлению водными ресурсами и устойчивому земледелию получили широкое развитие при поддержке IICT и Camões.

Инвестиции и техническая помощь сосредоточены на развитии инфраструктуры – строительстве оросительных систем, улучшении складских помещений и транспортной логистики, что существенно повышает эффективность аграрного производства и снижает потери продукции.

Несколько примеров совместных проектов между Португалией и Гвинеей-Бисау в сфере сельского хозяйства:

1. Проект по развитию орошения и водных ресурсов, реализуемый Instituto de Investigação Científica Tropical (IICT) совместно с Министерством сельского хозяйства Гвинеи-Бисау. Этот проект направлен на строительство современных ирригационных систем, что позволяет повысить урожайность и устойчивость сельского хозяйства к климатическим изменениям.

2. Программа повышения квалификации фермеров и агрономов, поддерживаемая Camões – Instituto da Cooperação e da Língua, включает семинары и стажировки в Португалии. Цель программы — внедрение инновационных технологий и устойчивых методов земледелия, адаптированных к местным условиям.

3. Совместная инициатива Agencia para o Desenvolvimento e Coesão (ADC) и FAO по развитию аграрной инфраструктуры и улучшению логистики хранения и сбыта сельхозпродукции. Проект способствует снижению потерь и улучшению экономической эффективности фермерских хозяйств.

4. Программа технической помощи и внедрения новых технологий по контролю за вредителями и болезнями растений, поддерживаемая Программой развития ООН (UNDP) и реализуемая при участии португальских исследовательских учреждений. Это помогает повысить качество и безопасность сельхозпродукции.

Анализ достижений

Современное сотрудничество между Португалией и Гвинеей-Бисау в сельскохозяйственной сфере принесло значительные достижения, которые можно подтвердить конкретными данными и примерами проектов.

Первым заметным результатом стало повышение производительности сельского хозяйства. Так, в рамках проекта по модернизации ирригационных систем, реализуемого Instituto de Investigação Científica Tropical (IICT), урожайность риса в целевых регионах Гвинеи-Бисау выросла на 20-25% в период с 2018 по 2023 год. Повышение эффективности использования воды и внедрение новых агротехнических практик позволили снизить расход воды на 15%, что особенно важно в условиях изменяющегося климата[5].

Во втором направлении – внедрении инновационных технологий – в сотрудничестве с Agência para o Desenvolvimento e Coesão (ADC) и при поддержке FAO был реализован проект по внедрению систем мониторинга почвы и управления вредителями. В результате, использование химических средств защиты растений сократилось на 30%, что положительно сказалось на экологической обстановке и качестве продукции[6].

Третьим важным достижением стала реконструкция аграрной инфраструктуры: в период с 2019 по 2024 год было построено и модернизировано более 50 километров ирригационных каналов и создано пять современных складских комплексов для хранения сельхозпродукции. Это позволило сократить потери урожая до 10%, тогда как ранее они достигали 25-30%. Программа развития инфраструктуры реализовывалась при участии ADC совместно с международными партнёрами, включая Всемирный банк[7].

Образовательные инициативы также дали ощутимые результаты. Через программы стажировок и семинаров, организованные Camões – Instituto da Cooperação e da Língua, повышение квалификации прошли более 200 агрономов и фермеров. Это способствовало внедрению современных методов земледелия, например, органического земледелия и устойчивого управления водными ресурсами.

Основные вызовы

Сотрудничество между Португалией и Гвинеей-Бисау в сельском хозяйстве сталкивается с рядом сложных вызовов, которые влияют на эффективность и устойчивость проектов. Прежде всего, экономические и

5 *Garbanzo G., Cameira M.d.R., Paredes P.* The Mangrove Swamp Rice Production System of Guinea Bissau: Identification of the Main Constraints Associated with Soil Salinity and Rainfall Variability. Agronomy 2024, 14, 468. // URL: https://doi.org/10.3390/agronomy14030468 (17.05.2025)

6 Agência para o Desenvolvimento e Coesão (ADC) // URL: https://www.adcoesao.pt (10.05.2025)

7 Agência para o Desenvolvimento e Coesão (ADC) // URL: https://www.adcoesao.pt (

политические барьеры, такие как нестабильность государственной власти и ограниченный бюджет, затрудняют долгосрочное планирование и реализацию инициатив. Климатические изменения, включая частые засухи и наводнения, оказывают существенное воздействие на сельхозпроизводство, усугубляя проблемы продовольственной безопасности.

Недостаток финансирования и квалифицированных кадров также остается серьезной преградой — многие фермеры испытывают дефицит доступа к современным технологиям и знаниям. Кроме того, культурные и языковые различия между партнерами осложняют коммуникацию и совместное принятие решений, что требует дополнительных усилий по гармонизации подходов и программ обучения.

Перспективы развития

Несмотря на существующие трудности, перспективы развития сотрудничества в сельском хозяйстве остаются позитивными. Рекомендуется расширение совместных проектов с фокусом на устойчивое сельское хозяйство и адаптацию к климатическим изменениям. Особое внимание следует уделить привлечению международных организаций — таких как ФАО, Всемирный банк и другие — для поддержки финансирования и технической помощи.

Развитие образовательных и консультационных программ будет способствовать преодолению кадрового дефицита и повышению квалификации местных специалистов. Внедрение инновационных технологий и дальнейшая модернизация инфраструктуры создадут условия для повышения производительности и улучшения качества жизни сельского населения.

В перспективе устойчивое развитие аграрного сектора позволит не только укрепить двусторонние отношения между Португалией и Гвинее-Бисау, но и повысить экономическую стабильность и продовольственную безопасность региона.

Заключение

Сотрудничество между Португалией и Гвинеей-Бисау в сельскохозяйственной сфере представляет собой важный инструмент для развития аграрного сектора и обеспечения продовольственной безопасности региона. Несмотря на существующие вызовы — политическую нестабильность, ограниченность ресурсов, климатические изменения и дефицит квалифицированных кадров — двустороннее взаимодействие развивается, опираясь на совместные проекты, образовательные инициативы и поддержку международных организаций. Португальские структуры и партнеры способствуют модернизации инфраструктуры, внедрению инновационных технологий и повышению квалификации специалистов, что в совокупно-

сти способствует устойчивому развитию сельского хозяйства в Гвинее-Бисау. Перспективы сотрудничества выглядят позитивными, при условии сохранения координации усилий и расширения международной поддержки, что позволит укрепить социально-экономическую стабильность и повысить качество жизни населения.

Библиографический список / Reference

1. Агентство по развитию и сплоченности (ADC) // URL: https://www.adcoesao.pt (Дата обращения: 10.05.2025).
2. Африканский банк развития, Португалия и Гвинея-Бисау подписали соглашение об ускорении диверсификации и развитии частного сектора // Африканский банк развития. // URL: https://www.afdb.org/en/news-and-events/african-development-bank-portugal-and-guinea-bissau-sign-compact-accelerate-diversification-private-sector-development-29369 (Дата обращения: 17.05.2025).
3. Зеленый климатический фонд. SAP025: Адаптация систем сельскохозяйственного производства в прибрежных районах северо-западной Гвинеи-Бисау. 2022. // URL: https://www.greenclimate.fund/project/sap025 (Дата обращения: 17.05.2025).
4. Международный валютный фонд. Департамент Африки. Гвинея-Бисау: Консультации по статье IV и третий пересмотр в 2022 году в рамках Программы под наблюдением персонала; Пресс-релиз и заявление исполнительного директора по Гвинее-Бисау // URL: https://www.elibrary.imf.org/view/journals/002/2022/196/article-A001-en.xml (Дата обращения: 17.05.2025).
5. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. Совершенствование выращивания орехов кешью: ФАО поддерживает исследовательскую деятельность в Гвинее-Бисау. Региональное отделение ФАО для Африки. 2022. // URL: https://www.fao.org/africa/news-stories/news-detail/Improving-cashew-cultivation-FAO-supports-research-activities-in-Guinea-Bissau/ (Дата обращения: 10.05.2025).
6. Соглашение о сотрудничестве между Республикой Португалия и Республикой Гвинея-Бисау в сельскохозяйственном секторе // ФАО. 1991. // URL: https://www.fao.org/faolex/results/details/ru/c/LEX-FAOC026315 (Дата обращения: 08.04.2025).
7. Спасение сельскохозяйственных культур Гвинеи-Бисау и торговли ими от вредителей: специалисты по фитосанитарному надзору, обученные использованию современных средств борьбы с вредителями // Международная конвенция по защите растений. // URL: https://www.ippc.int/en/news/saving-guinea-bissaus-crops-and-trade-from-pests-plant-health-technicians-trained-in-the-use-of-modern-pest-prevention-tools/ (Дата обращения: 10.05.2025).
8. ФАО, EMBRAPA, Кабо-Верде, Гвинея-Бисау и Мозамбик объединяют усилия для устойчивого борьбы с осенними личинками // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. // URL: https://www.fao.org/partnerships/news-archive/news-article/en/c/1190751/ (Дата обращения: 10.05.2025).
9. Alavedra, Maria & Moura, Dina & Cenci-Goga, Beniamino & Saraiva, Sónia & Silva, Filipe & Pires, Isabel & Saraiva, Cristina & Coelho, Ana & García Díez, Juan. Biosecurity Practices in Portuguese Small Ruminant Farms: Current Status and Future Directions. Veterinary Sciences. 2025. // URL: https://doi.org/10.3390/vetsci12040334 (Дата обращения: 10.05.2025).
10. AUC/OECD. Africa's Development Dynamics 2024: Skills, Jobs and Productivity, OECD Publishing, Paris 2024. // URL: https://doi.org/10.1787/df06c7a4-en
11. Garbanzo G., Cameira, M.d.R., Paredes P. The Mangrove Swamp Rice Production System of Guinea Bissau: Identification of the Main Constraints Associated with Soil Salinity and Rainfall Variability. Agronomy. 2024. 14, 468. // URL: https://doi.org/10.3390/agronomy14030468 (Дата обращения: 17.05.2025).
12. Havik P.J., Monteiro F., Catarino S., Correia A.M., Catarino L., Romeiras M.M. Agro-economic transitions in Guinea-Bissau (West Africa): Historical trends and current insights. Sustainability, 2018. № 10(10). 3408. // URL: https://doi.org/10.3390/su10103408 (Дата обращения: 10.05.2025).
13. Instituto de Investigação Científica Tropical, Lisbon, Portugal // URL: http://www.iict.pt (Дата обращения: 10.05.2025).
14. Kyle, Steven, 2015. "Rice Sector Policy Options in Guinea bissau," Working Papers 250010, Cornell University, Department of Applied Economics and Management, 2015 // URL: https://publications.dyson.cornell.edu/research/researchpdf/wp/2015/Cornell-Dyson-wp1501.pdf (Дата обращения: 17.05.2025).

Ци Цзясюй
Алтайский государственный университет, г. Барнаул.

Сравнительное исследование социалистического права с китайской спецификой и суверенного права России*

Аннотация. Китай и Россия относятся к странам с переходной экономикой, осуществляющим переход от плановой модели к рыночной. Исторически китайское право находилось под глубоким влиянием советской правовой системы. Теория правовой системы зародилась в Советском Союзе, а Россия, как правопреемник СССР в сфере прав и обязанностей, в технико-теоретическом аспекте также продолжает опираться на советские теоретические и доктринальные основы. Однако право является продуктом социальной политики. Поскольку Китай и Россия существенно различаются в подходах к общественным преобразованиям, руководящей идеологии, а также в целевых установках и направлениях развития, их правовые системы демонстрируют кардинальные различия как в теоретическом, так и в практическом измерениях. Российская правовая система также подчеркивает свои «особенности», которые, безусловно, отличаются от «китайской специфики». В рамках сравнительно-правового подхода, основанного на теории правовых семей, эволюцию российской правовой традиции можно разделить на три этапа: до социалистической правовой системы, в её период и после её установления. На всех трёх этапах в её правовой традиции сохранялся разрыв между формой и содержанием, где формальная вестернизация сочеталась с содержательной русификацией, что стало ключевой характеристикой её развития. Формирование данной особенности тесно связано с устойчивыми культурными факторами в системе российской цивилизации, такими как политическое устройство, религиозные традиции и обычаи. Советская правовая система и правовая теория оказали глубокое влияние на Китай. Современная социалистическая правовая система с китайской спецификой, находящаяся в процессе развития от правовой системы к системе верховенства закона, имеет сложную и многообразную правовую и культурную основу. Выстраивание гармоничных отношений между традиционной и современной, заимствованной и национальной культурами имеет фундаментальное значение для продвижения по пути становления верховенства права с китайской спецификой.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, правовой суверенитет, китайская правовая система, российское право, цифровое законодательство, не-западные правовые модели.

* © Ци Цзясюй, 2025.

Qi Jiaxu
Altai State University, Barnaul.

Comparative study of socialist law with Chinese characteristics and Russian Sovereign law

Abstract. China and Russia belong to the same transition countries from a planned economy to a market economy society. Historically, Chinese law has been deeply influenced by Soviet law. The theory of the legal system was born out of the Soviet Union, and Russia, as the successor of the Soviet Union's legal rights and obligations, also adheres to Soviet theory and doctrine at the technical level of legal theory. However, law is the product of social policy. China and Russia are very different in their social reform ideas, guiding ideology, direction and goals, and there can be no doubt that there are huge differences in the theory and practice of the legal system. The Russian legal system also emphasizes "characteristics", which is of course different from "Chinese characteristics". In the perspective of comparative law, based on the theory of the legal system, the evolution of the Russian legal tradition can be divided into three stages before, during and after the socialist legal system. In these three stages, its legal tradition has always been divided between form and substance, and formal Westernization and substantial Russification have become a major feature of its development. The formation of this feature is closely related to various stable cultural factors such as politics, religion, and customs in the Russian civilization system. The Soviet legal system and legal theory have a profound influence on China. The contemporary socialist legal system with Chinese characteristics has a complex and diverse legal and cultural background in the process of developing from a legal system with Chinese characteristics to a system of rule of law. How to deal with the relationship between traditional and modern, foreign and local cultures is of far-reaching significance to the road of the rule of law with Chinese characteristics.

Key words: comparative law, legal sovereignty, Chinese legal system, Russian law, digital legislation, non-western legal model.

Введение

Сравнительное исследование правовых систем Китая и России представляет особый научный интерес в контексте формирования не-западных моделей суверенитета в условиях цифровой эпохи. Настоящая работа фокусируется на анализе институциональных механизмов реализации законодательного суверенитета в двух странах, демонстрирующих принципиально различные пути правового развития при сохранении общих вызовов внешнего давления и технологических трансформаций. Как справедливо отмечается в классических трудах по сравнительному правоведению [3; 8; 9], национальные правовые системы сохраняют уникальность даже в условиях глобализации. Данное исследование развивает этот тезис, раскры-

вая специфику китайской модели «партийно-встроенного суверенитета» и российской «конституционно-центрированной» системы.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа двух различных моделей правового суверенитета, сложившихся в современных незападных правовых системах. Ключевой особенностью китайского подхода является органичная интеграция Коммунистической партии Китая в законодательный процесс, где конституционные положения о руководящей роли партии [Ст. 1 Конституции КНР в ред. 2018 г.] трансформируются в конкретные механизмы правотворчества через Закон о законодательстве [Ст. 3]. Как показано в исследовании Чжан Яня (2015) [11], данная система формирует «многоуровневую унифицированную политико-правовую структуру (多元一统的政治宪法结构)», обеспечивающую разделение функций между политическим принятием решений и законодательной легитимацией при сохранении конституционного единства. Российская модель, как отмечает Трошев (2022) [12], строится вокруг персонифицированного президентского суверенитета, закрепленного в Ст. 80 Конституции РФ. Конституционная реформа 2020 года, дополнившая Основной закон положением о недопустимости отчуждения территорий [Ст. 67.1], усилила эту тенденцию. Как подчеркивает автор, данные изменения создали «триединую структуру (三位一体结构)» суверенитета, где Конституционный Суд играет ключевую роль в легитимации президентской власти через интерпретацию конституционных норм в политическом процессе.

Цель исследования заключается в сравнительном анализе институциональных механизмов легитимации власти в правовых системах Китая и России, выявляя фундаментальные различия в источниках суверенитета. Как демонстрирует сравнительный анализ, если Китай сочетает историческую нарративную легитимность с институциональной легитимностью через интеграцию КПК в конституционную систему, то Россия акцентирует конституционный процедурализм, где легитимность выводится из формального соблюдения конституционных процедур и референдумов [1].

Задача исследования состоит в системном сравнении кризисных механизмов реагирования двух стран, раскрывая, как различия в источниках легитимности определяют практические инструменты управления. Эмпирический анализ подтверждает, что китайская модель «системы экстренного законодательства» под руководством партии (например, принятие «Закона о противодействии иностранным санкциям» в 2021 году через ускоренные процедуры при курировании Постоянного комитета Политбюро) структурно контрастирует с российским механизмом «приоритета президентских указов» [Указ № 79 2022 г.], где внепарламентские инструменты позволяют реализовывать суверенные решения в обход традици-

онных законодательных процессов. Данный контраст иллюстрирует более глубокую дихотомию: институциональную resilience китайской системы против персонализированной адаптивности российской модели.

Объектом исследования является сравнительный анализ конституционно-правовых механизмов реализации суверенитета в Китайской Народной Республике и Российской Федерации в условиях современных глобальных вызовов.

Методологическую основу исследования составляет компаративный анализ с применением метода «maximum difference cases», позволяющий выявить специфику трансформации правового суверенитета в условиях цифровой эпохи на примере Китая и России — стран с контрастными политическими системами (партийная система vs суперпрезиденциализм), но сталкивающихся со сходными вызовами (санкционное давление, цифровой колониализм); через деконструкцию правовых текстов, отслеживание законодательных процессов и верификацию судебных практик демонстрируется, как обе страны трансформируют политические институты в технологии правового суверенитета, а их практики цифрового суверенитета становятся прообразом пост западного правила образования.

Научная новизна исследования заключается в преодолении западной парадигмы либеральной демократии через трансформацию Китая и России из объектов исследования в производителей оригинальных теоретических моделей суверенитета, построении не-западной аналитической рамки анализа государственного суверенитета, выявлении потенциальных конфликтов в трансграничном регулировании данных между Евразийским экономическим союзом и инициативой «Пояс и путь», а также в демонстрации концептуальной ограниченности либерально-демократического подхода в понимании роли политических партий как институтов-носителей суверенитета.

Практическая значимость исследования заключается в выработке конкретных рекомендаций по гармонизации правового регулирования цифрового суверенитета между Китаем и Россией, создании методологической базы для прогнозирования потенциальных конфликтов в сфере трансграничной передачи данных между ЕАЭС и инициативой «Пояс и путь», а также в разработке практических механизмов адаптации антисанкционного законодательства обеих стран с учётом особенностей их политико-правовых систем, что способствует укреплению стратегического партнёрства в условиях геополитической турбулентности.

Сравнительный анализ основных концепций и правовых основ:

Как было вкратце обозначено во введении, современные вызовы цифровой эпохи фундаментально трансформируют традиционные представ-

ления о государственном суверенитете. В ней проводится сравнительный анализ понимания суверенитета в рамках социалистического права с китайской спецификой и в российском законодательстве о суверенитете.

1. Концепция суверенитета в «Социалистическом праве с китайской спецификой": теоретическое происхождение, основные значения и особенности того времени

Перспектива сравнительного правоведения обеспечивает важную теоретическую основу для нашего понимания концепции суверенитета в "Социалистическом праве с китайской спецификой". Возникновение и упадок теории правовых семей демонстрируют, что классификация правовых систем неизменно связана с их политическими и идеологическими основаниями. Как отмечали такие учёные, как Рене Давид (René David) [2], самостоятельность «социалистической правовой семьи» основывалась на её уникальном марксистско-ленинском мировоззрении, что позволило поставить её в один ряд с двумя западными правовыми семьями. Несмотря на то, что после радикальных изменений в Восточной Европе и СССР традиционная классификация «социалистической правовой семьи» в сравнительном правоведении отошла на второй план, это как раз подчеркивает уникальность и динамизм пути верховенства права с китайской спецификой.

Она не является простым наследием традиционной социалистической правовой семьи, а представляет собой глубокую трансформацию через китаизацию и модернизацию на её основе, что наиболее концентрированно отражается в её концепции суверенитета. Его основное содержание проявляется в органичном единстве трёх элементов: народной демократической диктатуры, руководства Коммунистической партии Китая и социалистического верховенства права. Это «триединая структура (三位一体)»: народная демократическая диктатура определяет классовую природу суверенитета, руководство Коммунистической партии Китая является высшей политической руководящей силой в осуществлении суверенитета, а социалистическое верховенство права представляет собой фундаментальный способ реализации суверенитета. Вместе они формируют политическую сущность, организационный принцип и путь реализации суверенитета. В правовом отношении данная концепция суверенитета институционализирована и конкретизирована нормативной системой, которая берет за основу Преамбулу и Общие положения Конституции КНР (《中华人民共和国宪法》序言与总纲), руководствуется Законом о национальной безопасности (《国家安全法》) и подкрепляется рядом специальных законов, таких как Закон о противодействии иностранным санкциям (《反外国制裁法》), Закон о безопасности данных (《数据安全法》) и Закон о кибербезопасности (《网络安全法》). Ключевая характеристика данной концепции заключается в том, что она выходит за рамки статичной

приверженности абсолютному и исключительному характеру суверенитета, делая акцент на его постоянном развитии и динамическом характере. Под стратегическим руководством концепции «Всеобъемлющей концепции национальной безопасности» (总体国家安全观) она обеспечивает комплексное планирование и координацию вопросов внутренней и внешней безопасности, национальной территориальной и общественной безопасности, а также традиционных и нетрадиционных вызовов. Особое внимание уделяется активной правовой инновационной деятельности, направленной на защиту и реформирование суверенитета в условиях углубляющейся глобализации и вызовов цифровой эпохи. Например, принятие «Закона о безопасности данных» (《数据安全法》), который юридически закрепил концепцию «важных данных (重要数据)» в рамках национальной суверенной системы, является эталонным примером данной proactive стратегии «правовой ретерриториализации».

2. Трансформация суверенитета: правовые ответы Китая и России в цифровую эпоху

Традиционные теории суверенитета (суверенитета) сталкиваются с фундаментальными вызовами в цифровую эпоху. Определение «абсолютной и постоянной суверенной власти （绝对且永久的主权权力）», предложенное Жаном Боденом (Jean Bodin) [4], подвергается тройной деконструкции: на онтологическом уровне распределённая власть, порождённая технологией блокчейн (такая как криптовалюта), подрывает монополию государства на денежный суверенитет; в пространственном измерении облачные вычисления отделяют хранение данных от географических границ, разрушая модель, которую Саския Сассен (Saskia Sassen) [5] называет «территориальным контейнером государства» (national territorial container); на субъектном уровне технологические гиганты обладают де-факто транснациональной юрисдикцией, что ставит под сомнение статус государства как единственного носителя суверенитета.

Указанное различие глубоко укоренено в правовых традициях двух стран. Хотя российское право формально относится к романо-германской правовой семье, его историческое развитие демонстрирует ярко выраженные черты самостоятельности и национальной идентичности. До Октябрьской революции российская правовая традиция сформировала уникальный путь развития на основе славянской культуры: с одной стороны, посредством рецепции римской правовой традиции и влияния византийской цивилизации была создана система писаного права и традиция кодификации; с другой стороны, всегда сохранялись специфические национальные характеристики, с акцентом на этатистскую идеологию, подчеркивающую верховенство монарха в соблюдении законов. Эта модель развития, известная как «русификация (俄罗斯化)», которая сочетает ус-

воение западных правовых форм с сохранением культурной специфики, предоставляет исторический контекст для формирования современной российской правовой концепции суверенитета, а также объясняет, почему Китай и Россия выбирают различные пути конструирования современного суверенитета.

3. Сравнительный анализ и синтез: общие черты и различия двух правовых концепций суверенитета

Общие стратегические цели: Обе страны стремятся ответить на вызовы глобализации под западной гегемонией и технологического доминирования, осуществляя активную правовую реконфигурацию для противодействия внешнему вмешательству и защиты режимной безопасности и ключевых национальных интересов. Это находит конкретное выражение в принятии специализированного законодательства, направленного на защиту цифрового и правового суверенитета.

Конкретные правовые примеры:

1) Китай: Закон о безопасности данных (《数据安全法》)

Содержание: Вводит концепцию «важных данных» (статья 31), определяя данные, связанные с национальной безопасностью, экономическим развитием и общественными интересами, как объект правовой защиты. Устанавливает систему оценки национальной безопасности для обработки данных, затрагивающих национальную безопасность (статья 24), и экстерриториальное применение закона к деятельности за пределами Китая, которая наносит ущерб национальной безопасности и общественным интересам Китая (статья 2) [6].

Цель: Создать правовой механизм для контроля ключевых данных в цифровой экономике и предотвращения их несанкционированной передачи и использования извне. Это прямой правовой ответ на риски, связанные с трансграничными потоками данных.

2) Россия: Закон о суверенном Рунете (《关于确保俄罗斯互联网稳定运行的法》)

Содержание: Закон 2019 года (Федеральный закон № 90-ФЗ) предусматривает создание национальной системы маршрутизации интернет-трафика (статья 10), обеспечивая возможность работы российского сегмента интернета (Рунета) в случае невозможности подключения к зарубежным серверам. Требует от интернет-провайдеров установки специальных средств противодействия угрозам (статья 15) в точках обмена трафиком [7].

Цель: Гарантировать устойчивость и безопасность национального интернет-пространства перед лицом потенциальных внешних санкций или кибератак, что представляет собой правовое и техническое укрепление цифрового суверенитета как компонента национальной безопасности.

Принципиальное различие в подходах заключается в следующем: китайская концепция суверенитета отличается системностью и проактивностью. Она нацелена на «интернализацию (内化)» глобальных вызовов через национальное законодательство, интегрируя новые технологические сферы в существующие рамки управления. Это отражает диалектическое мышление «поддержания безопасности через развитие (发展中维护安全)».

В отличие от китайской модели, российская концепция суверенитета характеризуется преимущественно оборонительной и реактивной природой. Её правовые механизмы ориентированы на прямое противодействие внешним вызовам и жёсткое отграничение от них, что отражает своего рода «оборонный позитивизм» в подходе к государственному суверенитету. Укрепление суверенного иммунитета здесь достигается через персонализированный конституционный дизайн, где фигура президента как «гаранта суверенитета （主权保障者）» (ст. 80 Конституции РФ) играет ключевую роль. Это формирует уникальный парадокс российской модели: суверенитет актуализируется и получает легитимацию именно через интенсивные механизмы своей защиты — то есть «обнаруживает себя через акты самоутверждения».

Выводы

Проведённый анализ выявляет настоятельную необходимость разработки межцивилизационной теории суверенитета, способной объяснить эволюцию правовых систем Китая и России в условиях цифровой трансформации. Перспективным направлением представляется прогностическое моделирование адаптации конституционных механизмов к вызовам искусственного интеллекта и больших данных, а также исследование потенциала гармонизации правовых режимов в рамках ШОС и БРИКС [10].

В методологическом плане исследование открывает новые горизонты для применения междисциплинарных подходов и цифровых методов анализа (data science) в сравнительном правоведении. Особую актуальность приобретает изучение emerging concepts киберсуверенитета и трансформации правовых механизмов в условиях гибридных угроз, что требует преодоления евроцентристских парадигм и формирования новой методологии, учитывающей цивилизационное разнообразие современных правовых систем.

Библиографический список:

1. Межуев В.М., Дин Хайли. Традиция и современность - дискуссия о нынешнем существовании и будущей судьбе русской культуры. Дневник Цюши. 2013. № 40 (1). С. 21-30.

2. Давид Р. Основные правовые системы современности. Пер. с фр. Ци Чжушэн. Шанхай: Шанхайское издательство переводческой литературы. 1984. С. 140.
3. Масао Оми. Сравнительный метод [М]. Юридическая пресса, 2006.
4. Боден Ж. О суверенитете: Четыре главы из шести книг о государстве (Дж. Х. Франклин, Ред. и пер.). Издательство Кембриджского университета. (Оригинальная работа опубликована в 1576 г.). 1992. // URL: https://book.douban.com/subject/35721082/
5. Сассен С. Территория, власть, права: От средневековых собраний к глобальным ассамблежам. Издательство Принстонского университета. 2006.
6. Закон Китайской Народной Республики о безопасности данных. Принят на 29-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва 10 июня 2021 года. 2021. // URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202106/7c9af12f51334a73b56d7938f99a788a.shtml (Дата обращения: 15.10.2023)
7. Федеральный закон от 01.05.2019 N 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»». (2019). Официальный интернет-портал правовой информации. // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905010032 (Дата обращения: 15.10.2023)
8. Автор: Шэнь Цзунлин. Сравнительное исследование [М]. Издательство Пекинского университета, 1998.
9. Глендон Миджиан. Сравнительно-правовые традиции. Издательство Китайского университета политических наук и права, 1993.
10. Чжан Янь. О механизме реализации Конституции через партийную систему в Китае. «Правовые исследования» (Faxue Yanjiu). 2021. Т. 43. № 4. С. 3-21.
11. Чжан Янь. Плюралистическая и единая политическая конституционная структура - отражение и реконструкция теоретических основ политического конституционализма [J]. Юридические исследования, 2015. № 37 (6). С. 23-37.
12. Трочев А. Три источника динамизма конституционного права России: Конституционный Суд в политическом процессе // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 2 (147). С. 125-146.
13. Рахимов К.Х. История создания основных этапов становления и развития ШОС // Альманах Казачество. 2021. № 51. С. 52-70.

Reference

1. Mezhuev V.M., Ding Haili. Tradition and Modernity: A Discussion of the Current Existence and Future Fate of Russian Culture. Tsyusha's Diary. 2013, № 40 (1). P. 21-30.
2. David R. The Main Legal Systems of Modern Times. Trans. from French by Qi Zhusheng. Shanghai: Shanghai Translation Press. 1984. P. 140.
3. Masao Omi. The Comparative Method [M]. Law Press, 2006.
4. Bodin J. On Sovereignty: Four Chapters from Six Books on the State (J.H. Franklin, Ed. and Trans.). Cambridge University Press. (The original work was published in 1576). 1992. // URL: https://book.douban.com/subject/35721082/
5. Sassen, S. Territory, Power, Rights: From Medieval Gatherings to Global Assemblies. Princeton University Press. 2006.
6. Data Security Law of the People's Republic of China. Adopted at the 29th Session of the Standing Committee of the 13th National People's Congress on June 10, 2021. 2021. // URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202106/7c9af12f51334a73b56d7938f99a788a.shtml (15.10.2023)
7. Federal Law of 01.05.2019 N 90-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Communications" and the Federal Law "On Information, Information Technology and the Protection of Information"". (2019). Official Internet Portal of Legal Information. // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905010032 (Accessed: 15.10.2023)
8. Author: Shen Zongling. Comparative Study [M]. Peking University Press, 1998.
9. Glendon Mijian. Comparative Legal Traditions. China University of Political Science and Law Press, 1993.
10. Zhang Yan. On the Mechanism of Constitutional Implementation through the Party System in China. Legal Studies (Faxue Yanjiu). 2021. Vol. 43. № 4. P. 3-21.
11. Zhang Yan. Pluralistic and Unified Political Constitutional Structure - Reflection and Reconstruction of Theoretical Foundations of Political Constitutionalism [J]. Legal Studies, 2015. № 37 (6). P. 23-37.
12. Trochev A. Three Sources of Dynamism of Constitutional Law in Russia: The Constitutional Court in the Political Process // Comparative Constitutional Review. 2022. № 2 (147). P. 125-146.
13. Rakhimov K.Kh. The history of the creation of the main stages of the formation and development of the SCO // Almanac Cossacks. 2021. № 51. P. 52-70.

Цуй Цзяньпин
Доктор истории, доцент. Институт государственного управления Хэйлунцзянского университета, г. Харбин.

Борьба держав вокруг управления Китайско-Восточной железной дорогой в 1904-1917 гг.*

Аннотация. Строительство Россией Китайско-Восточной железной дороги помешало планам Японии по установлению господства на Северо-Востоке Китая и стало важной причиной начала русско-японской войны. После окончания войны соотношение сил великих держав на Дальнем Востоке продолжало меняться, что вызвало новый виток конкуренции между ними за управление КВЖД. В то же время строительство КВЖД стало причиной финансового кризиса в России, который привел к обострению внутренних противоречий. Эти противоречия всегда проявлялись в Первой мировой войне, что в конечном итоге привело к краху российского правительства и провалу дальневосточной политики.

Ключевые слова: КВЖД, Великие державы, Политика на Дальнем Востоке, Северо-Восток Китая.

Cui Jianping
PhD (History), Associate professor, School of Government Administration, Heiliongjiang University.

The struggle of the powers over the management of the Sino-Eastern Railway in 1904-1917

Abstract. Russia's construction of the China Eastern Railway prevented Japan's plans to establish dominance in Northeast China and became an important reason for the outbreak of the Russian-Japanese war. After the end of the war, the balance of power between the powers in the Far East continued to change, which caused a new round of competition between them for the management of the CER. At the same time, the construction of the CER became the cause of the financial crisis in Russia, which led to the aggravation of internal contradictions. These contradictions always manifested themselves in the First World War, which eventually led to the collapse of the Russian government and the failure of Far Eastern policy.

Key words: CER, Great Powers, Politics in the Far East, Northeast China.

* © Цуй Цзяньпин, 2025.

С 1904 по 1917 год великие державы ожесточенно боролись за управление КВЖД. Железнодорожный вопрос между Россией и Японией всегда был конфликтным, пока русско-японская война не достигла своего апогея. После войны возникла напряженность в отношениях между Россией, Японией и Соединенными Штатами. Хотя Россия и Япония не смогли полностью устранить взаимную враждебность из-за подписания секретных соглашений, в целом сотрудничество между двумя странами было основным направлением, и эта ситуация не прекращалась до начала Октябрьской революции в России в 1917 году. Строительство КВЖД стало причиной финансового кризиса в России, который привел к обострению внутренних противоречий. Эти противоречия всегда проявлялись в Первой мировой войне, которая в конечном итоге привела к краху Временного правительства и провалу дальневосточной политики.

I. Япония захватывает железнодорожную ветку КВЖД

Империалистические державы выступили против военной оккупации Россией Северо-Восточного Китая. Под давлением Японии и других стран 8 апреля 1902 года Россия и цинское правительство подписали в Пекине «Договор об урегулировании трех восточных провинций», в котором Россия обещала уйти с Северо-Востока в три этапа, причем она будет выведена не позднее 8 октября 1903 года. В то же время, при поддержке Великобритании и Соединенных Штатов, Япония, которая внимательно следила за действиями России, решила напрямую договориться с Россией о разделе сфер влияния двух стран в Китае и Северной Корее. Его содержание включает в себя следующее: «Россия признает превосходящее положение Японии в Северной Корее, Япония признает, что у России есть особые интересы в Маньчжурской железной дороге; Россия не будет препятствовать будущему продлению корейской железной дороги до южной Маньчжурии и соединению ее с КВЖД и железной дорогой Шаньхайгуань-Инкоу» [1].

Западные державы заняли позицию подстрекательства и поощрения гегемонии России и Японии на Дальнем Востоке, а Россия впала в пассивность. Британия тайно поддерживала Японию и использовала ее для сдерживания России и укрепления своих позиций на Дальнем Востоке. Соединенные Штаты протестовали против патентной монополии России на КВЖД, выступали против монополии России на Северо-Восток и ожидали, что Япония вступит в войну с Россией. Внешне Германия строго придерживается нейтралитета, но для того, чтобы направить военную мощь России на Дальний Восток, ослабить или даже развалить российско-французский альянс, она тайно провоцирует японо-российские отношения, чтобы заста-

вить их пойти навстречу друг другу. Хотя Франция является союзником России, она недовольна политикой России на Дальнем Востоке, не говоря уже о войне России на Дальнем Востоке, поскольку это неизбежно ослабит возможности России сдерживать Германию с востока. В частности, после подписания соглашения с Великобританией 8 апреля 1904 года Франция стала новым союзником Соединенного Королевства, а Россия оказалась в положении дипломатической изоляции.

В то же время Япония продолжает проводить континентальную политику, рассматривает Китай и Северную Корею в качестве основных объектов агрессии и стремится конкурировать с российскими вооруженными силами. Столкнувшись с сильным давлением со стороны Японии и других стран, российское правительство отказалось вывести свои войска из северо-восточного Китая.

8 февраля 1904 года японский военно-морской флот начал войну без объявления войны и предпринял внезапную атаку на русский корабль у Лушунькоу, положив начало русско-японской войне. Из-за неблагоприятной дипломатической обстановки вкупе с отсталыми военными технологиями и стратегическим пренебрежением российская армия неоднократно терпела неудачи в бою. Чтобы избежать полного краха, Россия была вынуждена пойти на мирные переговоры. Хотя Япония одержала огромную победу на поле боя, она также чувствовала, что ее национальная мощь истощена, а финансы испытывают финансовые трудности. Ее стремление к миру было гораздо более настоятельным, чем у побежденной России, и она надеялась на перемирие.

10 августа побежденная Россия и измученная Япония начали мирные переговоры в Портсмуте Америки. После переговоров 5 сентября обе стороны подписали Портсмутский мирный договор. В договоре оговаривается: Войска России и Японии из трех восточных провинций должны быть выведены, но административная власть и армия на арендованной земле Люйшуня и Даляня этим не ограничиваются; Россия передала Японии арендованную землю Люйшуня и Даляня и все ее права и интересы, государственную собственность и т.д., а также передала Японии бесплатно «Южно-Маньчжурскую железную дорогу» от южного Чанчуня до Даляня вместе с правами на ветку, угольными шахтами и т.д.; Россия уступила южную половину острова Сахалин и все близлежащие острова Японии; Обе стороны могут устанавливать дорожные ограждения на своих соответствующих железнодорожных линиях. С тех пор захват Японией Южно-Маньчжурской ветки КВЖД был «узаконен».

Согласно положениям Портсмутского мирного договора, 3/4 южной ветки КВЖД принадлежит Японии, в то время как КВЖД от Маньчжурии до Суйфэньхэ и от Харбина до Чанчуня по-прежнему находится в руках

России. Таким образом, российская монополия на КВЖД перешла под совместный контроль России и Японии. После передачи южной ветки КВЖД Японии она была передана в ведение японской компании «Южно-Маньчжурская железнодорожная компания» и переименована в Южно-Маньчжурскую железную дорогу. Япония заменила Россию на юге трех Восточных провинциях. С тех пор Япония лихорадочно расширяла сферу своего влияния на Северо-Востоке Китая, сделав Маньчжурию своим оплотом. У России и Японии есть по участку железной дороги, что создает конфронтационную ситуацию на Северо-Востоке Китая.

II. Новый виток конкуренции между великими державами за управление КВЖД

После окончания русско-японской войны соотношение сил между державами на Дальнем Востоке постоянно менялось, что вызвало новый виток конкуренции между ними за управление КВЖД.

После того как Япония разгромила Россию и приобрела Южно-Маньчжурскую железную дорогу, чтобы усилить разграбление Китая и захватить контроль над железной дорогой, являющейся источником жизненной силы экономики, был создан ряд агрессивных институтов, таких как «Южно-Маньчжурская железнодорожная компания, Лтд» (известная как «Мантэцу»), департамент Канто и штаб армии Канто были созданы на Северо-Востоке и юге Китая с 1906 г. Колониальное правление над южными районами Северо-Восточного Китая.

Соединенные Штаты также имеют значительные интересы на Северо-Востоке. «Три восточные провинции являются важными рынками сбыта для американских бизнесменов, особенно для экспортеров хлопчатобумажных тканей. 90% хлопчатобумажных тканей, экспортируемых Соединенными Штатами в Китай, продается здесь" [2]. Как более поздняя трастовая империя, Соединенные Штаты настоятельно требовали найти места для размещения товаров и экспорта капитала на Дальнем Востоке. Захват железнодорожных привилегий является одной из главных движущих сил их политики об агрессии против Китая. Попытка Японии закрыть ворота в Северо-Восточный Китай привела к резкому сокращению инвестиций и торговли между Европой и Соединенными Штатами. Этому воспротивились западные державы, особенно Соединенные Штаты. Конфликт между Соединенными Штатами и Японией вырос и стал главным конфликтом на Дальнем Востоке и становится все более интенсивным.

Вскоре после подписания Договора между Россией и Японией Гарриман, король американских железных дорог, разработал грандиозную идею глобальной железной дороги. Согласно своему плану, он сначала получил право на эксплуатацию Южно-Маньчжурской железной дороги, затем

провел переговоры с Россией о приобретении КВЖД и получил право пройти по Транссибирской магистрали, тем самым сформировав трансатлантическую железнодорожную систему, связанную с Балтией. Чтобы реализовать свое желание построить глобальную железную дорогу, Гарриман прибыл в Токио в конце августа 1905 года, готовясь к переговорам с Японией о покупке Южно-Маньчжурской железной дороги. Гарриман предложил, чтобы Соединенные Штаты предоставили финансирование, а Соединенные Штаты и Япония совместно эксплуатировали Южно-Маньчжурскую железную дорогу. В Японии многие политические и военные ветераны выступали за выделение средств не только для удовлетворения насущных потребностей, но и для того, чтобы помешать побежденной России развязать войну возмездия. Министр иностранных дел Котаро Комура является бескомпромиссным представителем японского правительства. Он решительно выступает за то, чтобы Южная Маньчжурия была монополизирована Японией, и решительно выступает против продажи Южно-Маньчжурской железной дороги. В 1907, 1908 и 1911 годах Япония трижды брала кредиты у своего союзника, Соединенного Королевства, на общую сумму 14 миллионов фунтов стерлингов, что эквивалентно 136,5 миллионам японских иен, и успешно завершила реконструкцию и расширение Южно-Маньчжурской железной дороги.

В настоящее время ситуация в Европе напряженная, и Соединенное Королевство нуждается в поддержке России и Японии, чтобы совместно бороться с Германией. Россия обеспокоена тем, что ее интересам на Северо-Востоке Китая будет угрожать возобновившаяся агрессия Японии, поэтому она отказывается заключать соглашение с Великобританией до улучшения российско-японских отношений, то есть отказывается присоединиться к Антанте. У Японии туго с финансами, и она нуждается в поддержке Соединенного Королевства. Она не решается на новые военные авантюры против России. Борьба между Соединенными Штатами, Россией и Японией за права и интересы Северо-Восточного Китая нанесла прямой ущерб правам и интересам России и Японии на Северо-Востоке Китая, заставив обе страны почувствовать угрозу конкуренции и необходимость объединения. 10 июня 1907 года Россия и Япония подписали контракт о создании совместного предприятия между КВЖД и Южно-Маньчжурской железной дорогой. 30 июля было подписано первое российско-японское секретное соглашение. Соглашение предусматривало, что районы по обе стороны КВЖД от Куаньчэнцзы (Чанчунь) до реки Сунгари были отнесены к сфере влияния Японии, но номинально они по-прежнему оставались частью контролируемой Россией КВЖД. С тех пор силы России и Японии закрепились на Северо-Востоке Китая. «Объем торговли Соединенных Штатов в Маньчжурии сократился с 60% в 1905 году

до 35% в 1909 году» [3]. Японские торговцы заняли рынок хлопчатобумажных тканей в Маньчжурии.

Тафт, избранный президентом Соединенных Штатов в 1909 году, опирался на сильный капитал Соединенных Штатов, чтобы начать «дипломатию золотого юаня», активно поддерживал экспансию американских капиталистов и проводил жесткую политику в отношении Японии, а также пытался вернуться в Северо-Восточный Китай. Руководствуясь этой мыслью, в декабре 1909 года государственный секретарь США Нокс предложил правительствам Великобритании, Франции и Германии в форме меморандума «нейтрализовать» Северо-Восточную Китайскую железную дорогу, то есть выступить за то, чтобы эти железные дороги были заимствованы международной банковской группой, в которой доминировали Американский капитал в Китай для выкупа Южно-Маньчжурской железной дороги и КВЖД, чтобы передать эти железные дороги под управление Международного комитета и положить конец господству России и Японии в Маньчжурии. Франция выразила недовольство планом Нокса, и даже Великобритания, которая пыталась укрепить отношения с Россией до Первой мировой войны, на этот раз не поддержала Соединенные Штаты [4]. Только Германия, которая надеялась, что у стран Антанты возникнут конфликты на Дальнем Востоке, с пониманием отнеслась к предложению Нокса [5]. Япония решительно выступила против плана Нокса [6], а российское правительство отнеслось к этому плану отрицательно [7]. Так называемый план «нейтрализации» железных дорог трех восточных провинций, осуществленный Соединенными Штатами, разоблачил попытку Соединенных Штатов использовать так называемую «международную совместную операцию» для достижения амбиций Соединенных Штатов по контролю над всеми железными дорогами на Северо-Востоке Китая и последующему расширению Дальнего Востока, что нанесло прямой ущерб правам и интересам России и Японии на Северо-Востоке, способствуя тем самым воссоединению России и Японии.

4 июля 1910 года и 8 июля 1912 года Россия и Япония подписали второе и третье секретные соглашения, признавая соглашение 1907 года о разграничении их особых интересов в трех восточных провинциях и серьезно предупреждая другие страны, особенно Соединенные Штаты, не предпринимать никаких покушений на Маньчжурию [8]. Опираясь на тайный союз, заключенный с Россией, Япония затруднила Соединенным Штатам ведение бизнеса на Северо-Востоке Китая, и характер империализма в Азии, особенно в Китае, быстро изменился. Из-за негативного отношения Великобритании, Франции и Германии и единодушного противодействия России и Японии план Соединенных Штатов «Нокс» не избежал участи банкротства, а план экспансии на Дальний Восток сошел на нет.

В 1914 году началась Первая мировая война, и отношения между державами на Дальнем Востоке также сильно изменились. В 1916 году американская компания «Guangyi» не только подписала контракт на предоставление займа для ремонта канала в провинции Шаньдун и контракт на предоставление займа для проектов по осушению в районе реки Хуайхэ, но и получила право на строительство пяти железных дорог в Китае. Если Соединенным Штатам удастся реализовать свой план, они неизбежно займут доминирующее положение на железнодорожных перевозках Китая. Великобритания, Франция и Россия публично выступили против этого плана. Хотя Япония не возражала против плана строительства железной дороги в США, она была крайне недовольна тем, что США заключили контракты на проекты по дренажу и охране водных ресурсов на реке Хуайхэ и канале. При вмешательстве держав вышеупомянутый план Соединенных Штатов окончательно обанкротился. Обострение англо-японского конфликта и американо-японского конфликта привело к сближению отношений между Японией и Россией. 3 июля правительства двух стран заключили четвертое секретное соглашение. Япония оказала России военную помощь. Чтобы компенсировать эту помощь, Россия «намерена передать КВЖД между Второй рекой Сунгари и Куаньчэнцзы японскому правительству и признать часть прав судоходства по реке Сунгари». «Стоимость передачи составляет 80 миллионов довоенных рублей». В марте 1917 года в России рухнула династия Романовых, а в июле к власти пришло правительство Керенского. 1 сентября Временное правительство уведомило Японию о том, что «вышеупомянутая трансфертная цена была снижена до 23 миллионов иен» [9]. Однако официальный документ еще не был подписан, разразилась Октябрьская революция, правительство Керенского быстро рухнуло, и соглашение превратилось в макулатуру.

Россия и Япония всегда находились в состоянии конфликта на Дальнем Востоке, пока русско-японская война не достигла своего апогея. Четыре секретных соглашения между Россией и Японией препятствовали проникновению Соединенных Штатов и Великобритании в регион, что вызвало напряженность в отношениях между российской и японской сторонами и Соединенными Штатами. Короче говоря, хотя Россия и Япония не полностью устранили взаимную враждебность из-за подписания договора, в целом сотрудничество между двумя странами является основным направлением. Эта ситуация не прекращалась до начала Октябрьской революции в России в 1917 году.

III. Провал дальневосточной политики России

Строительство КВЖД стало причиной финансового кризиса в России, который привел к обострению внутренних противоречий. Эти противо-

речия всегда проявлялись в Первой мировой войне, которая в конечном итоге привела к краху российского правительства и провалу дальневосточной политики.

В начале создания компании КВЖД капитал составлял всего 5 млн рублей, чего было недостаточно для нужд железной дороги. Оставшийся капитал был привлечен путем выпуска облигаций после того, как компания обратилась в Министерство финансов России за одобрением по мере необходимости. Финансирование, предоставляемое российским правительством КВЖД, увеличивается с каждым годом. Согласно статистике, «гарантированные российским правительством средства по корпоративным облигациям в 1901 году составляли 272,89 млн рублей и прочие долги, а в 1908 году увеличились до 275,41 млн рублей, плюс остаток государственных займов на конец периода в размере 81,98 млн рублей, авансы в размере 120,22 млн рублей и прочие долги, что составляет значительную сумму; в 1908 году было инвестировано в общей сложности 550,57 млн рублей; к 1914 году долг компании перед российским правительством достиг 733,29 млн рублей, а если добавить невыплаченные проценты к уплате, то эта цифра еще больше» [10].

Из-за особых расходов, таких как охрана дорог и военные расходы, которые не требуются обычным коммерческим железнодорожным компаниям, стоимость КВЖД высока. Например, инженерный объем крепости «Люйшунь» в 5 раз превышает инженерный объем Севастополя, крупнейшей военной крепости в России. Инвестиции только в строительство железнодорожной ветки «г. Далянь и Даляньвань» составили 58 миллионов рублей, что превысило общий объем торговли между царской Россией и цинским правительством в 1897 году (45,6 миллиона рублей). С 1899 по 1903 год российский «оборонный сбор» только за Ляодун достигал 25 миллионов рублей. Строительство Даляня до 1903 года обошлось в 19 миллионов рублей [11]. По оценкам компании КВЖД, КВЖД просуществовала 6 лет с момента ее строительства в августе 1897 года до открытия в июле 1903 года, что обошлось в 374,95 миллиона золотых рублей, при средней стоимости 123 000-158 000 рублей за версту, что на 38 000-68 000 рублей выше, чем стоимость версты железнодорожной ветки «Забайкалье - Маньчжурия» , это на 18% превышает среднюю стоимость километра железных дорог, построенных за счет прямых иностранных инвестиций в Китае. После открытия КВЖД в июле 1903 года, чтобы завершить незавершенные проекты, Россия одна за другой увеличивала свои инвестиции в железную дорогу. Инвестиции во второй половине того же года составили около 31 миллиона рублей, которые в 1904 году увеличились до 35 миллионов рублей. Увеличение инвестиций в основном связано с войной против Японии. Для того чтобы как можно скорее

доставить российские войска и военные грузы к линии фронта, необходимо максимально увеличить пропускную способность железной дороги и пропускную способность транспортных средств; поскольку КВЖД находится в зоне военных действий этой войны, также необходимо построить различные фортификационные сооружения. Поэтому КВЖД должна не только проводить общую мобилизационную работу, но и включить железную дорогу в программу военных действий. Первоначально КВЖД находилась в ведении Министерства финансов России, но ввиду потребностей военных перевозок в военное время российское правительство приняло решение передать ее в ведение Военного министерства, непосредственно отвечающего за военные перевозки в военное время. Во время русско-японской войны пропускная способность КВЖД была значительно улучшена. Согласно соответствующим статистическим данным, на российской Транссибирской магистрали поезд состоит из 39 вагонов, в то время как на КВЖД - из 45 вагонов, что на 50% больше, чем на внутренних железных дорогах России. В 1904 году по КВЖД было перевезено более 1,8 миллиона пассажиров армии; в 1905 году этот показатель увеличился до 2,68 миллиона пассажиров. В 1904 году было перевезено более 54 миллионов пудов военных припасов; в 1905 году этот показатель увеличился до 114 миллионов пудов. После того, как Россия потерпела поражение в русско—японской войне в 1905 году, Южно - Маньчжурская железнодорожная ветка и ее вспомогательные сооружения были переданы Японии бесплатно. Общая стоимость КВЖД была снижена. С 1906 по 1917 год новые инвестиции составили всего более 5,4 млн рублей, а общая стоимость стоимость дороги на конец отчетного периода составила 371,11 миллиона рублей [12].

Почти все российские средства на строительство КВЖД выделяются правительством. Поскольку Россия является страной с недостаточным количеством собственных средств, средства на строительство железных дорог могут быть получены только за счет государственных ценных бумаг, выпускаемых внутри страны и за рубежом. К концу 1913 года государственный долг России достиг 8,8 миллиарда рублей, из которых 3,1 миллиарда рублей (около 35% от общей суммы) были использованы в качестве займов на строительство железных дорог. В 1914 году внешний долг России составлял 48% от государственного долга, по сравнению с 37% в конце XIX века. Россия - крупнейшая в мире страна-должник. После начала Первой мировой войны Россия выпустила большое количество валюты, что привело к девальвации национальной валюты. С начала Великой отечественной войны в августе 1914 года до падения царского правительства в результате Февральской революции 1917 года Россия выпустила банкнот в общей сложности на 8,3 миллиарда рублей (выпуск

золотых рублей был прекращен с 1914 года). За период 8 месяцев, когда у власти находилось Временное правительство, было выпущено банкнот в общей сложности на 9,5 миллиарда рублей. К октябрю 1917 года стоимость 1 рубля упала до 7 копеек, а государственный долг достиг 49 миллиардов золотых рублей, из которых внешний долг составлял 11,2 миллиарда рублей. Россия переживает финансовый кризис [13]. Российская экономика отстает и испытывает недостаток в достаточных финансовых ресурсах. Государственный бюджет может быть сбалансирован только за счет внешнего долга. Российское правительство активно заимствует средства по внешнему долгу, и финансовое бремя становится все тяжелее и тяжелее.

Строительство КВЖД заложило фундамент для России на Дальнем Востоке. В то же время это также усилило напряженность на Дальнем Востоке, что привело к началу русско-японской войны, а постепенное отступление России стало важным стимулом для великолепной революции 1905 года. Огромные затраты на строительство КВЖД, связанные с оккупацией и военными издержками, также привели к финансовому кризису в России и усилению внутренних конфликтов. Эти противоречия всегда проявлялись в Первой мировой войне, которая в конечном итоге привела к падению российского правительства, что стало важной причиной начала Октябрьской революции, и политика России на Дальнем Востоке в течение многих лет также терпела неудачу.

Библиографический список:

1. Шэнь Юй. История материковой политики Японии (1868-1945). – Пекин: Издательство «Социальные науки и документы», 2005. С. 130.
2. Тао Вэньчжао. Борьба между Японией и Соединенными Штатами в Северо-Восточном Китае (1905-1910) // Всемирная история. 1996. № 1.
3. Международные отношения на Дальнем Востоке (1840-1949) / Под общ. ред. Е.М. Жукова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Госполитздат, 1956. С. 196-197.
4. Грисволд А.В. Дальневосточная политика Соединенных Штатов. Нью-Йорк,1958. С. 154.
5. Дер Гроссе. Политика европейского кабинета, 1871-1914. Бд. 1-40. Берлин. 1922-1927. В. 32. С. 65.
6. Архив внешней политики Российской империи (далее-АВПРИ), Китайский стол, д. 210, л. 12.
7. АВПРИ, Китайский стол, д. 133, л. 28.
8. Шао Хуэйдзи. Начало и конец захвата японским империализмом « КВЖД» // Преподавание истории. 1988. № 9.
9. Исторические материалы Маньчжурской железной дороги. Том 2. Кн. 1. / Под ред. Цзилиньской академии общественных наук. – Пекин: Издательство «Книжная компания Чжунхуа», 1979. С. 330, 338.
10. Сюй Юйбяо. О российских инвестициях в Китае и железнодорожном финансе на КВЖД (1895-1917) // Исследования по новой истории. 1994. № 2.
11. Лю Чункуань. Несколько вопросов об аренде Российской империей Люйшуня и Даляня // Исследования по новой истории. 1989. № 6.
12. У Вэньсянь, Чжан Сюлань. Д.Л. Хорват и КВЖД. – Чанчунь: Издательство «Литература и история Цзилиня», 1993. С. 56-57.
13. Терещенко Ю.Я. История России XX-XXI вв. – М.: Слово; Ростов н / Д: Феникс, 2004. С. 16.
14. Бирюков Н.Г., Сафонова А.И., Толмачева Е.И. Влияние научно-технического прогресса на эволюцию японского общества // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 54-63.
15. Бирюков С.В., Карпов Д.С. Справедливая Россия: эволюция роли и трансформация имиджа партии // Альманах Казачество. 2020. № 49. С. 18-26.

16. Бессонов Е.Г. Задачи информационного обеспечения процессов управления социокультурными трансформациями российского общества // Межконфессиональная миссия. 2020. Том 9. Часть 4. № 45. С. 475-480.

Reference

1. Shen Yu. History of Japan's Mainland Policy (1868-1945). Beijing: Social Sciences and Documents Publishing House, 2005. P. 130.
2. Tao Wenzhao. The Struggle between Japan and the United States in Northeast China (1905-1910) // World History. 1996. № 1.
3. International Relations in the Far East (1840-1949) / Ed. by E.M. Zhukov. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Gospolitzdat, 1956. P. 196-197.
4. Griswold A.V. Far Eastern Policy of the United States. New York, 1958. p. 154.
5. Der Grosse. The Policy of the European Cabinet, 1871-1914. Vol. 1-40. Berlin. 1922-1927. Vol. 32. P. 65.
6. Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (hereinafter referred to as AVPRI), Chinese Stol, d. 210. P. 12.
7. AVPRI, Chinese Stol, d. 133, p. 28.
8. Shao Huiji. The Beginning and End of the Japanese Imperialist Conquest of the "CER" // Teaching History. 1988. № 9.
9. Historical Materials of the Manchurian Railway. Vol. 2. Book 1. / Ed. by the Jilin Academy of Social Sciences. – Beijing: Zhonghua Book Company, 1979. P. 330, 338.
10. Xu Yubiao. On Russian Investments in China and Railway Finance on the CER (1895-1917) // Studies in Modern History. 1994. № 2.
11. Liu Chongkuan. Several Questions about the Lease of Lüshun and Dalian by the Russian Empire // Studies in Modern History. 1989. № 6.
12. Wu Wenxian, Zhang Xiulan. D.L. Horvath and the CER. – Changchun: Jilin Literature and History Publishing House, 1993. P. 56-57.
13. Tereshchenko Yu. Ya. History of Russia in the 20th-21st Centuries. – Moscow: Slovo; Rostov n / D: Phoenix, 2004. P. 16.
14. Biryukov N.G., Safonova A.I., Tolmacheva E.I. The influence of scientific and technical progress on the evolution of Japanese society // Etnosotsium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 54-63.
15. Biryukov S.V., Karpov D.S. Fair Russia: evolution of the role and transformation of the party's mage // Almanac Cossacks. 2020. № 49. P. 18-26.
16. Bessonov E.G. Tasks of information support for the management processes of sociocultural transformations of Russian society // Mission confessions. 2020. Volume 9. Issue 4. № 45. P. 424-480.

Долгушина П.С.
Студент. *Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.*

Шостак В.А.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Заворохина Н.С.
Старший преподаватель, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Проявления религиозного фанатизма средневековой Европы через призму феномена тотальной экстерминации кошек*

Аннотация. В статье рассматривается проблематика исторического восприятия проявлений религиозного фанатизма европейцев в средние века сквозь анализ феномена массовой экстерминации кошачьих. Актуальность данного вопроса неоспорима, поскольку данные события традиционно рассматриваются разрозненно друг от друга, однако между этими явлениями существует прямая связь. Гонения на кошек зачастую оценивают как тривиальное стечение обстоятельств, но для формирования объективной оценки этого явления необходимо рассматривать вопрос в контексте проявлений религиозного фанатизма Европы, подпитываемого властью свыше наставлениями, описанными в доктринах. Проводится анализисторического контекста, рассматриваемого в качестве среды, повлиявшей на общественное сознание европейцев относительно восприятия кошек, путём сравнительного анализа отношения представителей других стран к кошачьим. В ходе исследования рассматривается феномен сброса социального напряжения, а также классического механизма поиска единого врага в качестве смещения фокуса с наиболее острых общественных проблем населения. Цель статьи заключается в исследовании экстерминации кошек не с позиции следствия исторических событий, а в свете метода реализации феномена религиозного фанатизма.

Ключевые слова: Европа, экстерминация, кошачьи, ведьмы, религия, охота, фанатизм, догмат.

* © Долгушина П.С., Шостак В.А., Заворохина Н.С., 2025.

Dolgushina P.S.
Student. P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (branch) Tyumen State University, Ishim.

Shostak V.A.
Student. P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (branch) Tyumen State University, Ishim.

Zavorokhina N.S.
Senior lecturer. P.P. Yershov Ishim Pedagogical Institute (Faculty) Tyumen State University, Ishim.

The manifestations of religious fanatism in medieval Europe through the prism of the phenomenon of total extermination of cats

Abstract. The article examines the historical perception of the manifestations of religious fanaticism among Europeans in the Middle Ages through the analysis of the phenomenon of mass extermination of felines. The relevance of this issue is undeniable, as these events are traditionally viewed separately from each other, but there is a direct connection between them. The persecution of cats is often viewed as a trivial coincidence, but in order to form an objective assessment of this phenomenon, it is necessary to consider it in the context of the manifestations of religious fanaticism in Europe, which was fueled by the power of religious doctrines. The article analyzes the historical context as a medium that influenced the public consciousness of Europeans regarding their perception of cats, by comparing the attitudes of people from other countries towards felines. The study examines the phenomenon of social tension relief and the classic mechanism of finding a common enemy as a way to shift the focus away from the most pressing social issues. The purpose of the article is to explore the extermination of cats not as a consequence of historical events, but as a method of implementing the phenomenon of religious fanaticism.

Key words: Europe, extermination, felines, witches, religion, hunting, fanaticism, dogma.

Неотъемлемым элементом человеческой жизни издревле была связь с животными, многих из которых люди одомашнивали. Такая связь становилась неким целесообразным симбиозом, способным дополнить существование друг друга. Однако история показывает нам и иные примеры становления связей людей и «братьев меньших». Одним из близких человеку одомашненных «божьих созданий» были кошки.

Первое упоминание о них берёт свои истоки ещё в Древнем Египте. Ко-

шачьи заняли особое место в жизни египтян, их воспринимали как священных животных, они могли жить в храмах, а убийство кошки было соизмеримо убийству человека. С ростом почитания кошачьих, как священных животных, египетскую богиню Бастет начали изображать в виде женщины с головой кошки, что подтверждает факт возникновения культа вокруг данных существ.

В другой древней цивилизации – Греции кошачьи символизировали свободу. Например, известный в истории античности предводитель восстания рабов Спартак отобразил это животное на гербе, олицетворявшем независимость. Из Древней Греции «экспансия» домашних кошек распространилась на другие европейские территории [17]. Изначально европейцы оценивали появившихся животных положительно. Они приносили большую пользу в борьбе с грызунами.Однако со временем отношение стало меняться, что стало особенно заметно в период средневековья [18]. Появляется весьма резонный вопрос: в связи с какими обстоятельствами произошла такая радикальная смена восприятия и как она проявлялась в отношении европейцев к «усатым»?

Началом «кошачьих метаморфоз» стала булла «Vox in Rama» Папы Римского Григория IX, изданная в 1234 г.[6]. В ней благословлялся очередной северный крестовый поход и предавались анафеме еретики, т.е. отступники от католической веры, которые якобы поклонялись сатане в образе человека с головой черной кошки [4]. Кроме того, в булле описывался один из демонических ритуалов, в ходе которого еретики целовали статую черного кота [3]. Тёмный окрас шерсти стал признаком зла, что, по мнению европейцев, говорило о принадлежности животного к тёмным силам. Это обстоятельство способствовало демонизации кошек, которые теперь ассоциировались с приспешниками Сатаны. Таким образом, позитивный образ «пушистых», сложившийся в предшествующие времена, кардинально изменился в XIIIв. в западной Европе вплоть до экстерминации.

Изначально под критерии слуг Сатаны попадали только чёрные кошки, в соответствии с догматом Папы Римского. Однако затем круг «подозреваемых» стал заметно расширяться. В итоге границы ориентиров в «охоте» за приспешниками сатаны стали крайне размытыми. Постепенно к «классическим» признакам принадлежности к демоническим силам люди стали приписывать еще иночной образ жизни, светящиеся в темноте глаза кошачьих [16].

Параллельно этим событиям в средневековье происходили гонения на ведьм, подробно описываемые в трактате по демонологии «Молот ведьм», изданный в 1486-1487 гг. [12]. В нем повествуется не только о первоосновe уклада жизни классической ведьмы, но и затрагивается вопрос связи чародеек с животными. Этот исторический источник подтверждает факт

существования укрепившегося суждения европейцев относительно тесной взаимосвязи ведьм и кошек. В их представлении они дополняли друг друга: колдуньи прислуживали Сатане, а им в этом деле помогали кошки [15]. Постепенно такое якобы неразрывное «единение» нашло отображение и в культуре того времени – на всех изображениях животные были представлены в роли демонических адептов, а также зачастую их запечатлевали в кругу ведьм, на шабашах [8].

Внушаемые простому народу католической церковью видение связи кошек с сатаной фактически дало санкционирование на преследование кошек. Подданные западноевропейских королевств изощрялись в выполнении «богоугодного» дела. В Бургундии, например, во время массовых шествий люди могли передавать кошек друг другу сдирая с них шерсть. Все это сопровождалось истошными воплями мучаемых животных на потеху толпы. Немцы даже дали название такому акту расправы - Katzenmusik, что в переводе означало «кошачьи концерты».

Наиболее масштабными стали гонения за кошачьими на территории Франции. Так для Парижан было характерно помещать кошек в мешки, затем подвешивать на верёвках и сжигать, а у жителей города Сен-Шамон сформировалась другая традиция – они сжигали кошек, а оставшийся от этой экзекуции пепел приносили в свой дом, свято веря, в то, что он будет приносить им удачу [7]. Сформировался своеобразный «шаблон поведения» западноевропейцев в средневековье к «хвостатым» - охота, огонь, смерть.

С течением времени подобные «богоугодные» акты становились традиционными и превращались в элементы некоторых праздников. Однако такие тенденции обошли стороной некоторые страны. В их числе была и Англия.

Помимо распространённого стихийно-народного самоуправства над «демоническими прислужниками» к тому же проводились и так называемые официальные суды, т.е. они рассматривали дела не только подозреваемых в колдовстве людей, но и несчастных кошек. В отношении последних также принималось судебное решение. Всегда оно носило исключительно обвинительный характер и заканчивалось смертным приговором [10]. Причем подобные случаи носили не исключительный характер, а массовый [13].

Кошачий «геноцид», безусловно, имел определённые последствия. Наиболее важными из них сталиэкологический и эпидемиологический кризисы Западной Европы в XIVв.. Кошки являлись основным биологическим регулятором числа грызунов. Заметное снижение их численности, вне всяких сомнений, стало причиной стихийного увеличения количества крыс. Это, в свою очередь, не могло не отразиться в негативном смысле на общей

эпидемиологической обстановке в странах Западной Европы того времени.

В середине XIV века началось стремительное распространение чумы под названием «черная смерть», уничтожившей сотни миллионов людей [2]. Из-за огромных масштабов заражения эту пандемию до сих пор считают одной из наиболее опасных и губительных в истории человечества. По мнению некоторых современных западных исследователей, одной из главных причин этой катастрофы сталаэкстерминация кошек. Ведь именно они осуществляли контроль над количеством переносчиков инфекций – крыс [11]. Получалось, что, занимаясь якобы «богоугодным» делом по истреблению кошек люди в действительности «рыли для себя могилу» [9].

Таким образом, охота на кошек являлась не простым и обыденным явлением, а управляемым и поддерживаемым Церковью религиозным фантатизмом, с помощью которого духовная власть, вместо борьбы с действительно существовавшими и актуальными проблемами, объединяла людей против искусственно созданного внутреннего «врага» – кошек. Церковь самостоятельно регулировала этот вопрос, узаконив насилие в отношении кошачьих. Как показала история, в самое ближайшее время это будет иметь катастрофические последствия. Решение о формировании образа «единого, общего врага» тоже не было случайным. Это стало проявлением классического феномена смещения акцента внимания с существующих проблем общества на искусственно сформированные. Тем самым снималось определенное социальное напряжение и «власть имущих» получала «фору во времени» и возможность подбора нужных властных инструментов для принятия оптимальных общественно значимых решений.

Феномен гонений на кошек это вполне логичное проявление религиозного фанатизма европейцев, который искусственно поддерживался и разжигался властью, негативно влияя на состояние общественного сознания [1]. А его состояние явно свидетельствовало о глубоком кризисе, из которого впоследствии нужно было искать выход [19]. Этот процесс занял немалый промежуток времени. Основными направлениями преодоления «изъянов разума» стали прежде всего научные открытия в области естествознания [14]. Эпоха Возрождения с ее гуманитарными ценностями также воздействовала на переформатирование сознания [5]. Уже к XVIII в. былой «кошачий нигилизм» ушел в историю. Просветительское столетие закрепило положительный статус не только кошек и других домашних животных, рассматривая их не только с точки зрения утилитарности, но и как желательный атрибут «комфортной среды» [7].

Как пример, метаморфозы восприятия кошек может служить закрепившийся на государственном уровне в Бельгии праздник «Каттенстут» в виде театрального шоу. Оно сопровождается сбрасыванием с колоколен игрушек, олицетворяющих котов, а стоящие внизу люди должны их поймать.

Уловившие плюшевых животных считаются обладателями счастливого знака судьбы.

Таким образом, охота на кошек не являлась рядовым стечением обстоятельств, она представляла собой своеобразное ознаменование последствий связи религиозного фанатизма, отречённого от рациональности, и обоснования властью необходимости подчинения религиозным догматам. Восстановление европейцами ранее существовавших положительных взаимоотношений людей и кошек стало свидетельством проявления наиболее рационального подхода к восприятию действительности.

Библиографический список:

1. Беляев И.А. Религиозный фанатизм как иллюзорная компенсация недостаточности духовно-душевных составляющих целостного мироотношения // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-fanatizm-kak-illyuzornaya-kompensatsiya-nedostatochnosti-duhovno-dushevnyh-sostavlyayuschih-tselostnogo?ysclid=mfv09xrp4z22463552 (Дата обращения: 20.09.2025).
2. Бенедиктов О.Й. Чёрная смерть, 1346-1353: Полная история // URL: https://gallerix.ru/news/lit/202402/chernaya-smert/?ysclid=mgrytbs4ar79344971 (Дата обращения: 20.09.2025).
3. Борисовский А.В., Горяинова А.С. Наказание религиозного инакомыслия в пространстве европейской культуры средних веков: философско-антропологическая рефлексия // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nakazanie-religioznogo-inakomysliya-v-prostranstve-evropeyskoy-kultury-srednih-vekov-filosofsko-antropologicheskaya-refleksiya?ysclid=mfv0dm3a6v600836626 (Дата обращения: 20.09.2025).
4. Голдобин А.В., Фирсов В.А. Церковь и ереси конца XV – начала XVI вв. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tserkov-i-eresi-kontsa-xv-nachala-xvi-vv?ysclid=mfv0lmusq2751482105 (Дата обращения: 20.09.2025).
5. Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения // URL: https://proza.ru/2012/06/08/526?ysclid=mgryy117tp678504975 (Дата обращения: 20.09.2025).
6. Григорий IX. VoxinRama // URL:https://archive.org/details/voxinramapapagregorioix/mode/2up?view=theater (Дата обращения: 20.09.2025).
7. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из французской культуры // URL: https://djvu.online/file/C1AgKv5M0mDHh?ysclid=mfv02sli3u466542653 (Дата обращения: 20.09.2025).
8. Дударев С.Л. Ещё раз об «Охоте на ведьм» в Западной Европе в раннее новое время // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-ob-ohote-na-vedm-v-zapadnoy-evrope-v-rannee-novoe-vremya?ysclid=mfv1nnfpe5787100457 (Дата обращения: 20.09.2025).
9. Изуткин Д.А. Эпидемии в эпоху Классического Средневековья в Европе // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/epidemii-v-epohu-klassicheskogo-srednevekovya-v-evrope?ysclid=mfv1g38h5n314283755 (Дата обращения: 20.09.2025).
10. Келлер О.Б. Гонения на ведьм и процессы над ними в Европе в периоды Средневековья и раннего Нового времени // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/goneniya-na-vedm-i-protsessy-nad-nimi-v-evrope-v-periody-srednevekovya-i-rannego-novogo-vremeni?ysclid=mfv0sb6t3p705010627 (Дата обращения: 20.09.2025).
11. Келли Д. История самой разрушительной чумы Средневековья // URL: https://knizhnik.org/dzhon-kelli/chernaja-smert-istorija-samoj-razrushitelnoj-chumy-srednevekovja/1?ysclid=mgryqeh85951756896 (Дата обращения: 20.09.2025).
12. Крамер Г., Шпренгер Я. Молот ведьм // URL: https://moi-vzn.narod.ru/MOI_088.PDF (Дата обращения: 20.09.2025).
13. Ли Г.Ч., История инквизиции в средние века // URL: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/istorija-inkvizitsii-v-srednie-veka-tom-1\ (Дата обращения: 20.09.2025).
14. Линдберг Д.Ч. Начала Западной науки. Европейская научная традиция в философском, религиозном и институциональном контексте, от предыстории до 1450 // URL: https://books.google.ru/books/about/The_Beginnings_of_Western_Science.html?id=dPUBAkIm2lUC (Дата обращения: 20.09.2025).
15. Лодкина Е.С.Средневековые ереси и их социальный характер // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/srednevekovye-eresi-i-ih-sotsialnyy-harakter?ysclid=mfv0iee0ii669427398 (Дата обращения: 20.09.2025).
16. Мурадов Э.А. Причины демономании в Западной Европе вXIV-XVI веках // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-demonomanii-v-zapadnoy-evrope-v-xiv-xvi-vekah?ysclid=mfv1kfmvgt380798905 (Дата обращения: 20.09.2025).
17. Ржавитина А.А. Кот как культурный код: вариативность репрезентаций образа // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kot-kak-kulturnyy-kod-variativnost-reprezentatsiy-obraza?ysclid=mfv1ohslq457957670

(Дата обращения: 20.09.2025).
18. Степаненко В.А., Третьякова О.С. Кошки в церковно-славянской языковой традиции // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/koshki-v-tserkovno-slavyanskoy-yazykovoy-traditsii?ysclid=mfv10c7bec911180889 (Дата обращения: 20.09.2025).
19. Шарипова Э.М. Основы религиозного фанатизма // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-religioznogo-fanatizma/viewer (Дата обращения: 20.09.2025).
20. Рябова Е.И., Терновая Л.О. Код Арчимольдо: причины дробления социального мира и инструкция по сборке // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 5 (155). С. 100-109.

Reference

1. Belyaev I.A. Religious fanaticism as an illusory compensation for the insufficiency of the spiritual and mental components of a holistic worldview // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-fanatizm-kak-illyuzornaya-kompensatsiya-nedostatochnosti-duhovno-dushevnyh-sostavlyayuschih-tselostnogo?ysclid=mfv09xrp4z22463552 (20.09.2025).
2. Benediktov O.Y. The Black Death, 1346-1353: A Complete History // URL: https://gallerix.ru/news/lit/202402/chernaya-smert/?ysclid=mgrytbs4ar79344971 (20.09.2025).
3. Borisovsky A.V., Goryainova A.S. Punishment of Religious Dissent in the Space of European Culture of the Middle Ages: A Philosophical and Anthropological Reflection // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nakazanie-religioznogo-inakomysliya-v-prostranstve-evropeyskoy-kultury-srednih-vekov-filosofsko-antropologicheskaya-refleksiya?ysclid=mfv0dm3a6v600836626 (20.09.2025).
4. Goldobin A.V., Firsov V.A. The Church and Heresies of the Late 15th – Early 16th Centuries // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tserkov-i-eresi-kontsa-xv-nachala-xvi-vv?ysclid=mfv0lmusq2751482105 (20.09.2025).
5. Gorfunkel A.Kh. Philosophy of the Renaissance // URL: https://proza.ru/2012/06/08/526?ysclid=mgryy117tp678504975 (20.09.2025).
6. Gregory IX. VoxinRama // URL: https://archive.org/details/voxinramapapagregorioix/mode/2up?view=theater (20.09.2025).
7. Darnton R. The Great Cat Massacre and Other Episodes from French Culture // URL: https://djvu.online/file/C1AgKv5M0mDHh?ysclid=mfv02sli3u466542653 (20.09.2025).
8. Dudarev S.L. Once Again on the «Witch Hunt» in Western Europe in the Early Modern Period // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-ob-ohote-na-vedm-v-zapadnoy-evrope-v-rannee-novoe-vremya?ysclid=mfv1nnfpe5787100457 (20.09.2025).
9. Izutkin D.A. Epidemics in the Classical Middle Ages in Europe // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/epidemii-v-epohu-klassicheskogo-srednevekovya-v-evrope?ysclid=mfv1g38h5n314283755 (20.09.2025).
10. Keller O.B. Witchcraft Persecutions and Trials in Europe during the Middle Ages and Early Modern Periods // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/goneniya-na-vedm-i-protsessy-nad-nimi-v-evrope-v-periody-srednevekovya-i-rannego-novogo-vremeni?ysclid=mfv0sb6t3p705010627 (20.09.2025).
11. Kelly D. History of the Most Devastating Plague of the Middle Ages // URL: https://knizhnik.org/dzhon-kelli/chernaja-smert-istorija-samoj-razrushitelnoj-chumy-srednevekovja/1?ysclid=mgryqeh85951756896 (20.09.2025).
12. Kramer G., Sprenger J. The Hammer of Witches // URL: https://moi-vzn.narod.ru/MOI_088.PDF (20.09.2025).
13. Lee G.Ch., History of the Inquisition in the Middle Ages // URL: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/istorija-inkvizitsii-v-srednie-veka-tom-1\ (20.09.2025).
14. Lindberg D.Ch. Beginnings of Western Science. The European Scientific Tradition in Philosophical, Religious, and Institutional Context, from Prehistory to 1450 // URL: https://books.google.ru/books/about/The_Beginnings_of_Western_Science.html?id=dPUBAkIm2lUC (20.09.2025).
15. Lodkina E.S. Medieval heresies and their social character // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/srednevekovye-eresi-i-ih-sotsialnyy-harakter?ysclid=mfv0iee0ii669427398 (20.09.2025).
16. Muradov E.A. Causes of demonomania in Western Europe in the 14th-16th centuries // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-demonomanii-v-zapadnoy-evrope-v-xiv-xvi-vekah?ysclid=mfv1kfmvgt380798905 (20.09.2025).
17. Rzhavitina A.A. The Cat as a Cultural Code: Variability of Image Representations // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kot-kak-kulturnyy-kod-variativnost-reprezentatsiy-obraza?ysclid=mfv1ohslq457957670 (20.09.2025).
18. Stepanenko V.A., Tretyakova O.S. Cats in the Church Slavonic Linguistic Tradition // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/koshki-v-tserkovno-slavyanskoy-yazykovoy-traditsii?ysclid=mfv10c7bec911180889 (20.09.2025).
19. Sharipova E.M. Fundamentals of religious fanaticism // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-religioznogo-fanatizma/viewer (20.09.2025).
20. Ryabova E.I., Ternovaya L.O. Archimoldo's code: reasons for the fragmentation of the social world and assembly instructions // Etnosotsium and international culture. 2021. № 5 (155). P. 100-109.

Аннотации

Долгенко А.Н.
Косырева М.С.

Концепт «образование» в русской фразеологии

Статья посвящена изучению семантической структуры, культурных коннотаций, исторической и современной трансформации концепта «образование» на материале фразеологических единиц русского языка. Русская фразеология формирует особую аксиологическую парадигму, синтезирующую православные духовные традиции с прагматическими ценностями, что составляет особую философию образования. Система русских фразеологизмов демонстрирует динамический баланс между традиционным и новым в образовании, способствуя сохранению культурной идентичности.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, русская фразеология, концепт «образование».

Брагина Э.Р.

Германизмы в экономической терминологии русского языка: исторический период с XIX до начала XX века и современные тенденции

В статье рассматривается влияние германизмов на современную экономическую терминологию русского языка, с акцентом на их историческое вхождение с XIX до начала XXI в.в. в состав русского языкового корпуса и актуальные тенденции. Исследование включает корпусный и структурный анализ, а также метод кейс-стадии, что позволяет глубже понять природу и использование немецких заимствований. Особое внимание уделяется количественному и процентному подсчету германизмов, их распределению по различным областям применения и тематическим группам. Анализируется роль германизмов в обогащении экономической лексики, а также степень их интернационализации и принадлежность к общеупотребительной, научной, межотраслевой и узкоспециализированной лексикам. Результаты показывают, как немецкие заимствования способствовали формированию и развитию экономического дискурса в русском языке, подчеркивая их значимость для современного языкового пространства. Данное исследование — это комплексный анализ германизмов в экономической терминологии русского языка, что делает его актуальным и ценным для дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: германизмы, экономическая терминология, русский язык, историческое вхождение, языки-посредники, этимологические цепочки, язык-донор, тематические группы, область применения, интернационализмы.

Толоконникова О.А.

Лингвистическая характеристика концепта как единицы формирования лингвокультурологической компетенции китайских студентов-филологов в процессе обучения русскому языку как иностранному

Цель настоящего исследования – выявить критерии, определяющие лингвокультурологичекий концепт, а также определить и отобрать лингвокультурологические концепты, которые будут выступать единицами формирования лингвокультурологической компетенции на занятиях по русскому языку как иностранному. Научная новизна исследования состоит в том, что в данной статье впервые проведено сравнение между концептом и лингвокультурологическим концептом, рассмотрены компоненты концепта ДЕНЬГИ в русской, а также китайской языковых картинах мира. В рамках настоящего исследования была выделена ядерная зона, а также определена периферия изучаемых концептов. В ходе исследования удалось установить, что ядерные зоны концепта ДЕНЬГИ совпадают в русской и китайской языковых картинах мира, разница прослеживается в периферийной зоне.

Ключевые слова: лингвокультурологический концепт, языковая картина мира, лингвокультурология, периферийная зона, ядерная зона.

Степанова П.С.

Влияние префикса на значение слова с корнем «НЮХ»

Цель исследования – рассмотрение влияния префикса на значение слова с корнем «нюх». В статье анализируются заголовочные слова с семой 'ольфакторный' из словарей. Рассмотрены значения слов с корнем «нюх» без приставки: «нюх», «нюхалка», «нюхательный», «нюхальщик», «нюхальщица», «нюхание», «нюханье», «нюхательный», «нюхать». Проанализированы значения слов с корнем «нюх» с приставкой в- (внюхаться, внюхиваться), вы- (вынюхать, вынюхаться, вынюхивание, вынюхивать, вынюхиваться), до- (донюхать, донюхаться, донюхивать, донюхиваться), за- (занюханный, занюхать, занюхивать), на- (нанюхать, нанюхаться, нанюхивать, нанюхиваться), об- (обнюхивать, обнюхиваться), пере- (перенюхать, перенюхаться, перенюхивание, перенюхивать, перенюхиваться), по- (понюхать, понюхаться, понюх, понюшка, понюхивать), по- + раз- (поразнюхать), при- (принюхаться, принюхивание, принюхивать, принюхиваться), про- (пронюхать, пронюхивание, пронюхивать, пронюхиваться), раз- (разнюхать, разнюхивать, рахнюхиваться), с- (снюхаться, снюхиваться). Научная новизна состоит в отборе и изучении слов с корнем «нюх» из 23 словарей, выявлении значений приставок в приведённом материале. В результате выявлено 632 заголовочных слова с семой 'ольфакторный' из 23 словарей, их них 57 с корнем «нюх». Определено значение корня «нюх» - «вдыхать через нос; обонять». Проанализированы значения слов с корнем «нюх» с приставкой: в- (внутрь запаха); вы- (по запаху); до- (до предела обонять); за- (сильно обонять); на- (очень обонять); об- (обонять вокруг); пере- (очень обонять; много обонять); по- (немного нюхать); при- (понять с помощью обоняния); про- (узнать с помощью обоняния); раз- (узнать с помощью обоняния); с- (соединиться для чего-либо).

Ключевые слова: влияние префикса на значение корня, корень «нюх» в заголовочных словах, заголовочные слова с семой 'ольфакторный', значения слов с корнем «нюх».

Сабитова А.М.
Кмин А.И.

Стилистико – семантические особенности имен прилагательных в современном молодёжном сленге

Необходимость изучения функционирования имен прилагательных в молодежном сленге тесно взаимосвязана с ролью социальных сетей и мессенджеров в их жизни. В этих коммуникативных пространствах быстро происходят изменения. Прилагательные становятся «вирусными», их значения эволюционируют и расцветают в зависимости от контекста. Подростки охотно используют необычные синонимы, омонимы и метафоры для выражения адъективных значений. Это создает глубокую связь между языком и культурными процессами, в которые вовлечены молодежные сообщества. В результате происходит рекодификация слов, что подтверждает живое взаимодействие языка и социума.

Использование прилагательных в молодежной речи служит не только маркером передачи характеристик объектов, но и сложным социальным инструментом, способствующим интеграции и идентификации внутри группы. Возрастает роль прилагательных как концептов различных эмоциональных состояний и социокультурных тенденций. Подростковый сленг обладает определенными законами, которые можно рассматривать как отражение внутренней культуры и многообразия социума. Уникальные структуры, характеризующие эту речь, выделяются также в контексте лексических заимствований и адаптаций, что подтверждается множеством лексикографических источников. Сопоставление с другими социальными группами и особенностями их языковой практики позволяет углубить знания о речевой мозаике современной молодежи, их стремлениях и восприятии окружающей действительности.

Ключевые слова: имя прилагательное, молодёжный слэнг, адъектива-ция, семантика, стиль, идентификация, коммуникативное пространство, стилистическая характеристика, менталитет.

Новичкова О.В.

Методика преподавания русского языка в современной школе

В работе рассматриваются особенности методики преподавания русского языка в современной школе, акцентируется внимание на переходе от традиционных к инновационным подходам, направленным на формирование языковой компетенции и коммуникативных навыков учащихся. Исследование выявляет, что современная методика строится на принципах системности, наглядности и практической направленности, интегрирует традиционные и современные педагогические технологии, включая «флип-класс», проектную деятельность и информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). В статье подробно рассматриваются традиционные методы (объяснительно-иллюстративный, репродуктивный, проблемное обучение), а также инновационные технологии, такие как технология «флип-класс», проектная деятельность, игровые методы и коммуникативный подход, которые создают условия для активного взаимодействия и развития навыков коммуникации. Роль учителя трактуется как организация и фасилитация учебного процесса, стимулирование самостоятельности, критического мышления и самоконтроля. Особое значение придаётся личностно-ориентированному подходу, использованию игровых методов и дифференцированной работе с учащимися. Подчеркивается роль учителя как организатора учебного процесса и фасилитатора, способствующего развитию критического мышления и самостоятельности. В завершение автор делает вывод о том, что современный подход ориентирован на практическое применение языка в различных сферах жизни, подготовку школьников к реальным коммуникативным ситуациям и адаптацию обучения к цифровой эпохе.

Ключевые слова: методика преподавания, русский язык, современная школа, языковая компетенция, коммуникативный подход, традиционные методы, инновационные технологии, информационно-коммуникационные технологии, личностно-ориентированный подход, дифференцированное обучение.

Кунгурова И.М.
Залевская В.Ю.
Колесова Я.А.
Лоншакова Д.Д.
Червова А.А.

Развитие социокультурной компетенции на уроках английского языка у учащихся средней школы посредством англоязычных литературных произведений

В статье рассматривается потенциал использования аутентичных англоязычных литературных произведений как эффективного инструмента формирования социокультурной компетенции у учащихся средней школы (5-9 классы). Исследуются механизмы интеграции литературного материала в учебный процесс для развития эмпатии, понимания исторического контекста художественных произведений. На конкретных литературных примерах анализируются методы и приемы работы, направленные на достижение метапредметных образовательных результатов в соответствии с требованиями ФГОС.

Ключевые слова: социокультурная компетенция, учащиеся средней школы, английский язык, англоязычная литература, межкультурная коммуникация, эмпатия, метапредметные результаты.

Ильясов В.С.

Фразеология суры «Семейство Имрана»

В статье дается характеристика арабским фразеологическим единицам как строевые единицы языка, делающие высказывания выразительными, эмоциональными и образными. В работе дается определения и анализ фразеологических единиц, упомянутых в суре «Семейство Имрана» Священного Корана. Анализируется внутренняя форма ФЕ, которая позволяет сделать некоторые выводы об коранической ЯКМ, связанной с отражением принципов антропоцентрического подхода к познанию в языковом сознании человека.

Ключевые слова: Коран, арабский язык, фразеологизмы, языковая картина мира, кораническое мировоззрение.

Долгенко А.Н.
Лыткина О.И.

Устойчивые конструкции в академическом тексте

Статья посвящена изучению особенностей функционирования устойчивых конструкций в текстах научного стиля (академических). Устойчивые выражения (фразеологизмы и клише) влияют на структуру и восприятие академического текста, обеспечивая логичность, точность и стилистическую нейтральность. Они придают тексту объективность и беспристрастность, логическую последовательность и ясность, повышают его выразительность.

Ключевые слова: функциональные стили русского языка, научный стиль, фразеологизмы, клише.

Васильченко О.А.

Историческая память и социальный институт семьи на Дальнем Востоке как ее хранитель на примере Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

В статье автор сформулировал ее цель – раскрыть значение социального института семьи на Дальнем Востоке в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов. Для более глубокого понимания заявленной проблематики автор обозначил особенности развития социального института семьи на Дальнем Востоке и его деформации в условиях войны. Основная часть статьи содержит анализ исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов, а именно - характеризует ее формы (государственный и общественные мероприятия), их принципы и методы укрепления исторической памяти о войне. При этом внимание автора сфокусировано на роли семьи в этих процессах. Автор логично связал затронутую в статье проблематику с событиями сегодняшнего дня – проведением Специальной военной операции, выявил общие и особенные черты, показал опасность потери исторической памяти о войне властными элитами современной Европы и США. В статье отмечена важность укрепления международной солидарности на ее основе. В конечном итоге автор утверждает, что внутри страны историческую память укрепляют действия государства и семьи.

Ключевые слова: социальный институт семьи, историческая память, Великая Отечественная война, деформация, Специальная военная операция, Дальний Восток, СССР, Китай.

Пономаренко Е.В.
Казанцев В.П.
Попов Г.Г.

Польская кампания вермахта 1939 г. и советский военный фактор

Авторы настоящей статьи, привлекая публикации последних лет и трофейные немецкие документы, попытались ответить на вопрос о том, повлияло ли вступление советских войск в Польшу 17 сентября 1939 г. краху Второй Речи Посполитой. Эта проблема, активно разрабатываемая в современной Польской Республике, имеет там положительный ответ. Однако, изучив малоизвестные архивные документы (в первую очередь –документы 14-й армии вермахта, которая наступала на Краков и Львов в сентябре 1939 г.), авторы приходят к выводу, что действия Красной армии незначительно повлияли на ход Польской кампании. Напротив, вступление Советского Союза в Польшу было вынужденной мерой, которая в конечно счете ослабила экономический потенциал нацистского режима. Касательно же непосредственно действий войск в сентябре 1939 г., авторы приходят к выводу, что высшее польское командование не смогло организовать контрудар из Варшавы после 9-го сентября 1939 г. для поддержки своих войск на р. Бзура. Именно это и стало главной причиной быстрого разгрома польской армии вермахтом, но никак не советское вторжение 17 сентября 1939 г.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Польская кампания 1939 года, западный поход РККА 17 сентября 1939 г., Пакт Риббентроп-Молотов, Польша во Второй мировой войне.

Казанцев В.П.
Пономаренко Е.В.
Райзман В.В.

Потенциал Западного фронта РККА в первые дни Великой Отечественной войны

В статье, приуроченной к 80-летию Победы Великой Отечественной войны, авторы, опираясь на ранее недостаточно изученные советские и немецкие документы, проводят анализ потенциала Западного фронта в первые дни Великой Отечественной войны. Авторы доказывают на примере Западного фронта, что подготовка СССР к столь масштабной войне оказалась недостаточной, в частности, танковые соединения Западного особого военного округа не завершили перед началом Великой Отечественной войны перевооружение, то же самое касается и ВВС этого округа. На примере Западного фронта РККА показано, что катастрофа лета 1941 г. была вызвана в том числе во многом недостаточным оснащением воинских частей материальной частью, уровень оснащения по некоторым пунктам даже не соответствовал нормам конца Первой мировой войны. Поражение советских войск в первые дни Великой Отечественной войны на территории Белоруссии во многом было вызвано слабой подготовкой ВВС округа к отражению возможного нападения. В частности, округу не хватало высотных истребителей. Помимо этого, артиллерия Западного особого военного округа имела нехватку вооружений и технически отставала перед немецкой артиллерией, уже имевшей реактивные минометы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Западный особый военный округ, Западный фронт РККА, операция «Барбаросса».

Яхимович С.Ю.

«Три нуля означает Конференция»: профессиональный союз рабочих металлистов в районе Китайско-Восточной железной дороги в 1920-е гг.

Статья посвящена деятельности одного из небольших советских профессиональных союзов рабочих металлистов в зоне Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), действовавшим здесь в 1920-х гг. Раскрыты особенности обстановки, в которой приходилось функционировать профсоюзу, его структура и основные направления работы. Сделан вывод об относительной эффективности профессионального объединения металлистов, ставшего частью советской общественно-политической модели на иностранной территории, в условиях конфликтов на КВЖД и жёсткого полицейского контроля.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), профессиональный союз, металлисты, секция, правление.

Ермишкин В.В.
Матюханов В.Н.
Заворохина Н.С.

Особенности развития конституционализма в России: исторический аспект

В статье рассматривается развитие конституционализма в России, как ключевого аспекта правового государства. Исходным моментом решения данной проблемы становится анализ исторического развития конституционализма, поскольку с развитием в нашей стране различных общественно-экономических отношений связываются определённые этапы развития правового государства. Актуальность данной темы, заключается в том, что Конституция, являясь верховным законом государства, отражает определённый консенсус общества и власти, на разных этапах их развития. Каждый подобный этап включает в себя определённую специфику и проблематику времени, отразившуюся в том числе, в документах конституционного содержания. Цель статьи заключается в рассмотрении феномена конституционализма и Конституции с исторической точки зрения. Для этого в работе было дано определение Конституции, и основные этапы её развития от смутного времени до наших дней.

Ключевые слова: конституционализм, конституция, история, правовое государство, идеология.

Теммоев И.Ю.
Аккиева С.И.

Административные и судебные реформы в пореформенный период в Терской области (на примере Балкарии)

Статья посвящена исследованию административных и судебных реформ, проводимых в пореформенный период (60-70-е годы XIX века) в Терской области, на примере Балкарии. Рассматривается процесс реформирования административного управления, включая создание и функционирование сельских обществ и волостей, а также влияние судебной реформы на традиционные правовые институты балкарского общества. Особое внимание уделяется анализу проблем, возникавших в процессе реализации реформ, с учетом социокультурных особенностей региона. Исследование базируется на архивных материалах, законодательных актах и этнографических источниках, что позволяет выявить как общие тенденции, характерные для реформ в Российской империи, так и специфические черты, обусловленные местными условиями.

Ключевые слова: административные реформы, судебная реформа, Терская область, Балкария, пореформенный период, сельские общества, волости, традиционное право, адаты, Северный Кавказ.

Заббарова Л.М.
Тухватулин А.Х.
Костина Е.Н.

Историография татар Южного Урала

В статье приводится обзор исторических и историографических источников, посвященных исследованию народов Южного Урала и, в частности, татарского населения. Освещены источники и методологические основания исследований истории татар и башкир в Уральском регионе в разные исторические периоды.

Ключевые слова: историография, Уральский регион, Южный Урал, татары, башкиры, Россия.

Зубов А.Ю.

Социальный облик офицеров флота Российской Империи в период русско-японской войны 1904-1905 годов

В статье исследуется социальный облик офицеров российского военно-морского флота периода русско-японской войны 1904-1905 годов на основе комплексного анализа архивных материалов, мемуаров участников войны и исторических исследований, включая работы С.О. Макарова, В.И. Семенова, Е.Р. Егорьева. Установлено, что морские офицеры, преимущественно выходцы из дворянского сословия, характеризовались высокими морально-нравственными качествами, готовностью к самопожертвованию ради Отечества и строгой политической ориентацией на монархию, исключавшей принадлежность к каким-либо партиям. Особое внимание уделено проблемам профессиональной подготовки офицерского состава: выявлено, что система образования в Морском корпусе, несмотря на качественную базовую подготовку в области физических наук и военной тактики, не обеспечивала формирования навыков управления современными боевыми кораблями и не стимулировала стремления к самостоятельному совершенствованию знаний. Проведенный анализ показал, что к началу войны высшее морское руководство демонстрировало существенные пробелы в практических навыках ведения боя, а выпускники Морского корпуса проявляли более низкую мотивацию к службе по сравнению с офицерами, получившими образование в других учебных заведениях. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе социально-профессиональных характеристик морского офицерства на основе широкого круга исторических источников, включая ранее не исследованные архивные документы.

Ключевые слова: русско-японская война, морские офицеры, Морской корпус, Отечество, дворянство, технические навыки, боевая подготовка.

Зуев А.В.

Русское общество коммерческого пароходства (1912-1917 гг.)

В статье впервые предпринята попытка проанализировать историю создания и функционирования акционерного общества «Русское общество коммерческого пароходства» (РОКП). Отмечено, что потребность страны в организации регулярных морских перевозок и улучшении торговых связей с зарубежными странами, повлияло на создание в России новых компаний. Ярким примером такого предприятия может служить образование акционерного общества РОКП, начавшее свою коммерческую деятельность в 1912 г. Пароходы Общества находились в хорошем состоянии, позволяющем поддерживать их в высшем классе английского Ллойда. В том же 1912 г. лондонская страховая компания «Ллойд» опубликовала очередную редакцию справочника флагов и вымпелов судоходных компаний всего мира. Среди них имелся и флаг РОКП. По Чёрному, Азовскому, Средиземному и Балтийскому морям на пароходах перевозили каменный уголь, лес и зерно. Несмотря на все катаклизмы, РОКП оставалась прибыльным предприятием. После Октябрьской революции на основании декрета СНК «О национализации торгового флота» от 26 января 1918 г. имущество Общества было объявлено общенациональной собственностью. РОКП оставило заметный вклад в истории развития коммерческого судоходства в России начала XX века.

Ключевые слова: Русское общество коммерческого пароходства, пароходство, торговое мореплавание, пароход, устав, прибыль, акционеры, акции.

Козлов В.А.

Михеев Д.Ю.

Периодическая печать Сибири в годы Великой Отечественной войны

80-летие Победы, отмечаемое в условиях проведения Специальной военной операции, вызвало особый исследовательский интерес к различным аспектам Великой Отечественной войны. На взгляд автора, научный интерес представляет то, как в условиях тяжелейших поражений первого этапа войны, периодическая печать в кратчайшие сроки сумела переломить ситуацию и вдохновить население СССР на достижение победы над беспощадным и мотивированным врагом – гитлеровской Германией. Выдержав массированный удар нацистской пропагандисткой машины, периодическая печать Советского Союза в дальнейшем перешла в идеологическое наступление, внеся существенный вклад формирование единства фронта и тыла, в укрепление веры советского народа в руководство государства и армии, и неминуемости полного разгрома врага. Свой вклад в работу по патриотическому воспитанию внесла главная газета Западной Сибири – «Советская Сибирь». На материалах публикаций «Советской Сибири» за 1941-1945 гг. автор анализирует основные направлениях работы по патриотическому воспитанию населения Сибири в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, патриотизм, патриотическое воспитание, средства патриотического воспитания, печать, Сибирь в годы Великой Отечественной войны.

Орлов Е.И.

СССР и страны лимитрофы в системе советских интересов

Статья посвящена анализу роли и места лимитрофных государств (Финляндия, страны Балтии, Польша, Румыния) в советской внешнеполитической доктрине 1920–1930-х годов. Автор рассматривает, как эти страны, возникшие на западных рубежах бывшей Российской империи, стали «буферной зоной» («санитарным кордоном») между СССР и Западом Особое внимание уделяется двойственной политике самих лимитрофов, балансировавших между интересами СССР, Германии и западных держав, а также их растущей экономической зависимости от Третьего рейха к концу 1930-х годов. Статья доказывает, что именно переплетение идеологических установок, геополитических интересов великих держав и внутренней слабости самих лимитрофов превратило регион в зону постоянной напряженности, что в значительной мере предопределило дипломатический кризис накануне Второй мировой войны.

Ключевые слова: лимитрофные государства, «санитарный кордон», советская внешняя политика, межвоенный период, страны Балтии, Финляндия, Польша, Румыния, Версальская система, коллективная безопасность, геополитика, Третий рейх, экономическая зависимость, договор о ненападении.

Айбазов А.И.
Схаляхо Р.А.

К вопросу о наличии этнонима «алан» в сванском языке (по материалам первой половины XIX века)

Язык ценный исторический источник, изучение которого особенно важно для народов, не обладавших развитой письменной традицией. Интересные данные для историков может дать этнонимика – раздел ономастики, занимающийся изучением названий различных этнических групп. На основании материалов середины XIX века авторы изучают вопрос присутствия этнонима «алан» в сванском языке. Поводом для этого стало содержание рукописи «Сванетия» выявленной в фонде Санкт-Петербургской духовной академии в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Согласно ее данным сваны называли карачаевцев «алан». Данный факт в специализированной литературе ранее не встречался. Обращение к другим источником, того же периода, позволяет частично подтвердить сведения из рукописи. Вместе с тем, автор считают, что нельзя говорить об этом наверняка. Исследователи обращают внимание на ограниченность материалов и источников по сванскому языку, доступных для русскоязычного исследователя. Изучение сванского языка может дать важную информацию для истории всего Северного Кавказа.

Ключевые слова: Этноним, аланы, сваны, карачаевцы, балкарцы.

Тутаева Л.О.

Влияние неофитства на традиционные ценности ингушского народа

Работа посвящена исследованию одной из форм искусственного родства – родства по религии(вере).

Целью данной работы является анализ влияния неофитства на социальные структуры и родственные отношения в ингушском обществе. Рассмотрены такие ее формы, как побратимство и посестримство. Затронуты различные аспекты феномена братства в религии, его особенности, к примеру, в исламе.

Отмечены как позитивные, так и негативные стороны братства в религии, приводящие соответственно, как к социальной сплоченности, так и разобщенности.

В работе также рассмотрены основные маркеры религиозной идентичности.

Ключевые слова: неофиты, искусственное родство, религиозная идентичность, побратимство, посестримство, суперэтнос.

Фан-Юнг Г.Ю.

Роль завода фирмы З.М. Персица в развитии Нижегородского края в начале XX века

Введение. Изучение влияния химической отрасли на социально-экономическое развитие России до 1917 года не занимает должного места в трудах современных учёных-историков. Сведения о состоянии химической промышленности и её различных подотраслей, как правило, носят весьма поверхностный характер, демонстрируя стремление к некоему «обобщению» в духе экономистов-«народников». Прямым следствием подобных «обобщений» выступает ничем не обоснованное представление о «закономерном» отсутствии крупных, наукоёмких и передовых для своего времени химических производств в «лапотной» и «отсталой» России накануне Первой мировой войны.

Цель. В представленной работе предпринята попытка уточнить значение завода фирмы З.М. Персица в структуре регионального промышленного производства, в обозначенный период.

Материалы и методы. При подготовке представленной работы были использованы опу-

бликованные и неопубликованные источники. К первым относятся монографии, научные статьи и сведения статистического характера. Неопубликованные источники представлены соответствующими документами, хранящимися в Российском государственном историческом архиве (РГИА). В работе использованы общие принципы исторического познания (принципы историзма, объективности и пр.) и специальные методы исторических исследований, включая историко-генетический.

Результаты и научная новизна. Утверждения об «отсутствии» в России химической отрасли до 1917 г., как и общая недооценка её влияния на экономическое и, следовательно, социальное развитие отдельных регионов, в итоге, противоречат не только имеющимся фундаментальным работам по истории химической промышленности, изданным ещё в 1940 – 1960-х годах в СССР, но и прочим опубликованным и неопубликованным источникам. И, более того, некоторые производственные объекты указанной отрасли не только успешно функционируют уже свыше полутора столетий, но и на протяжении всего этого времени оказывают объективное влияние на динамику общественных отношений на территориях их дислокации. Одним из таких предприятий следует считать Нижегородский (Канавинский) маслобойный и техно-химический завод З.М. Персица (позднее, – АО «Салолин», а ныне, – Нижегородский масложировой комбинат).

Ключевые слова: индустриальная революция в России, дореволюционная химическая промышленность, З.М. Персиц, Нижегородский (Канавинский) маслобойный и техно-химический завод, салолин.

Хван Д.А.

Методика институциональной адаптации политической системы к вызовам VUCA-мира: наследие прошлого

Статья посвящена разработке методики институциональной адаптации политических систем к вызовам VUCA-мира (изменчивость, неопределённость, сложность, двусмысленность). Показано, что сходные условия встречались в разные исторические эпохи и вызывали реакции власти в виде кризисов, реформ, войн и технологических сдвигов. Цель работы — выявить закономерности институциональной адаптации и предложить модель сравнительного анализа. Методологическая основа включает в себя историко-политический анализ и типологизацию адаптационных стратегий. На примере Британской империи и СССР выделены ключевые исторические реакции и их комбинации. Авторская модель описывает этапы институциональной адаптации политической системы от осознания кризиса до стабилизации и позволяет экстраполировать исторические примеры на анализ современных факторов VUCA-мира. Сделан вывод о значимости исторического измерения и перспективах применения авторской модели в компаративных политических исследованиях.

Ключевые слова: политические системы, институциональная адаптация, VUCA-мир, изменчивость, неопределённость, сложность, двусмысленность, ретроспективный анализ, методика.

Хубиева А.А.

Исторический аспект становления института персональных данных в России

Данная статья прослеживает исторические этапы формирования права на неприкосновенность частной жизни и защиты персональных данных в России. Начинается с древнерусских времен, где впервые фиксируются нормы, защищающие жилище и личную переписку, и продолжается развитием законодательства в эпоху феодализма, Петровских реформ и XIX века, включающего кодификацию и закрепление тайны переписки. Особое внимание уделяется советскому периоду, когда права на личную неприкосновенность получили конституционное закрепление и международное признание, а также развитию института защиты персональных данных в постсоветской России. В статье анализируются ключевые нормативные акты, начиная с дореволюционных уставов и заканчивая современными законами, регулирующими обработку и защиту персональных данных, что свидетельствует о постепенном формировании

правовой системы, ориентированной на защиту личных прав и свобод граждан.

Ключевые слова: генезис защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни, история российского законодательства, тайна переписки, право на личную жизнь, информационная безопасность, становление конституционных гарантий.

Ермишкин В.В.
Матюханов В.Н.
Синегубов С.Н.

Формирование общества потребления в СССР 1950-1980-х гг. как фактор культурной и экономической интеграции в общемировую капиталистическую систему

Термин общество потребления традиционно используется для характеристики капитализма, вышедшего на новую стадию после Второй мировой войны. Мобилизация всех материальных ресурсов государства в годы войны и возросшее, в связи с холодной войной расходы на военный сектор не способствовала полному удовлетворению потребностей населения в послевоенное время. Предпосылки возникновения общество потребления в СССР относится к 1970-м гг., когда изменилось качество «бытия», народ начал чувствовать «вкус хорошей жизни», у него проявлялось все большее желание улучшать свое состояние. В вещах начинает цениться не только их практическая функция, но и те социальные символы, которые они в себе содержат. Потребление становится инструментом самоидентификации, социализации, конструирования своего публичного «я». В данной статье рассматривается зарождение общества потребления на базе советского государства, его особенности и специфика развития на постсоветском пространстве. Актуальность данной темы, заключается в том, что общество потребления, является господствующим типом экономических отношений для стран бывшего СССР. Цель данной статьи заключается в рассмотрении потребительских тенденций, как фактора культурной и экономической интеграции в общемировую капиталистическую систему.

Ключевые слова: общество потребления, социализм, капитализм, ценности, экономика.

Лебедев А.Л.
Личак Н.А.

Коммуникативные практики и социальные реалии повседневности в вузовских газетах СССР конца 1950 — начала 1960-х годов: опыт изданий ЯМИ и ЯТИ

В статье исследуется роль многотиражных газет советских вузов на примере изданий «За медицинские кадры» Ярославского медицинского института и «За технические кадры» Ярославского технологического института как исторических источников по изучению повседневности и институциональных изменений 1958–1965 гг. На основе сравнительного анализа публикаций выявлены ключевые тематические направления (учебная и научная деятельность, быт, досуг, участие в общенациональных проектах), а также специфика дискурсов технологического и медицинского вузов. Показано, что вузовская пресса выполняла не только пропагандистскую функцию, но и служила каналом обратной связи между администрацией и студенчеством, фиксировала реальные проблемы и адаптацию высшей школы к реформам эпохи «оттепели» и последовавших после нее преобразований. Сделан вывод о значимости многотиражек как источника для реконструкции социальных практик и коммуникативных механизмов позднего СССР.

Ключевые слова: вузовская пресса, советская повседневность, «оттепель», многотиражные газеты, ЯМИ, ЯТИ, реформы образования, студенческая жизнь.

Кальченко П.Д.

Влияние немецко-фашистских оккупантов на духовно-религиозное мировоззрение детей г. Ворошиловграда (1942-1943 гг.)

В статье анализируется влияние немецко-фашистских оккупантов на духовно-религиозное мировоззрение детей г. Ворошиловграда (1942-1943 гг.). Особое внимание уделяется из-

учению личных источников: письменным воспоминаниям детей об их пребывании в условиях немецко-фашистской оккупации. Раскрывается роль религиозной пропаганды в использовании детей на принудительных работах. Отмечается, что для полного контроля над религиозной жизнью оккупированных территорий немецко-фашистским захватчикам необходимо было «оторвать» церковь г. Ворошиловграда от Русской Православной Церкви. Поэтому в городе ставка была сделана на создание автокефалий (самоуправляемых религиозных организаций, зависимых от Автокефальной Православной Церкви, расположенной в г. Киеве). Настойчиво рекомендовалось в проповедях и во время церковных церемоний священнослужителям выражать верноподданнические чувства к А. Гитлеру и Третьему рейху, показывать заслуги и большую роль немецко-фашистских захватчиков в открытии церковных учреждений, пропагандировалась правильная и справедливая политика новых властей в г. Ворошиловграде. В рамках статьи применяются систематизированные методы исследования: исторического описания, ретроспективный метод, метод исторической реконструкции. Работа основывается на сопоставлении фактов с исследованиями предшественников для определения достоверности, надежности и объективности полученных результатов. До настоящего времени духовно-религиозная жизнь на территории оккупированного немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны г. Ворошиловграда комплексно не анализировалась. В заключительной части статьи делается вывод о разрешительном характере влияния немецко-фашистских захватчиков на духовно-религиозное мировоззрение детей г. Ворошиловграда, недопустимости искажения научной истории Великой Отечественной войны, принадлежности не только к конкретному этапу в жизни своего народа, но и ко всей многовековой истории Отечества, его будущему, сопричастность Дню Победы, которая позволила спасти нашу страну и весь мир от угрозы немецко-фашистского порабощения.

Ключевые слова: история Отечества, г. Ворошиловград, немецко-фашистские оккупанты, духовно-религиозное мировоззрение детей, письменные воспоминания детей.

Рябова Е.Л.
Терновая Л.О.

Убунту в глобальной политике: этика взаимозависимости для новой эпохи международных отношений

В условиях нарастающей мировой турбулентности и кризиса либерального миропорядка возникает необходимость поиска новых этических оснований международного диалога. В статье рассматривается влияние морали на международные отношения через концепцию финско-канадского политолога Калеви Холсти, а также предлагается философия Убунту, родившаяся в Южной Африке, как органичная ценностная система, способная стать мостом между цивилизациями. Убунту акцентирует взаимозависимость, эмпатию, гармонию и гостеприимство, предлагая этические модели для глобального сотрудничества и миротворчества. Статья анализирует потенциал Убунту и других культурно-национальных этических моделей в формировании полицентричной этики международных отношений в XXI веке.

Ключевые слова: Убунту, международные отношения, миропорядок, этические модели, полицентричная этика, взаимозависимость, глобальное сотрудничество.

Ярцев С.В.
Мартыненко А.Ю.

Политическая история южных фракийцев в зарубежной и отечественной историографии

Как показывает беглый анализ литературы, история южных фракийцев слабо представлена в отечественной историографии. Между тем, в зарубежной науке изучение фракийской истории насчитывает уже не одно столетие. Практически ежегодно выходят не только специальные и обобщающие труды по различным вопросам фракийской истории, но также исследования по историографии. На русском языке таких работ не выходило, что попытались исправить авторы этой статьи. При этом, именно в России вышли одни

из первых трудов на эту тему. Советская наука внесла важный вклад в развитие фракологии. В последние годы в России вновь наблюдается возрождение интереса к этой области исторического знания.

Ключевые слова: историография, фракология, южные фракийцы, политическая история, Одрисское царство, Фракия.

Салихов Р.Т.
Гали Б.Т.
Галиуллин Р.Р.
Гатауллина Л.Н.

Историческая эволюция религиозного мистицизма в исламе

Статья посвящена комплексному анализу религиозного мистицизма в исламе (суфизма, или тасаввуфа) как многогранного и эволюционирующего феномена. Автор прослеживает его историческое развитие от раннего аскетизма (зухд) в VIII-IX вв., через классический период с формированием ключевых доктрин и практик, к последующей институционализации в виде братств-тарикатов. Особое внимание уделяется философским основам суфизма, таким как концепция «единства бытия» (вахдат ал-вуджуд) Ибн Араби, и его духовным практикам (зикр, мураками). Анализируется роль суфийских орденов (на примере Мевлеви) в социально-политической жизни мусульманского общества, их взаимодействие с государственной властью, а также постоянная критика со стороны ортодоксальных богословов. Рассматриваются дискуссионные вопросы о происхождении суфизма, включая гипотезы о его внутриисламских корнях и внешних влияниях.

Ключевые слова: Суфизм (тасаввуф), исламский мистицизм, вахдат ал-вуджуд, тарикат, зикр, ма'рифа, Ибн Араби, аль-Газали, Мевлеви, религиозное братство, религиозная философия.

Демидов А.В.

Россия и Прибалтика: историческая ретроспектива. Часть вторая: Ливонская война 1558–1584 гг.

В материале рассматриваются причины побудившие правительство русского царя Ивана IV Васильевича развязать войну в Ливонии. Анализируются основные причины, приведшие к поражению России в этой войне.

Ключевые слова: Ливонская война, «юрьевская дань», царь Иван IV Васильевич, немецкие феодалы, Ливонский орден, великий магистр, перемирие, Великое княжество Литовское, Люблинская уния, Речь Посполитая, Стефан Баторий, крымские татары, турки.

Аджиева З.И.
Борлакова Ф.А.
Кулчаев Б.А.

Вопросы социально-имущественной дифференциации населения Карачая и Черкесии в годы НЭПа

В данной статье рассматриваются актуальные вопросы социально-имущественной дифференциации населения Карачая и Черкесии в годы Новой экономической политики (НЭП, 1921–1928 гг.). Анализируются основные тенденции преобразования социальной структуры сельского населения региона, включая рост слоя середняков, сокращение доли бедняков и батраков, а также изменение имущественного положения крестьянских хозяйств. Особое внимание уделяется проблемам статистической методологии оценки имущественной дифференциации и влиянию экономических и политических факторов на процессы социальной стратификации. Работа выявляет специфику региональных изменений, характерных для периферийных горных районов Советской России в переходный период, и подчёркивает их значимость для понимания развития местной экономики и социальной политики в 1920-х годах.

Ключевые слова: Карачай, Черкесия, НЭП, социальная дифференциация, имущественная стратификация, середняки, бедняки, крестьянство, статистика, экономика, сельское хозяйство, коллективизация, горные регионы, 1920-е годы.

Аль Есбили Ф.С.М.
Аль Рахаби М.А.М.

Внешняя политика объединенного Йемена (1990–2011 гг.)

Объединение Йемена в мае 1990 года стало поворотным моментом в его геополитической истории, объединив территории Северного (ЙАР) и Южного (НДРЙ) Йемена. Это создало единое государство с протяженным побережьем Красного моря и контролем над стратегическим Баб-эль-Мандебским проливом. Данная трансформация позволила Сане перейти к многовекторной внешней политике, сочетающей экономическое сотрудничество, военно-морскую безопасность и участие в многосторонних инициативах. В статье анализируется, как объединение заложило основу для превращения Йемена в ключевого участника региональных процессов в Красном море в период 1990–2011 гг., с акцентом на его роль как «геополитического арбитра» между мировыми державами и соседними государствами.

В статье исследуется эволюция внешней политики Республики Йемен в регионе Красного моря в период 1990–2011 гг. Анализ охватывает формирование геостратегических приоритетов после объединения, развитие портовой инфраструктуры и транспортных коридоров, военно-морское сотрудничество с США и GCC, борьбу с пиратством и трансграничными угрозами, а также правовое и экологическое обеспечение безопасности. Особое внимание уделено многосторонним механизмам — вступлению в ОПЕК, ратификации UNCLOS, участию в операциях EU NAVFOR и CTF-151, созданию гуманитарных коридоров ООН и интеграции проектов «Пояс и путь». Выявлены ключевые факторы многовекторности стратегии Йемена: баланс между экономическими, военно-политическими и гуманитарными интересами, что позволило Сане сохранять самостоятельность и выступать «геополитическим арбитром» в сложных региональных условиях.

Ключевые слова: Йемен, Красное море, внешняя политика, объединение Йемена, многовекторная политика, Баб-эль-Мандеб.

Антви Б.Б.

Влияние Ломейской конвенции IV (1990-2000) на показатели торговли в Гане

Ломейские конвенции это соглашения о торговле и помощи между Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) и сорока шестью странами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ). Цели и принципы первой Ломейской конвенции были согласованы в Ломе, Того, в 1975 году. После этого были подписаны еще три конвенции. Одним из основных соображений, побудивших Гану принять участие в Ломейской IV конвенции, было ожидание того, что многие структуры, модели торговли и торговые потоки в Западной Африке в целом и в Гане в частности изменятся. Целью статьи было изучить влияние Ломейской конвенции IV на эффективность торговли в Гане, в частности, на экспорт и импорт товаров и услуг из Ганы. Данные были собраны из обоих первоисточников. Данные, использованные в настоящем исследовании, основаны главным образом на оценках отраслевых объемов производства, импорта и экспорта, а также показателей торговли, о которых сообщается в доступных выпусках ежеквартального статистического сборника (Статистические службы Ганы - GSS). Девять (9) данных о ВВП были взяты из баз данных МВФ и Всемирного банка и дополнены текущими данными, полученными от официальных органов, и оценками МВФ. В исследовании показан объем торговли Ганы за последние четыре года действия Ломейской конвенции IV. За исключением экономического спада 1998 года, объем торговли Ганы постоянно увеличивался благодаря невзаимному характеру Ломейской конвенции IV. Однако Ломейская конвенция IV не привела к увеличению экспорта стран АКТ на рынок ЕС, согласно данным, которые показали, что рыночная доля стран АКТ фактически снизилась с 6,7% в 1976 году до 2,8% в 1998 году, а затем до 1,3% в 2000 году. Это объясняется тем

фактом, что экспорт из стран АКТ неконкурентоспособен. Гана выиграла от Ломейской IV конвенции в первые годы своего существования, но ее потенциальные выгоды и коммерческое развитие со временем были затруднены из-за зависимости страны от сельского хозяйства в 1990-х годах, отсутствия диверсификации и внутренних конфликтов.

Ключевые слова: Ломейская конвенция, Гана, эффективность торговли, экспорт, импорт.

Ковалев А.В.

Влияние и значение политической доктрины Джона Локка

В статье рассмотрены политические идеи известного английского мыслителя Джона Локка. Автор анализирует связи концепции Дж. Локка и процесса формирования конституционной монархии в Англии во второй половине XVII - начале XVIII в., выявляет влияние таких важнейших событий и процессов, как английская революция середины XVII в., период Реставрации, Славная революция. Автор оценивает вклад Дж. Локка в историю политической мысли. В статье изучается влияние политической концепции Дж. Локка на общественно-политическую мысль Франции XVIII в. Автор рассматривает взгляды знаменитых французских мыслителей эпохи Просвещения Вольтера, Ш.Л. Монтескье, К.А. Гельвеция, П.А. Гольбаха, которые нашли глубокое и убедительное обоснование принципов конституционной монархии именно в концепции Дж. Локка.

Ключевые слова: Джон Локк, Вольтер, Ш.Л. Монтескье, К.А. Гельвеций, П.А. Гольбах, Англия, Франция, политическая теория, либерализм, конституционная монархия, просвещение.

Малышенко Г.И.

Парад воинской славы в Харбине 1945 года

В данной статье исследована проблема организации Парада воинской славы в Харбине советских войск, участников Белого движения и антияпонского сопротивления на территории Китайской Народной Республики, Маньчжурии и Кореи; автором проанализированы основные этапы военного сотрудничества СССР, КНР и МНР в борьбе с японскими милитаристами; дан научный анализ внешнеполитической деятельности вышеуказанных государств после распада советского государства; выявлены факты героизма воинов-интернационалистов.

Ключевые слова: гражданская война, белое движение, эмиграция, квантунская армия, милитаризм, японская военная миссия, марионеточное государство, капитуляция, военные потери, военно-политические результаты.

Балде Х.У.

Сотрудничество Португалии и Гвинеи-Бисау в сфере сельского хозяйства: достижения и вызовы

Статья представляет собой комплексный анализ сотрудничества между Португалией и Гвинеей-Бисау в аграрной сфере, исследуя как историческое наследие, так и современные проекты, направленные на развитие сельского хозяйства в Гвинее-Бисау. Цель исследования заключается в выявлении достижений и проблем в двустороннем сотрудничестве, а также в предложении рекомендаций по улучшению взаимной работы. Для достижения поставленной цели автор использует методы сравнительного анализа, эмпирической оценки программ и проектов, а также анализа данных о результатах внедрения новых технологий и модернизации сельскохозяйственной инфраструктуры.

Исследование выявляет важность сельского хозяйства для обеих стран, особенно для Гвинеи-Бисау, где этот сектор остаётся основным источником занятости и продовольственной безопасности. В то же время, сельское хозяйство в Гвинее-Бисау сталкивается с множеством проблем, таких как низкая продуктивность, ограниченные ресурсы, недостаток квалифицированных кадров и негативное влияние климатических изменений. В статье рассматриваются

ключевые проекты и инициативы, такие как модернизация ирригационных систем, улучшение аграрной инфраструктуры, обучение фермеров и внедрение новых технологий.

Результаты показали, что благодаря сотрудничеству с Португалией уровень урожайности в целевых регионах Гвинеи-Бисау возрос на 20-25% с 2018 по 2023 год. Также снижены потери сельхозпродукции с 25-30% до 10% благодаря улучшению складской логистики и созданию современных орошений. В то же время, проектам мешают политическая нестабильность, ограниченные финансовые ресурсы, а также нехватка квалифицированных специалистов и слабая инфраструктура.

Среди значимых выводов статьи можно выделить необходимость дальнейшего укрепления образовательных программ, обмена опытом и увеличения финансирования аграрных проектов с поддержкой международных организаций. Перспективы развития двустороннего сотрудничества заключаются в продолжении фокуса на устойчивое развитие и адаптацию к изменениям климата. Рекомендуется привлекать международных партнеров, таких как Всемирный банк и ФАО, для оказания дополнительной финансовой и технической помощи, что в будущем может привести к укреплению социальной и экономической стабильности региона и повышению продовольственной безопасности.

Ключевые слова: Португалия, Гвинея-Бисау, сельское хозяйство, сотрудничество, устойчивое развитие, инновационные технологии, аграрная инфраструктура, образование, климатические вызовы, международные организации, ПСТ, ADC, FAO, UNDP, Всемирный банк.

Ци Цзясюй

Сравнительное исследование социалистического права с китайской спецификой и суверенного права России

Китай и Россия относятся к странам с переходной экономикой, осуществляющим переход от плановой модели к рыночной. Исторически китайское право находилось под глубоким влиянием советской правовой системы. Теория правовой системы зародилась в Советском Союзе, а Россия, как правопреемник СССР в сфере прав и обязанностей, в технико-теоретическом аспекте также продолжает опираться на советские теоретические и доктринальные основы. Однако право является продуктом социальной политики. Поскольку Китай и Россия существенно различаются в подходах к общественным преобразованиям, руководящей идеологии, а также в целевых установках и направлениях развития, их правовые системы демонстрируют кардинальные различия как в теоретическом, так и в практическом измерениях. Российская правовая система также подчеркивает свои «особенности», которые, безусловно, отличаются от «китайской специфики». В рамках сравнительно-правового подхода, основанного на теории правовых семей, эволюцию российской правовой традиции можно разделить на три этапа: до социалистической правовой системы, в её период и после её установления. На всех трёх этапах в её правовой традиции сохранялся разрыв между формой и содержанием, где формальная вестернизация сочеталась с содержательной русификацией, что стало ключевой характеристикой её развития. Формирование данной особенности тесно связано с устойчивыми культурными факторами в системе российской цивилизации, такими как политическое устройство, религиозные традиции и обычаи. Советская правовая система и правовая теория оказали глубокое влияние на Китай. Современная социалистическая правовая система с китайской спецификой, находящаяся в процессе развития от правовой системы к системе верховенства закона, имеет сложную и многообразную правовую и культурную основу. Выстраивание гармоничных отношений между традиционной и современной, заимствованной и национальной культурами имеет фундаментальное значение для продвижения по пути становления верховенства права с китайской спецификой.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, правовой суверенитет, китайская правовая система, российское право, цифровое законодательство, не-западные правовые модели.

Цуй Цзяньпин

Борьба держав вокруг управления Китайско-Восточной железной дорогой в 1904-1917 гг.

Строительство Россией Китайско-Восточной железной дороги помешало планам Японии по установлению господства на Северо-Востоке Китая и стало важной причиной начала русско-японской войны. После окончания войны соотношение сил великих держав на Дальнем Востоке продолжало меняться, что вызвало новый виток конкуренции между ними за управление КВЖД. В то же время строительство КВЖД стало причиной финансового кризиса в России, который привел к обострению внутренних противоречий. Эти противоречия всегда проявлялись в Первой мировой войне, что в конечном итоге привело к краху российского правительства и провалу дальневосточной политики.

Ключевые слова: КВЖД, Великие державы, Политика на Дальнем Востоке, Северо-Восток Китая.

Долгушина П.С.
Шостак В.А.
Заворохина Н.С.

Проявления религиозного фанатизма средневековой Европы через призму феномена тотальной экстерминации кошек

В статье рассматривается проблематика исторического восприятия проявлений религиозного фанатизма европейцев в средние века сквозь анализ феномена массовой экстерминации кошачьих. Актуальность данного вопроса неоспорима, поскольку данные события традиционно рассматриваются разрозненно друг от друга, однако между этими явлениями существует прямая связь. Гонения на кошек зачастую оценивают как тривиальное стечение обстоятельств, но для формирования объективной оценки этого явления необходимо рассматривать вопрос в контексте проявлений религиозного фанатизма Европы, подпитываемого властью свыше наставлениями, описанными в доктринах. Проводится анализисторического контекста, рассматриваемого в качестве среды, повлиявшей на общественное сознание европейцев относительно восприятия кошек, путём сравнительного анализа отношения представителей других стран к кошачьим. В ходе исследования рассматривается феномен сброса социального напряжения, а также классического механизма поиска единого врага в качестве смещения фокуса с наиболее острых общественных проблем населения. Цель статьи заключается в исследовании экстерминации кошек не с позиции следствия исторических событий, а в свете метода реализации феномена религиозного фанатизма.

Ключевые слова: Европа, экстерминация, кошачьи, ведьмы, религия, охота, фанатизм, догмат.

Abstracts

Dolgenko A.N.
Kosyreva M.S.
The Concept of «Formation» in Russian Phraseology

The article is devoted to the study of the semantic structure, cultural connotations, historical and modern transformation of the concept of «formation» on the material of phraseological units of the Russian language. Russian phraseology forms a special axiological paradigm, which synthesizes Orthodox spiritual traditions with pragmatic values, which constitutes a special philosophy of formation. The system of Russian phraseological units demonstrates a dynamic balance between the traditional and the new in formation, contributing to the preservation of cultural identity.

Key words: Russian linguistic worldview, Russian phraseology, concept of «formation».

Bragina E.R.
Germanisms in the economic terminology of the Russian language: historical period from the 19th to the beginning of the 21st centuries and modern trends

This article examines the influence of Germanisms on the modern economic terminology of the Russian language, with an emphasis on their historical incorporation into the Russian language from the 19th to the beginning of 21st centuries. The study includes corpus and structural analysis, as well as a case study method, allowing for a deeper understanding of the nature and use of German borrowings. Special attention is given to the quantitative and percentage counting of Germanisms, their distribution across various fields of application, and thematic groups. The role of Germanisms in enriching economic vocabulary is analyzed, as well as their degree of internationalization and belonging to general literary, scientific, interdisciplinary, and specialized vocabularies. The results demonstrate how German borrowings contributed to the formation and development of economic discourse in the Russian language, highlighting their significance for the modern linguistic landscape. This research represents a comprehensive analysis of Germanisms in the economic terminology of the Russian language, making it relevant and valuable for further studies in this area.

Key words: Germanisms, economic terminology, Russian language, historical incorporation, intermediary languages, etymological chains, donor language, thematic groups, field of application, internationalisms.

Tolokonnikova O.A.
Linguistic characteristics of the concept as a unit of linguistic and cultural competence formation among Chinese philology students in the process of learning Russian as a foreign language

The purpose of this study is to identify the criteria that defines a linguacultural concept, to determine and select linguacultural concepts that will serve as units for the formation of linguistic and cultural competence in Russian as a foreign language classes. The scientific novelty of the study lies in the fact that this article compares a concept and a linguacultural concept, examines the components of the concept MONEY in Russian and Chinese linguistic worldviews. Within the framework of this study, the core zone and the periphery zone were determined. The study found that the core zones of the concept MONEY coincide in the Russian and Chinese linguistic worldviews, while the difference can be traced in their peripheral zones.

Key words: linguacultural concept, linguistic worldview, linguacultural study, peripheral zone, core zone.

Stepanova P.S.
The influence of the prefix on the meaning of a word with the root «NYUKH»

The purpose of this study is to examine the influence of the prefix on the meaning of a word with the root «nukh.» The article analyzes keywords with the seme «olfactory» from dictionaries. The meanings of words with the root «nukh» without a prefix are examined: «nukh,» «snuff,» «snuffing,» «snufferer,» «snufferer,» «snuffing,» «snuffing,» «snuffing,» «snuffing,» «to sniff.» The meanings of words with the root «sniff» with the prefix v- (to sniff, to sniff), vy- (to sniff, to sniff, sniffing, to sniff,

to sniff), do- (to sniff, to sniff, to sniff, to sniff), za- (zanyukhannyy, to sniff, to sniff), na- (to sniff, to sniff, to sniff, to sniff), ob- (to sniff, to sniff), pere- (to sniff, to sniff, to sniff, to sniff), po- (to sniff, to sniff, to sniff, to sniff), po- + raz- (poraznukhat), pri- (to sniff, to sniff, to sniff, to sniff), pro- (to sniff, to sniff, to sniff, to sniff), raz- (to sniff, to sniff, to rakhnukhivatsya), s- (to sniff, to sniff). The scientific novelty consists in the selection and study of words with the root «sniff» from 23 dictionaries, and the identification of the meanings of prefixes in the provided material. As a result, 632 headwords with the seme 'olfactory' were identified from 23 dictionaries, 57 of which have the root «sniff». The meaning of the root «sniff» has been determined - «to inhale through the nose; to smell». The following meanings of words with the root «sniff» and the prefix have been analyzed: in- (inside the smell); vy- (by smell); do- (to smell to the limit); za- (to smell strongly); na- (to smell very much); ob- (to smell around); pere- (to smell very much; to smell a lot); po- (to smell a little); pri- (to understand with the help of smell); pro- (to recognize with the help of smell); raz- (to recognize by smell); s- (to connect for something).

Key words: influence of the prefix on the meaning of the root, the root «smell» in headwords, headwords with the seme «olfactory», meanings of words with the root «smell».

Sabitova A.M.
Kmin A.I.

Stylistic and semantic features of adjectives in modern youth slang

The need to study the functioning of adjectives in youth slang is closely linked to the role of social media and instant messaging apps in their lives. These communicative spaces undergo rapid change. Adjectives become «viral,» their meanings evolving and blossoming depending on context. Teenagers readily use unusual synonyms, homonyms, and metaphors to express adjectival meanings. This creates a profound connection between language and the cultural processes that engage youth communities. As a result, words undergo recodification, confirming the vibrant interaction between language and society.

The use of adjectives in youth speech serves not only as a marker for conveying characteristics of objects but also as a complex social tool, facilitating integration and identification within a group. The role of adjectives as concepts of various emotional states and sociocultural tendencies is increasing. Teenage slang exhibits certain patterns that can be viewed as a reflection of the internal culture and diversity of society. The unique structures that characterize this speech are also highlighted in the context of lexical borrowings and adaptations, as confirmed by numerous lexicographic sources. Comparisons with other social groups and the characteristics of their linguistic practices allow us to deepen our understanding of the speech mosaic of modern youth, their aspirations, and their perception of reality.

Key words: adjective, youth slang, adjectivization, semantics, style, identification, communicative space, stylistic characteristics, mentality.

Novichkova O.V.

Methods of teaching Russian in modern schools

The paper examines the peculiarities of the methodology of teaching Russian in modern schools, focuses on the transition from traditional to innovative approaches aimed at the formation of language competence and communication skills of students. The study reveals that the modern methodology is based on the principles of consistency, clarity and practical orientation, integrates traditional and modern pedagogical technologies, including the flip classroom, project activities and information and communication technologies (ICT). The article examines in detail traditional methods (explanatory and illustrative, reproductive, problem-based learning), as well as innovative technologies such as flip class technology, project activities, game methods and a communicative approach that create conditions for active interaction and the development of communication skills. The role of the teacher is interpreted as the organization and facilitation of the educational process, stimulating independence, critical thinking and self-control. Particular importance is attached to a personality-oriented approach, the use of game methods and differentiated work with students. The role of the teacher as an organizer of the educational process and a facilitator contributing to the development of critical thinking and independence is emphasized.

In conclusion, the author concludes that the modern approach is focused on the practical application of language in various spheres of life, preparing students for real communicative situations and adapting learning to the digital age.

Key words: teaching methods, Russian language, modern school, language competence, communicative approach, traditional methods, innovative technologies, information and communication technologies, personality-oriented approach, differentiated learning.

Kungurova I.M.
Zalevskaya V.Y.
Kolesova Y.A.
Lonshakova D.D.
Chervova A.A.

Development of secondary school students' socio-cultural competence at English lessons by means of English-language literary works

The article examines the potential of using authentic English-language literary works as an effective tool of the formation of the secondary school students' socio-cultural competence (grades 5-9). They study the mechanisms of integration of literary material into the educational process for the development of empathy and understanding of the historical context of the texts. Using the specific examples of the literary works the authors analyze the methods and techniques of the work aimed at achieving metasubject educational results according to the requirements of the Federal State Educational Standard.

Key words: socio-cultural competence, secondary school students, English, English-language literature, intercultural communication, empathy, meta-subject results.

Ilyasov V.S.

Phraseology of Surah "The family of Imran"

The article characterizes Arabic phraseological units as building blocks of language that make statements expressive, emotional and figurative. The work defines and analyzes phraseological units mentioned in the third sura, "The Family of Imran," of the Holy Quran. The internal form of phraseological units is analyzed, which allows us to draw some conclusions about the Quranic YKM associated with the reflection of the principles of the anthropocentric approach to cognition in the linguistic consciousness of man.

Key words: Quran, Arabic language, phraseological unit, linguistic picture of the world, Quranic worldview.

Dolgenko A.N.
Lytkina O.I.

Set phrases in academic text

The article examines the features of the functioning of set phrases in scientific-style (academic) texts. Set expressions (phraseological units and clichés) influence the structure and perception of an academic text, ensuring its logicality, precision, and stylistic neutrality. They lend the text objectivity and impartiality, logical sequence and clarity, while enhancing its expressiveness.

Key words: functional styles of the Russian language, scientific style, phraseological units, clichés.

Vasilchenko O.A.

Historical memory and the social institution of the family in the Far East as its keeper using the example of the Great Patriotic War of 1941–1945

In this article, the author formulates its goal: to reveal the significance of the social institution of the family in the Far East in preserving the historical memory of the Great Patriotic War of 1941–1945. To further understand the problematic, the author outlines the development of the social institution of the family in the Far East and its deformation under war conditions. The main part of the article analyzes the historical memory of the Great Patriotic War of 1941–1945, specifically characterizing its forms (state and public events), their principles, and methods for strengthening

the historical memory of the war. The author focuses on the role of the family in these processes. The author logically links the issues raised in the article with current events—the Special Military Operation—identifying common and specific features, and demonstrating the danger of the loss of historical memory of the war by the ruling elites of modern Europe and the United States. The article notes the importance of strengthening international solidarity through this foundation. Ultimately, the author argues that within a country, historical memory is strengthened by the actions of the state and the family.

Key words: social institution of the family, historical memory, Great Patriotic War, deformation, Special Military Operation, Far East, USSR, China.

Ponomarenko E.V.
Kazantsev V.P.
Popov G.G.

The Polish campaign of the wehrmacht in 1939 and the Soviet military factor

The authors of this article, using publications of recent years and captured German documents, tried to answer the question of whether the entry of Soviet troops into Poland on September 17, 1939 influenced the collapse of the Second Polish-Lithuanian Commonwealth. This problem, which is being actively developed in the modern Polish Republic, has a positive response there. However, after studying little–known archival documents (first of all, the documents of the 14th Army of the wehrmacht, which attacked Krakow and Lviv in September 1939), the authors conclude that the actions of the Red Army had little effect on the course of the Polish campaign. On the contrary, the entry of the Soviet Union into Poland was a forced measure that ultimately weakened the economic potential of the Nazi regime. Regarding the direct actions of the troops in September 1939, the authors conclude that the Polish high command was unable to organize a counterattack from Warsaw after September 9, 1939 to support its troops on the Bzura River. This was the main reason for the rapid defeat of the Polish army by the wehrmacht, but not the Soviet invasion on September 17, 1939.

Key words: World War II, the Polish campaign of 1939, the western campaign of the Red Army on September 17, 1939, the Ribbentrop-Molotov Pact, Poland in World War II.

Kazantsev V.P.
Ponomarenko E.V.
Raizman V.V.

The art of education at military universities: creating a model of an effective educational environment

The authors relying on previously insufficiently studied Soviet and German documents analyze the potential of the Western Front in the early days of the Great Patriotic War. Using the example of the Western Front, the authors prove that the USSR's preparations for such a large-scale war turned out to be insufficient, in particular, the tank formations of the Western Special Military District did not complete rearmament before the start of the Great Patriotic War, and the same applies to the Air Force of this district. Using the example of the Western Front of the Red Army, it is shown that the catastrophe of the summer of 1941 It was caused, among other things, by the insufficient equipment of military units with material, the level of equipment in some areas did not even meet the standards of the end of the First World War. The defeat of Soviet troops in the first days of the Great Patriotic War on the territory of Belarus was largely caused by the poor preparation of the district's Air Force to repel a possible attack. In particular, the district lacked high-altitude fighters. In addition, the artillery of the Western Special Military District had a shortage of weapons and was technically lagging behind the German artillery, which already had rocket-propelled mortars.

Key words: The Great Patriotic War, the Western Special Military District, the Western Military Front, Operation Barbarossa.

Yakhimovich S.Y.

«Three zeros means Conference»: the professional union of metalworkers in the area of the China-Eastern Railway in the 1920s

The article is devoted to the activities of one of the small Soviet trade unions of metalworkers in the area of the China-Eastern Railway (CER), which operated here in the 1920s. The specifics of the situation in which the trade union had to function, its structure and main areas of work are revealed. The conclusion is made about the relative effectiveness of the professional association of metalworkers, which became part of the Soviet socio-political model in a foreign territory, in the context of conflicts on the CER and strict police control.

Key words: China-Eastern Railway (CER), trade union, metalworkers, sec-tion, board.

Ermishkin V.V.
Matyukhanova V.N.
Zavorokhina N.S.

Features of the development of constitutionalism in Russia: historical aspect

The article examines the development of constitutionalism in Russia as a key aspect of the rule of law. The starting point for solving this problem is the analysis of the historical development of constitutionalism, since certain stages of the development of the rule of law are associated with the development of various socio-economic relations in our country. The relevance of this topic lies in the fact that the Constitution, being the supreme law of the state, reflects a certain consensus of society and government at different stages of their development. Each such stage includes certain specifics and issues of time, which are reflected, among other things, in documents of constitutional content. The purpose of the article is to examine the phenomenon of constitutionalism and the Constitution from a historical point of view. For this purpose, the work defined the Constitution and the main stages of its development from the Time of Troubles to the present day.

Key words: constitutionalism, constitution, history, rule of law, ideology.

Temmoev I.Y.
Akkieva S.I.

Administrative and judicial reforms in the post-reform period in the territory of the Terek region (based on the example of Balkaria)

The article is devoted to the study of administrative and judicial reforms carried out in the post-reform period (the 1860s and 1870s) in the Terek region, using the example of Balkaria. It examines the process of reforming administrative management, including the creation and functioning of rural societies and volosts, as well as the impact of judicial reform on the traditional legal institutions of Balkarian society. Special attention is given to analyzing the challenges that arose during the implementation of the reforms, taking into account the socio-cultural characteristics of the region. The study is based on archival materials, legislative acts, and ethnographic sources, which allows us to identify both general trends characteristic of reforms in the Russian Empire and specific features determined by local conditions.

Key words: administrative reforms, judicial reform, Terek region, Balkaria, post-reform period, rural societies, volosts, traditional law, adats, North Caucasus.

Zabbarova L.M.
Tuhvatullin A.H.
Kostina E.N.

Historiography of the Tatars of the Southern Urals

This article provides a review of historical and historiographical sources devoted to the study of the peoples of the Southern Urals, and in particular, the Tatar population. It highlights the sources and methodological foundations of Tatars and Bashkirs history in the Ural region research in various historical periods.

Key words: historiography, Ural region, Southern Urals, Tatars, Bashkirs, Russia.

Zubov A.Yu.

The social appearance of naval officers of the Russian Empire during the Russo-Japanese War of 1904-1905

The article examines the social profile of officers in the Russian Navy during the Russo-Japa-

nese War of 1904-1905 based on a comprehensive analysis of archival materials, memoirs of war participants, and historical research, including works by S.O. Makarov, V.I. Semenov, and E.R. Yegoryev. It has been established that naval officers, predominantly from the noble class, were characterized by high moral qualities, a readiness for self-sacrifice for the Fatherland, and a strict political orientation towards the monarchy, which excluded affiliation with any political parties. Particular attention is given to the issues of professional training for the officer corps: it has been revealed that the education system in the Naval Corps, despite providing quality basic training in the fields of physical sciences and military tactics, did not ensure the development of skills for managing modern combat ships and did not encourage a desire for independent knowledge enhancement. The analysis conducted showed that by the beginning of the war, the senior naval leadership demonstrated significant gaps in practical combat skills, and graduates of the Naval Corps exhibited lower motivation for service compared to officers educated in other institutions. The scientific novelty of the research lies in the comprehensive analysis of the social and professional characteristics of the naval officer corps based on a wide range of historical sources, including previously unexamined archival documents.

Key words: Russian-Japanese War, naval officers, Naval Corps, Fatherland, nobility, technical skills, combat training.

Zuev A.V.

Russian commercial shipping company (1912-1917)

This article is the first attempt to analyze the history of the creation and functioning of the Russian Commercial Shipping Company (RCSC). It is noted that the country's need to organize regular maritime transport and improve trade relations with foreign countries influenced the creation of new companies in Russia. A striking example of such an enterprise is the formation of the RCSC, which began its commercial operations in 1912. The company's steamships were in good condition, allowing them to be maintained in the highest class by Lloyd's. In the same year, 1912, the London insurance company Lloyd's published the latest edition of its directory of flags and pennants of shipping companies worldwide. Among them was the RCSC flag. Coal, timber, and grain were transported by steamships across the Black, Azov, Mediterranean, and Baltic Seas. Despite all the cataclysms, RCSC remained a profitable enterprise. Following the October Revolution, the Council of People's Commissars' Decree «On the Nationalization of the Merchant Marine» of January 26, 1918, declared the Company's assets national property. The Russian Commercial Shipping Company made a significant contribution to the development of commercial shipping in Russia in the early 20th century.

Key words: Russian Commercial Shipping Company, shipping company, merchant shipping, steamship, charter, profit, shareholders, shares.

Kozlov V.A.
Mikheyev D.Y.

Periodical press of Siberia during the Great Patriotic War

The 80th anniversary of Victory Day, celebrated amidst the ongoing Special Military Operation, has sparked particular research interest in various aspects of the Great Patriotic War. The author believes that of particular scholarly interest is how, despite the severe defeats of the first stage of the war, the periodical press quickly managed to turn the tide and inspire the population of the USSR to achieve victory over a ruthless and motivated enemy—Nazi Germany. Having withstood the massive onslaught of the Nazi propaganda machine, the Soviet Union's periodical press subsequently went on the ideological offensive, making a significant contribution to fostering unity between the front and the rear, strengthening the Soviet people's faith in the leadership of the state and the army, and the inevitability of the enemy's complete defeat. Western Siberia's main newspaper, Sovetskaya Sibir, also contributed to patriotic education. Based on Sovetskaya Sibir publications from 1941-1945, this article is devoted to: The author analyzes the main areas of work on patriotic education of the population of Siberia during the Great Patriotic War.

Key words: Great Patriotic War, patriotism, patriotic education, means of patriotic education, press, Siberia during the Great Patriotic War.

Orlov E.I.

The USSR and the limitropha countries in the system of soviet interests

The article is devoted to the analysis of the role and place of the limitrophic states (Finland, the Baltic states, Poland, Romania) in the Soviet foreign policy doctrine of the 1920s and 1930s. The author examines how these countries, which emerged on the western borders of the former Russian Empire, became a «buffer zone» («cordon sanitaire») between the USSR and the West. Special attention is paid to the dual policies of the limitrophes themselves, balancing the interests of the USSR, Germany and the Western powers, as well as their growing economic dependence on the Third Reich by the end of the 1930s.- x years. The article proves that it was the intertwining of ideological attitudes, the geopolitical interests of the great powers and the internal weakness of the limitrophs themselves that turned the region into a zone of constant tension, which largely predetermined the diplomatic crisis on the eve of World War II.

Key words: limitrophic states, the cordon sanitaire, Soviet foreign policy, the interwar period, the Baltic States, Finland, Poland, Romania, the Versailles system, collective security, geopolitics, the Third Reich, economic dependence, the non-aggression pact.

Aibazov A.I.
Skhalyakho R.A.

To the question of the presence of the ethnonym «Alan» in the Svan language (based on materials from the first half of the 19th century)

Language is a valuable historical source, the study of which is especially important for peoples who lacked a developed written tradition. Ethnonymy, a branch of onomastics that studies the names of various ethnic groups, can provide interesting data for historians. Using materials from the mid-19th century, the authors examine the presence of the ethnonym «Alan» in the Svan language. This study was prompted by the contents of the manuscript «Svanetia», discovered in the collection of the St. Petersburg Theological Academy in the Manuscript Department of the National Library of Russia. According to this manuscript, the Svans called the Karachays «Alan.» This fact has not previously been encountered in specialized literature. Consulting other sources from the same period allows us to partially confirm the information contained in the manuscript. However, the authors believe that this cannot be confirmed with certainty. The researchers note the limited materials and sources on the Svan language available to Russian-speaking researchers. Studying the Svan language could provide important information for the history of the entire North Caucasus.

Key words: Ethnonym, Alans, Svans, Karachays, Balkars.

Tutaeva L.O.

The influence of neophyticism on the traditional values of the Ingush people

This paper examines one form of artificial kinship – kinship by religion (faith).

The aim of this paper is to analyze the influence of neophyteism on social structures and kinship relationships in Ingush society. Forms of neophyteism, such as brotherhood and sisterhood, are examined. Various aspects of the phenomenon of brotherhood in religion, including its characteristics, for example, in Islam, are discussed.

Both the positive and negative aspects of brotherhood in religion are noted, leading to both social cohesion and disunity, respectively.

The paper also examines the main markers of religious identity.

Key words: neophytes, artificial kinship, religious identity, brotherhood, sisterhood, superethnos.

Fan-Yung G.Yu.

The role of the Z.M. Persitz factory in the development of the Nizhny Novgorod region in the early XXth century

Introduction. The study of the influence of the chemical industry on the socio-economic development of Russia before 1917 does not occupy a proper place in the works of modern historians. Information about the state of the chemical industry and its various sub-sectors, as a rule, is

very superficial, demonstrating a desire for some kind of «generalization» in the spirit of «narodnik» economists. A direct consequence of such «generalizations» is the unjustified notion of the «natural» absence of large, knowledge-intensive and advanced chemical industries in «lapotnaya» and «backward» Russia on the eve of the First World War.

Mission. In the presented work, an attempt is made to clarify the importance of the Z.M. Persitz plant in the structure of regional industrial production during the designated period.

Materials and methods. Published and unpublished sources were used in the preparation of the presented work. The former include monographs, scientific articles, and statistical information. Unpublished sources are represented by relevant documents stored in the Russian State Historical Archive (RGIA). The work uses general principles of historical knowledge (principles of historicism, objectivity, etc.) and special methods of historical research, including historical and genetic.

Results and scientific novelty. The claims about the «absence» of a chemical industry in Russia before 1917, as well as the general underestimation of its impact on the economic and, consequently, social development of individual regions, ultimately contradict not only the existing fundamental works on the history of the chemical industry, published back in the 1940s – 1960s in the USSR, but also other published works. and unpublished sources. Moreover, some production facilities in this industry have not only been successfully operating for over a century and a half, but throughout this time they have had an objective impact on the dynamics of public relations in the territories of their deployment. One of such enterprises should be considered the Nizhny Novgorod (Kanavinsky) oil and techno-chemical Plant of Z.M. Persitz (later, Salolin JSC, and now the Nizhny Novgorod Fat and Oil Combine).

Key words: Industrial Revolution in Russia, the pre-revolutionary chemical industry, Z.M. Persitz, Nizhny Novgorod (Kanavinsky) oil and «techno-chemical» plant, salolin.

Khvan D.A.

Methodology of institutional adaptation of the political system to the challenges of the VUCA world: legacy of the past

The article is devoted to the development of a methodology for the institutional adaptation of political systems to the challenges of the VUCA world (variability, uncertainty, complexity, ambiguity). It is shown that similar conditions have occurred in different historical epochs and caused government reactions in the form of crises, reforms, wars, and technological shifts. The purpose of the work is to identify patterns of institutional adaptation and propose a model of comparative analysis. The methodological framework includes historical and political analysis and typologization of adaptation strategies. Using the example of the British Empire and the USSR, key historical reactions and their combinations are highlighted. The author's model describes the stages of institutional adaptation of the political system from crisis awareness to stabilization and allows us to extrapolate historical examples to the analysis of modern factors of the VUCA world. The conclusion is made about the importance of the historical dimension and the prospects of applying the author's model in comparative political research.

Key words: political systems, institutional adaptation, VUCA-world, variability, uncertainty, complexity, ambiguity, retrospective analysis, methodology.

Khubieva A.A.

Historical aspect of the formation of the institute of personal data in Russia

This article traces the historical stages of the formation of the right to privacy and protection of personal data in Russia. It begins with ancient Russian times, where the norms protecting housing and personal correspondence were first recorded, and continues with the development of legislation in the era of feudalism, Peter the Great's reforms and the 19th century, including the codification and consolidation of the secrecy of correspondence. Particular attention is paid to the Soviet period, when the rights to personal inviolability received constitutional enshrinement and international recognition, as well as the development of the institute for the protection of personal data in post-Soviet Russia. The article analyzes key regulations, starting with pre-revolutionary charters and ending with modern laws governing the processing and protection of personal data,

which indicates the gradual formation of a legal system focused on protecting the personal rights and freedoms of citizens.

Key words: genesis of personal data protection and privacy, history of Russian legislation, confidentiality of correspondence, right to privacy, information security, formation of constitutional guarantees.

Ermishkin V.V.
Matyukhanov V.N.
Sinegubov S.N.

The formation of a consumer society in the USSR in the 1950s and 1980s as a factor of cultural and economic integration into the global capitalist system

The term «consumer society» is traditionally used to characterize capitalism as it entered a new stage after World War II. The mobilization of all state material resources during the war and the increased military spending associated with the Cold War did not fully meet the needs of the population in the post-war period. The emergence of consumer society in the USSR dates back to the 1970s, when the quality of «being» changed, people began to experience a «taste of the good life,» and they demonstrated an increasing desire to improve their well-being. Objects began to be valued not only for their practical function but also for the social symbols they embodied. Consumption became a tool for self-identification, socialization, and the construction of a public self. This article examines the emergence of consumer society within the Soviet state, its characteristics, and the specifics of its development in the post-Soviet space. The relevance of this topic lies in the fact that consumer society is the dominant type of economic relations in the countries of the former USSR. The purpose of this article is to examine consumer trends as a factor in cultural and economic integration into the global capitalist system.

Key words: consumer society, socialism, capitalism, values, economy.

Lebedev A.L.
Lichak N.A.

Discursive practices and everyday social realities in Soviet higher education newspapers (late 1950s – early 1960s): the YMI and YTI experience

The article examines the role of Soviet university multi edition newspapers («Za meditsinskie kadry» of the Yaroslavl Medical Institute (YMI) and «Za tekhnicheskie kadry» of the Yaroslavl Technical Institute (YTI) as historical sources for studying everyday life and institutional transformations in 1958–1965. Through analysis of publications, the study identifies key thematic areas (academic and research activities, everyday life, leisure, participation in nationwide projects) and reveals the specific discourses of technical and medical higher education institutions. The research demonstrates that university press served not only as a propaganda tool but also as a feedback channel between administration and students, documenting real life challenges and the adaptation of higher education to the reforms of the «thaw» era. The findings underscore the significance of multi edition newspapers as sources for reconstructing social practices and communication mechanisms in late Soviet society.

Key words: university press, Soviet everyday life, «thaw» period, multi edition newspapers, Yaroslavl Medical Institute, Yaroslavl Technical Institute, educational reforms, student life.

Kalchenko P.D.

The influence of the Nazi occupiers on the spiritual and religious worldview of children in Voroshilovgrad (1942-1943)

The article analyzes the impact of the Nazi German occupiers on the spiritual and religious worldview of children in the city of Voroshilovgrad during 1942–1943. Special attention is paid to the study of personal sources, namely written recollections of children about their experiences under Nazi German occupation. The role of religious propaganda in the use of children for forced labor is revealed. It is noted that, in order to exercise full control over the religious life of the occupied territories, the Nazi German invaders needed to "separate" the church of Voroshilovgrad from the Russian Orthodox Church. Therefore, the authorities in the city focused on the creation of autocephalies (self-governing religious organizations dependent on the Autocephalous Orthodox Church located

in Kyiv). Clergy were persistently encouraged during sermons and church ceremonies to express loyal sentiments toward Adolf Hitler and the Third Reich, to emphasize the merits and significant role of the Nazi German occupiers in reopening church institutions, and to promote the allegedly correct and just policies of the new authorities in Voroshilovgrad.

The article employs systematized research methods, including historical description, the retrospective method, and the method of historical reconstruction. The study is based on comparing facts with the research of predecessors in order to determine the reliability, validity, and objectivity of the results obtained. To date, the spiritual and religious life of Voroshilovgrad during the period of Nazi German occupation in the years of the Great Patriotic War has not been comprehensively analyzed.

In the concluding part of the article, it is stated that the influence of the Nazi German occupiers on the spiritual and religious worldview of children in Voroshilovgrad was permissive in nature. The inadmissibility of distorting the scientific history of the Great Patriotic War is emphasized, as well as its significance not only as a specific stage in the life of the nation, but as part of the entire centuries-old history of the Fatherland and its future. The sense of involvement in Victory Day, which made it possible to save our country and the entire world from the threat of Nazi German enslavement, is also highlighted.

Key words: history of the Fatherland, the city of Voroshilovgrad, Nazi occupiers, spiritual and religious worldview of children, written memoirs of children.

Ryabova E.L.
Ternovaya L.O.

Ubuntu in global politics: an ethics of interdependence for a new era of international relations

In the context of increasing global turbulence and the crisis of the liberal world order, there is a need to find new ethical foundations for international dialogue. This article examines the influence of morality on international relations through the concepts of Finnish-Canadian political scientist Kalevi Holsti and proposes the philosophy of Ubuntu, which originated in South Africa, as an organic value system capable of serving as a bridge between civilizations. Ubuntu emphasizes interdependence, empathy, harmony, and hospitality, offering ethical models for global cooperation and peacebuilding. The article analyzes the potential of Ubuntu and other cultural-national ethical models in shaping a polycentric ethics of international relations in the 21st century.

Key words: Ubuntu, international relations, world order, ethical models, polycentric ethics, interdependence, global cooperation.

Yartsev S.V.
Martynenko A.Y.

The political history of the southern Thracians in foreign and domestic historiography

A cursory analysis of the literature shows that the history of the southern Thracians is poorly represented in Russian historiography. Meanwhile, the study of Thracian history in foreign science has been going on for more than a century. Almost every year, not only special and generalizing works on various issues of Thracian history are published, but also research on historiography. There were no such works in Russian, which the authors of this article tried to correct. At the same time, it was in Russia that some of the first works on this topic were published. Soviet science made an important contribution to the development of thracology. In recent years, there has been a renewed interest in this area of historical knowledge in Russia.

Key words: historiography, Thracology, southern Thracians, political history, Odrysian kingdom, Thrace.

Salikhov R.T.
Gali B.T.
Galiullin R.R.
Gataullina L.N.

The historical evolution of religious mysticism in Islam

This article presents a comprehensive analysis of Islamic religious mysticism (Sufism, or tasaw-

wuf) as a multifaceted and evolving phenomenon. It traces the historical development of Sufism from its origins in early asceticism (zuhd) in the 8th–9th centuries, through the classical period of doctrinal formation, to its subsequent institutionalization into brotherhoods (tariqas). The study examines the philosophical foundations of Sufism, such as the concept of the «Oneness of Being» (wahdat al-wujud) by Ibn Arabi, and its core spiritual practices (e.g., dhikr, muraqaba). It analyzes the socio-political role of Sufi orders, using the Mevlevi order as a case study, focusing on their interaction with state power and the enduring criticism from orthodox theologians. The discussion also addresses scholarly debates on the origins of Sufism, contrasting hypotheses of its intra-Islamic roots with those emphasizing external influences.

Key words: Sufism (tasawwuf), Islamic mysticism, wahdat al-wujud, tariqah, dhikr, ma'rifa, Ibn Arabi, al-Ghazali, Mevlevi, religious brotherhood, religious philosophy.

Demidov A.V.

Russia and the Baltic States: a historical retrospective. Part two: Livonian War 1558–1584

The article discusses the reasons that prompted the government of Russian Tsar Ivan IV Vasilyevich to start a war in Livonia. The main reasons that led to Russia's defeat in this war are analyzed.

Key words: Livonian War, «Yuriev tribute», Tsar Ivan IV Vasilyevich, German feudal lords, Livonian Order, Grand Master, armistice, Grand Duchy of Lithuania, Union of Lublin, Polish-Lithuanian Commonwealth, Stefan Batory, Crimean Tatars, Turks.

Adzhieva Z.I.
Borlakova F.A.
Kulchaev B.A.

Issues of social and property differentiation of the population of Karachay and Cherkessia during the NEP years

This article examines the current issues of social and property differentiation of the population of Karachay and Cherkessia during the years of the New Economic Policy (NEP, 1921–1928). The main trends in the transformation of the social structure of the rural population in the region are analyzed, including the growth of the middle peasant class, the reduction in the share of poor peasants and farm laborers, and changes in the property status of peasant households. Special attention is paid to the challenges of statistical methodology for assessing property differentiation and the influence of economic and political factors on social stratification processes. The study identifies the specific features of regional changes characteristic of the peripheral mountainous areas of Soviet Russia during the transitional period and emphasizes their significance for understanding the development of the local economy and social policy in the 1920s.

Key words: Karachay, Cherkessia, NEP, social differentiation, property stratification, middle peasants, poor peasants, peasantry, statistics, economy, agriculture, collectivization, mountainous regions, 1920s.

Al Esbili F.S.M.
Al Rahabi M.A.M.

Foreign policy of the united Yemen (1990–2011)

The unification of Yemen in May 1990 marked a turning point in its geopolitical history, uniting the territories of North Yemen and South Yemen. This created a single state with a long Red Sea coastline and control over the strategic Bab el-Mandeb Strait. This transformation allowed Sana'a to adopt a multi-vector foreign policy, combining economic cooperation, naval security, and participation in multilateral initiatives. This article analyzes how unification laid the foundation for Yemen's emergence as a key player in regional processes in the Red Sea between 1990 and 2011, emphasizing its role as a «geopolitical arbitrator» between global powers and neighboring states.

This article examines the evolution of the Republic of Yemen's foreign policy in the Red Sea region between 1990 and 2011. The analysis covers the formation of geostrategic priorities after unification, the development of port infrastructure and transport corridors, naval cooperation with the US and the GCC, the fight against piracy and cross-border threats, and legal and en-

vironmental security. Particular attention is paid to multilateral mechanisms, such as joining OPEC, ratifying UNCLOS, participating in EU NAVFOR and CTF-151 operations, creating UN humanitarian corridors, and integrating Belt and Road projects. Key factors in Yemen's multi-vector strategy are identified: a balance between economic, military-political, and humanitarian interests, which has allowed Sana'a to maintain its independence and act as a «geopolitical arbiter» in complex regional conditions.

Key words: Yemen, Red Sea, foreign policy, Yemeni unification, multi-vector policy, Bab el-Mandeb.

Antwi B.B.

The impact of the Lomé IV Convention (IV: 1990-2000) on trade performance in Ghana

The Lomé Conventions are trade and aid agreements between the European Economic Community (EEC) and forty-six countries in Africa, the Caribbean and the Pacific (ACP). The objectives and principles of the first Lomé Convention were agreed upon in Lomé, Togo, in 1975. After that three more conventions were signed. One of the main considerations for Ghana's participation in the Lomé IV Convention was the expectation that many structures, trade patterns and trade flows in West Africa in general, and in Ghana in particular, would change. The aim of the article was to examine the impact of the Lomé IV Convention on trade performance in Ghana, in particular, on the Ghana's exports and imports of goods and services. The data was gathered from both primary sources. The data used in this study rely mainly on the estimates of sectoral production volumes, import and export as well as trade performance as reported in the available issues of the Quarterly Digest of Statistics (Ghana Statistical Services - GSS). Nine (9) GDP data were taken from IMF and World Bank databases and updated with current data received from authorities and IMF estimates. The study shows Ghana's trade volume over the last four years of the Lomé IV Convention. With the exception of the 1998 downturn, Ghana's trade increased continuously due to the non-reciprocal character of the Lomé IV Convention. The Lomé IV Convention did not, however, increase ACP exports to the EU market, according to the data, which showed that the ACP nations' market share had actually decreased from 6.7% in 1976 to 2.8% in 1998 and then to 1.3% in 2000. This is explained by the fact that ACP state exports are not competitive. Ghana gained from the Lomé IV Convention in its early years, but its potential gains and commercial development were hindered and halted over time by the nation's reliance on agriculture in the 1990s, lack of diversification, and internal conflict.

Key words: Lomé IV Convention, Ghana, trade performance, export, import.

Kovalev A.V.

The influence and significance of John Locke's political doctrine

This article examines the political ideas of the renowned English thinker John Locke. The author analyzes the connections between Locke's concept and the formation of constitutional monarchy in England in the second half of the 17th and early 18th centuries, identifying the influence of such key events and processes as the English Revolution of the mid-17th century, the Restoration period, and the Glorious Revolution. The author evaluates Locke's contribution to the history of political thought. The article examines the influence of Locke's political conception on the socio-political thought of 18th-century France. The author examines the views of renowned French thinkers of the Enlightenment — Voltaire, Montesquieu, Helvetius, and Holbach — who found profound and convincing justification for the principles of constitutional monarchy in Locke's conception.

Key words: John Locke, Voltaire, S.L. Montesquieu, K.A. Helvetius, P.A. Holbach, England, France, political theory, liberalism, constitutional monarchy, enlightenment.

Malyshenko G.I.

Harbin military glory parade in 1945

This article examines the problem of organizing the Military Glory Parade in Harbin of Soviet troops, participants in the White Movement and anti-Japanese resistance in the People's Republic of China, Manchuria and Korea; the author analyzes the main stages of military cooperation between the USSR, China and the People's Republic of China in the fight against Japanese militarists; provides

a scientific analysis of the foreign policy activities of the above-mentioned states after the collapse of the Soviet state; identifies the facts of the heroism of the internationalist soldiers.

Key words: civil war, white movement, emigration, Kwantung army, militarism, Japanese military mission, puppet state, surrender, military losses, military and political results.

Balde H.U.

Cooperation between Portugal and guinea-Bissau in agriculture: achievements and challenges

The article is a comprehensive analysis of cooperation between Portugal and Guinea-Bissau in the agricultural sector, exploring both the historical heritage and modern projects aimed at developing agriculture in Guinea-Bissau. The purpose of the study is to identify achievements and challenges in bilateral cooperation, as well as to propose recommendations for improving mutual work. To achieve this goal, the author uses methods of comparative analysis, empirical evaluation of programs and projects, as well as data analysis on the results of the introduction of new technologies and modernization of agricultural infrastructure.

The study highlights the importance of agriculture for both countries, especially for Guinea-Bissau, where this sector remains a major source of employment and food security. At the same time, agriculture in Guinea-Bissau is facing many challenges, such as low productivity, limited resources, lack of qualified personnel and the negative impact of climate change. The article discusses key projects and initiatives such as the modernization of irrigation systems, improvement of agricultural infrastructure, training of farmers and the introduction of new technologies.

The results showed that, thanks to cooperation with Portugal, yields in the target regions of Guinea-Bissau increased by 20-25% from 2018 to 2023. Losses of agricultural products have also been reduced from 25-30% to 10% due to improved warehouse logistics and the creation of modern irrigation systems. At the same time, projects are hampered by political instability, limited financial resources, as well as a lack of qualified specialists and weak infrastructure.

Among the significant conclusions of the article, it is possible to highlight the need to further strengthen educational programs, exchange experience and increase financing of agricultural projects with the support of international organizations. The prospects for the development of bilateral cooperation are to continue the focus on sustainable development and adaptation to climate change. It is recommended to involve international partners, such as the World Bank and FAO, to provide additional financial and technical assistance, which in the future may lead to strengthening the social and economic stability of the region and improving food security.

Key words: Portugal, Guinea-Bissau, agriculture, cooperation; sustainable development, innovative technologies, agricultural infrastructure, education, climate challenges, international organizations, IICT, ADC, FAO, UNDP, World Bank.

Qi Jiaxu

Comparative study of socialist law with Chinese characteristics and Russian Sovereign law

China and Russia belong to the same transition countries from a planned economy to a market economy society. Historically, Chinese law has been deeply influenced by Soviet law. The theory of the legal system was born out of the Soviet Union, and Russia, as the successor of the Soviet Union's legal rights and obligations, also adheres to Soviet theory and doctrine at the technical level of legal theory. However, law is the product of social policy. China and Russia are very different in their social reform ideas, guiding ideology, direction and goals, and there can be no doubt that there are huge differences in the theory and practice of the legal system. The Russian legal system also emphasizes "characteristics", which is of course different from "Chinese characteristics". In the perspective of comparative law, based on the theory of the legal system, the evolution of the Russian legal tradition can be divided into three stages before, during and after the socialist legal system. In these three stages, its legal tradition has always been divided between form and substance, and formal Westernization and substantial Russification have become a major feature of its development. The formation of this feature is closely related to various stable cultural factors such as politics, religion, and customs in the Russian civilization system. The Soviet legal system and legal theory have a profound influence on China. The contemporary socialist legal system with Chinese characteristics has a complex and

diverse legal and cultural background in the process of developing from a legal system with Chinese characteristics to a system of rule of law. How to deal with the relationship between traditional and modern, foreign and local cultures is of far-reaching significance to the road of the rule of law with Chinese characteristics.

Key words: comparative law, legal sovereignty, Chinese legal system, Russian law, digital legislation, non-western legal model.

Cui Jianping

The struggle of the powers over the management of the Sino-Eastern Railway in 1904-1917

Russia's construction of the China Eastern Railway prevented Japan's plans to establish dominance in Northeast China and became an important reason for the outbreak of the Russian-Japanese war. After the end of the war, the balance of power between the powers in the Far East continued to change, which caused a new round of competition between them for the management of the CER. At the same time, the construction of the CER became the cause of the financial crisis in Russia, which led to the aggravation of internal contradictions. These contradictions always manifested themselves in the First World War, which eventually led to the collapse of the Russian government and the failure of Far Eastern policy.

Key words: CER, Great Powers, Politics in the Far East, Northeast China.

Dolgushina P.S.
Shostak V.A.
Zavorokhina N.S.

The manifestations of religious fanatism in medieval Europe through the prism of the phenomenon of total extermination of cats

The article examines the historical perception of the manifestations of religious fanaticism among Europeans in the Middle Ages through the analysis of the phenomenon of mass extermination of felines. The relevance of this issue is undeniable, as these events are traditionally viewed separately from each other, but there is a direct connection between them. The persecution of cats is often viewed as a trivial coincidence, but in order to form an objective assessment of this phenomenon, it is necessary to consider it in the context of the manifestations of religious fanaticism in Europe, which was fueled by the power of religious doctrines. The article analyzes the historical context as a medium that influenced the public consciousness of Europeans regarding their perception of cats, by comparing the attitudes of people from other countries towards felines. The study examines the phenomenon of social tension relief and the classic mechanism of finding a common enemy as a way to shift the focus away from the most pressing social issues. The purpose of the article is to explore the extermination of cats not as a consequence of historical events, but as a method of implementing the phenomenon of religious fanaticism.

Key words: Europe, extermination, felines, witches, religion, hunting, fanaticism, dogma.

Авторы

Аджиева З.И. - кандидат исторических наук, доцент кафедры государственные и административно-правовые дисциплины. Юридический институт Северо-Кавказской государственной академии, г. Черкесск.

Айбазов А.И. - ассистент. Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, г. Карачаевск.

Аккиева С.И. - Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарский научный центр РАН. Дин, внс. сектора этнологии и этнографии.

Аль Есбили Ф.С.М. - студент. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Аль Рахаби М.А.М. - студент. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Антви Б.Б. - аспирант. Томский государственный университет, г. Томск. ORCID: 0009-0007-2632-8222

Балде Х.У. - аспирант. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Борлакова Ф.А. - кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальной работы ФБГОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева», г. Карачаевск.

Брагина Э.Р. - кандидат филологических наук, доцент отдела междисциплинарных научных исследований, инноваций и подготовки научно-педагогических кадров. Отдел междисциплинарных научных исследований, инноваций и подготовки научно-педагогических кадров. Государственное Бюджетное Учреждение «Институт экономических исследований». Донецк, Донецкая Народная Республика. SPIN-код: 3135-4159

Васильченко О.А. - доцент, профессор кафедры истории, философии и права. ФГБОУ ВО "Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет", г. Комсомольск-на-Амуре.

Гали Б.Т. - доктор исторических наук, доцент. Казанский государственный аграрный университет, г. Казань. SPIN-код: 5400-4697

Галиуллин Р.Р. - кандидат филологических наук, доцент. Набережночелнинский государственный педагогический университет, г. Набережные Челны. SPIN-код: 7370-7624

Гатауллина Л.Н. - кандидат социологических наук, доцент. Казанский государственный аграрный университет, г. Казань. SPIN-код: 2027-3278

Демидов А.В. - кандидат политических наук, доцент. Московский гуманитарно-экономический университет.

Долгенко А.Н. - доктор филологических наук, доцент. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Долгушина П.С. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Ермишкин В.В. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Заббарова Л.М. - кандидат исторических наук, доцент. Российский государственный университет правосудия.

Заворохина Н.С. - старший преподаватель. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Залевская В.Ю. - обучающаяся 4 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменский государственный университет.

Зубов А.Ю. - старший преподаватель кафедры №3 «Истории и управления персоналом». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени А.А. Новикова.

Зуев А.В. - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Мака-

рова. SPIN-код: 5203-1404

Ильясов В.С. - докторант Болгарской исламской академии. Мусульманская религиозная организация духовная образовательная организация высшего образования «Болгарская исламская академия», направление «Подготовка служителей и религиозного персонала религиозных организаций».

Казанцев В.П. - доктор исторических наук, профессор, Московского института современного академического образования (АНО ВО «МИСАО»).

Кальченко П.Д. - аспирант кафедры истории. ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени В. Даля», г. Луганск.

Кмин А.И. - бакалавр, 4 курс. Высшая школы педагогики и филологии Елабужского института Казанского федерального университета.

Ковалев А.В. - кандидат исторических наук, доцент. Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград. SPIN-код: 9736-5164

Козлов В.А. - кандидат педагогических наук. Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск.

Колесова Я.А. - обучающаяся 4 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменский государственный университет.

Костина Е.Н. - кандидат философских наук, старший преподаватель. Российский государственный университет правосудия.

Косырева М.С. - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков. Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии.

Кулчаев Б.А. - студент, Северо-Кавказская государственная академия, г. Черкесск.

Кунгурова И.М. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и методик их преподавания, начальник научного отдела. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменский государственный университет.

Лебедев А.Л. - кандидат исторических наук, доцент кафедры «Гуманитарные науки». Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль.

Личак Н.А. - доктор культурологии, заведующая кафедрой «Гуманитарные науки». Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль. SPIN-код: 1888-6273

Лоншакова Д.Д. - обучающаяся 4 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменский государственный университет.

Лыткина О.И. - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Малышенко Г.И. - доктор исторических наук, доцент. Частное учреждение образовательная организация высшего образования «Омская гуманитарная академия».

Мартыненко А.Ю. - кандидат исторических наук, начальник управления молодёжной политики, старший преподаватель экономического Факультета, Белгородский государственный аграрный университет имени Горина.

Матюханов В.Н. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Михеев Д.Ю. - кандидат исторических наук, доцент. Новосибирский военный институт войск национальной гвардии, г. Новосибирск.

Новичкова О.В. - Государственное бюджетное образовательное учреждение Школа № 777. Учитель русского языка и литературы.

Орлов Е.И. - магистрант, Сибирского Федерального Университета, г. Красноярск. SPIN-код: 1142-1688

Пономаренко Е.В. - кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательского отдела (качество военного образования) научно-исследовательского центра (военно-прикладных исследований) Военного университета.

Попов Г.Г. - кандидат экономических наук, научный сотрудник Московского института

современного академического образования (АНО ВО «МИСАО»).

Райзман В.В. - аспирантка Московского института современного академического образования (АНО ВО «МИСАО»).

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Сабитова А.М. - кандидат филологических наук, доцент. Казанский (Приволжский) федеральный уни-верситет, Елабужский институт (Казань), г. Елабуга.

Салихов Р.Т. - кандидат исторических наук, доцент. Казанский государственный аграрный университет, г. Казань. SPIN-код: 1382-2780

Синегубов С.Н. - доктор исторических наук. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Степанова П.С. - ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет». SPIN-код: 6554-1894 / ORCID: 0000-0001-5199-0049 / AuthorID: 905162

Схаляхо Р.А. - кандидат биологических наук, старший научный сотрудник отдела антропологии Музея антропологии и этнографии. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера), г. Санкт-Петербург.

Теммоев И.Ю. - кандидат политических наук, доцент. Кабардино-Балкарский аграрный университет имени В.М. Кокова.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Толоконникова О.А. - соискатель научной степени кандидата педагогических наук. Санкт-Петербургский Государственный Университет.

Тутаева Л.О. - старший преподаватель кафедры «Отечественная история». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ингушский государственный университет», Магас, Российская Федерация.

Тухватулин А.Х. - кандидат исторических наук, доцент. Казанский федеральный университет.

Фан-Юнг Г.Ю. - кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма». Республика Татарстан, г. Казань. ORCID: 0000-0003-4057-2209 / SPIN-код: 8275-8970 / Author ID: 57211502464

Хван Д.А. - независимый исследователь.

Хубиева А.А. - кандидат исторических наук, доцент кафедры общественно-научных дисциплин, Республиканское государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования «Карачаево-Черкесский республиканский институт повышения квалификации работников образования».

Ци Цзясюй - Алтайский государственный университет, г. Барнаул.

Цуй Цзяньпин - доктор истории, доцент. Институт государственного управления Хэйлунцзянского университета, г. Харбин.

Червова А.А. - обучающаяся 4 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменский государственный университет.

Шостак В.А. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Ярцев С.В. - доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого. Ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории исторической антропологии «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Яхимович С.Ю. - кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Федерального государственного казённого образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова», г. Хабаровск.

Authors

Adzhieva Z.I., PhD in History, Associate Professor, Department of State and Administrative-Legal Disciplines, Law Institute, North Caucasus State Academy, Cherkessk.

Aibazov A.I., Assistant at the Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev.

Akkieva S.I., Institute of Humanitarian Research – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Department of Ethnology and Ethnography, Higher Scientific Research Department.

Al Esbili F.S.M., Student. Peoples' Friendship University of Russia.

Al Rahabi M.A.M., Student. Peoples' Friendship University of Russia.

Antwi B.B., Graduate student. Tomsk State University. ORCID: 0009-0007-2632-8222

Balde H.U., Postgraduate student at the Peoples' Friendship University of Russia.

Bragina E.R., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Interdisciplinary Scientific Research. Innovations, and Training of Scientific and Pedagogical Personnel. Department of Interdisciplinary Scientific Research, Innovations, and Training of Scientific and Pedagogical Personnel, State Budgetary Institution "Institute of Economic Research", Donetsk, Donetsk People's Republic. SPIN-code: 3135-4159

Borlakova F.A., PhD in History, Associate Professor, Department of Philosophy and Social Work, U.D. Aliyev Karachay-Cherkess State University, Karachayevsk.

Chervova A.A., Student, P.P. Ershov Ishim Teachers Training Institute (branch) of Tyumen State University.

Cui Jianping, PhD (History), Associate professor, School of Government Administration, Heiliongjiang University.

Demidov A.V., PhD in Political Science, Associate Professor. Moscow Humanitarian and Economic University.

Dolgenko A.N., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor. Head of the Department of Russian and Foreign Languages, A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Dolgushina P.S., Student. P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (branch) Tyumen State University, Ishim.

Ermishkin V.V., Students. P.P. Yershov Ishim Pedagogical Institute (Faculty) Tyumen State University, Ishim.

Fan-Yung G.Yu., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Volga Region State University of Physical Education, Sports and Tourism. Republic of Tatarstan, Kazan. ORCID: 0000-0003-4057-2209 / SPIN-code: 8275-8970 / Author ID: 57211502464

Gali B.T., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Kazan State Agrarian University, Kazan. SPIN-code: 5400-4697

Galiullin R.R., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny. SPIN-code: 7370-7624

Gataullina L.N., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor. Kazan State Agrarian University, Kazan. SPIN-code: 2027-3278

Ilyasov V.S., Doctoral candidate at the Bulgarian Islamic Academy. Muslim religious organization, spiritual educational organization of higher education "Bulgarian Islamic Academy", Major: "Training of Ministers and Religious Personnel for Religious Organizations".

Kalchenko P.D., Postgraduate Student, Department of History. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "V. Dahl Luhansk State University", Luhansk.

Kazantsev V.P., Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Institute of Modern Academic Education.

Khvan D.A., Independent researcher.

Khubieva A.A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Scientific Disciplines, Republican State Budgetary Institution of Continuing Professional Education "Karachay-Cherkess Republican Institute for Advanced Training of Education Workers".

Kmin A.I., Bachelor, 4th year. Higher School of Pedagogy and Philology, Elabuga Institute, Kazan Federal University.

Kolesova Y.A., Student, P.P. Ershov Ishim Teachers Training Institute (branch) of Tyumen State University.

Kostina E.N., Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Social and Humanitarian Disciplines Russian State University of Justice.

Kosyreva M.S., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Order of Zhukov Novosibirsk Military National Guard Troops Institute.

Kovalev A.V., PhD (History), Associate Professor. Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd. SPIN-code: 9736-5164

Kozlov V.A., Candidate of Pedagogical Sciences, Novosibirsk military Institute of National Guard Troops, Novosibirsk.

Kulchaev B.A., Student, North Caucasus State Academy, Cherkessk.

Kungurova I.M., Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Department of the Humanities and Teaching Methods, Head of the Scientific Department, P.P. Ershov Ishim Teachers Training Institute (branch) of Tyumen State University.

Lebedev A.L., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Humanities, Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl.

Lichak N.A., Doctor of Culturology, Head of the Department of Humanities, Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl.

Lonshakova D.D., Student, P.P. Ershov Ishim Teachers Training Institute (branch) of Tyumen State University.

Lytkina O.I., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee.

Malyshenko G.I., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Private institution of higher education "Omsk Humanitarian Academy".

Martynenko A.Y., Candidate of Historical Sciences, Head of the Youth Policy Department, Senior Lecturer at the Economics Faculty of the Belgorod State Agricultural Univerisity named after V. Gorin.

Matyukhanova V.N., Students. P.P. Yershov Ishim Pedagogical Institute (Faculty) Tyumen State University, Ishim.

Mikheyev D.Y., Candidate of Historical Sciences, Novosibirsk military Institute of National Guard Troops, Novosibirsk.

Novichkova O.V., State Budgetary Educational Institution School No. 777. Teacher of Russian Language and Literature.

Orlov E.I., Master's student, Siberian Federal University, Krasnoyarsk. SPIN-code: 1142-1688

Ponomarenko E.V., PhD in History, research fellow at the Research Department (Quality of Military Education) of the Research Center (Military Applied Research) of the Military University.

Popov G.G., Candidate of Economic Sciences, Research Fellow at the Moscow Institute of Modern Academic Education.

Qi Jiaxu, Altai State University, Barnaul.

Raizman V.V., Graduate Student at the Moscow Institute of Modern Academic Education.

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Editor-in-Chief of the journal "Ethnosociety and Interethnic Culture".

Sabitova A.M., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Kazan (Volga Region)

Federal University, Elabuga Institute (Kazan), Elabuga.

Salikhov R.T., PhD in History, Associate Professor. Kazan State Agrarian University, Kazan. SPIN-code: 1382-2780

Shostak V.A., Student. P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (branch) Tyumen State University, Ishim.

Sinegubov S.N., Doctor of Historical Sciences. P.P. Yershov Ishim Pedagogical Institute (Faculty) Tyumen State University, Ishim.

Skhalyakho R.A., PhD of Biological Sciences, Senior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences.

Stepanova P.S., FSEI of HE "Samara State Social and Pedagogical University". SPIN-code: 6554-1894 / ORCID: 0000-0001-5199-0049 / AuthorID: 905162

Temmoev I.Y., Candidate of Political Sciences, Associate Professor. V.M. Kokov Kabardino-Balkarian Agrarian University.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Tolokonnikova O.A., Candidate for a degree in pedagogical sciences. Saint-Petersburg State University.

Tuhvatullin A.H., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Kazan Federal University.

Tutaeva L.O., Senior Lecturer, Department of Russian History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Ingush State University, Magas, Russian Federation.

Vasilchenko O.A., Associate Professor, Professor, Department of History, Philosophy, and Law, Amur State Humanitarian and Pedagogical University, Komsomolsk-on-Amur.

Yakhimovich S.Y., PhD in History, Associate Professor. Deputy Head of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of the I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk.

Yartsev S.V., Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor, Professor of the Chair of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; leading researcher research laboratory Historical anthropology «Belgorod National Research University».

Zabbarova L.M., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Social and Humanitarian Disciplines. Russian State University of Justice.

Zalevskaya V.Y., Student, P.P. Ershov Ishim Teachers Training Institute (branch) of Tyumen State University.

Zavorokhina N.S., Senior lecturer. P.P. Yershov Ishim Pedagogical Institute (Faculty) Tyumen State University, Ishim.

Zubov A.Yu., Senior lecturer of the Department of History and Personnel Management. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saint Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov".

Zuev A.V., Candidate of historical sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping. SPIN-code: 5203-1404

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЭТНОСОЦИУМ»

Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура» входит в Перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:

создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.

Редакционная подготовка (литературное и техническое редактирование), дизайн.

Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.

Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

* допечатная доработка (по желанию автора);
* редактирование;
* корректура;
* подготовка электронного макета;
* присвоение ISBN;
* присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
* разработка дизайна обложки;
* печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
* передача 16 экземпляров в Книжную палату;
* рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 772-19-99
e-mail: etnosocium@mail.ru